Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Lif-Gardets
Finska Skarpskytte-Bataillons
BIBLIOTHEK.
Fernte Afdelningen.
№ 24.

~~Uns 154 ar.~~

~~Vet. Slav. [illegible]~~
~~Rm 6 (Wind [illegible] 2)~~
Vol. DK4. S277.085

Digitized by Google

1842

1-2

Digitized by Google

Digitized by Google

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Журналъ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Часть I.

№ 1. — ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній.

1842.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 10 Декабря 1841 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*
Цензоръ *А. Крыловъ.*

Редакторъ Константинъ Масальскій.

Digitized by Google

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Отдѣленіе I.

Русская Исторія.

О СОСТОЯНІИ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ, ВЪ 1725 ГОДУ.

Въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго Михаилъ Шендъ Фандербекъ, по ученому прозванію Критодемусъ, докторъ философіи и медицины, былъ главнымъ начальникомъ военныхъ госпиталей въ Санктпетербургѣ. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ кончины Петра Великаго онъ послалъ въ Германію къ одному изъ друзей своихъ, инспектору горнаго дѣла въ Трансильваніи и секретарю тамошняго княжества, Самуилу Келезеру де Кересъ-Эеру, въ видѣ посланія, сочиненіе свое на латинскомъ языкѣ, о настоящемъ состояніи просвѣщенія въ Россіи (Praesens Russiae Literariae Status in epistolam adumbratus). Главная его цѣль была сообщить Келезеру истинное понятіе о тогдашней Россіи и измѣнить преувеличенныя и несправедливыя мнѣнія его о Русскихъ. Келезеръ сообщилъ его посланіе существовавшему тогда обществу германскихъ естествоиспытателей и врачей, подъ названіемъ Академіи, въ которомъ онъ былъ съ 1718 года членомъ, и по опредѣленію общества Шендъ былъ принятъ въ 1725 году

Digitized by Google

въ число членовъ, а его сочиненіе было напечатано въ 1727 году, въ книгѣ, изданной въ Нюренбергѣ, подъ заглавіемъ: Acta physico-medica Academiae caesareae Leopoldino-Carolinae naturae curiosorum exhibentia Ephemerides sive observationes historias et experimenta a celeberrimis Germaniae et exterarum regionum viris habita et communicata, singulari studio collecta. Сочиненіе Шенда очень замѣчательно по духу, въ которомъ оно написано, и содержитъ въ себѣ много любопытныхъ показаній. За безпристрастіе его посланія ручается то, что оно писано къ другу, за границу. Шендъ говоритъ о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и другихъ членахъ Святѣйшаго Синода, о тогдашнихъ вельможахъ и иностранныхъ посланникахъ, перечисляетъ извѣстныхъ ему въ Санктпетербургѣ врачей, ученыхъ и всѣхъ членовъ Академіи Наукъ въ *первый* годъ ея существованія. Въ его сочиненіи, переведенномъ какъ можно ближе къ подлиннику, просвѣщенные читатели увидятъ много новыхъ фактовъ, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ другихъ историческихъ источниковъ. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

ЗНАМЕНИТОМУ И УЧЕНОМУ МУЖУ

САМУИЛУ КЕЛЕЗЕРУ ДЕ КЕРЕСЪ-ЭЕРУ,

НАСТОЯЩЕЕ СОСТОЯНІЕ ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ

РОССІИ,

ВЪ ПОСЛАНІИ ИЗОБРАЖЕННОЕ

МИХАИЛОМЪ ШЕНДОМЪ ФАНДЕРБЕКОМЪ.

Изъ вашего прекраснаго *Обличенія сомнѣній этого столѣтія* *, я вполнѣ убѣдился, что ваша долголѣтняя наблюдательность и ваши продолжительныя занятія, которыми вы теперь отличаетесь передъ другими, въ ученомъ свѣтѣ, настроили васъ особеннымъ образомъ: вы рѣдко или не скоро соглашаетесь на то, что другими принято съ общаго голоса, по слухамъ. Слухи нужно предоставлять времени; отъ времени они состарѣются. Я не иду противъ необходимости привыкать къ очень многому, соглашаться съ немногимъ и подвигаться впередъ медленно съ тою цѣлію, чтобы предубѣжденный философъ никакими софизмами не вынудилъ отъ меня неосторожнаго согласія. Впрочемъ, я рѣшительно не расположенъ во всемъ поддерживать вашего скептицизма: вы, кажется, и доселѣ еще думаете, что въ здѣшнихъ гиперборейскихъ странахъ нѣтъ никакой литературы и, вмѣстѣ съ другими дальновидными людьми, ни разу не позволяли себѣ прійти къ той мысли, что въ Русской, этой огромнѣйшей имперіи, Музы находятся не въ состояніи оцѣпѣненія отъ холода, но неутомимо дѣйствуютъ въ

* Elenchus rationabilium huiusce seculi dubitationum, сочиненіе Келезера.

Digitized by Google

пользу всѣхъ знаній, соединенныхъ съ свободными искусствами, и всѣхъ отраслей литературы, и, что онѣ, эти страны, начавшія свою жизнь подъ самыми счастливыми предзнаменованіями, готовятъ въ вѣчное жилище вооруженной Палладѣ.

Все что Мейербергъ, Одерборнъ, Павелъ Іовій, Петрей, Герберштейнъ, Поссевинъ, Рейтенфельсъ, Олеарій, насказали прежде нескладнаго объ этомъ государствѣ и преувеличеннаго о грубости здѣшняго народа, не можетъ положить никакого пятна на теперешнее состояніе дѣлъ, даже и въ то время, когда бы они, стоя на ряду съ безпристрастными свидѣтелями, не лишали своихъ разсказовъ полнаго довѣрія. Вѣдь Тацитъ и Мела (lib. III) находили нѣкогда нравы Германцевъ грубыми, Горацій и Страбонъ не хорошо отзывались объ Англичанахъ, которыхъ послѣдній (lib. IV) не усомнился назвать дрождями варваровъ и злодѣевъ (barbaricorum sceleratorum hominum fæces); Французы и Испанцы ежедневно другъ другу навязываютъ разныя нелѣпости. Преувеличенныя, невыгодныя сужденія Барклая, въ его *Изображеніи характеровъ*, о нѣкоторыхъ народахъ славянскаго племени, ничуть не уменьшили и не очернили ихъ славы. Точно также оскорблять память прошедшаго русскаго уродливыми толкованіями и подводить нынѣшнихъ Русскихъ, которые теперь въ полномъ цвѣтѣ жизни, подъ ту же самую мѣрку, которою мѣряли ихъ въ прежнее время, значило бы дѣлать на-перекоръ здравому смыслу и безпристрастію. Въ насмѣшку тѣмъ, которые будутъ возставать противъ сказаннаго нами теперь, довольно повторить одинъ отвѣтъ, данный Сократомъ Зопиру: «и я былъ бы точно таковъ, если бы философія не измѣнила меня.» Надъ нѣкоторыми малоизвѣстными писаками, съ безтолковыми и праздными головами, которые имѣли дерзость осыпать настоящій ходъ дѣлъ въ Россіи отвратительными клеветами и тупыми остротами, какъ то: Нѣмцемъ Веберомъ, Англича-

Digitized by Google

нином Перри, Полякомъ Нейбауромъ, Французами Бразомъ и Невиллемъ, и другими ненавистниками Россіи, или подкупленными, по окончаніи шведской войны, клеветниками, которые изрыгали противъ нея весь ядъ своей смертельной злобы, рѣшительно не стоитъ и останавливаться. Извѣстно, что вышеченные изъ этого тѣста людишки, эти остряки, изгнанники, бѣглецы отъ своихъ должностей, непріязненно смотрѣвшіе на Россію, придумывали съ тою цѣлію ложныя и нелѣпыя о ней вещи, чтобы привлечь на сторону своего наглаго пера всѣхъ иностранныхъ противниковъ этой страны, удовлетворить собственному желанію мести, по крайней мѣрѣ снискать себѣ какое нибудь сомнительное имя и заставить другихъ забыть прежнее свое безчестіе. Уничтоживъ всѣ прикрасы и представивъ дѣло въ настоящемъ его свѣтѣ, я не хочу пускаться въ перекоры съ этими безстыдными и безумными людьми, которые сдѣлали себя *бичами* * Россіи; открывъ низость ихъ ложныхъ показаній, я не буду имѣть нужды прибѣгать къ горечи ругательствъ. Россіяне по природѣ совсѣмъ не тупы, не съ вялыми способностями, не пренебрегаютъ науками и учеными: это доказываетъ настоящее состояніе образованія въ Россіи. И вотъ это-то самое состояніе образованія я и рѣшился представить во всѣхъ подробностяхъ, чтобы вашъ свѣтлый умъ, обнявъ ихъ, могъ согласиться съ нами въ сущности дѣла, и въ послѣдствіи не отказался бы провозгласить торжество истины.

Геройскія дѣянія великодушнаго Императора Петра выше всего, что можетъ представить игра самой судьбы; ничего подобнаго не бывало въ теченіе прошлыхъ столѣтій; этому не повѣрятъ послѣдующіе вѣка. Этотъ державный Фениксъ имѣлъ все, что только можетъ

* Въ подлинникѣ Mastiges это слово въ среднихъ вѣкахъ означало злыхъ критиковъ, бичей.

Digitized by Google

вмѣстить въ себѣ, по своей природѣ, и снискать своею дѣятельностію самый совершенный изъ смертныхъ. Общественное благоденствіе у него было всегда и первою и послѣднею цѣлію; онъ открылъ дороги, отворилъ порты, построилъ города, воздвигнулъ крѣпости, создалъ флотъ, расширилъ имперію, провелъ пути, обдѣлалъ морскіе берега, съ различными народами завелъ торговлю. Все это ручается за вѣчное благоденствіе Россіи.

Великій по своей природѣ, бо́льшій по своему счастію, наивеличайшій по своимъ доблестямъ, Петръ Великій былъ рожденъ на все, гдѣ нужно дѣйствовать прямо и съ силою. Не смотря на то, что войска были устроены прекрасно и онъ самъ чувствовалъ это, никогда не поднималъ онъ оружія, если этого не требовали и благоразуміе и политика, вмѣстѣ. У Египтянъ и Халдеевъ дѣла шли, какъ нельзя лучше, когда у нихъ процвѣтали знанія; перейдя къ Персамъ, науки сдѣлали то же самое и у этого народа. Всякому извѣстно, что до тѣхъ поръ, пока Греческая имперія стояла на верху своей славы, ни одна страна въ цѣломъ мірѣ не могла сравняться съ нею ни въ образованіи, ни въ учености. Какъ новый Прометей, Петръ Великій зналъ, что шлемъ на умной головѣ страшнѣе. Выучившись многому своими трудами, что для лѣнивыхъ кажется невыносимымъ, онъ рѣшился просвѣтить своихъ подданныхъ, — которые сдѣлали уже большіе успѣхи въ военномъ дѣлѣ, — знаніемъ свободныхъ искусствъ и свѣтомъ наукъ; съ этою цѣлію всѣ свои силы онъ употребилъ на то, чтобы устроить гимназіи, содержать лицеи, возбуждать искусства, вводить знанія, возвышать науки и ученыхъ. Онъ учредилъ академіи. Сдѣлавши такое благо для своего времени, а еще большее для будущаго, онъ стоилъ бы имени отца отечества за свои истинно отеческія благодѣянія, сдѣланныя для Россіи, еслибы даже и не было обычая давать императорамъ этого титла за ихъ пре-

Digitized by Google

красныя дѣянія *. За его славу говорятъ общественныя дѣла, объ немъ кричатъ его враги, подданные обожаютъ его, иностранцы ему дивятся, такъ-что слова Тацита: «его дѣянія, возвѣщаемыя самыми памятниками, «всю вѣчность останутся въ сердцахъ людей,» лучше идутъ къ Петру Великому, чѣмъ къ прославленному Агриппѣ. Положивъ счастливое основаніе своей имперіи, пріучивъ себя ко всѣмъ родамъ занятій, онъ сложилъ царское величіе, оставилъ блескъ Двора, и не медлилъ отправиться въ чужія земли, чтобы видѣть мѣстные нравы и духъ въ образованнѣйшихъ государствахъ; чтобы самому проложить другимъ дорогу и своими глазами высмотрѣть, что̀ нужно исправить въ Россіи, что̀ можетъ служить къ укрѣпленію имперіи. Мильтіадовы трофеи въ свое время не давали спать Ѳемистоклу. Петръ Великій, познакомившись съ многочисленнѣйшими пособіями къ ученымъ занятіямъ, съ обширнымъ приложеніемъ познаній къ дѣлу, съ свободными искусствами и науками, которыя давно и въ полной силѣ процвѣтали въ Бельгіи, Англіи, Германіи, Франціи, не могъ сомкнуть глазъ отъ нетерпѣнія, съ какимъ задумывалъ въ душѣ, какъ бы эти чуждыя деревья заставить приняться подъ своимъ небомъ. Но-этому онъ отвсюду собиралъ людей знаменитыхъ умомъ, знаніемъ искусствъ, храбростью, геніяльными и быстрыми способностями; и, не смотря на огромныя военныя издержки, которыя истощали казну, онъ назначалъ для нихъ жалованье съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи въ Россію, употребить ихъ на дѣло уничтоженія прежней здѣшней необразованности; и что при од-

* Авторъ говоритъ объ обычаѣ римлянъ; но въ Россіи этого обычая не было. Послѣ Ништадтскаго мира, окончившаго съ Шведами войну, слишкомъ 21 годъ продолжавшуюся, сенатъ, во время народнаго торжества, отъ имени всѣхъ чиновъ *Россійскаго народа* поднесъ Петру Великому, 22 октября 1721 года, титулъ Отца Отечества. *Прим. Ред. А. О.*

Digitized by Google

нихъ своихъ усиліяхъ едвали бы могъ искоренить, то общими силами и жаркимъ содѣйствіемъ иностранцевъ уничтожилъ вдругъ. Успѣхъ оправдалъ его надежды, потому-что едва ли на всемъ земномъ шарѣ можно найти народъ, который, бывъ поставленъ въ сношеніяхъ съ чужеземцами, могъ бы легче перенимать изящество иностранныхъ обычаевъ и былъ готовѣе учиться. На этомъ основаніи, я, ни чуть не опасаясь, предрекаю, что со-временемъ эта нація, которая столь быстро достигла такой славы, утвердила и укоренила у себя образованіе, опередитъ всѣ другія и не будетъ имѣть себѣ соперницъ. Какой народъ въ столь короткое время, при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя прямо останавливали дѣло въ самомъ началѣ, могъ счастливо выбиться на дорогу? Чтобы не отступать отъ своего предмета, я не буду описывать военныхъ успѣховъ, силы оружія, осадъ, стычекъ, сраженій, одержанныхъ побѣдъ, трофеевъ и тріумфовъ, которые прославили русскія знамена и дали имъ на военномъ поприщѣ настоящаго столѣтія не послѣднее мѣсто. Моя цѣль говорить только о наукахъ и ученыхъ. Счастливо истребивъ нѣкоторыя всеобщія заблужденія, новыми людьми и новыми нравами, Петръ Великій уже, нѣкоторымъ образомъ, вытѣснилъ у новаго поколѣнія все старое. Дѣло не кончилось тѣмъ, что правители губерній смѣнены судьями честности дознанной; изъ Германіи призваны люди, знающіе военное искусство; въ судебныхъ дѣлахъ уничтожены проволочки, изданы новые законы, старые разобраны, гражданское право составлено по образцу Римскаго. Петръ Великій основалъ и устроилъ коллегіи, учредилъ суды, гдѣ засѣдаетъ Ѳемида, остановилъ горячку пустомелей стряпчихъ, открылъ всѣмъ и каждому самый короткій путь къ правосудію. Здѣсь ни чье дѣло не затягивается на нѣсколько мѣсяцевъ; судья пріискиваетъ въ законахъ необходимое постановленіе и скоро объявляетъ рѣшеніе.

Digitized by Google

На это здѣсь проходитъ нѣсколько недѣль; замедленій въ исполненіи просьбъ почти никогда не бываетъ, и если встрѣчаются, то очень рѣдко.

Чтобы постоянно и внимательно изслѣдовать внутренность земель, принадлежащихъ къ огромной Россійской имперіи, чтобы воспользоваться сокровищами, находящимися въ рудникахъ, и такимъ образомъ обогатить казну, не обременяя своихъ подданныхъ, онъ учредилъ особое общество горнаго дѣла, и сдѣлалъ членами его опытнѣйшихъ знатоковъ металлургіи. Чтобы похвалить эту коллегію, учрежденную для изслѣдованія и усовершенствованія металлургіи, я скажу одно, что завѣдываетъ ею опытнѣйшій и проницательнѣйшій химикъ, главный начальникъ производства работъ и арсеналовъ, — наполненныхъ сухопутными и морскими оружіями, — де Брюсъ. Одного имени этого человѣка, который такъ прославился своею ученостью и храбростью, заслужилъ почетъ настоящаго, основательнаго изыскателя-геолога, и который такъ хорошо знаетъ и теоретическую и практическую часть минералогіи, достаточно вмѣсто всѣхъ лестныхъ отзывовъ объ этомъ заведеніи. Горное искусство съ каждымъ днемъ идетъ въ Россіи впередъ; открыты огромнѣйшія селитряныя и богатѣйшія сѣрныя копи въ Симбирскѣ, подлѣ Волги, недалеко отъ царства Казанскаго; желѣзныя въ окрестностяхъ столицы Москвы и въ Кареліи, близъ знаменитыхъ Олонецкихъ минеральныхъ водъ; въ Сибири около рѣки Енисея (Genesey) разработываются мѣдные рудники, и очень много другихъ въ разныхъ мѣстахъ. Лабораторія (laboratorium docimasticum) съ избыткомъ снабжена всѣми химическими аппаратами для производства опытовъ, и открыта для всѣхъ русскихъ юношей, которые только хотятъ посвятить себя наукѣ о металлахъ.

Я ничего не буду говорить о коллегіяхъ, учрежденныхъ для расширенія и распространенія торговли, не-

Digitized by Google

сомнѣнную славу которыхъ поддерживаютъ столько мастерскихъ, посвященныхъ иностраннымъ искусствамъ, и столько рабочихъ заведеній; неизвѣстныя здѣсь до сихъ поръ лучшія ремесла теперь введены всюду и такъ хорошо привились, какъ будто бы искони жили тутъ. Члены этого общества, которое такъ дѣятельно заботится о пользахъ государства, — истые меркуріевы жрецы. Я вамъ назову одного только изъ нихъ: совѣтника Баккона, который «на опытѣ, начавшемся давнымъ давно,» * во время продолжительныхъ своихъ путешествій, основательно изучилъ промышленность и торговлю, и въ лицѣ котораго соперничаютъ честность, искренность, свѣтскость (humanitas), скромность и ученость. Не скажу ни одного слова объ его сочленѣ Андреѣ Кассисѣ, объ удивительныхъ качествахъ его души, его плѣнительномъ, огненномъ и неутомимомъ умѣ, который не можетъ удержаться въ границахъ одной науки и составляетъ украшеніе нашей Греціи. Наконецъ вы знаете, что въ этой коллегіи съ честью предсѣдательствуетъ остроумнѣйшій баронъ Шафировъ, человѣкъ знаменитый своими прекраснѣйшими дарованіями, своею многостороннею образованностью и своимъ изысканнымъ краснорѣчіемъ, и котораго вся душа въ томъ, чтобы выполнять самыя трудныя дѣла. Когда Петръ Великій умеръ, Императрица Всемилостивѣйше изъявила свое согласіе, чтобы онъ написалъ исторію этого героя **.

* Въ подлинникѣ здѣсь помѣщенъ латинскій стихъ.

** Показаніе Шенда справедливо. По докладу князя А. Д. Меншикова, объявлено было 19 мая 1725 года Сенату слѣдующее: «Великая Государыня Императрица указала Петру Шафирову со«чинять исторію отъ дней рожденія высокославной и вѣчнодостой«ной памяти Его Императорскаго Величества до 1700 году или до «начала шведской войны, и какія вѣдомости ему къ тому сочиненію «потребны, по его требованіямъ отпускать, и писать его Шафирова

Digitized by Google

Между главными украшеніями Россіи въ настоящее время самое высшее мѣсто занимаетъ Святѣйшій Синодъ, который правитъ Православною Восточною Церковію и завѣдываетъ всѣмъ, что только касается духовныхъ дѣлъ. Лучше этого священнаго собранія представить невозможно. Еслибы вамъ удалось узнать его членовъ, мужей отличныхъ, знаменитыхъ своими добродѣтелями, своимъ умомъ, своею рѣдкою ученостью, назначенныхъ самымъ происхожденіемъ для украшенія наукъ, то вы, по всей справедливости, нашли бы тутъ образцы живой учености и запасъ всесторонняго образованія. Іерархи, которые дѣлаютъ честь этому священному судилищу и вполнѣ заслуживаютъ снисканной ими славы, преодолѣли всѣ препятствія и возстановили прежнее ученіе Церкви *. Чтобы поставить религіозныя вѣрованія въ должномъ свѣтѣ, они уничтожили много нестройнаго и суевѣрнаго.

Между всѣми членами особенно отличается и не однимъ только саномъ, но и своею ученостью, Ѳеофанъ Прокоповичъ, бывшій прежде архіепископомъ псковскимъ, а послѣ новгородскимъ. Этотъ человѣкъ обладаетъ дарованіями огромными, окруженъ почестями, словомъ, краса русской Церкви; всѣ здѣшніе ученые отдаютъ ему полное преимущество, и не напрасно. Онъ отправлялся въ Римъ, бывшій прежде сокращеніемъ всего міра, а теперь торжищемъ наукъ, для пріобрѣтенія познаній. Возвратясь съ богатѣйшимъ запасомъ свѣдѣній, онъ издалъ въ свѣтъ множество умныхъ церковно-политическихъ сочиненій, прославился своею ученостью, прошелъ всѣ ступени почестей и наконецъ до-

«по прежнему барономъ.» Извѣстно, что Шафировъ былъ разжалованъ. Того же числа Сенатъ послалъ указы въ коллегіи и канцеляріи. *Ред. С. О.*

* Здѣсь авторъ говоритъ о расколахъ и объ окончательномъ исправленіи церковныхъ книгъ. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

стигъ самаго высшаго сана. Нѣтъ науки, съ которою бы онъ не былъ знакомъ; но болѣе всего такъ силенъ въ изящной словесности, что всѣ ученые называютъ его русскимъ Демосѳеномъ. Онъ покровительствуетъ наукамъ и ученымъ и, самымъ предупредительнымъ образомъ, благодѣтельствуетъ юношамъ, подающимъ собою блестящія надежды: они воспитываются на его счетъ и учатся всему, начиная отъ нравственныхъ до свободныхъ наукъ. Кажется, онъ созданъ не для себя, а для другихъ; всѣ добрые люди одного только и желаютъ, чтобы бремя, такъ блистательно поднятое имъ, онъ могъ нести здраво и невредимо на пользу Россіи; и такъ какъ его благоволеніе и его покровительство служитъ основаніемъ нашего литературнаго благоденствія, то мы считаемъ величайшею для него похвалою «невозможность похвалить его достаточно.» *

Нашъ ученый кругъ еще уважаетъ Ѳеофилакта Лопатинскаго, епископа тверскаго, который почти не уступаетъ Ѳеофану. Этотъ человѣкъ самаго многосторонняго образованія, знатокъ греческой литературы, которою занимался очень прилежно и съ большими успѣхами. Онъ былъ профессоромъ въ Московской Заиконоспасской греко-латино-россійской академіи (Archi-gymnasium). Послѣ многолѣтнихъ занятій на этомъ поприщѣ, принесшихъ юношеству большую пользу, онъ былъ вызванъ и возведенъ на ту степень, которую теперь занимаетъ. Его непоколебимая честность во всѣхъ обстоятельствахъ жизни напоминаетъ собою золотой вѣкъ. Однимъ словомъ «если бы добродѣтель можно было нарисовать, то онъ былъ бы ея портретомъ.» **.

Не могу умолчать о красѣ нашей Греціи, знаменитѣйшемъ архимандритѣ Аѳанасіѣ Кондоиди, мужѣ глу-

* Въ подлинникѣ эта мысль выражена стихомъ.

** Въ подлинникѣ выражена эта мысль стихомъ: Si pingi virtus posset, imago foret.

Digitized by Google

бако-ученомъ, которому мало найдется эллинистовъ соперниковъ; пока ученость будетъ имѣть хоть какую нибудь цѣну, онъ вездѣ найдетъ себѣ славу. Аѳанасій образовалъ свои превосходныя способности въ италіянскихъ лицеяхъ. Лишь только онъ вышелъ изъ школьныхъ стѣнъ и началъ академическую жизнь, какъ все свое блаженство сталъ находить въ пріобрѣтеніи познаній и началъ ставить для себя самою священною обязанностію преподаваніе уроковъ. Сдѣлавшись профессоромъ и принявъ на себя званіе проповѣдника, онъ съ такимъ огромнымъ успѣхомъ занимался тою и другою филологіею, что еще, бывши юношею, наполнилъ своею славою всю Грецію. Онъ вездѣ находилъ себѣ отечество, потому-что всюду приносилъ съ собою патріотическія достоинства. Патріархи и предстоятели Восточной Церкви утѣшались, смотря на него, Любимый музами, ревнуемый мудрыми людьми, уважаемый великими государями, молдавскій господарь Кантемиръ принялъ его къ себѣ и, на самыхъ завидныхъ условіяхъ, поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей. Отселѣ онъ былъ вызванъ профессоромъ въ Московскую Заиконоспаоскую - греко - латино - россійскую академію. Великій Императоръ Петръ съ богословской каѳедры перевелъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ его членомъ Святѣйшаго Синода. Сочиненія историко-церковныя и филологико-богословскія, которыя онъ написалъ по порученію Двора и въ которыхъ открывается вся его ученость, можетъ быть скоро выйдутъ въ свѣтъ и непремѣнно еще болѣе увеличатъ его славу. Можно было бы еще здѣсь сказать объ архимандритѣ Троицко-Сергіевской Лавры (Coenobii serenissimae Triados) Гавріилѣ, извѣстномъ по переводу Пуффендорфа на русскій языкъ, еслибы только я не былъ увѣренъ, что вы объ его учености знаете изъ «актовъ лейпцигскихъ ученыхъ» (Acta Lipsiensium Eruditorum). Нужно ли еще что нибудь прибавлять объ архимандритѣ Крульцѣ, (Kruliez), ко-

Digitized by Google

торый извѣстенъ своими познаніями. Онъ воспитывался въ Прагѣ, превзошелъ богатствомъ свѣдѣній старинныхъ ученыхъ и удовлетворилъ своею ученостью всѣмъ современнымъ требованіямъ; не ошибетесь, если назовете его столпомъ и украшеніемъ ученой Россіи. Легко можно бы было набрать длинный списокъ ученаго духовенства; но я не хочу болѣе распространяться въ этой части, по которой вы, какъ я думаю, уже удовлетворены; потому-что не такъ легко выходятъ въ люди тѣ, способности которыхъ останавливаютъ тѣсныя домашнія обстоятельства. Сколько ни есть въ Москвѣ училищъ, выстроенныхъ щедростью Императора, во всѣхъ этихъ заведеніяхъ начальники изъ духовенства. Они преимущественно выбираютъ и профессоровъ изъ того же званія, людей въ полной мѣрѣ образованныхъ, которые кромѣ свободныхъ искусствъ, преподаютъ русскому юношеству всѣ науки вѣрно. Здѣсь не имѣютъ обыкновенія приказывать дѣтямъ, у которыхъ еще не утвердились во рту челюсти, грызть необчищенныя кости *, но сначала внушаютъ воспитанникамъ самое необходимое, потомъ хорошо знакомятъ съ тѣми науками, которыя полегче, далѣе, когда уже пройдена вся схоластическая философія, они начинаютъ заниматься богословскими науками. Чтобы при скромномъ изложеніи догматовъ умѣть еще изъ столкновенія двухъ мыслей извлекать истину, какъ изъ удара кремня о кремень получаютъ огонь, для этого они часто упражняются въ полисофіи или богословской діалектикѣ. Темы, предлагаемыя изъ года въ годъ, какъ это водится вездѣ, рѣшаются публично, и эти занятія приносятъ большіе плоды. Желающіе получить основательнѣйшія познанія и снискать умѣнье добывать себѣ хлѣбъ, тамъ же занимаются у знаменитѣйшаго русска-

* Намекъ на тогдашній схоластическій образъ преподаванія, господствовавшій въ Европѣ. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

го медика, анатоміи и хирургіи профессора Бидлоо, который не теоретически только учитъ ихъ спасительнѣйшей наукѣ, но подтверждаетъ свои наставленія опытами надъ больными, въ московскомъ лазаретѣ, гдѣ онъ самъ главнымъ начальникомъ. По-этому всѣ русскіе хирурги, не образовавшіе себя въ другихъ государствахъ, всѣми своими медицинскими познаніями обязаны Бидлоо. А какое ихъ безчисленное множество, вы можете судить по тому, что кромѣ всѣхъ полковъ, больныхъ военныхъ кораблей и фрегатовъ, на которыхъ свои врачи, еще столько крѣпостей, укрѣпленій, назначенныхъ для защиты границъ. Всѣ они снабжены какъ медиками, находящимися при дѣйствующихъ войскахъ (medici castrenses), такъ и хирургами, остающимися на мѣстѣ, съ больными (chirurgi stationarii).

Что сказать о страннопріемныхъ домахъ, богадѣльняхъ, пріютахъ для нищихъ и другихъ пособіяхъ, сдѣланныхъ на помощь бѣдности, гдѣ принимаютъ, питаютъ и грѣютъ несчастные останки войны, больныхъ и потерявшихъ какіе нибудь члены на войнѣ солдатъ. Великолѣпно устроенные въ Санктпетербургѣ лазареты достаточно свидѣтельствуютъ о любви милостивѣйшаго Императора къ страждущимъ. Въ обезопасеніе памяти о благодѣяніяхъ его, сдѣланныхъ имъ для бѣдныхъ и солдатъ, можно кстати привести слова изъ Евангелія: «если они замолчатъ, то камни возопіютъ.» Для армейскихъ рядовыхъ устроенъ особый госпиталь, для моряковъ другой; изъ аптекъ, принадлежащихъ къ этимъ заведеніямъ, присылаются всѣ лекарства, которыя необходимы по состоянію больнаго. Я прежде писалъ, что первый госпиталь находится подъ моимъ вѣдѣніемъ. Онъ исправно устроенъ во всѣхъ частяхъ: хирурговъ, писцовъ и всѣхъ аппаратовъ множество; въ день два раза подается помощь пяти-стамъ, а иногда и большему числу больныхъ. Кромѣ труднѣйшихъ операцій, кото-

Digitized by Google

рыя вытекаютъ изъ раціональной хирургіи, здѣсь прекрасно изучается анатомія, этотъ благороднѣйшій ключъ къ познанію органическаго тѣла. По свидѣтельству Плинія, египетскіе государи имѣли обычай свидѣтельствовать тѣла умершихъ, чтобы наглядным образомъ узнать причины здоровья; такъ и здѣсь ни одного человѣка умершаго внезапно или отъ какой нибудь тайной, или рѣдко встрѣчавшейся болѣзни, не похоронятъ, пора онъ не будетъ изрѣзанъ анатомическимъ ножемъ. Отъ того-то, признаюсь вамъ, въ теченіе осмнадцати лѣтъ своей практики, я не видалъ столько труповъ, сколько теперь въ одинъ годъ приходится анатомически разобрать ихъ. Морскимъ госпиталемъ завѣдываетъ докторъ, Грекъ Мигнатти, который прежде долго служилъ медикомъ при арміи; особеннаго вниманія между ними заслуживаютъ докторъ Георгій Поликала, бывшій нѣкогда врачемъ самой Августѣйшей Императрицы, и докторъ Себасто, нашъ единоплеменникъ, дядя знаменитѣйшаго посла Зено, моего друга и благодѣтеля, который такъ прекрасно выполняетъ должность исторіографа при римскомъ Императорскомъ Дворѣ. Впрочемъ, если бы я рѣшился говорить обо всѣхъ медикахъ, которые съ большими успѣхами занимаются въ этой имперіи своимъ дѣломъ, то мое письмо сдѣлалось бы слишкомъ огромнымъ. Скажу только впрочемъ о тѣхъ изъ моихъ сослуживцевъ, о которыхъ умолчать нельзя: это доктора Фанъ-деръ-Гульстеръ Захаріе, достойнѣйшій сынъ главнаго врача при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ; Арунціи Аццарити, который немногимъ уступаетъ въ искусствѣ анатомировать; Николай Энглертъ, для медицинскихъ изслѣдованій изъѣздившій Каспійское море, всѣ прибрежныя земли, Дагестанъ, Ширванъ, Гилань (Kilania) до самаго Табаристана (Tabaristania); Ѳеофилъ Шоберъ, отличившійся опытами надъ новооткрытыми въ царствѣ Казанскомъ минеральными водами, ихъ описаніемъ, и извѣстный вамъ по своимъ статьямъ, кото-

Digitized by Google

рыя напечатаны въ Acta Eruditorum *. Антоній Ѳелисъ изъ Константинополя (Byzantinus), московскій практикъ. Корифеи по хирургіи: Вильгельмъ Горнъ, двадцать лѣтъ трудившійся въ парижскомъ лазаретѣ, и Іоаннъ Гови первый флотскій хирургъ; къ нимъ должно присовокупить аптекаря Бера гамбургскаго и Христіана Дуропа Датчанина, которые славятся своею опытностью въ медицинѣ.

Видите какіе атланты поддерживаютъ здѣсь медицинскую науку; и вспомнивъ слова Цицерона, что люди ничѣмъ столько не уподобляются божеству, какъ даруя здоровье, вы легко поймете какою честью и какимъ уваженіемъ они пользуются здѣсь. Они имѣютъ свою коллегію и свой медицинскій совѣтъ (Dicasterium medicum). Говоря о заслуженнѣйшемъ предсѣдателѣ этого общества, главномъ медикѣ Двора и всей имперіи, и его младшемъ братѣ, главномъ врачѣ самого Императора, одно только прибавлю, что они достойнѣйшіе дѣти Лаврентія де Блументроста, бывшаго медикомъ у четырехъ Императоровъ, (тогда какъ Крато удостоился чести занимать эту должность только у трехъ государей, а Ланцизій у трехъ папъ), самою природою созданы похожими на своего отца и какъ нельзя ближе обнаружили его качества. Все полученное при рожденіи, при тщательномъ воспитаніи, которое далъ имъ отецъ, они усовершили въ нашъ мудрый вѣкъ. Старшій Іоаннъ давно уже извѣстенъ своимъ разсужденіемъ «о военномъ лекарѣ» (de medico castrensi), служитъ врачемъ у Наслѣдника Престола и занялъ эту должность по смерти главнаго медика Арескина. Не говоря о другихъ достоинствахъ президента, нужно замѣтить, что онъ человѣкъ съ умомъ проницательнѣйшимъ; всѣ другія превосходныя качества, которыхъ у него очень много, проникну-

* Заглавіе этихъ статей: 1) De Loliaceis seminibus, et 2) Secalis corruptis.

Digitized by Google

ты благородствомъ. Меньшой братъ Лаврентій въ лучшихъ германскихъ, бельгійскихъ и французскихъ академіяхъ занимался съ особеннымъ прилежаніемъ медициною, философіею и математикою; все, что для другихъ, съ незавидными талантами, казалось темнымъ и недоступнымъ, онъ понималъ съ одного раза и кончилъ тѣмъ, что не только оправдалъ общія ожиданія, но покорилъ ихъ себѣ и, по свидѣтельству всѣхъ безпристрастныхъ людей, превзошелъ даже заслуженныхъ стариковъ. И вотъ почему, лишь только онъ возвратился, Великій Монархъ Петръ поручилъ ему попеченіе о своемъ здоровьѣ, на которомъ основывались всѣ надежды столь многихъ народовъ и которое онъ хранилъ столько лѣтъ. Онъ первый принялъ на свои руки новорожденую академію, только-что установленную, подъ его предсѣдательствомъ, для содѣйствія успѣхамъ въ геометро-механическихъ опытахъ, физико-химическихъ изслѣдованіяхъ, метеорологическихъ, ботаническихъ, зоотомическихъ и анатомическихъ наблюденіяхъ. Новое заведеніе всегда будетъ приносить очень много полезнѣйшихъ плодовъ. Россіи теперь только остается поздравить себя съ ученостью.

Наконецъ вамъ должно быть извѣстно, что Петръ Великій задумалъ устроить академію наукъ по образцу парижской, въ которой былъ самъ членомъ, и послѣ того — какъ «осмѣлился разсѣчь смѣлыми веслами не тронутыя воды Каспійскаго моря,» * и склонилъ на свою сторону Альціоновъ, — употребилъ всѣ свои силы, чтобы какъ можно скорѣе устроить ее. Августѣйшая Императрица, зная, что ни въ какомъ дѣлѣ такъ не нужно не щадить издержекъ, какъ при устройствѣ академіи, которая обезсмертитъ имя Великаго Государя, при

* Въ подлинникѣ стихи :

. . . . . Maris Caspii
Ausus inexpertas remis audacibus undas
Tentare. . . .

Digitized by Google

самомъ началѣ своего счастливаго правленія обратила на нее все свое вниманіе. Со всею монаршею заботливостью и царскою щедростью она отвсюду призывала къ себѣ ученыхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, на самыхъ щедрыхъ условіяхъ, уничтожила всѣ затрудненія, утвердила привилегіи. И въ то время когда величественный Петербургъ ежедневно расширялся каменными строеніями, она какъ можно скорѣе приказала на лучшей части Васильевскаго Острова приготовить на царскій счетъ дворецъ и отдала его подъ академію. Это великолѣпный Аполлоновъ и Палладинъ арсеналъ и святилище Музъ, потому-что въ немъ будутъ жить вмѣстѣ не одни только профессоры, учители, распорядители, наставники, художники и переводчики, но все общество академиковъ; тутъ же будутъ производимы опыты и помѣстятся всѣ математическіе инструменты, пневматическіе насосы, разные сосуды, микроскопы, барометры, термометры, машины и весь снарядъ, необходимый для академическихъ занятій. Въ этомъ же огромномъ зданіи приготовлены удобныя и прекрасныя помѣщенія для книгъ, куда къ наслажденію библіофиловъ, будетъ перенесена, съ прежняго мѣста, вся библіотека, которая выборомъ сочиненій и числомъ томовъ стоитъ не ниже другихъ. * Всѣмъ, что ни есть въ библіотекѣ, порядкомъ, разстановкою, изяществомъ, украшеніемъ, приращеніемъ книгъ, мы обязаны неутомимой дѣятельности и бдительности главнаго императорскаго библіотекаря Шумахера, человѣка опытнѣйшаго въ этомъ дѣлѣ. Во время послѣдняго путешествія въ Парижъ, предприня-

* *Натуръ-кабинетъ и Кунсткамера* съ библіотекою находились при Петрѣ Великомъ въ двухэтажномъ каменномъ домѣ, который стоялъ на берегу Большой Невы, на мѣстѣ нынѣшнихъ Кавалергардскихъ казармъ. При Екатеринѣ I вновь учрежденной академіи наукъ отдано было зданіе на Васильевскомъ Островѣ. Туда же перевели тогда и Натуръ-кабинетъ съ библіотекою. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

таго имъ отъ имени Его Величества, для составленія новой географической и гидрографической карты Каспійскаго моря, назначавшейся въ даръ императорской академіи, успѣлъ онъ составить огромнѣйшій запасъ недостававшихъ доселѣ важнѣйшихъ книгъ, по всѣмъ отраслямъ наукъ; онъ не щадилъ ничего, чтобы пріобрѣсти ихъ и доставить въ Санктпетербургскую библіотеку. Послѣ онъ сдѣланъ императорскимъ начальникомъ кабинета рѣдкостей и главнымъ правителемъ и хранителемъ анатомическихъ, металло-минеральныхъ и физическихъ богатѣйшихъ сокровищъ изъ чужихъ странъ. И такъ какъ рѣдкости увеличивали славу государей, проливали новый свѣтъ, при изслѣдованіяхъ природы, и служили основаніемъ къ подтвержденію ученія естественной исторіи; то Петръ, страстный покровитель всѣхъ наукъ, а въ особенности естественныхъ, превзошедшій своею щедростью даже самого Александра, сдѣлалъ столько и такихъ пріобрѣтеній по этой части, что они едва ли не оставятъ за собою всѣ другіе музеи. Кромѣ самыхъ частыхъ сношеній съ Персіянами, Сересами, * Индѣйцами, которые постоянно снабжаютъ необходимымъ царскій звѣринецъ, назначенный для сравнительной анатоміи, Императоръ дорогою цѣною купилъ анатомическія сокровища знаменитаго амстердамскаго профессора Рюйша и пріобрѣлъ самыя рѣдкія собранія Альберта Себа, который занимался изыскиваніемъ достопримѣчательныхъ вещей въ природѣ и былъ необыкновенно счастливъ въ находкѣ диковинокъ. Скажу, безъ преувеличенія, что нигдѣ нельзя найти другихъ образчиковъ, находящихся въ этомъ собраніи; нигдѣ столько нѣтъ любопытнаго, какъ здѣсь. Кромѣ этого многочисленнѣйшаго собранія предметовъ, отно-

* Народъ въ Восточной Индіи между рѣками Гидаспомъ и Индомъ; у древнихъ было мнѣніе, что Сересы первые начали обработывать шелкъ. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

сящихся къ наукамъ и природѣ, которые не касаются нашего дѣла, еще есть минцъ-кабинетъ, посвященный Аполлону и Музамъ, который обыкновенно другіе государи помѣщаютъ въ своихъ тайныхъ покояхъ. Еслибы какой нибудь антикварій, любящій рыться въ вѣковыхъ древностяхъ, взглянулъ на здѣшнія медали (Ectypas), бросающіяся въ глаза драгоцѣнности (gemmae), которыя представляютъ лица государей и боговъ, пострашившихъ отъ священной ржавчины, * и на монеты — памятники знаменитыхъ людей, — то довольно нашлось бы дѣла для его ржаваго пера. Даже изъ самой Сибири ежедневно прибываютъ греческія и римскія тѣни, которыя, по любви къ древностямъ, откапываются жителями въ могилахъ ихъ предковъ. Все, что со временъ Рюрика (т. е. 808 по Р. Х.) до сихъ поръ можно было собрать и найти по части нумизматики этого народа, т. е. русскія монеты или любопытныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, все это недавно Петръ Миллеръ, человѣкъ ученѣйшій, привелъ въ порядокъ и описалъ съ величайшею точностью. Вотъ на завѣдываніе и распредѣленіе какого множества и какой важности сокровищъ должны простираться знаніе и неутомимость нашего библіотекаря. Вы еще не мало подивитесь, когда узнаете, что онъ кромѣ этого бремени, которое одно было бы не многимъ подъ силу, еще успѣваетъ отчетливо исполнять должность секретаря при вновь устроенной академіи. Кромѣ неутомимыхъ трудовъ магистра Паузенера, употребленныхъ имъ на составленіе русской грамматики и лексикона, по всѣмъ нарѣчіямъ русскаго языка, обращу еще ваше вниманіе на то, какимъ лицамъ ввѣрено было попеченіе о вновь родившейся академіи и наблюденіе за жилищемъ Музъ, и охотно укажу вамъ на этихъ академиковъ и профессоровъ. Прежде всѣхъ назову Іакова Германа, человѣ-

* Въ подлинникѣ эта мысль выражена стихами.

Digitized by Google

ка заслужившаго себѣ лестное имя, почтеннѣйшаго профессора математическихъ наукъ, которымъ я учился у него въ Падуѣ, особенно славнаго дифференціальными счисленіями или аналитикою безконечно-малыхъ величинъ. Не буду распространяться о двухъ братьяхъ Бернулли, которые проникли въ самыя сокровенныя убѣжища математики и своими познаніями по этому предмету далеко распространили свою славу. Даніель, названный здѣсь профессоромъ физіологіи, будетъ читать начала математики, необходимыя для медицинской теоріи; Николай прикладную математику; Георгъ Бернгардъ Буффингеръ, который писалъ о началѣ нравственнаго зла, недавно издалъ «опытъ ученія древнихъ китайцевъ» (Specimen doctrinae Sinarum), профессоръ теоретической и практической физики, во время производства опытовъ для академическихъ занятій будетъ подражать Гравесанде въ его «основаніяхъ Ньютоновой философіи» (Institutiones philosophiæ Newtonianæ). Физика будетъ преподаваться не по устарѣвшимъ аристотелевскимъ комментаріямъ, которые связываютъ умы пустыми авторитетами; но такъ какъ при сужденіи о предметахъ физическихъ не менѣе необходимо, какъ и въ дѣлахъ обыкновенныхъ, лично во всемъ удостовѣряться, по-этому все вниманіе будетъ обращено на то, чтобы сущность опытной философіи, которую одну мы признаемъ матерью и кормилицею медицины, была изъясняема изъ опытовъ, совершаемыхъ передъ глазами слушателей. Профессоръ краснорѣчія — Іоганнъ Петръ Коль Кэльнскій, профессоръ метафизики Христіанъ Мартини Бреславскій; извѣстный своимъ алгебраическимъ опытомъ пифографіи, будетъ производить свои чтенія по «Вольфовымъ началамъ» (Institutiones Wolffianæ). Іоганнъ Симонъ Беккенштейнъ — профессоръ общественнаго права; Христіанъ Фридрихъ Гроссъ, профессоръ нравственной философіи, будетъ преподавать уроки по системѣ Пуффендорфа, изложенной въ сочиненіи: «объ обязанно-

Digitized by Google

стяхъ человѣка и гражданина» (De officio hominis et civis). Фридрихъ Майеръ будетъ объяснять начала всеобщей математики по Вольфу. Химію, которая служитъ наставницею опытной философіи и которая держитъ ее въ подчиненіи, будетъ проходить Михаилъ Бургеръ. Анатомію, которая въ открытомъ органико-механическомъ устройствѣ находитъ очень много такого, чего прежде за непроницаемою завѣсою знаменитостей никакъ нельзя было и увидѣть, долженъ былъ читать знатокъ этой науки Гейстеръ; но пока онъ въ отсутствіи, его замѣнитъ Жанъ Жоржъ Дю-Вернуа, котораго недавно назначили на это дѣло. Мудрецы исторію называютъ окомъ политическаго благоразумія, а географію окомъ и свѣтильникомъ исторіи; надъ распространеніемъ и исправленіемъ этихъ наукъ будетъ дѣятельно трудиться опытнѣйшій парижскій географъ Іосифъ Николай Де-Лиль. Я ничего не скажу объ остроумномъ натуралистѣ и ботаникѣ Христіанѣ Буксбаумѣ и профессорѣ греческихъ и римскихъ древностей Теофилѣ Зигфридѣ Байерѣ. Для тѣхъ, которые, всматриваясь въ дѣло глубже, питаютъ огромныя надежды на успѣхи въ занятіяхъ науками и которые принимаютъ къ сердцу каждый шагъ, сдѣланный впередъ въ ученой области, все это будетъ всегдашнимъ побужденіемъ къ дѣятельности, которою они могутъ удовлетворить свою жажду. И такъ-какъ эти знаменитѣйшіе представители русской учености прославятъ юную академію изданіемъ отличныхъ своихъ сочиненій и плодами своего ума, разшевелятъ подрастающія дарованія, которыя со-временемъ могутъ занять ихъ же мѣста, то санктпетербургская академія, быстро идя вверхъ, непремѣнно займетъ ту степень славы, на которую хотѣлъ поставить ее великій ея основатель, который, живя въ нашемъ дивномъ вѣкѣ, былъ самъ дивомъ и при жизни своей всюду находилъ себѣ хвалы. Но какъ плодоносныя деревья долго растутъ и только что въ цѣлыя столѣтія достигаютъ полной своей зрѣ-

Digitized by Google

лости и стойкости, такъ и во всѣхъ почти вещахъ всегда надежды предшествуютъ исполненію желаемаго, и нѣтъ ни одного искусства, ни одной науки, которыя бы въ короткое время своего водворенія такъ возрасли и такъ окрѣпли, чтобы послѣдующіе вѣка ничего не могли прибавить къ нимъ. Къ наукамъ въ этомъ отношеніи очень кстати можно приложить слова Виргилія, сказанныя о молвѣ: «чѣмъ дальше идетъ, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ силы». Науки растутъ съ годами.

Вы знаете, что диктаторское мановеніе ока нѣкоторыхъ людей, непріязненною критикою уничижающихъ труды другихъ народовъ, требуетъ отъ насъ въ первоначальныхъ опытахъ полной зрѣлости. Эти господа не хотятъ взять въ разсчетъ того, что сами-то они, осудивъ себя на сизифовъ трудъ и нагромоздивъ кучу всякой всячины, рѣшительно ничего не сдѣлали.

Такъ какъ астрогнозія (астрономія) помогаетъ мореплаванію въ такой степени, что послѣднее ежедневно гигантски растетъ подъ ея вліяніемъ, то для жрецовъ Уранія, терпѣливыхъ наблюдателей звѣзднаго неба и академическихъ опытовъ, щедрость князя Меншикова, высокая душа котораго полна добродѣтелями, побудила его выстроить, въ прекрасной подгородной дачѣ, называемой Ораніенбаумомъ (villa Orangen-Baum), самую удобную, подзорную башню (specula), которую обыкновенно зовутъ обсерваторіею. Аппараты зрительныхъ инструментовъ (tuborum opticorum) такъ полны, что ничего болѣе желать нельзя. Вооруживъ ими свой глазъ, можно соединить и вычислить всѣ метеорологическія явленія, разстоянія планетъ, ихъ кругообращенія, теченія, фазы, періоды и переходы. Я не буду ничего говорить объ этомъ огромномъ, изумительной величины, двойномъ готторпскомъ мѣдномъ глобусѣ, который былъ изобрѣтенъ Олеаріемъ въ 1656 и оконченъ обработкою въ 1664 году. Подробное описаніе его сдѣлано Гаппелемъ, въ Relation. curios. part II. pag. 194. Этотъ то самый гло-

Digitized by Google

бусъ въ 1713 году былъ присланъ нашему Императору герцогомъ Голштинскимъ * и назначенъ для академіи. Подобнаго этому шару и еще славному мѣдному московскому колоколу, который имѣетъ въ поперечникѣ 25 футовъ, весь міръ ничего не видывалъ доселѣ.

Въ Россіи есть свои граверы, которые рѣжутъ на мѣди, и свои типографщики **. Кромѣ изящнѣйшихъ академическихъ шрифтовъ, выписанныхъ изъ Бельгіи, петербургская синодальная типографія имѣетъ богатые запасы самыхъ роскошныхъ славянскихъ, латинскихъ и греческихъ буквъ; и того, кто захотѣлъ бы составить отчетъ обо всѣхъ безчисленныхъ изданіяхъ, (сдѣланныхъ послѣднею типографіею), священныхъ книгъ, церковныхъ, школьныхъ, историческихъ, филологическихъ, математическихъ и нравственныхъ, то у этого человѣка скорѣе не достало бы бумаги, чѣмъ матеріала для описанія. Теперь слѣдуетъ упомянуть о московской типографіи, которая съ давняго времени славится своею исправностью. Что сказать о московской патріаршей библіотекѣ, наполненной отборнѣйшими священными и свѣтскими кодексами и пергаментными книгами осьмаго и девятаго столѣтій. Не достаетъ только одного, чтобы кто нибудь сличилъ ихъ. Каталогъ этой библіотеки давно уже составленъ и теперь напечатанъ въ Лейпцигѣ; онъ удовлетворитъ вашему любопытству. Тамъ вы отыщете Евангеліе пятаго столѣтія, въ которомъ пропущена исторія женщины, пойманной въ прелюбодѣяніи и приведенной къ Іисусу Христу. Въ Петербургѣ недавно развели ботаническій садъ, изъ котораго до-

* Въ подлинникѣ герцогъ названъ: Dux Cimbrorum.

** Въ доказательство искусства тогдашнихъ граверовъ въ одномъ изъ послѣдующихъ нумеровъ Сына Отечества приложится заказанный въ Англіи снимокъ съ рѣдкаго эстампа 1712 года, изображающаго свадьбу Петра Великаго въ домѣ князя Меншикова. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

оставляются травы, необходимыя для приготовленія лекарствъ; когда въ него прибавится иностранныхъ растеній, то онъ сдѣлается еще лучше. * Ботанофилы ожидаютъ отъ насъ, что мы скажемъ, будто-бы извѣстія о растеніи боранцѣ (Boranetz), которое растетъ въ азіатской Скиѳіи или подвластной ей Татаріи или Дауріи, походитъ видомъ на овцу, покрыто шерстью и ѣстъ траву, около растущую, — не чистая выдумка. Они знаютъ, что все разсказываемое о Россіи на основаніи слуховъ, которые ходятъ въ народѣ, нужно принимать съ величайшею осторожностью **. Усердіе посланника здѣшняго Двора къ китайскому императору, графа Саввы Рагозинскаго по растительной части, обѣщаетъ много; онъ при удобномъ случаѣ окажетъ большую пользу ботаникѣ и фармацевтикѣ. Особенно этой услуги можно ожидать отъ спутника его, аббата Крупалы (Kruzala), человѣка неутомимо занимавшагося сличеніемъ растительныхъ образчиковъ; онъ рѣшился написать подробнѣйшія путевыя записки или дневникъ, въ которомъ будетъ описано все относящееся до посольства. Слѣдуя своему правилу, я не буду распространяться долѣе обо всемъ этомъ.

И одного написаннаго мною, среди многочисленныхъ занятій, о настоящемъ состояніи образованія въ Россіи, по моему мнѣнію, слишкомъ достаточно для того, чтобы измѣнить ваше сомнительное понятіе о Русскихъ и согласить васъ на то, чтобы вы, пріобрѣтя объ нихъ вѣрныя свѣдѣнія, старались уничтожить прежній взглядъ

* Садъ этотъ былъ разведенъ, какъ извѣстно, тамъ, гдѣ нынѣ императорскій ботаническій садъ на Аптекарскомъ Островѣ. *Ред. С. О.*

* Маржере утвердительно писалъ объ этомъ боранцѣ, разсказывая, что онъ растетъ около Астрахани, и что онъ видалъ шкуры съ этихъ барановъ-растеній. См. Etat de l'Empire de Russie par le Capitaine Margeret, à Paris, 1679, страница 3. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

другихъ на эту страну и внушить имъ объ ней новыя мысли. Вы знаете, что изъ-подъ моего пера многое ускользнуло, потому-что, живя въ Петербургѣ нѣсколько мѣсяцевъ, я не могъ еще приглядѣться ко всему хорошенько. И возможно ли въ такое короткое время узнать все? Впрочемъ я счелъ за нужное упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ лицахъ высшаго круга и ими окончить свое письмо. У Турокъ есть пословица: кто сколько знаетъ языковъ, за того можно дать столько головъ. Въ Россіи она прилагается къ тѣтъ людямъ, которые слишкомъ заняты пользою знанія языковъ. Кромѣ великаго множества меркуріевъ нашего покроя, * которые прибыли въ эти гиперборейскія страны въ надеждѣ найти себѣ тутъ счастіе и убѣжище, и которыхъ можно внести въ каталогъ полу-ученыхъ, нигдѣ больше, кромѣ одной Россіи, нельзя сыскать столько людей знатнаго происхожденія, которые бы, выучившись иностраннымъ языкамъ, ставили для себя величайшею честью, къ родному нарѣчію прививать чуждыя, которыхъ они успѣли набраться, ѣздя по Европѣ. Языки служатъ основнымъ камнемъ для изученія наукъ; съ обширнымъ только языкознаніемъ дѣти аристократовъ, воспитывающіеся съ надеждами на полученіе высшихъ должностей, въ оксфордской, берлинской, галльской и прагской академіяхъ, и могутъ пріобрѣсти свѣдѣнія въ чужеземныхъ искусствахъ и усвоить себѣ весь блескъ иностранной образованности. За то, по окончаніи курса они возвращаются домой съ такими огромными свѣдѣніями и въ столькихъ языкахъ, что въ безконечной номенклатурѣ запутывается собственный ихъ здравый умъ. Нужно замѣтить, что это знаніе языковъ доставитъ имъ величайшую пользу, когда они при иностранныхъ Дворахъ будутъ заниматься дѣлами своего отечества. При этомъ почти излишне говорить о живыхъ примѣрахъ, сыновь-

* Меркурій, какъ извѣстно, — богъ краснорѣчія и языкознанія.

Digitized by Google

яхъ Нарышкиныхъ, князей Куракиныхъ, Долгоруковыхъ, Голицыныхъ, графовъ Головиныхъ, Бестужевыхъ. Изъ ученыхъ воиновъ особенно славенъ генералъ фельдмаршалъ лейтенантъ (Generalis campi Mareschalli Locumtenens) Минихъ, знатокъ архитектуры и гидравлики; по-этому ему и поручено устроить Ладожскій каналъ. Главный префектъ Штаффъ въ военной архитектурѣ и тактикѣ не имѣетъ себѣ соперниковъ; этотъ человѣкъ рожденъ для механики и обладаетъ необыкновеннымъ знаніемъ воинской теоріи и практики. Кулонъ преподаетъ русскому юношеству военную архитектуру, для которой деньги идутъ изъ казны. Начальникъ пѣхоты баронъ Вагновицъ (Wagnowitz), знакомый со всѣми науками, занимаетъ здѣсь не послѣднее мѣсто.

Если бы для чести вздумалось кого нибудь назвать здѣсь, то кромѣ свѣтлаго ума сенатора Андрея Артамоновича, * и остроумнаго оберъ-прокурора Ягужинскаго, я указалъ бы на достопочтеннѣйшаго и знаменитѣйшаго Петра Толстаго, тайнаго совѣтника, человѣка достигшаго самыхъ высшихъ степеней придворнаго величія. Всѣхъ удивляетъ въ этомъ человѣкѣ то, что онъ при такомъ счастіи и при такой долгой жизни при Дворѣ, сохранилъ всю неслыханную скромность и свое безпримѣрное радушіе. Онъ очень много разъ бывалъ посланникомъ и прекрасно исполнялъ свое дѣло. Находясь въ этомъ званіи при Оттоманской Портѣ, онъ все время, остававшееся у него отъ оффиціальныхъ занятій, употреблялъ на переводъ сочиненія славнаго Риккарда: «о настоящемъ состояніи Оттоманской имперіи,» писаннаго на французскомъ и на италіянскомъ языкѣ, на свой отечественный. Многолѣтнія наблюденія надъ этою стра-

* Авторъ говоритъ о графѣ Андреѣ Артамоновичѣ Матвѣевѣ, сынѣ знаменитаго боярина Матвѣева, убитаго въ первый стрѣлецкій бунтъ 1782 года. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

ною дали ему возможность сдѣлать въ своемъ переводѣ много замѣчаній и объясненій. Проницательнѣйшій Императоръ, при своей жизни, удостоилъ прочтенія это полнѣйшее, въ своемъ родѣ, произведеніе; оно недавно вышло въ Петербургѣ изъ печати. Вотъ еще труды знаменитаго князя Димитрія Кантемира, написавшаго сочиненіе о томъ же предметѣ: «Возрастаніе и упадокъ Оттоманской имперіи» (Incrementa et detrimenta Ottomanici Imperii). Жестокая судьба недавно лишила насъ умнѣйшаго автора этого творенія, но то, что онъ сдѣлалъ, «не дастъ ему умереть и за гробомъ продлитъ его жизнь.» * Тѣмъ болѣе чести способностямъ Кантемира, что онъ среди всѣхъ ужасовъ притѣсненія со стороны Турокъ, успѣлъ заслужить славу умнѣйшаго человѣка. Его произведеніе всегда будетъ имѣть цѣну. Послѣ князя осталось четверо сыновей; одинъ изъ нихъ Константинъ не по своимъ лѣтамъ владѣетъ основательнымъ умомъ и зрѣлою мыслью; меньшой, Антіохъ, обѣщаетъ въ себѣ большія дарованія и не обманетъ общаго ожиданія. **

Что сказать о двухъ братьяхъ баронахъ Остерманахъ, жрецахъ Меркурія и Музъ. Меньшой, кромѣ огромныхъ познаній, дознанной опытности, глубокаго и зрѣлаго сужденія и несравненнаго остроумія, которыми онъ достойнымъ образомъ въ литературѣ снискалъ себѣ славу и уваженіе, имѣетъ необыкновенныя способности производить труднѣйшія дѣла; въ сомнительныхъ случаяхъ отличается рѣшимостью. Онъ особенно выказалъ себя при заключеніи мира со Швеціею, гдѣ очень много сдѣлалъ для выгодъ Россіи. Память объ немъ должна быть незабвенна. Старшій братъ, герцогъ Мегалополитанскій (Dux Megalopolitanus), посланникъ при

* Въ подлинникѣ стихъ: Eximit et cineri vult superesse suo.

** Слова автора сбылись. Кто изъ Русскихъ не знаетъ сатиръ князя Антіоха Кантемира. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

этомъ Дворѣ, не смотря на то, что отвлеченъ отъ литературныхъ занятій оффиціальными дѣлами, все еще продолжаетъ трудиться для своего ума; онъ чистая доблесть въ счастіи и счастіе въ доблести. Если бы нужно было прибавить здѣсь о прекрасно-образованныхъ и ученыхъ иностранныхъ посланникахъ, то прежде всѣхъ указалъ бы я на посланника римскаго императора, Гогенгольцера, отличающагося снисходительностью, служащею по словамъ Тацита источникомъ всего прекраснаго, которую онъ пріобрѣлъ въ долгихъ опытахъ жизни. Нельзя умолчать о посланникѣ бельгійской республики фанъ-Вильде-Астрее, человѣкѣ съ большою честью занимавшемся юриспруденціею, и датскомъ посланникѣ фонъ-Вестфаленѣ, которые имѣютъ у себя знаменитѣйшую библіотеку. Секретарь прусскаго посольства де Вокеро (de Vokerot) * слѣдитъ и не поверхностно за всѣмъ, что происходитъ въ нашемъ вѣкѣ любопытнаго.

Далѣе слѣдуютъ: знаменитый Зекканіусъ (Zeccanius), который былъ прежде наставникомъ у Нарышкиныхъ, а теперь воспитателемъ Великаго Князя. Это человѣкъ ученѣйшій, который вскормленъ и вспоенъ въ святилищѣ Паллады. Славный секретарь Кокъ, знатокъ изящной литературы. Баронъ Генрихъ, членъ прусской академіи наукъ (ab Huissen Regio-Borussic. Scientiar. Academ.), съ которымъ Яблонскій, Биньонъ, Гравина, Ціампинусъ (Ciampinus), Менкенъ и другіе ученые ведутъ переписку. Онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ пріучилъ себя къ чисто-ученымъ занятіямъ и теперь, среди придворныхъ хлопотъ, не оставляетъ ихъ. Онъ выдалъ въ свѣтъ одно сочиненіе, еще въ то время, когда былъ юношею и еще не кончилъ курса. Поводомъ было слѣ-

* Вѣроятно Французъ, какъ можно догадываться по частицѣ *де* въ его фамиліи. Если же Нѣмецъ, то его фамилію должно произносить де-Фокеротъ. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

дующее: однажды высшее судилище римской имперіи заперъ одинъ галльскій воинъ; * всѣ члены и адвокаты императорской камеры оставили свои мѣста и убѣжали; всѣ судебные акты были въ опасности совсѣмъ погибнуть. Имѣя предъ глазами это событіе, онъ принялся писать свое ученѣйшее разсужденіе о правосудіи или о томъ, какъ нужно судить, когда война или зараза, или какое нибудь другое общественное бѣдствіе, препятствуютъ вести дѣла обыкновеннымъ юридическимъ порядкомъ, и развилъ свои мысли превосходно. Еще въ молодости своей получивши юридическую каѳедру въ Страсбургѣ (Argentorati), написалъ онъ исторію ватиканскихъ засѣданій или выборовъ, обыкновенно называемыхъ конклавами. Императоръ Петръ ввѣрилъ ему воспитаніе своего наслѣдника, далъ множество придворныхъ должностей и поручилъ написать исторію Россіи; съ неимовѣрною заботливостью онъ собиралъ всѣ матеріялы, необходимые для описанія вѣковыхъ событій, и соединилъ ихъ въ одно цѣлое, чтобы эти памятники подобно сивиллинымъ листьямъ «бывъ подняты на воздухъ порывами вѣтра, не разлетѣлись» **. Кромѣ того, смотря на его любовь къ музыкѣ и поэзіи, которыми онъ неутомимо занимается съ юныхъ лѣтъ, нельзя не сказать, что онъ вполнѣ достоинъ той блестящей доли, которою пользуется.

Нельзя еще не упомянуть о докторѣ Томасѣ Консетѣ (Conset), главномъ пасторѣ англиканской церкви въ Россіи, членѣ берлинской академіи наукъ, человѣкѣ извѣстномъ своими философскими, богословскими и филологическими трудами, которые прославятъ и увѣковѣчатъ его имя.

Остается еще прекрасный проповѣдникъ здѣшней ре-

* Авторъ очевидно говоритъ о взятіи Французами какого нибудь города.

** Въ подлинникѣ стихи: Ne turbata volent rapidis ludibrina vetis.

Digitized by Google

формatской церкви, ученѣйшій членъ Женевской академіи, Дюнанъ (Dunant).

И такъ видите, сколько тутъ неутомимыхъ естествоиспытателей, сколько людей съ заслугами, отличныхъ по своимъ дарованіямъ, посвятившихъ себя покровительству и обработкѣ наукъ, такъ дѣятельно исполняющихъ свои обязанности, сколько даровитыхъ артистовъ, которые показали прекрасные образчики своего искусства и которые обѣщаютъ въ будущемъ очень много. Легкость пріобрѣтенія познаній ручается за то, что здѣсь не будетъ застоя; всякій здравомыслящій сознается, что ученыя заведенія много будутъ содѣйствовать къ распространенію наукъ: благородное русское потомство на вѣчномъ храмѣ Мнемозины или, лучше сказать, на своемъ сердцѣ напишетъ эти слова: вводить науки никогда не поздно.

Присоединимъ къ этому наши моленія, чтобы Всеблагій Богъ, начало и источникъ всякаго добра, надолго сохранилъ наше сокровище, Августѣйшую Императрицу, на защиту наукъ и искусствъ. Русское юношество при открытіи академіи, подъ кровомъ которой оно должно воспитываться, не могло иначе выразить своихъ чувствъ Ея Величеству, матери отечества, великой, благочестивой и счастливой покровительницѣ Музъ, какъ только сказавъ:

Respice Magna Parens clementi respice vultu
Quae tenera in cunis Musa Ruthena litat.
Nec pigeat fœtum dextra sceptroque fovere
In decus imperii crescere quousque detur.
Numine sique Petri vitales hauserat auras,
Ob radios posthac floreat illa Tuos.
Nil nobis periisse putes, cum sit modo Matris
Nuper quae fuerat Regia cura Patris.

«Взгляни, взгляни, Великая родительница, ласковымъ «взоромъ: какъ нѣжна русская Муза и какъ дѣйствуетъ

Digitized by Google

«она въ колыбели. Пусть твоя десница и твой скипетръ «поддерживаютъ малютку на славу имперіи, пока она «будетъ существовать. Петръ вдохнулъ въ нее жизнь, «а зацвѣла она, въ послѣдствіи, подъ твоими лучами. «Мы ничего не потеряли: недавно окружалъ насъ сво«ими попеченіями Царственный Отецъ; теперь мы подъ «кровомъ Матери.»

О великихъ Ея добродѣтеляхъ, которыя неприкосновенны для моихъ словъ и моего пера, я съ благоговѣніемъ умалчиваю, хорошо зная, что римскій историкъ однажды сказалъ: «лучше не говорить объ этомъ, нежели говорить такъ мало.» Но мнѣ время кончить письмо, которое кажется уже вышло изъ границъ; я сдѣлалъ это съ тѣмъ, чтобы по словамъ ліонскаго профессора, не показаться усвоившимъ себѣ законы тѣхъ магистриковъ (Magistellorum), которые хвастаютъ тѣмъ, что въ очень немногихъ строкахъ пишутъ огромнѣйшія письма. Желаю, чтобы и вы, когда время и расположеніе души дастъ вамъ случай писать ко мнѣ, не держались этихъ законовъ. При такомъ множествѣ занятій я не сталъ бы обременять васъ такими длинными и несвоевременными письмами, если бы я не зналъ, что вы объ изъясненномъ мною предметѣ имѣете не совсѣмъ вѣрныя понятія. Прошу и умоляю васъ во имя Музъ, принимайте, что все изложенное мною написано изъ одного желанія высказать правду, а не изъ усилія дѣлать критическіе взгляды, отъ которыхъ, вы знаете, какъ я удерживаюсь. Прощайте. Писано въ Петербургѣ, перваго Августа въ тотъ самый годъ, «когда Петръ Великій улетѣлъ на небеса.» *

=

*· Большія буквы въ этомъ Латинскомъ стихѣ подлинника, означаютъ 1725 годъ. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

О НЕОБХОДИМОСТИ КРИТИЧЕСКАГО ИЗДАНІЯ

ИСТОРІИ КАРАМЗИНА.

=

ЖИЗНЬ

ВЛАДИМІРА АНДРЕЕВИЧА СТАРИЦКАГО.

—

Въ то время, когда приготовляется новое изданіе великаго творенія исторіографа, пора подумать объ его заслугахъ, достоинствахъ, недостаткахъ, и воздать должную признательность этому первому, нашему ученому историку. Въ пятнадцать лѣтъ, протекшихъ отъ смерти Карамзина, не явилось никого, равнаго ему, ни талантомъ, ни трудолюбіемъ. Между тѣмъ русская исторія въ теченіе этого времени пріобрѣла множество драгоцѣннѣйшихъ матеріяловъ дѣятельными мѣрами правительства и усердіемъ частныхъ лицъ. Для убѣжденія въ этомъ, стоитъ только вспомнить объ «Актахъ археографической экспедиціи», о богатомъ собраніи «Актовъ юридическихъ», «Актовъ историческихъ», «Актовъ иностранныхъ», о прекрасномъ началѣ изданія лѣтописей. Вспомните книги, изданныя Языковымъ, Сахаровымъ, Устряловымъ, Григоровичемъ, Семеновымъ, Мухановымъ, Чертковымъ, княземъ Оболенскимъ и другими ревнителями отечественнаго бытописанія. * Московское Императорское общество исторіи и

* Безъ сомнѣнія, сочинитель разумѣетъ въ числѣ ихъ и Н. А. Полеваго. Его имя невозможно забыть, говоря о ревнителяхъ отечественной исторіи. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

древностей Россійскихъ трудится и, надобно ожидать, чаще будетъ являться съ своимъ «Историческимъ сборникомъ», получая съ 1837 года отъ Государя Императора ежегодно въ пособіе, для изданія полезныхъ трудовъ, по 5000 рублей асс. Въ Одессѣ учредилось также общество любителей исторіи подъ покровительствомъ Государя Наслѣдника. А сколько еще готовится изданій! Одинъ князь Оболенскій изъ своего богатаго собранія могъ бы представлять ученымъ каждый годъ по огромному фоліанту. Все это уже и теперь составило очень много, хотя еще болѣе обѣщаетъ въ будущемъ; но все это еще только матеріялы, которые должны быть переданы рукамъ историческихъ изслѣдователей: критика отдѣлитъ отъ руды чистое золото и передастъ историку – художнику, который соорудитъ великолѣпное зданіе, достойное величія Россіи.

Между тѣмъ, пока сбудутся ожиданія, трудъ Карамзина остается единственнымъ пособіемъ для изученія древней нашей исторіи. Всякій, желающій узнать судьбу своихъ предковъ до XVII вѣка, обращается—и справедливо — къ «Исторіи Государства Россійскаго». Три тысячи экземпляровъ перваго изданія 1816 г. были разобраны на расхватъ; отъ трехъ тысячъ экземпляровъ втораго изданія, Сленинскаго, 1818 г., не смотря на дорогую цѣну, остается всего сотни двѣ съ небольшимъ. Смирдинъ оказалъ публикѣ важную услугу, напечатавъ дешевое изданіе, доступное по цѣнѣ (30 р.) для каждаго любителя исторіи. Это новое, третье, а за нимъ и четвертое, изданія разошлись также быстро, хотя важнѣйшая часть Карамзинскаго труда: примѣчанія, значительно сокращены, для уничтоженія издержекъ типографскихъ. Смирдинъ каждый разъ печаталъ по пяти тысячъ экземпляровъ; и теперь уже почти нельзя отыскать Смирдинскаго изданія. Эти 16,000 экземпляровъ, раскупленные публикою, яснѣе всего показываютъ, какую огромную поль-

Digitized by Google

зу принесъ Карамзинъ трудомъ своимъ, и какъ умѣла Россія оцѣнить заслуги автора.

Карамзинъ обозрѣлъ все, что было писано до него; присоединилъ къ этому результаты собственнаго, долговременнаго изученія, и создалъ такое твореніе, которое навсегда сохранится въ русской литературѣ, какъ первое *ученое* историческое сочиненіе, удивительный памятникъ *краснорѣчія* и *языка* въ началѣ XIX вѣка. Но, увлеченный тогдашними литературными понятіями, Карамзинъ накинулъ на историческія лица древней Руси римскую тогу, не сохранивъ въ своей исторіи той простоты, какою отличаются наши лѣтописи. Не занимаясь *высшею* критикою, которая возможна только тогда, когда всѣ *факты* уже очищены, Карамзинъ видѣлъ необходимость заняться въ древней исторіи этою *низшею* критикою, какъ называетъ ее Шлёцеръ, и добросовѣстно исполнилъ свое дѣло. Но чѣмъ далѣе шелъ Карамзинъ на своемъ поприщѣ, тѣмъ краснорѣчивѣе становилось перо его и тѣмъ слабѣе критика. Вотъ одинъ примѣръ, который вполнѣ можетъ оправдать наши слова (Карам. IX, стр. 111—144).

«Весною въ 1569 году, собирая войско въ Нижнемъ Новгородѣ для защиты Астрахани, Іоаннъ не усомнился ввѣрить оное своему мужественному брату. Но сія мнимая довѣренность произвела опалу и гибель. Князь Владиміръ ѣхалъ въ Нижній чрезъ Кострому, гдѣ граждане и духовенство встрѣтили его со крестами, съ хлѣбомъ и солью, съ великою честію, съ изъявленіемъ любви. Узнавъ о томъ, царь велѣлъ привезти тамошнихъ начальниковъ въ Москву и казнилъ ихъ, а брата ласково звалъ къ себѣ. Владиміръ, съ супругою, съ дѣтьми, остановился верстахъ въ трехъ отъ Александровской Слободы, въ деревнѣ Слотинѣ; далъ знать Царю о своемъ пріѣздѣ, ждалъ отвѣта — и вдругъ видитъ полкъ всадниковъ: скачутъ во всю прыть съ обнаженными мечами, какъ на битву, окружаютъ деревню; Іоаннъ съ ними: сходитъ съ коня и скрывается въ одномъ изъ сельскихъ домовъ. Василій Грязной, Малюта Скуратовъ

Digitized by Google

объявляютъ князю Владиміру, что онъ умышлялъ на жизнь государеву, и представляютъ уличителя, царскаго повара, коему Владиміръ далъ будто бы деньги и ядъ, чтобы отравить Іоанна. Все было вымышлено, приготовлено. Ведутъ несчастнаго съ женою и съ двумя юными сыновьями къ государю: они падаютъ къ ногамъ его, клянутся въ своей невинности, требуютъ постриженія. Царь отвѣтствовалъ: «вы хотѣли умертвить меня ядомъ: пейте его сами!» Подали отраву. Князь Владиміръ, готовый умереть, не хотѣлъ изъ собственныхъ рукъ отравить себя. Тогда супруга его, Евдокія, — родомъ княжна Одоевская, умная, добродѣтельная, — видя, что нѣтъ спасенія, нѣтъ жалости въ сердцѣ губителя, отвратила лице свое отъ Іоанна, осушила слезы и съ твердостію сказала мужу: «не мы себя, но мучитель «отравляетъ насъ: лучше принять смерть отъ царя, нежели отъ палача.» Владиміръ простился съ супругою, благословилъ дѣтей и выпилъ ядъ: за нимъ Евдокія и сыновья. Они вмѣстѣ молились. Ядъ начиналъ дѣйствовать: Іоаннъ былъ свидѣтелемъ ихъ терзанія и смерти! Призвавъ боярынь и служанокъ княгини Евдокіи, онъ сказалъ: «Вотъ «трупы моихъ злодѣевъ. Вы служили имъ; но изъ милосердія дарую вамъ жизнь.» Съ трепетомъ увидѣвъ мертвыя тѣла господъ своихъ, онѣ единогласно отвѣчали: «мы «не хотимъ твоего милосердія, звѣрь кровожадный! Растерзай насъ: гнушаясь тобою, презираемъ жизнь и муки.» Сіи юныя жены, вдохновенныя омерзѣніемъ къ злодѣйству, не боялись ни смерти, ни самаго стыда: Іоаннъ велѣлъ обнажить ихъ и разстрѣлять. — Мать Владимірова, Евфросинія, нѣкогда честолюбивая, но въ монашествѣ смиренная, уже думала только о спасеніи души: умертвивъ сына, Іоаннъ тогда же умертвилъ и мать: ее утопили въ рѣкѣ Шекснѣ, вмѣстѣ съ другою инокинею, добродѣтельною Александрою, его невѣсткою, виновною, можетъ быть, слезами о жертвахъ царскаго гнѣва.

«Судьба несчастнаго князя Владиміра произвела всеобщую жалость: забыли страхъ; слезы лились въ домахъ и въ храмахъ. Никто, безъ сомнѣнія, не вѣрилъ объявленному умыслу сего князя на жизнь Государеву: видѣли одно гнусное братоубійство, внушенное еще болѣе злобою, нежели

Digitized by Google

подозрѣніемъ. Онъ не имѣлъ великихъ свойствъ, но имѣлъ многія достохвальныя: могъ бы царствовать въ Россіи и не быть тираномъ; сносилъ долговременную, явную опалу свою съ твердостію, ждалъ своей неминуемой гибели съ какимъ-то христіанскимъ спокойствіемъ, и приводилъ добрыя сердца въ умиленіе, раждающее любовь. Іоаннъ слышалъ — если не смѣлыя укоризны, то по крайней мѣрѣ воздыханія Россіянъ великодушныхъ, и хотѣлъ открытіемъ мнимаго важнаго заговора доказать необходимость своей жестокости для обузданія предателей, будто бы единомышленниковъ князя Владиміра. Сія новая клевета на живыхъ и мертвыхъ была ли только изобрѣтеніемъ смятеннаго ума Іоаннова, или адскимъ ковомъ его сподвижниковъ въ губительствѣ, которые желали тѣмъ изъявить ему свое усердіе и питать въ немъ страсть къ мучительству? Надѣялся ли Іоаннъ обмануть современниковъ и потомство грубою ложью, или обманывалъ самого себя легковѣріемъ? Послѣднее утверждаютъ лѣтописцы, чтобы облегчить лежащее на Іоаннѣ бремя дѣлъ страшныхъ; но самое легковѣріе въ такомъ случаѣ не вопіетъ ли на небо? уменьшаетъ ли омерзѣніе къ убійствамъ неслыханнымъ?»

Какая увлекательность въ разсказѣ, и какъ жаль, что такимъ краснорѣчіемъ облекъ историографъ *небывалое происшествіе*, увлеченный ложными показаніями измѣнниковъ и враговъ Іоанна Грознаго.

Замѣтимъ наперед, что всѣ разскащики объ этомъ событіи противорѣчатъ другъ другу: Таубе и Крузе пишутъ, что Владиміръ Андреевичъ, его жена и дѣти принуждены были выпить ядъ; Одерборнъ и Гваньини увѣряютъ, что Владиміру отсѣкли голову, а Евдокію утопили въ рѣкѣ; Курбскій утверждаетъ, что Владиміра, супругу его и дѣтей Іоаннъ приказалъ разстрѣлять изъ ручницъ. Карамзинъ предпочелъ, неизвѣстно почему, разсказы Таубе и Крузе, и на основаніи ихъ описалъ такъ краснорѣчиво смерть Владиміра и его семейства.

Повѣримъ эти, *противорѣчащіе* одинъ другому, раз-

Digitized by Google

сказы свидѣтельствами современными и собственною жизнію Владиміра Андреевича.

Владиміръ былъ сынъ князя Андрея Іоанновича, погибшаго въ темницѣ въ правленіе Елены, матери Грознаго. Пока Андрей Іоанновичъ томился въ заключеніи, супруга его Евфросинія вмѣстѣ съ сыномъ Владиміромъ взята была подъ стражу. Черезъ два года новые правители, Бѣльскіе, возвратили Владиміру Андреевичу и матери свободу и позволили имъ жить въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ. Въ день Рождества Христова, 1540 года, Иванъ Бѣльскій представилъ въ дворецъ, Владиміра Андреевича. Ему дали отцовскій удѣлъ: Верею, Вышгородъ, Алексинъ, Любутскъ, Старицу, Холмъ и Новгородъ тверскіе; позволено имѣть дворъ, бояръ и слугъ. На свадьбѣ царской, въ 1547 году, Владиміръ Андреевичъ былъ тысячскимъ, Евфросинія занимала мѣсто матери государя. Черезъ три года Іоаннъ Васильевичъ, еще самъ не имѣя наслѣдника, позволилъ двоюродному брату жениться и самъ выбралъ ему невѣсту, Евдокію Александровну, изъ рода Нагихъ. * Это обстоятельство очень замѣчательно, доказывая искреннюю любовь Царя къ брату, вопреки тогдашней предохранительной политикѣ, не дозволявшей царскимъ родственникамъ вступать въ бракъ. Имя Владиміра Андреевича Государь приказалъ упоминать вмѣстѣ съ именемъ роднаго брата, Юрія Васильевича. Памятникомъ этого братскаго согласія остался и Судебникъ, въ которомъ сказано, что его «уложилъ Царь и Великій Князь съ

* Въ 1549 году приговорилъ царь Іоаннъ Васильевичъ женить двоюроднаго брата своего. Въ слѣдующемъ году собраны ко двору дочери князей и бояръ: 24-го мая 1550 года, въ воскресенье, царь и Владиміръ Андреевичъ смотрѣли дѣвицъ. Избраніе пало на Евдокію Александровну изъ рода Нагихъ, а въ воскресенье, 31-го Мая, была свадьба, описаніе которой можно читать въ XIII томѣ *Вивліоѳики*. По другимъ извѣстіямъ, бракосочетаніе происходило 18-го Мая, (*Карамз.* т. VIII, прим. 93). Обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ во дворцѣ митрополитомъ Макаріемъ.

Digitized by Google

братіею своею и съ боляры». — Во время перваго похода на Казань, 1550 года, Владиміру Андреевичу поручено государемъ начальство въ Москвѣ. Въ 1552 году, по случаю нашествія Крымцевъ, осматривалъ онъ вмѣстѣ съ Іоанномъ войско на берегахъ Оки; былъ приглашенъ на совѣщанія о казанскомъ походѣ и, послѣ взятія Казани, получилъ предпочтительныя передъ всѣми полководцами награды.

Покоритель Казани возвратился въ Москву и вскорѣ (1553) занемогъ отчаянно. Въ Мартѣ исчезла всякая надежда на выздоровленіе; одиннадцатый день этого мѣсяца долженъ былъ рѣшить судьбу всей будущей жизни Іоанна. Послушаемъ теперь Карамзина (т. VIII, с. 202—211).

«Іоаннъ былъ въ памяти. Дьякъ царскій, Михайловъ, приступивъ къ одру, съ твердостію сказалъ болящему, что ему время совершить духовную. Не смотря на цвѣтущую юность, въ полнотѣ жизни и здравія, Іоаннъ часто говаривалъ о томъ съ людьми ближними; не устрашился, и спокойно велѣлъ писать завѣщаніе, объявивъ сына, младенца Димитрія, своимъ преемникомъ, единственнымъ государемъ Россіи. Бумагу написали; хотѣли утвердить ее присягою всѣхъ знатнѣйшихъ сановниковъ, и собрали ихъ въ царской столовой комнатѣ. Тутъ начался споръ, шумъ, мятежъ; одни требовали, другіе не давали присяги, и въ числѣ послѣднихъ князь Владиміръ Андреевичъ, который съ гнѣвомъ сказалъ вельможѣ Воротынскому, укоряющему его въ ослушаніи: «смѣешь ли браниться со мною?» *Смѣю и драться*, отвѣтствовалъ Воротынскій, *по долгу усерднаго слуги моихъ и твоихъ государей; Іоанна и Димитрія; не я, но они повелѣваютъ тебѣ исполнить обязанность вѣрнаго Россіянина.* Іоаннъ позвалъ ослушныхъ бояръ и спросилъ у нихъ: «Кого же думаете избрать въ цари, отказываясь цѣловать «крестъ на имя моего сына? Развѣ забыли вы данную вами клятву служить единственно мнѣ и дѣтямъ моимъ?....» Не имѣя силъ говорить много,» примолвилъ онъ слабымъ голосомъ: «Димитрій и въ пеленахъ есть для васъ самодер-

Digitized by Google

«жецъ законный; но если не имѣете совѣсти, то будете от-«вѣтствовать Богу.» На сіе бояринъ князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій сказалъ ему, что они не цѣловали креста, ибо не видали государя предъ собою; а Ѳедоръ Адашевъ, отецъ любимца Іоаннова, саномъ окольничій, изъяснялся откровеннѣе такими словами: «тебѣ, государю, и сыну тво-«ему мы усердствуемъ повиноваться, но не Захарьинымъ-«Юрьевымъ, которые, безъ сомнѣнія, будутъ властвовать въ «Россіи именемъ младенца безсловеснаго. Вотъ что̀ стра-«шитъ насъ. А мы, до твоего возраста, уже испили всю «чашу бѣдствій отъ боярскаго правленія.» Іоаннъ безмолв-ствовалъ въ изнеможеніи. Самодержецъ чувствовалъ себя простымъ, слабымъ смертнымъ у могилы: его любили, опла-кивали, но уже не слушались, не берегли: забывали свя-щенный долгъ покоить умирающаго; шумѣли, кричали надъ самымъ одромъ безгласно-лежащаго Іоанна,—и разошлися.

«Чего же хотѣли сіи дерзкіе сановники, можетъ быть, дѣй-ствительно одушевленные любовію къ общему благу, дѣй-ствительно устрашенные мыслію о гибельныхъ для отече-ства смутахъ боярскихъ, которыя снова могли возвориться въ правительствующей Думѣ, къ ужасу Россіи, въ мало-лѣтство Димитрія? Они хотѣли возложить вѣнецъ на главу брата Іоаннова, не Юрія: ибо сей несчастный князь, оби-женный природою, не имѣлъ ни разсудка, ни памяти, — но Владиміра Андреевича, одареннаго многими блестящими свойствами: умомъ любопытнымъ, острымъ, дѣятельнымъ, мужествомъ и твердостію.....

«.....Князь Петръ Щенятевъ, Иванъ Пронскій, Симеонъ Ростовскій, Дмитрій Нѣмый-Оболенскій во дворцѣ и на пло-щади славятъ князя Владиміра Андреевича, говоря: «луч-«ше служить старому, нежели малому и раболѣпствовать «Захарьинымъ». Истощая послѣднія силы свои, Государь хотѣлъ видѣть князя Владиміра и такъ называемою *цѣлова-льною записью* обязать его въ вѣрности: сей князь торже-ственно отрекся отъ присяги. Съ удивительною кротостію Іоаннъ сказалъ ему: «вижу твое намѣреніе: бойся Всевыш-«няго!» а боярамъ, давшимъ клятву: «я слабѣю; оставьте «меня и дѣйствуйте по долгу чести и совѣсти.» Они съ новою ревностію начали убѣждать всѣхъ думныхъ совѣт-

Digitized by Google

никовъ исполнить волю государеву. Имъ отвѣтствовали: «знаемъ, чего вы желаете: быть господами; но мы не сдѣлаемъ по вашему.» Называли другъ друга измѣнниками, властолюбцами; гнѣвъ, злоба кипѣли въ сердцахъ, и каждое слово съ обѣихъ сторонъ было угрозою.

«Въ часы сего ужаснаго смятенія князь Владиміръ Андреевичъ и мать его, Евфросинія, собирали у себя въ домѣ дѣтей боярскихъ и раздавали имъ деньги. Народъ изъявлялъ негодованіе. Благоразумные вельможи говорили князю Владиміру, что онъ безразсудно ругается надъ общею скорбію, какъ бы праздную болѣзнь царя; что не время жаловать людей, когда отечество въ слезахъ и въ страхѣ. Князь и мать его отвѣчали словами колкими, съ досадою; а бояре, окружающіе государя, уже не хотѣли пускать къ нему сего, явно злонамѣреннаго брата. Тутъ выступилъ на позорище чрезвычайный мужъ Сильвестръ, доселѣ главный совѣтникъ Іоанновъ, ко благу Россіи, но къ тайному неудовольствію многихъ, которые видѣли, что простый іерей управляетъ и Церковію и Думою: ибо (по словамъ лѣтописца) ему не доставало только сѣдалища царскаго и святительскаго: онъ указывалъ и вельможамъ и митрополиту, и судіямъ и воеводамъ; мыслилъ, а царь дѣлалъ. Сія власть, не будучи беззаконіемъ и происходя единственно отъ справедливой довѣренности государевой къ мудрому совѣтнику, могла однакожъ измѣнить чистоту его первыхъ намѣреній и побужденій; могла родить въ немъ любовь къ господству и желаніе утвердить оное навсегда: искушеніе опасное для добродѣтели! Всѣми уважаемый, не всѣми любимый, Сильвестръ терялъ съ Іоанномъ политическое бытіе свое, и соглашая личное властолюбіе съ пользою государственною, *можетъ быть*, тайно доброхотствовалъ сторонѣ князя Владиміра Андреевича, связаннаго съ нимъ дружбою. По крайней мѣрѣ, видя остервененіе ближнихъ Іоанновыхъ противъ сего князя, онъ вступился за него и говорилъ съ жаромъ: «кто дерзаетъ удалять брата отъ брата «и злословить невиннаго, желающаго лить слезы надъ бо«лящимъ?» Захарьины и другіе отвѣтствовали, что они исполняютъ присягу, служатъ Іоанну, Димитрію, и не тер-

Digitized by Google

пять измѣнниковъ. Сильвестръ оскорбился и навлекъ на себя подозрѣніе.

«Въ слѣдующій день государь вторично созвалъ вельможъ и сказалъ имъ: «въ послѣдній разъ требую отъ васъ при«сяги. Цѣлуйте крестъ предъ моими ближними боярами, «князьями Мстиславскимъ и Воротынскимъ: я не въ силахъ «быть того свидѣтелемъ. А вы, уже давшіе клятву умереть «за меня и за сына моего, вспомните оную, когда меня не «будетъ; не допустите вѣроломныхъ извести царевича: спа«сите его; бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ «укажетъ вамъ путь!..... А вы, Захарьины, чего ужасае«тесь? Поздно щадить вамъ мятежныхъ бояръ: они не по«щадятъ васъ; вы будете *первыми мертвецами*. И такъ яви«те мужество; умрите великодушно за моего сына и за мать «его; не дайте жены моей на поруганіе измѣнникамъ!» Сіи слова произвели сильное дѣйствіе въ сердцѣ бояръ; они содрогнулись, и безмолвствуя вышли въ переднюю комнату, гдѣ дьякъ Иванъ Михайловъ держалъ крестъ, а князь Владиміръ Воротынскій стоялъ подлѣ него. Всѣ присягали въ тишинѣ и съ видомъ умиленія, моля Всевышняго, да спасетъ Іоанна, или да будетъ сынъ его подобенъ ему для счастія Россіи. Одинъ князь Иванъ Пронскій-Турунтай, взглянувъ на Воротынскаго, сказалъ ему: «отецъ твой и ты «самъ былъ первымъ измѣнникомъ по кончинѣ великаго «князя Василія; а теперь приводишь насъ къ святому кре«сту!» Воротынскій отвѣчалъ ему спокойно: «да, я измѣн«никъ, а требую отъ тебя клятвы быть вѣрнымъ государю «нашему и сыну его; ты праведенъ, а не хочешь дать ее!» Турунтай замѣшался и присягнулъ.

«Но сей священный обрядъ не всѣхъ утвердилъ въ вѣрности. Князь Дмитрій Палецкій, сватъ государевъ, тесть Юрія, тогда же послалъ зятя своего, Василья Бороздина, къ князю Владиміру Андреевичу и къ матери его, сказать имъ, что если они дадутъ Юрію удѣлъ, назначенный ему въ духовномъ завѣщаніи великаго князя Василія, то онъ, (Палецкій), готовъ, вмѣстѣ съ другими, помогать имъ и возвести ихъ на престолъ. Еще двое изъ вельможъ оставались въ подозрѣніи: князь Дмитрій Курлятевъ, другъ Алексѣя Адашева, и казначей Никита Фуниковъ; они не были во

Digitized by Google

дворцѣ за болѣзнію, но, по увѣренію доносителей, имѣли тайное сношеніе съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Курлятевъ на третій день, когда уже все затихло, велѣлъ нести себя во дворецъ и присягнулъ Димитрію: Фуниковъ также, но послѣдній. Самъ князь Владиміръ Андреевичъ обязался клятвенною грамотою *не думать о царствѣ* и въ случаѣ Іоанновой кончины повиноваться Димитрію какъ своему законному государю; а мать Владимірова долго не хотѣла приложить княжеской печати къ сей грамотѣ; наконецъ исполнила рѣшительное требованіе бояръ, сказавъ: «что̀ значитъ присяга *невольная?*»

«Сіи два дня смятенія и тревоги довели слабость болящаго до крайней степени; онъ казался въ усыпленіи, которое могло быть преддверіемъ смерти. Но дѣйствія природы неизъяснимы: чрезвычайное напряженіе силъ иногда губитъ, иногда спасаетъ въ жестокомъ недугѣ. Въ какомъ волненіи была душа Іоаннова? Жизнь мила въ юности: его жизнь украшалась еще славою и всѣми лестными надеждами вѣнценосной добродѣтели. Въ кипѣніи силъ и чувствительности касаться гроба, падать съ престола въ могилу, видѣть страшное измѣненіе въ лицахъ: въ безмолвныхъ дотолѣ подданныхъ, въ усердныхъ любимцахъ непослушаніе, строптивость; государю самовластному уже зависѣть отъ тѣхъ, коихъ судьба зависѣла прежде отъ его слова; смиренно молить ихъ, да спасутъ, хотя въ изгнаніи, жизнь и честь его семейства! Іоаннъ перенесъ ужасъ такихъ минутъ; огнь души усилилъ дѣятельность природы, и болящій выздоровѣлъ, къ радости всѣхъ и къ безпокойству нѣкоторыхъ. Хотя князь Владиміръ Андреевичъ и единомышленники его исполнили наконецъ волю Іоаннову и присягнули Димитрію; но могъ ли самодержецъ забыть мятежъ ихъ и муку души своей, ими растерзанной въ минуты его боренія съ ужасами смерти?.....

«Что̀ жъ сдѣлалъ Іоаннъ? всталъ съ одра исполненный милости ко всѣмъ боярамъ, благоволенія и довѣренности къ прежнимъ друзьямъ и совѣтникамъ; далъ санъ боярскій отцу Адашева, который смѣлѣе другихъ опровергалъ царское завѣщаніе; чествлъ, ласкалъ князя Владиміра Андреевича; однимъ словомъ, не хотѣлъ помнить, что̀ случилось въ бо-

Digitized by Google

дѣзнь его, и кавался только признательнымъ къ Богу за свое чудесное исцѣленіе!

«Такова была наружность; но въ сердцѣ осталась рана опасная. Іоанну внушали, что не только Сильвестръ, но и юный Адашевъ тайно держалъ сторону князя Владиміра.»

И такъ, за всѣ милости царя, за его довѣренность и братскую любовь, Владиміръ Андреевичъ заплатилъ самою черною неблагодарностью: обязанный всѣмъ Іоанну, Владиміръ Андреевичъ не посовѣстился отнимать престолъ у его сына! Одинъ запятналъ себя *измѣною, неблагодарностью;* другой отплатилъ ему *великодушнымъ прощеніемъ.* Тутъ нечего пояснять: дѣло говоритъ само за себя краснорѣчивѣе всѣхъ восклицаній. Что касается до предполагаемыхъ «многихъ блестящихъ свойствъ Владиміра,» которому приписывается исторіографомъ «умъ любопытный, острый, дѣятельный, мужество и твердость» (стр. 204—205); то всѣ эти предположенія противорѣчатъ отзывамъ современниковъ. Врагъ Іоанновъ, князь Курбскій, откровенно говоритъ, что Владиміръ *недостоинъ былъ* царства (Сказанія кн. Курбск. 2, стр. 127, отвѣтъ на 2 посланіеІоанна).

Прошелъ годъ: младенецъ Димитрій скончался; у Іоанна былъ уже новый наслѣдникъ, Іоаннъ Іоанновичъ. Тревожимый будущностью этого сына, государь потребовалъ отъ Владиміра Андреевича цѣловальной записи, которою обязывался онъ блюсти престолъ за новорожденнымъ царевичемъ Іоанномъ Іоанновичемъ, а въ случаѣ кончины его, за Юріемъ Васильевичемъ. Въ Маѣ 1554 года, Владиміръ Андреевичъ далъ эту запись, подписанную и митрополитомъ Макаріемъ (Собраніе государственныхъ грамматъ и договоровъ. I, стр. 465). Карамзинъ, не вникувъ въ настоящій смыслъ этой записи, думалъ, что тутъ говорится объ удѣлахъ Юрію и царицѣ Анастасіи; а такъ-какъ удѣлы могъ раздавать одинъ царь, то Карамзинъ *предположилъ*, что и *Царемъ вѣроятно былъ назначенъ Владиміръ же.* Но такого извѣ-

Digitized by Google

стія нигдѣ нѣтъ, почему, для оправданія перваго предположенія, историографъ дѣластъ второе *предположеніе*, будто-бы Іоаннъ составилъ завѣщаніе, которое будтобы утратилось (Ист. Гос. Рос. т. VIII, примѣч. 392), и *на основаніи двухъ предположеній* разсказываетъ о *небываломъ* происшествіи. «Чрезъ девять мѣсяцевъ утѣшенный рожденіемъ втораго сына, Іоанна, Государь, въ новомъ (??), тогда написанномъ, завѣщаніи (??), показалъ величайшую довѣренность къ брату, князю Владиміру Андреевичу: объявилъ его, въ случаѣ своей смерти, не только опекуномъ юнаго царя, не только государственнымъ правителемъ, но и наслѣдникомъ трона (??), если царевичъ Іоаннъ скончается въ малолѣтствѣ. (Ист. Гос. Рос. VIII, стр. 215). Это предположеніе не имѣетъ никакой вѣроятности:

Во 1-хъ) въ цѣловальной записи 1554 года нѣтъ ни малѣйшаго намека на это мнимое назначеніе Владиміра царемъ; напротивъ, запись совершенно во всемъ *ограничиваетъ* Владиміра, обязывая его не щадить даже матери, еслибъ она что замыслила: «А жити ми на Мос«квѣ въ своемъ дворѣ; а держати ми у себя своихъ «людей всякихъ сто восмь человѣкъ, а болѣ не дер«жати; а опричь ми того служилыхъ людей своихъ «всѣхъ держати въ своей отчинѣ.... А безъ бояръ ми «сына твоего никотораго дѣла не дѣлати, которые бо«яре въ твоей, государя моего, душевной грамотѣ пи«саны, и не сказавъ ми сыну твоему и его матери ни«каково дѣла не вершити; какъ ми прикажетъ сынъ «твой и мать его, по тому ми всякіе дѣла вершити.... «А по грѣхомъ, мать моя учнетъ мя наводити на ко«торое лихо сына твоего, царевича Ивана, и на ма«терь его лихо, или иной которой твой сынъ на го«сударствѣ будетъ: и мнѣ матери своей въ томъ ни въ «чемъ не слушати, а сказати ми тѣ ея рѣчи сыну тво«ему и матери его.... А возметъ Богъ и сына твоего, «царевича Ивана, а иныхъ дѣтей твоихъ, государя

Digitized by Google

«нашего, не останетъ же ся: *и мнѣ твой*, государя «своего, *приказъ весь исправити твоей царицѣ, великой «княгинѣ Анастасіи, и твоему брату, кн. Юрью Ва«сильевичю, по твоей душевной грамотѣ, какъ еси имъ «написалъ.*» Отсюда очень ясно видно, что, въ случаѣ смерти царевича, престолъ долженъ былъ перейдти по общему государственному закону, въ ближайшій родъ т. е. къ Юрію Васильевичу.

Во 2-хъ) Есть собственное свидѣтельство Іоанна, которое показываетъ, что государь и не думалъ измѣнять этого законнаго перехода въ ближайшую линію, вопреки мнѣнію Карамзина. Въ перепискѣ съ Курбскимъ, Іоаннъ прямо указываетъ на это, припоминая Курбскому, что Владиміровъ отецъ, Андрей Іоанновичъ, былъ четвертый сынъ Іоанна Великаго, и слѣдовательно Владиміровъ родъ, какъ отдаленнѣйшій, не имѣетъ права на престолъ. Воспоминая прежніе поступки свои съ Владиміромъ Андреевичемъ, Іоаннъ съ чувствомъ собственнаго достоинства говоритъ Курбскому: «А князя Володиміра на царство для чего хотѣли посадити? А азъ восхищеньемъ ли, или ратью, или кровью сѣлъ на государство? Народился есми Божіимъ изволеніемъ, на царство; и не помню того, какъ меня батюшка пожаловалъ благословилъ государствомъ, и взросъ есми на государствѣ. А князю Володиміру *почему* было быти на государствѣ? Отъ *четвертаго удѣльнаго* родился. Что его достоинство къ государству? *которое его поколѣнье?* Развѣ вашея измѣны къ нему, да его дурости. Что вина моя передъ нимъ? что ваши же дяди и господа — отца его уморили въ тюрьмѣ, а его и съ матерью также держали въ тюрьмѣ. И я его и матерь отъ того свободилъ и держалъ въ дружествѣ, а онъ было отъ того (т. е. дружества) и отшелъ. И язъ такія досады стерпѣти не могъ: за себя есми сталъ!» прибавляетъ Іоаннъ, намекая на послѣдніе годы Владиміровой жизни, какъ уви-

Digitized by Google

димъ далѣе. (Сказанія князя Курбскаго, ч. 2, стран. 112—113).

Въ 1555 году, Владиміръ Андреевичъ вступилъ во второй бракъ съ Евдокіею Романовною, княжною Одоевскою. Свадьба происходила 28 апрѣля. Въ Іюнѣ того же года Владиміръ Андреевичъ взятъ былъ государемъ въ походъ противъ крымскаго хана, Девлетъ-Гирея, который только поспѣшнымъ бѣгствомъ избѣжалъ пораженія, будучи поставленъ между двухъ огней, спереди стѣсненный Іоанномъ, сзади Шереметевымъ. Въ концѣ 1563 года Владиміръ Андреевичъ присутствовалъ вмѣстѣ съ царемъ при погребеніи Юрія Васильевича и постриженіи его супруги Юліаніи, которая оставила свѣтъ и въ Новодѣвичьемъ монастырѣ приняла санъ инокини, подъ именемъ Александры. Государь устроилъ ей въ келіяхъ пышный дворъ, далъ сановниковъ въ услугу и богатыя помѣстья во владѣніе. — Владиміръ Андреевичъ еще не былъ удаленъ, хотя мать его была пострижена за новые замыслы, да и самъ онъ, въ Іюнѣ того года, *былъ уличенъ* въ нихъ, по сознанію Карамзина (т. IX, с. 48 и 140).

«Еще прежде Юліаніи, волею или неволею, постриглась мать князя Владиміра Андреевича, честолюбивая Евфросинія, вмѣстѣ съ сыномъ заслуживъ гнѣвъ царя по доносу дьяка ихъ, который за свои худыя дѣла сидѣлъ въ темницѣ. Государь призвалъ обвиняемыхъ, митрополита, епископовъ; *уличилъ* — какъ сказано въ лѣтописи — мать и сына *въ неправдѣ*, но, уваживъ моленіе духовенства, изъ *милосердія* отпустилъ имъ вину. Тогда Евфросинія, оставивъ свѣтъ, заключилась въ Воскресенскомъ монастырѣ на Бѣлѣозерѣ, куда проводили ее знатные дворскіе чиновники; а князю Владиміру Іоаннъ далъ *новыхъ* бояръ, стольниковъ и дьяковъ, взявъ его собственныхъ къ себѣ въ царскую службу: то есть, окружилъ сего князя надзирателями: между тѣмъ обходился съ нимъ ласково, ѣздилъ къ нему гостемъ въ Старицу, въ Верею, въ села вышегородскія, что-

Digitized by Google

бы пировать и веселиться. Еще внутренняя злоба таилась подъ личиною дружелюбія.....»

«Іоаннъ каралъ невинныхъ; а виновный, дѣйствительно виновный, стоялъ предъ тираномъ: тотъ, кто въ противность закону хотѣлъ быть на тронѣ, не слушался болящаго Царя, радовался мыслію объ его близкой смерти, подкупалъ вельможъ и воиновъ на измѣну — князь Владиміръ Андреевичь! Прошло 16 лѣтъ: но Іоаннъ, какъ мы видѣли, умѣлъ помнить старыя вины, и не переставалъ его опасаться. Никто изъ бояръ не дерзалъ имѣть дружелюбнаго обхожденія съ симъ княземъ: одни лазутчики приближались къ нему, чтобы всякое нескромное слово употребить въ доносъ. Что спасало несчастнаго? Естественный ли ужасъ обагрить руки кровію ближняго родственника? Быть можетъ; ибо есть остановки, есть затрудненія для самаго ожесточеннаго тирана: иногда онъ бываетъ человѣкомъ; уже не любя добра, боится крайностей во злѣ; тревожимый совѣстію, облегчаетъ себя мыслію, что онъ еще удерживается отъ нѣкоторыхъ преступленій! Но сей оплотъ ненадеженъ: злодѣйства стремятъ къ злодѣйствамъ, и князь Владиміръ могъ предвидѣть свою неминуемую участь, не смотря на милостивое прощеніе, ему объявленное въ 1563 году, не смотря на лицемѣріе Іоанна, который всегда чествлъ, ласкалъ его. Въ знакъ милости давъ Владиміру большое мѣсто въ Кремлѣ для новаго великолѣпнаго дворца и города Дмитровъ, Боровскъ, Звенигородъ, царь взялъ себѣ на обмѣнъ Верею, Алексинъ, Старицу, безъ сомнѣнія для того, что сей князь съ новыми помѣстьями казался менѣе опаснымъ, нежели съ наслѣдственными, гдѣ еще хранился духъ древней удѣльной системы.»

Отдѣлите въ этомъ описаніи все риторство — останется чистый фактъ тотъ, что Іоаннъ простилъ Владиміра Андреевича, уличеннаго во вторичной измѣнѣ; но, чтобы пресѣчь всѣ дальнѣйшіе замыслы, далъ ему новые города, взявъ прежніе, въ которыхъ онъ имѣлъ приверженцевъ. Затѣмъ слѣдуетъ краснорѣчивое описаніе смерти Владиміра (1569), и его семейства, приведенное

Digitized by Google

въ началѣ нашей статьи. Удивительно, какъ не остановило историографа разнорѣчіе всѣхъ разсказовъ о смерти Владиміра. Уже одно это обстоятельство долженствовало бы остановить историка, тѣмъ болѣе, что въ современныхъ свидѣтельствахъ есть очевидныя указанія, которыми обнаруживается несправедливость всѣхъ этихъ росказней, и которые были совершенно выпущены изъ вида Карамзинымъ.

Мартынъ Бѣльскій, служившій въ литовско-польскихъ войскахъ, доставляетъ намъ слѣдующія важныя пояснения тогдашняго состоянія дѣлъ. Въ 1568 году, король Сигизмундъ Августъ собралъ многочисленное войско, какого давно уже не было въ Польшѣ, самъ принялъ надъ нимъ начальство и выступилъ подъ Радосковицы, (24 мили за Вильну). Онъ хотѣлъ было идти къ Москвѣ. Причиною похода было слѣдующее обстоятельство. Въ Литву бѣжалъ изъ Москвы нѣкто Козловъ, принятъ былъ королемъ и женился тамъ на Корсаковнѣ; отправленный послѣ того гонцомъ къ Московскому Двору, онъ склонилъ *многихъ знатныхъ вельможъ* поддаться королю. Заговорщики обѣщали тотчасъ захватить государя и выдать его Сигизмунду, какъ скоро онъ придетъ подъ Москву. Однакожъ, Іоаннъ какъ-то догадался объ умыслѣ; Козлова посадили на колъ, а король, пропустивъ время подъ Радосковицами, распустилъ часть войска и возвратился въ Гродно. — Изъ Кельховой же «Лифляндской исторіи» (Liflandische Geschichte) мы знаемъ, что заговоръ открытъ былъ Михаиломъ Темрюковичемъ, шуриномъ царскимъ, (а не братомъ, Stiefbruder, какъ пишетъ авторъ) и что въ заговорѣ этомъ замѣшанъ былъ — Владиміръ Андреевичъ.

Участь Владиміра Андреевича осталась неизвѣстною. Въ лѣтописи, принадлежавшей святому Димитрію Ростовскому, (Синод. Библіот. N 87) сказано: «въ лѣто 7078 года нестало въ животѣ князя Владиміра Андреевича»; а въ другой (Акад. Наукъ N 111): «генваря въ 6 день, 1570,

Digitized by Google

на крещеніе, царь и великій князь повелѣ убити брата своего, благовѣрнаго и *великаго князя* (??) Владиміра Андреевича Старицкаго, и въ то время мнози по немъ восплакашась людіе.» Послѣднее — оффиціяльная лѣтописная фраза, если не составлялъ эту лѣтопись приверженецъ Владиміровъ. Число обозначено невѣрно, какъ думаемъ, потому-что въ Январѣ Іоаннъ былъ уже въ Новгородѣ; впрочемъ, узнавъ о новой, *третьей* измѣнѣ, Іоаннъ могъ и изъ Новгорода послать смертный приговоръ мятежнику.

Посмотримъ теперь, какъ *жило* послѣ Января 1570 мнимо-отравленное семейство Владиміра Андревича. У него было двѣ дочери: Евфимія и Марія, да сынъ Василій Владиміровичъ. По разсказамъ Таубе и Крузе, повтореннымъ въ «Исторіи Государства Россійскаго», они отравлены въ 1569 году — на дѣлѣ же окзывается совершенно противное.

I-е, мнимо-отравленное лицо Евфимія Владиміровна. Въ 1570 году царь сосваталъ ее за датскаго принца Магнуса, которому далъ названіе короля Ливонскаго; невѣстѣ же, своей племянницѣ, обѣщалъ царь пять бочекъ золота. Бракъ отложенъ до прекращенія военныхъ дѣйствій; но между тѣмъ невѣста скончалась.

II-е, мнимо-отравленное лицо, Марія Владиміровна, по смерти сестры предложена царемъ въ супружество тому же принцу и съ тѣмъ же приданымъ. Въ 1573 году, прекративъ военныя дѣйствія въ Ливоніи, государь съ наслѣдникомъ праздновалъ свадьбу своей племянницы въ Новгородѣ. На свадьбѣ у сестры пировалъ и

III-е, мнимо-отравленное лицо, Василій Владиміровичъ. Его супруга Марія занимала у новобрачной мѣсто матери, а самъ онъ заступалъ у сестры мѣсто отца. — Все это можете читать въ XIII-мъ томѣ «Россійской Вивліоѳики.»

Карамзинъ зналъ это, самъ разсказалъ про сватов-

Digitized by Google

ство Евфиміи и свадьбу Маріи (т. IX, стр. 172, 177, 220), не упомянувъ только о Василькѣ Владиміровичѣ. Странно, какъ ему не пришло тогда же въ мысль обратить вниманіе на грубые вымыслы измѣнниковъ Таубе и Крузе *, которые такъ нагло выдумывали, и которыхъ басни обличаются самыми событіями.

Но — errare humanum est., ** говоритъ мудрая латинская пословица. Карамзинъ оказалъ нашей исторіи такія услуги, какъ никто ни до него, ни послѣ него. Будемъ же *на дѣлѣ* благодарны къ нему. Историографъ безпрерывно совершенствовалъ трудъ свой. Смерть не допустила Карамзина видѣть новое изданіе его исторіи. Тогда, безъ сомнѣнія, онъ самъ бы исправилъ и дополнилъ свое твореніе. Теперь эта обязанность лежитъ на новомъ издателѣ: въ наше время великій трудъ Карамзина долженъ явиться не иначе, какъ со всѣми дополненіями и поправками, сколько возможно по настоящему состоянію матеріяловъ отечественной исторіи; чрезъ это онъ пріобрѣтетъ новое достоинство, и долго, долго еще станетъ служить свѣтильникомъ истины во мракѣ прошедшаго.

Н. Савельевъ.

* Они сперва находились въ русской службѣ.

** Ошибки свойственны человѣку.

Digitized by Google

Отдѣленіе II.

Современная Исторія и Политика.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Въ этомъ отдѣленіи, между прочимъ, будемъ мы представлять читателямъ нашимъ краткое обозрѣніе заграничныхъ событій, принявъ за постоянное правило основываться единственно на тѣхъ извѣстіяхъ, которыя въ теченіе предъидущаго мѣсяца были напечатаны въ газетахъ, отъ Правительства издаваемыхъ. Приложимъ стараніе, чтобы своды этихъ извѣстій, при своей сжатости, заключали въ себѣ вѣрную и по возможности полную картину современной исторіи.

Приближеніе времени открытія палатъ, какъ водится, пробудило во Франціи всѣ партіи отъ усыпленія и оживило полемику въ журналахъ. Начались свиданія, совѣщанія, интриги и хлопоты. Министерство созываетъ своихъ приверженцевъ, которые однакожъ не слишкомъ спѣшатъ на призывъ его; оппозиція смыкаетъ ряды свои и разныя партіи ея пытаются соединиться, хотя на время, чтобы въ предстоящемъ собраніи нанести рѣши-

Digitized by Google

тельный ударъ министерству. Однимъ словомъ, все готовится къ битвѣ парламентской, а между тѣмъ идетъ страшная война на перьяхъ: партіи осыпаютъ одна другую упреками, насмѣшками, подъ-часъ и клеветами, стараются разстроить союзы противниковъ, скрѣпить согласіе своихъ приверженцевъ. Журналы присматриваютъ за всѣми извѣстными въ политическомъ мірѣ лицами, подмѣчаютъ всѣ ихъ движенія, и имъ нельзя пошевелиться, чтобы это не подало повода къ безчисленнымъ толкамъ, выводамъ и умозаключеніямъ въ журналахъ. Гг. Дюшатель и Гизо ѣздили къ графу де Броли: ясно, что министры, чувствуя свою слабость, стараются привлечь къ себѣ этого бывшаго Президента Министерскаго Совѣта, располагающаго въ Палатѣ Перовъ довольно значительнымъ числомъ голосовъ. Г. Тьеръ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Парижъ, былъ у графа Моле и видѣлся тамъ съ Ламартиномъ. Крикъ и шумъ! Ужасъ и восторги! Иной бы подумалъ, что Тьеръ, просто, изъ учтивости, былъ у графа Моле, который по своимъ талантамъ, характеру и значенію, пользуется общимъ уваженіемъ, и что онъ случайно встрѣтился тамъ съ его пріятелемъ Ламартиномъ. Случайно? Нѣтъ, нѣтъ! въ политикѣ ничего случайно не бываетъ. Графъ Моле занимаетъ въ Палатѣ Перовъ мѣсто Ламартина въ Палатѣ Депутатовъ, то есть предводительствуетъ такъ называемымъ правымъ центромъ, или собственно охранительною партіею, которая еще болѣе нынѣшняго министерства расположена къ поддержанію и усиленію королевской власти. Тьеръ, нѣкогда ревностный приверженецъ той же партіи, одинъ изъ главныхъ защитниковъ такъ называемыхъ Сентябрскихъ законовъ, которые дали правительству новое оружіе противъ партій и журналовъ, законовъ, столь ненавистныхъ оппозиціи; Тьеръ, который потомъ, вмѣстѣ съ Гизо, Одилономъ Барро, главою лѣвой стороны, и даже Беррье, предводителемъ легитимистовъ, и покойнымъ Гарнье Пажесомъ, дарови-

Digitized by Google

тымъ командиромъ крайней лѣвой стороны, гдѣ засѣдаютъ рѣшительные противники нынѣшняго правленія, расположенные къ республикѣ, составилъ коалицію для низверженія министерства 15-го Апрѣля, въ которомъ предсѣдательствовалъ графъ Моле, одержалъ надъ нимъ побѣду, сдѣлался главою министерства 1-го Марта, а теперь, не занимая собственно самъ никакого постояннаго мѣста, располагаетъ соединенными силами оппозиціи всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ..... эти люди съѣхались не даромъ: Тьеръ хочетъ соединиться съ Моле и Ламартиномъ, чтобы низвергнуть министерство Сульта и Гизо. Оно тѣмъ вѣроятнѣе, что Моле недоволенъ нынѣшнимъ министерствомъ, потому-что оно, по его мнѣнію, слабо дѣйствуетъ противъ нарушителей общественнаго спокойствія, а Ламартинъ обиженъ тѣмъ, что оно не хотѣло поддержать его кандидатства въ президенты Палаты Депутатовъ. Это послѣднее обстоятельство требуетъ объясненія. Почетное и важное по своему вліянію мѣсто президента Палаты Депутатовъ занимаетъ уже нѣсколько лѣтъ г-нъ Созе, прославившійся тѣмъ, что онъ защищалъ, какъ адвокатъ, одного изъ послѣднихъ министровъ Карла X, и принадлежащій теперь, по своимъ мнѣніямъ, къ такъ называемому лѣвому центру, вмѣстѣ съ господами Деофоромъ и Пасси и нѣкоторыми другими депутатами, которые играютъ въ Палатѣ роли лицъ безъ словъ и которыхъ наберется человѣкъ сорокъ. Никто не оспоривалъ у него этого мѣста, потому-что безпристрастнымъ своимъ характеромъ и не пылкими мнѣніями, онъ не возстановилъ противъ себя ни одной изъ партій, составляющихъ большинство, которымъ поддерживается министерство. Вдругъ газета La Presse, органъ праваго центра, вздумала объявить, что нѣкоторые депутаты предлагаютъ мѣсто президента г-ну Ламартину. Она говорила: «Между г-мъ Созе, который никому не служитъ опорою, потому-что постоянною уступчивостью никого поддержать нельзя, и между г-мъ Ламартиномъ, конеч-

Digitized by Google

но, ни одинъ депутатъ не станетъ колебаться. Г. Созе могъ бы надѣяться удержать за собою президентство только въ такомъ случаѣ, еслибы г. Дюфоръ явился на выборы совмѣстникомъ г–на Ламартина, потому-что тогда министерство, съ помощію г–на Созе, могло бы избѣжать раздѣленія голосовъ по-ровну между г–ми Ламартиномъ и Дюфоромъ. Но послѣдній по рѣдкой своей скромности, которая должна еще усилить уваженіе товарищей къ его характеру, не хочетъ быть кандидатомъ и потому нельзя, кажется, и сомнѣваться въ томъ, что Ламартинъ будетъ выбранъ. Назначенія его желаютъ всѣ оставшіеся члены партіи 221, и при этомъ случаѣ г-да Гизо, Дюшатель и Вильменъ, конечно, отъ нихъ не отстанутъ.» Искренни или нѣтъ были эти слова газеты La Presse, но предсказаніе ея не сбылось: противъ кандидатства г–на Ламартина возсталъ Journal des Débats, который выражаетъ мнѣнія министровъ Гизо и Дюшателя, а всего болѣе, какъ увѣряетъ оппозиція, Двора или самого Лудовика Филиппа. Journal des Débats утверждалъ, что Г. Созе ничѣмъ не заслужилъ, чтобы министерская партія его покинула; что приверженцы г–на Ламартина всуе употребляютъ его имя; что онъ самъ никогда не помышлялъ о президентскомъ мѣстѣ; что выбрать его въ президенты и обидѣть такимъ образомъ Г-на Созе, значило бы лишиться содѣйствія Гг. Дюфора и Пасси, и депутатовъ, раздѣляющихъ ихъ мнѣнія, и не пріобрѣсти ничего, потому–что друзья г–на Ламартина и безъ того поддерживаютъ министерство; что наконецъ все это интрига Г–на Тьера и его приверженцевъ, придуманная только для того, чтобы возстановить одну противъ другой партіи, составляющія нынѣшнее министерское большинство, а газета la Presse вдалась въ обманъ и своею неумѣстною выходкою помогаетъ оппозиціи. Между этими двумя журналами завязалась жаркая битва, при которой пролито море чернилъ и потрачено безчисленное множество желчи, усилій

Digitized by Google

ума и краснорѣчія; а журналы оппозиціи, участвуя въ общемъ хорѣ, старались произвести разладицу и разстроить министерскую гармонію: одни, Courrier français, Commerce, поддерживали Ламартина; другіе, и въ числѣ ихъ Constitutionnel, главный органъ Тьера, объявили себя въ пользу Г-на Созе. Таково было положеніе дѣлъ, когда Г. Ламартинъ пріѣхалъ въ Парижъ. Нельзя же было ему молчать, когда вокругъ него все шумитъ. Чтобы какъ нибудь кончить это tutti, онъ поставилъ point d'orgue, напечатавъ въ вечерней Министерской Газетѣ объявленіе, въ которомъ говоритъ, или по крайней мѣрѣ говорится съ его согласія, что онъ не добивается никакихъ почестей, и никогда не искалъ званія президента; но какъ оно предложено ему нѣкоторыми изъ друзей его, то ему оставалось избрать одинъ изъ трехъ путей: или отказаться отъ друзей, которые изъ усердія вовлеклись въ этотъ споръ, или принять кандидатство, о которомъ онъ и не помышлялъ, или наконецъ въ молчаніи ожидать рѣшенія палаты и покориться ему. Онъ избралъ послѣднее.

Не подумайте, чтобы все это была въ новомъ видѣ комедія Шекспира: «Много шума изъ пустаго»; нѣтъ, это дѣло важное, потому-что отъ рѣшенія его зависитъ существованіе или паденіе нынѣшняго министерства во Франціи, и сохраненіе или перемѣна ея политики.

Министерство приняло давно уже одну весьма важную мѣру, а объявило о ней подъ-шумокъ, только 13 Декабря Восьмаго Сентября подписано королевское повелѣніе о томъ, чтобы армія поставлена была на мирную ногу. Изъ каждаго баталіона положено распустить по одной ротѣ, изъ каждаго кавалерійскаго полка по одному эскадрону. Такимъ образомъ наличное число войска будетъ уменьшено съ 433,000 до 344,000 человѣкъ, и это доставитъ до тридцати милліоновъ сбереженія. Въ томъ же королевскомъ повелѣніи содержатся постановленія на счетъ образованія резерва арміи. Онъ будетъ состоять

Digitized by Google

изъ нижнихъ чиновъ, уволенныхъ въ отпускъ до истеченія срока ихъ службы. Эти люди будутъ ежегодно собираемы на смотры, весною и осенью, и должны быть всегда готовы присоединиться къ своимъ корпусамъ по первому востребованію. Кадры при этомъ нисколько не уменьшаются.

Въ Монитерѣ напечатано королевское повелѣніе о новомъ устройствѣ войскъ, назначаемыхъ на службу въ Африкѣ, и между прочимъ о сформированіи пѣхотныхъ и кавалерійскихъ отрядовъ изъ туземцевъ. Генералъ-Губернаторъ французскихъ владѣній въ Сѣверной Африкѣ, генералъ Бюжо, вызванъ въ Парижъ, вѣроятно, чтобы лично сообщить въ Палатѣ Депутатовъ, которой онъ членъ, нужныя объясненія и доказать необходимость огромныхъ издержекъ, требуемыхъ алжирскимъ управленіемъ, издержекъ, которыя въ нынѣшнемъ году, какъ увѣряютъ, простирались до ста милліоновъ. Для исправленія временно его должности, въ Алжиръ отправленъ королевскій адъютантъ, генералъ-адъютантъ Рюминьи.

Г. Сальванди, который уже такъ давно назначенъ посланникомъ къ испанскому двору, только нынче отправился къ мѣсту своего назначенія. Испанскій посланникъ въ Парижѣ Г. Олосага, также уѣхалъ въ Мадридъ: онъ, какъ говорятъ, будетъ назначенъ президентомъ новаго министерства, составленнаго Регентомъ.

Судъ надъ Кениссе,—который при вступленіи въ Парижъ семнадцатаго легкаго полка, состоящаго подъ командою Принца Омальскаго, сдѣлалъ покушеніе на жизнь Принца и его двухъ братьевъ,—еще продолжается. Производство процесса было уже кончено; но во время самаго совѣщанія перовъ о виновности подсудимыхъ, двое изъ послѣднихъ сдѣлали показанія, и нѣсколько лицъ снова забрано подъ стражу. Впрочемъ, вообще полагаютъ, что это не остановитъ хода процесса, и что новые обвиненные отданы будутъ подъ судъ, въ-послѣдствіи, особо.

Digitized by Google

— Въ Англіи ничѣмъ почти не занимаются, кромѣ Наслѣднаго Принца. Какія титла будетъ онъ носить? Какое мѣсто занимать въ іерархіи королевскаго дома? Какія лица будутъ избраны для того, чтобы быть его воспріемниками отъ купели? Вотъ вопросы, которые занимаютъ всѣ умы, и слѣдственно всѣ журналы въ Англіи. Первый изъ этихъ вопросовъ рѣшенъ. Королева подписала 7 Декабря патентъ, въ которомъ Наслѣдникъ Престола именованъ, кромѣ получаемыхъ имъ при самомъ рожденіи титловъ Принца Валлійскаго и графа Честерскаго, Принцемъ Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Герцогомъ Саксонскимъ, Герцогомъ Корнваллійскимъ и Ротзейскимъ, Графомъ Карикскимъ, Барономъ Ренфрю, Лордомъ острововъ и Великимъ Стевартомъ или Хранителемъ Шотландіи. Воспріемниками Наслѣднаго Принца, какъ увѣряютъ, будутъ: Король Прусскій; Герцогъ Кембриджскій; Герцогъ Саксенъ-Кобургскій, Фердинандъ, дядя Принца Альберта; Принцесса Софія и Герцогиня Саксенъ-Кобургская. Надѣются, что Его Величество Король Прусскій посѣтитъ, по этому случаю, Англію, и во всѣхъ королевскихъ дворцахъ дѣлаются огромныя приготовленія для пріема знаменитыхъ гостей, и для празднествъ, которыя, какъ говорятъ, будутъ чрезвычайно великолѣпны. Что касается до мѣста, которое Наслѣдный Принцъ будетъ занимать въ іерархіи королевскаго дома, то объ этомъ извѣстно только то, что при церковной службѣ имя его будетъ упоминаемо тотчасъ послѣ имени Принца Альберта.

Въ собраніи Тайнаго Совѣта, происходившемъ 10 Декабря, положено созвать парламентъ къ третьему Февраля «для рѣшенія важныхъ и не терпящихъ отлагательства дѣлъ.» Эта формула означаетъ, что новой отсрочки уже не будетъ.

Знаменитый О'Коннель, какъ извѣстно, выбранъ въ Лордъ-Меры Дублина. Журналы партіи тори утвер-

Digitized by Google

ждаютъ, что онъ заключилъ тѣсный союзъ съ вигами для низпроверженія нынѣшняго управленія. Если это правда, то, видно, сдѣлано это очень скрытно, потому-что журналы партіи виговъ не перестаютъ осыпать его упреками за то, что онъ продолжаетъ предсѣдательствовать въ собраніяхъ репиллеровъ, то есть людей, желающихъ отдѣленія Ирландіи въ законодательномъ отношеніи отъ Англіи. Тѣже журналы насмѣхаются надъ нимъ за то, что онъ чрезвычайно важничаетъ своимъ новымъ званіемъ. Впрочемъ вліяніе великаго ажитатора, если угодно, волнователя, какъ зовутъ О'Коннеля въ Англіи, замѣтно упадаетъ, и многіе изъ его прежнихъ приверженцевъ присоединяются къ О'Брину и другимъ радикаламъ, которые считаютъ такое разъединеніе Великобританскаго Королевства мечтою вредною и несбыточною.

Китайскія дѣла находятся въ прежнемъ положеніи: извѣстно, что капитанъ Элліотъ аттаковалъ Кантонъ и могъ взять его, но не взялъ, потому-что Китайцы заплатили ему шесть милліоновъ долларовъ. Новый англійскій уполиомоченный, полковникъ Поттингеръ, прибылъ на мѣсто, объявилъ китайскимъ начальствамъ о своемъ назначеніи и отправился съ значительною эскадрою на сѣверъ, какъ полагаютъ, для того, чтобы аттаковать Аммои и потомъ Нинге. Коммодоръ Джонъ Гордонъ и Бреммеръ возвратились въ Англію и исчезли: съ тѣхъ поръ о нихъ ни слуху. Что̀ касается до суммъ, уплаченныхъ Китайцами, то министерство объявило, что онѣ, составляя выкупъ, должны быть обращены въ казначейство для покрытія издержекъ войны и не могутъ быть употреблены на вознагражденіе торговцевъ, потерпѣвшихъ убытки при истребленіи комиссаромъ Линомъ опіума.

Число писемъ, отправляемыхъ въ Великобританіи по почтѣ, увеличилось, со времени пониженія платы за пересылку, въ слѣдующей пропорціи: въ одну недѣлю въ Ноябрѣ 1839, было отправлено 1,589,974 письма, въ со-

Digitized by Google

отвѣтствующую ей недѣлю 1840 г. 3,456,115 писемъ, а въ туже недѣлю 1842-го, 3,846,122 письма. Увеличеніе весьма значительное, но еще недостаточное для того, чтобы покрыть ущербъ почтовыхъ доходовъ, происшедшій отъ пониженія платы за пересылку писемъ.

По извѣстіямъ изъ Центральной Америки, городъ Картагена, 2 сентября, совершенно разрушенъ землетрясеніемъ. Такъ какъ строенія въ немъ были, большею частію, низкія и деревянныя, то при этомъ несчастномъ случаѣ, изъ десяти тысячъ жителей погибло не болѣе пятидесяти человѣкъ.

— Въ Испаніи Регентъ, приказалъ прекратить осадное положеніе, въ которомъ доселѣ находился городъ Бильбао, и издалъ два важныхъ декрета, одинъ о распущеніи кортесовъ, а другой объ уничтоженіи гвардіи, которой полки преобразовываются въ армейскіе. Генералъ-маіоръ Сабала, бывшій политическимъ начальникомъ въ Барселонѣ и сдѣлавшійся извѣстнымъ по своимъ жестокимъ мѣрамъ, смѣненъ, и на мѣсто его назначенъ политическій начальникъ Валенсіи, Донъ-Хуанъ Гутаресъ.

— Между Оттоманскою Портою и Греческимъ правительствомъ возникли разныя неудовольствія, для прекращенія которыхъ Порта обратилась къ посредничеству пребывающихъ въ Константинополѣ посланниковъ великихъ Державъ, а сама между тѣмъ формируетъ значительную армію и приготовляетъ флотъ свой къ выступленію въ море; но опасенія съ этой стороны ослабѣваютъ: по послѣднимъ извѣстіямъ греческое правительство объявило готовность сдѣлать Портѣ всякое справедливое удовлетвореніе. — Старикъ Хозревъ-Паша прощенъ и получилъ позволеніе жить въ своемъ загородномъ домѣ, близъ Константинополя.

— Въ Сиріи происходятъ страшные безпорядки: Друзы и Марониты находятся въ истребительной войнѣ между собою, и дѣло дошло до того, что Эмиръ Кассимъ-

Digitized by Google

Беширъ принужденъ былъ бѣжать въ Бейрутъ. Порта положила отправить въ Сирію уполномоченнаго для примиренія Горцевъ, если возможно; а въ случаѣ неудачи, предписала сирійскимъ пашамъ употребить для этого силу.

— Въ Британской Индіи ожидаютъ новой войны съ Бирманами. Дѣло въ томъ, что король Таравадди, въ Сентябрѣ пошелъ въ Рангунъ, съ 50,000 войска, за которымъ слѣдуетъ многочисленный обозъ и цѣлое народонаселеніе женщинъ и дѣтей; вся эта движущаяся масса простиралась до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ. При немъ находится король Авы, свергнутый Англичанами съ престола. Намѣренія Таравадди еще въ точности неизвѣстны; но вообще полагаютъ, что онъ намѣревается снова овладѣть провинціями, которыхъ лишился въ послѣднюю войну съ Англичанами, и которыя находятся теперь почти въ беззащитномъ положеніи. По всему видно, что Генералъ-Губернаторъ Индіи считаетъ опасность немаловажною: онъ поспѣшно отправляетъ въ Мульмейнъ и Рангунъ войско и даже приказалъ плыть туда двумъ желѣзнымъ пароходамъ, которые уже назначены были къ берегамъ Китая. Слѣдствія войны съ Китайцами замѣтны по всей восточной границѣ британскихъ владѣній въ Остъ-Индіи. Не только Бирманы, но также Непальцы и Сіамцы приняли съ нѣкотораго времени непріязненный тонъ. Въ Калькуттѣ полагаютъ, что всѣ эти народы, признающіе надъ собою, до нѣкоторой степени, верховную власть Китая, получили приказаніе готовиться къ войнѣ противъ Англійской Индіи. Вообще дѣла Англичанъ въ той сторонѣ находятся въ довольно сомнительномъ положеніи.

Digitized by Google

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Отдѣленіе I.

Русская Исторія.

О МѢСТѢ ПОГРЕБЕНІЯ ЛЯПУНОВА.

Разсуждая о необходимости критическаго изданія Исторія Карамзина *, мы сказали, что его твореніе навсегда сохранится въ русской литературѣ, какъ первое ученое историческое сочиненіе, удивительный памятникъ краснорѣчія и языка начала XIX вѣка; но мы не скрыли слабости его критики въ послѣднихъ томахъ, и подкрѣпили это мнѣніе подробнымъ разборомъ увлекательнаго разсказа исторіографа о жизни и кончинѣ Владиміра Андреевича Старицкаго. Вотъ еще примѣръ, который ясно покажетъ необходимость такой критической повѣрки «Исторіи Государства Россійскаго» съ источниками. Карамзинъ пользовался важною рукописью Филарета: это видно изъ примѣчаній къ XI-му и XII-му томамъ его Исторіи. Но читайте описаніе убіенія Ляпунова. Что вы увидите? Отдавая полную спра-

* Сынъ Отечества, 1842, часть I, отдѣл. I «Русск. Истор.» стр. 36—54.

Digitized by Google

ведливость краснорѣчивому изложенію историографа, вы замѣтите, что Карамзинъ упустилъ въ «Рукописи Филарета» одно очень важное мѣсто; ошибка породила предположенія другихъ изслѣдователей, и если бъ господинъ Мухановъ не издалъ этой «Рукописи», то неопредѣленность выраженій Карамзина могла бы дать поводъ утвердиться новому предположенію, равно неосновательному.

Карамзинъ пишетъ: «Станъ московскій представлялся уже не Россіею вооруженною, а мятежнымъ скопищемъ людей буйныхъ, между коими честь и добродѣтель въ слезахъ и отчаяніи укрывались! Одинъ Россіянинъ былъ душею всего, и палъ, казалось, на гробъ отечества. Врагамъ иноплеменнымъ ненавистный, еще ненавистнѣйшій измѣнникамъ и злодѣямъ россійскимъ, тотъ, на кого атаманъ разбойниковъ, въ личинѣ государственнаго властителя, извергъ Заруцкій, скрежеталъ зубами — Ляпуновъ дѣйствовалъ подъ ножами..... Имѣя тайную связь съ атаманомъ-тріумвиромъ, Гонсѣвскій подалъ ему руку на гибель человѣка, для обоихъ страшнаго: вмѣстѣ умыслили и написали именемъ Ляпунова указъ къ городскимъ воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ казаковъ въ одинъ день и часъ. Сію подложную, будто бы отнятую у гонца, бумагу представилъ товарищамъ атаманъ Заварзинъ: рука и печать казались несомнительными. Звали Ляпунова на сходъ: онъ медлилъ; наконецъ, увѣренный въ безопасности двумя чиновниками, Толстымъ и Потемкинымъ, явился среди шумнаго сборища казаковъ; выслушалъ обвиненія; увидѣлъ грамату и печать; сказалъ: «писано не мною, а врагами Россіи;» свидѣтельствовался Богомъ; говорилъ съ твердостію; смыкалъ уста и буйныхъ; не усовѣстилъ единственно злодѣевъ: его убили, и только одинъ Россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между имъ и ножами: ибо любилъ отечество; не хотѣлъ пережить такого убійства, и великодушно пріі-

Digitized by Google

ялъ смерть отъ изверговъ: жертва единственная, но драгоцѣнная, въ честь герою своего времени, главѣ возстанія, животворцу государственному, коего великая тѣнь, уже примиренная съ закономъ, является лучезарно въ преданіяхъ Исторіи, а тѣло, искаженное злодѣями, осталось, можетъ быть, безъ христіанскаго погребенія и служило пищею вранамъ, въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ или малодушнымъ и къ жалости потомства!» (Исторія Гос. Рос., т. XII, стр. 325 — 328.)

Историческимъ изслѣдователямъ жаль было, что тѣло Ляпунова осталось безъ погребенія и служило пищею вранамъ. Начались поиски; «Рукопись Филарета» не была еще напечатана; обратились къ рукописному «Уставу сирѣчь Церковному Оку», и на основаніи *одного слова* провозгласили, что тѣло Ляпунова покоится въ Наоболочицкомъ монастырѣ старой Рязани. Господинъ Быстровъ очень занимательно развилъ это предположеніе въ своей брошюрѣ «Краткое свѣдѣніе о мѣстѣ погребенія Прокопія Николаевича Ляпунова» (Спб. 1835, въ тип. медицин. департ. М. В. Д. in 8°). Судьба этой гипотезы должна научить нашихъ изслѣдователей, какъ опасно дѣлать огромнѣйшіе выводы изъ одного слова: стоитъ ли въ лѣтописяхъ: *идоша къ Варягамъ къ Руси*? или *идоша къ Варягамъ изъ Руси*. Какъ будто отъ *упоминанія* имени народа какимъ-нибудь лѣтописцемъ зависитъ *бытіе* самаго народа! — Возвратимся къ предположенію господина Быстрова.

Онъ отыскалъ въ здѣшней Императорской Публичной Библіотекѣ рукописный экземпляръ этого «Устава сирѣчь Церковнаго Ока», подаренный Владиміромъ Прокофьевичемъ Ляпуновымъ Наоболочицкому монастырю прежняго города старой Рязани, теперь довольно обширнаго села на правомъ берегу Оки, въ 50-ти верстахъ отъ нынѣшней Рязани. «Уставъ» скрѣпленъ собственноручною надписью Ляпунова, который принесъ въ даръ

Digitized by Google

обители это «Церковное Око» съ тѣмъ, чтобы «книга сія Уставъ» не была ни продана, ни заложена и никому изъ монастыря не отдана, и чтобы монашествующая братія молилась «за меня Володиміра и за жену мою, и за дѣтей моихъ, и *родителей нашихъ, которые лежатъ въ обители сей*, а по смерти моей — и меня Володиміра поминать, какъ и прочихъ *родителей моихъ*.» Отсюда господинъ Быстровъ заключилъ, что родители Ляпунова погребены въ этой обители; но слово *нашихъ* могло относиться равно и къ родителямъ жены Владиміровой, между тѣмъ какъ родитель самого Владиміра, знаменитый Прокопій, очень могъ подразумѣваться подъ словами *родителей моихъ*. Но изслѣдователи не обратили вниманія на возможность *двоякаго* объясненія надписи Владиміровой, и вѣрили толкованію господина Быстрова, какъ бы каноническому.

И какъ прахъ развѣялись мечтанія изданіемъ «Рукописи Филарета», въ Москвѣ, 1837 года, господиномъ Мухановымъ. Вопреки мнѣнію Карамзина, мы узнаемъ, что тѣло героя *не* служило пищею вранамъ; вопреки мнѣнію господина Быстрова узнаемъ, что Ляпуновъ погребенъ *не* въ рязанской обители.

Патріархъ Филаретъ имѣлъ всѣ средства узнать истину о томъ человѣкѣ, къ которому питалъ уваженіе, какъ видно изъ многихъ мѣстъ «Рукописи». Свидѣтельство современника должно перевысить всѣ предположенія новѣйшихъ писателей.

Филаретъ пишетъ: «Иванъ Заруцкой дьяволимъ наученіемъ воспрія въ мысль свою, да научитъ казаковъ на Прокофья и повелитъ его убити, да воспріиметъ власть надъ войскомъ единъ, и яко же хощетъ тако творитъ. И нача наущати [1] казаковъ на Прокофья, и наряди граматы ссыльные съ Литвою и руку Проко-

[1] Такъ написано въ моемъ рукописномъ экземплярѣ; въ печатномъ изданіи, у господина Муханова: *наущати*.

Digitized by Google

ѳьеву подписати велѣлъ; и тако за ссылкою изъ города отъ Литвы велѣлъ ихъ выдати, будто Прокофей съ ними граматы ссылается, а хочетъ христособранное [2] воинство литовскимъ людемъ въ руцѣ предати, и самъ къ нимъ пріобщится. И тако насташа народы, и наполнишась людіе гнѣва и ярости, на сего изряднаго властеля и воеводу Прокопья Ляпунова; не воспомянуша [3] его изряднаго и мужественнаго ополченія, и восхотѣша его предати смерти. И собрався воинство на уреченное мѣсто, въ кругъ [4], по казацкому обычаю, и по сего воеводы и властелина посылаютъ посланниковъ, дабы ѣхалъ на уреченное мѣсто, въ кругъ собранія ихъ. Онъ же злаго ихъ ухищренія не вѣдяще, и смерти своей не помышляюще [5], востаетъ отъ мѣста своего и въ кругъ настоящаго собранія приходитъ по обычаю по своему и испытаетъ вещи повеленія его. Они жъ въ разгоренія мысли своея начаша его обличати виновными дѣлы и измѣною, и граматы въ войскѣ честь, якъ Ивашко написати велѣлъ [6], и по семъ яростне на него нападаютъ, и въ скоромъ часѣ смерти горкія предаютъ [7]. И тако паде мертвъ на землю славный сей и бодренный воевода Прокофей Ляпуновъ. Съ нимъ же прінде нѣкто отъ честныхъ дворянъ [8], Иванъ именемъ, зовомый Ржевскій [9], и нача имъ разсуждати, дабы не дерзостне сотворили, но со испытаніемъ, дабы напрас-

[2] Въ печатномъ: *христособраніе.*

[3] Въ печатномъ: *воспоминанія.*

[4] Въ печатномъ: еже есть *въ кругъ* (??).

[5] Въ печатномъ: *Но* смерти своей не *помышляще.*

[6] Въ печатномъ: якъ Ивашко *наредя* (??)

[7] Въ печатномъ: на него нападаютъ, и *трупы его на части раздѣляютъ*, и въ скоромъ часѣ смерти горкія предаютъ.

[8] Въ печатномъ: отъ честныхъ *дворянинъ.*

[9] Въ печатномъ имя пропущено; для словъ: *Иванъ* и *Ржевскій* оставлено мѣсто.

Digitized by Google

но крови неповинныя не пролить, и великому сему дѣлу конецъ не учинить [10] отъ нихъ. Они жь [11] излиха вопіяху: «намъ сей измѣнникъ, угодникъ Прокопья Ляпунова» — и того тако же безвинно смерти преданна. Положенъ же бысть во едину гробницу, и *погребены* [12] *честно у Благовѣщанія Пречистыя Богородицы, еже есть на Воронцовомъ полѣ.* Казацы жь начинаемое свое дѣло совершиша, и разыдошась въ коши своя [13]. Слышано жь сія бысть во градѣ Полякомъ, яко начальный воевода, московскаго воинства изрядный властель, преданъ отъ своихъ смерти, и о томъ радовахусь радостію великою зѣло.»

И такъ, всѣ споры пресѣкаются послѣ этого важнаго *современнаго* свидѣтельства: тѣло героя не лишено было христіанскаго погребенія, не предано вранамъ, какъ полагалъ Карамзинъ; но погребено честно у Благовѣщенія Пречистыя Богородицы на Воронцовомъ полѣ, въ одной гробницѣ съ тѣломъ великодушнаго врага его, Ивана Ржевскаго. Почтенные московскіе любители отечественныхъ древностей вѣроятно не откажутся сообщить, черезъ «Сынъ Отечества,» въ какомъ положеніи находится церковь эта? нѣтъ ли какихъ мѣстныхъ преданій о Ляпуновѣ? не ведены ли при церкви кѣмъ либо записки, и не находится ли въ нихъ какихъ либо свѣдѣній о Ляпуновѣ? — Тотъ, котораго историкъ назвалъ «героемъ своего времени, главою возстанія, животворцемъ государственнымъ», заслуживаетъ памятника на своей могилѣ.

Н. Савельевъ.

---

[10] Въ печатномъ изданіи, для словъ *конецъ не* оставлено также пустое мѣсто.

[11] Въ печатномъ слово *они жь* пропущено.

[12] Въ печатномъ: и погребенъ жь *бысть*.

[13] Въ печатномъ: разыдошась въ *кони* (?) своя.

Digitized by Google

Отдѣленіе II.

Современная Исторія и Политика.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Прошлый разъ мы остановились на томъ, что всѣ партіи во Франціи готовились къ парламентской битвѣ, считали своихъ воиновъ, смыкали свои ряды, составляли планы кампаніи. Особенно оппозиція отличалась необыкновенною дѣятельностію; принимала всѣ мѣры, чтобы какъ можно сильнѣе осаждать министерскую скамью и взять ее приступомъ. Надѣясь на разстройство въ непріятельскихъ рядахъ, оппозиція уже заранѣе торжествовала побѣду.... И что жъ? планы ея не удались, разсчеты оказались невѣрными, надежды не сбылись, призракъ власти исчезъ «какъ сонъ, какъ мимолетное видѣнье!» Но объ этомъ послѣ: станемъ разсказывать по порядку, чтобы наши обозрѣнія служили не къ од-

Digitized by Google

ной забавѣ читателей, а были вѣрною картиною, краткою лѣтописью событій міра политическаго.

Двадцать шестаго Декабря палата депутатовъ собралась въ первый разъ; но это было собраніе не публичное, а приготовительное, въ которомъ назначена по жребію депутація для встрѣчи на слѣдующій день короля. Временнымъ президентомъ былъ, какъ водится, старшій изъ членовъ палаты, господинъ *Canè* (Sapey), временными секретарями, по обыкновенію, четыре младшіе члена. Нынѣшній разъ эту должность исправляли господа *Гилемъ*, *Сагюнь*, *Комбарель де-Лейваль* и *Сентъ-Альбенъ*. На другой день, двадцать седьмаго числа, король, съ обыкновенными церемоніями, лично открылъ собраніе палатъ. Онъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Господа перы, господа депутаты!

«Со времени послѣдняго вашего собранія, восточный вопросъ, бывшій предметомъ нашей справедливой заботливости, разрѣшенъ вполнѣ. Я заключилъ съ Императоромъ Австрійскимъ, Королевою Великобританскою, Королемъ Прусскимъ, Императоромъ Россійскимъ и съ Султаномъ договоръ, которымъ утверждается общее стремленіе державъ къ сохраненію мира Европы и къ упроченію спокойствія Оттоманской Имперіи. Государство было обременено большими тягостями: онѣ значительно уменьшены. Я бы очень желалъ, чтобы нынѣ же можно было возстановить равновѣсіе между государственными доходами и расходами. Вотъ результатъ, къ которому мы должны стремиться, и котораго, надѣюсь, достигнемъ, не ослабляя нашей военной организаціи и не отсрочивая работъ, долженствующихъ возвысить наше народное благосостояніе. Вамъ будетъ предложенъ проектъ закона о назначеніи главныхъ линій большой системы желѣзныхъ дорогъ, которая доставитъ всѣмъ частямъ государства удобныя

Digitized by Google

сообщенія и сдѣлается источникомъ силы и процвѣтанія промышленности. Между-тѣмъ я забочусь о распространеніи, посредствомъ переговоровъ, нашихъ коммерческихъ сношеній, чтобы такимъ образомъ усилить сбытъ произведеній нашей земли и нашихъ искусствъ. Подобные труды приносятъ честь миру и въ то же время дѣлаютъ его продолжительнымъ и полезнымъ. Я имѣю причины полагать, что онъ нарушенъ не будетъ. Я получаю отъ всѣхъ державъ увѣренія въ ихъ дружественномъ расположеніи къ намъ. Я принялъ мѣры, чтобы никакое внѣшнее столкновеніе не нарушало безопасности нашихъ африканскихъ владѣній. Храбрые наши воины продолжаютъ въ этой, *навсегда французской землѣ*, благородные труды, которые, къ истинному моему удовольствію, раздѣляли съ ними сыновья мои. Терпѣніе наше довершитъ то, что уже совершено мужествомъ нашей арміи, и Франція, въ-слѣдъ за своей славою, перенесетъ въ Алжиръ и свою образованность. Финансовые законы и другіе проекты, имѣющіе цѣлію улучшеніе разныхъ частей нашего государственнаго управленія, будутъ немедленно вамъ представлены. Каковы бы ни были тягости нашего положенія, Франція несла бы ихъ безъ труда, если бъ партіи постоянно не препятствовали развитію ея мощной дѣятельности. Не стану говорить о ихъ замыслахъ и покушеніяхъ; но не забывайте, милостивые государи, что именно эта причина препятствуетъ нашему отечеству вполнѣ наслаждаться дарами, которыми надѣлило его Провидѣніе, и что та же причина останавливаетъ развитіе благодѣяній законной и мирной свободы, которой достигла Франція, и упроченіе которой я считаю своей славою. Мы станемъ, милостивые государи, продолжать начатое. Правительство мое будетъ исполнять долгъ свой. Всюду и неослабно будетъ оно поддерживать власть законовъ и внушать къ нимъ уваженіе, которое само питаетъ. Ваше благородное содѣйствіе под-

Digitized by Google

держитъ меня. Чистосердечно указывая государству его истинныя выгоды, мы будемъ сильны его содѣйствіемъ и нашимъ согласіемъ; мы сохранимъ въ неприкосновенности залогъ порядка и общественныхъ правъ, ввѣренный намъ хартіею. Будущность соберетъ плоды нашихъ усилій, и наградою намъ будетъ признательность отечества.»

Вы помните сколько хлопотъ было изъ того, чтобы президентомъ палаты депутатовъ назначить господина Ламартина. Наконецъ рѣшительный день насталъ: двадцать осьмаго Декабря начались въ палатѣ выборы и результатъ оказался совершенно неожиданный. Наличныхъ членовъ было 309; рѣшеніе палаты законно только тогда, когда въ пользу его подано однимъ больше половины всего числа голосовъ; что и называется необходимымъ большинствомъ. При этомъ случаѣ оно состояло изъ 155 голосовъ. Въ пользу прежняго президента, господина Созе, поддерживаемаго министерствомъ, подано было 193 голоса; въ пользу господина Ламартина только 64; Одилона-Барро еще менѣе: 45; остальные голоса раздѣлились по мелочи. Такимъ образомъ не смотря на всѣ старанія оппозиціи, не смотря даже на то, что часть самыхъ ревностныхъ приверженцевъ охранительной партіи, въ рукахъ которой находятся нынче бразды правленія, расположена была сначала въ пользу Ламартина, господинъ Созе избранъ снова въ президенты и притомъ весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ. Въ вице-президенты выбраны также члены министерской партіи, господа Дюфоръ, Кальмонъ, генералъ Жакмино и Биньонъ. Въ секретари палаты назначены господа Гало, Боасси д'Англа, де л'Эпе и Гавенъ. Изъ нихъ только послѣдній принадлежитъ къ оппозиціи. Большинство было, конечно, въ силахъ удалить и его; но въ палатѣ принято за правило, чтобы въ числѣ секретарей были и депутаты, принадлежащіе къ оппозиціи, дабы она не могла жаловаться на

Digitized by Google

пристрастіе, въ тѣхъ случаяхъ, когда голоса подаются не шарами, а только тѣмъ, что члены, согласные съ предложеніемъ, встаютъ съ мѣстъ своихъ, и когда, слѣдственно, президентъ и секретари только наглядным образомъ могутъ судить на чьей сторонѣ оказалось большинство. Наконецъ и въ члены коммиссіи, которой поручено составленіе адресса въ отвѣтъ на рѣчь короля, назначены одни такіе депутаты, которые постоянно или по-крайней-мѣрѣ въ большей части случаевъ поддерживаютъ министерство. Такимъ образомъ при этой первой битвѣ, при этомъ первомъ испытаніи силъ партій, побѣда рѣшительно осталась на сторонѣ министерства.

Въ палатѣ перовъ эти выборы не имѣютъ политическаго значенія, потому-что она не раздѣляется такъ рѣзко, какъ палата депутатовъ на различныя партіи, и назначеніе пера въ должность по палатѣ доказываетъ только уваженіе къ нему его товарищей. Президентъ тамъ, какъ извѣстно, постоянный, именно канцлеръ Франціи, нынче баронъ Пакье; вице-президентъ Герцогъ де-Броли, а въ секретари палаты назначены маршалъ Вале, вице-адмиралъ Жакобъ, господинъ Персиль и князь Бово. Адрессъ палаты перовъ, обыкновенно, не что другое, какъ повтореніе иными словами королевской рѣчи, и пренія объ немъ бываютъ несравненно спокойнѣе, чѣмъ въ палатѣ депутатовъ. Нынѣшній разъ при разсмотрѣніи адресса, господа Монталамберъ, Дрё-Брезе и другіе весьма немногіе перы порицали политику министерства въ отношеніи къ внутреннимъ и въ особенности къ иностраннымъ дѣламъ. Министры, внутреннихъ дѣлъ, господинъ Дюшатель, народнаго просвѣщенія, господинъ Вилльменъ, и иностранныхъ дѣлъ, господинъ Гизо, старались оправдать дѣйствія свои по всѣмъ частямъ управленія. Адрессъ разсмотрѣнъ въ два засѣданія и утвержденъ весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Одинъ изъ членовъ палаты перовъ, баронъ Дюпенъ, предложилъ призвать отвѣтственнаго издателя газеты

Digitized by Google

Siècle къ оградѣ палаты, то есть судить его, за оскорбительную для палаты статью, напечатанную въ этой газетѣ. Палата приняла его предложеніе. Это изумило многихъ и произвело страшный шумъ въ оппозиціонныхъ газетахъ. Дѣло въ томъ, что журналъ le Siècle не принадлежитъ къ числу рѣшительныхъ противниковъ правительства; напротивъ, состоя подъ покровительствомъ Одилона-Барро и другихъ депутатовъ лѣвой стороны, онъ защищаетъ нынѣшнія формы правленія и даже поддерживаетъ министерство, когда оно дѣйствуетъ согласно съ видами этой партіи. Такъ было, напримѣръ, въ министерство Тьера. Подобные журналы весьма рѣдко подвергаются судебному преслѣдованію. Какъ бы то ни было, но палата перовъ положила призвать отвѣтственнаго издателя этой газеты къ своей оградѣ. Надобно замѣтить, что въ министерскихъ газетахъ отвѣтственными издателями (gérant résponsable) бываютъ обыкновенно директоры журнала, завѣдывающіе его политическою частію, какъ напримѣръ Арманъ Бертень, главный редакторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственный издатель Journal des Débats. Въ оппозиціонныхъ журналахъ, напротивъ, отвѣтственнымъ издателемъ называется просто человѣкъ, нанятый для того, чтобы въ случаѣ судебнаго приговора сидѣть въ тюрьмѣ. Такъ въ Siècle главный редакторъ политической части депутатъ Шамболь, а отвѣтственный издатель человѣкъ совершенно неизвѣстный, Лудовикъ Перре; въ Gazette de France главный редакторъ аббатъ де-Женудъ, а званіе отвѣтственнаго издателя носитъ, почти безграмотный, лакей его, Обри-Фуко. Чтобы привесть палату перовъ въ затрудненіе и произвести столкновеніе между нею и палатою депутатовъ, господинъ Шамболь объявилъ, что статья, которую палата перовъ находитъ предосудительною, написана имъ, и просилъ, чтобы подъ судъ отдали его, а не отвѣтственнаго издателя. Въ такомъ случаѣ палата перовъ должна была бы требовать согласія палаты депутатовъ

Digitized by Google

на то, чтобы отдать подъ судъ одного изъ ея членовъ, и это, разумѣется, подало бы поводъ къ жаркимъ преніямъ. Но палата перовъ оставила безъ вниманія просьбу господина Шамболя и приговорила Лудовика Перре, отвѣтственнаго издателя газеты le Siècle, къ тюремному заключенію на мѣсяцъ и къ уплатѣ пени въ 10,000 франковъ.

Адрессная комиссія палаты депутатовъ назначила своимъ докладчикомъ господина Дюмона и онъ прочиталъ въ засѣданіи 15 Января, составленный комиссіей адрессъ, который тоже почти не что иное, какъ перефразированная рѣчь короля. Но пренія объ адрессѣ въ палатѣ депутатовъ важны тѣмъ, что при этомъ случаѣ разсматриваются всѣ дѣйствія министерства, партіи явственнѣе обозначаются и утвержденіе адресса въ томъ или другомъ видѣ есть для кабинета или побѣда или пораженіе. Одинъ изъ такихъ адрессовъ, въ которомъ палата депутатовъ, въ 1830 году, объявила, что она не имѣетъ довѣренности къ министерству князя Полиньяка, былъ первою причиною всѣхъ событій того времени.

Пренія объ адрессѣ начались въ засѣданіи семнадцатаго числа. Первый говорилъ господинъ Бешаръ. Онъ порицалъ политику министерства въ отношеніи къ иностраннымъ дѣламъ и утверждалъ, что восточный вопросъ рѣшенъ весьма невыгодно для Франціи. Онъ спрашивалъ, какъ могло правительство приступить въ подобныхъ обстоятельствахъ къ обезоруженію, и справедливо ли, что оно намѣревается уменьшить свои морскія вооруженія, между тѣмъ какъ Англія усиливаетъ свой флотъ? Господинъ Карне говорилъ почти въ томъ же смыслѣ и объявилъ, что онъ подастъ голосъ въ пользу всякаго измѣненія, въ которомъ было бы сказано, что хотя Франція и вступила снова въ союзъ европейскихъ державъ, однако жъ будетъ слѣдовать политикѣ совершенно независимой. Рѣчи нѣкоторыхъ другихъ депутатовъ, говорившихъ въ этомъ и въ слѣдую-

Digitized by Google

щемъ засѣданіи, не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Но въ засѣданіи осмнадцатаго Января молодой депутатъ господинъ Токвиль, извѣстный въ литературномъ мірѣ по своему творенію De l'ésclavage en Amérique, возбудилъ общее вниманіе, указавъ на одно зло, которое укоренилось и въ палатѣ и вообще во Франціи: онъ называетъ его искательствомъ мѣстъ. Честолюбіе и корысть, страсть къ мѣстамъ почетнымъ и въ особенности доходнымъ, овладѣла, по его словамъ, всѣми классами народа во Франціи, даже земледѣльческимъ. Избиратели считаютъ должностныя мѣста своей необходимою принадлежностію, а депутатовъ своими повѣренными, которые должны заботиться о ихъ личныхъ и мѣстныхъ выгодахъ. Отъ этого, говорилъ онъ, вмѣсто мнѣній, мы находимъ одно собраніе мелочныхъ, измѣнчивыхъ разсчетовъ, которые ни для кого не могутъ служить прочною опорою и подвергаютъ общество перемѣнамъ, долженствующимъ, по необходимости, привести къ анархіи и погибели, а происходящая отъ того политическая деморализація, безнравственность, можетъ погубить все: честь и безопасность отечества. Единственное средство врачеванія этого зла, есть, по мнѣнію господина Токвиля, преобразованіе системы выборовъ.

Общія разсужденія объ адрессѣ, которыя иногда тянутся, безъ всякой пользы, по цѣлымъ недѣлямъ, нынче кончились въ два дня. Въ засѣданіи девятнадцатаго числа началось разсмотрѣніе параграфовъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, господинъ Гизо, два часа съ-ряду, говорилъ о политикѣ министерства въ отношеніи къ иностраннымъ дѣламъ; онъ прочелъ множество дипломатическихъ документовъ и старался вывести изъ нихъ заключеніе, что Мехмедъ-Али обязанъ благоразумному поведенію французскаго кабинета тѣмъ, что ему сдѣланы нѣкоторыя уступки, и вообще, что египетскія и оттоманскія дѣла окончены самымъ удовлетворительнымъ

Digitized by Google

образомъ. Во второй части своей рѣчи онъ старался опровергнуть утвержденіе оппозиціи будто Франція нынѣ унижена. «Франція,» сказалъ онъ между прочимъ: «всегда выказывала свои силы, когда того требовали важныя государственныя выгоды; но достоинство состоитъ не въ одной силѣ. Поклоненіе силѣ — политика разрушительная, которую я, со своей стороны, всѣми силами отвергаю. Я хочу мира, если только необходимость очевидная не принудитъ насъ къ войнѣ.» Противъ внѣшней политики министерства говорили значительнѣйшіе ораторы оппозиціи, Тьеръ, Дювержье де-Горань, Беррье, но ничто не помогло, и первый параграфъ адресса, въ которомъ эта политика одобряется, принятъ весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ. При разсмотрѣніи втораго параграфа, въ которомъ упоминается объ уравненіи государственныхъ расходовъ съ доходами, министръ финансовъ господинъ Гуманъ, произнесъ рѣчь о переписи, которая въ минувшемъ году надѣлала столько шуму и повела во многихъ мѣстахъ къ такимъ ужаснымъ безпорядкамъ. Здѣсь не лишнимъ считаемъ замѣтить, что слово *перепись* мы употребляемъ только по нуждѣ, за неимѣніемъ лучшаго: оно не вполнѣ выражаетъ смыслъ французскаго слова *recensement*. Это не то, что у насъ называется переписью, ревизіею, это исчисленіе не народа, а имуществъ, подлежащихъ платежу пошлинъ, напримѣръ: домовъ, облагаемыхъ пошлиною по числу ихъ комнатъ и оконъ, фабрикъ, и прочая. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса отложено было до другаго времени, потому-что господинъ Лестибудуа предложилъ прибавить въ концѣ адресса параграфъ, въ которомъ говорится о необходимости издать по этому предмету новый законъ. Господинъ Лакроссъ спросилъ морскаго министра: справедливо ли то, что говорятъ объ обезоруженіи французскаго флота. Адмиралъ Дюперре отвѣчалъ, что собственно обезоруженія никакого не произведено и флотъ находится въ томъ,

Digitized by Google

же самомъ состоянiи, въ какомъ былъ въ 1840 году: тогда у Франціи было двадцать вооруженныхъ линейныхъ кораблей, теперь столько же; но только, по обстоятельствамъ, они размѣщены иначе. Флотъ былъ сосредоточенъ въ Средиземномъ Морѣ, потому-что того требовали обстоятельства; нынѣ другія обстоятельства заставили разпредѣлить его другимъ образомъ: шесть линейныхъ кораблей отправлены въ Атлантическій Океанъ по случаю несогласій Англіи съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами; шесть другихъ находятся въ Левантѣ; событія въ Испаніи побудили отправить два корабля къ Барселонѣ; три или четыре корабля стоятъ предъ Тунисомъ, а остальные заняты перевозкою войскъ изъ Франціи въ Алжиръ и обратно. Послѣ того второй параграфъ былъ принятъ. Третій, въ которомъ говорится о распространеніи путей сообщенія, принятъ безъ преній, потому-что министръ публичныхъ работъ господинъ Тестъ, объявилъ, что онъ въ скоромъ времени представитъ проектъ закона о желѣзныхъ дорогахъ. За тѣмъ приступлено было къ разсмотрѣнію четвертаго параграфа, касающагося до торговыхъ отношеній Франціи. Этотъ параграфъ послужилъ поводомъ къ самымъ жаркимъ и чрезвычайно продолжительнымъ преніямъ. Господинъ Бильо, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Тьера, предложилъ прибавить къ адрессу статью, въ которой изъявлено желаніе, чтобы при исполненіи мѣръ, клонящихся къ искорененію торга неграми, правительство старательно защищало выгоды французской торговли и независимость французскаго флага отъ всякаго посягательства на нихъ. Дѣло въ томъ, что между Франціею, Англіею и нѣкоторыми другими державами заключенъ (впрочемъ еще не ратификованный) договоръ, по которому крейсеры одной націи имѣютъ право, въ извѣстныхъ мѣстахъ, останавливать и осматривать корабли всякой другой участвующей въ трактатѣ державы для того, чтобы удостовѣ-

Digitized by Google

риться не производятъ ли эти корабли торга неграми-невольниками. Въ рѣчи своей объ этомъ предметѣ господинъ Бильо не обинуясь объявилъ, что предложеніе его именно длятого и сдѣлано, чтобы принудить правительство не утверждать заключенной въ минувшемъ году конвенціи, которою распространяется право осмотра кораблей, установленное трактатомъ 1831 года и конвенціею 1833. Министръ иностранныхъ дѣлъ, вступившій послѣ него на каѳедру, защищалъ трактатъ 1831 года, которымъ между Франціею и Англіею установлено право взаимнаго осмотра кораблей. Господинъ Гизо сознался, что при этомъ могутъ быть злоупотребленія, но въ самой конвенціи указаны средства для предупрежденія ихъ. Первое состоитъ въ томъ, что ни которая изъ державъ, участвующихъ въ конвенціи, не можетъ по собственной своей волѣ выслать въ море крейсера для преслѣдованія торговцевъ неграми, а должна предварительно истребовать для него патентъ отъ другой державы, такъ, что если бы англійскій крейсеръ хотѣлъ подвергнуть осмотру французское судно, не предъявивъ французскаго патента, то оно не обязано подвергаться этому. Второе существенное ручательство состоитъ въ томъ, что задержанный корабль передается для судебнаго изслѣдованія той націи, которой онъ принадлежитъ, и, наконецъ, третье ручательство заключается въ томъ, что ежели по суду будетъ доказано, что корабль задержанъ безъ достаточной причины, то обиженная сторона можетъ требовать удовлетворенія отъ того правительства, которому принадлежитъ крейсеръ. Эти ручательства столь дѣйствительны, сказалъ господинъ Гизо, что въ теченіе десяти лѣтъ была только одна подобная жалоба. Тѣ же самыя постановленія содержатся и въ новой конвенціи. Трактатъ 1831 года измѣненъ только въ одномъ пунктѣ. Прежде постановлено было, что корабль, усмотрѣнный въ полосѣ опредѣленной трактатомъ, могъ быть

Digitized by Google

потомъ преслѣдуемъ и за предѣлами этой полосы, что подавало поводъ ко многимъ спорамъ, потому-что часто трудно рѣшить, гдѣ именно усмотрѣнъ первоначально корабль, въ тѣхъ ли мѣстахъ, гдѣ осмотръ дозволенъ, или далѣе. При томъ отъ этого происходило еще другое зло, весьма важное въ глазахъ людей, которые искренно желаютъ прекращенія торга неграми. Корабли, производящіе этотъ гнусный торгъ, могли безпрепятственно плавать въ свободныхъ моряхъ до-тѣхъ-поръ, пока не дождутся минуты, когда можно безопасно перейти полосу, въ предѣлахъ которой производится осмотръ кораблей. Для отвращенія этого зла въ новомъ трактатѣ право осмотра распространено на все пространство отъ африканскихъ береговъ до Бразиліи и Кубы. Послѣ господина Гизо говорили еще господа Дюпенъ, Вильменъ и Тьеръ. Первый замѣтилъ, что въ новой конвенціи 1841 года право осмотра кораблей распространено именно на тѣ мѣста, гдѣ находятся важнѣйшія французскія владѣнія, отчего при извѣстныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ при разрывѣ между Англіею съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, для французской торговли могутъ возникнуть затрудненія, которыхъ мудрое правительство никакъ не должно допускать. Въ заключеніе своей рѣчи, господинъ Дюпенъ объявилъ, что, по его мнѣнію, необходимо включить въ адрессъ статью, которая успокоила бы Францію въ томъ отношеніи, что независимость и честь ея флага будутъ сохранены ненарушимо. Само собою разумѣется, что эти слова возбудили въ лѣвой сторонѣ громкій восторгъ. Господинъ Вильменъ повторилъ только доводы, приведенные уже господиномъ Гизо, а господинъ Тьеръ поддерживалъ предложеніе господина Бильо. «Я не хочу, сказалъ онъ между прочимъ, опровергать трактаты 1831 и 1833 годовъ: они существуютъ, приведены въ исполненіе: тутъ говорить уже нечего; но я ихъ не одобряю.» При этихъ словахъ многіе голоса закри-

Digitized by Google

чали ему: «Да вы были министромъ торговли, когда второй трактатъ заключенъ!» — «Правда, отвѣчалъ онъ, я былъ тогда министромъ торговли, но я только включилъ въ трактатъ ручательства, на которыя теперь ссылаются, чтобы оправдать новую конвенцію.» Господинъ Гизо скромно замѣтилъ, что въ 1833 году онъ былъ министромъ, вмѣстѣ съ господиномъ Тьеромъ, и слѣдственно если въ трактатѣ есть что-нибудь хорошаго, то честь принадлежитъ не одному изъ тогдашнихъ министровъ, а всѣмъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи господинъ Лакроссъ, депутатъ, принадлежащій тоже къ оппозиціи, предложилъ сдѣлать другое добавленіе къ адрессу, а господинъ Лефебръ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ охранительной партіи, еще третье, въ слѣдующемъ видѣ: «Мы увѣрены, что принимая участіе въ искорененіи преступнаго торга, правительство охранитъ отъ всякаго нарушенія выгоды нашей торговли и независимость нашего флага.» Послѣ многихъ споровъ между депутатами разныхъ партій, господинъ Гизо произнесъ рѣчь, въ которой старался доказать, что правительство, изъявивъ свое согласіе на заключеніе новаго договора, не можетъ теперь отказаться отъ ратификаціи его, не нарушивъ достоинства страны; что оно, конечно, приметъ въ соображеніе мнѣніе палаты, но будетъ дѣйствовать независимо, подъ своею отвѣтственностію, потому-что право заключать договоры принадлежитъ королю и оно должно оставаться неприкосновеннымъ. Докладчикъ адрессной коммиссіи объявилъ, что она согласна сдѣлать къ адрессу прибавленіе, предложенное господиномъ Лефебромъ, и это предложеніе было принято, къ общему удивленію, почти единогласно. Что жъ изъ этого вышло? Обѣ партіи торжествуютъ побѣду. Дѣло въ томъ, что оппозиція сначала поддерживала предложеніе господина Бильо; потомъ, видя, что оно не пройдетъ, приняла предложеніе господина Лакросса, которое составлено въ болѣе умѣренныхъ

Digitized by Google

выраженіяхъ; а наконецъ, замѣтивъ, что и эта попытка не удастся, присоединилась къ господину Лефебру и членамъ охранительной партіи, поддерживавшимъ его предложеніе и вотъ отчего произошло это рѣдкое, почти невиданное единодушіе. Оппозиція радуется, что въ адрессѣ сдѣлано измѣненіе, а приверженцы охранительной партіи, что принято предложеніе одного изъ ихъ сомышленниковъ, а не оппозиціонныхъ депутатовъ Биньо или Лакросса. Во всякомъ случаѣ это не совсѣмъ пріятно для министерства; за то въ слѣдующія засѣданія оно одержало рѣшительную побѣду, потому-что палата отвергла два предложенія, сдѣланныя депутатами оппозиціи, господиномъ де-Бомономъ по испанскимъ дѣламъ, и господиномъ Лестибудуа о переписи. Наконецъ въ засѣданіи 29 Января приступлено было къ балотировкѣ о всемъ адрессѣ. Результатъ оказался слѣдующій: полное число голосовъ 396; необходимое большинство 199; въ пользу адресса подано 240 голосовъ; противъ 156; слѣдовательно адресъ утвержденъ большинствомъ 84 голосовъ, что составляетъ весьма значительный перевѣсъ въ пользу министерства.

Теперь простимся до будущаго мѣсяца съ французскими палатами и перейдемъ къ другимъ дѣламъ.

Французскій посолъ въ Мадридѣ, графъ Сальванди, объ отъѣздѣ котораго мы говорили въ предъидущей книжкѣ, уже возвратился въ Парижъ. Дѣло въ томъ, что онъ акредитованъ при испанской королевѣ Изабеллѣ II, а регентъ, Донъ Бальдомеро Эспартеро, требовалъ, чтобы кредитивная грамата представлена была посломъ, не королевѣ во дворцѣ, а ему, регенту, въ его частномъ жилищѣ. Господинъ Сальванди не почелъ себя въ правѣ согласиться на это и, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, уѣхалъ изъ Мадрида, не представивъ своей кредитивной грамоты никому и, слѣдственно, не вступивъ въ должность. Секретарь посольства, герцогъ Глюксбергъ, (сынъ великаго референда-

Digitized by Google

рія палаты перовъ, герцога Деказа, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати четырехъ) остался въ Мадридѣ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ.

Судъ перовъ кончилъ дѣло Кениссе и его сообщниковъ, приговоривъ Кениссе, Бразье и Коломбье къ смертной казни, а прочихъ обвиненныхъ, и въ томъ числѣ главнаго редактора Journal du Peuple, господина Дюломи, къ другимъ, менѣе тяжкимъ наказаніямъ. Но король, воспользовавшись своимъ правомъ помилованія, измѣнилъ приговоръ, назначивъ Кениссе заточеніе (то есть, содержаніе въ тѣсномъ заключеніи внѣ Франціи), а Бразье и Коломбье каторжную работу на всю жизнь.

Читатели наши уже знаютъ, что генералъ-губернатору алжирскихъ владѣній, генералу Бюжо, приказано было возвратиться на время въ Парижъ, а для исправленія его должности отправленъ въ Алжиръ генералъ Рюминьи. Но генералъ Бюжо, подъ разными предлогами, отъ этого отказался и поѣхалъ въ Оранъ, гдѣ важныя событія, дѣйствительно, требовали его присутствія. Знаменитый между Арабами, предводитель многихъ могущественныхъ племенъ, Могамедъ-Бенъ-Уледъ-Шигръ (есть у него еще именъ пять, шесть, но будетъ съ насъ и этихъ) марабутъ и сынъ марабута, какъ и Абдъ-эль-Кадеръ, — вступилъ съ Французами въ союзъ, чтобы вмѣстѣ съ ними дѣйствовать противъ ненавистнаго ему соперника, который называетъ себя султаномъ. Примѣру Уледъ-Шигра послѣдовали многія другія, независимыя племена, такъ-что во Франціи уже разнесся слухъ, будто Абдъ-эль-Кадеръ укрылся въ марокскихъ владѣніяхъ. Но это извѣстіе не подтвердилось. Во всякомъ случаѣ дѣла этого знаменитаго предводителя Арабовъ, какъ кажется, въ плохомъ положеніи, и событія послѣдняго времени должны сильно содѣйствовать къ упроченію французскаго владычества въ Алжирѣ.

Герцогъ Жоанвильскій (третій сынъ Лудовика Филиппа) возвратился во Францію со своими фрегатами

Digitized by Google

La belle Poule и Cassard, съ которыми онъ ходилъ къ Фанъ-Дименовой Землѣ.

— Надежды Англичанъ сбылись: король Прусскій дѣйствительно прибылъ въ Англію, для того, чтобъ быть воспріемникомъ сына королевы Великобританской, принца Валлійскаго. За его величествомъ отправлена была въ Остенде цѣлая флотилія, состоявшая изъ двухъ пароходовъ и нѣсколькихъ фрегатовъ, и онъ вышелъ на берегъ въ Гриничѣ, 22 Января. Двадцать седьмаго числа совершенъ былъ съ величайшею торжественностію обрядъ крещенія наслѣдника Великобританскаго престола. Принцъ нарѣченъ Альбертомъ-Эдуардомъ. Послѣ того въ тронной залѣ было собраніе кавалерственной думы ордена подвязки, и королева съ помощію двухъ кавалеровъ, принца Альберта и герцога Суссекскаго, возложила знаки этого ордена на короля Прусскаго.

— Въ Мадридѣ открыто собраніе кортесовъ. Министръ президентъ, господинъ *Гонзалесъ*, сообщилъ собранію всѣ подробности переговоровъ съ графомъ Сальванди, и оно одобрило дѣйствія правительства. Но по другимъ предметамъ министерство потерпѣло сильное пораженіе. Оппозиція упрекала его въ непредусмотрительности при событіяхъ, случившихся въ Октябрѣ минувшаго года (возстаніе Христиносовъ), и существованіе его, какъ говорятъ, непрочно.

— Въ Римѣ скончался графъ де-ла-Ферроне, бывшій нѣкогда французскимъ посломъ въ Санктпетербургѣ.

— Султанъ смѣнилъ своего великаго визиря и возложилъ эту важную должность на Иццета-Мехмеда-пашу, который былъ назначенъ сераскиромъ въ Сирію, но не могъ вступить въ должность, потому-что ненарочно самъ себя ранилъ въ руку пистолетомъ и былъ долго боленъ.

Digitized by Google

— Въ предъидущей книжкѣ мы говорили, что бирманскій король Торавадди поднялся войною на Англичанъ и шелъ съ огромнымъ полчищемъ въ Рангунъ. По послѣднимъ извѣстіямъ быстрота, съ которою Англичане собрали въ Рангунѣ значительный отрядъ войскъ и нѣсколько пароходовъ, устрашили его, и онъ отказался отъ своихъ замысловъ.

— Въ Китаѣ Англичане взяли городъ Амои. Двадцать перваго Августа англійская эскадра, въ числѣ 34 судовъ, отплыла отъ острова Хонгъ-Конга и остановилась въ виду Амои. 20-го утромъ произведена была рекогносцировка; вечеромъ того же дня явился на адмиральскій корабль мандаринъ подъ предлогомъ узнать: за какими товарами прибыло вдругъ такое множество судовъ. Сиръ Генри Поттингеръ тотчасъ отправилъ его обратно съ объявленіемъ, что эскадра пришла совсѣмъ не за тѣмъ. Около полудня сдѣланы были всѣ нужныя распоряженія. Пароходы стали въ первой линіи, чтобы аттаковать семидесяти-пушечную батарею вправо отъ гавани. Три фрегата пошли въ-слѣдъ за ними, и приготовились аттаковать батареи, построенныя съ лѣвой стороны; между тѣмъ центральная дивизія, состоявшая изъ двухъ линейныхъ кораблей и четырехъ фрегатовъ, выстроилась въ боевой порядокъ при входѣ въ каналъ. Въ два часа открытъ былъ со всѣхъ судовъ огонь; въ четыре, два пѣхотныхъ полка и нѣсколько отрядовъ морскихъ солдатъ высажены были на берегъ. Генералъ Гоу аттаковалъ съ однимъ полкомъ городъ, а другой отрядъ занялъ батарею на островѣ Куланъ-Фу, лежащемъ насупротивъ города. Китайцы, очутившіеся между двухъ огней, ретировались въ величайшемъ безпорядкѣ. Англичане овладѣли всѣми укрѣпленіями. Двадцать седьмаго утромъ Сиръ Ю. Гоу вступилъ со своими войсками въ городъ, оставленный мандаринами и гарнизономъ. Чтобъ не ослаблять экспедиціи, онъ не оставилъ въ городѣ гарнизона; только островъ Куланъ-Фу,

Digitized by Google

который совершенно господствуетъ надъ Амои, занятъ полубаталіономъ, состоящимъ изъ 500 человѣкъ. Этого достаточно, чтобы удержать его во власти Англичанъ. Тридцатаго Августа всѣ войска за исключеніемъ этого отряда, снова посажены были на корабли, и 5-го Сентября экспедиція отправилась обратно. Стѣны Амои построены изъ огромныхъ гранитныхъ камней и въ укрѣпленіяхъ найдено множество орудій. Число гарнизона простиралось до 10,000 человѣкъ. Англійскихъ солдатъ высажено было около двухъ тысячъ.

Вотъ факты; а вотъ и донесеніе о нихъ китайскихъ начальствъ: «Англійскіе варвары напали на Амои 25 Августа и овладѣли укрѣпленіями. Ихъ превосходительства губернаторъ Джу и Ліу-ли-Това-ти собрали 4,000 человѣкъ изъ Тшангъ-Тшу, 2,000 человѣкъ изъ Тшенъ-Тши, 6,000 храбрыхъ изъ деревень и 4,000 мужественной милиціи изъ города Тшанъ-Тшу. Сверхъ того 4,000 матросовъ, изъ Джоанеа, присоединились къ нимъ на подкрѣпленіе. Когда всѣ распоряженія къ битвѣ были сдѣланы, вдругъ въ ночь на 17-е число предъ одной ротой явился призракъ съ головою, украшенною голубой пуговицей, и съ огромнымъ копьемъ въ рукѣ. Это былъ духъ достопочтеннаго Джангъ-Джона, вознамѣрившійся вести нашихъ солдатъ къ побѣдѣ. Варвары погружены были въ сонъ; но, испуганные шумомъ нашего оружія, они вскочили, и начался бой. Страшная была сѣча, въ которой Джангъ-Джонъ помогалъ намъ всѣми силами. Устрашенный непріятель принужденъ былъ приникнуть къ травѣ. Пушки замолкли, и мы взяли множество плѣнныхъ. Адмиралъ варваровъ хотѣлъ обратить противу насъ пушки своихъ кораблей, но вдругъ сошелъ съ неба одинъ богъ, съ курчавыми волосами, босыми ногами и съ мечемъ въ рукѣ. Несмѣтныя полчища устремились въ-слѣдъ за нимъ на варваровъ, которые не могли состязаться съ небеснымъ воинствомъ. Неописанно было страшное кровопролитіе, произведен-

Digitized by Google

ное между варварами, и корабли ихъ уничтожены. Убито не менѣе 600 бѣлыхъ дьяволовъ (Англичанъ) и 900 черныхъ дьяволовъ (Индѣйцевъ). Послѣ того мы вступили въ городъ Амои, гдѣ взяли еще многихъ въ плѣнъ. За эту блестящую побѣду мы обязаны помощи боговъ и любви правительства къ своему народу. Наши храбрые солдаты расположились гарнизономъ въ гаваняхъ и мы можемъ противопоставить варварамъ, если они вздумаютъ воротиться, болѣе 1,000 пушекъ.»

— Вотъ извѣстія, полученныя съ послѣднею почтою объ открытіи англійскаго парламента королевою, 3-го Февраля.

Въ Верхней Палатѣ произведены были большія перемѣны, для помѣщенія многочисленной публики. По правую сторону трона находились новыя королевскія кресла принца Валлійскаго, по лѣвую сторону кресла для супруга королевы. По правую же сторону трона, на полу залы, было поставлено обыкновенное сѣдалище для короля Прусскаго. По лѣвую сторону, подъ галереею перовъ, находились четыре сѣдалища для иностранныхъ принцевъ. Уже съ самаго ранняго утра, многочисленныя толпы народа собрались въ паркѣ и на улицахъ, ведущихъ изъ Букингамскаго Дворца въ Верхнюю Палату. Погода была очень неблагопріятная, пасмурная и туманная. Въ часъ, процессія тронулась изъ Букингамскаго Дворца. Прибытіе ея величества было возвѣщено пушечными выстрѣлами. Королева вошла, предшествуемая герольдами, высшими сановниками и лордомъ канцлеромъ, несшимъ большую печать. Когда ея величество возсѣла на тронъ, лордъ канцлеръ, ставъ на колѣни, поднесъ ей тронную рѣчь, и удалился за кресла принца Валлійскаго, на которыя положилъ государственную печать. Когда ораторъ и большое число членовъ Нижней Палаты явились къ перилламъ, ея величество прочла, громкимъ и внятнымъ голосомъ, слѣдующую рѣчь:

Digitized by Google

«Милорды и Господа!

«Представъ предъ вами въ парламентѣ, я не могу не возблагодарить всенародно Всемогущаго Бога за рожденіе принца, моего сына; событіе это исполнило мѣру моего домашняго счастія, и было принято моимъ вѣрнымъ и преданнымъ мнѣ народомъ съ доказательствами искренней привязанности ко мнѣ и правительству.

«Я увѣрена, что вы раздѣляете со мною удовольствіе, которое мнѣ доставляетъ присутствіе въ нашей странѣ моего любезнаго брата и союзника, короля Прусскаго, лично принявшаго на себя, по моему приглашенію, обязанности воспріемника при крещеніи принца Валлійскаго.

«Я продолжаю получать отъ всѣхъ государей и государствъ увѣренія въ ихъ истинномъ желаніи сохранить самыя дружественныя сношенія съ нашимъ отечествомъ.

«Съ великою радостью извѣщаю васъ, что я заключила договоръ съ Императоромъ Всероссійскимъ, императоромъ Австрійскимъ, королемъ французовъ и королемъ Прусскимъ, касательно дѣйствительнаго уничтоженія торга неграми. Этотъ трактатъ будетъ сообщенъ парламенту послѣ размѣны ратификацій.

«Вамъ будетъ представленъ также договоръ, заключенный мною съ тѣми же державами и съ султаномъ, и имѣющій цѣлію обезопасить Турецкую Имперію и сохранить всеобщее спокойствіе.

«Возстановленіе моихъ дипломатическихъ и дружественныхъ сношеній съ Тегеранскимъ Дворомъ имѣло послѣдствіемъ окончательное заключеніе съ шахомъ персидскимъ коммерческаго трактата, который я также повелѣла вамъ сообщить.

«Переговоры съ различными державами, какъ я надѣюсь, поведутъ къ подписанію трактатовъ, которые, будучи основаны на справедливомъ правилѣ взаимныхъ

Digitized by Google

выгодъ, дадутъ новое развитіе нашей торговлѣ и сношеніямъ.

«Сожалѣю, что не могу извѣстить васъ о возстановленіи дружественныхъ отношеній съ правительствомъ Китая. Постоянные успѣхи непріязненныхъ дѣйствій противъ этой державы, и увѣренность моя въ искусствѣ и храбрости моего сухопутнаго и морскаго войска, возбуждаютъ во мнѣ надежду, что война съ Китаемъ будетъ вскорѣ окончена, и что наши торговыя сношенія съ этою страною упрочатся на твердомъ основаніи.

«Господа Члены Нижней Палаты!

«Расходы на нынѣшній годъ опредѣлены и будутъ вамъ представлены.

«Я вполнѣ полагаюсь на то, что вы, соблюдая правила благоразумной бережливости, утвердите, однако, суммы, необходимыя для потребностей страны.

«Милорды и Господа!

«Предлагаю вамъ обратить непосредственное вниманіе на состояніе финансовъ и расходовъ страны.

«Къ сожалѣнію, уже нѣсколько лѣтъ, ежегодные доходы не покрываютъ общественныхъ издержекъ. Я надѣюсь, что вы, вполнѣ постигая зло, которое можетъ произойти отъ постояннаго недостатка доходовъ во время мира, тщательно обдумаете средства къ его отвращенію. Далѣе предлагаю на ваше разсмотрѣніе состояніе законовъ о привозѣ хлѣба и другихъ статей, изъ чужихъ краевъ.

«На обсужденіе ваше будутъ представлены мѣры, имѣющія цѣлью улучшить законъ о банкротствахъ и власть церковныхъ судилищъ въ Англіи и Валлисѣ.

«Желательно также, чтобы вы пересмотрѣли законы, опредѣляющіе внесеніе въ списки избирателей членовъ парламента.

«Я замѣтила съ глубокимъ сожалѣніемъ, что въ мануфактурныхъ округахъ все еще продолжаются бѣд-

Digitized by Google

ствія. Страданія и лишенія, слѣдствія нищеты, были перенесены тамъ съ примѣрнымъ терпѣніемъ и твердостью.

«Я увѣрена, что въ вашихъ совѣщаніяхъ о различныхъ важныхъ предметахъ, на которые будетъ обращено ваше вниманіе, вы не упустите изъ вида выгодъ и постояннаго благоденствія всѣхъ классовъ моихъ подданныхъ. Желаю искренно, чтобы результаты вашихъ трудовъ содѣйствовали къ увеличенію средствъ націи, поощренію промышленности и счастію моего народа.»

Затѣмъ, королева, король Прусскій, принцъ Альбертъ и другія высокія особы удалились изъ Палаты, и прежнимъ же порядкомъ возвратились въ Букингамскій Дворецъ.

Digitized by Google

Отдѣленіе III.

Русская Словесность.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

(Посвящается Я. И. Ш.....).

Не въ пляскѣ вѣтрено-живой,
Между веселаго народа,
Не у подруги молодой
Я провожу остатокъ года;
Призывы бальной суеты
Для отъѣзжающей докучны;
Мои прощальныя мечты
Съ спокойной думой неразлучны.
Подруги дѣтская печаль
И романическія слезы
Навѣютъ грусть; кто рвется въ даль,
Тотъ любитъ радостныя грезы!
Друзья и свѣтъ — вездѣ со мной;
И *тамъ* объ нихъ не затоскую!
Кончину года, мой родной,
Я съ вами лучше допирую.

Digitized by Google

При васъ — святыня вашихъ правъ,
Мы слиты родственною кровью;
И для меня вашъ твердый нравъ
Смягченъ отеческой любовью,
Суровый умъ, гроза страстей,
И духъ упорный для сужденій,
Моихъ стиховъ, моихъ затѣй,
То добрый, то не добрый геній!
Но правосудная душа
Ума суроваго добрѣе,
И, хороша ль, не хороша,
Я вамъ всегда чужихъ милѣе.
Намъ вышли разные пути:
Къ другимъ роднымъ насъ жребій манитъ,
А грусть «послѣдняго прости»
Быть можетъ, снова насъ обманетъ!
Я вамъ, безцѣнный мой, пою
Не пестроту печальныхъ бредней,
И, разставаясь, пѣснь мою
Не назову еще послѣдней!
Но *здѣсь*, мы встрѣтимъ Новый годъ
Въ послѣдній разъ... судьба рѣшила!
Въ странѣ зимы и непогодъ,
Сама, какъ льдинка я остыла!
Что ждетъ меня? Гдѣ мнѣ найти
Грядущей участи пророка?
Я три поклона, три прости
Должна отдать теперь до срока...
И — первый — году мой поклонъ,
Прости, мой старецъ, безъ свиданья!
Дай Богъ, чтобъ твой послѣдній стонъ
Былъ прерванъ гимномъ ликованья!
Второй — съ невольною тоской —
Вамъ, мой родной! Благословите!
И въ нѣгѣ жизни городской
Меня отъ сердца помяните!
А третій — родинѣ моей;
Прости — безъ слезъ, безъ объясненій, —
Храни въ ней Богъ моихъ друзей,

Digitized by Google

Щади враговъ — безъ обвиненій.
Прости, пріютъ гранитный мой,
Со всею памятью былаго,
Внемли привѣтъ души прямой:
На Новый годъ не вспомню злаго!

Елисавета Шахова.

МОРЕ. *

Не гляди на море,
Въ часъ, когда отъ бури
Пѣняся, вздымаясь
Бѣлыми валами
Съ разсыпною пѣной,
Чудно, величаво,
Грозно и прекрасно,
Море предъ тобою.

Не любуйся моремъ,
Какъ оно, утихнувъ,
Отражаетъ небо
Съ яркими звѣздами,
Раздробляетъ въ струйкахъ
Мѣсяцъ золотистый,
Стелется, дожится,
Манитъ къ тихой думѣ.

Ты на дно морское
Загляни украдкой.
Тамъ-то, въ сердцѣ моря,

* Сыну Отечества посчастливилось. Въ первомъ его нумерѣ является, въ первый разъ, новое, женское перо, обличающее замѣчательное дарованіе. Благодаримъ неизвѣстную сочинительницу, прославшую намъ ея милые стихи. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

Заповѣдной тайной
Скрытое отъ смертныхъ,
Многое увидишь!
Чудные чертоги
Вылиты изъ злата;
Змѣями кораллы
Вьются, изгибаясь;
Жемчугъ драгоцѣнный
Нижется узоромъ;
Солнца лучъ не жгучій,
Черезъ бездну моря
Тихо проникая,
Тайнымъ, дивнымъ свѣтомъ
Озаряетъ царство,
Скрытое отъ взоровъ.

Не гляди и въ очи,
Если предъ тобою
Блещутъ, какъ алмазы,
Радостью и счастьемъ,
И любви завѣтной,
Будто неварочно,
Говорятъ признанье.

Не гляди и въ очи,
Если въ часъ печали
И душевной бури,
Горькою слезою
Очи омрачатся!..

Нѣтъ, не то прекрасно,
Что для взоровъ грѣшныхъ,
Для толпы бездушной,
Что для всѣхъ доступно.
Нѣтъ! ты въ сердце, въ душу,
Какъ на дно морское,
Загляни украдкой.
Золота дороже
Перловъ и коралловъ:

Digitized by Google

На душѣ прекрасной
Неба мысль святая.

Вѣра Анольская.

=

РОДИНА.

—

Есть сторона: она далеко
И съ ней разстался я давно.....
Но въ цѣломъ мірѣ, одиноко,
По ней грустить мнѣ суждено.
Я помню утро роковое:
Къ обѣднѣ благовѣстъ позвалъ;
Но мы молились только двое,
Да рядомъ третій въ гробѣ спалъ.....
Потомъ я помню: есть могила,
Надъ нею бѣдная плита,
Подъ нею — всё, что было мило,
О чемъ тоскуетъ сирота.
По той могилѣ, на чужбинѣ,
Онъ пролилъ много тайныхъ слёзъ,
Но ни одной слезы доныне
Къ могилѣ вѣтеръ не донесъ!

Х. Шевцовъ.

=

МОГИЛА.

—

Надъ ней ни камня, ни креста,
Она не привлекаетъ взгляды,
Какъ у порога сирота,

Digitized by Google

Одна, чернѣетъ у ограды.
Кто спитъ подъ насыпью твоей?
Какъ знать, безмолвная могила,
Чью жизнь, чье имя отъ людей
Ты безотвѣтно схоронила?
Ужель ничьей души тоска
Любимый прахъ не провожала,
И гробъ наемная рука
Твоимъ объятьямъ завѣщала?.....
Ко всѣмъ могиламъ, межъ цвѣтовъ,
Тропинка свѣжая пробита.
Лишь къ этой нѣтъ ничьихъ слѣдовъ,
Лишь эта, бѣдная, забыта.
На камняхъ мраморныхъ неразъ
Видалъ я пролитыя слезы,
И чьи-то тѣни, въ поздній часъ,
Въ златыя урны клали розы;
А эта? къ ней никто нейдетъ,
Ничья не льется здѣсь слезинка,
На ней едва-едва блеснетъ
И утра хладная росинка.
А можетъ быть, безвѣстный прахъ
Покойно спитъ до воскресенья,
А въ раззолоченныхъ гробахъ
И мертвымъ нѣтъ успокоенья.
А можетъ быть, безвѣстный прахъ
Давно ужъ слава увѣнчала,
Но не на камнѣ — на вѣкахъ
Живое имя начертала.

А. Шевцовъ.

=

СОНЕТЪ.

—

Вы умѣли покорить
Море звуковъ несогласныхъ,

Digitized by Google

И плѣнительно разлить
Ихъ въ аккордахъ сладкогласныхъ.

Вы умѣли пробудить
Много думъ во мнѣ прекрасныхъ,
И заставить полюбить
Снова міръ видѣній ясныхъ.

Вы велѣли мнѣ забыть
Прошлаго о дняхъ ненастныхъ,
И успѣли заронить
Въ грудь зерно надеждъ опасныхъ.

Да, я буду ихъ растить
И, какъ кладъ, отъ всѣхъ таить.

Князь Д. Кропоткинъ.

=

ЗАВѢТНЫЙ ТОСТЪ.

—

Давно ли мы всѣ вмѣстѣ пировали,
Подъ тѣнью этихъ липъ, за чашей круговой,
И вольной пѣснію встрѣчали
Восходъ денницы золотой?
Кипѣла жизнь, вино лилось рѣкою,
Несвязный разговоръ смѣхъ громкій заглушалъ,
И первый *онъ*, поднявъ надъ головою,
До дна свой кубокъ осушалъ;
И всѣ за нимъ, и всѣ рукоплескали,
И предъ пылающимъ костромъ,
Товарищи, пѣвца мы дружно увѣнчали
Душистымъ, липовымъ вѣнкомъ.
И онъ, смѣясь, взялъ честное съ насъ слово,

Digitized by Google

Чтобъ въ день его кончины, каждый годъ,
Подъ тѣнью этихъ липъ сбирались всѣ мы снова
Въ разгульно-шумный хороводъ.
Давно ль? и что жъ? разрознены судьбою,
И половина насъ на пиръ не собралась!
Иной въ землѣ чужой; съ женою молодою,
Счастливый семьянинъ, другой забылъ объ насъ;
Тотъ, съ саблей острою, несется въ бой кровавый;
Другой на почести покой свой промѣнялъ;
А тотъ, прельстившись шумной славой,
Себя на судъ толпы, на жертву толкамъ далъ.
Давно ль?..... а онъ, безвременной могилой
Похищенный, лежитъ въ краю чужомъ.
И прежній шумный кругъ теперь въ кружокъ унылой
Печально мы сомкнули въ-четверомъ.
Но тѣнь его, друзья, межъ нами! Въ почесть ей
Завѣтный кубокъ свой наполнимъ
И, четверо оставшихся друзей,
Мы слово данное исполнимъ.

Князь Д. Кропоткинъ.

ЛАВА. *

(Посвящено Н. М. О....ви.)

—

На брегѣ Лавы, думы полный,
Люблю смотрѣть, когда рѣка
Несетъ чуть зыблемыя волны

* Названіе рѣчки, впадающей въ Ладожское Озеро. Она долго служила границей между русскими и шведскими владѣніями.

Digitized by Google

По лону чистаго песка,
Вокругъ природа молодая,
Какъ дѣва пышно убрана,
Когда къ вѣнцу спѣшитъ она,
Сердечной радостью блистая.
Свершилось много громкихъ дѣлъ
На берегахъ смиренной Лавы;
И, мнится, будто геній славы
Еще отсель не отлетѣлъ.
Сквозь мракъ прошедшаго мелькая,
Здѣсь все, какъ лѣтопись живая;
И каждый холмъ, и видъ полей
Являютъ призракъ прежнихъ дней.
Сюда къ врагамъ на пиръ кровавый
Дружины Невскаго текли;
Здѣсь, предъ вѣнцомъ небесной славы
Пріялъ онъ славу отъ земли.
Сражались Русскіе и Шведы
Здѣсь долго, долго межъ собой,
Пока державный нашъ герой
Не обнажилъ свой мечъ побѣды.
Руководимая Петромъ,
Россія шла на подвигъ смѣлый,
И стали шведскіе предѣлы
Ея наслѣдственнымъ добромъ.
Отъ береговъ чуть видной Лавы —
По грань Нептуновой державы,
Страна враждебная легла
Подъ сѣнь двуглаваго орла.
Люблю здѣсь, тихими шагами,
При отголоскѣ прежнихъ дней,
Бродить въ мечтахъ, среди полей,
Одинъ, бесѣдуя съ вѣками.

А. О.

Digitized by Google

ПРОЧНОЕ БЛАГО.

(Посвящено Барону М. А. К.)

—

Все на землѣ проходитъ, какъ мечта!
Богатство, почести, любовь и красота
Надолго ли дарятъ намъ наслажденье!
Онѣ – пріятный сонъ. Промчится обольщенье,
И снова въ сердцѣ пустота.
Одно лишь на землѣ – не сновидѣнье,
Не призраковъ обманчивыхъ игра.
Оно счастливитъ насъ сегодня, какъ вчера,
И не покинетъ насъ у самой двери гроба.
Надъ прочнымъ благомъ тѣмъ, безсильны, зависть, злоба.
Оно – сознаніе свершеннаго добра.

К. М.

9 Іюля
1839.

Digitized by Google

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

1791 ГОДА.

—

I.

«Добро пожаловать, дорогой сосѣдъ! Ты ничего не слыхалъ, Борисъ Ильичъ?»

«Ничего, Петръ Петровичъ, ничего. А что такое? Вы что слышали?»

«И я, братецъ, также ничего не слыхалъ,» отвѣчалъ Петръ Петровичъ. «Въ деревнѣ не вдругъ дождешься новостей. Бывало, прежде, хоть журналы получишь съ почты, а нынче не выходитъ въ Петербургѣ ни одного журнала. Что за годъ такой вышелъ! Не высокосный, кажется.»

«Да не высокосный ли въ самомъ дѣлѣ, Петръ Петровичъ? Я что-то забылъ.»

«Хорошъ! Вотъ календарь; читай: мѣсяцословъ на лѣто 1790, которое есть простое.»

«Вижу, вижу, Петръ Петровичъ! Простое. Виноватъ! Давно не видалъ мѣсяцослова-то.»

«Такъ у тебя и этой книги нѣтъ! Ну, сосѣдъ! ужъ этого я не ожидалъ.»

«Да начто мнѣ книги, сосѣдушка. Вѣдь я читать не охотникъ; не то, что вы.»

Digitized by Google

«А новости любишь! Всѣмъ говоришь при встрѣчѣ: что новенькаго? О чемъ, напримѣръ, поведемъ мы разговоръ до обѣда? Ужъ мы съ тобой давно все переговорили, и я всѣ твои мысли давно наизустъ выучилъ. Скажи только слово, а я договорю за тебя все остальное. Нѣтъ, сосѣдъ! Безъ журналовъ гдѣ взять въ деревнѣ новостей!»

«Ну какъ не набрать, Петръ Петровичъ! Что нибудь да пронюхаешь хоть о сосѣдяхъ. Напримѣръ, я слышалъ вчера, что у Домны Герасимовны козелъ пропалъ.»

«А мнѣ что за дѣло! Хоть бы сама Домна Герасимовна пропала съ козломъ своимъ вмѣстѣ, я бы не сталъ горевать. Ты знаешь, что я всѣхъ бабъ терпѣть не могу.»

«Знаю, знаю, сосѣдушка. Ну вотъ еще другая новость: Василиса Андреевна дочь помолвила. И знаете ли за кого? Отгадайте.»

«За дурака.»

«Какъ такъ! Онъ, напротивъ, человѣкъ солидный, уменъ, къ тому же, какъ бы сказать вамъ, весьма, очень не глупъ. Деревня прекрасная; сто душъ! Женихъ хоть куда. Скоро будетъ свадьба.»

«Очень жаль! Скоро однимъ умнымъ человѣкомъ будетъ меньше въ нашемъ уѣздѣ.»

«Вы всегда такъ говорите, Петръ Петровичъ. Вамъ каждая свадьба хуже остраго ножа. А не ручайтесь за себя. Приглянется какая нибудь сосѣдка, такъ вы и сами...»

«Съ ума ты сошелъ, Борисъ Ильичъ! Мнѣ приглянется! Да ты вѣдь знаешь, кажется, давно, что я хладнокровно не могу глядѣть на женщинъ, избѣгаю ихъ компаніи, ни слова не говорю съ ними. Да

Digitized by Google

полно! Поговоримъ о чемъ-нибудь поумнѣе. Не хочешь ли, я прочту тебѣ что-нибудь веселенькое изъ старыхъ журналовъ?»

«Нѣтъ, ужъ увольте, Петръ Петровичъ; вамъ вѣдь давно извѣстно, что я такой же охотникъ до книгъ, какъ вы до женщинъ. Охота вамъ была сорить деньги на эти пустяки. Ну вонъ онѣ стоятъ, запыленныя. Накопили книгъ цѣлую полку, а что въ нихъ толку!»

«Браво, сосѣдъ! Да ты, не гадая не думая, стихъ сказалъ. Полку — толку. И риѳма-то какая богатая. Только стихъ твой надобно оборотить вотъ такъ: видишь книгъ цѣлую полку, а ни въ одной не знаешь толку. Намъ дѣлать-то нечего до обѣда. Я тебѣ разскажу, какія у меня книги.»

«Увольте, Петръ Петровичъ! Скука! Не люблю никакихъ пустяковъ, и стараюсь заниматься однимъ дѣйствительно полезнымъ. До обѣда не сыграть ли намъ партійку въ пикетъ, или въ шашки?»

«Поди, братецъ! А послѣ обѣда-то что будемъ дѣлать? Вотъ я тебѣ, по крайней мѣрѣ, покажу всѣ мои старые журналы и познакомлю хоть съ заглавіями. Садись сюда, ближе къ полкѣ.»

Петръ Петровичъ усадилъ Бориса Ильича въ кресла, смахнулъ пыль со своихъ книгъ метелкой изъ пѣтушьихъ перьевъ, надѣлъ очки и началъ разсматривать на переплетахъ заглавія. Борисъ Ильичъ вздохнулъ и зѣвнулъ.

Пока они молчатъ, надобно сообщить читателямъ краткое біографическое извѣстіе объ этихъ двухъ лицахъ.

Петръ Петровичъ Купоросовъ былъ отставной секундъ-маіоръ, довольно богатый помѣщикъ. Съ са-

Digitized by Google

мыхъ молодыхъ лѣтъ судьба осудила его на одиночество, потому-что послѣ смерти отца его онъ остался послѣднимъ въ родѣ. Шестнадцати лѣтъ поступилъ онъ въ военную службу, въ первые годы царствованія Екатерины II, и пожалованъ былъ чиномъ прапорщика, въ 1768 году, какъ о томъ свидѣтельствуетъ собственноручная его отмѣтка въ календарѣ за тотъ годъ. Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ онъ, двадцати четырехъ лѣтъ, въ первый разъ въ Петербургъ, куда его перевели на службу изъ арміи. Петръ Петровичъ, благодаря своему чину и своей незаложенной деревнѣ съ тремя стами душъ, скоро познакомился со многими дворянскими домами въ столицѣ, франтилъ, любезничалъ съ дамами и дѣвицами, танцовалъ усердно на балахъ, ѣздилъ на званые обѣды и ужины, въ театры, въ маскарады, словомъ сказать жилъ чрезвычайно весело, какъ всѣ прапорщики XVIII столѣтія. Тогда еще не были въ модѣ ранпее разочарованіе, убійственный холодъ на зарѣ жизни, безнадежность и пустота души, явно происходящая, по замѣчанію нѣкоторыхъ современныхъ наблюдателей, отъ пустоты головы. Одна только мысль, посреди веселостей, огорчала и тревожила Купоросова. Эта мысль была: я послѣдній въ родѣ; со мною исчезнетъ наша столбовая линія; моя прекрасная деревня Толчково сдѣлается имѣніемъ выморочнымъ и поступитъ въ казну. Въ самомъ дѣлѣ, какая печальная мысль! Умри я, и родъ Купоросовыхъ исчезнетъ навсегда въ Россіи; Россія понесетъ потерю невозвратимую. Нерѣдко во время бала на Петра Петровича находила грусть отъ этихъ размышленій, и онъ менѣе разговаривалъ съ дамами, менѣе любезничалъ съ дѣвицами. Нерѣдко казалось ему, что

Digitized by Google

какой-то домовой (тогда *каких-то злобных демонов*, о которых часто говорятъ нынѣшніе поэты, еще не было) напѣвалъ ему на-ухо, подъ музыку моднаго экосеза, печальныя, убійственныя слова, и подъ какую еще музыку! Она еще сохранилась. Если угодно, мы можемъ положить ее на ноты. Вы конечно слыхали народную пѣсню:

Пожалуйте, сударыня!
Сядьте со мной рядомъ.
Пожалуйте, сударыня!
Наградите взглядомъ.
Прочь, прочь отойди!
Какой..... и проч.

Голосъ этой пѣсни, есть въ чистомъ видѣ модный экосезъ XVIII вѣка, гремѣвшій на всѣхъ балахъ. И подъ эту веселую мелодію, подъ это *аллегро конъ фуоко*, несносный домовой пѣлъ Петру Петровичу на-ухо:

Купоросовъ, Купоросовъ,
Ты послѣдній въ родѣ!
Петръ Петровичъ, Петръ Петровичъ,
Ты послѣдній въ родѣ.
Стой, стой, не танцуй!
Ты послѣдній въ родѣ.
Стой, стой, не пляши!
Ты послѣдній въ родѣ.

Эта пѣсня домоваго записана собственноручно Петромъ Петровичемъ въ его календарѣ 1769 года. Если вы, почтенные читатели и прекрасныя читательницы, играете на фортепіано и знаете мелодію моднаго экосеза XVIII вѣка, сохранившуюся въ голосѣ народной пѣсни, то попробуйте сыграть этотъ экосезъ и спѣть пѣсню домоваго. Увидите сами, какой вый-

Digitized by Google

детъ эффектъ, какой разительный контрастъ между музыкой и словами. Мы увѣрены, что па васъ самихъ найдетъ грусть, и вы, за вашимъ фортепіано, такъ же вздохнете, какъ часто вздыхалъ на балахъ бѣдный Петръ Петровичъ.

Впрочемъ онъ не унывалъ. Что жъ такое въ самомъ дѣлѣ: послѣдній въ родѣ! Ужъ будто нѣтъ и средствъ противъ этой бѣды. Петръ Петровичъ очень хорошо зналъ это, и хотѣлъ принять скорыя и рѣшительныя мѣры къ поддержанію и сохраненію своей столбовой линіи. Для этого есть способъ самый легкій и простой: женитьба. Что нужды, размышлялъ Купоросовъ, что мнѣ еще двадцать четыре года; что мнѣ еще рано жениться; что я, не имѣя родителей и старшихъ родственниковъ, съ которыми можно было бы посовѣтоваться, легко могу обмануться въ выборѣ жены, легко могу попасться въ сѣти, разставляемыя всѣмъ богатымъ и молодымъ женихамъ. Пусть ошибусь, пусть обманутъ меня, пусть буду несчастливъ въ супружествѣ, но я знаю долгъ свой къ моему роду, я исполню свою священную обязанность поддержать и продолжить исчезающую столбовую линію Купоросовыхъ. Одушевляемый этими высокими чувствованіями, Петръ Петровичъ по всему Петербургу, на обѣдахъ и на балахъ, въ театрѣ и на гуляньяхъ, искалъ той, которая предназначена была судьбою раздѣлить съ нимъ его подвигъ и поддержать столбовую линію старинпаго рода. Онъ предупредилъ нынѣшнихъ поэтовъ. *Она* сдѣлалась его преобладающею, главною мечтою; *къ ней* стремились всѣ его желанія, всѣ его мысли; вездѣ онъ искалъ *ее*.

Но гдѣ же и кто эта *она?* Гдѣ найти это вож-

Digitized by Google

дѣленное, прекрасное существо, на которое возложенъ судьбою подвигъ поддержать исчезающую столбовую линію? Цѣлые четыре мѣсяца поиски Петра Петровича были безплодны и неудачны. Наконецъ, въ пятый мѣсяцъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, онъ неожиданно нашелъ *ее*. При первомъ на нее взглядѣ сердце ему сказало: вотъ *она!* Сердце каждаго прапорщика, каждаго молодаго человѣка двадцати четырехъ лѣтъ, ошибиться въ этомъ важномъ случаѣ не можетъ. Оно всегда узнаетъ съ разу, съ перваго взгляда, въ одинъ мигъ, *ее*.

По сдѣланнымъ немедленно справкамъ оказалось, что *она* Петра Петровича называлась Маврой Григорьевной, что отецъ ея былъ такой же столбовой дворянинъ, какъ и Купоросовъ, съ тою только разницею, что онъ былъ, по форменному выраженію старинныхъ купчихъ крѣпостей, въ родѣ своемъ не послѣдній. У него было пятеро сыновей и шесть дочерей. Встрѣча Петра Петровича съ *нею* была на балѣ. Онъ подсѣлъ къ матушкѣ Мавры Григорьевны, отпустилъ ей нѣсколько комплиментовъ, поговорилъ о неурожаѣ и объ уменьшившемся оброкѣ, съ батюшкой, бригадиромъ Чистяковымъ, и былъ приглашенъ къ нимъ, на другой день, на вечеръ. Съ этого вечера жизнь Петра Петровича потекла, по выраженію нашихъ старинныхъ сказокъ о золотомъ вѣкѣ, медомъ между кисельными берегами. Всѣ балы, обѣды, маскарады, гулянья получили для него новую, невыразимую прелесть. *Она* очаровывала все своимъ присутствіемъ. Какъ часто и съ какимъ восторгомъ танцовалъ Петръ Петровичъ съ *нею*. Домовой пересталъ уже пѣть подъ музыку экосеза свою неспосную пѣсню:

Digitized by Google

Купоросовъ, Купоросовъ,
Ты послѣдній въ родѣ!

Стара штука! Купоросовъ въ сладкихъ мечтахъ, съ тайною радостью, съ чувствомъ благородной гордости, видѣлъ передъ собою безконечную, столбовую линію, въ видѣ длиннаго проспекта, освѣщеннаго всѣми цвѣтами радуги, облитаго сіяніемъ волшебной иллюминаціи, который велъ Купоросовыхъ къ тріумфальнымъ воротамъ потомства, въ мерцающій вдали, на концѣ проспекта, храмъ безсмертія. Петру Петровичу казалось, что онъ, не слыша земли подъ собой, летитъ прямо къ этому храму, когда онъ между строемъ напудренныхъ и одѣтыхъ въ шелкъ и бархатъ кавалеровъ и между рядомъ блестящихъ, разряженныхъ, украшенныхъ фижмами дамъ и дѣвицъ, выдѣлывалъ съ Маврой Григорьевной шассе въ экосезѣ. Дѣла его шли, какъ нельзя лучше. Онъ и она начали уже мѣняться не только нѣжными взглядами и вздохами, не только обыкновенными, свѣтскими комплиментами, но даже конфектными билетами, для которыхъ въ тѣ счастливыя времена писали стихи первые русскіе поэты, для которыхъ даже самъ Александръ Петровичъ Сумароковъ разсыпалъ въ двустишіяхъ сокровища своего остроумія и своего анакреонтическаго таланта. Однажды, на балѣ у бригадира Чистякова, Петръ Петровичъ съ трепетомъ сердца отдалъ тихонько Маврѣ Григорьевнѣ конфекту съ билетикомъ, на которомъ было напечатано:

Когда бы отъ себя въ сажени солнце зрѣлъ,
Какъ я тобой горю, я такъ бы не горѣлъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ самъ получилъ — и подумайте отъ кого? — да, онъ самъ получилъ отъ *нея*,

Digitized by Google

изъ собственной ручки Мавры Григорьевны таковую же. Подъ именемъ таковой же разумѣется здѣсь конфекта со стихами:

Лишь только я тебя узрѣла,
Родилась страсть во мнѣ, и въ тотъ же часъ созрѣла.

Петръ Петровичъ, притаившись въ углу и прочитавъ билетикъ, чуть не запрыгалъ отъ восторга, проворно съѣлъ конфекту, а драгоцѣнный билетикъ положилъ въ карманъ, подлѣ самаго сердца. При разъѣздѣ съ бала, прощаясь съ Маврой Григорьевной, онъ всучилъ ей, незамѣтно и быстро, какъ проситель приказному ассигнацію, еще билетикъ съ надписью:

Лишаяся тебя, твоихъ лишаясь глазъ,
Начну я воздыхать въ минуту по сту разъ!

Вотъ какъ вздыхали влюбленные въ XVIII столѣтіи, въ этотъ вѣкъ пудры и шлейфовъ, фижмъ и роброновъ, щегольскихъ шпагъ и накрахмаленныхъ манжетъ, бархатныхъ кафтановъ и шелковыхъ камзоловъ, прелестныхъ баронессъ и услужливыхъ маркизовъ, въ этотъ вѣкъ нѣжной любви и утонченной любезности. А нынче какой влюбленный станетъ вздыхать? Въ нынѣшній, положительный вѣкъ услышишь развѣ вздохъ объ акціи, которая лопнула, или о картѣ, которую убили.

Прошло уже полгода съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Петровичъ блаженствовалъ въ Петербургѣ, подобно счастливой тѣни въ Поляхъ Элисейскихъ. Но земное счастіе непрочно. Это ужъ самая древняя, допотопная истина. И бѣдный Петръ Петровичъ испыталъ ее на себѣ. Ему было, какъ мы сказали, двадцать четыре

Digitized by Google

года, а Маврѣ Григорьевнѣ шестнадцать. Онъ съ нетерпѣніемъ выжидалъ, чтобы ей минуло семнадцать, и хотѣлъ тотчасъ же отправить къ бригадиру Чистякову длинное письмо, заблаговременно уже приготовленное, съ подробнымъ и обстоятельнымъ описаніемъ своей любви, и съ формальнымъ предложеніемъ руки своей и сердца Маврѣ Григорьевнѣ. Но судьба судила иначе. Въ домѣ бригадира Чистякова явилось новое лице: гвардейскій поручикъ Сельминъ. Пока Петръ Петровичъ искоса на него посматривалъ, исподтишка дѣлалъ надъ нимъ свои наблюденія, Сельминъ посватался, и Мавра Григорьевна, съ согласія родителей и по единогласному приговору ареопага своихъ бабушекъ, тетушекъ и всѣхъ другихъ пожилыхъ родственницъ, вышла замужъ за Сельмина. О любви Петра Петровича никто еще и не зналъ, кромѣ его да Мавры Григорьевны. Еслибъ не его медленность, не его излишняя скромность, то, можетъ быть, его не заложенная деревня Толчково, съ тремя стами душъ, перетянула бы на его сторону большинство голосовъ фамильнаго ареопага Чистяковыхъ, и доставила бы прапорщику побѣду надъ поручикомъ, у котораго было только двѣсти душъ, отчасти уже заложенныхъ, какъ оказалось по справкѣ, сдѣланной въ гражданской палатѣ одною изъ тетушекъ Мавры Григорьевны.

Бѣдный Петръ Петровичъ былъ пораженъ неожиданною вѣстью, какъ громомъ. Въ первомъ порывѣ отчаянія онъ чуть-было не застрѣлился, и удержался отъ самоубійства только по той причинѣ, что его слуга, посланный имъ въ лавки, не могъ нигдѣ достать на гривну пороху. Можетъ быть, и схитрилъ Ванька. Говоримъ Ванька, потому, что въ

Digitized by Google

тотъ вѣкъ слугъ нельзя было иначе называть, какъ по грамматическому виду, означающему умаленіе и презрѣніе. На другой день Петръ Петровичъ нѣсколько поуспокоился, или по крайней мѣрѣ старался казаться хладнокровнѣе. Ванька, любившій своего молодаго господина безъ памяти, весь день кулакомъ утиралъ слезы, глядя на отчаяніе Петра Петровича, и въ заключеніе, къ вечеру, напился мертвецки пьянъ съ горя, чего съ нимъ никогда до тѣхъ поръ не бывало. На третій день отчаяніе Купоросова ужъ и очень поутихло, но все же на сердцѣ у него лежало горе, какъ тяжелый камень. Онъ сидѣлъ, задумавшись, въ креслахъ, подперши опущенную голову ладонями. Ванька, съ красными отъ слезъ и отъ похмѣлья глазами, стоялъ передъ нимъ и заботливо смотрѣлъ на господина, въ ожиданіи, не заговоритъ ли онъ что-нибудь.

Петръ Петровичъ послѣ долгаго молчанія поднялъ наконецъ голову. Лице его было блѣдно, на глазахъ видны были слезы.

«Ахъ ты, боже мой!» сказалъ слуга, махнувъ рукою. «Не горюйте, сударь! Не такую невѣсту отдадутъ за васъ. Пожалѣйте себя, да и меня вмѣстѣ. Глядя на васъ, сердечушко все изныло.»

«Ахъ, Ванька, Ванька!» сказалъ съ глубокимъ вздохомъ Петръ Петровичъ: «я очень, очень несчастливъ!»

Ванька захныкалъ, отвернулся и наконецъ заплакалъ навзрыдъ.

Кто бы ни дѣлилъ съ нами горе, оно кажется сноснѣе. Петру Петровичу показалось, что камень, давившій ему сердце, сдѣлался легче. Онъ вспомнилъ Мавру Григорьевну, улетѣвшую любовь, разрушенное счастіе, поглядѣлъ на рыдающаго слугу, запла-

Digitized by Google

калъ самъ, вскочилъ съ креселъ и въ изступленіи бросился слугѣ на шею.

Слезы ихъ смѣшались, можно было бы сказать здѣсь, если бы плакали любовники въ романѣ. Но тутъ лили слезы баринъ и слуга, каждый отдѣльно.

«Пожалѣй обо мнѣ, Ванька!» восклицалъ Петръ Петровичъ, всхлипывая и крѣпко обнимая слугу. «Ты жалѣешь меня?»

«Жалѣю, видитъ Богъ, какъ жалѣю!» отвѣчалъ Ванька, крѣпко цѣлуя въ плечо господина, и зарюмилъ такъ, что изъ рукъ вонъ. «Не съ радости же вчера я такъ нарѣзался,» продолжалъ слуга, рыдая. «Тоска такая, хоть въ воду полѣзай! Поберегите себя, ради Господа! Перестаньте кручиниться; не то я совсѣмъ пропаду.»

Утѣшенія и просьбы Ваньки подѣйствовали на Петра Петровича. Черезъ мѣсяцъ онъ ужъ не плакалъ, воспоминая о Маврѣ Григорьевнѣ. Онъ только тяжело вздыхалъ и, сцѣпивъ зубы, повторялъ съ жаромъ стихи Сумарокова изъ его Димитрія Самозванца:

Иди душа во адъ и будь тамъ вѣчно плѣнна!
О! еслибы со мной погибла вся вселенна!

Петръ Петровичъ пересталъ ѣздить въ общества, въ театры, на гулянья, началъ избѣгать встрѣчъ съ дамами и дѣвицами и совершенно возненавидѣлъ ихъ. Петербургъ сдѣлался ему несносенъ. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ армію, вмѣстѣ съ полкомъ переходилъ изъ мѣста съ мѣсто, былъ въ походѣ противъ непріятеля, получилъ нѣсколько чиновъ, за храбрость произведенъ былъ съ секундъ-маіоры, вышелъ въ отставку и поселился въ своей деревнѣ, Толчковѣ. Тамъ пристрастился онъ къ чтенію и потому выписывалъ

Digitized by Google

всѣ журналы и примѣчательныя новыя книги изъ Петербурга. Прошло лѣтъ девять послѣ разрушенія радужнаго зданія первой его любви. Онъ все продолжалъ избѣгать общества женщинъ, прослылъ нелюдимомъ и домосѣдомъ, отъ чего сосѣди очень рѣдко навѣщали его, и самъ онъ почти ни къ кому не ѣздилъ. Одинъ Борисъ Ильичъ Капустниковъ, отставной прапорщикъ, пользовался правомъ, какъ самый близкій сосѣдъ, навѣщать во всякое время Петра Петровича. Такъ какъ Борисъ Ильичъ былъ гораздо бѣднѣе его и ниже чиномъ, то онъ обходился съ Петромъ Петровичемъ, какъ со своимъ покровителемъ. Петръ Петровичъ говорилъ ему: ты, а онъ всегда говорилъ ему: вы. Во вкусахъ они мало сходились. Борисъ Ильичъ любилъ полюбезничать съ женщинами. Петръ Петровичъ избѣгалъ ихъ. Борисъ Ильичъ почиталъ всѣ книги за пустяки и никогда ничего не читалъ. Петръ Петровичъ былъ большой охотникъ до чтенія. Борисъ Ильичъ, какъ человѣкъ недостаточный, почиталъ только то за дѣльное и полезное, что могло доставить денежную выгоду. Петръ Петровичъ, проживая только четверть своихъ доходовъ, не имѣлъ никакого пристрастія къ деньгамъ и находилъ удовольствіе въ поэзіи, въ произведеніяхъ ума, въ философскихъ размышленіяхъ, которыя, по мнѣнію Бориса Ильича, гроша не стоили, потому-что не доставляли ни копѣйки.

Не смотря на такую противоположность во вкусахъ и мнѣніяхъ, Петръ Петровичъ и Борисъ Ильичъ очень любили другъ друга и одинъ безъ другаго не могли обходиться. Продолжительное время еще болѣе скрѣпило ихъ дружбу.

Когда минула измѣнѣ, безъ сомнѣнія невольной измѣнѣ Мавры Григорьевны, десятилѣтняя давность, до-

Digitized by Google

мовой, впрочемъ уже безъ музыки, началъ нашептывать Петру Петровичу свою старую пѣсню:

Купоросовъ, Купоросовъ,
Ты послѣдній въ родѣ!

Она сдѣлалась опять, если не сладостною мечтою, то по крайней мѣрѣ предметомъ постоянныхъ думъ Петра Петровича, котораго чрезвычайно озабочивало продолженіе столбовой его линіи. Борисъ Ильичъ рекомендовалъ ему то вдову изъ сосѣдокъ, то дочь, то сестру, то тетку такого-то и такого-то помѣщика въ околоткѣ, но Петру Петровичу ни одна не нравилась, да и онъ никому не могъ понравиться, потому-что, проведя десять лѣтъ уединенно, съ однѣми своими книгами, да съ Борисомъ Ильичемъ, сдѣлался совершеннымъ букою. Борисъ Ильичъ махнулъ рукой и пересталъ сватать, но Петръ Петровичъ не переставалъ думать: гдѣ бы ему найти особу, необходимую для поддержанія столбовой линіи. Онъ посватался было черезъ письмо къ дочери сосѣда, получилъ отказъ и съ досады, черезъ недѣлю, женился къ великому удивленію Бориса Ильича. Кто же та, кто эта *она*, о которой прежде, до измѣны Мавры Григорьевны, такъ сладостно мечталъ, а послѣ измѣны, такъ хладнокровно и основательно размышлялъ Петръ Петровичъ?

Его идеалъ, его *она* осуществилась для него въ лицѣ его домоправительницы и кухарки, Дарьи Семеновны. Борисъ Ильичъ ахнулъ и сплеснулъ руками, когда услышалъ объ этомъ. Не смотря однакожъ на то, онъ въ тотъ же день поѣхалъ къ сосѣду, выпилъ за здоровье новобрачныхъ множество тостовъ и, прощаясь, рекомендовалъ себя по порядку въ доброе расположеніе Дарьѣ Семеновнѣ и поцѣловалъ у нея довольно кра-

Digitized by Google

сную руку, а она его въ раскраснѣвшуюся отъ тостовъ щеку.

Такой бракъ еще болѣе отдалилъ сосѣдей отъ Петра Петровича, и онъ въ теченіе шести лѣтъ, пока жилъ съ своею супругою, никого не видалъ у себя, кромѣ стараго друга, Бориса Ильича. Къ великому огорченію Петра Петровича, его подвигъ остался безъ вознагражденія. Лѣта его шли впередъ, а ни сына, ни даже дочери! Столбовая его линія была въ самомъ опасномъ положеніи. Въ седьмой годъ послѣ его брака, Дарья Семеновна, съ которой онъ жилъ, какъ носились слухи, не очень дружно, простудилась, захворала и умерла, и бѣдный Петръ Петровичъ опять остался безнадежно-послѣднимъ въ родѣ. Съгоря онъ принялся еще усерднѣе за чтеніе книгъ и журналовъ, но на бѣду его въ 1790 году не было издаваемо ни одного русскаго журнала, и онъ умиралъ въ деревнѣ со скуки.

Возвратимся теперь въ кабинетъ его, гдѣ онъ разговаривалъ съ Борисомъ Ильичемъ, и взглянемъ, что они дѣлаютъ. Петръ Петровичъ, все еще, съ очками на носу, стоитъ у полки съ книгами, а Борисъ Ильичъ сидитъ подлѣ него въ креслахъ.

«Вотъ журналъ, который совѣтовалъ бы тебѣ прочитать, Борисъ Ильичъ,» говорилъ Петръ Петровичъ. «Онъ называется *И то се*. А вотъ другой журналъ, называемый: *Ни то ни се*. Первый издавалъ Башиловъ, а другой — Рубанъ.

«Ужъ впрямь, что ни то, ни се!» сказалъ Борисъ Ильичъ, зѣвая.

«*Ни то ни се, въ прозѣ и стихахъ, ежесубботнее изданіе*; вотъ полное названіе журнала. Вотъ *Праздное время*, также не очень хорошій журналъ; это *Трудолюбивая Пчела*, журналъ господина Сумарокова,

Digitized by Google

Адская Почта, господина Эмина, *Всякая Всячина*, господина Козицкаго; вотъ *Поденщина* господина Тузова, вотъ *Трутень*, это *Муравей*, это *Кошелекъ*, вотъ *Что нибудь*, а вотъ это *Растущій Виноградъ*.....»

«Увольте, Петръ Петровичъ! ничего не понимаю! Что тутъ у васъ такое! Трутни да муравьи, кошельки да виноградъ! Все это пустяки, все тѣже книги, я вижу.»

«Нѣтъ, не пустяки! Вотъ *Почта Духовъ*, журналъ, который издавалъ въ прошломъ 1789 году господинъ Крыловъ, Иванъ Андреевичъ, молодой человѣкъ двадцати-одного года. Сколько тутъ правды, сколько ума, сколько остроумія. Ужъ этотъ журналъ и тебѣ бы вѣрно понравился. Какъ жаль, что его перестали издавать! Ну вотъ еще *Зеркало Свѣта*, а это *Лекарство отъ скуки и заботъ*. Превеселый журналъ! Я тебѣ прочту что-нибудь.»

Петръ Петровичъ началъ читать Лекарство отъ скуки, но не прошло пяти минутъ, БорисъИльичъ заснулъ въ креслахъ и захрапѣлъ. Петръ Петровичъ топнулъ съ досады и швырнулъ журналъ на полку. Это разбудило его слушателя.

«Чего изволите?» спросилъ Борисъ Ильичъ. «Что вы сказали?»

«Ничего, братецъ! Я говорю, что ты настоящій сурокъ. Заснулъ, когда тебѣ читаютъ Лекарство отъ скуки!»

«Да чтожъ дѣлать, Петръ Петровичъ! Ужъ у меня натура такая. Не могу, сударь, слушать чтенія. Повѣрите ли? — стыдъ сказать! — въ церкви даже дремлю, когда дьячекъ долго читаетъ.»

«Ну, нечего съ тобой, видно, дѣлать. Ванька, эй, Ванька! принеси-ка доску да разставь шашки. Скука, Борисъ Ильичъ! Готовъ уѣхать куда-нибудь.»

Digitized by Google

«А что жъ мѣшаетъ? Прокатайтесь-ка въ Петербургъ, да и меня возьмите съ собою!»

«Вотъ на! Да на насъ съ тобой, Борисъ Ильичъ, будутъ тамъ всѣ смотрѣть, какъ на чучелъ. Я давно совсѣмъ отъ свѣта отсталъ, да и ты столичныхъ обычаевъ ни на волосъ не знаешь.»

«Бѣда не велика, Петръ Петровичъ! Попригляднмся на другихъ. Вѣдь не пойдемъ же съ вами по улицамъ, ногами вверхъ. Развѣ мы не люди?»

Сѣдовласый Ванька принесъ шашки и разставилъ ихъ.

«Ну, садись-ка, сосѣдъ!» сказалъ Петръ Петровичъ.

«А по скóльку будемъ играть?» спросилъ Борисъ Ильичъ. «Знаете ли что, Петръ Петровичъ? Мнѣ пришла славная мысль. Сыграемте вотъ на какихъ кондиціяхъ. Если я проиграю, я вамъ плачу серебряный рублевикъ, а если выиграю, то мы съ вами ѣдемъ въ Петербургъ.»

«Вотъ что выдумалъ!»

«Ну что же? По рукамъ что ли?»

«Изволь. Я знаю, что тебя обыграю. Гдѣ тебѣ! Ты всегда проигрываешь.»

Началась партія, и въ этотъ разъ Борисъ Ильичъ выигралъ, да еще какъ выигралъ! Онъ очень скоро провелъ двѣ свои шашки въ *дамки* или *доведи*, разбилъ на-голову Петра Петровича и въ-заключеніе двѣ его шашки заперъ въ такія мѣста, которыхъ техническія названія для незнатоковъ игры покажутся непристойными. Черезъ нѣсколько недѣль, друзья уже ѣхали въ бричкѣ, по дорогѣ къ Петербургу. Сѣдовласый Ванька сидѣлъ на облучкѣ.

=

Digitized by Google

II.

У Петра Петровича сильно забилось сердце, когда онъ подъѣзжалъ къ столичной заставѣ, когда онъ опять увидѣлъ Петербургъ, гдѣ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ былъ онъ такъ счастливъ и несчастливъ. Первая пламенная любовь его къ Маврѣ Григорьевнѣ, всѣ мечты, всѣ радости и страданія молодости, при видѣ Петербурга, какъ-будто ожили въ душѣ его. На него нашла какая-то тихая, пріятная, усладительная грусть; онъ задумался, расчувствовался и даже прослезился. Между тѣмъ Борисъ Ильичъ, никогда не видавшій Петербурга, смотрѣлъ на пышную столицу, разинувъ ротъ и выпуча глаза.

«Ну! городъ! Господи твоя воля!» воскликнулъ онъ наконецъ. «Да что съ вами, Петръ Петровичъ? Вы, кажется, плачете? О чемъ это?»

«Эхъ, не спрашивай, сосѣдъ! Двадцать лѣтъ не шутка! Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ былъ въ Петербургѣ. Городъ все тотъ же, да ужъ я не тотъ.»

«Справедливо, Петръ Петровичъ! Тогда вы были прапорщикомъ, а теперь вы секундъ-маіоръ.»

«Эхъ, Борисъ Ильичъ, все, братецъ, не то ты говоришь. Чинъ-то мой, конечно, теперь выше, да молодость-то моя гдѣ! Голова-то ужъ сѣдѣть начинаетъ. Пройдетъ еще лѣтъ двадцать, а кто знаетъ, можетъ быть, и меньше, и меня уже не будетъ на свѣтѣ, и родъ мой навсегда исчезнетъ вмѣстѣ со мною!»

«Да чтожъ, Петръ Петровичъ! Въ Петербургѣ много, чай, невѣстъ.»

«Полно, братецъ! Ужъ я былъ женатъ. Мнѣ ужъ

Digitized by Google

сорокъ шесть лѣтъ. Поздно думать о второй женитьбѣ. Притомъ я прожилъ вѣкъ свой въ глуши, съ однѣми книгами, сдѣлался философомъ, чудакомъ, совсѣмъ одичалъ. Какой дурѣ могу я понравиться!»

«Да чѣмъ вы не молодецъ? Притомъ вы сами въ книгахъ вычитали, что любовь слѣпа. Да и русская пословица говоритъ: понравится сатана пуще яснаго сокола.»

«Спасибо за комплиментъ, сосѣдушка!»

«Какой комплиментъ, Петръ Петровичъ! Я всегда говорю искренно, отъ сердца. Вы странной человѣкъ. Вѣдь сокрушаетъ васъ то, что вы послѣдній въ родѣ, а жениться не хотите. Вотъ я никогда не думалъ и не думаю жениться; это дѣло другое. А вы? почему бы вамъ въ Петербургѣ не попытаться.....»

«Вздоръ, сосѣдъ, вздоръ! Образованная дѣвица изъ хорошей фамиліи за меня не пойдетъ; а взять средней руки, какую нибудь—слуга покорный. Да и отъ такой, того и смотри, получишь отказъ. Каково это перенести! Я ужъ испыталъ это. Чортъ ихъ побери, всѣхъ этихъ юбошницъ! Пусть пропадаетъ мой родъ! Все равно!»

«Эхъ, Петръ Петровичъ, отецъ родной!» сказалъ Ванька. «Не закаивайтесь. Авось въ Петербургѣ.....»

«Молчи, оселъ! И онъ еще тутъ же. . . дуралей! Къ лицу ли мнѣ играть теперь роль Адониса. И надъ молодыми Адонисами и Нарцисами въ книгахъ и журналахъ смѣются, а мнѣ..... съ ума что ли я сойду!»

Кибитка въѣхала въ Петербургъ и остановилась у большаго постоялаго двора, который былъ извѣстенъ подъ названіемъ Демутова. На другой день Петръ Петровичъ и Борисъ Ильичъ, принарядившись, пошли осматривать столицу. Это было въ Августѣ мѣсяцѣ. Ваньи-

Digitized by Google

ка въ длиннополой, сѣрой ливреѣ, какъ-будто сдѣланной подъ цвѣтъ сѣдыхъ его волосъ, слѣдовалъ за ними. Они вышли на Невскій Проспектъ. У домовъ, по обѣимъ сторонамъ улицы, были уже и тогда узкіе тротуары, подлѣ которыхъ, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, стояли деревянные столбы, выкрашенные голубою краскою, съ бѣлыми бордюрами и карнизами. Къ столбамъ придѣланы были желѣзные прутья, на которыхъ висѣли шарообразные фонари. Наши пріѣзжіе вышли на Дворцовую Площадь, потомъ отправились на Неву, потомъ въ Лѣтній Садъ, потомъ на Фонтанку, и чуть не обошли всего города. Петръ Петровичъ не узналъ многихъ мѣстъ, останавливался, смотрѣлъ и дивился. Гранитная набережная Невы, обдѣланныя камнемъ и огороженныя чугунными перилами берега Фонтанки и Екатерининскаго Канала, великолѣпная рѣшетка Лѣтняго Сада, Мраморный Дворецъ, памятникъ Петру Великому, Большой Каменной Театръ, Арсеналъ, Академія Художествъ, новыя строенія, обогнувшія амфитеатромъ дворцовую площадь, тысячи другихъ зданій казенныхъ и частныхъ, все это явилось во время отсутствія Петра Петровича изъ Петербурга.

«Чудное дѣло!» твердилъ онъ. «Теперь вижу, что и я не тотъ, да и Петербургъ ужъ не тотъ.»

Возвращаясь къ постоялому двору Демута, онъ прошелъ по улицѣ, гдѣ находился двухъ-этажный, деревянный домикъ бригадира Чистякова, тотъ самый домикъ, гдѣ Петръ Петровичъ нѣкогда полюбилъ и потерялъ Мавру Григорьевну. Сердце у него забилось, какъ у молодаго человѣка, бездна воспоминаній и чувствованій столпилась въ немъ. Петръ Петровичъ замѣтилъ, что у него колѣна подгиба-

Digitized by Google

ются и дрожатъ. Смотритъ онъ направо, смотритъ налѣво, припоминаетъ, соображаетъ. Что за пропасть! Та ли это улица? Та самая. Гдѣ же домъ, гдѣ прежній храмъ его счастія, его любви? Онъ исчезъ. На мѣстѣ его стоитъ трехъ-этажный, каменный домище. Петръ Петровичъ глубоко вздохнулъ. «Чей это домъ?» спросилъ онъ стоявшаго у воротъ дворника. — Жены господина Сморчкова. — «Сидора Карповича?» — Точно такъ. — Петръ Петровичъ еще разъ вздохнулъ и пошелъ далѣе, повѣсивъ голову. Боже мой! думалъ онъ. Сморчкова зналъ я, когда былъ я прапорщикомъ. Копіистъ, писаришка, теперь ужъ сдѣлался господиномъ и владѣльцемъ огромнаго дома. Домъ жены.... знаемъ мы — жены! И гдѣ же этотъ нечестивецъ выстроилъ свой домъ? На развалинахъ моего счастія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ старину жила *она!*

«Посмотри-ка, посмотри, сосѣдъ!» сказалъ Борисъ Ильичъ. «Что это за всадники сюда скачутъ?»

«Ба!.... Да это государыня изволитъ ѣхать. Видишь ли тамъ ея карету?»

«Государыня!» воскликнули въ одинъ голосъ Борисъ Ильичъ и Ванька.

Всѣ трое остановились и сняли шляпы. Въ два ряда, по обѣимъ сторонамъ улицы, ѣхали на сѣрыхъ лошадяхъ, сначала придворные служители, потомъ лейбъ-гусары, въ богатой одеждѣ. Каждый изъ нихъ былъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ другаго, отъ чего весь поѣздъ казался очень длиннымъ. Между этими двумя рядами всадниковъ шесть статныхъ, буланыхъ коней, убранныхъ строусовыми перьями и блестящей сбруей, везли нескорою рысью позолоченную карету, которой верхъ, казалось, дер-

Digitized by Google

жался на однихъ зеркальныхъ стеклахъ. Подлѣ лошадей шли два ряда скороходовъ. За ними слѣдовали, по обѣ стороны кареты, два гайдука. Эти два великана одѣты были въ платье зеленаго цвѣта, съ золотыми позументами на ихъ полукафтаньяхъ и широкихъ шараварахъ. Длинные плащи того же цвѣта, спадая съ ихъ плечъ, развѣвались вѣтромъ. На головахъ у нихъ были шапки съ бархатнымъ верхомъ и съ золотою кистью. У дверецъ кареты ѣхали на бѣлыхъ лошадяхъ, съ одной стороны, оберъ-шталмейстеръ, съ другой — унтеръ-шталмейстеръ. Поѣздъ замыкали лейбъ-казаки, на гнѣдыхъ лошадяхъ. Вскорѣ карета приблизилась. Народъ кланялся.

Навѣрное Петръ Петровичъ и Борисъ Ильичъ оторопѣли и поклонились Государынѣ совсѣмъ необыкновеннымъ образомъ, потому-что Императрица, отвѣчая на ихъ поклонъ наклоненіемъ головы, улыбнулась, тотчасъ замѣтила, что они пріѣзжіе, и потомъ величавымъ, но вмѣстѣ ласковымъ мановеніемъ руки, вѣроятно, пожелала ихъ ободрить.

Когда карета проѣхала, Петръ Петровичъ и Борисъ Ильичъ, все еще безъ шляпъ, то смотрѣли въ-слѣдъ за каретою, то взглядывали другъ на друга. Ванька палъ на колѣни.

Въ большомъ волненіи всѣ трое, чуть не бѣгомъ, возвратились въ гостинницу Демута и цѣлый вечеръ съ восторгомъ говорили о Государынѣ.

Чѣмъ долѣе наши пріѣзжіе жили въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе онъ имъ нравился. Петръ Петровичъ нанялъ хорошенькую квартиру, и каждый день, передъ обѣдомъ, а иногда и послѣ обѣда, прогуливался по городу съ Борисомъ Ильичемъ. По праздникамъ слушали

Digitized by Google

они роговую музыку, прохаживаясь по Лѣтнему Саду, слушали музыку, игравшую каждый день въ полдень, на башнѣ адмиралтейскаго шпица, смотрѣли на гуляющихъ въ саду графа Строгонова, на Каменномъ Островѣ, на Крестовскомъ, на Елагиномъ, катались по Невѣ въ нанятомъ восьмивесельномъ катерѣ, съ наряженными по-голландски матросами, пѣвшими русскія пѣсни подъ звукъ рожка, словомъ сказать, гуляли вездѣ и веселились, какъ могли и какъ умѣли. Посреди столичныхъ развлеченій, Петръ Петровичъ началъ иногда забывать, что онъ послѣдній въ родѣ. Наступила осень. Проходя по Царицыну Лугу, Петръ Петровичъ съ Борисомъ Ильичемъ вздумалъ зайти въ театръ, который стоялъ на этомъ лугу. Онъ былъ деревянный и назывался Англійскимъ. Играли оперу: *Рѣдкая вещь,* переведенную съ италіянскаго знаменитымъ тогдашнимъ актеромъ Дмитревскимъ. Борисъ Ильичъ ничего не понялъ и съ половины оперы началъ зѣвать безъ милосердія. Петръ Петровичъ прослушалъ всю піесу съ большимъ вниманіемъ. Любимъ, герой оперы, запѣлъ:

Гдѣ ты, Лилла дорогая,
Гдѣ ты, свѣтъ очей моихъ?
Часть души моей другая!
Гдѣ отъ мѣстъ сокрылась сихъ!

Гармоническое окончаніе стиха на слово: *сихъ*, которое актеръ украсилъ искусною трелью, растрогало Петра Петровича, отозвалось въ его сердцѣ. Слушая арію, онъ самъ мысленно пропѣлъ: гдѣ ты, Мавра дорогая? и вздохнулъ, глубоко вздохнулъ, живо вспомнивъ измѣну своей Мавры Григорьевны. Музыка вызвала изъ глубины его души призраки моло-

Digitized by Google

дости, ея сладостныя мечты, ея любовь, всѣ ея улетѣвшія радости. Наконецъ актеръ Воробьевъ запѣлъ извѣстную арію:

Оплеуха! въ день самой свадьбы!
Оплеуха! во всю ланиту!
Оплеуха! испанцу Титу!
Оплеуха! въ мою красу!
Дѣдомъ и отцемъ клянуся,
Бабкой, матерью божуся:
Сей обиды не снесу.

(Обращаясь къ публикѣ).

О мужья, женами биты!
Буде здѣсь изъ васъ кто есть;
Вижу, что и мнѣ отъ Гиты
Равну участь съ вами несть.

Весь театръ зааплодировалъ. Эта арія опять помирила Петра Петровича съ одинокою жизнью. Онъ началъ вмѣстѣ съ другими аплодировать. Борисъ Ильичъ также хлопалъ въ ладоши, продолжая зѣвать и не зная, для чего онъ хлопаетъ. Онъ думалъ, что такой ужъ въ Петербургѣ обычай, и что всѣ въ театрѣ обязаны отъ времени до времени хлопать въ ладоши.

Черезъ недѣлю друзья отправились въ Большой Каменный Театръ. Было еще рано, и они сначала осмотрѣли внимательно всю наружность зданія. Надъ главнымъ входомъ его сидѣла Минерва, сдѣланная изъ каррарскаго мрамора. На щитѣ ея была латинская надпись: Vigilando quiesco, то есть: бодрствуя, покоюсь. Друзья наши долго разбирали эту надпись и рѣшили, что она нѣмецкая. Наконецъ они вошли въ театръ, каждый заплатилъ по два рубля съ полтиной за кресла (тогдашняя цѣна), и сѣли въ третьемъ ряду креселъ, на самомъ краѣ. Каждая ложа оби-

Digitized by Google

та была особаго цвѣта обоями, и у каждой были занавѣски того же цвѣта. Театръ былъ полонъ. Играли *Діанино древо*, другую піесу, переведенную Дмитревскимъ. Въ этотъ разъ Борисъ Ильичъ заснулъ съ самаго почти начала представленія. Напрасно Куроросовъ толкалъ его локтемъ. Сосѣдъ его протиралъ глаза и вскорѣ опять засыпалъ. Петръ Петровичъ горѣлъ со стыда за него и далъ себѣ слово никогда не брать его въ театръ съ собою. Онъ съ безпокойствомъ поглядывалъ на сидѣвшихъ за ними, поднималъ глаза и на ложи, чтобы удостовѣриться: не смѣются ли надъ его сонливымъ сосѣдомъ и надъ нимъ самимъ вмѣстѣ. Вдругъ, при одномъ изъ такихъ взглядовъ на первый ярусъ ложъ, Петръ Петровичъ вздрогнулъ и обомлѣлъ. Въ ложѣ сидѣла *она*, сама Мавра Григорьевна, съ какою-то другою дамою и съ какимъ-то напудреннымъ господиномъ, въ шелковомъ французскомъ кафтанѣ, вышитомъ золотыми узорами. Куроросовъ забылъ, что онъ въ театрѣ, забылъ діанино древо и всѣ дерева на свѣтѣ, забылъ, что ему сорокъ шесть лѣтъ, и что онъ ужъ не прапорщикъ, забылъ даже Бориса Ильича, который, нагнувши голову, спалъ безъ зазрѣнія совѣсти и начиналъ ужъ слегка всхрапывать. Петръ Петровичъ зажмуриваетъ лѣвый глазъ, приставляетъ къ правому зрительную трубку, глядитъ, всматривается и не вѣритъ своимъ глазамъ, или, правильнѣе сказать, правому своему глазу, вооруженному отличною трубкой. Онъ зажмуриваетъ правый глазъ, переноситъ трубку къ лѣвому, смотритъ... Чудеса!... Она! именно она! Впрочемъ чуда большаго не было бы еще, еслибъ Петръ Петровичъ увидѣлъ Мавру Григорьевну въ видѣ дамы, въ тридцать пять или шесть лѣтъ, какою ей слѣдовало тогда быть по вѣрному,

Digitized by Google

математическому разсчету. Но Петръ Петровичъ видитъ свою прежнюю, шестнадцатилѣтнюю Мавру Григорьевну! Онъ даже испугался, толкнулъ локтемъ Бориса Ильича и торопливо сказалъ ему шопотомъ: «Посмотри на эту даму, вотъ въ этой ложѣ. Какихъ лѣтъ она тебѣ кажется?»

«Старая вѣдьма!» сказалъ сквозь зубы Борисъ Ильичъ, просыпаясь. Ему приснилось, что онъ въ своей деревнѣ бранится съ ключницей. Петръ Петровичъ еще болѣе испугался.

«Какъ старая вѣдьма!» возразилъ онъ. «Да ты не туда, кажется, смотришь, Борисъ Ильичъ. Въ этой ложѣ нѣтъ ни одной старухи. Гдѣ жъ ты видишь старую вѣдьму?»

«Какую старую вѣдьму?» спросилъ удивленный въ свою очередь Борисъ Ильичъ. «О какой вѣдьмѣ вы спрашиваете? Я никакой вѣдьмы не вижу на сценѣ. Тутъ все молодыя дѣвки.»

«Да не на сценѣ, а вотъ въ этой ложѣ, во второй отъ края. Видишь ли? Тутъ двѣ дамы. Та, которая ближе къ сценѣ, какихъ лѣтъ тебѣ кажется? Возьми вотъ трубку.»

Въ тѣ времена въ театрахъ сплошь разговаривали и иногда довольно громко, на что жаловался тогдашній журналъ, Почта Духовъ. По-этому и друзья наши могли разговаривать шопотомъ или вполголоса, не опасаясь быть подслушанными.

Борисъ Ильичъ взялъ трубку, навелъ ее на ложу, смотрѣлъ довольно долго и наконецъ сказалъ: «Дѣвушка лѣтъ осмнадцати; никакъ не больше.»

«Что ты говоришь!»

«Да чему жъ вы удивляетесь, Петръ Петровичъ?»

«Знаешь ли ты, Борисъ Ильичъ, кто она?»

Digitized by Google

«Почему мнѣ знать.»

«Это моя..... Мавра Григорьевна!»

«Чистякова, о которой вы мнѣ почти каждый день говорили въ деревнѣ?»

— «Она сама!»

«Ну! Петръ Петровичъ! Красавица! Да какъ она сохранилась. Не дашь ей никакъ болѣе семнадцати лѣтъ. Да она ли полно?»

«Она ли! Какой вопросъ!»

«Такъ чтожъ Петръ Петровичъ... вамъ бы...»

«Она за-мужемъ!» сказалъ шопотомъ Купоросовъ, вздохнувъ.

«А можетъ быть, овдовѣла,» замѣтилъ Борисъ Ильичъ. «Въ двадцать лѣтъ много воды утекло, и много было свадебъ, родинъ и похоронъ на бѣломъ свѣтѣ.»

«Овдовѣла!... овдовѣла!» продолжалъ Петръ Петровичъ: «почему ты это знаешь? Вотъ этотъ напудренный господинъ, кажется, ея мужъ.»

«Да онъ ей въ отцы годится. Помилуйте! Старикъ лѣтъ шестидесяти.»

«Правда! Поручикъ Сельминъ былъ немногимъ меня постарше; онъ не могъ такъ состарѣться. А она! точно она! Не понимаю, ничего не понимаю!»

«Да чтожъ вы такъ безпокоитесь! Я, пожалуй, схожу въ эту ложу, поучтивѣе поклонюсь и спрошу: позвольте, сударыня, узнать, не вы ли Мавра Григорьевна Сельмина, урожденная Чистякова?»

«Что ты, Борисъ Ильичъ! Какъ это можно! Вотъ скоро кончится представленіе; мы выйдемъ поранѣе въ корридоръ и взглянемъ поближе. Нѣтъ ли тутъ въ самомъ дѣлѣ ошибки! Да нѣтъ! какая ошибка! Развѣ волшебство какое нибудь.»

Петръ Петровичъ замолчалъ и съ невыразимымъ

Digitized by Google

нетерпѣніемъ ждалъ конца представленія. Борисъ Ильичъ опять началъ зѣвать и дремать. Наконецъ занавѣсъ опустился. Зрители въ ложахъ, креслахъ и партерѣ поднялись съ мѣстъ своихъ. Началось хлопанье въ ладоши, раздался крикъ: Украсова!... Ожогина!... Виноградову! Виноградову! Занавѣсъ поднялся. Вызванные вышли и учтиво кланялись публикѣ. Браво! браво!... браво!... грянулъ весь театръ, аплодируя. Тѣмъ и кончилось. Въ XVIII вѣкѣ не вызывали артистовъ по шести разъ сряду, словно насмѣхъ, не перерывали вызовами хода піесы въ самыхъ лучшихъ сценахъ, не досаждали артистамъ и умнымъ зрителямъ, превращая вмигъ королей и королевъ, принцевъ и принцессъ, героевъ и героинь, въ раскланивающихся актеровъ.

Купоросовъ не дождался выхода вызванныхъ артистовъ. Пока они кланялись и публика аплодировала, онъ успѣлъ уже взойти въ корридоръ перваго яруса. Тамъ съ Борисомъ Ильичемъ сталъ онъ у стѣны, сжавшись, и съ трепетомъ сердца ожидалъ, скоро ли отворится дверь ложи подъ № 2. Гайдуки и лакеи въ пышныхъ ливреяхъ суетились по всему корридору; иные задѣвали Петра Петровича ненарокомъ и толкали его. Онъ стоялъ неподвиженъ, какъ скала, устремивъ глаза на дверь ложи. Борису Ильичу, который также твердо стоялъ подлѣ Петра Петровича, ни за-что ни про-что досталось также нѣсколько толчковъ, и наконецъ одинъ гайдукъ, пролѣзая сквозь толпу, провелъ локтемъ по лицу Бориса Ильича и сукномъ своей ливреи слегка шаркнулъ по бѣлку его лѣваго глаза. Борисъ Ильичъ заморгалъ; глазъ его начало подергивать, вѣки невольно сжались, полились слезы. «Ахъ, проклятый!»

Digitized by Google

ворчалъ Борисъ Ильичъ, нагнувшись и гладя свой глазъ кулакомъ. Въ это время дверь ложи подъ № 2 отворилась. Вышелъ сначала напудренный господинъ. Это не Сельминъ; ни малѣйшаго сходства! Потомъ вышла дама, разряженная до нельзя по послѣдней модѣ только-что начавшагося Октября 1790 года, за ней другая, прекрасная дѣвушка или дама лѣтъ осмнадцати. Трудно было тогда распознавать ихъ по нарядамъ. Боже всемогущій! Это Мавра Григорьевна! Въ такомъ близкомъ разстояніи глаза не могутъ ошибиться.

«Смотри! Смотри!» шепталъ Купоросовъ Борису Ильичу, задыхаясь и тихонько толкая его локтемъ.

«Не могу, Петръ Петровичъ! Глазъ слезится и такъ его подергиваетъ, что силъ нѣтъ. Мошенникъ! Могъ бы совсѣмъ глазъ мнѣ выткнуть!»

«Не правда ли, что прелестна?» продолжалъ восторженный Петръ Петровичъ, не слушая его.

«Жаль, что этому бездѣльнику я не далъ хорошаго туза въ спину, чтобы онъ впередъ былъ осторожнѣе.»

«Борисъ Ильичъ! Другъ любезный! Не знаю что и думать. Не во снѣ ли мнѣ все это грезится!»

Петръ Петровичъ совсѣмъ вздурился. «Пойдемъ!» сказалъ онъ Борису Ильичу и началъ локтями прочищать себѣ дорогу сквозь сгустившуюся толпу, желая нагнать Мавру Григорьевну, самъ не зная для чего. Борисъ Ильичъ слѣдовалъ за нимъ, потирая глазъ и ворча: «Хорошо, какъ бы попался мнѣ этотъ негодяй на крыльцѣ. Ужъ я бы скроилъ ему оплеуху.»

Купоросовъ нагналъ Мавру Григорьевну на лѣстницѣ. Напудренный господинъ велъ подъ руку двухъ

Digitized by Google

своихъ дамъ,безпрестанно твердя: позвольте пройти! За ними шелъ ихъ гайдукъ въ ливреѣ, которая своею формою означала 4-й классъ. Тогда по ливреѣ слуги можно было узнать чинъ господина. Петръ Петровичъ сунулъ въ руку гайдука красненькую бумажку и тихонько спросилъ: «кто твой господинъ?» — Павелъ Силычъ Дутышевъ, енаралъ, — отвѣчалъ гайдукъ на-ухо. «А кто такія эти дамы!» — Справа, его сестрица, Варвара Силишна, а слѣва дочь, Вѣра Павловна. —

Пораженный такимъ отвѣтомъ, Петръ Петровичъ ушамъ не вѣрилъ и пріостановился на лѣстницѣ, съ видомъ человѣка, осужденнаго на смерть. Его толкнули сзади, и онъ *машинально*, во всемъ смыслѣ этого романическаго словца, пошелъ внизъ по лѣстницѣ съ такою грустью, съ такимъ унынiемъ, какъ будто-бы эта лѣстница сводила его прямо въ могилу. Какое затруднительное, мучительное, ужасное положеніе! Чему же вѣрить, глазамъ или ушамъ? Онъ готовъ былъ повѣрить философамъ, о которыхъ читалъ въ книгахъ и которые утверждали, что весь міръ не что иное, какъ мечта, вздоръ, обманъ нашихъ чувствъ. Но, можетъ быть, проклятый гайдукъ обманулъ меня! Эта мысль блеснула у него въ головѣ, какъ молнія, и онъ такъ быстро зашагалъ по лѣстницѣ, что Борисъ Ильичъ едва поспѣвалъ за нимъ слѣдовать и, смотря себѣ подъ ноги однимъ глазомъ, чуть не поскользнулся.

У главнаго театральнаго подъѣзда происходила обычная суматоха и давка. Одна за другою, подъѣзжали кареты, запряженныя парами, четверками и даже шестерками по двѣ лошади въ рядъ. Тогда чины можно было распознавать не только по лив-

Digitized by Google

реямъ, но и по числу лошадей. Чины первыхъ двухъ классовъ ѣздили шестернею съ двумя особыми служителями, на верховыхъ лошадяхъ. Особы третьяго класса до бригадировъ или статскихъ совѣтниковъ включительно, ѣздили просто, шестернею; всѣ штабъ-офицеры четвернею, а оберъ-офицеры парою. Куперосовъ протѣснился къ подъѣзду и началъ внимательно разсматривать садившихся въ кареты. И спутникъ его, Борисъ Ильичъ, за нимъ протѣснился. На подъѣздѣ поминутно раздавался крикъ: князя такого-то, графини такой-то, барона такого-то карета готова! Петръ Петровичъ ждетъ появленія семейства Дутышевыхъ, чтобы еще взглянуть на Мавру Григорьевну, чтобы открыть какъ-нибудь обманъ вѣроломнаго гайдука, и чтобы рѣшить споръ своихъ глазъ и ушей. Подъѣзжаетъ карета, запряженная шестерней, съ размалеваннымъ на дверцахъ гербомъ; полицейскій солдатъ кричитъ: генерала Дутышева карета готова! И тотъ самый гайдукъ, который сразилъ Петра Петровича отвѣтомъ, и чуть не выткнулъ глаза Борису Ильичу локтемъ, проворно отворяетъ дверцы кареты. Въ нее садится сестра Дутышева, потомъ онъ самъ влѣзъ, кряхтя, въ карету, и наконецъ впорхнула туда же, по свидѣтельству глазъ Петра Петровича, Мавра Григорьевна, а по свидѣтельству его ушей, Вѣра Павловна.

Петръ Петровичъ и спутникъ его Борисъ Ильичъ вышли изъ-подъ колоннады главнаго подъѣзда на площадь. Ихъ окружили извощики со своими дрожками и высокими одноколками. Послѣднихъ экипажей у тогдашнихъ Петербургскихъ извощиковъ было болѣе, чѣмъ дрожекъ, которые также отличались своею формою отъ нынѣшнихъ. — Куда баринъ? Госпо-

Digitized by Google

динъ! Господинъ! Дешево возьму!—Петръ Петровичъ безъ торга сѣлъ съ Борисомъ Ильичемъ въ первую одноколку, взялъ въ руки возжи, а извощикъ сталъ на запятки. Таковъ былъ тогда общій порядокъ ѣзды въ наемныхъ одноколкахъ.

Купоросовъ погналъ лошадь вскачь.

«Не упасть бы, Петръ Петровичъ! Этакъ, пожалуй, оба шею сломимъ.»

«Молчи, Борисъ Ильичъ.»

«Господинъ!... Баринъ!... Лошадь измучите.»

«Молчи, дуракъ! За все заплачу, хоть бы лошадь твоя околѣла, а одноколка разсыпалась.»

Вскорѣ Петръ Петровичъ сталъ лошадь сдерживать и поѣхалъ тише, въ слѣдъ за какой-то каретой.

Въ тотъ вечеръ, по случаю, не помнимъ какого, торжества, на всѣхъ улицахъ горѣли плошки. При свѣтѣ ихъ Борисъ Ильичъ разсмотрѣлъ ливрею гайдука, стоявшаго на запяткахъ кареты.

«Петръ Петровичъ, а Петръ Петровичъ!» сказалъ онъ: «это, кажется, тотъ самый окаянный верзило, который мнѣ давеча чуть глазъ не выткнулъ.»

«Можетъ быть.»

Борисъ Ильичъ замолчалъ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять спросилъ: «Да куда же вы ѣдете, Петръ Петровичъ? Къ нашей квартирѣ совсѣмъ не та дорога.»

«Можетъ быть.»

«Что съ вами? Ужъ грѣхомъ не прогнѣвалъ ли я васъ чѣмъ-нибудь?»

«Можетъ быть!»

«Вотъ – на! Да чѣмъ же, скажите, ради Бога, и простите великодушно. Ужъ не на то ли вы гнѣваетесь, что я дремалъ въ театрѣ? Чтожъ дѣлать,

Digitized by Google

если у меня натура такая. Не люблю никакихъ пустяковъ; тотчасъ засну. Люблю только одно дѣльное и дѣйствительно полезное. Кто жъ вамъ велитъ! Не берите впередъ меня въ театры съ собою. Да не сердитесь же, Петръ Петровичъ, простите великодушно.»

«Я не сержусь нисколько; отстань, Борисъ Ильичъ! Не бѣси меня. Я разстроенъ, и больше ничего.»

Въ это время они выѣхали на Англійскую Набережную. Ѣхавшая передъ ними карета наконецъ остановилась у одного двухъ-этажнаго, каменнаго дома. Петръ Петровичъ про-себя замѣтилъ этотъ домъ, проѣхалъ далѣе, до конца набережной, потомъ повоpотилъ лошадь и отправился ближайшею дорогой къ своей квартирѣ. Извощикъ получилъ отъ него синюю ассигнацію и удивился такой щедрости.

Ванька подалъ тотчасъ самоваръ. За чаемъ Борисъ Ильичъ сказалъ Купоросову: «Позвольте спросить, что вамъ вздумалось, Петръ Петровичъ, проѣхать, послѣ театра, до конца Англійской Набережной? На иллюминацію что ли вы взглянуть хотѣли?»

«Н—Да... на иллюминацію.»

«Да чтожъ тутъ особеннаго на набережной? Тѣже плошки, что и на другихъ улицахъ.»

«Ты ничего не понимаешь, Борисъ Ильичъ. Я хотѣлъ взглянуть, каковъ видъ на Неву при освѣщеніи.»

«Вотъ что! Теперь понимаю.»

Прошло нѣсколько недѣль. Борисъ Ильичъ замѣтилъ въ Петрѣ Петровичѣ большую перемѣну. До того времени онъ жилъ въ Петербургѣ уединенно, ни съ кѣмъ не знакомился, а послѣ того вечера, когда смотрѣлъ въ театрѣ Діанино древо, началъ онъ искать знакомствъ, не рѣдко мѣнялъ свои банковые биле-

Digitized by Google

ты и угощалъ новыхъ знакомцевъ то обѣдами, то ужинами. Каждаго новаго знакомаго онъ, какъ будто мимоходомъ, при удобномъ случаѣ спрашивалъ: не знакомъ ли онъ съ генераломъ Дутышевымъ? Нѣкоторые ему отвѣчали, что онъ особа 4-го класса, былъ начальникомъ какого-то присутственнаго мѣста, довольно богатъ и живетъ въ отставкѣ. Но ни одного человѣка, близко знакомаго съ Дутышевымъ, Петру Петровичу еще не встрѣтилось.

Разъ, къ великому удивленію Бориса Ильича, Петръ Петровичъ приказалъ Ванькѣ пригласить къ нему самаго моднаго портнаго. Явился на приглашеніе мосье Трибуле, французъ, который, живя давно въ Россіи, говорилъ кое-какъ по-русски.

«Послушайте, мусье!» сказалъ ему Петръ Петровичъ. «Я хочу заказать вамъ нѣсколько паръ платья, для себя и для этого господина.»

Онъ указалъ на Бориса Ильича.

«Для чего это, Петръ Петровичъ! Это, кажется, лишнее.»

«Лишнее! Не все же намъ ходить съ тобой философами, чортъ вѣдаетъ въ какихъ костюмахъ. Мы съ тобой вѣдь оба столбовые, а насъ, на улицахъ, безъ сомнѣнія всѣ принимаютъ за какихъ-нибудь мѣщанъ.»

«Да, это справедливъ!» сказалъ Французъ. «Для кажній благородній гозподинъ костюмь есть первій дѣльо. Я буду нарядить васъ, какъ настояшній франсускій маркисъ. Ви будеть настояшній Адонисъ и Нарсисъ. Вамъ будеть казать лѣть двацать отъ родъ, никакъ не больши.»

«Да ты, мусье, съ нами чудеса надѣлаешь, я вижу!» сказалъ Борисъ Ильичъ.

Digitized by Google

Сторговавшись съ Французомъ, Петръ Петровичъ заказалъ ему для себя и для Бориса Ильича самое модное платье: французскій кафтанъ изъ дорогой шелковой матеріи съ широкими полосами; полы длинныя; лифъ короткій; большія пуговицы изъ граненой стали. Камзолъ или жилетъ изъ другой, полосатой же матеріи. Штаны шелковые съ одноцвѣтными полосками. Сверхъ того Петръ Петровичъ, по совѣту Француза, поручилъ ему купить для нихъ лучшія шелковыя чулки, овальныя, бронзовыя пряжки для башмаковъ, которыя, какъ объяснилъ портной, слѣдовало надѣвать вдоль, а не поперегъ башмака. Французъ совѣтовалъ еще купить въ какомъ нибудь англійскомъ магазинѣ для Петра Петровича и его друга двѣ *галантерейныя*, французскія шпаги, вмѣсто ихъ тяжелыхъ, старинныхъ шпагъ.

«Хорошо, куплю.» сказалъ Петръ Петровичъ: «Да когда платье наше будетъ готово, пришли мусье, пожалуйста, къ намъ хорошаго французскаго парикмахера. Тебѣ вѣрно многіе изъ нихъ знакомы.»

«Карашо!» сказалъ портной и посовѣтовалъ запастись во французскомъ магазинѣ пудрой, помадой и духами. На вопросъ Купоросова: какая самая модная прическа? онъ отвѣчалъ, что совѣтовалъ бы ему убрать голову большимъ *вержетомъ* и большими буклями, или сдѣлать на головѣ тупей *алакроше*, и во всякомъ случаѣ хорошенько напомадиться, напудриться и надушиться.

Французъ, взявъ деньги, ушелъ.

«Что это сдѣлалось нынче съ вами, Петръ Петровичъ?» сказалъ Борисъ Ильичъ. «Не понимаю! Я думаю, что мы, или, по крайней мѣрѣ, я.... очень буду

Digitized by Google

хорошъ въ полосатомъ кафтанѣ, съ вержетомъ или съ тупеемъ алокроше на головѣ.»

«Будешь похожъ на всѣхъ прочихъ дворянъ, и только.»

«Да я замѣчалъ, что наряды, которые вы заказали, носятъ большею частію молодые люди, *петиметры*.»

«Пустое. Одѣваться по модѣ всякому непремѣнно нужно. Это мнѣ говорили многіе изъ моихъ новыхъ знакомыхъ.»

«Да не лучше ли, Петръ Петровичъ, заказать намъ себѣ по мундиру Санктпетербургской Губерніи. Вѣдь красивъ: кафтанъ свѣтлосиній, подбой черный, лацканы, воротникъ и обшлага черные бархатные, пуговицы мѣдные, съ гербомъ, штаны бѣлые. Право, красиво.»

«Нельзя. Этотъ мундиръ носятъ одни должностные чиновники и даже должностные граждане изъ купцовъ или мѣщанъ. Чтожъ за охота равняться съ ними! Нѣтъ, ужъ одѣнемся по-дворянски, какъ слѣдуетъ столбовымъ.»

Вскорѣ друзья нарядились совершенными щеголями. Всѣ новые ихъ знакомцы одобрили ихъ туалетъ. Насталъ новый, 1791-й годъ. Къ великой радости Петра Петровича съ этого года начали выходить новые журналы: *Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену*, Панкратія Сумарокова, *Московскій Журналъ*, молодаго двадцатипятилѣтняго писателя, Николая Карамзина, *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*, Сухацкаго и Подшивалова, и *Магазинъ англинскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ новыхъ модъ*. Онъ подписался на всѣ четыре журнала и читалъ, съ особеннымъ вниманіемъ, Магазинъ новыхъ модъ.

Зима и весна прошла. Наступилъ Іюнь. Петръ Пе-

Digitized by Google

тровичъ гулялъ, франтилъ и веселился со своими новыми знакомцами. Они смѣялись часто надъ его неловкостью, надъ его незнаніемъ свѣтскихъ обычаевъ. Онъ не обижался, слушая ихъ замѣчанія, и разспрашивалъ о всѣхъ обычаяхъ, о всѣхъ тонкостяхъ, наблюдаемыхъ въ большомъ свѣтѣ, особенно въ обществѣ дамъ. Борисъ Ильичъ смѣкалъ по этому, что у Петра Петровича явилась охота со временемъ рискнуть и вступить въ неизвѣстную ему совершенно область женскаго общества. Немало дивился Борисъ Ильичъ. Онъ замѣтилъ еще, что Петръ Петровичъ ужъ рѣже бранитъ женщинъ, что онъ часто ходитъ на прогулки одинъ, бываетъ въ Лѣтнемъ Саду и на Англійской Набережной. Особенно эта набережная сдѣлалась любимымъ гуляньемъ Петра Петровича.

Однажды въ воскресенье гуляли они въ саду графа Строгонова. Садъ этотъ съ того времени мало измѣнился. Гуляющихъ была бездна, на лугу близъ дачи графа игралъ оркестръ музыки. Подъ звуки ея, паръ пятьдесятъ или болѣе танцовали на досчатой площадкѣ, подъ открытымъ небомъ. Кругомъ стояли палатки, гдѣ гуляющіе отдыхали и подкрѣпляли силы разными разностями, которыя продавалъ трактирщикъ, въ большой палаткѣ устроившій свое заведеніе.

Петръ Петровичъ и другъ его одѣты были по послѣднему журналу. Они важно прохаживались по дорожкамъ, смотрѣли на другихъ разряженныхъ мужчинъ и дамъ, и наконецъ подошли къ досчатой площадкѣ, гдѣ танцовали.

«Вѣдь это она, право она!» сказалъ вполголоса Петръ Петровичъ, и глаза его заблистали радостью.

«Кого вы увидѣли?» спросилъ Борисъ Ильичъ.

Digitized by Google

«Вѣру Павловну, которая, какъ двѣ капли воды, похожа на мою Мавру Григорьевну, когда ей было шестнадцать лѣтъ.»

«Такъ вы наконецъ узнали, что это не Мавра Григорьевна?»

«Узналъ, давно узналъ,» отвѣчалъ Петръ Петровичъ со вздохомъ. «Знаешь ли что? Я хочу тебя удивить.»

«Удивить?... Чѣмъ, Петръ Петровичъ?»

«А вотъ чѣмъ: я пущусь въ танцы. Какъ тебѣ это нравится?»

«Богъ съ вами, Петръ Петровичъ! что вы это! какъ можно вамъ пускаться всенародно въ танцы. Вы, я думаю, лѣтъ ужъ двадцать не танцовали, осрамитесь совсѣмъ и всѣхъ насмѣшите.»

«Не бойся, авось не осрамлюсь. Тутъ превосходный, единственный случай познакомиться. Здѣсь вѣдь загородное гулянье, обхожденіе за-просто; всѣхъ свѣтскихъ обычаевъ знать не нужно. Гдѣ же и когда я иначе познакомлюсь.»

«Съ кѣмъ, Петръ Петровичъ?»

«Съ Дутышевыми.»

«Вотъ что! Однакожъ, воля ваша, я умру со страху за васъ. Ну если вы спутаете въ танцѣ фигуру, если станете съ тупикъ, если уроните даму или сами упадете, если всѣхъ насмѣшите вашими старинными па.»

«Не бойся, Борисъ Ильичъ! Пущусь на авось. На авось города берутъ. Подержи-ка мою шляпу.»

«Эй, Петръ Петровичъ, быть худу! Удержитесь лучше! Какой бѣсъ смущаетъ васъ танцовать.»

«Нельзя, нельзя пропустить случая, молчи.»

Съ этими словами Петръ Петровичъ прямо по-

Digitized by Google

дошелъ къ Вѣрѣ Павловнѣ и пригласилъ ее на танецъ.

«Извините, сударыня, что не имѣя чести васъ знать, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить васъ, не отказать мнѣ, сдѣлавъ честь и доставивъ мнѣ несказанное удовольствіе того необыкновеннаго счастія, которое, протанцовавъ и осчастлививъ меня, не можетъ не превзойти. . .»

Петръ Петровичъ спутался. Дрожащій голосъ его пресѣкся.

«Что вамъ угодно?» спросила Вѣра Павловна, улыбнувшись.

«Чтобы вы осчастливили меня, протанцовавъ со мною.»

«Что будутъ теперь танцовать?»

«Новомодный танецъ: англійскія прогулки.»

«Очень хорошо. Я почти никогда не танцую съ незнакомыми, однакожъ...»

Она посмотрѣла на тетку, Варвару Силишну, которая сидѣла съ нею рядомъ.

Тетка, кивнувъ головой, дала ей разрѣшеніе.

«Однакожъ,» продолжала Вѣра Павловна: «здѣсь, за городомъ, принято танцовать съ незнакомыми. Извольте, я согласна.»

Петръ Петровичъ отъ восторга поцѣловалъ ей руку. Такая смѣлая учтивость незнакомаго разсмѣшила и вмѣстѣ сконфузила Вѣру Павловну. Она улыбнулась, слегка вспыхнула, и стала на досчатую площадку со своимъ кавалеромъ.

Оркестръ заигралъ. Съ первымъ аккордомъ музыки, Бориса Ильича, отъ страха за своего друга, бросило въ жаръ, а потомъ въ холодный потъ. Ни живъ, ни мертвъ, смотритъ онъ на Петра Петровича и ду-

Digitized by Google

маетъ: ужъ здоровъ ли онъ? Въ его лѣта такъ куролесить! Осрамится онъ, осрамится, окаянный!

Танецъ начался. Борисъ Ильичъ смотритъ и глазамъ не вѣритъ. Что за диковина, что за чудеса! Да Петръ Петровичъ ли это? Какая легкость! Какая чистая выдѣлка всѣхъ па! Какое твердое знаніе всѣхъ фигуръ!

Быстрый переходъ отъ страха къ неожиданной радости сильно взволновалъ кровь Бориса Ильича. Онъ приказалъ подать себѣ большой стаканъ лимонаду. Тьфу пропасть! думалъ онъ, прихлебывая лимонадъ и продолжая слѣдовать глазами за своимъ другомъ: да не бѣсы ли его носятъ? Смотри, пожалуй! Какіе онъ выверты, какія вычурныя фигурки выдѣлываетъ ногами! Не зналъ я за нимъ этого, хоть коротко знакомы съ нимъ двадцать лѣтъ. Между тѣмъ Куросовъ носился въ вихрѣ танца, какъ Сильфъ, въ совершенномъ упоеніи. Иногда, въ восторгѣ, пожималъ онъ слегка руку Вѣрѣ Павловнѣ. Та краснѣла и взглядывала на него съ удивленіемъ. Въ экстазѣ Петръ Петровичъ не замѣчалъ ничего. Онъ чувствовалъ, что на двадцать лѣтъ помолодѣлъ; ему казалось, что онъ еще прапорщикъ; что онъ такъ же счастливъ, какъ тогда былъ; что въ жизни съ нимъ совершенно ничего не случилось въ теченіе двадцати лѣтъ; что этихъ двадцати лѣтъ вовсе не было, и что онъ, влюбленный, по уши влюбленный, танцуетъ съ шестнадцатилѣтней Маврой Григорьевной. И вдругъ, ужъ не домовой (домовыхъ въ садахъ не водится), а вѣроятно лѣшій подъ музыку новомоднаго танца запѣлъ старую пѣсню:

Digitized by Google

Купоросовъ, Купоросовъ,
Ты послѣдній въ родѣ!
Стой, стой, не танцуй!
Ты послѣдній въ родѣ.

Ему стало грустно. Танцуя, онъ задумался. Сомнительно, очень сомнительно, чтобы Вѣра Павловна пошла за меня замужъ. Такъ подумалъ онъ и ясно вспомнилъ въ тоже время, что онъ не прапорщикъ, а секундъ-маіоръ; что ему ужъ сорокъ шесть лѣтъ, что у него много ужъ сѣдыхъ волосъ на головѣ, и что онъ послѣдній въ родѣ!

Съ другой стороны, чтожъ такое! — размышлялъ онъ, выдѣлывая очень мудреное па: развѣ не выходятъ молодыя дѣвушки за пожилыхъ, развѣ не влюбляются онѣ даже въ стариковъ, и старики въ молодыхъ дѣвушекъ, а я еще не старикъ, я цвѣтущихъ лѣтъ мужчина. Что будетъ то будетъ! Надобно дѣйствовать.

Вмѣстѣ съ этимъ размышленіемъ окончились англійскія прогулки. Онъ отвелъ, подъ руку, Вѣру Павловну на прежнее ея мѣсто, поклонился ей, какъ благодарный проситель министру, и, обратясь къ ея теткѣ, пригласилъ ее на слѣдующій танецъ. Варвара Силишна пожеманилась и согласилась. Танцуя съ ней контрдансъ, Петръ Петровичъ говорилъ безъ умолку, любезничалъ не хуже самаго ловкаго медвѣдя, и отпускалъ ей предикіе комплименты самой топорной работы. Варвара Силишна была уже не молода и нехороша, и потому невзыскательна. Она вообразила въ добавокъ, что Петръ Петровичъ въ нее немножко влюбленъ. Слѣдствіемъ такого умозаключенія было то, что она пригласила Купоросова въ домъ къ брату, принявъ на себя представить ему новаго, любезнаго знакомца.

Digitized by Google

Петръ Петровичъ расшаркался, разсыпался въ изъявленіяхъ своей благодарности за эту неожиданную честь, хотѣлъ сказать въ заключеніе что-то очень умное, сказалъ превеликую глупость, раскланялся и ушелъ.

«Поздравь меня!» сказалъ онъ Борису Ильичу, схвативъ его за руку и крѣпко сжавъ ее: «успѣхъ совершенный, неожиданный! Я... приглашенъ въ домъ Дутышевыхъ.»

«Имѣю честь поздравить, Петръ Петровичъ, и очень радуюсь, видя, что вы радуетесь, хотя и не понимаю хорошенько, чему.»

«Какъ чему! Теперь можно тебѣ признаться. Досихъ поръ это моя была тайна. Я влюбленъ, давно влюбленъ, что называется по уши, въ Вѣру Павловну.»

«Вотъ тебѣ разъ!»

«Чему же ты удивляешься?»

«Я не удивляюсь; я только соображаю, что ей лѣтъ восмнадцать, а вамъ сорокъ семь, и что по этому вамъ надобно...»

«Сорокъ шесть, сударь, только сорокъ шесть. Не прибавляй мнѣ лѣтъ-то.»

«Виноватъ! сбился. Дай Богъ вамъ успѣха, Петръ Петровичъ! сердечно этого желаю. Хоть она и молоденька, да чтожъ такое въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь такихъ жениховъ, какъ вы, и въ Петербургѣ немного найдется. Да скажите, пожалуйте! когда вы такъ прекрасно танцовать научились? Я не могъ надивиться.»

«То-то же! ужъ скажу тебѣ и другой секретъ сегодня. Я тихонько бралъ уроки у перваго въ Петербургѣ театральнаго танцовщика и балетмейстера, Француза Лепика.»

Digitized by Google

«Вотъ что! Дѣло! Жаль, что я прежде этого не зналъ. Я за васъ натрусился такъ, что мнѣ чуть дурно не сдѣлалось.»

Друзья побродили еще по саду, позѣвали на гуляющихъ, прошли вдоль Черной Рѣчки, наняли одноколку и отправились домой, оба совершенно довольные прогулкой, собою и судьбою.

=

III.

Приближался желанный, но вмѣстѣ и страшный день, когда Петръ Петровичъ долженъ былъ въ первый разъ явиться, сначала, по утру, съ визитомъ, и потомъ на вечеръ, на балъ, въ домъ Павла Силыча Дутышева. Навѣрное Фридрихъ Великій передъ Кунерсдорфскимъ сраженіемъ менѣе безпокоился, менѣе былъ озабоченъ. Сѣдовласый Ванька, что называется, сбился съ ногъ и не разъ подумалъ, что его баринъ помѣшался. То посылалъ онъ его въ разные модные магазины, то къ портному, то къ парикмахеру, наряжался каждый день будто въ гости, переодѣвался разъ пять, примѣривалъ всѣ свои камзолы и кафтаны, причесывался на разные манеры, смотрѣлся въ зеркало, потомъ бралъ въ руки книгу, заглядывалъ въ нее, и снова подходилъ къ зеркалу.

«Хочу я васъ спросить, Борисъ Ильичъ,» сказалъ разъ Ванька, когда Петра Петровича не было дома: «отъ чего это баринъ сталъ нынче такой причудливый? То и дѣло наряжается да переодѣвается. Отчего это онъ посмотрится въ зеркало, да книжку почитаетъ, почитаетъ книжку да опять къ зеркалу. Не

Digitized by Google

напустилъ ли ужъ кто на него какого наваждения? Не отъ тоски ли онъ такъ мечется?»

«Простакъ ты, Ванька! Баринъ твой читаетъ Магазинъ новыхъ модъ, и смотритъ въ зеркало: такъ ли онъ одѣтъ, какъ въ книгѣ написано.»

«Вотъ притча какая! А мнѣ и не въ домекъ. Да отчего, Борисъ Ильичъ, онъ у насъ нынче такой щеголь сдѣлался? Прежде за нимъ этого не водилось. Бывало, хоть куль на него надѣнь, такъ ему и горя мало.»

«Порадую я тебя, Ванька, только смотри: что отъ меня услышишь, никому не смѣй сказывать, и твоему барину объ этомъ ни гугу. Это еще секретъ.»

«Слушаю-съ.»

«Твой баринъ хочетъ жениться.»

«Ой ли! Слава-те-господи! То то я смотрю, онъ сталъ нынче веселѣе. Такъ вотъ что! Дай богъ ему счастья! Дай богъ ему въ добрый часъ подъ златъ-вѣнецъ стать и съ супругою во всякомъ благополучіи жить, да дѣтокъ нажить. Онъ все, сердечный, сокрушался, что у него ни одного сынишка нѣтъ.»

«Молчи, молчи! кажется, Петръ Петровичъ воротился. Чу! въ дверь кто-то стучится.»

Петръ Петровичъ вошелъ въ комнату, съ сильною тревогою на лицѣ.

«Ванька!» сказалъ онъ: «бѣги къ парикмахеру, мусье Мутону, и проси его завтра въ шесть часовъ утра ко мнѣ, непремѣнно. Потомъ слетай къ портному, мусье Трибуле, и скажи ему, что я его убью, если мой новый кафтанъ не поспѣетъ, и если онъ не пришлетъ его завтра, не позже восьми часовъ утра. Отъ портнаго забѣги къ господину Лепику и скажи, что я прошу его всепокорнѣйше пожаловать ко мнѣ

Digitized by Google

завтра въ девять часовъ, утромъ,—слышишь ли?—утромъ. Да найми еще на-завтра, на цѣлый день, карету четверкой—слышишь ли?—четверкой.»

«Слушаю-съ,» сказалъ Ванька съ веселымъ видомъ, схватилъ свою шляпу и побѣжалъ на лѣстницу. Прежде, въ подобныхъ случаяхъ, онъ иногда хмурился и чесалъ затылокъ.

«Уфъ!» воскликнулъ Петръ Петровичъ со вздохомъ, садясь на диванъ.

«Что съ вами, сосѣдушка?»

«Охъ, Борисъ Ильичъ! Плохо!»

«Да скажите, ради Господа, что такое?»

«Ужасъ беретъ, какъ подумаю! Завтра... ужъ не знаю что будетъ завтра! Голова кругомъ идетъ!»

«Не стряслось ли ужъ бѣды какой?»

«Плохо, Борисъ Ильичъ, плохо, другъ любезный! Дрожъ пронимаетъ! Завтра.... поутру... я долженъ представиться Дутышеву и всему его семейству. Я получилъ записку.»

«Да чтожъ такое, Петръ Петровичъ! о чемъ такъ тревожиться. Вѣдь не съѣдятъ васъ тамъ.»

«Не съѣдятъ! Конечно не съѣдятъ, но я самъ себя зарѣжу!»

«Что вы, Богъ съ вами! Вѣдь вы христіанинъ! Да и есть ли отъ чего тутъ зарѣзаться. Сами же вы и спали и видѣли, чтобы попасть вамъ въ домъ Дутышевыхъ. Зарѣзаться! Что вы это! помилуйте! Что за малодушіе!»

«Не то, Борисъ Ильичъ! Я себя зарѣжу, то есть осрамлю, опозорю.»

«И! сосѣдъ! Пустое! Ужъ вы черезъ-чуръ трусите. Давеча вы довольно спокойно говорили, что поѣдете къ Дутышевымъ послѣзавтра...»

Digitized by Google

«Вотъ то-то и есть — послѣзавтра! Я бы успѣлъ попригоговиться, собраться съ духомъ; а то застали въ расплохъ. Что если мой новый кафтанъ не поспѣетъ къ утру, если парикмахеръ отозванъ, если... чортъ возьми! Ничего не успѣешь порядкомъ обдумать и сообразить до завтра. Кто могъ ожидать, что перемѣнятъ день.»

«Право, нечего бояться такъ много, сосѣдушка! Да возьмите, ради смѣлости, меня съ собою. Я бы васъ, авось, поддержалъ. Мнѣ случалось на своемъ вѣку болѣе васъ толкаться по генеральскимъ домамъ, у насъ въ губерніи. Я даже губернатору нѣсколько разъ представлялся. Струсили Дутышева, генерала въ отставкѣ! Что онъ за фигура въ самомъ дѣлѣ! Подъ судъ не отдастъ. Притомъ мы съ вами и сами столбовые. Скажи онъ мнѣ грубое слово, я съ нимъ, зубъ за зубъ, сцѣплюсь. Разсудите, чего трусить честнымъ дворянамъ, какъ мы съ вами? Развѣ не такъ шаркнешь, не такъ поклонишься, сболтнешь что-нибудь не впопадъ—важное дѣло! Не уголовное преступленіе: въ тюрьму не посадятъ. Поѣдемъ вмѣстѣ, Петръ Петровичъ. Увидите, что я вамъ придамъ духу.»

«И въ самомъ дѣлѣ не взять ли мнѣ тебя съ собою?» сказалъ Петръ Петровичъ, потирая лобъ: «Ловко ли оно? Впрочемъ, чтожъ такое! Я могу сказать, что я нигдѣ безъ тебя не бываю, что ты мой старинный другъ, и вездѣ ѣздишь со мною въ видѣ ассистента. Постой! Я напишу предварительно объ этомъ записочку къ сестрѣ Дутышева. Только смотри, сосѣдъ! Не струсишь ли ты?«

«Вотъ еще! Въ гости съѣздить не въ берлогу на медвѣдя идти. Хаживалъ я и на медвѣдей, да не трусилъ.»

Digitized by Google

Когда Ванька вечеромъ возвратился, Петръ Петровичъ послалъ его къ Варварѣ Силишнѣ съ запиской, въ которой въ самыхъ учтивыхъ выраженіяхъ увѣдомлялъ ее, что завтра онъ явится къ нимъ въ домъ, съ другомъ своимъ, и что онъ рекомендуетъ и себя и его въ великодушное ея покровительство.

«Ты, я вижу, усталъ, Ванька, да что дѣлать! удружи,» говорилъ Купоросовъ: «слетай съ этой записочкой на Англійскую Набережную и отдай кому нибудь въ домѣ генерала Дутышева.»

И Ванька, съ веселымъ лицемъ, опять полетѣлъ. Онъ долго проискалъ дома Дутышевыхъ и нашелъ его тогда уже, когда пробило полночь, и крыльцо дома было уже заперто. Ванька не догадался позвонить, и началъ стучаться, но видно боялся стучаться громко: никто его не услышалъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи онъ однакожъ не потерялся. Неподалеку отъ дома стояла полицейская будка. Ванька объяснилъ свое затрудненіе будочнику, приплелся къ нему въ земляки, и упросилъ его взять отъ него записочку и доставить ее, на другой день утромъ, въ домъ Дутышевыхъ. Такимъ образомъ, по распоряженію догадливаго слуги, записочка Петра Петровича была доставлена удивленной Варварѣ Силишнѣ черезъ полицію.

На другой день, въ шесть часовъ утра, явился мосье Мутонъ, парикмахеръ. Онъ взбилъ самый щегольской тупей Петру Петровичу, завилъ его и напудрилъ. Потомъ причесалъ Бориса Ильича. Услышавъ, что Ванька поѣдетъ съ ними, смѣтливый французъ, желая получить плату за три головы, объявилъ рѣшительно, что ливрейнаго лакея также слѣдуетъ необходимо причесать и напудрить.

Digitized by Google

«На что это, мусье!» возразилъ Ванька: «у меня и безъ пудры волосы бѣлые.»

Французъ сказалъ Купоросову, что ѣхать въ знатный домъ съ сѣдымъ лакеемъ, значитъ нарушить всѣ законы приличія. Петръ Петровичъ встревожился и немедленно приказалъ завить, причесать и напудрить, по послѣдней модѣ, и Ваньку.

«Чудное дѣло!» говорилъ Ванька, когда его пудрили. «Чего Нѣмцы не выдумаютъ!» Нѣмцами называлъ онъ всѣхъ иностранцевъ. «Видно хлѣбъ-то имъ дешево здѣсь достается, что они муку по-пустому сыплютъ всѣмъ на голову. Головъ-то въ Петербургѣ много. Сколько муки даромъ переведутъ! Лучше бы изъ нея пироговъ напечь.»

«Молчи, дуралей!» крикнулъ Петръ Петровичъ.

Когда прическа Ваньки была окончена, онъ подошелъ къ зеркалу, взглянулъ на себя и покатился со смѣху. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ очень забавенъ.

Къ великой радости Петра Петровича портной принесъ въ назначенный часъ новый кафтанъ. Петръ Петровичъ при помощи мосье Трибуле одѣлся, и отпустилъ его и парикмахера, расплатясь съ ними очень щедро.

Въ девять часовъ явился балетмейстеръ Лепикъ.

«Извините, батюшка, что я васъ обезпокоилъ,» сказалъ Петръ Петровичъ: «крайняя нужда мнѣ до васъ встрѣтилась. Мнѣ надобно сегодня представиться одному важному лицу. Не соблюдается ли при этомъ какихъ особыхъ пріемовъ въ походкѣ, въ поклонахъ, вообще во всемъ? Я надѣюсь, что вы не откажетесь обязать совѣтомъ вашего прежняго ученика.»

Подобно тому, какъ Тальма училъ императора На-

Digitized by Google

полеона величественнымъ пріемамъ, Лепикъ началъ наставлять секундъ-маіора Купоросова пріемамъ свѣтской ловкости. Лепикъ шаркалъ, ходилъ, кланялся, повертывался. И Петръ Петровичъ старался въ точности выдѣлать всѣ его пріемы, но подражаніе далеко было отъ подлинника, какъ всѣ вообще подражанія. Ванька хохоталъ, какъ сумасшедшій. Петръ Петровичъ сердился, бранилъ его и въ тоже время преучтиво расшаркивался и раскланивался. Наконецъ, по распоряженію Лепика, напудреннаго Ваньку посадили на диванъ. Онъ долженъ былъ изображать лице генерала Дутышева. Подлѣ софы, въ кресла, сѣлъ Борисъ Ильичъ въ видѣ Вѣры Павловны, а справа, въ креслахъ, помѣстился Лепикъ, въ видѣ сестры Дутышева, Варвары Силишны. Петръ Петровичъ долженъ былъ изъ другой комнаты войти, раскланяться по правиламъ и всѣмъ тремъ сидящимъ особамъ представиться. Ванькѣ данъ былъ наказъ сидѣть важно и неподвижно. Онъ надулся и насупился, сколько могъ и какъ умѣлъ.

Дверь отворилась. Петръ Петровичъ, съ озабоченнымъ и важнымъ лицемъ, входитъ, становится въ позицію, выдѣлываетъ общій поклонъ, потомъ мѣрною, разсчитанною походкою приближается къ дивану и почтительно кланяется своему слугѣ. Ванька не выдержалъ, захохоталъ и повалился на диванъ, схватившись обѣими руками за голову и измявъ свою напудренную прическу. Петръ Петровичъ взбѣсился и началъ ругаться. Борисъ Ильичъ изъ преданности другу даже не улыбнулся и все сидѣлъ попрежнему, съ видомъ скромной дѣвицы. Лепикъ вскочилъ, вывелъ Петра Петровича за руку, прогналъ Ваньку съ дивана, самъ сѣлъ на его мѣсто, и велѣлъ начинать

Digitized by Google

снова репетицію. Въ этотъ разъ она окончилась довольно удачно.

Между тѣмъ пробило десять часовъ. Вошелъ Ванька и доложилъ, что нанятая карета уже пріѣхала.

«Не пора ли намъ отправиться, Петръ Петровичъ?» спросилъ Борисъ Ильичъ.

«Пора, пора, въ самомъ дѣлѣ!» воскликнулъ Куперосовъ, заплатилъ Лепику за визитъ и проводилъ его до передней. Садясь въ карету, Петръ Петровичъ вздохнулъ и перекрестился. Во всю дорогу онъ сидѣлъ въ углу кареты, какъ темная ночь, часто охалъ и вздыхалъ. Борисъ Ильичъ успокоивалъ его и употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы придать смѣлости своему другу. Наконецъ, на Англійской Набережной, карета остановилась. У Петра Петровича замерло сердце; холодъ пробѣжалъ по всѣмъ его жилкамъ. Напудренная голова Ваньки появилась у отворенныхъ дверецъ.

«Вылѣзайте, баринъ: пріѣхали.»

«Молчи, дуралей!» сказалъ вполголоса Петръ Петровичъ. «Поди, спроси швейцара: дома ли его превосходительство и можетъ ли принять меня?»

«Вотъ что! Ладно. Эй! Любезный дружище!» сказалъ Ванька, войдя въ сѣни и увидѣвъ швейцара. «Баринъ велѣлъ спросить швей... какъ бишь?... швей... да именно швей...»

«Какихъ швей?» перебилъ привратникъ. «Магазина нѣтъ въ этомъ домѣ и ни одной вольной швеи здѣсь не живетъ. Есть у барыни швеи изъ крѣпостныхъ горничныхъ. Развѣ которую нибудь изъ нихъ тебѣ нужно?»

«Что ты городишь такое, дружище!» сказалъ удивленный Ванька. «Смѣешься что ли надо мной? Смотри у меня!»

Digitized by Google

«Не стращай, любезный! не испугаюсь,» продолжалъ швейцаръ. «Видишь какой выѣхалъ! Видно, и баринъ-то твой на тебя похожъ. Отыскиваетъ какой-то швеи посреди бѣлаго дня. Швея, видишь, ему понадобилась.»

«Слушай, дружище!» воскликнулъ Ванька. «Ты пустяковъ не мели! Не смѣй позорить моего барина, а не то я тебѣ волосы оправлю, даромъ-что въ нихъ муки съ цѣлое лукошко насыпано.»

«Убирайся вонъ, сумасшедшій! Что ты шумишь!»

«А ты что горло-то дерешь! Не па трусливаго напалъ. Держитъ въ рукахъ дубину, да ужъ и думаетъ, что ему чортъ не братъ. Дойдетъ до драки, такъ мы еще за себя постоимъ. Дубина-то твоя о двухъ концахъ. Бока такъ тебѣ отломаю, что будешь долго помнить.»

«Пошолъ вонъ, говорю тебѣ.»

«Анъ лихъ не пойду!»

«Я тебя вытолкаю.»

«Тронь только! Я какъ разъ сдачи дамъ.»

«Тьфу пропасть! Что за полоумный навязался! Ну чего ты хочешь? Говори. Что ты ко мнѣ присталъ? Тебѣ ужъ сказано, что никакой швеи въ этомъ домѣ нѣтъ. Что тебѣ еще нужно?»

«А вотъ мнѣ что нужно. Баринъ мой пріѣхалъ къ твоему барину и къ твоей барынѣ и барышнѣ. Для этого онъ послалъ меня напередъ спросить какого-то швей... швей... дьяволъ его знаетъ, какъ онъ прозывается!»

«Швейцара что ли?»

«Ну да, да! Такъ и есть. Не льзя ли его сюда вызвать. Кто онъ такой, дворецкій что ли?»

Digitized by Google

«Безтолковый! Давно бы такъ сказалъ. Швейцаръ — я.»

«Ты!»

«Ну да, я.»

«Такъ чтожъ ты мнѣ давно этого не объявилъ. Больно же ты глупъ и недогадливъ, дружище. Дѣла не говоритъ, а несетъ какую-то околесную, такъ-что у насъ чуть было до драки не дошло. Коли ты швей... какъ бишь?... швейпсарь, что ли? такъ поди къ твоему барину и скажи ему вотъ что: къ вашей милости, де, пріѣхалъ въ каретѣ секундъ-маіоръ Петръ Петровичъ Купоросовъ со своимъ пріятелемъ и землякомъ, прапорщикомъ Борисомъ Ильичемъ Капустниковымъ; угодно ли, де, вашей милости ихъ впустить и съ ними повидаться. Слышь, не забудь; такъ и скажи. А коли ты не пойдешь сейчасъ же, такъ я и самъ до твоего барина дойду, скажу ему что надобно, да на тебя, безтолковаго, кстати пожалуюсь. Баринъ-то мой, я чаю, давно сердится и думаетъ теперь въ каретѣ, что меня тутъ въ сѣняхъ черная немочь зашибла. Сколько времени мы тутъ съ тобой по-пустякамъ прокалякали! Ну, ступай же.»

«Какъ доложить про твоего барина-то?»

«Тьфу, какой безтолковый! Вѣдь я ужъ сказалъ тебѣ все досконально. Ну слушай же теперь ушами.»

И Ванька снова началъ говорить свою подробную инструкцію швейцару. Тотъ ее не дослушалъ и пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, чтобы доложить о пріѣхавшихъ.

Между тѣмъ Петръ Петровичъ, сидя въ каретѣ, ужасно безпокоился. Онъ безпрестанно вздыхалъ и охалъ.

Digitized by Google

«Плохо, Борисъ Ильичъ! Видно, его превосходительство насъ принять не хочетъ. Ужъ скорѣе бы то или другое! Совсѣмъ измучишься!»

«А я такъ думаю, Петръ Петровичъ, что онъ насъ приметъ. Что-то долго нѣтъ отвѣта.»

«Да что этотъ олухъ Ванька пропалъ? Не уснулъ ли онъ тамъ? Отказъ, какъ шестъ, сосѣдушка! Сердце чувствуетъ! А приметъ, такъ другая бѣда! Пытка, Борисъ Ильичъ, сущая пытка!»

«А!... вотъ наконецъ Ванька вышелъ изъ сѣней.» сказалъ Борисъ Ильичъ. «Ну что?»

«Ничего-ста,» отвѣчалъ слуга, улыбаясь самодовольно и отворяя дверцы кареты: «все благополучно исправилъ. Пожалуйте, Петръ Петровичъ, енералъ приказалъ васъ къ нему впустить.»

«Ну! Что будетъ, то будетъ!» сказазалъ про-себя Купоросовъ, вылѣзая изъ кареты.

«Не робѣйте, Петръ Петровичъ! Что въ самомъ дѣлѣ за важность!» говорилъ Борисъ Ильичъ. «Смотрите на меня. Я чувствую теперь такую храбрость, что самого чорта не струшу. Я ужъ васъ не выдамъ.»

Они взошли по лѣстницѣ въ переднюю. Слуги отворили дверь въ залу. Тихо, осторожно вошелъ туда Петръ Петровичъ на цыпочкахъ, съ робостью посматривая во всѣ стороны, какъ-будто хотѣлъ тамъ что нибудь украсть. Борисъ Ильичъ шелъ за нимъ ровнымъ и твердымъ шагомъ.

«Что же, сосѣдъ, вы остановились?» спросилъ онъ Купоросова. «Идите же.»

«Да куда же идти?» сказалъ Петръ Петровичъ шопотомъ.

«Разумѣется, впередъ. Не въ ретираду же намъ

Digitized by Google

пуститься!» отвѣчалъ Борисъ Ильичъ вполголоса. «Впередъ, впередъ, сосѣдушка! Не робѣйте.»

«Да куда впередъ?»

«Въ другую комнату, а тамъ въ третью и такъ далѣе, пока не дойдемъ до его превосходительства, или пока на кого нибудь не наткнемся.»

«Да въ которую дверь идти-то? Зайдешь, пожалуй, куда не должно.»

«Какъ—куда не должно? Что вы, Петръ Петровичъ! Неужто въ генеральскомъ домѣ прямо изъ парадной залы...»

«Не то, Борисъ Ильичъ! Лучше подождемъ здѣсь.»

«Эхъ! трусите вы, я вижу.»

«Пожалуйте!» сказалъ въ это время слуга, отворяя изъ гостиной двери.

Петръ Петровичъ встрепенулся, оправился и скорою, чопорною походкой зашагалъ по направленію къ гостиной. Отъ смущенія ему казалось, что ноги у него, того и смотри, перепутаются и заплетутся, и что онъ упадетъ. Однакожъ онъ благополучно пробрался въ гостиную. За нимъ вошелъ смѣлою поступью Борисъ Ильичъ.

Въ гостиной были Дутышевъ и сестра его. Они сидѣли оба на диванѣ. У Петра Петровича отъ сильной конфузіи зарябѣло въ глазахъ. Онъ началъ припоминать наставленія Лепика и становиться въ позицію, для перваго поклона, но на бѣду шляпа выпала у него изъ руки. Его бросило въ жаръ и холодъ. Онъ нагнулся, чтобы поднять шляпу, но въ это время галантерейная шпага попалась между его колѣнъ и переплелась съ его ногами. Онъ чуть не упалъ. Борисъ Ильичъ поддержалъ друга за руку, поставилъ опять въ прежнее, прямое по-

Digitized by Google

положеніе и шепнулъ ему подъ ухо: «смѣлѣе!» Петръ Петровичъ, совсѣмъ растерявшись, началъ искать глазами на полу своей шляпы; но она исчезла. Это смутило его еще болѣе. Между-тѣмъ Борисъ Ильичъ, держа свою шляпу въ правой рукѣ, а шляпу своего друга въ лѣвой, подошелъ ближе къ Дутышеву, желая примѣромъ своимъ придать болѣе смѣлости Петру Петровичу, поклонился хозяину дома и сестрѣ его довольно развязно и сказалъ: «Честь имѣю рекомендоваться! Я прапорщикъ Капустниковъ, старинный пріятель и другъ Петра Петровича. Прошу ваше превосходительство и васъ, сударыня, его и меня полюбить. Мы съ нимъ честные, простые дворяне, всѣхъ столичныхъ обычаевъ въ тонкости не разумѣемъ... Да что вы, Петръ Петровичъ, тамъ стоите и что такое на полу высматриваете? Вѣрно ищете шляпы? Она здѣсь, у меня.»

«Перестаньте церемониться,» сказала, улыбнувшись, Варвара Силишна, подошла къ Петру Петровичу и подвела его къ брату. Какъ онъ подошелъ, какъ поклонился, что сказалъ онъ Дутышеву, что тотъ отвѣчалъ ему, Петръ Петровичъ ничего не помнилъ и, самъ не зная какъ, очутился въ креслахъ, подлѣ дивана. Борисъ Ильичъ сидѣлъ въ другихъ креслахъ, противъ него. Сначала разговоръ никакъ не клеился. Петръ Петровичъ отъ робости заикался, проглатывалъ слова, говорилъ совсѣмъ не то, что ему сказать хотѣлось, искалъ отборныхъ, самыхъ лучшихъ выраженій, путался: выходила дичь и онъ закашливался. Ему казалось, что языкъ у него перевязалъ кто-то веревочкой. За-то Борису Ильичу кто-то развязалъ языкъ. Желая придать духу своимъ примѣромъ Петру Петровичу, онъ такъ оратор

Digitized by Google

ствовалъ, что самъ себѣ дивился и не понималъ, откуда у него такая рысь взялась. Видя ласковое, обязательное обращеніе Дутышева и сестры его, наконецъ и Куроросовъ поободрился. По счастію его, разговоръ, переходя отъ предмета къ предмету, попалъ на русскихъ писателей и на русскія книги. Мало по малу Петръ Петровичъ развернулся, разговорился и неожиданно удивилъ Дутышева и сестру его своею начитанностію и своимъ вкусомъ. Цѣлый часъ пролетѣлъ незамѣтно. Борисъ Ильичъ, взглянувъ на часы, которыя держалъ подъ мышкой бронзовый Сатурнъ, стоявшій на каминѣ, увидѣлъ, что стрѣлка стоитъ уже близко цифры: XII.

«Не пора ли намъ, Петръ Петровичъ?» сказалъ онъ.

Этотъ неожиданный вопросъ облилъ снова испугомъ сердце Петра Петровича, который только-что расхрабрился. Съ чувствомъ мореплавателя, пріютившагося отъ бури въ гавани, сидѣлъ онъ въ креслахъ и радъ былъ, что ему нужно только говорить, а уже не нужно ни кланяться, ни повертываться, ни расшаркиваться. Новое затрудненіе, новое безпокойство. Какъ встать, какъ взять шляпу, какъ проститься съ хозяиномъ и сестрой его, какъ выбраться изъ гостиной? Скрѣпя сердце, онъ всталъ. Борисъ Ильичъ подалъ ему шляпу. Дутышевъ, прощаясь съ ними, пригласилъ обоихъ къ себѣ на вечеръ, на балъ. Друзья раскланялись и безъ дальнихъ приключеній вышли изъ гостиной въ залу. Петръ Петровичъ былъ въ восхищеніи, что первый его визитъ сошелъ съ рукъ благополучно; что ужъ онъ выбрался изъ страшной гостиной,—и не шелъ, а летѣлъ по паркету залы къ передней. Кажется, онъ

Digitized by Google

менѣе бы радовался, если бы выбрался невредимъ изъ пещеры льва.

«Фу!... Съ плечъ гора свалила!» сказалъ онъ Борису Ильичу, когда Ванька захлопнулъ дверцы кареты, и она застучала по мостовой.

«Видите ли, что вы напрасно такъ робѣли и безпокоились,» сказалъ Борисъ Ильичъ. «Генералъ васъ и меня обласкалъ, сестрица его также, да еще и на балъ насъ пригласили.»

«Ахъ, какъ бы и балъ сошелъ благополучно съ рукъ!» воскликнулъ Петръ Петровичъ.

«Сойдетъ, сосѣдушка! Не безпокойтесь. Народу будетъ много, насъ въ многолюдствѣ и не замѣтятъ.»

«Ну, какъ не замѣтить! Нѣтъ, и на балѣ ухо держи востро. Страшно, Борисъ Ильичъ?»

«Да чего вамъ бояться? Вы танцуете мастерски, что̀ называется, на удивленіе. Я думаю, вы всѣхъ молодыхъ-то плясуновъ за поясъ заткнете.»

«Танцовать я не боюсь, а....»

«Что̀ такое, Петръ Петровичъ?»

«А то, что на балѣ-то будетъ и Вѣра Павловна.»

«Э! э! Вотъ что̀! Да чего же ее бояться-то, сосѣдушка?»

«Не то, что бояться, а... страшно — чортъ возьми! Какъ ты думаешь, могу ли я ей понравиться?»

«Ужъ этого не знаю, Петръ Петровичъ. Мнѣ кажется, почему же вамъ ей не понравиться. Она дѣвушка.... невѣста, а вы.... мужчина... женихъ. Всѣ дѣвушки любятъ мужчинъ, особенно тѣхъ, которые за ними ухаживаютъ.»

«Ухаживаютъ! Вотъ то-то и есть — ухаживаютъ! А какъ за нею станешь ухаживать, какъ къ этому

Digitized by Google

приступить, съ чего начать, что̀ дѣлать? Того и смотри, что насмѣшишь ее или разсердишь. Охота мнѣ была столько лѣтъ букой въ деревнѣ сидѣть, словно медвѣдь въ берлогѣ. Ну, что̀ дѣлать! Прошедшаго не воротишь! Охъ, любезный Борисъ Ильичъ, не думалъ я никогда, что̀ влюблюсь еще разъ въ жизни! А куда, какъ она мнѣ нравится! Ни дать ни взять моя Мавра Григорьевна, молоденькая, хорошенькая, милашка, ангельчикъ! Ну, вотъ такъ бы и разцѣловалъ ее, съѣлъ бы, проглотилъ!»

«Эге, сосѣдушка, васъ, я вижу, любовь сильно забираетъ! Да что̀ долго думать? Посватайтесь, да веселымъ пиркомъ и за свадебку! А тамъ смотришь, этакъ, черезъ годикъ, у моего любезнаго друга Петра Петровича, и наслѣдникъ готовъ, и Петръ Петровичъ ужъ не горюетъ, не думаетъ, что онъ послѣдній въ родѣ. Ахъ, дорогой сосѣдушка! Дай Господи дожить и вамъ и мнѣ до такой радости. На крестинахъ вашего наслѣдника не знаю, что̀ бы я сдѣлалъ! Я бы, кажется, заплясалъ въ присядку, сталъ бы съ радости кувыркаться, на головѣ бы пошелъ! Подавайте наслѣдника! Ужъ пройду при всѣхъ гостяхъ въ присядку. Честное слово офицера!»

«Ужъ ты и объ наслѣдникѣ да о крестинахъ заговорилъ, Борисъ Ильичъ! Надобно прежде до свадьбы-то добраться, а это трудно, куда трудно! Ну! Что̀ ни будетъ, то будетъ!»

Друзья возвратились домой, отобѣдали и легли уснуть, чтобы подкрѣпить силы передъ баломъ. Въ пять часовъ Ванька разбудилъ ихъ. Петръ Петровичъ разодѣлся, какъ говорится, въ пухъ, вылилъ на себя почти цѣлый пузырекъ духовъ, а остатками опрыснулъ Бориса Ильича, который, желая из-

Digitized by Google

бавить друга отъ излишнихъ расходовъ, упрямился и не хотѣлъ душиться.

Вотъ, ужъ они въ каретѣ; вотъ, подъѣзжаютъ къ дому Дутышева. На набережной стоятъ ряды экипажей, со спящими или зѣвающими на козлахъ кучерами.

Внутренность всего этажа, гдѣ жилъ Дутышевъ, облита яркимъ блескомъ, играющимъ на бронзѣ, мраморѣ и цвѣтахъ. Сіяніе льется изъ оконъ и полосами ложится на темныя струи Невы, покрытыя мракомъ осенняго, облачнаго вечера. Между рядами гайдуковъ и слугъ, сидящихъ и стоящихъ на яркоосвѣщенной лѣстницѣ, идетъ Петръ Петровичъ съ Борисомъ Ильичемъ, входитъ въ переднюю, наконецъ въ залу. Какое блестящее, многолюдное собраніе! Какая роскошь, какое разнообразіе нарядовъ мужскихъ и дамскихъ! Петръ Петровичъ съ другомъ пробрался не безъ страха, сквозь эту толпу, къ хозяину и къ сестрѣ его, раскланялся и потомъ сѣлъ рядомъ съ Борисомъ Ильичемъ, выбравъ уголокъ поскромнѣе. Невнятный говоръ раздавался по всей залѣ. До Петра Петровича долетали то русскія, то французскія слова. Борисъ Ильичъ, осмотрѣвъ всю залу внимательно, наконецъ зѣвнулъ.

«Что жъ мы станемъ дѣлать, Петръ Петровичъ? Неужто все надобно будетъ сидѣть здѣсь, на одномъ мѣстѣ, сложа руки. Вѣдь скука возьметъ. Я боюсь, чтобы грѣхомъ не уснуть.»

«Молчи, Борисъ Ильичъ! Вотъ скоро, я думаю, начнутся танцы.»

«Да мнѣ-то что танцы? Я не танцую и съ роду не плясалъ. Вотъ развѣ на крестинахъ вашего наслѣдника, по данному слову, придется пройти въ присядку.»

Digitized by Google

«Да замолчи, Борисъ Ильичъ! Видишь ли, на насъ посматриваютъ.»

«Пусть посматриваютъ! Я такой же здѣсь гость, какъ и эти напудренные петиметры.»

Въ это время подошелъ къ нимъ Дутышевъ, держа въ рукѣ колоду картъ.

«Ну что, мои дорогіе гости, что вамъ будетъ угодно дѣлать? Танцовать, или сѣсть за бостонъ или ломберъ?»

«Я не играю въ карты, ваше превосходительство,» отвѣчалъ Купоросовъ, вставъ со стула.

«А я не танцую,» сказалъ Борисъ Ильичъ.

«Такъ вотъ вамъ карта. Въ бостонъ, по маленькой.»

«Очень хорошо, ваше превосходительство.»

«А вы, Петръ Петровичъ, присоединитесь къ танцующимъ?»

«Если позволите, ваше превосходительство.»

«А вотъ сейчасъ начнутъ. Сестра хотѣла пригласить васъ на жосезъ.»

«Слушаю, ваше превосходительство.»

Борисъ Ильичъ въ другой комнатѣ засѣлъ за бостонъ и очень былъ радъ, что его пристроили. Петръ Петровичъ остался въ залѣ, и осторожно, около стѣны, началъ пробираться между гостями на другой конецъ залы, на каждомъ шагу извиняясь и раскланиваясь на обѣ стороны. Добравшись поближе къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли и стояли дамы и дѣвицы, онъ привсталъ на цыпочки и, глядя черезъ напудренныя головы пожилыхъ и молодыхъ кавалеровъ, началъ отыскивать глазами Вѣру Павловну. Наконецъ взоръ его попалъ на предметъ его страсти. Петру Петровичу въ тотъ же мигъ показалось, что кто-то провелъ бархатомъ по его сердцу; оно

Digitized by Google

забилось сильнѣе, заныло, но пріятно, сладостно заныло. Между-тѣмъ скрипки, контрбасъ и всѣ прочіе инструменты начали издавать какіе-то тихіе, неопредѣленные, нестройные звуки. Оркестръ настраивался. Изъ этого хаоса то выдавалась трель флейты, то бѣглая гамма скрипки, то затѣйливый переливъ кларнета, то мычаніе контрбаса. Наконецъ звуки смолкли. Дирижеръ оркестра, первый скрипачъ, подалъ знакъ смычкомъ, и оркестръ грянулъ, и что же, вы думаете, грянулъ? Экосезъ, тотъ самый, старинный, завѣтный экосезъ, подъ звуки котораго нѣкогда, въ давно-улетѣвшіе годы, прыгало сердце Петра Петровича, полное радости, любви и счастья, когда онъ, еще молодой, еще не испытавшій горя жизни, танцовалъ со своей милой Маврой Григорьевной. Петръ Петровичъ не выдержалъ такой неожиданности: двѣ крупныя слезы, освѣщенныя блескомъ бала, задрожали на его рѣсницахъ. Онъ выхватилъ проворно платокъ, отеръ ихъ и притворно закашлялъ, боясь, чтобы около него стоявшіе гости не замѣтили его душевнаго движенія. Тьфу, пропасть! Какой я плакса! — подумалъ Петръ Петровичъ. — Мѣсто нашелъ плакать, на балѣ! —

Въ залѣ всѣ суетились, всѣ были въ движеніи. Кавалеры подходили и подлетали къ дамамъ и дѣвицамъ, приглашая ихъ на танецъ. Петръ Петровичъ, совсѣмъ оправившись, вспомнивъ, для приданія себѣ храбрости, что онъ ученикъ Лепика, и нырнувъ искусно, сквозь толпу, къ Вѣрѣ Павловнѣ, пригласилъ ее на экосезъ.

«Я уже танцую съ другимъ,» отвѣчала она.

«Такъ позвольте мнѣ просить васъ на слѣдующій за этимъ танецъ.»

Digitized by Google

«На всѣ уже танцы я приглашена. Очень сожалѣю, что принуждена вамъ отказать.»

Печально отошелъ отъ Вѣры Павловны бѣдный Купоросовъ. Онъ надѣялся, что подъ звуки старинаго экосеза, и сердце его тряхнетъ стариною; что онъ, танцуя съ живымъ портретомъ своей незабвенной Мавры Григорьевны, снова найдетъ хоть частичку прежняго счастья, снова размечтается, разнѣжится и полетитъ въ шассе, какъ въ старину, и что снова блеснетъ передъ нимъ, освѣщенная радужнымъ сіяніемъ, столбовая линія его, въ видѣ проспекта. — Нѣтъ! ужъ все не то, что было прежде! — подумалъ Петръ Петровичъ, вздохнувъ. — Видно, мое время прошло. Два раза молодымъ и счастливымъ не бывать въ жизни! —

Онъ сѣлъ въ уголъ и началъ смотрѣть на танцующихъ. Кавалеръ Вѣры Павловны, ловкій, красивый, молодой человѣкъ, по всѣмъ признакамъ, былъ въ восхищеніи, что танцуетъ съ нею. Съ перваго взгляда можно было замѣтить, что онъ въ нее влюбленъ, и что она также къ нему не равнодушна. Ревность, это мучительное, адское чувство, начала щипать и теребить сердце Петра Петровича. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ какой-то молодой человѣкъ, въ щегольскомъ, полосатомъ кафтанѣ, съ граненными пуговицами изъ англійской стали. Слово за слово, Петръ Петровичъ разговорился съ этимъ петиметромъ и наконецъ, стараясь казаться совершенно равнодушнымъ, спросилъ: «Съ кѣмъ танцуетъ дочь хозяина?»

«Это кавалергардъ, Антонъ Петровичъ Ландышевъ.»

«А какого онъ чина?»

«Онъ рядовой.»

Digitized by Google

«Какъ, рядовой! Вы шутите?»

Петиметръ былъ насмѣшникъ. Онъ замѣтилъ удивленіе Петра Петровича и не захотѣлъ ему объяснить, что въ учрежденной Императрицею Екатериною ротѣ кавалергардовъ она сама была капитаномъ, полные генералы поручиками; что всѣ прочіе чины шли въ этой соразмѣрности, и что потому рядовые этой роты всѣ были дворяне и капитаны гвардіи. Петръ Петровичъ, живя въ деревнѣ, ничего этого не зналъ, и ему еще не случилось узнать этого и по пріѣздѣ въ Петербургъ.

«Я не шучу нисколько,» отвѣчалъ петиметръ на вопросъ Петра Петровича. «Онъ въ самомъ дѣлѣ рядовой.»

«Да помилуйте! Какъ же онъ принятъ въ генеральскомъ домѣ наравнѣ со всѣми гостями и танцуетъ еще въ первой парѣ съ дочерью хозяина. Не разжалованный ли онъ, богатый дворянинъ?»

«Не разжалованный и не богатый! Говорю вамъ, что онъ просто рядовой.»

«Странно! Я этого въ толкъ не возьму.»

«Вы вѣрно недавно въ Петербургѣ?» спросилъ петиметръ.»

«Да ужъ съ годъ будетъ. А вы, конечно, постоянный здѣшній житель?

«Я въ Петербургѣ родился.»

«Стало быть, вамъ хорошо извѣстны всѣ столичныя тонкости?»

«Я всѣ ихъ знаю, какъ свои пять пальцевъ.»

«Очень былъ бы я радъ съ вами покороче познакомиться,» продолжалъ Купоросовъ. «Не сдѣлаете ли мнѣ чести завтра пожаловать ко мнѣ, откушать?»

«Съ удовольствіемъ.»

Digitized by Google

«Позвольте васъ еще спросить: за чѣмъ это у васъ на щекѣ черная мушка? Я замѣтилъ, что здѣсь почти у всѣхъ гостей, у мужчинъ и дамъ, такія же мушки.»

«Какъ! Развѣ вы этого не знаете!»

«Знаю... но не совсѣмъ. Для чего ихъ носятъ?»

«Это послѣдняя мода. Носятъ же мушки для красы, а многіе употребляютъ ихъ для объясненій.»

«Для какихъ объясненій?»

«Если вы влюблены, вы можете переговариваться съ вашею любезною посредствомъ мушекъ, изъяснять ей ваши чувства, получать отъ нея отвѣты, условливаться о свиданіяхъ, дѣлать ей упреки, укорять въ измѣнѣ, показывать вашу ревность; однимъ словомъ, изъяснять все, что̀ угодно. Это выдумка прекрасная!»

«Безподобная!» воскликнулъ Петръ Петровичъ. «И я ничего этого не зналъ! Это прелюбопытно! Если я вамъ не наскучилъ вопросами, позвольте узнать: какъ означаютъ мушками самую пламенную любовь?»

«Надобно прилѣпить мушку на кончикъ носа.»

Петиметръ солгалъ, потому-что мушка на носу означала разлуку съ любезною или ея измѣну.

«На кончикъ носа?» сказалъ Петръ Петровичъ.

«Такъ точно.»

«А ревность какъ означается?»

«Мушкою надъ лѣвою бровью.»

«А упрекъ въ холодности?»

«Мушкою на подбородкѣ.»

Долго еще разспрашивалъ Петръ Петровичъ петиметра о языкѣ мушекъ. Тотъ ему говорилъ то правду, то ложь.

Музыка гремѣла, танецъ слѣдовалъ за танцемъ,

Digitized by Google

балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Петръ Петровичъ, обрадованный извѣстіемъ, что его соперникъ, танцовавшій почти безпрерывно съ Вѣрой Павловной, не больше, какъ рядовой, пріободрился. — Неужели,— размышлялъ онъ, — Дутышевъ отдастъ свою дочь за рядоваго? Этого быть не можетъ! Другихъ соперниковъ я не замѣтилъ здѣсь на балѣ. Мы еще подумаемъ относительно Вѣры Павловны. Притомъ у него мушка не на носу, а на подбородкѣ. Это означаетъ упрекъ въ холодности. Ясно, что Вѣра Павловна его не любитъ. Потягаемся еще съ вами, господинъ рядовой, потягаемся. —

Съ этими мыслями вошелъ онъ въ другую комнату въ то самое время, когда Борисъ Ильичъ торжественнымъ голосомъ произнесъ: гранъ мизеръ увертъ! и разложилъ на столѣ свои карты передъ тремя прочими игроками, пораженными такимъ неожиданнымъ ударомъ, потому-что одинъ изъ нихъ сказалъ бостонъ, другой шесть, а третій восемь. Петръ Петровичъ присѣлъ къ столу и загадалъ. Всѣ влюбленные болѣе или менѣе суевѣрны. Онъ загадалъ, что если другъ его выиграетъ, то онъ женится и будетъ счастливъ, а если Борисъ Ильичъ проиграетъ, то не быть ему никогда ни женатымъ, ни счастливымъ. Взоры трехъ игроковъ впились въ разложенныя карты Бориса Ильича. На лицахъ ихъ яркими чертами изобразились глубокія думы и важныя соображенія. Вотъ, наконецъ одинъ пошелъ съ карты, потомъ съ другой, съ третьей. Молчаніе! У Бориса Ильича бьется сердце сильнѣе обыкновеннаго. У Петра Петровича также. Первый ждетъ важнаго выигрыша или проигрыша. Второй ожидаетъ отвѣта отъ

Digitized by Google

бостоннаго оракула на предложенный вопросъ о женитьбѣ и счастіи. Молчаніе длится.

«Выигралъ!» воскликнулъ наконецъ Борисъ Ильичъ. «Признаюсь, сердце было не на мѣстѣ!»

«И у меня также,» сказалъ Петръ Петровичъ.

«Развѣ вы играете съ этимъ господиномъ въ половинѣ?» спросилъ съ неудовольствіемъ игрокъ, который сказалъ восемь.

«Нѣтъ!»

«Такъ что жъ вамъ за дѣло до нашей игры?»

«Виноватъ! Такъ, у меня сорвалось съ языка.»

«Да, Петръ Петровичъ!» сказалъ Борисъ Ильичъ. Этакую игру я выигралъ! Невѣроятную!»

«Вамъ везетъ счастье, и больше ничего!» замѣтилъ игрокъ. «А со счастьемъ и невѣроятное дѣлается вѣроятнымъ.»

Петръ Петровичъ всталъ и пошелъ въ залу. Его гаданье, выигрышъ Бориса Ильича и послѣднія слова игрока, что со счастьемъ невѣроятное дѣлается вѣроятнымъ, все это произвело то, что онъ, прійдя изъ залы съ печальнымъ сердцемъ, возвратился туда съ сердцемъ веселымъ, исполненнымъ надеждъ. Вотъ, отъ какихъ пустяковъ зависятъ иногда печаль и радость, отчаяніе и надежда. Поймите послѣ того причуды сердца.

«Этотъ экосезъ я танцую съ вами, Петръ Петровичъ. Пойдемъ-те, станемъ-те на мѣсто.»

Такъ встрѣченъ былъ въ залѣ Петръ Петровичъ Варварою Силишною. Онъ повиновался и пошелъ танцовать. Во время экосеза опять прежній кавалергардъ носился мимо его съ Вѣрой Павловной; но онъ уже смотрѣлъ на него безъ ревности, даже съ нѣкоторымъ тайнымъ торжествомъ. — Танцуй себѣ, любез-

Digitized by Google

ный!—думалъ онъ. —Борисъ Ильичъ выигралъ! Мушка у тебя на подбородкѣ. Все это мнѣ подаетъ надежды, вѣрныя надежды. —

И Петру Петровичу было весело, и онъ съ удовольствіемъ, съ нѣкоторою сердечною радостью, леталъ по паркету съ Варварой Силишной, которую также тѣшили надежды, вѣрныя надежды, что Петръ Петровичъ въ нее влюбится и на ней женится. Подобныя же вѣрныя надежды тѣшили болѣе или менѣе и всѣхъ, бывшихъ въ залѣ; подобныя же надежды тѣшатъ и до сихъ поръ, какъ тогда, и насъ всѣхъ, грѣшныхъ; а жизнь идетъ своимъ чередомъ такъ же, какъ и тогда шла, обманывая всѣхъ надеждами.

Балъ кончился. Послѣ роскошнаго ужина всѣ разъѣхались по домамъ, увезя съ собою съ бала нѣсколько конфектъ, мечтаній и надеждъ. Всѣ онѣ равно сладки. Купоросовъ началъ все чаще и чаще ѣздить въ домъ Дутышевыхъ. Варвара Силишна все болѣе и болѣе съ нимъ любезничала. Вѣра Павловна все по-прежнему оказывала предпочтеніе рядовому, который безпрестанно около нея увивался и бѣсилъ Петра Петровича. Онъ замѣчалъ, что этотъ рядовой большой франтъ, и что у него бездна различныхъ нарядовъ. Тогда военные обязаны были носить мундиръ только на службѣ, а въ общества позволялось имъ ѣздить въ обыкновенныхъ, французскихъ кафтанахъ. Напрасно Петръ Петровичъ лѣпилъ мушки, то надъ лѣвою бровью, въ знакъ ревности, то на подбородкѣ, для упрека въ холодности, то на кончикъ носа, въ знакъ пламенной любви. Ничто не помогало. Вѣра Павловна явно предпочитала ему несноснаго рядового, который съ нею обходился слишкомъ смѣло и со-

Digitized by Google

вершенно несообразно со своимъ чиномъ. Петръ Петровичъ не зналъ, что̀ дѣлать, и часто опускалъ носъ съ пламенною любовью на кончикѣ.

«Причиною моихъ неудачъ конечно то, что я не знаю, какъ надобно обходиться съ женщинами, какъ и чѣмъ пріобрѣтается ихъ любовь, какими средствами она возбуждается и поддерживается.»

Такъ говорилъ онъ часто Борису Ильичу, вздыхая. Однажды пошелъ Петръ Петровичъ со своимъ другомъ въ русскія книжныя лавки. Тогда въ Петербургѣ ихъ было не много; всего три, извѣстнѣйшихъ, а именно: Ивана Глазунова, Тимоѳея Полежаева и Василья Сопикова. Онъ вошелъ въ первую и спросилъ прикащика: «нѣтъ ли, любезный, какихъ новенькихъ книгъ или журналовъ?»

«Нѣтъ-съ. Все старыми-съ больше торгуемъ. Печатать нѣтъ-съ разсчета. Мало, изволите видѣть, охотниковъ до чтенія.»

«Стало быть, нашего полка людей больше, чѣмъ вашего, Петръ Петровичъ,» замѣтилъ Борисъ Ильичъ.

«Вотъ, правда вышла-съ на дняхъ книжка: Любовная Школа или подробное изъясненіе всѣхъ степеней и таинствъ любовной науки.»

Да это для меня кладъ! подумалъ Петръ Петровичъ, и тотчасъ же купилъ Любовную Школу.

«Нѣтъ ли еще у тебя, любезный, книгъ въ этомъ родѣ?»

«Есть-съ. Вотъ, напримѣръ, Любовный Лексиконъ-съ, переведенный съ французскаго.»

«Давай и эту книжку. Еще нѣтъ ли?»

«Больше нѣтъ-съ. Не припомню-съ.»

Петръ Петровичъ пошелъ скорымъ шагомъ домой, чрезвычайно обрадованный своими покупками, и

Digitized by Google

тотчасъ же засѣлъ за чтеніе Любовной Школы и Любовнаго Лексикона.

«Давно бы мнѣ купить эти книги!» говорилъ онъ Борису Ильичу. «Могъ ли я понравиться Вѣрѣ Павловнѣ, могъ ли имѣть какой нибудь успѣхъ, когда совсѣмъ не зналъ теоріи любви. Вотъ видишь ли, Борисъ Ильичъ, какъ книги полезны!»

«Желаю вамъ успѣха, сосѣдушка, но только книги врядъ ли вамъ помогутъ. Иной и не книженъ, да хорошо остриженъ. Умѣетъ нравиться женщинамъ и безъ книгъ, а чортъ знаетъ, чѣмъ нравится!»

«Ну, такой беретъ практикой, долговременною опытностью, а я практики почти совсѣмъ не имѣлъ, опытности въ обращеніи съ женщинами также у меня нѣтъ никакой, поэтому мнѣ необходимо изучить теорію любви и по ней дѣйствовать. Посмотри, что доберусь до сердца Вѣры Павловны; она будетъ моею, и я натяну носъ этому петиметру рядовому, хоть онъ и изъ дворянъ, какъ узналъ я недавно.»

Познакомился Петръ Петровичъ и съ теоріею любви, началъ дѣйствовать во всемъ согласно съ правилами этой науки, а Вѣра Павловна, жестокая Вѣра Павловна все глядѣла къ лѣсу, все не подавала никакихъ надеждъ бѣдному Петру Петровичу и склонялась явно на сторону его соперника. Часто отъ Дутышевыхъ возвращался онъ домой такой задумчивый, такой разстроенный, что другъ его, Борисъ Ильичъ, началъ опасаться за здоровье Петра Петровича. Бѣднякъ послѣ каждой неудачи въ своихъ попыткахъ возбудить чувство въ сердцѣ Вѣры Павловны и тронуть неумолимую, принимался, по возвращеніи домой, за справки съ Любовною Школою и съ Любовнымъ Лексикономъ.

Digitized by Google

«Не знаю, что и дѣлать!» говорилъ онъ часто со вздохомъ, прерывая свое чтеніе, и потомъ опять углублялся въ свои книги.

«Бросьте эти окаянныя книги, сосѣдушка!» сказалъ однажды Борисъ Ильичъ. «Я замѣчаю, что послѣ чтенія вы становитесь еще задумчивѣе и скучнѣе.»

«Книги въ этомъ не виноваты, Борисъ Ильичъ! Виновата во всемъ моя несчастная звѣзда. Видно, суждено мнѣ во всю жизнь не знать семейнаго счастія и лечь въ могилу послѣднимъ въ родѣ! Чувствую, что я скоро туда лягу!»

«И! полно-те, Петръ Петровичъ! Къ-чему такія мрачныя мысли! Ужъ воля ваша! На васъ книги наводятъ эту тоску. Прочитайте-ка что нибудь; я послушаю. Постараюсь ужъ какъ нибудь, изъ дружбы къ вамъ, не заснуть. Ну что вы тутъ сейчасъ въ свое книгѣ отыскивали?»

«Я ищу въ лексиконѣ слово: жестокость.»

«Вотъ что! Конечно, вамъ хочется добраться: почему къ вамъ такъ жестока Вѣра Павловна? Такъ ли?»

«Ты почти угадалъ. Вотъ, нашелъ жестокость.»

«Ну, что такое гласитъ ваша книга?»

Петръ Петровичъ прочиталъ вслухъ: «*Жестокость значила въ старину окаменѣлость души и совсѣмъ нечувствительное сердце; но нынѣ женщинами перемѣнено въ нѣкоторое искусство, для возбужденія любовниковой горячности и прибавленія цѣны своимъ прелестямъ. Когда же молодчикъ называетъ любовницу жестокою, то его мысли изъясняются такимъ образомъ: я не чаялъ потерять напрасно столько времени, или не думалъ, чтобъ вы меня такъ долго задержали по пустому.*»

Digitized by Google

«Мудрено что-то! замѣтилъ Борисъ Ильичъ. «Сказать ли вамъ правду, Петръ Петровичъ? Вы вѣдь знаете, какъ я васъ люблю. Повѣрьте, другъ посовѣтуетъ вамъ лучше всякой книги.»

«Что такое?»

«А вотъ что. Я думаю, что жестокость Вѣры Павловны не происходитъ ли отъ того, что она слишкомъ молода для васъ.»

«Молода! молода! Что жъ я, по твоему, старикъ что ли, въ самомъ дѣлѣ? Ты вотъ себя не считаешь еще старикомъ, хотя четырьмя годами меня старше и посѣдѣлъ уже гораздо побольше меня. Молода! что жъ такое! Годы ничего не значатъ въ любви.»

«Не сердитесь, Петръ Петровичъ. Я вѣдь изъ дружбы говорю. Ну-те-ка, посмотрите въ вашей книгѣ, не сказано ли тамъ чего о годахъ?»

Петръ Петровичъ нашелъ въ своемъ лексиконѣ слово: годы, и прочиталъ: «*Любовники о годахъ не много говорятъ, затѣмъ, что разговоръ съ молодою особою о ея лѣтахъ не служитъ похвалою. Старуха почтетъ за обиду, да и женщинѣ среднихъ лѣтъ не очень пріятна такая хронологія. Что жъ надлежитъ до пожилой кокетки, то она меньше всѣхъ говоритъ о годахъ.*»

«Да что жъ это такое?» сказалъ Борисъ Ильичъ. «Это все пустяки, я вижу. Тутъ говорится о годахъ женщинъ, а о мужчинахъ ни слова не сказано. По моему, Петръ Петровичъ, рѣшитесь разъ, да скажите все на-отрѣзъ Вѣрѣ Павловнѣ, чѣмъ себя томить и мучить. Пусть дастъ отвѣтъ. Что такое, Господи помилуй! Ну откажетъ — Богъ съ ней!»

«Легко это тебѣ сказать — откажетъ. Ахъ, Борисъ Ильичъ! Ты еще, видно, не знаешь, какъ я люблю

Digitized by Google

ее! Вылитая Мавра Григорьевна! Болѣе сходства быть не можетъ! Глядя на нее, ну такъ живо вспоминаешь старое, счастливое время, что дѣлаешься самъ не свой: сердце вотъ такъ и ноетъ!»

«Такъ признайтесь въ вашей страсти Вѣрѣ Павловнѣ. Если будете молча страдать, то совсѣмъ себя измучите. Скажите все ей! Откройте все, что у васъ на сердцѣ. Авось!..»

«Откройте! Скажите! То-то и есть, что я съ женщинами и дѣвицами говорить совсѣмъ не умѣю. Съ чего начать? Какъ приступиться? Ахъ, постой! Нѣтъ ли тутъ у меня въ книгѣ совѣта, какъ долженъ говорить влюбленный? А! вотъ есть.»

И ПетръПетровичъ въ своемъ лексиконѣ прочиталъ: «*Говорить. Конечно, въ любви не безъ разговоровъ. Молодчики безпрестанно произносятъ лестныя рѣчи, и въ нихъ стараются мѣшать слова двоякаго смыслу. Если же красавица скажетъ съ пріятностію: ты говоришь пустое! то значитъ: хотя и хочу имѣть любовника, но опасаюсь обычной вамъ нескромности. Тогда любовникъ прибавляетъ столько клятвъ и разныхъ увѣреній, сколько будетъ потребно.*»

«Ну, что, Петръ Петровичъ, за пустяки! Сколько будетъ потребно! Какъ же это узнать?»

«Да, это не очень ясно. Постой, отыщемъ любовное объясненіе. Вотъ, кажется, оно: «*Любовное объявленіе — такое слово, для коего не нужно толкованіе; но надлежитъ сыскать къ тому способное время. До него тогда уже доходитъ дѣло, когда по глазамъ и прочимъ признакамъ знаютъ, можно ли подойтить съ такими разсказами, кои предлагаютъ устно и письменно, въ стихахъ или прозѣ. Хотя у всякаго одинакія намѣренія при открытіи своей страсти*

Digitized by Google

притворной или истинной, однако военный, штатскій и придворный весьма различно изъясняются.»

«Весьма неясная инструкція!» сказалъ Борисъ Ильичъ. «Да позвольте, я для васъ выищу что нибудь подѣльнѣе въ этой книгѣ. Авось и наткнусь на что-нибудь путное. Ну, вотъ... что это такое?..»

Борисъ Ильичъ сталъ разбирать чуть не по складамъ.

«*Тет-а-тетъ, французское слово, значущее быть съ кѣмъ наединѣ. Однако смыслъ сего словца весьма пространенъ и единое о немъ воображеніе услаждаетъ любовныя мысли. Ни одинъ любовникъ больше не проситъ, какъ сдѣлать рандеву, то есть, назначить свиданье и позволить тет-а-тетъ.* Ну, вотъ, Петръ Петровичъ, вамъ бы попросить тет-а-тета у Вѣры Павловны, да и объясниться съ нею.»

«Да какъ выпросишь? Варвара Силишна безперестанно тутъ, когда я у нихъ въ домѣ. Ни на мигъ отъ меня не отходитъ. Съ Вѣрой Павловной слова не удается сказать.»

«Позвольте, это что? *Нѣжность. Нѣжная любовь не терпитъ грубой женитьбы. Умникой молодчикъ умѣетъ сказать: я зная вашу нѣжность, не осмѣлюсь посягать женитьбой. Онъ не договариваетъ слѣдующаго: женитьба мнѣ кажется противною, и, воображая многіе непріятные случаи, чувствую отъ ней великое отвращеніе.* Это какой-то сумбуръ! Ну, вотъ еще прочту; попалось слово: *Совмѣстникъ.* Положимъ, что это вашъ рядовой. Что тутъ сказано? *Совмѣстникъ несносенъ токмо въ трагедіяхъ, гдѣ надлежитъ или его убить или отъ ревности самому заколоться. Въ свѣтскомъ же обращеніи уже вышло изъ моды рѣзаться за красавицъ; ибо, надѣясь*

Digitized by Google

на нынѣшнее постоянство, всякой терпѣливо дожидается своей очереди. Этакая ахинея! Позвольте посмотрѣть вашу другую книгу. Видите, я разчитался, кажется, въ первый, да и, безъ сомнѣнія, въ послѣдній разъ въ жизни. *Любовная школа, или подробное изъясненіе всѣхъ степеней и таинствъ любовной науки.* Вотъ, какія чудеса! Что далѣе? *Нѣжному и прекрасному полу, отъ котораго зависитъ несчастіе и блаженство растаевающихъ смертныхъ, посвящается сія книга, какъ истинная жертва сердца, наполненнаго нѣжнѣйшею чувствительностію.* Мудрено что-то, хитро! Довольно однако жъ читать. Меня ужъ сонъ клонить начинаетъ. Не пойти ли лучше намъ погулять, Петръ Петровичъ? Вечеръ прекрасный! Вы бы, авось, на чистомъ воздухѣ лучше разсѣяли вашу тоску.»

Петръ Петровичъ сидѣлъ, опершись локтями о столъ и закрывъ лице руками. Въ самомъ дѣлѣ, тоска грызла его сердце. Бѣднякъ былъ счастливъ только разъ въ жизни, когда любилъ свою Мавру Григорьевну; но счастіе его было слишкомъ коротко, и давно, давно улетѣло. Потомъ онъ прожилъ двадцать лѣтъ, какъ холодный стоикъ, не чувствуя ни горя, ни радости. Женясь съ досады на своей домоправительницѣ, онъ не могъ быть съ нею счастливъ, тѣмъ болѣе, что остался бездѣтнымъ и попрежнему послѣднимъ въ родѣ. Наконецъ поразительное сходство Вѣры Павловны съ его Маврой Григорьевной воскресило въ чувствительной по природѣ, доброй душѣ его, подавленное неудачами и горестями жизни чувство; онъ полюбилъ Вѣру Павловну, со всею пылкостью юноши; ему показалось, что въ ней найдетъ онъ все свое, давно утраченное, счастіе; что

Digitized by Google

по крайней мѣрѣ, приближаясь къ закату жизни, и онъ узнаетъ радость, которую у него судьба такъ жестоко и такъ рано похитила. Но и тутъ ошибиться въ надеждѣ, и тутъ для сердца, жаждущаго любви и семейнаго счастія, не найти ничего, кромѣ горя и страданій! Онъ искалъ опоры, помощи, чтобы не упустить изъ рукъ, чтобы достигнуть обольстительный призракъ, снова черезъ столько лѣтъ ему явившійся, и не видѣлъ нигдѣ ни помощи, ни опоры. Бѣднякъ надѣялся, что, можетъ быть, книги, его единственныя любимицы, наставятъ его и какъ-нибудь ему помогутъ; но и тутъ онъ обманулся, и тѣ ему измѣняли. Призракъ счастія снова уходилъ отъ него и навсегда, и передъ нимъ раскрывалась пустынная, уединенная, скучная, однообразная тропинка къ могилѣ. И только одно любящее существо стояло на этой тропинкѣ, готовое раздѣлить съ нимъ все пополамъ, и радость и горе, и жизнь и смерть, и идти, вмѣстѣ идти до могилы; бѣдное сердце Петра Петровича находило отголосокъ только въ сердцѣ этого существа: въ сердцѣ вѣрнаго, неизмѣннаго друга, Бориса Ильича. Чего бы не сдѣлалъ, чѣмъ бы не пожертвовалъ добрый, простодушный Борисъ Ильичъ, чтобы помочь своему другу! Молча, онъ страдалъ съ нимъ вмѣстѣ.

Черезъ нѣсколько дней, по совѣту и по просьбамъ друга, Петръ Петровичъ рѣшился положить конецъ мучительной неизвѣстности, объяснившись съ неумолимой, неприступной Вѣрой Павловной.

«Забросьте въ омутъ, сосѣдушка, всѣ ваши книги, всѣ ваши теоріи,» говорилъ Борисъ Ильичъ: «перекреститесь, да, при удобномъ случаѣ, выскажите Вѣрѣ Павловнѣ все, что у васъ на сердцѣ, по-просту, какъ Богъ вамъ на сердце положитъ. Если суждено

Digitized by Google

ей быть за вами—будетъ, а нѣтъ — такъ нѣтъ. Мнѣ сдается, что вы, сдѣлавъ это, будете спокойнѣе, менѣе будете терзаться и мучиться. Я, можетъ быть, говорю и глупо, да по крайней мѣрѣ такъ мнѣ кажется.»

Скоро Петру Петровичу представился случай для объясненія съ Вѣрой Павловной. Разъ, гуляя по любимой своей Англійской Набережной медленными шагами, съ опущенною головою,—вздумалъ онъ зайти въ домъ Дутышевыхъ. Швейцаръ сказалъ ему, что ни барина, ни сестрицы его нѣтъ дома. «А Вѣра Павловна?» спросилъ робко Петръ Петровичъ.

«Барышня дома-съ.»

«Скажи ей, что мнѣ необходимо съ ней поговорить.»

Швейцаръ отправился съ докладомъ и вскорѣ пригласилъ Петра Петровича въ гостиную. Онъ вошелъ. Вѣра Павловна вышла и пригласила его сѣсть на диванъ. Долго Петръ Петровичъ, блѣдный, тревожный, молчалъ и теребилъ свою шляпу. Вѣра Павловна глядѣла на него съ удивленіемъ. Наконецъ невыносимое страданіе сердца придало смѣлости Петру Петровичу, онъ поднялъ голову, осмотрѣлся, удостовѣрился, что они тутъ одни, и сказалъ Вѣрѣ Павловнѣ тихимъ, дрожащимъ голосомъ:

«Не разсердитесь на меня! Выслушайте терпѣливо. Я человѣкъ не свѣтскій, неловкій, можетъ быть, странный, смѣшной; но, Вѣра Павловна, я знаю, у васъ доброе сердце. Не смѣйтесь надо мной, пощадите меня. Я вамъ буду говорить о дѣлѣ, отъ котораго зависитъ мое счастіе, моя жизнь или смерть. Не шутите жизнью человѣка!»

Вѣра Павловна испугалась такого вступленія, а

Digitized by Google

болѣе, выраженія глубокаго страданія, почти отчаянія, которое было видно на лицѣ Петра Петровича. Она сама побѣднѣла и отвѣчала тихо: «Говорите! Что вамъ угодно, Петръ Петровичъ? Я васъ готова слушать.»

Купоросовъ, которому истинное, глубокое чувство придало истинное краснорѣчіе, коротко разсказалъ ей въ безъискуственныхъ, простыхъ словахъ исторію всей своей жизни, своего сердца, не назвалъ только Мавры Григорьевны по имени; въ заключеніе признался въ своей любви къ Вѣрѣ Павловнѣ и требовалъ отвѣта.

Вы думаете, что Вѣра Павловна, оправившаяся отъ испуга, засмѣялась, выслушавъ признаніе Петра Петровича? Ничего не бывало! Безъискуственный, проникнутый чувствомъ, разсказъ его тронулъ ея сердце. У нея нѣсколько разъ навертывались слезы. Смѣшной, неловкій провинціялъ и чудакъ не казался ей нисколько смѣшнымъ. Она въ эти минуты ощущала къ нему невольное уваженіе. Онъ казался ей гораздо выше всѣхъ молодыхъ и пожилыхъ петиметровъ, ловкихъ, свѣтскихъ болтуновъ съ пустыми головами, сердцами, фразами, и часто карманами. Таково могущество истиннаго чувства.

«Мнѣ очень лестно ваше предложеніе, Петръ Петровичъ,» сказала Вѣра Павловна, потупивъ глаза: «очень желала бы быть такою совершенною, какою вы меня воображаете, но я должна сказать вамъ.....»

Вѣра Павловна остановилась, подняла глаза и устремила на Купоросова взоръ, полный участія и состраданія.

«Договаривайте, Вѣра Павловна!» воскликнулъ онъ. «Конечно, я страненъ, смѣшонъ, я не стою

Digitized by Google

васъ, вы не можете любить такого чудака! Не суждено, видно, мнѣ быть счастливымъ!»

«Я васъ уважаю, Петръ Петровичъ, люблю, какъ добраго и благороднаго человѣка, но я должна сказать вамъ, что вы..... опоздали.»

«Какъ опоздалъ?» воскликнулъ Купоросовъ, вскочивъ съ дивана.

«Я уже невѣста.»

«Боже мой!» горестно произнесъ тихимъ голосомъ Петръ Петровичъ, опустился снова на диванъ и закрылъ лице руками. Вѣра Павловна замѣтила, что онъ отиралъ слезы, которыя, не смотря на его усилія удержать ихъ, катились невольно изъ глазъ.

Вѣрѣ Павловнѣ стало жаль бѣднаго Петра Петровича, и она сама отерла проворно батистовымъ платкомъ двѣ блестящія слезинки, которыя такъ шли къ ея длинымъ рѣсницамъ и розовымъ щечкамъ.

«Мнѣ досадно, что я невольно заставила страдать васъ,» сказала Вѣра Павловна: «но двѣ недѣли уже назадъ дано мною слово другому. Его нарушить невозможно. Право, я ни въ чемъ не виновата.»

«Я не виню васъ, Вѣра Павловна, ни въ чемъ не виню. Отъ чистаго, искренняго сердца желаю вамъ счастія! Дай Богъ, чтобъ вы никогда не знали горя. Не сердитесь на меня, что я васъ растревожилъ. Позабудьте меня, чудака! И въ самомъ дѣлѣ: стою ли я васъ!.... Такъ слово уже дано вами, говорите вы; ужъ перемѣнить его невозможно?»

«Еслибъ я вамъ дала слово, и его нарушила черезъ двѣ недѣли, что бы вы тогда сказали?»

«Правда! правда! Ну, такъ прощайте Вѣра Павловна! Извините меня, что васъ обезпокоилъ..... О Боже мой!..... Завтра же уѣду изъ Петербурга. Ужъ

Digitized by Google

мы съ вами навѣрное никогда не увидимся. Не сердитесь на меня, горемычнаго чудака. Прощайте, Вѣра Павловна!»

«Нѣтъ, нѣтъ! Не уѣзжайте, Петръ Петровичъ, не горюйте много: право горевать обо мнѣ не стоитъ. Приходите по-прежнему къ батюшкѣ. Онъ васъ очень любитъ. Приходите ко мнѣ, когда я буду хозяйкой. Я познакомлю васъ покороче съ моимъ будущимъ мужемъ. Ручаюсь, что и онъ полюбитъ васъ. Будьте другомъ нашимъ.»

«Нѣтъ, Вѣра Павловна! Мнѣ надобно уѣхать отсюда. Опять заберусь въ свою пустыню, въ свою деревню, и тамъ какъ-нибудь промаячу остатокъ жизни, тамъ и умру.»

«Нѣтъ, я васъ не пущу изъ Петербурга, пока не пройдетъ ваше горе, пока вы не успокоитесь. Пріѣзжайте ко мнѣ на сговоръ; я васъ приглашаю, прошу. Кромѣ родныхъ никого у насъ не будетъ; но мы всѣ любимъ васъ, какъ роднаго.»

«Такъ и сговоръ вашъ будетъ ужъ скоро?» спросилъ къ глубокимъ вздохомъ Петръ Петровичъ.

«Онъ будетъ на другой день, когда пріѣдетъ изъ своей деревни сестра моя. Мы ее ждемъ съ часа на часъ. Ей слѣдовало, по разсчету, пріѣхать еще третьягодни. Вѣрно, что̀ нибудь ее задержало въ дорогѣ.»

Въ это время стукъ кареты раздался на набережной. Слышно было, что кто-то подъѣхалъ къ крыльцу.

«А! вотъ вѣрно батюшка возвратился!» сказала Вѣра Павловна.

Слуга вошелъ торопливо въ гостиную изъ залы и сказалъ: «Сестрица ваша изволила пріѣхать.»

«Сестра!» вскрикнула радостно Вѣра Павловна, вскочила съ дивана и побѣжала встрѣчать сестру свою.

Digitized by Google

Петръ Петровичъ, оставшись одинъ, съ выраженіемъ глубокой горести поднялъ глаза къ небу, вздохнулъ и всталъ съ дивана, намѣреваясь уйти. Невыносимая тоска наполняла его сердце. Онъ готовъ былъ зарыдать. Задумавшись, подошелъ онъ къ окну, остановился, съ какимъ-то наслажденіемъ подумалъ о могилѣ; потомъ обратился мыслію ко всей своей незавидной жизни, вспомнилъ съ сожалѣніемъ свою безпечную молодость, свое короткое, скоро улетѣвшее счастіе, свою первую любовь, такъ жестоко его обманувшую. Ахъ, Мавра Григорьевна, Мавра Григорьевна! Любилъ я тебя, и до сихъ поръ забыть не могу. И въ Вѣрѣ Павловнѣ думалъ тебя найти. Прошло, пролетѣло все невозвратно. Не видя радости, я состарѣлся. Бреду одинъ, сиротою на свѣтѣ, къ могилѣ. Одинъ развѣ неизмѣнный другъ Борисъ Ильичъ поплачетъ надъ нею.

«Рекомендую вамъ сестру мою!» сказала весело Вѣра Павловна, входя въ комнату и держа за руку немолодую уже даму, которой красота и свѣжесть сохранились удивительно.

Эта дама была..... Мавра Григорьевна, сама Мавра Григорьевна, вдова Сельмина, убитаго за пять лѣтъ передъ тѣмъ на сраженіи.

Петръ Петровичъ взглянулъ на нее, узналъ и.... не знаемъ, какъ и сказать: что онъ почувствовалъ.

Бѣднякъ зашатался, опустился въ кресла, подлѣ которыхъ стоялъ, и лишился чувствъ.

«Ахъ, Боже мой!» вскрикнула Вѣра Павловна, и бросилась за водою.

Добрая дѣвушка вытащила изъ туалета своей тетки стклянночку со спиртомъ, налила стаканъ воды, опять прибѣжала въ гостиную, и вмѣстѣ съ сестрою

Digitized by Google

начала хлопотать около упавшаго въ обморокъ Петра Петровича.

Мавра Григорьевна, вышедшая замужъ за Сельмина по принужденію, любила его болѣе по обязанности, чѣмъ по склонности сердца. Она такъ же, какъ и Петръ Петровичъ, много перенесла горя въ жизни, тѣмъ болѣе, что Сельминъ вскорѣ послѣ брака охладѣлъ къ ней, наконецъ совсѣмъ разлюбилъ ее и очень дурно обходился съ нею. Дѣтей у нихъ не было. Она не рѣдко, въ часы грусти, переносилась воспоминаніемъ къ своей молодости, къ первой любви своей, и тихонько плакала.

Наконецъ Купоросовъ пришелъ въ чувство и первое, что онъ увидѣлъ, это были черные, все еще прекрасные, глаза его Мавры Григорьевны, устремленные на него съ такимъ участіемъ, съ такимъ добродушіемъ и состраданіемъ, что взоръ этихъ глазъ проникъ до глубины его сердца.

«Что съ вами сдѣлалось?» спросила Вѣра Павловна. «Вы насъ ужасно перепугали.»

«Мавра Григорьевна! Вы ли это? Господи помилуй!..... Нѣтъ! Я сплю!..... Я думаю, вы меня забыли, не узнали?»

«Нѣтъ, я узнала васъ,» отвѣчала Мавра Григорьевна.

«Да!..... Это вы. Помню, помню; не забылъ я еще этого голоса, хоть много лѣтъ прошло.»

«Развѣ вы уже давно знакомы другъ съ другомъ?» спросила съ удивленіемъ Вѣра Павловна.

«Давно, очень давно,» отвѣчала сестра ея: «я знала Петра Петровича, когда мнѣ было еще шестнадцать только лѣтъ, часто танцовала съ нимъ въ-старину.»

«Вотъ что! Понимаю!» сказала Вѣра Павловна, приложивъ пальчикъ къ хорошенькимъ своимъ губ-

Digitized by Google

камъ. «Ты знаешь ли, сестрица, что Петръ Петровичъ до сихъ поръ тебя не забылъ, до сихъ поръ тебя любитъ. Я не шучу. Онъ самъ мнѣ разсказалъ сегодня исторію своего сердца, только не назвалъ тебя по имени. Объяснись съ нимъ, поговори. Я уйду, не стану мѣшать вамъ.»

Какъ объяснились Петръ Петровичъ и Мавра Григорьевна, что они говорили наединѣ, это осталось въ тайнѣ, потому, что Вѣра Павловна, уходя, затворила покрѣпче дверь, чтобы никто ихъ не подслушалъ. А говорили они по крайней мѣрѣ часъ, если не болѣе. Пока они объясняются, и мы объяснимся, почему Вѣра Павловна была родная сестра Маврѣ Григорьевнѣ. Все дѣло въ томъ, что покойная мать ихъ была сначала за Чистяковымъ, а послѣ его смерти за Дутышевымъ, и потомъ сама умерла. Она была красавица, и обѣ ея дочери, самая старшая отъ перваго мужа, самая младшая отъ втораго, родились въ нее, съ такимъ взаимнымъ сходствомъ, что Петру Петровичу немудрено было послѣ долговременной разлуки принять Вѣру Павловну за Мавру Григорьевну.

Пріѣхалъ Дутышевъ съ сестрою домой. Они вошли неожиданно въ гостиную и къ крайнему изумленію увидѣли, что Петръ Петровичъ, стоя на колѣняхъ передъ сидящею въ креслахъ Маврою Григорьевною, держалъ ее за обѣ руки и съ жаромъ, съ восторгомъ неизобразимымъ цѣловалъ то ту, то другую. Жестоко сконфузился Петръ Петровичъ и вскочилъ такъ быстро на ноги, какъ-будто его чѣмъ-нибудь ожгли. Мавра Григорьевна покраснѣла и потупила глаза. Все вскорѣ объяснилось, и Дутышевъ, смѣясь отъ удовольствія густымъ басомъ, нѣсколько разъ пов-

Digitized by Google

торилъ: «Признаюсь, кто могъ ожидать этого? Въ моемъ домѣ устроились двѣ свадьбы разомъ.»

Надобно было посмотрѣть на радость Бориса Ильича, когда онъ узналъ о счастіи своего друга. Онъ плакалъ и хохоталъ, обнималъ крѣпко Петра Петровича, душилъ его въ своихъ объятіяхъ, цѣловалъ, и потомъ опять принимался хохотать и плакать. Ванька въ-старину, послѣ измѣны Мавры Григорьевны, напился мертвецки пьянъ, съ горя. Услышавъ же неожиданную вѣсть о помолвкѣ своего барина, онъ прослезился, побѣжалъ въ церковь, помолился на колѣняхъ о счастіи своего господина, потомъ прибѣжалъ опять домой, навощилъ всю старую мебель краснаго дерева, выколотилъ истасканный коверъ, перечистилъ всю серебряную и мѣдную посуду, до послѣдней кастрюльки, чтобы не осрамить себя и барина передъ будущей хозяйкой, и наконецъ къ вечеру, нечего грѣха таить, съ радости хватилъ во второй разъ на своемъ вѣку лишнюю, въ такой же сильной степени, какъ и съ горя.

Ужъ что было за веселье на свадьбѣ Петра Петровича, того ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. И свадьба Вѣры Павловны съ кавалергардскимъ рядовымъ, который оказался капитаномъ гвардіи, была весела, да куда противъ свадьбы Петра Петровича!

Черезъ годъ у послѣдняго въ родѣ родился наслѣдникъ. Удивительно, какъ Петръ Петровичъ не сошелъ съ ума отъ радости. Онъ до того радовался, что захворалъ и слегъ въ постель, и старый холостякъ, Борисъ Ильичъ, долженъ былъ купить колыбель для малютки и обо всемъ прочемъ хлопотать, вмѣсто своего друга.

Когда Мавра Григорьевна совсѣмъ поправилась и

Digitized by Google

Петръ Петровичъ выздоровѣлъ, они поѣхали въ свою деревню, Толчково, и повезли туда своего сына. Петръ Петровичъ пригласилъ на крестины своего малютки всѣхъ сосѣдей и знакомыхъ на сто верстъ въ окружности и задалъ такой пиръ, что объ этомъ пирѣ едва ли донынѣ не сохранилось преданіе въ уѣздѣ, гдѣ, между холмами и рощами, красуется деревня Толчково. Для этого пира онъ нарочно построилъ въ саду своемъ огромную залу. Великолѣпнаго, роскошнаго угощенія не описалъ бы самъ Гомеръ. Были придуманы всѣ возможныя увеселенія, даже фейерверкъ. Во время обѣда, когда пили за здоровье новорожденнаго, названнаго Петромъ, потомъ родителей его, потомъ всѣхъ гостей ихъ, стрѣляли изъ старой, покрытой ржавчиною, пушки. Приставленные къ ней, за неимѣніемъ артиллеристовъ, два крестьянина Петра Петровича кой-какъ зарядили ее и думали, что отъ перваго выстрѣла ее разорветъ. Когда данъ былъ салфеткой сигналъ начинать пальбу, на обоихъ артиллеристовъ напалъ такой ужасъ, что они бросили фитиль на землю и убѣжали. Тостъ за здоровье новорожденнаго пришлось бы выпить безъ пальбы, если бы Ванька неустрашимо не наложилъ фитиля на затравку, воскликнувъ: «Пусть тебя разорветъ, окаянная, а ужъ безъ пальбы не пить за здоровье новорожденнаго!»

Послѣ обѣда начались танцы, подъ звуки цѣлаго оркестра полковой музыки, привезеннаго на шести подводахъ. Можно легко догадаться, какой заиграли первый танецъ. Онъ былъ тотъ завѣтный экосезъ, подъ звуки котораго танцовалъ Петръ Петровичъ въ старину съ Маврой Григорьевной, когда ей было еще шестнадцать лѣтъ. Онъ всталъ съ нею въ пер-

Digitized by Google

вую пару. Оркестръ заигралъ, и Петръ Петровичъ началъ фигуру, потомъ шассе съ Маврой Григорьевной, точно какъ въ-старину. Отъ избытка радости, отъ полноты счастія, отъ воспоминаній, отъ сравненій, Петръ Петровичъ заплакалъ, выдѣлывая шассе. Домовой ужъ не смѣлъ пѣть: ты послѣдній въ родѣ! Вдругъ посреди танца оркестръ замолчалъ. Всѣ танцовавшіе остановились съ удивленіемъ. Растворяется дверь залы: въ саду появился хоръ пѣсенниковъ; оркестръ заигралъ опять, но ужъ не экосезъ, а извѣстную русскую пѣсню: «Во полѣ береза стояла!» и притомъ самою скорою, плясовою мѣрою. Пѣсенники подхватили и запѣли:

Честное слово офицера!
Честное слово офицера!
Ай люли, люли, офицера.
Ай люли, люли, офицера.

И подъ эту неожиданную пѣсню, сочиненную Борисомъ Ильичемъ, онъ, украшенный ужъ почтенными сѣдинами, выступаетъ, подбоченясь, изъ толпы пѣсенниковъ и передъ удивленными гостями начинаетъ отчаянно плясать въ присядку. Пѣсенники, по наставленію Бориса Ильича, дѣлали особое удареніе на окончаніе его стиховъ, то есть, на слогъ *ра*, и пѣли съ присвистомъ, прищелкиваньемъ и со всѣми прочими затѣями русскаго хоральнаго пѣнія, а Борисъ Ильичъ въ одинъ темпъ съ каждымъ *ра* пристукивалъ каблуками, и живо повертывался. Общее удивленіе превратилось скоро въ общій, веселый, продолжительный хохотъ. Наконецъ Борисъ Ильичъ остановился, запыхавшись, посреди залы, приглаживая свои сѣдые волосы.

Digitized by Google

«Что это тебѣ вздумалось, дорогой сосѣдъ?» спросилъ его Петръ Петровичъ. «Разпотѣшилъ ты всѣхъ!»

«А вы вѣрно забыли, что я вамъ далъ честное слово офицера пройти въ присядку на крестинахъ вашего сына, при всѣхъ гостяхъ. Уфъ! Усталъ! Измучился. Ну, что, Петръ Петровичъ? Вѣдь лѣтъ ужъ тридцать не плясалъ, а каково прошелъ? И стихи-то, которые пѣли, самъ скропалъ. Люблю ли я васъ?»

«Вижу, вижу, что любишь!» отвѣчалъ тронутый Петръ Петровичъ.

У обоихъ на глазахъ навернулись слезы, и друзья крѣпко, крѣпко обнялись. Всѣ гости, еще хохотавшіе, были растроганы, и принялись дружно и громко имъ аплодировать. Пиръ длился до глубокой ночи, и на немъ было столько искренняго, сердечнаго веселья, что и понять его нельзя въ нынѣшній положительный вѣкъ, существующій на акціяхъ и основанный на парахъ, — вѣкъ, когда веселье, всегда зависящее отъ безкорыстной любви и дружбы, все почти испарилось и замѣнено безнадежностью, разочарованіемъ, пустотою души, холодомъ и тоскою сердца, презрѣніемъ жизни, и другими модными, современными, премилыми требованіями, которыхъ одно названіе уже возбуждаетъ тоску и зѣвоту.

Маркизъ Глаголь.

Digitized by Google

Отдѣленіе III.

Русская Словесность.

ВОЛШЕБНИЦА.

ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ ѲЕОКРИТА. *

Гдѣ гады, Ѳестила? подай мнѣ скорѣе! Гдѣ лавры?
Увей сей сосудъ пурпуровою агнцевъ волною.
Преклоннмъ волшебствомъ измѣнника, милаго сердцу,
Который двѣнадцатый день и лица мнѣ не кажетъ;
Не хочетъ провѣдать жива ли, мертва ли Симета:
Хоть разъ постучался ли въ двери мои, вѣроломный?
Знать, легкія мысли его Аѳродита прельстила
Другою! Я завтра иду, Тимагета, въ Палестру,
Увижусь, и тамъ на него я обрушу упреки;

* На нашемъ языкѣ, сколько понимнъ, имѣемъ мы въ переводѣ только двѣ идилліи этого славнаго поэта древней Греціи: 1) *Рыбаки*, и 2) *Сиракузянки*. Первую идиллію перевелъ Мерзляковъ, вторую Гнѣдичъ. Съ удовольствіемъ помѣщаемъ Волшебницу Ѳеокрита, и благодарнмъ почтеннаго переводчика.

Ред. С. О.

Digitized by Google

Теперь заклинанья и чары! — Сіяй мнѣ, Діана,
Сіяй благосклонно: тебѣ мои пѣсни, богиня!
И ты, о подземная, псовъ приводящая въ трепетъ,
Когда сквозь могилы и черную кровь ты изходишь,
Явись неприступная: чарамъ содѣйствуй, Геката!
Да будутъ сильнѣе волшебствъ златокудрой Цирцеи,
Сильнѣй заклинаній Медеи и чаръ Перемиды.
О чары, мнѣ Дельфиса, Дельфиса мнѣ привлеките!

Огонь пожираетъ муку!.... Подсыпай, подсыпай же,
Ѳестила. Куда залетѣла, несчастная, думой?
Ужель и тебѣ ненавистной, смѣшною кажусь я?
Ну, сыпь и пришептывай: Дельфиса кости я сыплю.
О чары, мнѣ Дельфиса, Дельфиса мнѣ привлеките!

По Дельфисѣ мучусь, для Дельфиса лавръ сей сжигаю,
И вотъ онъ трещитъ на огнѣ, загорѣлся и вспыхнулъ.
Нѣтъ лавра, истлѣлъ; не осталося даже и пепла:
Такъ Дельфисъ невѣрный, сгори ты во пламени страстномъ!
О чары, мнѣ Дельфиса, Дельфиса мнѣ привлеките!

Сей воскъ на огнѣ при содѣйствѣ богини истаялъ:
Истай отъ палящей любви такъ безчувственный Дельфисъ!
И какъ закружился сей мѣдный кубарь предо мною,
Кружи его такъ Аѳродита вкругъ нашего дома!
О чары, мнѣ Дельфиса, Дельфиса мнѣ привлеките!

Бросаю въ огонь отрубей!.... О Діана, ты можешь
Смягчить Радаманта и все непреклонное въ адѣ.....
Чу! псы завываютъ, Ѳестила..... Грядетъ къ намъ богиня,
Она на распутіи..... бей же, звени по тимпану!
О чары, мнѣ Дельфиса, Дельфиса мнѣ привлеките!

Все смолкло: спокойно и море, спокоенъ и воздухъ,
А горе мое не смолкаетъ въ растерзанномъ сердцѣ,
И вся я пылаю лишь тѣмъ, кто, любовью упившись,
Безбрачную въ тяжкомъ позорѣ меня оставляетъ!
О чары, мнѣ Дельфиса, Дельфиса мнѣ привлеките!

Digitized by Google

Трикратно я лью и трикратно къ богинѣ взываю:
О кто бъ ни лѣлялъ сладострастное Дельфиса ложе,
Да будетъ оставленъ, какъ нѣкогда въ Діи оставилъ
Тезей лепокудрую въ горькихъ слезахъ Аріадну!
О чары мнѣ Дельфиса, Дельфиса мнѣ привлеките!

Сію бахраму, сей обрывокъ съ хитона Миндійца,
Въ клочки изорвемъ и въ огонь пожирающій бросимъ!
О горе! за чѣмъ, какъ болотная злая піявка,
Любовь, ты впилася въ меня и сосешь мое сердце?
О чары, мнѣ Дельфиса, Дельфиса мнѣ привлеките!

Такъ!.... ящеръ столку, и тебѣ я питья приготовлю!....
Ѳестила, разсыпь этотъ ядъ на порогѣ Миндійца!
Порогѣ, къ которому я и теперь еще сердцемъ
Влекуся, а онъ обо мнѣ и не думаетъ, бѣдной.
Разсыпь и пришептывай: Дельфиса кости я сыплю.
О чары, мнѣ Дельфиса, Дельфиса мнѣ привлеките!

Теперь я одна здѣсь; оплачемъ любовь роковую!
Съ чего мнѣ начать? Кто наслалъ мнѣ бѣды и страданья?
Въ священную рощу Діаны пришла къ намъ Анаксо,
Съ дарами въ кошницахъ; туда же въ торжественномъ ходѣ
Шли разные звѣри; была между ними и львица.
Повѣдай, луна, какъ любовь въ сей груди распылалась?

Тогда Ѳевхарила, кормилица — вѣчный покой ей! —
Сосѣдка моя, и просила меня и молила
На праздникъ идти, и я, — злополучная доля! —
Пошла, нарядившись въ златистый хитонъ изъ виссона,
Накинувъ небрежно багряную мантію сверху.
Повѣдай, луна, какъ любовь въ сей груди распылалась?

Почти на срединѣ пути, гдѣ чертоги Ликона,
Вдругъ вижу я Дельфиса и Евдамиппа идущихъ;
Младыя ланиты ихъ пухомъ златымъ покрывались,
А перси свѣтлѣе тебя, о богиня, сіяли.
Они возвращались съ обычныхъ трудовъ изъ Палестры.
Повѣдай, луна, какъ любовь въ сей груди распылалась?

Digitized by Google

Взглянувъ, закипѣла я! сердце мое задрожало,
Не взвидѣла свѣта, погибла; и праздникъ, и пышность,
Все вышло изъ мыслей, и какъ я домой возвратилась,
Не помню; какой-то огонь пожиралъ мое тѣло;
Я десять дней тяжко и десять ночей пострадала.
Повѣдай, луна, какъ любовь въ сей груди распылалась?

Я вся измѣнилась, въ лицѣ, какъ сафранъ, пожелтѣла,
И волосы падали съ юной главы, и я стала
Лишь кости, да кожа. О! въ чемъ не искала цѣленья!
Къ какой чародѣйкѣ старушкѣ я въ домъ не ходила!
Все, все безполезно; а время текло да летѣло.
Повѣдай, луна, какъ любовь въ сей груди распылалась?

Рабынѣ своей напослѣдокъ открыла я тайну:
Ѳестила, найди врачевство мнѣ отъ злаго недуга;
Я Дельфисомъ вся и горю и пылаю! Йди же
Къ Палестрѣ, и Дельфиса тамъ подстеречь постарайся!
Борьбѣ онъ тамъ учится, тамъ онъ вседневно бываетъ.
Повѣдай, луна, какъ любовь въ сей груди распылалась?

И если одинъ онъ, кивни осторожно и молви:
Симета зоветъ, де, тебя, и веди его въ домъ мой.
Сказала я, та полетѣла, и вотъ умащенный
Является Дельфисъ. Лишь только онъ, сердцу любезный,
Шагнулъ чрезъ порогъ моей горницы легкой ногою —
Повѣдай, луна, какъ любовью я вся распылалась?

Вдругъ вся я, какъ снѣгъ, охладѣла, съ чела покатился
Потъ крупный, подобный росѣ свѣтозарнаго утра;
Языкъ онѣмѣлъ; не могла я промолвить ни звука,
Какъ спящія дѣти лепечутъ, любезную мать призывая,
Стояла недвижно, какъ хладная глыба льдяная.
Повѣдай, луна, какъ любовью я вся распылалась?

Жестокій взглянулъ на меня и глаза свои въ землю
Потупилъ: на ложе присѣлъ онъ и, сидя, сказалъ мнѣ:
Симета, ты столько жъ сегодня меня упредила,

Digitized by Google

Въ свой домъ пригласивши, влекомаго страстной любовью,
Какъ я на бѣгу упрелилъ молодаго Филлина.
Повѣдай, луна, какъ любовью я вся распылалась?

Пришелъ бы, клянуся Эротомъ, пришелъ бы и самъ я
Съ двумя, или больше, друзьями, и въ этотъ же вечеръ,
Неся золотые за пазухой яблоки Вакха,
Съ вѣнкомъ на челѣ изъ тополевыхъ вѣтвей любимыхъ
Геракломъ, багряною лентой кругомъ перевитыхъ.
Повѣдай, луна, какъ любовью я вся распылалась?

Когда бъ приняла ты меня, о блаженство! я быстрымъ
Слыву на бѣгу и пригожимъ межъ юношей нашихъ;
Лишь только бъ къ устамъ твоимъ сладкимъ я разъ прикоснулся;
Но если бъ отвергла и дверь заперла бы затворомъ,
Сѣкира и пламень открыли бъ къ тебѣ мнѣ дорогу!
Повѣдай, луна, какъ любовью я вся распылалась?

Кипридѣ, всѣхъ прежде Кипридѣ моя благодарность!
А послѣ Киприды тебѣ! Изъ огня ты исторгла
Меня, пригласивши подъ кровъ твой. О милая дѣва!
Я весь и пылалъ и горѣлъ! Такъ Эротъ сладострастный
Не рѣдко сильнѣе Вулкана огонь воспаляетъ.
Повѣдай, луна, какъ любовью я вся распылалась?

Съ тѣхъ поръ не пенялъ на меня, не сѣтовалъ Дельфисъ,
Ни я на него. Но сегодня пришла ко мнѣ матерь
Свирѣльщицы милой Филисты и доброй Меликсы
Въ тотъ часъ, какъ по небу помчались крылатые кони,
Изъ волнъ океана неся розоперстую Эосъ.
Она межъ другими вѣстями, сказала мнѣ: Дельфисъ
Влюбился; въ кого и давно ли пылаетъ онъ страстью,
Не знаю, а только онъ часто, напѣнивши кубокъ,
Виномъ торжествуетъ любовь! и, къ тебѣ равнодушный,
Вѣнками цвѣтовъ украшаетъ жилище любезной.
Все это подруга правдивая мнѣ разсказала.
Въ день раза и три, и четыре ко мнѣ приходилъ онъ,
Онъ здѣсь оставлялъ и дорійскую вазу съ елеемъ;

Digitized by Google

Теперь вотъ двѣнадцатый день я не вижу Миндійна.
Ужели онъ счастливъ другою? Меня ль оставляетъ?
Теперь я чарую; но если отворю изнѣну,
Клянулся Атропой, толкнется онъ въ двери Анда!
Такой въ семъ ларцѣ я убійственный ядъ сохраняю:
Его составлять научилъ меня гость ассирійскій.
Прости, о луна, и коней обрати къ океану;
Жестокое горе я буду терпѣть, какъ терпѣла.
Прости, свѣтлоокая ночи богиня! простите
О звѣзды, сопутницы свѣтлой ея колесницы.

М. Л.

=

ДАВНО ЛЬ ЭТО БЫЛО?

—

Давно ли, раскинувъ широкія крылы,
Надъ Русью духъ гибели грозно парилъ?
Давно ли, мужъ рока, побѣдныя силы
По гранямъ ея своевольно водилъ?

Смутилася Русь; но не дро́гнулъ *единый*!
Вездѣ лишь былъ слышанъ шумъ ратей густыхъ;
Ревѣли орудья, дымились равнины;
И тучами трупы чернѣли на нихъ.

Digitized by Google

На полночи бились народы. Казалось,
Тмы ратныхъ раздавятъ земли русской грудь;
А промысла тайна межъ-тѣмъ совершалась;
Мужъ рока оканчивалъ грозный свой путь.

Куда жъ такъ упрямо еще онъ стремился?
Чего отъ покорнаго счастья алкалъ?
Отъ бреда надъ пропастью онъ пробудился
И шумно въ нее съ высоты дивной палъ!

●

Провидѣлъ онъ, мощный, свой путь дерзновенный.
И, блѣденъ, на встрѣчу шелъ грозной судьбѣ:
На стражѣ Россіи былъ *Благословенный* —
Предъизбранный свыше къ великой борьбѣ!

На немъ возлежало народовъ спасенье!
Ему предстояла за нихъ чаша бѣдъ!
Онъ выпилъ ее, но, — земли провидѣнье, —
Исполнилъ предъ свѣтомъ великій обѣтъ,

На пеплѣ отчизны обѣтъ, дѣтямъ данный!....
И міръ успокоился, и надъ главой,
Избранника Божья, побѣдой вѣнчанной,
По тробъ вился духъ Благодати Святой!

Давно ль это было?.... Дней нашихъ дѣянья!
Просторъ имъ въ скрижаляхъ, и дань отъ пѣвцовъ!
Имъ равныхъ не зрѣла земля съ міросданья,
Увидитъ ли послѣ — то тайна вѣковъ!....

К. Гогніевъ.

=

Digitized by Google

НЕ БОЙСЯ!

—

Ты счастлива! Еще ты дома,
На лонѣ матери родной;
Тревога жизни незнакома
Съ твоей младенческой душой.
Ударитъ часъ — порогъ завѣтный
Перешагнешь когда нибудь,
И грусть, тропинкой неприметной,
Прокрадется въ дѣвичью грудь;
Взоръ отуманится слезою,
Вздохнешь отъ сердца, тяжело,
И думы мрачныя, порою,
Слетятъ на блѣдное чело.
Быть-можетъ, бури, непогоды
Купить достанется тебѣ
Цѣной дѣвической свободы,
Но ты покорна будь судьбѣ.
Не бойся! щитъ непобѣдимый,
Несокрушаемый грозой:
Благословеніе родимой
И промыслъ Бога надъ тобой!

Тифлисъ. Дмитревскій.

=

МЕЧТЫ.

—

Житейской бурей, шумомъ свѣта
И невниманьемъ красоты,
Презрѣвшей робкаго поэта,
Испуганы мои мечты.

Digitized by Google

Теперь, другаго чувства полный,
Хочу на нѣсколько минутъ
Забыть грозу и жизни волны,
Зову мечты: онѣ нейдутъ!
Давно ль, отъ зависти украдкой,
Я съ ними столько счастливъ былъ!
Давно ль, давно ль ихъ голосъ сладкой
Веселья пѣсню заводилъ
И о любви шепталъ съ улыбкой!....
Одинъ лишь мигъ, и гдѣ оно!
Такъ гость весны на-мигъ, ошибкой,
Влетитъ въ открытое окно,
И снова нѣтъ!.... То было прежде;
Когда жъ душой я изнемогъ,
И все, что заплатилъ надеждѣ,
Пересчиталъ, подвелъ итогъ,
Выходитъ..... Господи помилуй!
Какъ я обманутъ былъ тогда,
За обѣщанья лгуньи милой
Я отдалъ лучшіе года,
А пріобрѣлъ: разсчетъ холодный —
Тяжелой опытности плодъ, —
Сомнѣнье, эгоизмъ негодный,
Да то, что свѣтъ умомъ зоветъ.
Съ запасомъ горя и страданій
Иду дорогой жизни вдаль.
Пять, шесть со мной воспоминаній,
И все!.... Гдѣ жъ вы, мечты? Васъ жаль!

Тифлисъ.

Дмитревскій.

Digitized by Google

ВОЛЫНКА и ТРЕЩЕТКА.

—

«Ты знаешь ли, кума, кто въ свѣтѣ
Первѣйшій, лучшій инструментъ?»
— Да есть ихъ много на примѣтѣ. —
«Нѣтъ, ты скажи, кому дала бы ты патентъ
На званіе Орфея?»
— Ну, скрипка хороша, віолончель хорошъ,
Гитара, арфа..... — «Ахинея!
Я инструменты всѣ не ставлю въ мѣдный грошъ.
Все дрянь! Куда имъ! Мнѣ лишь басомъ
Завыть погромче, трель кудрявѣе пустить,
Такъ что они! Всѣ смолкнутъ тѣмъ же часомъ.
Ужъ такъ и быть: возьмусь ихъ музыкѣ учить.
Да еслибъ ты еще, кума, мнѣ подсобила,
То наша музыка весь свѣтъ бы удивила.
Никто бы противъ насъ не смѣлъ разинуть рта.
Ты не смотри, что я пуста;
А какъ сильна, какъ громогласна!
Я инструментамъ всѣмъ страшна и такъ опасна,
(Особенно, когда мой надуватель пьянъ,)
Что даже предо мной пасуетъ барабанъ.
Ужъ онъ ли не горланъ!»
— Что жъ, кумушка, изволь; согласна!
Давай учить! Я также не спущу
Ни скрипкѣ, ни трубѣ; я всѣхъ перетрещу. —
«Такъ по рукамъ, не отлагая дѣла!»
Надулась тутъ волынка и запѣла,
Трещетка вторитъ ей; ну, вой и шумъ такой,
Что Боже упаси! Бѣги, махнувъ рукой!
«Мы въ музыкѣ хотимъ реформы радикальной!»
Волынка такъ оретъ съ трещеткою нахальной.
Но чѣмъ же кончилась учителей игра?
А тѣмъ, что ихъ метлой прогнали со двора.

Маркизъ Глаголь.

=

Digitized by Google

ДУША НА НРУЖИНКѢ.

I.

ВЫХОДЪ ИЗЪ ПАНСІОНА.

Въ 1830 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, медленно катилась карета по сыпучему снѣгу петербургскихъ улицъ къ Васильевскому Острову. Въ ней сидѣли двѣ фигуры, одна толстая, вся закутанная въ мѣхъ и капоръ, такъ, что лица ея совершенно не было видно; только было оставлено отверстіе для свободнаго дыханія, откуда виднѣлся кончикъ носа, покраснѣвшій отъ холоду. Эта фигура была довольно молчалива, и на всѣ вопросы своей собесѣдницы отвѣчала односложными словами. Другая, одѣтая въ новый, прекрасный, лисій салопъ, съ сѣдымъ соболькимъ воротникомъ, въ бѣлой атласной шляпкѣ послѣдней моды, на которую была небрежно накинута зеленая вуаль, — безпрестанно выглядывала изъ окна. Ея глазки блистали, словно двѣ звѣздочки, и быстро различали бѣлые и черные султаны, и пуховыя, круглыя шляпы, мелькавшія мимо кареты. Вдругъ, она почти до половины высунулась изъ кареты и тѣмъ пансіонскимъ нарѣчіемъ, которое такъ

Digitized by Google

мило звучитъ въ устахъ хорошенькой, только-что оставившей куклы, дѣвочки, закричала: «Serge! Serge! Ахъ, maman! Посмотрите, онъ проѣхалъ и не оглянулся. А еще увѣрялъ, что любитъ.»

«Что это ты, Наташа? Можно ли кричать на Невскомъ Проспектѣ, высовываясь изъ окна. То-то пансіонское ученье! Развѣ у васъ не учили, что кричать на улицѣ неприлично?»

«Да нельзя, maman; проѣхалъ Serge. Теперь я ему отомщу: не скажу съ нимъ ни слова.»

Наташа съ досады топнула ножкой; хорошенькія ея губки надулись; она прижалась въ уголъ кареты и накинула на лицо вуаль.

«А кто такой этотъ Сержъ?» спросила мать.

«Ахъ, maman, какъ вамъ не стыдно не знать его. Онъ каждое воскресенье бывалъ въ нашемъ пансіонѣ, и даже madame Колеткина, наша классная дама, къ нему неравнодушна. А мы такъ, просто, его обожаемъ. Колеткина — дама разсудительная, знаетъ хорошо свѣтъ.»

«Ужъ вѣрно разсудительная, что ученицы знаютъ, къ кому она неравнодушна. Нѣтъ, матушка, теперь ты позабудь-ка твою madame Колеткину и учись жить въ свѣтѣ.»

«Я давно знаю свѣтъ, maman. Я была первой ученицей. Madame Колеткина всегда говорила: о! она сдѣлаетъ свой карьеръ. А что, maman, скоро ли мы пріѣдемъ? Хорошъ ли нашъ домъ? Есть ли тамъ такая же зала, какъ у насъ? Конечно, вы меня повезете въ театръ, на балъ. Serge мнѣ сказывалъ, что онъ непремѣнно съ вами познакомится и привезетъ мнѣ билетъ въ театръ. Maman! онъ съ бѣлымъ перомъ, въ шпорахъ, при саблѣ. И madame

Digitized by Google

Колеткина сказала, что онъ пребогатый; а главное, онъ красавецъ. Впрочемъ и богатство не худо.... Видите, я знаю свѣтъ.»

«Правда, Наташа, для своихъ лѣтъ ты умна! Надѣюсь, что на старости ты будешь для насъ утѣшеніемъ. Для этого-то мы тебя и воспитали, не жалѣя денегъ. Дитя ты у насъ единственное. Сердце родительское порадуется, когда всѣ увидятъ, что наши попеченія о тебѣ пошли въ прокъ. Ужъ Пантелей Кондратьевичъ ничего и впередъ не пожалѣетъ; и вечера станетъ для тебя дѣлать.»

«Неужели, маша? Вечера! Да это чудо! Ахъ, какъ я васъ люблю! Какъ мнѣ будетъ весело!»

«Будемъ вывозить тебя. Я сижу все болѣе дома, а твой папенька человѣкъ чиновный, имѣетъ большое знакомство и даже ѣздитъ къ министру.....»

«О, милый папенька! Какъ я рада! Онъ будетъ вывозить меня. Завтра же мы непремѣнно поѣдемъ къ министру. Это, говорятъ, bon ton ѣздить къ нему. Madame Колеткина всегда такъ говорила. Тамъ я найду себѣ партію и не посмотрю на Serge. Не правда ли?»

«Безъ Божьяго благословенія, Наташа, ничего не дѣлается. Онъ одинъ только знаетъ, когда послать тебѣ судьбу. Ты еще такъ молода, что даже и думать-то рано. Впрочемъ, все Богъ.....»

«Какъ безъ Божьяго благословенія, маша? Я не понимаю. Ахъ! посмотрите, маша, какая славная собачка!» опять тѣмъ же голосомъ закричала Наташа и высунулась въ окно. Совѣты, приказанія Аграфены Марковны сѣсть на мѣсто, оставались тщетны, потому-что за собачкой слѣдомъ скакалъ верхомъ гусарскій офицеръ. Наконецъ карета оста-

Digitized by Google

новилась у подъѣзда каменнаго дома, и лакей, стоявшій на запяткахъ въ лѣтней шинели, съ галунами, трясясь, какъ въ лихорадкѣ, отперъ дверцы.

«Что ты такъ долго копаешься?» вскричала Аграфена Марковна, взглянувъ на лакея.

«Руки окоченѣли, сударыня: вѣдь безъ рукавицъ!»

«Мошенникъ! Пьянъ напился. Не успѣешь мигнуть, какъ напроказятъ.....»

«Помилуйте, Аграфена Марковна! Я еще не ѣлъ съ самаго утра; въ швейцарской, съ вашимъ салопомъ стоялъ.»

И толстая фигура Аграфены Марковны пошла, переваливаясь, на лѣстницу, поддерживаемая подъ руку слугою; сзади за ней слѣдовала ея дочка, Наташа. Звонокъ раздался; за дверью послышался шумъ, и черезъ мгновеніе Наташа вошла въ родительскій домъ.

«А!.... пріѣхали!» послышался голосъ изъ другой комнаты. «Покажи-ка, покажи-ка нашу дочку,» говорилъ Пантелей Кондратьевичъ. И тонкая фигура господина Тузиловскаго, словно маятникъ, мѣрными шагами приближилась къ пріѣхавшимъ. «Здравствуй, другъ мой, Наташа!» продолжалъ онъ: «наконецъ, Наташа, ты возвратилась къ намъ, своимъ родителямъ; чай, рада, что распрощалась съ пансіономъ, гдѣ тебя мучили уроками. За то радостнѣе свиданіе; къ тому же сдѣладась воспитанною. Да какая она красавица! Давно ли была ребенкомъ, а теперь невѣста. Обними же меня, старика! Вотъ такъ!»

И Наташа, не помня себя отъ радости, мечтая о балахъ, бросилась къ отцу на шею, воскликнувъ: «Bon jour, mon cher papa!»

«Каково? И по-французски говоритъ славно! Ей

Digitized by Google

нужно непремѣнно компаніонку. Я давно говорилъ вамъ, Аграфена Марковна: благовоспитанной дѣвушкѣ нельзя быть безъ компаніонки.»

«Когда нельзя, такъ сыщемъ, Пантелей Кондратьевичъ. А я, по простотѣ, думала, что мать самая лучшая компаніонка.»

«Оно такъ, да ты не знаешь по-французски, а практика необходима.»

«Конечно! конечно! Ты лучше знаешь.»

Во время разговора двухъ супруговъ Наташа успѣла осмотрѣть всѣ комнаты и, возвратившись, сказала: «Я думала, маменька, что ваша зала такая же, какъ у насъ, а здѣсь и двумъ кадрилямъ нельзя установиться.»

«Ничего, другъ Наташа,» сказалъ отецъ ея: «и здѣсь повеселимся. Посмотри твою комнату. Кажется, тамъ все найдешь для своего спокойствія.»

И родительская любовь, забывъ лѣта, понесла фигуру Пантелея Кондратьевича на крыльяхъ молодости, чуть ли не скорѣе, нежели хорошенькія ножки его дочки могли за нимъ слѣдовать.

Пантелей Кондратьевичъ съ Аграфеной Марковной жили въ совершенномъ согласіи и спокойствіи долгое время, и въ двадцатипятилѣтнее супружество плодомъ ихъ любви была одна только дочь, Наташа. Рожденію ея предшествовали удивительные случаи, предвозвѣщавшіе ей особенную отъ всѣхъ людей участь. Вотъ одинъ изъ нихъ. Вообразите: въ достопамятный день, въ самый часъ ея рожденія, Пантелей Кондратьевичъ, по своему обыкновенію, сидя въ кабинетѣ и уставя глаза въ потолокъ, занимался своими любимыми разсужденіями о суетѣ міра и шаткости человѣческой жизни, при-

Digitized by Google

мѣняя все это къ мудрому изрѣченію царя Соломона: суета суетъ и всяческая суета. Пантелей Кондратьевичъ любилъ пофилософствовать. Вдругъ онъ почувствовалъ нѣчто похожее на щелчокъ въ носъ. Это его такъ озадачило, что всѣ длинныя размышленія, бродившія такъ чинно и степенно въ головѣ, перекувыркнулись и произвели совершенную революцію. Вы можете себѣ представить, что́ чувствовалъ въ это время Пантелей Кондратьевичъ. Онъ, во-первыхъ, по чувству животнаго инстинкта, схватился за носъ, думая, что ужъ не лишился ли самаго нужнаго члена для наслажденія любимымъ французскимъ табакомъ, во-вторыхъ, онъ, какъ Александръ Македонскій, разрубивъ разомъ Гордіевъ узелъ всѣхъ своихъ мыслей, вошелъ въ немедленное изслѣдованіе, отчего произошелъ щелчокъ, когда въ комнатѣ никого не было, и отчего вдругъ небольшая бородавка сѣла на то самое мѣсто, гдѣ прежде ничего не было, кромѣ пріятнаго румянца. Въ это самое время горничная Аграфены Марковны, запыхавшись, вбѣжала въ комнату и громкимъ голосомъ произнесла: «Поздравляю васъ, Пантелей Кондратьевичъ! Аграфена Марковна не приказывала вамъ ничего сказывать, чтобъ вы не безпокоились. Ну, а теперь, слава Богу! Можно васъ поздравить.....»

«Съ чѣмъ? Не съ бородавкой ли? Что ты! съ-ума сошла?»

«Какъ, Пантелей Кондратьевичъ? Съ дочкой, съ дочкой! Да какая красивая!»

«Кто? моя дочка? Да развѣ Аграфена Марковна?...»

«Да, да, сударь! Ступайте скорѣе: васъ просятъ.»

И счастливый отецъ опрометью побѣжалъ изъ комнаты. Вотъ событіе, случившееся при рожденіи

Digitized by Google

Натальи Пантелеевны. Она была кумиромъ своихъ родителей. Еще въ дѣтствѣ Аграфена Марковна, любуясь дочкой, называла ее амурчикомъ; а Пантелей Кондратьевичъ, въ изліяніи чувствъ, бородавочкой!.... И рѣшились они въ супружескомъ совѣтѣ, ничего не щадить, только бы дать ей самое лучшее воспитаніе, тѣмъ болѣе, что она оказывала необыкновенныя способности ума, соединяя все это съ прекраснымъ личикомъ. Она, какъ почка розы, была хороша, развертываясь все лучше и лучше. Всѣ заглядывались на этого милаго ребенка. Наконецъ отдали ее въ самый лучшій пансіонъ, гдѣ платилось по двѣ тысячи четыреста рублей въ годъ, приговаривая, что эти деньги *непропащія*. По прошествіи пяти лѣтъ кончился курсъ. Она отличилась въ знаніи всѣхъ наукъ на публичномъ экзаменѣ и получила книгу, которую тутъ же, въ знакъ дочерней привязанности, поднесла по совѣту классной дамы madame Колеткиной, своей маменькѣ, сидѣвшей въ третьемъ ряду стульевъ. Съ нею Паташа и отправилась вмѣстѣ домой. Пантелей Кондратьевичъ не могъ быть на экзаменѣ своей дочки, потому-что не разрѣшилъ одного важнаго вопроса: сколько можетъ человѣкъ съѣсть въ сутки, не обременяя желудка. Онъ выкладывалъ это по математическимъ формуламъ и хотѣлъ опредѣлить minimum и maximum.

Наталья Пантелеевна была точно хороша. Вообразите дѣвушку въ шестнадцать лѣтъ, милое, невинное твореніе, которое, казалось, и создано было на то, чтобы своимъ взоромъ очаровать человѣка-счастливца. Наружность ея превосходитъ всякое описаніе. Это русалка Пушкина, такъ чудесно выполненная кистью художника Фонъ Моллера. Кто опишетъ эти во-

Digitized by Google

лосы, вьющіеся локонами и падающіе на лилѣйныя плеча? А эти глаза? Я никогда не видывалъ такихъ чудесныхъ глазъ; цвѣтъ ихъ нельзя опредѣлить; они ни сѣрые, ни голубые, ни черные, но имѣютъ неимовѣрный блескъ. Вы невольно обратите взоръ свой на нихъ и, какъ будто околдованные, не сведете взора съ очаровательницы. Они уничтожатъ, убьютъ васъ, и бѣдное сердце разорвется на части. Опомнитесь, да поздно. Тягостное и вмѣстѣ сладостное чувство разольется по жиламъ; вы бы, можетъ быть, и захотѣли отъ него избавиться, но, не имѣя силы, невольно влечетесь за ней, за ней, и говорите: «какіе ужасные глаза!» Всего лучше, если вы хотите вполнѣ представить себѣ Наталью Пантелеевну, совѣтуемъ вамъ, не медлите и поѣзжайте посмотрѣть Моллерову русалку, присланную сюда изъ Италіи. Это она, точь въ точь!

Но русалка, говорятъ, холодна. Ея сердце — вода. Она играетъ чувствомъ, какъ вѣтеръ волнами. Настанетъ тишь, и снова ни одна волна не возмутитъ зеркальной поверхности чистаго озера. Такъ и Наталья Пантелеевна. Пріятенъ сумракъ лѣтней ночи, когда сидитъ кто надъ рѣкой и чувствуетъ прохладу вечерняго вѣтерка, мчащаго съ собою звуки, которые настраиваютъ душу на свой гармоническій аккордъ, и когда она, окриленная, создавъ въ себѣ идею, вольно несется въ область мечтаній; тогда глаза, устремленные въ эту прозрачную глубь, гдѣ отражается цѣлый сводъ неба со всѣми своими алмазами, такъ щедро разсыпанными Всемогущею рукою, — какъ-будто хотятъ проникнуть загадку прекраснаго, такъ сильно волнующую сердце. И вдругъ, чиста и прозрачна, всплываетъ вверхъ дѣва,

Digitized by Google

разчесывая свои длинные волосы. Она поетъ. Не заслушивайтесь ея пѣсень — обманетъ! Она улыбается; не вѣрьте — насмѣхается! Она манитъ къ себѣ! Зажмурьте глаза, если не въ состояніи уйдти. Точно такая Наталья Пантелеевна! Не вѣрьте ей! Не сердце ли составляетъ истинную красоту супруги, матери? Сердце женщины, одушевляемое истиною, дѣлаетъ женщину ангеломъ, посланнымъ для счастія человѣка. Блаженъ тотъ, кто въ собственномъ семействѣ находитъ это счастіе? На что онъ его промѣняетъ? Гдѣ купитъ другое? Горе тому, кто ищетъ его въ позолоченныхъ комнатахъ и въ дѣвушкахъ, у которыхъ душа умерла подъ душныхъ корсетомъ, которыя дышатъ большимъ свѣтомъ, какъ воздухомъ, и живутъ сердцемъ въ магазинахъ да въ бальныхъ залахъ. Вмѣсто умершей души, у нихъ есть душа искусственная, на пружинкѣ. Онѣ какъ-будто и любятъ, и сильно чувствуютъ, и даже поютъ страстныя италіянскія аріи, а настоящаго, истиннаго чувства нѣтъ, какъ нѣтъ. Большой свѣтъ каждый день заводитъ пружинку, и душа начинаетъ и чувствовать, и думать, и все дѣлать, какъ настоящая. Но такія души не годятся для мирнаго, уединеннаго семейнаго круга; онѣ не въ состояніи испюлнить великой обязанности, лежащей на женщинѣ въ мірѣ нравственномъ. Кому, какъ не матери, черезъ любовь ея къ дѣтямъ, быть примѣромъ добродѣтели, посѣять въ ихъ младую душу сѣмя слова Божія, которое бы разрослось и принесло полезные плоды государю и родинѣ. Разсмотрите хорошенько цѣль женщины—и вы согласитесь. Простите за отступленіе.

Digitized by Google

II.

НЕУТѢШНАЯ ГОРЕСТЬ О ТОМЪ, ЧТО НЕЛЬЗЯ ѢХАТЬ НА БАЛЪ.

Все прекрасно въ маленькой, чистенькой комнатѣ Натальи Пантелеевны. Сколько игрушекъ! Вотъ фарфоровые попугайчики, молочница, два китайца, кивающіе головами, трюмо самое большое и самое модное, этажерка, столикъ съ разными женскими бездѣлками, на которомъ, въ почетномъ мѣстѣ на болванчикѣ, красовалась только-что привезенная изъ магазина шляпка, сюрпризъ маменькинъ!... Полдневныя лучи солнца пробивались сквозь бѣлые занавѣсы двухъ оконъ и скользили по личику Натальи Пантелеевны. Какъ хороша она въ ночномъ чепчикѣ! Сколько мыслей и чувствъ бродило въ головѣ, призывая ее къ жизни дѣйствующей отъ пріятныхъ сновидѣній, которыя, какъ рой пчелокъ, кружились около нея, и своимъ жужжаньемъ напѣвали произшествія Тысячи и одной ночи. Отъ ужаленія ихъ берегъ Амуръ съ завязанными глазами и длиннымъ опахаломъ изъ павлиньяго хвоста. Не знаю уберегъ ли вовсе? Божокъ въ пылу ревностной услуги, хотѣвъ прогнать весь рой несносныхъ насѣкомыхъ, такъ сильно махнулъ опахаломъ, что выронилъ его изъ рукъ. Этимъ временемъ воспользовалась одна изъ пчелъ, сѣла на верхнюю губку красавицы и запѣла самымъ визгливымъ жужжаньемъ: я пью съ твоихъ губокъ нектаръ любви! поправила крылья и улетѣла къ подругамъ, понесшимся цѣлымъ роемъ въ другія воздушныя области. Въ это время слѣпой сторожъ любви только-что отыскалъ опахало, и, увидѣвъ дерзкій поцѣлуй, съ досады за-

Digitized by Google

скрежеталъ зубами, разломалъ свой колчанъ и всѣми стрѣлами вдругъ пустилъ въ улетѣвшій рой. Стрѣлы запрыгали, засвистѣли, и одна изъ нихъ попала въ самую голову Натальи Пантелеевны. «Ай! ай!» закричалъ Амуръ: «моя стрѣла нечаянно попала вамъ въ голову, а не въ сердце. Вы будете любить съ этого времени головою, съ благоразуміемъ, съ разсчетомъ. Прощайте! Я лечу вслѣдъ за дерзкою пчелою!» Божокъ поцѣловалъ дѣвушку и вылетѣлъ въ окно.

Наталья Пантелеевна отъ этого пламеннаго поцѣлуя потянулась, зѣвнула и раскрыла свои чудесные глазки. Потомъ лилейной ручкой, бѣлой, какъ мраморъ, дернула за богатый, шелковый, шнурокъ, висѣвшій подлѣ ея кровати. Вошла горничная. Наталья Пантелеевна была еще въ просонкахъ; глазки ея снова закрылись, и полудугой осѣнили ихъ черныя, длинныя рѣсницы. Горничная обратилась вся во вниманіе, и безмолвно стояла, скрестя руки, дожидаясь, покуда ея барышнѣ вздумается открыть глаза. Наконецъ минута настала, и, еще разъ зѣвая, барышня мелодическимъ голосомъ произнесла протяжно, точно такъ, какъ шарманка играетъ: Чѣмъ тебя я огорчила.

«Маша, отдерни занавѣску.....»

Маша исполнила приказаніе и стала на прежнее мѣсто, въ прежнюю позицію.

Ночной чепчикъ упалъ съ головы Натальи Пантелеевны, и прекрасная, длинная коса волнами разсыпалась по плечамъ. Розовыя щечки горѣли, глаза блистали. Схвативши рукой голову, какъ-будто что вспоминая, Наташа сказала:

«Боже! Какой хаосъ я видѣла во снѣ! Увидѣвъ

Digitized by Google

сюрпризъ маменьки, шляпку, она вспомнила о балѣ у министра, и улыбнулась....., но сдѣлала такую гримаску, что горничная засмѣялась.»

«Чему ты смѣешься?»

«Тому, что изволите дразниться.»

«Дразниться? Что ты Маша! Вѣдь я теперь не въ пансіонѣ, я большая. Нужно разсуждать. Подай-ка мнѣ шляпку. Кто ее принесъ?»

«Это маменька презентъ вамъ сдѣлала потихоньку.»

«Добрая маменька!» Наташа хотѣла улыбнуться, но не могла и сдѣлала гримасу. Ей самой странно показалось, отъ чего она не можетъ теперь такъ улыбаться, какъ вчера. Нарочно улыбнувшись для пробы, она вскрикнула: ей сдѣлалось больно. «Маша! Маша! Что это у меня такое?»

Маша подбѣжала и начала разсматривать губки свой барышни. Кто бы ей не позавидовалъ!.... Но извините! не въ эту минуту.

«Ахъ барышня, сударыня!» вокликнула горничная: «вѣдь губка то у васъ распухла.»

«Неужели? Такъ мнѣ нельзя ѣхать на балъ?»

«Какъ же можно, сударыня, съ такою губкой.»

«Это ужасно Маша! Ахъ какое несчастіе! Serge будетъ тамъ, и я не могу ему отомстить. Боже!»

И слезы, какъ жемчужинки, повисли на черныхъ рѣсницахъ.... Вдругъ отворилась дверь: вошла Аграфена Марковна. «Пора! пора, Наташа, вставать; ужъ 12 часовъ. Пантелей Кондратьичъ давно ушелъ въ департаментъ.»

«Маменька! Маменька!» заливаясь слезами, вскричала Наташа. «Я не могу ѣхать на балъ, я немогу!»

Рыданія прервали слова ея.

«Отчего, Наташа?»

Digitized by Google

«Посмотрите! Посмотрите что со мною!»

«Ахъ! И въ самомъ дѣлѣ! Я тебѣ говорила: не высовывайся изъ окна. Погода такая холодная! Вотъ и простудились. Ну чтожъ дѣлать, поѣдешь въ другой разъ.»

«Въ другой разъ? Легко сказать — въ другой разъ! Да я умру нынче же, сію минуту.»

«Что ты, Наташа, Богъ съ тобой, отъ балу умирать! Лучше одѣвайся да приложи-ка теплаго молока.»

«А въ театръ можно?» спросила Наталья Пантелеевна.

«Нельзя, Наташа, нельзя. Будь умна и не капризничай.»

«Когда я такъ больна, не выйду изъ комнаты, не хочу одѣваться! И для чего? Я не могу никуда показаться, и изъ-за губы! Какъ я несчастна!»

И она опять заплакала.

«По-крайней-мѣрѣ хоть Богу то помолись. Надѣнь капотъ и сиди.....»

«Помилуйте, маменька! Я буду цѣлый день лежать, не хочу вставать, не хочу сидѣть съ такою гадкою губой! Нѣтъ я умру! Умру!....»

Она заплакала еще сильнѣе.

Ни увѣщанія, ни просьбы Аграфены Марковны не могли подѣйствовать на дочку; не уняли ея горя, не заставили ее одѣться. Она хотѣла умереть, и потому не пила чаю и не ѣла пирожковъ, которыя такъ любила въ пансіонѣ, куда ей присылала маменька. Наконецъ терпѣніе Аграфены Марковны лопнуло, и она, принявъ на себя важный видъ, сказала: «Если вы теперь не одѣнетесь, то никогда, сударыня, не поѣдете на балъ.»

Digitized by Google

«Такъ что жъ, я умру нынче, а тамъ мнѣ какое дѣло!»

Такая рѣшимость тронула маменьку, и она опять начала ее уговаривать и обѣщала непремѣнно купить обновокъ и свезти на лучшій балъ; но не успѣвши въ этомъ, съ горестію въ сердцѣ вышла, думая: неужели ея милая дочка умретъ отъ бала.

Прошло два часа. Наталья Пантелеевна оставалась въ томъ же положеніи, и къ довершенію ея несчастія глаза покраснѣли отъ слезъ. Она лежала на своей кровати, а Маша стояла въ той же позиціи, сложа руки.

Прошелъ еще часъ. Пантелей Кондратьевичъ возвратился изъ департамента и, узнавши о произшествіи, поспѣшилъ самъ, своей персоной, къ дочкѣ и, постучавшись въ дверь, спросилъ. «Что, Наташа, могу ли я войти къ тебѣ?»

«Нельзя, папенька, нельзя!» послышался голосъ Натальи Пантелеевны.

«Отчего же, другъ? Вѣдь я отецъ.....»

«Нельзя, папенька, говорю вамъ; я очень больна.» И голосъ замолкъ. Сколько ни стучался Пантелей Кондратьевичъ, дверь не отворялась. Съ нахмуреннымъ челомъ возвратился онъ, думая: отчего отецъ не можетъ войти въ комнату своей дочери. Или такъ дѣлается въ свѣтѣ? Пора ей компаніонку! Это главное, промолвилъ онъ про–себя и наткнулся на Аграфену Марковну. «Ахъ! Извините.»

«Помилуйте, Пантелей Кондратьевичъ, развѣ вы не видите.»

«Не видалъ–съ, Аграфена Марковна.»

«А Наташу видѣли?

«Не видалъ–съ, Аграфена Марковна.»

Digitized by Google

«Вотъ то-то и есть! Гдѣ же умъ-то вашъ?»

«Нельзя входить къ ней. Приличіе не позволяетъ.»

«Что жъ вы думаете дѣлать съ ней?»

«Компаніонку надобно, Аграфена Марковна. Я вамъ говорилъ.»

И Пантелей Кондратьевичъ опять зафилософствовалъ, входя въ свой кабинетъ.

=

III.

БАЛЪ.

Пестрѣли разнообразныя толпы въ ярко-освѣщенныхъ комнатахъ. Былъ балъ у князя Никитинскаго. Лакеи суетились, разнося чай. Кавалеры попарно расхаживали, со шляпами въ рукахъ, поправляя свои волосы и бѣлыя перчатки, и принявъ на себя рѣшительно Байроновскую, гордую походку и физіономію. У каждаго можно было прочитать на лицѣ: подождите, покажемъ себя! На всѣхъ лицахъ этихъ львовъ, мелькала улыбка, нѣтъ не улыбка, а насмѣшка на все, на что они обращали милостивое свое вниманіе. Наталья Пантелеевна съ любопытствомъ и наслажденіемъ смотрѣла на этихъ львовъ и выбирала изъ нихъ лучшаго, чтобы привязать къ своей колесницѣ цвѣточною цѣпью. Машина бала начала приходить въ движеніе. Ритурнель французскаго кадриля проигранъ музыкантами. Ноги зашевелились

Digitized by Google

скорѣе, шарканье раздалось по залѣ, приглашенія на танецъ послышались отвсюду разными голосами. Стали по мѣстамъ. Львы заняли самыя почетныя мѣста; къ нимъ примѣшались нѣсколько телятъ, онагровъ и завитыхъ барашковъ, воображающихъ себя львами.

Музыка заиграла; танецъ начался. Въ это самое время, когда всѣ внимательно были заняты передвиганьемъ ногъ, и когда каждый танцующій былъ увѣренъ, что онъ съ перваго шага всѣхъ обворожилъ своею граціозностью, двери отворились, и показалась высокая фигура господина Тузиловскаго, а за нимъ его дочка, Наталья Пантелеевна, дергающая своего родителя за фалду. «Погодите, папа, вы сзади меня идите.»

«Ахъ, Наташа, я и забылъ!» сказалъ чадолюбивый батюшка, опять юркнувши въ переднюю, и затворилъ двери. Эта сцена не была никѣмъ замѣчена; только тамъ, къ сторонѣ, одинъ барашекъ, стоя невинно возлѣ своей дамы, вертѣлъ во всѣ стороны свою кудрявую головку, придумывая фразу, съ которой бы начать разговоръ, и, по долгомъ размышленіи, только-что хотѣлъ обратить свои бараньи глаза къ своей дамѣ, какъ его взоръ упалъ на высунувшуюся и опять спрятавшуюся фигуру господина Тузиловскаго, и на бѣлую, чудную, ручку, держащую его фалду. Онъ покраснѣлъ, смѣшался; мысли его слились въ одну, о хорошенькой ручкѣ. Вдругъ слова: «Вы задумались, вамъ начинать,» столкнули его съ седьмаго неба.

«Виноватъ—съ! Прекрасная ручка!.....» сказалъ онъ въ торопяхъ. Дама вспыхнула, кинула грозный взглядъ и улыбнулась самодовольно.

Digitized by Google

Двери снова отворились, и ловко, мило, эфирно явилась Наталья Пантелеевна въ залу. Невольно, по какому-то инстинкту, львы обратили на нее свои взоры и въ глубокомъ умѣ рѣшили сдѣлать ее царицей бала.

Кто это? кто такая? зашептали во всѣхъ углахъ залы. Это, одни говорили, княжна N, другіе, что Московитянка, пріѣхавшая сюда затмить своею красотою петербургскихъ красавицъ. Одинъ только въ залѣ барашекъ жужжалъ встрѣчному и поперечному, что это его знакомые, чуть-чуть не родня его, Наталья Пантелеевна Тузиловская, длинный старикъ ея батюшка, а незамѣтная еще третья фигура, явившаяся вмѣстѣ съ ними и получавшая свѣтъ отъ своего свѣтила т. е. Натальи Пантелеевны, была компаніонка. M-lle Тузиловская! Эта вѣсть молніей пронеслась вездѣ и прожгла крѣпколобые черепа сильныхъ животныхъ.

«M-lle Тузиловская, M-lle Тузиловская? Comme elle est charmante!» говорили дамы, глядя лукаво на львовъ.

«Oui, elle est jolie,» небрежно отвѣчали львы.

Кадриль кончилась. Музыка заиграла вальсъ. Всѣ снова зашевелились; пары вихремъ помчались, скользя по паркету. Кто не кружился въ вихрѣ твоемъ? Кого не сводилъ съ ума вальсъ? Даже одинъ хромой, изъ моихъ знакомцевъ, страстный любитель вальса. Это волшебникъ танецъ изъ всѣхъ давнопрошедшихъ и будущихъ танцевъ. И на этомъ балѣ онъ также свелъ съ ума многихъ, даже тѣхъ, которые только-что имѣли претензію на умъ. Смотрите! Вотъ пронеслась пара. Это князь Хлыстинскій, давнишній левъ, танцуетъ съ новой царицею бала, Натальей Пантелеевной. Какъ легко несутся они. Уловите одно спокойное

Digitized by Google

мгновеніе въ этомъ быстромъ кругообращеніи. У Натальи Пантелеевны сильно бьется сердце отъ быстраго движенія и отъ удовольствія. Вотъ остановились. Князь оставляетъ свою даму и, любуясь своею ловкостью, закинувъ голову, гордо идетъ между танцующими, и подошедши къ камину, облокотился на мраморную досчечку, приставилъ къ глазу лорнетъ, принялъ на себя то, вѣчно насмѣшливое, положеніе, отъ котораго по милости вальса былъ избавленъ. Вслѣдъ за нимъ поклонники окружили Наталью Пантелеевну. Хлыстинскій поставилъ ее на пьедесталъ царицы, и вся толпа прочихъ львовъ поклонялась ей, какъ богинѣ. И по вѣчному, богинямъ свойственному, дару, она умѣла воспользоваться своимъ торжествомъ. Ловко отвѣчала на всѣ предлагаемые вопросы, дарила всѣхъ равно тою кокетливою, очаровательной улыбкой, которая такъ извѣстна всѣмъ дамамъ, если они попадаютъ въ царицы праздника!..... Она была прекрасна. Кто бы могъ узнать въ этомъ очаровательномъ существѣ ту самую Наталью Пантелеевну въ своей комнаткѣ? Это другая, вновь перерожденная Наталья Пантелеевна. Serge былъ также на балѣ, и съ беззаботливой, самодовольной улыбкой смотрѣлъ на успѣхи давнознакомой пансіонерки, вспоминая, что madame Колеткина не даромъ пророчила, что она сдѣлаетъ свой карьеръ. И, не смѣя приблизиться, не будучи львомъ, онъ издали любовался Натальей Пантелеевной, и очень жалѣлъ, что у него только одна душа, а не десять тысячъ; что онъ родился просто Прытковымъ, безъ всякаго сіяющаго титула. Какъ все на свѣтѣ львамъ надоѣдаетъ, то они дали наконецъ дорогу и прочимъ искате-

Digitized by Google

лямъ счастья и любителямъ хорошенькихъ глазокъ. Вотъ потянулись вереницей всѣ классы, по старшинству, на поклоненіе богинѣ. Здѣсь были молодые львенки, рогатые олени, буйволы, быки и барашки. Нестройнымъ хоромъ разныхъ голосовъ пропѣли они привѣтный гимнъ красавицѣ и поднесли въ подарокъ по комплименту, родившемуся въ головѣ при возрѣніи на прекрасное произведеніе природы, Наталью Пантелеевну. Между ними явился и Serge. Но въ какомъ классѣ? Увы! Какъ далеко отъ львинаго! Взглянувши на него, она его едва замѣтила: комплиментъ его былъ написанъ на водѣ для Натальи Пантелеевны. Она рѣшилась ему отомстить, вспомнивъ, что онъ, не взглянувши, проѣхалъ мимо ея кареты. «Наталья Пантелеевна, вы, кажется, меня не узнали?» спросилъ Serge.Наталья Пантелеевна повернула головку, улыбнулась съ видомъ сожалѣнія и сказала: «Ah! monsieur Serge, vous êtes ici?»

«Permettez moi de vous engager.»

«Je suis engagée.»

«Какъ? Но вы мнѣ обѣщали еще въ пансіонѣ танцовать со мной мазурку.»

«О!.. не помню, monsieur Serge.» И, обратившись къ близъстоявшему льву, сказала такъ скромно. такъ очаровательно, какъ-будто канареечка пропѣла: «Я вамъ дала слово танцовать?»

«Очень помню; но вы были такъ заняты; я боялся помѣшать, можетъ-быть, воспоминаніямъ...»

«О! нѣтъ.... раза два его видѣла, и то когда была въ пансіонѣ, а это давно.»

«Онъ васъ такъ убѣдительно просилъ.»

«Съ нимъ танцовать довольно скучно; онъ такъ...»

Digitized by Google

«Скученъ, хотите сказать. Да, я это замѣтилъ. Его физіономія довольно грустная.»

Наталья Пантелеевна потупила свои глазки и улыбнулась. Въ это самое время Пантелей Кондратьевичъ вышелъ изъ-за карточнаго стола, чтобы посмотрѣть на свою ненаглядную Наташу. Родительское сердце забилось, и онъ не могъ выдержать, чтобъ не подойти и не сказать. «Какъ ты хороша, моя бородавочка! Веселись, дружокъ, веселись!..» Лицо Натальи Пантелеевны вдругъ перемѣнилось, глаза ея сверкнули; она взглянула на отца, какъ будто спрашивая: Что вы? съ ума сошли: при обществѣ? Пантелей Кондратьевичъ смѣшался и проговорилъ: «Да, да Наташа, ну чтожъ дѣлать! забылъ; а видѣла ли ты Аполлона Андреевича? Вѣдь онъ здѣсь, да все въ уголкѣ стоитъ.»

«Нѣтъ-съ, я здѣсь,» отвѣчалъ сладенькій голосокъ, выставляя на показъ свою фигуру, принадлежащую къ послѣднему разряду. «Я первый замѣтилъ, какъ вы пріѣхали, и хотѣлъ васъ было ангажировать, да поздно.....»

«Намъ начинать,» сказалъ левъ.

И они понеслись по паркету.

«Это вашъ батюшка, кажется?»

«Да!» отвѣчала со вздохомъ Наталья Пантелеевна.

Послѣдній туръ кончился; всѣ раскланялись и, расходясь, уносили съ собой впечатлѣнія, полученныя въ мазуркѣ. Наталья Пантелеевна была полна воспоминаній, надеждъ на чудесную будущность, забыла Serge и не примѣтила тоскливыхъ вздоховъ молодаго человѣка, прежде всѣхъ замѣтившаго ея пріѣздъ. Зала пустѣла. Гости разъѣзжались, и Наталья Пантелеевна съ своимъ батюшкой и молодымъ человѣкомъ, ихъ провожавшимъ, вышла. Тотъ же лакей

Digitized by Google

съ галунами, въ лѣтней шинели, подалъ салопъ. Лакею изъ всѣхъ силъ помогалъ молодой человѣкъ, показывая свое усердіе и безнадежную любовь къ Натальѣ Пантелеевнѣ. Да, онъ любилъ отъ всего сердца, по простотѣ барановъ, къ разряду которыхъ львы его причислили. Его фамилія Ягненковъ. Не правда ли, какая невинная фамилія? Она рѣшительно соотвѣтствовала его характеру. Они вышли къ подъѣзду. Ягненковъ ихъ всѣхъ усадилъ, и, прощаясь, жалобно сказалъ: «До свиданія, Пантелей Кондратьевичъ.»

«Милости просимъ ко мнѣ, Аполлонъ Андреевичъ; у насъ вечера по вторникамъ.»

«Непремѣнно, непремѣнно, Пантелей Кондратьевичъ.»

«Отъѣзжай!» раздался голосъ жандарма, и еще Ягненковъ не успѣлъ раскланяться, какъ четвероместная карета потащилась къ Васильевскому Острову.

«За чѣмъ вамъ было звать Ягненкова?» спросила, въ каретѣ, Наташа своего батюшку.

«Помилуй, Наташа, какая ты гордая: онъ добрый человѣкъ, я зналъ его отца; вмѣстѣ служили.»

«Мало ли кого вы знали; всѣхъ и приглашать! Вотъ бы пригласить князя Хлыстинскаго, а вы не сказали съ нимъ и слова.»

«Наташа, да онъ къ намъ не поѣдетъ.»

«Какъ не поѣдетъ? Онъ такъ со мною былъ любезенъ. Папенька, непремѣнно попросите его.»

«Ну, ну, нечего дѣлать, попрошу.»

«Только вы задайте хорошенькій балъ. Вѣдь нельзя его попросить на наши вечера. Не правда ли, madame Фришткъ?» «Vous avez raison, Natalie,» отвѣчала madame, вынимая изъ платка яблоко. Карета дотащилась

Digitized by Google

до мѣста, и мы опять въ комнаткѣ Натальи Пантелеевны. Какія мягкія, эластическія кресла, диванъ! Кажется, какъ сядешь, такъ и утонешь. Наталья Пантелеевна задумчиво стоитъ у большаго трюмо; ея глазки упиваются своею красотою; она сложила ручки, посмотрѣлась въ зеркало внимательно, и, бросившись въ кресла, сказала: «Маша, я хороша была сегодня. Ты не замѣчаешь?»

«Помилуйте, сударыня; вы такъ всегда хороши, что если бъ я была на мѣстѣ этихъ мужчинъ, давно бы за васъ посваталась.»

«Ты думаешь? Но не для всѣхъ моя рука. Ахъ! этотъ князь — настоящій левъ. Какъ онъ хорошъ!»

«Развѣ вы видѣли льва, сударыня? Вотъ чудеса! Говорятъ, онъ очень страшенъ. Въ клѣткѣ, что ли, его показывали?»

«Нѣтъ, Маша, нѣтъ! ты не понимаешь. Левъ значитъ по-французски человѣкъ хорошаго тона, красавецъ.»

«Такъ и нашего смазливаго Андрюшку можно по этому назвать львомъ? Ну, диковинки!»

«Посмотри, Маша,» сказала, вскочивъ, Наталья Пантелеевна: «какая у меня талія? Чудо! Мнѣ это сказалъ князь.» И сдѣлала пируэтъ передъ зеркаломъ, потомъ сѣла на диванъ, утонула въ немъ, закрыла руками глаза, и тихо сказала: «Раздѣвай, Маша..... Нѣтъ погоди. Или пора..... Да, пора!» Вотъ, взглянула въ зеркало и улыбнулась. Глаза все еще горѣли чуднымъ огнемъ, но мало-по-малу блескъ ихъ тухнулъ; они уставали, слипались. «Ну, Маша, какая ты неловкая! Скорѣе! Я спать хочу.» Наконецъ она легла, уснула, и сновидѣнія начали свиваться и развиваться гирляндами, какъ затѣйливые

Digitized by Google

арабески, въ которыхъ рисовались, въ фантастическихъ образахъ, лица и происшествія бала.

=

IV.

НЕСЧАСТНАЯ ЛЮБОВЬ АПОЛЛОНА АНДРЕЕВИЧА.

Какъ хорошо Наталья Пантелеевна играла на фортепіано. Лишь только проснется, такъ и бѣжитъ къ своему инструменту. Такое пристрастіе происходитъ не отъ любви къ музыкѣ, а отъ воспоминанія, съ кѣмъ Наталья Пантелеевна танцовала какой танецъ. Вы можете себѣ представить, какъ играла всѣ танцы Наталья Пантелеевна. Не даромъ Аграфена Марковна говорила, что ея дочка — большая музыкантша, и всѣ играетъ кадрили. Одинъ разъ, когда она занималась музыкой, Аполлонъ Андреевичъ потихоньку вошелъ въ комнату и сталъ позади ея. Вотъ, Наталья Пантелеевна играла, играла, и, оглянувшись, увидѣла стоявшую фигуру, какъ-будто изваянную изъ мрамора.

«Ахъ! Аполлонъ Андреевичъ!....»

«Наталья Пантелеевна, извините, простите! Вы такъ чудесно играете, что, право, невозможно не очароваться.» Говоря это, Аполлонъ Андреевичъ краснѣлъ и потуплялъ глаза въ землю.

Digitized by Google

«Неужели? Впрочемъ, я, такъ, шалила.»

«Наталья Пантелеевна, у васъ будетъ вечеръ?»

«Да-съ.»

«И много будетъ?»

«Очень.»

«Позвольте васъ заранѣе ангажировать на мазурку.»

«Извините, я дала слово.»

«Такъ на слѣдующій вечеръ.»

«Тоже.»

«И такъ на два цѣлыхъ вечера!» съ горестію воскликнулъ Аполлонъ Андреевичъ. «Наталья Пантелеевна, хотя на первый française.»

«На пятый, если угодно.»

«Нельзя ли хоть на второй; а то долго ждать.»

«Извольте.»

И вспорхнувши, она птичкой улетѣла изъ комнаты, оставя одного Аполлона Андреевича. Долго стоялъ онъ въ глубокомъ раздумьи; тяжелыя мысли витали въ головѣ и налагали камень на сердце, которое билось, страдало невыносимо. Долго онъ смотрѣлъ въ задумчивости на пустое мѣсто, гдѣ сидѣла его очаровательница, и наконецъ про-себя воскликнулъ: «нѣтъ, не могу, не смѣю терпѣть: цѣлыя ночи провожу безъ сна, похудѣлъ. Нужно объясниться, однимъ разомъ все кончить.....» Повернувшись, онъ хотѣлъ сдѣлать шагъ и увидѣлъ Аграфену Марковну.

«Здравствуйте, Аполлонъ Андреевичъ! Что вы говорите одни? Ужъ не сочиняете ли что?»

«Да-съ, Аграфена Марковна; немного сочиняю,» смѣшавшись, говорилъ Аполлонъ Андреевичъ, подходя къ рукѣ.

«Оттого-то вы и похудѣли.»

Digitized by Google

«Кто? я? Нѣтъ-съ, Аграфена Марковна. Я все такой же.»

«Вѣдь блѣдность, говорятъ, къ лицу.»

«Неужели? Такъ я похудѣлъ немного, вы говорите?»

«Да. А видѣли ли вы Наташу?»

«Какъ же-съ; она такъ хорошо играетъ!»

«Нечего сказать, мастерица; все со слуха. Что ни услышитъ на балѣ, сейчасъ все и играетъ.»

«Это — истинное дарованіе!»

«Не даромъ же, Аполлонъ Андреевичъ, деньги-то платили. Наташа, Наташа! Поди сюда: Аполлонъ Андреевичъ здѣсь,» сказала она, увидя въ залѣ прохаживавшуюся Наташу.

«Оставьте меня, маменька, въ покоѣ,» изъ залы закричала Наташа.

«Что съ тобою? Можно ли такъ отвѣчать матери, да еще и при гостяхъ? Вѣдь она еще ребенокъ, Аполлонъ Андреевичъ; такая невинная. Что вздумается, то и скажетъ; не знаетъ, какъ въ свѣтѣ жить.»

«Да-съ, Аграфена Марковна; она настоящее дитя. Это такъ къ ней идетъ.»

«Помилуйте, Аполлонъ Андреевичъ! Какъ идетъ! Все-таки нужно сперва подумать, а потомъ сказать.»

«Конечно-съ, конечно-съ; но развѣ Наталья Пантелеевна не любитъ думать?»

«Да еще молода: все на-отрѣзъ.»

Въ это время Наталья Пантелеевна вошла въ комнату. Глаза ея сверкали, щеки горѣли, брови были нахмурены; головка, эта прекрасная головка, съ вьющимися локонами, была немного закинута назадъ. Наташа была прекрасна, и явилась какъ-будто богиней войны. Она взглянула... и кто устоялъ

Digitized by Google

бы противъ этого побѣдоноснаго взора!... Она взглянула, и Аграфена Марковна опустила руки, и съ материнскою нѣжностію, съ покорнымъ видомъ, смотрѣла на свою грозную дочку. А Аполлонъ Андреевичъ?..... Какъ сказать вамъ, что̀ сдѣлалось съ нимъ? Онъ..... онъ уничтожился, сдѣлался ничѣмъ. Вы никогда не испытывали чувства дѣлаться ничѣмъ? Довольно странное, но вмѣстѣ и удивительное чувство. Вы ходите, говорите, пишете, читаете и разсуждаете,— какъ вдругъ входитъ человѣкъ — положимъ, что Наталья Пантелеевна, — и при Натальѣ Пантелеевнѣ съ вами дѣлается совершенная перемѣна: вы не можете ни ходить, ни говорить, а главное — разсуждать. Бѣда, если вы захотите переломить себя; лучше оставайтесь ничѣмъ до удобнаго случая, а не то вы надѣлаете вздоръ. Такъ случилось и съ Аполлономъ Андреевичемъ: онъ вдругъ вздумалъ изъ ничего сдѣлаться чѣмъ-нибудь, и надулся. Вотъ дулся, дулся, а Наталья Пантелеевна на него смотрѣла, смотрѣла грозно своими глазками, какъ-будто спрашивая: какъ вы смѣли обо мнѣ разсуждать?

«Что̀ съ вами, Аполлонъ Андреевичъ?» спросила Аграфена Марковна, обрадовавшись, что можетъ отдѣлаться отъ взоровъ своей дочки.

«Чихнулъ, Аграфена Марковна,» сказалъ Аполлонъ Андреевичъ, утирая платкомъ слезы, капавшія изъ глазъ. Онъ не чихнулъ, а зарыдалъ. Глаза Натальи Пантелеевны свершили побѣду, и на вѣкъ приковали сердце Ягненкова къ побѣдной колесницѣ жестокой красавицы, у которой сердце въ головѣ, а не въ груди. Наталья Пантелеевна, обернувшись къ нему съ усмѣшкой, похожей на презрѣніе, сказала:

«Monsieur Ягненковъ, вы смѣшны!...»

Digitized by Google

Онъ онѣмѣлъ, онъ разрушился. Онъ залитъ былъ какимъ-то холоднымъ, ужаснымъ чувствомъ, оскорбившимъ глубоко его душу. Онъ радъ бы былъ избавиться отъ него, вступить въ борьбу; но онъ былъ ничѣмъ: собственное самолюбіе, достоинство, и все, что̀ было въ немъ, исчезло, превратилось въ паръ. Онъ молчалъ, и вздохнулъ. И этотъ вздохъ, сильный, ужасный, способный разжалобить ледяное сердце, не былъ замѣченъ Натальей Пантелеевной. Но его замѣтила Аграфена Марковна, и съ горестію, съ участіемъ добраго сердца, сказала: «Вы нездоровы, Аполлонъ Андреевичъ?»

«Очень, очень!» чуть переводя дыханіе, проговорилъ Аполлонъ Андреевичъ. «Прощайте, Аграфена Марковна,» продолжалъ онъ, взявъ шляпу.

«Куда вы? Пожалуйста, останьтесь у насъ обѣдать. Вотъ и Пантелей Кондратьевичъ.»

«Здравствуй, Наташа. А! Аполлонъ Андреевичъ! спасибо, дружище: навѣстилъ. Что̀ жъ ты, Наташа, не подходишь къ отцу. Вѣдь ты меня еще не видала.»

«Bon jour, papa.»

«Все нужно сказать: сама никогда не догадается. А что̀ Аполонъ Андреевичъ? Какъ ни говори, а вспомнишь старину: бывало, отецъ радуется увидя дочь, а дочь такъ и бѣжитъ на встрѣчу. А теперь какъ-будто все дѣлается не отъ души. Что̀ за любовь по приказу?»

«Конечно, нынче дочери не вѣшаются отцамъ на шею?» сказала, потупивъ глазки, Наталья Пантелеевна. «Любовь чувствуется, а не выказывается.»

«Что̀ чувствуешь, то невольно выказываешь,» сказалъ Пантелей Кондратьевичъ: «ты въ этомъ меня не увѣришь.»

Digitized by Google

Наталья Пантелеевна замолчала и, обернувшись, сквозь зубы произнесла про-себя: «Вотъ еще! выказывать чувства!.....»

Пантелей Кондратьевичъ не слыхалъ, что сказала его дочка; только вздохнулъ и покачалъ головою. Ему хотѣлось имѣть дочь, а онъ имѣлъ куклу. Накрыли на столъ. Наталья Пантелеевна ничего не говорила и ничего не ѣла; только грызла карандашъ, не смотря на увѣщанія маменьки, что это нездорово, и говорила, что она еще въ пансіонѣ къ этому привыкла; что не бѣда если она и умретъ, лишь бы только князь былъ на похоронахъ. Сцена была довольно незанимательна. Пантелей Кондратьевичъ преспокойно кушалъ, Аполлонъ Андреевичъ, устремивъ взоры на тарелку, не смѣлъ ихъ поднять, боясь встрѣтиться съ жестокосердою, которая напротивъ его сидѣла. Мадамъ Фриштикъ акомпанировала Пантелею Кондратьевичу; Аграфена Марковна односложными словами отдавала приказанія. Только вольный взоръ Натальи Пантелеевны блуждалъ повсюду, какъ-будто хотѣлъ сыскать для себя пищу, растерзать ее, насмѣяться и бросить; но никого не было, на комъ бы онъ могъ показать власть; Наташа устремила его въ стѣну. Въ эту самую минуту человѣкъ сказалъ: «Сергѣй Николаевичъ Прытковъ. Прикажете принять?»

«Кто такой?» спросилъ Пантелей Кондратьевичъ.

«Serge, papa, Serge..... Ступай, зови.»

«Помилуй, Наташа, не ловко во время обѣда....»

«Молчите, папенька, ничего.....»

Пантелей Кондратьевичъ не успѣлъ начать возраженія, какъ Сергѣй Николаевичъ Прытковъ, кавалерійскій офицеръ, вошелъ въ комнату, ловко расшаркался, брякнулъ саблею, зазвенѣлъ шпорами и, взяв-

Digitized by Google

ши стулъ, помѣстился между Пантелеемъ Кондратьевичемъ и Натальей Пантелеевной.

«Не прикажете ли съ нами откушать, Сергѣй Николаевичъ?» сказалъ Пантелей Кондратьевичъ.

«Покорно благодарю; я еще поѣду обѣдать къ князю Хлыстинскому; онъ меня звалъ: мы такъ хороши.»

Солгалъ, потому-что князь Хлыстинскій левъ, а Прытковъ изъ разряда барашковъ въ львиной шкурѣ.

«Вы хороши съ княземъ?» спросилъ Пантелей Кондратьевичъ. «Онъ родня министру?»

«Да,» отвѣчалъ Сергѣй Николаевичъ, играя лорнеткой, и, обратившись къ Натальѣ Пантелеевнѣ, сказалъ: «конечно, вы будете въ собраніи послѣзавтра: тамъ будетъ играть оркестръ Германа.»

«Послѣзавтра собраніе?» сказала Наталья Пантелеевна, и глазки ея радостно заблистали.

«Да, весь beau monde тамъ будетъ.»

«Непремѣнно, непремѣнно буду.»

«Наташа, въ чемъ же поѣдешь? У тебя платья нѣтъ, ты совсѣмъ не приготовлялась,» замѣтила Аграфена Марковна.

«Что вы говорите, maman!»

Обратившись къ ней, она тихо продолжала: «Пожалуйста, молчите или вслушивайтесь въ разговоры. Что объ насъ скажутъ въ большомъ свѣтѣ?»

Маменька вспыхнула, закусила губы и промолчала, а дочка снова, какъ-будто ни въ чемъ не бывала, обративъ умильно-невинный взглядъ на Прыткова, спросила: давно ли былъ онъ у Хлыстинскихъ и видалъ ли Annette, Marie, Завяловыхъ, Barbe Котову и Sophie Закамскую, — ея подругъ, вмѣстѣ вышедшихъ изъ пансіона.

Digitized by Google

«Вы себѣ представить не можете, Наталья Пантелеевна, сколько я имѣю знакомыхъ, особливо въ аристократическомъ кругу. Встрѣчаешь столько лицъ, что всѣхъ и не упомнишь.»

«Такъ неужели вы не знаете Sophie Закамскую? Она кузина Хлыстинскаго и внучка министра.»

«Ахъ, виноватъ: Sophie... да, да, она выходитъ замужъ и дѣлаетъ блестящую партію.»

«Неужели? Sophie? Не можетъ быть: она была всегда ниже меня.»

«Могу васъ увѣрить, что это правда.»

«За кого она выходитъ?»

«За флигель-адъютанта, богача.»

«За флигель-адъютанта и богача? Вотъ счастіе! А все оттого, что она жила въ большомъ свѣтѣ, а не сидѣла, какъ я.....»

«Что жъ дѣлать, Наташа? Всякому свое; что жъ дѣлать, что отецъ твой не такъ богатъ и знатенъ? За то ты можешь смѣло сказать, что ты дочь честнаго человѣка.»

«Большая выгода отъ чести,» сказала въ-полголоса Наташа и, обратившись опять къ Прыткову, спросила: много ли онъ танцуетъ?

«Очень много, даже мнѣ нѣкоторымъ образомъ наскучило безпрестанно ѣздить въ большіе дома; но нельзя: имѣя такое родство, связи.....»

Бѣдный Аполлонъ Андреевичъ еще болѣе уничтожился въ самомъ себѣ, слыша самохвальство Прыткова и видя умильные на него взгляды Натальи Пантелеевны. Онъ проклиналъ себя, свою неловкость, и завидовалъ каждому движенію, каждому слову своего соперника. Наконецъ Сергѣй Николаевичъ всталъ и, пригласивъ Пантелея Кондратьевича съ

Digitized by Google

семействомъ къ своей теткѣ, помѣщицѣ Саратовской Губерніи, Оплеухиной, пріѣхавшей недавно въ Петербургъ, у которой, по словамъ Прыткова, стекается все лучшее петербургское общество, — вышелъ, брянча шпорами, изъ комнаты. Пантелей Кондратьевичъ повѣрилъ отъ души; Наталья Пантелеевна съ восторгомъ приняла приглашеніе; Аграфена Марковна также была въ восхищеніи, что ея дочка будетъ на такомъ прекрасномъ вечерѣ. Только Аполлонъ Андреевичъ, удивлявшійся всему, что говорилъ Прытковъ, здѣсь усомнился, размышляя, что какъ же высшее общество, составляющее цвѣтъ Россіи, стекается у дамы съ такою несчастною фамиліею.

Встали изъ-за стола. Пантелей Кондратьевичъ пошелъ спать; Аграфена Марковна ушла въ спальню, а Наташа къ фортепіано. За ней невольно повлекся и Аполлонъ Андреевичъ. Долго онъ думалъ, съ какого слова начать разговоръ; переминался съ ноги на ногу и, не имѣя силъ терпѣть, воскликнулъ: «Наталья Пантелеевна!» Она не отвѣчала: такъ была занята игрою на фортепіано, разыгрывая Штрауса вальсъ по слуху.

«Наталья Пантелеевна!» еще громче сказалъ Аполлонъ Андреевичъ.

«Что вы кричите? Что вамъ нужно?»

«Извините, я хотѣлъ спросить: вы поѣдете къ теткѣ Прыткова?»

«Да, поѣду. А вамъ для чего знать?»

«Знаете ли, что? Я не знаю самъ, что со мной дѣлается; но мнѣ что-то страшно..... Не ѣздите туда, Наталья Пантелеевна.»

Digitized by Google

«Что такое? Вы забываетесь. Мнѣ не нужны ваши совѣты.»

«Это просьба.»

«Довольно глупая.»

«Богъ вамъ судья, Наталья Пантелеевна: вы растерзали это бѣдное сердце, а оно васъ любитъ.... и какъ любитъ!... Охъ, Боже!..... »

«Я этого терпѣть не могу; плѣняйте горничныхъ да кухарокъ.»

И, вставши, Наташа хлопнула дверью, и скрылась отъ изумленнаго юноши.

Что чувствовалъ онъ? Поставьте себя на его мѣсто. Нѣтъ, никому не предлагаемъ этого мѣста.

=

V.

ПОѢЗДКА НА ВЕЧЕРЪ, ГДѢ СТЕКАЕТСЯ ЛУЧШЕЕ ОБЩЕСТВО.

Возокъ тащился съ Васильевскаго Острова въ Коломну и наконецъ остановился у каменнаго, двухъэтажнаго дома, гдѣ въ нижнемъ этажѣ красовалась большая вывѣска мелочной лавки, освѣщаемая свѣтомъ фонаря, а возлѣ лавочки подъѣздъ и лѣстница во второй этажъ. Половина его, состоявшая изъ пяти оконъ, была освѣщена, а на лѣстницѣ стояли четыре плошки. Снѣгъ захрустѣлъ подъ тяжестію возка, и тотъ же лакей, въ лѣтней

Digitized by Google

шинели съ галунами, отперъ дверцы и выпустилъ двухъ дамъ, а за ними потащилась длинная фигура Пантелея Кондратьевича и вошла въ маленькую переднюю, наваленную шубами и спящими лакеями. Тутъ же помѣщался и оркестръ, составленный изъ двухъ скрипокъ, кларнета и контрбаса, который игралъ собственно для себя, ни мало не заботясь о прочихъ инструментахъ, и отставъ отъ нихъ на полтора такта.

И здѣсь, какъ и тогда, Пантелей Кондратьевичъ, позабывъ, что его дочкѣ нужно было войти первой, самъ, своею особою, направилъ шаги впередъ и уже отворилъ дверь въ залу, какъ былъ удержанъ за фалду фрака хорошенькой ручкой. Онъ опомнился и, ставъ сзади всѣхъ, на свое мѣсто, вошелъ въ залу, замыкая шествіе. При появленіи ихъ шопотъ любопытства и удивленія распространился повсюду. Сергѣй Николаевичъ, какъ хозяинъ, первый ихъ встрѣтилъ и повелъ рекомендовать своей тетушкѣ, Настасьѣ Павловнѣ, которая ихъ встрѣтила въ дверяхъ гостиной.

«Очень рада съ вами познакомиться: я такъ много слышала отъ моего племянника,» сказала Настасья Павловна, кусая губы и поправляя волосы.

«Мнѣ самой пріятно,» произнесла сладкимъ голосомъ Наталья Пантелеевна.

«И мнѣ также,» сказалъ Пантелей Кондратьевичъ; «я такъ обязанъ Сергѣю Николаевичу, что онъ познакомилъ насъ.»

«Весьма рада, Пантелей Кондратьевичъ!» сказала тетушка.

Оркестръ изъ двухъ скрипокъ, кларнета и контрбаса заигралъ вальсъ. Пантелею Кондратьевичу по-

Digitized by Google

дали карточку и усадили за вистъ; а Сергѣй Николаевичъ, игравшій роль перваго льва въ этомъ, вовсе не львиномъ, обществѣ, открылъ балъ, протанцовавъ вальсъ съ Натальей Пантелеевной и ангажировавъ ее почти на цѣлый вечеръ. Она съ удовольствіемъ приняла его предложеніе, потому-что быть первою хоть и въ этомъ обществѣ, — было пріятно для ея самолюбія, а главное танцовать съ Прытковымъ, который такъ знакомъ съ княземъ Хлыстинскимъ. Оркестръ заигралъ кадриль. Сергѣй Николаевичъ, какъ распорядитель бала, командовалъ музыкою, и подошедши къ Натальѣ Пантелеевнѣ, сказалъ: «вы мнѣ позволите быть вашимъ кавалеромъ?»

«Съ удовольствіемъ.»

«Я такъ радъ, что вы пріѣхали, mademoiselle Natalie.»

«И сколько я должна была вытерпѣть!»

«Отъ кого? Ужъ не отъ этого ли Ягненкова? Фи, какая приземистая фигура. Неужели вы находите удовольствіе съ нимъ быть?»

«Отъ Ягненкова? Ха, ха, ха! совсѣмъ нѣтъ: мы изъ жалости его къ себѣ пускаемъ, и то оттого, что его отецъ когда-то служилъ съ папенькой. А что? Barbe Котова и Sophie Закамская у васъ будутъ?»

«Ma tante еще не успѣла съ ними познакомиться; иначе онѣ вѣрно бы были.»

«А князь Хлыстинскій, вашъ пріятель?»

«Онъ нездоровъ. Я его просилъ, и онъ бы былъ непремѣнно.»

«Такъ онъ не будетъ?» съ горестію сказала Наталья Пантелеевна.

Здѣсь только Наталья Пантелеевна, мечтавшая о

Digitized by Google

высшемъ обществѣ, замѣтила, что она находится не совсѣмъ въ лучшемъ кругу Петербурга. Она рѣшилась показать власть свою хоть надъ Сержемъ и надъ его избраннымъ обществомъ. Ея размышленія прерваны были возгласомъ: «И вы здѣсь, Natalie? Какъ я рада!»

«Ah! madame Колеткина! Comment vous va? Je suis charmée de vous voir.»

«Не говорила ли вамъ, что мы съ вами встрѣтимся? Charmante Natalie, какъ вы стали хороши!»

«Вы знаете, Надежда Петровна,» сказалъ Прытковъ, обращаясь къ Колеткиной: «что я задумалъ прекрасный сюрпризъ обществу; только не говорите никому, а моя tante на это согласилась.»

«Какой же сюрпризъ? Вы такой выдумщикъ; говорите скорѣе, я очень нетерпѣлива!»

«Впрочемъ это зависитъ отъ Натальи Пантелеевны; ея согласіе будетъ вѣнцомъ моей выдумки.»

«О! на счетъ ея согласія не сомнѣвайтесь; она согласится, она такая добрая.»

«Впрочемъ, эта выдумка не совсѣмъ моя; я только послѣдователь; она была сдѣлана у одного изъ здѣшнихъ посланниковъ, гдѣ я былъ на вечерѣ.»

«Она должна быть очень интересна,» сказала Наталья Пантелеевна, вслушиваясь внимательно въ загадку Сержа, гдѣ слово «посланникъ» новымъ, какимъ-то невѣдомымъ звукомъ, прожужжало въ ея маленькихъ ушахъ.

«Говорите же, Сержъ!» вскричала Колеткина.

«Какъ прикажетъ Наталья Пантелеевна. Я кавалеръ, скажу болѣе, рабъ ея на весь вечеръ.»

«Не мучьте вашего прекраснаго раба,» сказала Колеткина: «изъявите ваше согласіе, Natalie.»

Digitized by Google

«Вы слишкомъ обязательны, Сергѣй Николаевичъ. Я не знаю, что̀ мнѣ сказать.»

«Скажите: да,» подхватилъ Сержъ, устремивъ на нее глаза, полные чувства. Она покраснѣла или хотѣла покраснѣть, что̀, какъ вы знаете, все равно, и застѣнчиво произнесла: «Да.»

«Благодарю васъ за довѣренность,» вскричалъ Сержъ радостно. «Извольте: теперь я вамъ все открою. Мы сдѣлаемъ такъ, какъ было у посланника. Вѣдь танцовать цѣлый вечеръ очень скучно. Это только дѣлается въ низшемъ кругу, а мы для разнообразія затѣемъ маленькій пикникъ. Экипажи готовы; сто́итъ только согласиться, и мы помчимся по улицамъ Петербурга, а покатавшись, пріѣдемъ опять продолжать наши танцы. Каждый кавалеръ возьметъ себѣ даму, и каждый изъ насъ весело проведетъ вечеръ. Не правда ли, что выдумка довольно оригинальна?»

«Ахъ, какъ чудесно! Ахъ, какъ прекрасно!» вскричала madame Колеткина: «Распоряжайтесь, пожалуйста, Serge; я очень люблю катанье. Не правда ли, Natalie, что это мило?»

«Я никогда не была на пикникахъ; мнѣ, кажется, что это мило.»

«А я вамъ, Сержъ, привезла новаго кавалера, господина Фонъ-Трумфа. Онъ очень искусный докторъ; весь beau monde его знаетъ; онъ годовымъ у князя Джигитзеева, ѣздитъ къ графу Бржижевскому, бываетъ у баронесы фонъ..... фонъ..... фонъ..... господинъ Фонъ-Трумфъ, monsieur Фонъ-Трумфъ! какая это баронесса, у которой вы бываете?»

«Ah, mestames, pon soir,» нѣмецкимъ выговоромъ произнесъ докторъ, приближаясь къ Натальѣ Пантелеевнѣ, выказывая свои пальцы, которые бле-

Digitized by Google

стѣли отъ бриллiянтовыхъ перстней, и играя золотою табакеркою. «Ви котите,» продолжалъ онъ, «снать къ какой паронесса? Ой, мой много снай крафинь, княгинь и прошихъ длинныхъ лютей.» Онъ хотѣлъ сказать: высокихъ.

«Какъ, длинныхъ?» смѣясь, спросила Колеткина.

«Oh, mein Gott! Вашъ не понимаетъ! Ну, енераль Шармакинъ напримѣръ, мой тамъ годофой токторъ.»

«А! Вы хотите сказать: важныхъ,» произнесъ Сергѣй Николаевичъ. «Теперь понимаемъ; не трудитесь объясняться.»

«Ché fous assire, мой снай, штó кофоритъ,» сказалъ гордо докторъ, поправляя золотую цѣпочку и любуясь табакеркой. Потомъ, обратившись къ Натальѣ Пантелеевнѣ, онъ выставилъ на показъ свои руки, украшенныя бриллiянтами, въ увѣренности, что бриллiянты — талисманъ для всѣхъ женскихъ сердецъ. ужъ въ умѣ разсчитывалъ на хорошенькое личико Наташи.

«Мой карашо снакомъ съ вашъ патюшка,» сказалъ онъ: «мой его лешилъ отъ воспаленiя мозгъ.»

«Можетъ быть. Я такъ недавно дома, не знаю,» сказала Наталья Пантелеевна, и взглянула на бриллiянты, только вскользь, скоро; но пронзительный взоръ доктора разгадалъ ея сердце и анатомировалъ его по своему, рѣшившись дѣйствовать чрезъ бриллiянты, потому-что онъ не надѣялся на свою физiономiю, въ которой изображалось происхожденiе отверженнаго народа.

«Посфольте мнѣ прiѣсшать къ фамъ. Мой ошень увашай фашъ патюшка.»

«Онъ здѣсь, играетъ въ вистъ.»

Digitized by Google

«O! sehr gut, мой пойдетъ знакомить.»

И съ комическою важностію докторъ пошелъ въ гостиную.

Всѣ приняли предложеніе Прыткова и остались имъ очень довольны. Зала опустѣла. Нѣсколько саней тронулось. Сержъ сѣлъ съ Натальей Пантелеевной; мадамъ Колеткина съ докторомъ Фонъ-Трумфомъ, разсчитывая также на брилліянты. Мадамъ Фриштикъ, компаніонку Натальи Пантелеевны, взялъ какой-то товарищъ Сержа, изъ дружбы къ нему. И такъ, они всѣ помчались.

Пантелей Кондратьевичъ проигрывалъ уже четвертый робберъ и начиналъ сердиться; какъ нарочно червонный король убивалъ его червонную даму, на которую онъ задумывалъ выигрышъ, воображая въ ней свою милую дочку. И въ досадѣ невольно воскликнулъ: «И червонная дама пропала!»

«Не хотите ли водочки, Пантелей Кондратьевичъ?» сказалъ родственникъ Оплеухиной, игравшій съ нимъ въ вистъ: «Намъ, старикамъ, пора выпить и закусить; пускай молодые веселятся!»

«Пожалуй, Андрей Карповичъ, съ горя. Совсѣмъ проигрался!»

Время идетъ; часы бьютъ; Пантелей Кондратьевичъ играетъ, ничего не зная, а дочка его всё катается. Многіе пріѣхали, а ее нѣтъ, какъ нѣтъ.....

Уныло брелъ по тротуару Невскаго Проспекта Аполлонъ Андреевичъ. Думы, одна другой чернѣе, гнѣздились въ головѣ. Любовь къ Натальѣ Пантелеевнѣ, его томила; она заняла все его существованіе. Онъ полюбилъ всею душою, чувствомъ высокимъ, съ сознаніемъ, что могъ бы осчастливить собою жестокую, которая не обращала на него никакого вни-

Digitized by Google

манія. Внутренно проклиналъ ее и въ одно и тоже время благоговѣлъ къ ней; готовъ былъ пожертвовать для нея всѣмъ, всѣми радостями цѣлой жизни, а она безжалостно насмѣялась надъ нимъ и разбила бѣдное сердце въ дребезги! Спокойствіе бѣднаго Аполлона Андреевича улетѣло невозвратимо. Потупивъ взоры въ землю, онъ безотчетно повернулъ къ Казанскому Собору, вошелъ на паперть, вздохнулъ, взглянулъ на небо. Надъ нимъ — шатеръ, испещренный милліонами брилліянтовъ, горѣвшихъ такъ ярко, такъ чудесно на синевѣ высоты безграничной. Онъ опять вздохнулъ, вздохнулъ глубоко, и этотъ вздохъ полетѣлъ высоко, туда, въ небо, съ молитвой, чтобы оно ниспослало бѣдному облегченіе сердечнаго страданія..... Аполлонъ Андреевичъ перекрестился; ему стало легче; онъ заплакалъ. Слезы облегчили грусть, и съ новой надеждою онъ вошелъ въ церковь. Лампада ярко горѣла передъ образомъ Божіей Матери. Аполлонъ Андреевичъ зарыдалъ и упалъ на колѣни передъ образомъ. Онъ молился, и тяжесть горя спала съ сердца. Онъ всталъ обновленнымъ. Съ новой силою, съ сладостнымъ спокойствіемъ въ сердцѣ, вышелъ онъ изъ церкви, и тихонько побрелъ къ Адмиралтейской Площади. Думы опять начали виться въ головѣ, и онъ уже видѣлъ себя въ мечтахъ обладателемъ руки Натальи Пантелеевны, говорилъ ей о страданіяхъ любви своей.... Вдругъ комъ снѣга, прилетѣвшій отъ быстро промчавшихся саней, упалъ на него и вывелъ изъ задумчивости. Онъ взглянулъ: бѣлое перо и зеленая вуаль мелькнули передъ нимъ, а сердце..... сжалось, забилось и заныло. Оно узнало зеленую вуаль. Не помня себя, онъ побѣжалъ за санями, которыя вскорѣ

Digitized by Google

остановились возлѣ одного магазина. Бѣлое перо и зеленая вуаль не замѣтили его приближенія; но Аполлонъ Андреевичъ ихъ замѣтилъ, и ни одно слово не было имъ пропущено. Они всѣ, острыми иглами, кололи его сердце.....

«Сергѣй Николаевичъ, я не пойду за вами. Пора домой: мы совершенно отдѣлились,» говорила зеленая вуаль. «Я васъ прошу.»

«Вы дали мнѣ слово, Natalie, принять отъ меня бездѣлку на память. Я выберу ее въ этомъ магазинѣ.....»

«Съ вами идти въ магазинъ? Что скажетъ свѣтъ?....»

«Насъ никто не увидитъ, повѣрьте.»

И бѣлое перо и зеленый вуаль послѣ короткаго спора, вошли подъ-руку въ магазинъ; за ними послѣдовалъ Аполлонъ Андреевичъ. Глаза его страшно блестѣли, онъ чувствовалъ въ себѣ силу львиную, хотя и не былъ львомъ. Его явленіе смутило Прыткова и Наташу. Онъ однако жъ скрылъ чувство негодованія и сказалъ спокойно: «Вы, кажется, Наталья Пантелеевна, ошиблись: это не тотъ магазинъ. Пойдемъ-те, я васъ провожу.»

Онъ взялъ ее подъ-руку, вывелъ на улицу, нанялъ извощика и поѣхалъ съ нею. Сконфуженный Прытковъ, не говоря ни слова, также вышелъ и сѣлъ одинъ въ сани, браня внутренно Ягненкова.

Магазинщица ничего не поняла изъ этой странной сцены.

Долго молчала Наталья Пантелеевна; наконецъ сквозь слезы сказала Аполлону Андреевичу по-французски: «Я увѣрена въ вашей скромности, мосье Ягненковъ. Не говорите никому объ этой глупости. Въ противномъ случаѣ вы мнѣ очень повредите.....

Digitized by Google

Какими глазами будутъ смотрѣть на меня у министра на балѣ!»

«Вы боитесь меня, Наталья Пантелеевна?» сказалъ Аполлонъ Андреевичъ. «Не безпокойтесь: я скрою этотъ вечеръ отъ всѣхъ, я его забуду.....» И онъ плакалъ. Онъ радъ былъ, что могъ оказать услугу Натальѣ Пантелеевнѣ, спасти ее. А она стоила ли его?.....

«Штó, какофъ фашъ фистъ?» спросилъ докторъ фонъ-Трумфъ Пантелея Кондратьевича, пріѣхавъ съ прогулки.

«Хорошо, теперь идетъ, Иванъ Андреевичъ,» отвѣчалъ Пантелей Кондратьевичъ: «робберъ выигралъ отъ двадцати четырехъ.»

Въ это время пріѣхала Наталья Пантелеевна, только не съ Сержемъ, а съ Аполлономъ Андреевичемъ, и, подошедши къ папенькѣ, сказала: «Пора ѣхать домой; маман дожидается.»

«Вотъ умница, Наташа: вспомнила о маменькѣ. Поѣдемъ.»

Въ каретѣ, во всю дорогу, Наталья Пантелеевна сидѣла, надувъ губки и нахмуривъ брови. Она размышляла: не разнесется ли исторія въ магазинѣ? Пантелей Кандратьевичъ спокойно дремалъ.

=

VI.

ловля жениховъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ описанной нами сцены. Желаніе Натальи Пантелеевны не исполнялось: она не выходила за-мужъ за аристократа; только вѣрный своему слову и вѣрный своей любви, Апол-

Digitized by Google

лонъ Андреевичъ навѣщалъ ихъ, всегда одинаковый, всегда терпѣливый. Красота ея начала проходить. Она не могла понять, какъ большая часть ея подругъ выходила замужъ за богачей и чиновныхъ, а ей предстоялъ случай воспользоваться только любовью Аполлона Андреевича. Она ждала хоть Прыткова; но и тотъ давно не показывалъ глазъ въ домѣ Пантелея Кондратьевича. Состояніе ея было ужасно; она проклинала цѣлый міръ, сдѣлалась раздражительною, и даже не было отъ нея покою не только маменькѣ, но самому Пантелею Кондратьевичу. Ей хотѣлось непремѣнно выйти за-мужъ, хотя за старика, но только богатаго.

Разъ въ припадкѣ раздражительности она рѣшилась цѣлые три дня не выходить изъ своей комнаты, не показываться на бѣлый свѣтъ. Аграфена Марковна начала ее уговаривать, что неприлично молодой дѣвушкѣ такъ собою неглижировать, и что если бы она не была такъ капризна, то Богъ благословилъ бы ее партіей.

«Какъ! я капризна?» вскочивъ съ постели, сказала Наталья Пантелеевна. «Нѣтъ, это вы виноваты, и если я умру или пойду въ монастырь — это отъ васъ, отъ васъ.....»

«Я-то чѣмъ виновата? Развѣ только тѣмъ, что слишкомъ люблю тебя.»

«Люблю! Да развѣ это любовь, что вы цѣлый день проводите дома, занимаясь вашими лоскутьями и хозяйствомъ, и не хотите сдѣлать для вашей дочери, чтобы высшее общество къ намъ ѣздило, а не такіе пустые люди, какъ Аполлонъ Андреевичъ?...»

Digitized by Google

«Не грѣши, Наташа: Аполлонъ Андреевичъ — добрый, прекрасный человѣкъ; всѣ его хвалятъ.»

«Потому-что слишкомъ глупъ. Отчего вы не держите кареты? Отчего я должна ѣздить въ наемной? Отчего я не имѣю своихъ денегъ на туалетъ? Отчего? Отчего все это?»

«Оттого, Наташа, что мы не богаты; благодари Бога, что и такъ живемъ; высшее общество къ намъ не поѣдетъ, и гораздо лучше было бы, если бъ ты его выкинула вонъ изъ головы.»

«Не могу, я такъ воспитана. Вотъ, Sophie Закамская вышла ужъ давнымъ-давно за флигель-адъютанта; а я всё сижу, сижу! По милости вашей, даже этотъ негодный Serge не ѣздитъ.»

И Наталья Пантелеевна уткнулась головой въ подушку, воображая, что она упала въ жерло Этны. Въ эту минуту, вспомнивъ, что она должна быть очень мила въ печали, подошла къ зеркалу, посмотрѣла, какъ на ея рѣсницахъ блистали слезы, улыбнулась и потомъ съ укоризной взглянула на мать.

«Не смотри такъ на мать: она бы сама рада была, если бъ ты вышла за-мужъ,» сказала Аграфена Марковна.

«Да, я знаю, что вы хотите меня какъ-нибудь сбыть съ рукъ.»

«Помилуй, Наташа, какія мысли! Мнѣ, кажется, ты сама во всемъ виновата, а если бъ слушалась совѣтовъ матери, такъ было бы лучше.»

«Вашихъ совѣтовъ? Вы даже и по-французски не говорите, такъ какъ же хотите, чтобъ я васъ слушалась?»

«Оттого-то ты и сидишь. А если въ другой разъ,

Digitized by Google

не сказавши папенькѣ, поѣдешь на пикникъ, такъ и вовсе просидишь въ дѣвкахъ.»

«Перестаньте, перестаньте, вотъ вспомнили какую старую исторію. Что жъ за диковинка, что я была на пикникѣ? Или Аполлонъ Андреевичъ хотѣлъ вамъ прислужиться, — раскрасилъ что-нибудь? И вы терпите его? Послушайте, маменька, чтобъ нога его не была у насъ въ домѣ!»

«Аполлонъ Андреевичъ вовсе мнѣ никогда и не говорилъ объ этомъ; но мнѣ кажется, что это пронеслось по городу отъ твоего прекраснаго Сережи.»

«Не вѣрю, не вѣрю: онъ слишкомъ благороденъ... и изъ высшаго круга.... съ бѣлымъ перомъ.»

«Можно войти?» послышался голосъ Пантелея Кондратьевича.

«Можно, можно,» отвѣчала Аграфена Марковна.

«Нельзя, нельзя,» отвѣчала Наталья Пантелеевна.

Но уже Пантелей Кондратьевичъ вошелъ, потирая руки.

«Какъ, Наташа, ты еще не одѣта? Пора, матушка; къ намъ будутъ гости.»

«У меня голова болитъ; я не могу.»

«Какъ, не можешь? А я для тебя-то ихъ и звалъ.»

«Кто такіе?» скоро спросила Наталья Пантелеевна.

«Да двоюродный братъ моей племянницы, Михаилъ Михайловичъ Розинъ. Онъ только-что пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ, изъ Франціи.»

«Изъ чужихъ краевъ? О, милый папенька!...»

«А богатъ онъ?» спросила Аграфена Марковна.

«Тысячъ тридцать годового дохода имѣетъ; ну, матушка, Аграфена Марковна, похлопочи. Право, вспомнишь Грибоѣдова:

Digitized by Google

Что̀ за коммиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!»

«Ахъ, если бъ въ часъ добрый!» сказала Аграфена Марковна, уходя хозяйничать.

«А ты, Наташа, принарядись хорошенько. Надѣнь маменькинъ жемчугъ.»

«А еще будетъ кто?»

«Климъ Климычъ Кундаковъ.»

«Папенька, зачѣмъ вы его пускаете? Онъ такой несносный.»

«За-то богатъ, нужный человѣкъ при случаѣ.»

«И то правда, рара. И больше никого?»

«Да, кажется, будетъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Хрупковскій, да Аполлонъ Андреевичъ.»

«Аполлонъ Андреевичъ? Папенька, не пускайте его, выгоните.»

«Какая причина?»

«Онъ мнѣ не нравится, я не хочу.»

«Нѣтъ, матушка; слишкомъ много будетъ для тебя выгонять давно-знакомыхъ; я его очень люблю.»

И, не дожидаясь отвѣта, отецъ вышелъ изъ комнаты.

Наталья Пантелеевна осталась одна, думая, какъ ей одѣться, чтобъ очаровать пріѣзжаго гостя, можетъ-быть и суженаго. Она начала съ того, что вынула всѣ платья и примѣряла ихъ передъ зеркаломъ, спрашивая свою горничную, какое къ ней лучше пристало. Въ этомъ занятіи прошелъ часъ или два.

Чинно сидѣла на диванѣ разряженная въ пухъ, въ огромномъ чепцѣ съ красными лентами, Аграфена Марковна, зѣвая отъ непривычки такъ долго быть въ парадѣ. Граціозно склонивъ на ладонь свою маленькую голову, облокотившись на окно, сидѣла На-

Digitized by Google

таща передъ раскрытымъ французскимъ романомъ. Столъ былъ накрытъ на восемь приборовъ. Была мертвая тишина, прерываемая мѣрнымъ стукомъ маятника стѣнныхъ часовъ и шагами Пантелея Кондратьевича, расхаживавшаго по комнатамъ. Они дожидались гостей. Пробило четыре часа.

«Долгонько что-то нѣтъ нашихъ гостей,» сказала со вздохомъ Аграфена Марковна.

«Неужели вы хотите, чтобъ чѣмъ-свѣтъ собирались гости къ обѣду? Обыкновенно они пріѣзжаютъ въ пять часовъ,» возразила Наташа.

Прозвенѣлъ колокольчикъ, въ передней.

«Вотъ, кажется, пріѣхали. Сиди прямѣе, Наташа: для чего нагнула голову? Нашла время читать,» сказала Аграфена Марковна, поправляя чепецъ.

«Оставьте меня, я сама знаю.»

Пантелей Кондратьевичъ приблизился къ передней и заранѣе разинулъ ротъ, чтобы съ бо́льшимъ восклицаніемъ принять пріѣзжаго; но заикнулся, сказавъ довольно отрывисто: «А! Иванъ Андреевичъ. Милости просимъ; каково поживаете?»

Это былъ докторъ фонъ-Трумфъ, котораго совсѣмъ не ждали.

«А вашъ какофъ пошиваетъ?»

«Слава Богу. Милости просимъ въ гостиную.»

И Иванъ Андреевичъ вошелъ въ гостиную, выставляя на показъ свои брилліянты.....

Другой звонокъ.... третій.... четвертый.

«Ай, ай!» говорилъ Пантелей Кондратьевичъ: «не успѣешь встрѣчать. То ли бы дѣло по порядку, одинъ за однимъ, а то не было никого, и вдругъ. Пойти встрѣчать. Мое почтеніе, ваше превосходительство.

Digitized by Google

А! и вы, Аполлонъ Андреевичъ! Здравствуйте, Захаръ Ильичъ, мое почтеніе. Милости просимъ.....»

Гости ввалили въ залу. Аграфена Марковна вышла изъ гостиной встрѣчать ихъ. А кого ожидали, того не было... Пробило пять часовъ, а пріѣзжаго изъ Франціи нѣтъ, какъ нѣтъ. Аграфена Марковна надулась, Пантелей Кондратьевичъ досадовалъ, а Наташа чуть-чуть не плакала. Гости переминались, говорили объ обѣдѣ, а онъ не являлся. Желудки ихъ были совершенно огорчены. Пантелей Кондратьевичъ сказалъ наконецъ: «Семеро одного не ждутъ,» и велѣлъ подавать кушанье. Одинъ Аполлонъ Андреевичъ былъ терпѣливъ, и, узнавъ причину ожиданій, могущественно переносилъ страданія, затаивая ихъ въ глубинѣ души. Обѣдъ кончился, а желаннаго всё не было. Пантелей Кондратьевичъ и Наташа ожидали его къ вечеру; а Аграфена Марковна очень была рада, что могла спять чепецъ, столько ее безпокоившій.

Наталья Пантелеевна, по обыкновенію, опять пошла къ фортепіано, и за ней послѣдовалъ Аполлонъ Андреевичъ. Она заиграла кадриль.

«Какъ хорошъ этотъ кадриль!» сказалъ Аполлонъ Андреевичъ.

Наташа не отвѣчала.

«Вы на меня сердитесь?.... За что? Я, кажется, не подалъ повода къ вашему нерасположенію.»

«Вы слишкомъ просты, Аполлонъ Андреевичъ, и если бъ вы были умнѣе, то могли бы догадаться.»

«Нѣтъ, это ужъ слишкомъ. Послушайте, скажите причину.»

«А исторія въ магазинѣ?»

«Она схоронена у меня въ душѣ и, повѣрьте, если она извѣстна, то вѣрно этотъ Прытковъ первый

Digitized by Google

разсказалъ обо всемъ и, можетъ-быть, съ прикрасами.»

«Не вѣрю; но.... можетъ быть. Аполлонъ Андреевичъ,» сказала она, ласково взглянувъ на него: «я передъ вами много виновата; но вы такъ добры.....»

«Говорите! Умоляю васъ, говорите: я честный человѣкъ, и ваша просьба будетъ для меня священна.»

Наталья Пантелеевна на него взглянула, обворожительно взглянула. Онъ былъ въ седьмомъ небѣ отъ восторга.

«Узнайте, что онъ говорилъ, и если это правда, то.....»

«То вырвать ему языкъ?» воскликнулъ Аполлонъ Андреевичъ.

«Нѣтъ; но скажите ему, чтобъ онъ не болталъ: вы знаете, что слова губятъ человѣка, особливо.....»

«Дѣвушку. Знаю. Хорошо, я скажу. О!!.... и какъ скажу!» воскликнулъ Аполлонъ Андреевичъ. Онъ въ эту минуту былъ прекрасенъ, любовь облекла его какимъ-то дивнымъ свѣтомъ, онъ чувствовалъ въ себѣ силу, могущество. Взявши руку Натальи Пантелеевны, сказалъ онъ тѣмъ чарующимъ голосомъ, передъ которымъ и каменное сердце содрогнется:

«Наталья Пантелеевна, я люблю, люблю васъ глубоко, свято, мучительно! Одного только прошу, — не насмѣхайтесь надо мною: я буду молчать, какъ могила, и если я такъ несчастливъ, то будьте счастливы съ другимъ..... только не презирайте. Это убьетъ меня.....» Онъ заплакалъ. Наталья Пантелеевна поникнула головкой и произнесла шопотомъ: «Что жъ моя просьба?»

«О! исполню ее!» И, взявши шляпу, бѣднякъ быстро вышелъ.

=

Digitized by Google

Вечеромъ пріѣзжій изъ-за границы Розинъ былъ и провелъ время очень весело. Наташа была восхитительно мила. Аграфена Марковна строила воздушные замки. Пантелей Кондратьевичъ разсчитывалъ на прекрасную будущность своей дочки; даже докторъ фонъ-Трумфъ, при всей вѣрѣ въ могущество бриллiянтовъ, струсилъ страшнаго соперника.

Наталья Пантелеевна пропѣла итальянскую арію и потомъ русскій романсъ. Даже докторъ фонъ-Трумфъ восхитился и воскликнулъ: «Всѣ мой нерфы натянулся! Какой шувство!» А истиннаго чувства не было. Тутъ дѣйствовала одна душа на пружинкѣ, которую крѣпко завело желаніе заманить въ сѣть богатаго жениха.

=

Недѣли черезъ двѣ, за Выборгской Заставой, къ мѣсту довольно дикому, пріѣхали два экипажа, — карета и сани. Изъ нихъ вышли четверо молодыхъ людей: одинъ красавецъ, съ бѣлымъ перомъ, но блѣдный, какъ смерть; другой, въ пуховой шляпѣ, съ доброю физіономіей, съ спокойнымъ лицомъ. Это были Прытковъ и Аполлонъ Андреевичъ; другіе два — ихъ секунданты. Фантазія Натальи Пантелеевны осуществилась.

«Чтобъ лишить другъ друга жизни, господа, нужна причина. Еще разъ повторяю, опомнитесь,» говорилъ секундантъ Сергѣя Николаевича.

«Я имѣю ее,» сказалъ спокойно, но твердо, съ волей непоколебимой, Аполлонъ Андреевичъ. Онъ не былъ уже барашекъ, а настоящій левъ.

Секунданты отмѣряли десять шаговъ, противникамъ роздали пистолеты.

Digitized by Google

«Какъ? Обоимъ вдругъ или по жребію стрѣлять?» спросилъ секундантъ Аполлона Андреевича.

«По жребію,» сказалъ Сергѣй Николаевичъ, надѣясь на свое счастіе.

«Я согласенъ,» отвѣчалъ Аполлонъ Андреевичъ.

Кинули жребій, и первому досталось стрѣлять Сергѣю Николаевичу. Онъ свободно вздохнулъ, навелъ пистолетъ въ самую грудь Аполлона Андреевича, спустилъ курокъ, — онъ осѣкся. Аполлонъ Андреевичъ стоялъ спокойно: ни одна черта лица его не перемѣнилась; любовь воодушевляла его. Другой губительный прицѣлъ былъ наведенъ. Выстрѣлъ раздался, дымъ разсѣялся. Аполлонъ Андреевичъ стоялъ по-прежнему спокойно, цѣлъ и невредимъ, наводя пистолетъ на Сергѣя Николаевича. Тотъ не могъ снести пистолетнаго дула, направленнаго ему прямо въ ротъ. Онъ началъ дрожать. Аполлонъ Андреевичъ усмѣхнулся и сказалъ:

«Обѣщаете ли вы не произносить, подъ честнымъ словомъ, никогда имени Натальи Пантелеевны и все, что̀ вами распущено въ обществѣ, обратить во вздоръ?»

«Обѣщаю,» сказалъ Сергѣй Николаевичъ.

«Господа, засвидѣтельствуйте. Помните, Сергѣй Николаевичъ, что выстрѣлъ за мной: онъ сыщетъ васъ хоть на краю свѣта.»

Всѣ разъѣхались, радуясь, что такъ счастливо окончилась дуэль. Аполлонъ Андреевичъ поѣхалъ прямо на Васильевскій Островъ и, подъѣзжая къ къ знакомому дому, увидѣлъ у окна ее, за которую онъ жертвовалъ жизнію. Она была весела и говорила съ кѣмъ-то. Аполлонъ Андреевичъ вошелъ въ переднюю, съ надеждою въ сердцѣ, и хотѣлъ вбѣ-

Digitized by Google

жать въ залу, какъ человѣкъ сказалъ, что дома никого нѣтъ.

«Какъ нѣтъ? Я видѣлъ самъ Наталью Пантелеевну, у окошка.»

«Не велѣно принимать.»

«Не велѣно принимать! Да ты ошибся; вѣрно, меня не узналъ.»

«Какъ не узнать, Аполлонъ Андреевичъ. Я васъ три года знаю. Сама барышня выходила и сказала, что если пріѣдетъ Аполлонъ Андреевичъ, то не принимать. Два раза изволила повторить.»

Это было не пистолетнымъ, а батарейнымъ выстрѣломъ для Аполлона Андреевича; онъ могъ только спросить: «Кто у васъ?»

«Михаилъ Михайловичъ Розинъ.»

Ягненковъ съ трудомъ сошелъ съ лѣстницы. Сани тронулись и проѣхали мимо оконъ. Наталья Пантелеевна взглянула въ окно, засмѣялась и сказала: «Какой несносный!» и въ то же мгновеніе подарила чарующей улыбкой Розина.

Аполлонъ Андреевичъ занемогъ горячкой..... Онъ умеръ.

Прошолъ еще годъ. Розинъ опять уѣхалъ за границу, обѣщавъ по пріѣздѣ жениться на Натальѣ Пантелеевнѣ. Но кажется, что онъ остался еще на годъ въ Парижѣ..... А Наталья Пантелеевна, съ душою на пружинкѣ, заводимой большимъ свѣтомъ, все-таки еще не вышла за-мужъ и ждетъ суженаго. Что будетъ впередъ, не знаемъ; но не премипемъ увѣдомить.

Н. Чекмаревъ.

Digitized by Google

ПАКЕТЪ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ МОЕГО ДѢДА.

«Секретно и весьма нужное.»
(Съ затылка пакета).

Скучно дежурить, скучно сидѣть одному за грудою пакетовъ безъ дѣла, безъ цѣли, безъ особенной надобности, единственно по принятому порядку. Такъ думаю я, но не такъ думалъ Петръ Ѳедоровичъ Липинъ, сидя на дежурствѣ въ канцеляріи санктпетербургскаго генералъ-полицеймейстера. Для него сутки дежурства были запаснымъ временемъ его дѣятельности и ревности къ службѣ, временемъ очищенія грѣховъ канцелярскихъ..... Такъ называлъ Петръ Ѳедоровичъ не занесенныя бумаги по регистратурѣ въ журналъ и не отмѣченные алфавитные списки.

Digitized by Google

Петръ Ѳедоровичъ Липинъ, оставшись сиротою послѣ небогатыхъ родителей, учился въ морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, но по болѣзни былъ уволенъ къ статскимъ дѣламъ, а по родству и ходатайству одного изъ секретарей генералъ – полицеймейстера опредѣленъ регистраторомъ въ ту же канцелярію, въ которой служилъ и его родственникъ.

Ничего не было особеннаго ни въ характерѣ, ни въ способностяхъ Петра Ѳедоровича: учившись недурно, но и неотлично, онъ скоро позабылъ свое первоначальное призваніе и безъ сожалѣнія промѣнялъ трезубецъ Нептуна на вѣсы Ѳемиды и черный бархатный воротникъ, которой носили всѣ губерискіе и полицейскіе чиновники Екатерининскаго вѣка. Всю поэзію безбрежнаго океана, съ его бурями и неизвѣстными, цвѣтущими островами, всю прелесть пловучей кельи моряка, на которой мечталъ Петръ Ѳедоровичъ попасть прямо въ Колумбы и Веспуціи, замѣнилъ для него неподвижный, кожаный, истертый канцелярскій стулъ, и неудавшійся мореходъ привязался къ этому стулу, какъ къ брату, усѣлся на немъ спокойно и привольно, какъ на колѣняхъ у родной матери. Самою страшною бурею для него сдѣлался выговоръ секретаря за нечаянный промахъ, или недомекъ по службѣ, и никакіе шквалы, которые доводилось-таки испытывать ему въ кадетскихъ поѣздкахъ, не могли сравниться съ замѣчаніемъ ассессора: «*Стыдненько, Петръ Ѳедоровичъ!*» или: «*Я не ожидалъ отъ васъ, почтеннѣйшій.*»

Говорятъ, что можно найти пріятность во всемъ, стóитъ только захотѣть и пристрастить себя на-

Digitized by Google

сильно, хотя бы нашъ вкусъ или другое какое внутреннее чувство вначалѣ и заговорили противное. Петръ Ѳедоровичъ постигъ эту великую тайну практической жизни, тайну быть довольнымъ, и полюбилъ, мало того, пристрастился къ своему званію регистратора, дотого что не промѣнялъ бы его ни на какое другое, хотя бы оно было и почетнѣе и выгоднѣе регистраторскаго.

Прочіе молодые товарищи Петра Ѳедоровича позволяли себѣ иногда нѣчто въ родѣ ропота на службу, на строгость начальниковъ, на изорванный, жесткій диванъ, на которомъ доводилось имъ спать во время дежурства. Петръ Ѳедоровичъ не ропталъ никогда и ни на что. Служба для Петра Ѳедоровича была любовницей безъ укора и упрека, слово начальника — громомъ небеснымъ, или лепетомъ дѣвушки-красавицы, смотря по смыслу, — когда его бранили, или приглашали обѣдать, что случалось разъ и два въ годъ, — въ именины и день рожденія жены ассессора. А диванъ.... да все-таки онъ мягче и покойнѣе деревянной кадетской лавки, думалъ про себя Петръ Ѳедоровичъ, и потягивался на немъ, какъ на самыхъ роскошныхъ шелковыхъ подушкахъ не хуже сибирскаго кота или самого повелителя правовѣрныхъ. Дежурить для Петра Ѳедоровича, какъ мы уже сказали, было праздникомъ: онъ дежурилъ не въ очередь, дежурилъ за другихъ, такъ, изъ дружбы. Нынче ужъ нѣтъ такихъ великодушныхъ товарищей и чиновниковъ.

Окончивъ алфавитные списки и засунувъ перо за ухо, Петръ Ѳедоровичъ, какъ Поликратъ Самосскій, важно окинулъ взглядомъ свои временныя владѣнія,— дежурную комнату, топившуюся печь, два сальныхъ

Digitized by Google

огарка и кипы бумагъ и пакетовъ. Остановившись на послѣднихъ, онъ вымолвилъ почтительно: «Не «мало будетъ работы завтра его высокородію, По«ликарпу Александровичу,» и потомъ, привставъ со стула, принялся раскладывать ихъ по величинѣ и формату, приноравливая листовые къ листовымъ, четвертные къ четвертнымъ, небольшія письма къ письмамъ.

Долго и методически шла работа Петра Ѳедоровича; нѣсколько разъ онъ уставалъ и отдыхалъ, останавливался и начиналъ работу; наконецъ, взявъ средней величины пакетъ, Петръ Ѳедоровичъ проговорилъ торжественно: «Послѣдній!» хотѣлъ-было положить его къ дружкамъ по формату, но, взглянувъ на адресъ, вдругъ остановился, поблѣднѣлъ и прочелъ медленно и съ разстановкой: «*Секретно. Его «превосходительству господину санктпетербургскому «генералъ-полицеймейстеру и кавалеру Чичерину, ре«вельскаго губернатора рапортъ. Весьма нужное.*»

«Секретно и весьма нужное!» сказалъ Петръ Ѳедоровичъ и, въ ужасѣ, положивъ отдѣльно пакетъ, сталъ ходить по дежурной комнатѣ. Пройдясь нѣсколько разъ взадъ и впередъ, Петръ Ѳедоровичъ круто повернулъ къ письменному столу, взялъ пакетъ и проговорилъ въ прежнемъ волненіи: «Неслыханная вещь! секретно и весьма нужное, и въ одно и тоже время..... Небывалое дѣло.... По-крайнемѣрѣ ни разу не случалось на моемъ дежурствѣ....» И, не выпуская пакета изъ рукъ, Петръ Ѳедоровичъ снова отправился вымѣривать дежурную комнату.

Прошло болѣе получаса времени въ этомъ безотчетномъ путешествіи изъ угла въ уголъ. Петра Ѳедоро-

Digitized by Google

вича тяготило какое-то новое безпокойное чувство; онъ молчалъ, но потъ катился крупными каплями съ его лица; наконецъ, какъ-бы утомившись отъ внутренней борьбы, онъ взглянулъ на пакетъ съ завистью, съ досадой, съ отчаяніемъ, — все это было во взглядѣ Петра Ѳедоровича, — и воскликнулъ громкимъ голосомъ: «Счастливецъ, Поликарпъ Александровичъ! вы первые, ваше высокородіе, узнаете, что это такое *секретно и весьма нужное*, узнаете, что въ этомъ пакетѣ..... Злодѣи! ужъ хоть бы адресовали прямо въ собственныя руки, такъ бы ужъ не завидно было, прочелъ бы одинъ самъ генералъ, а то, теперь, по ошибкѣ, можетъ-быть, ревельскаго регистратора, всѣ узнаютъ, въ чемъ дѣло, и Поликарпъ Александровичъ, и ассесоры, и секретари; не узнаетъ одинъ только, не узнаетъ Петръ Ѳедоровичъ.....»

И Петръ Ѳедоровичъ, позавидовавъ людямъ и начальникамъ, въ первый разъ произнесъ хулу на свое ничтожное званіе и возложилъ руки на регистраторскіе волосы, которые и безъ того торчали копной на головѣ встревоженнаго честолюбца.

Пакетъ упалъ на столъ, Петръ Ѳедоровичъ повалился на диванъ въ такомъ волненіи, какого еще никогда не испытывалъ въ своей жизни. Чего не приходило въ голову Петра Ѳедоровича, вскруженную честолюбіемъ и сознаніемъ своего ничтожества? И мысли о чинахъ, которыхъ онъ никогда не добьется, и мечты о роскоши и богатствѣ, которыхъ никогда не наживетъ, и тайны государственныя, которыя никогда ему не довѣрятся, и, наконецъ, самое позволительное желаніе, самое естественное любопытство знать то, что всѣ другіе знаютъ, — все это мелькало передъ Петромъ Ѳе-

Digitized by Google

доровичемъ въ какихъ-то непріятныхъ образахъ, какъ-бы поддразнивая, и безъ того раздраженное, его воображеніе, какъ-бы нашептывая ему на ухо: Да, да, Петръ Ѳедоровичъ! для тебя одного это невозможно, ты одинъ ничего не значишь, ничего не знаешь.....

«Такъ узнаю же!» закричалъ онъ въ бѣшенствѣ, подбѣжалъ къ столу, схватилъ пакетъ и сорвалъ печать. «Узнаю.....»

Голосъ замеръ у Петра Ѳедоровича, буквы прыгали на развернутой бумагѣ; онъ читалъ шопотомъ, чуть слышно, дрожа всѣмъ тѣломъ; читалъ какъ-бы свой приговоръ къ смерти.

Прочелъ и ничего не помнилъ кромѣ: «городъ Ревель; № 303.» Помнилъ еще и то, что онъ преступникъ и нарушитель канцелярской тайны..... Первая мысль была — скрыть преступленіе, но какъ? Петръ Ѳедоровичъ свернулъ бумагу, вложилъ ее въ пакетъ и сталъ подогрѣвать печать на свѣчкѣ. Въ суетахъ и страхѣ рука дрогнула, пламя свѣчки, какъ нарочно, сильнѣе вспыхнуло и опалило конвертъ. Петръ Ѳедоровичъ застоналъ отъ ужаса. Но дѣлать было нечего, поправить бѣды не оставалось средствъ. Въ эту минуту зашумѣлъ кто-то за дверью, Петръ Ѳедоровичъ сорвалъ подожженный конвертъ, бросилъ его въ печь, а бумагу спряталъ въ карманъ. Дверь скрипнула, вошелъ драгунъ и высыпалъ изъ сумки ворохъ новыхъ пакетовъ. Петръ Ѳедоровичъ, не дотрогиваясь до нихъ, съ стѣсненнымъ отъ страха сердцемъ, принялся расписываться въ разсыльной книгѣ драгуна.

Что побудило Петра Ѳедоровича на подобный поступокъ — трудно объяснить съ перваго раза.

*

Digitized by Google

Обычный въ подобныхъ случаяхъ поклепъ на лукаваго, лучше всего рѣшалъ этотъ психологическій вопросъ, по-крайней-мѣрѣ въ глазахъ самого преступника.....

Куда дѣвалось спокойствіе Петра Ѳедоровича, его безмятежный сонъ, его удовольствіе, которое онъ находилъ и въ исполненіи долга служебнаго и въ потягиваньи на жесткомъ канцелярскомъ диванѣ?..... Все исчезло..... Цѣлую ночь не спалъ, а маялся Петръ Ѳедоровичъ; цѣлую ночь ему грезилось, что его пытаютъ и жгутъ горячимъ сургучемъ, что онъ самъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ конверта, что его жарятъ на свѣчахъ, рвутъ на части и бросаютъ въ затопленную печь. Но воображеніе, подстрекаемое встревоженною совѣстью, шло еще дальше: затопленная печь превращалась въ тьму кромешную и Петръ Ѳедоровичъ вдругъ являлся среди толпы другихъ канцелярскихъ грѣшниковъ, среди взяточниковъ, крючкодѣевъ, лживыхъ толкователей закона, поддѣлывателей фальшивыхъ актовъ и документовъ,—словомъ, среди людей, которые были ненавистны ему, которыхъ онъ бѣгалъ, зная и гнушаясь еще заживо ихъ грѣхами..... А теперь? Эти страшилища, эти кровопійцы и грабители судейскіе кланялись ему привѣтно, подавали ему руки, тянули его къ себѣ, какъ пріятеля, какъ товарища, какъ собрата по прежней жизни и промыслу. Петръ Ѳедоровичъ просыпался въ ужасѣ, проклиналъ свое воображеніе, совѣсть, но болѣе всего свое нечистое дѣло.

«Какая мнѣ была надобность до этого пакета?» спрашивалъ онъ самъ себя въ отчаяніи: » что мнѣ за дѣло до этого *секретнаго?* Ну что я узналъ? Ничего, ровно ни-

Digitized by Google

чего.... Прочелъ и не понялъ.... Не перечитывать ли стать? Грѣшить вторично, третично, десятично?.... ни за что! ни за что!.... Болванъ ты! безумецъ, Петръ Ѳедоровичъ! Что ты сдѣлалъ съ собой? подумай: погубилъ себя! погубилъ безвозвратно.....»

И Петръ Ѳедоровичъ, заливаясь слезами, билъ себя въ грудь, трепалъ за волосы и снова засыпалъ; но сномъ такимъ же, какъ и прежде, неспокойнымъ.

«Не самъ я! не самъ!» кричалъ онъ въ просоньи, увидѣвъ вдругъ во снѣ, будто бы его ужъ ведутъ къ допросу къ самому генералу: «ваше превосходительство! ваше превосходительство, не самъ я... меня лукавый попуталъ; позавидовалъ моему покою, довольству, счастію служить подъ начальствомъ вашимъ..... Позавидовалъ и соблазнилъ..... лукавый! Видитъ Богъ, лукавый..... Пощадите! помилуйте.....»

И, очнувшись, Петръ Ѳедоровичъ бѣжалъ къ двери, осматривалъ, не подслушалъ ли его кто-нибудь и, удостовѣрившись, что никого не было, возвращался назадъ, падая почти въ изнеможеніи на канцелярскій диванъ.

Разсвѣло. Петръ Ѳедоровичъ нѣсколько успокоился, всталъ, смѣнился съ дежурства и, выходя изъ канцеляріи, въ душѣ далъ себѣ слово при первомъ только намекѣ на его проступокъ, тотчасъ же самому прійти къ генералу и чистосердечно во всемъ признаться и представить распечатанную бумагу.

«А если пройдетъ такъ?....» подумалъ онъ въ заключеніе своей благородной рѣшимости, сходя съ лѣстницы генералъ-полицеймейстерскаго дома: «что тогда?.... Тогда.....» И какъ-будто бы кто другой, а не Петръ Ѳедоровичъ, отвѣчалъ на этотъ во-

Digitized by Google

просъ: «тогда пусть и останется такъ.....» А! каковъ Петръ Ѳедоровичъ!....

Но что̀ дѣлать? Такова природа человѣческая: совѣстно, пока страшно. При этомъ, и то сказать, надежда кого не обольщаетъ? И добраго, и злаго, и виноватаго, и невиннаго. Петръ Ѳедоровичъ также вдругъ крѣпко понадѣялся, что, авось, сойдетъ съ рукъ, и, пришедши домой, послалъ рапортъ о болѣзни, въ ожиданіи, чѣмъ кончится дѣло: *такъ* или *не такъ*.....

=

Прошло болѣе пяти мѣсяцевъ послѣ описаннаго нами случая. О пакетѣ и помина не было; за то о Петрѣ Ѳедоровичѣ было много разныхъ толковъ.

— Что̀ это вы такъ суетитесь, Сергѣй Фарафонтьевичъ, точно какъ будто на пожарѣ? спрашивалъ одинъ изъ протоколистовъ другаго своего товарища, въ знакомой уже намъ канцеляріи генералъ-полицеймейстера.

— Да что̀, Максимъ Апуфріевичъ, ищу Петра Ѳедоровича и не могу найти; а не иголочка, кажется.

— Да для чего же онъ вамъ такъ понадобился?

— Дѣльце есть.... Да вѣдь вы не возьметесь, Максимъ Апуфріевичъ, такъ что̀ жъ и толковать намъ объ этомъ.

— Однако жъ?

—Да что̀ «однако жъ». Позвали на поминки стараго пріятеля, такъ хочу попросить Петра Ѳедоровича подежурить за меня. А! наконецъ-то, вотъ и онъ.....

Digitized by Google

И протоколистъ бросился къ дверямъ прихожей, въ которыя только-что вошелъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Ну, братъ Фарафонтьевичъ, врядъ-ли тебѣ доведется ѣсть кутью на поминкахъ стараго пріятеля: Петръ Ѳедоровичъ не тотъ, что̀ бывало прежде.

Максимъ Ануфріевичъ, усѣвшись на стулъ, утонулъ и перомъ и мыслями въ огромной помадной банкѣ, — первообразѣ чернилицъ нашихъ старыхъ присутственныхъ мѣстъ.

— Петръ Ѳедоровичъ! Петръ Ѳедоровичъ! звалъ въ полголоса Сергѣй Фарафонтьевичъ: подождите, дѣльце есть.....

Петръ Ѳедоровичъ шелъ гоголемъ и не откликался на призывъ старшаго протоколиста.

Трудно было узнать Петра Ѳедоровича. Начиная съ мундира до выраженія лица, всё какъ-то смотрѣло въ немъ по новому. Волосы были насалены и приглажены, косичка, круто заплетенная самымъ тонкимъ крысьимъ хвостомъ, сначала приклеивалась къ затылку, а потомъ, точно переломленная, отскакивала отъ новаго шитаго воротника перпендикулярно и заканчивалась, какъ булавочной головкой, чуть примѣтнымъ узелкомъ. Важную роль играли въ костюмѣ Петра Ѳедоровича и пряжки, которыми стягивались его короткія казимировыя штаны; на походѣ, опустивъ шляпу по шву, онъ какъ-бы показывалъ, что онѣ настоящія серебряныя. Не говоримъ уже о большихъ карманныхъ часахъ, которыя тотчасъ же вынулъ Петръ Ѳедоровичъ изъ камзола, съ тѣмъ, чтобы повѣрить ихъ съ стѣнными канцелярскими. Все показывало роскошь и большую перемѣну въ состояніи регистратора Петра Ѳедоровича.

— Петръ Ѳедоровичъ! Петръ Ѳедоровичъ! по-

Digitized by Google

вторилъ погромче слѣдовавшій за нимъ протоколистъ, и въ дополненіе словъ своихъ, слегка придержалъ его за фалды мундира. Петръ Ѳедоровичъ обернулся; но, не останавливаясь, сухо спросилъ: — Что вамъ угодно, Сергѣй Фарафонтьевичъ?

— Подежурьте за меня.

— Все, кромѣ дежурства, Сергѣй Фарафонтьевичъ; я самъ готовъ принанять за себя, когда прійдетъ моя очередь.

И, высвободивъ фалды мундира движеніемъ, которое со стороны могло бы показаться по-крайней-мѣрѣ грубостью, Петръ Ѳедоровичъ пошелъ къ своему регистраторскому мѣсту.

— Молокососъ! регистраторишка! ворчалъ протоколистъ, разсерженный и отказомъ и тономъ, съ которымъ сдѣлалъ его Петръ Ѳедоровичъ: погоди, голубчикъ, до первой годовой ревизіи! Скажешься! не спасутъ ни тетушки, ни бабушки. Вишь, заважничался!

И точно, Сергѣй Фарафонтьевичъ былъ правъ: кто бы не сказалъ съ нимъ вмѣстѣ, что дѣйствительно Петръ Ѳедоровичъ заважничался съ пріѣздомъ его тетушки изъ Ревеля. Еще вопросъ: да и кто бы не заважничался на мѣстѣ Петра Ѳедоровича?....

Тетушка Петра Ѳедоровича, Анна Ивановна Гельмерсонъ, была важная, но въ то же время и препочтенная, предобрая дама. Оставшись вдовою послѣ отставнаго бригадира Адама Карловича Гельмерсона, съ хорошимъ достаткомъ, но бездѣтною, она посвящала все свое время, все состояніе на улучшеніе судьбы и своихъ и родственниковъ мужа. У Анны Ивановны были еще живы старички, отецъ и мать, — чета замѣчательная, патріархаль-

Digitized by Google

ная, голубь и голубка въ старости. Ухаживать за ними, исполнять ихъ малѣйшія требованія и капризы было наслажденіемъ для Анны Ивановны. И надобно было видѣть рядъ этихъ ласкъ, заботъ и предупрежденій, которыми начинался и оканчивался день доброй Анны Ивановны. Пристроенные въ ея домѣ, старички спокойно и въ довольствѣ доживали свой вѣкъ, благодаря Бога и благословляя судьбу и свою примѣрную, почтительную дочь. Дальніе родственники мужа Анны Ивановны жили въ Ревелѣ, и ихъ-то постоянно каждый годъ ѣзжала навѣщать Анна Ивановна, какъ-бы по обѣщанію, являясь и среди этой нѣмецкой семьи, — чуждой ей, можетъ-быть, по жизни, чувствамъ и нравамъ,—съ такимъ же запасомъ ласкъ, дружбы и пособій, такимъ же ангеломъ-утѣшителемъ, какъ и среди самой любимой, ближайшей родни своей. Оставалась нѣкоторое время неустроенною судьба Петра Ѳедоровича, и пребываніе его сначала въ корпусѣ, а потомъ отлучка ея въ Ревель, во время поступленія Петра Ѳедоровича на службу, были единственными къ тому препятствіями. Но, вернувшись изъ Ревеля, она не позабыла и сына родной сестры своей: взяла его къ себѣ въ домъ, приласкала, пріютила, снарядила съ ногъ до головы, какъ говорится. Мало того: какъ умная и хорошаго тона женщина, она взялась именно за его голову, умъ, способности и привычки, словомъ за подвигъ преобразованія нравственной и умственной стороны Петра Ѳедоровича.

Въ часъ кончилось присутствіе. Петръ Ѳедоровичъ вернулся домой и, не видавшись еще утромъ съ своей тетушкой и благодѣтельницей, отправился къ ней тотчасъ же на ея половину.

Digitized by Google

Въ небольшой, но со вкусомъ и роскошью убранной, гостиной, на шелковомъ канапе сидѣла Анна Ивановна. Три болонки, свившись клубочкомъ, лежали около нея на подушкахъ, а четвертая, самая любимая, положивъ лапки на ея колѣни, вздернувъ головку вверхъ, какъ-бы слѣдила за быстро поворачивавшейся рогулькой, на которой Анна Ивановна плела шелковый черный шнурокъ. Занятіе по-видимому не важное, но съ нимъ связывалось обѣщаніе богомольной Анны Ивановны: на выручаемую плату за собственный трудъ и накопливаемую въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, она обѣщала сдѣлать золотой окладъ на небольшой образъ Божіей Матери, назначенный ею въ благословеніе первой изъ родственницъ, которая будетъ выходить за-мужъ, — обычай и понынѣ еще соблюдаемый многими почтенными старушками. Но въ описываемое нами время онъ былъ гораздо болѣе употребителенъ, и не одно, иногда даже значительное, пожертвованіе и доброе дѣло бывали плодомъ какого-нибудь шнурка, тесьмы, пялецъ и тамбурной иголки.

Въ дверяхъ гостиной показался Петръ Ѳедоровичъ и, размахнувъ руками, кивнувъ издали своей тетушкѣ головой, пошелъ прямо къ ней. Передъ столикомъ, за которымъ сидѣла Анна Ивановна, лежалъ коверъ. Петръ Ѳедоровичъ не преминулъ зацѣпиться за него.

— Тише, тише, Петруша!....

Петръ Ѳедоровичъ суетливостью думалъ прикрыть неловкость: еще поспѣшнѣе и не уклюжѣе наклонился къ Аннѣ Ивановнѣ, взялъ ея руку, хотѣлъ поцѣловать, кашлянулъ, сильно кашлянулъ прямо на руку тетушки. Болонка залаяла, Петръ Ѳедоровичъ

Digitized by Google

покраснѣлъ до ушей и, не приподнимая головы, остановился какъ провинившійся школьникъ, не смѣя взглянуть на прогнѣванную Анну Ивановну.

— Помилуй, Петруша, что̀ съ тобою дѣлается?

— Несчастье-съ, тетушка-съ.....

— Не несчастье, а твоя суетливость и неловкость.

И Анна Ивановна, взявъ со стола небольшой серебряный ножикъ, сняла пудру, которою племянничекъ по «несчастію» осыпалъ ее.

— Несчастіе! продолжала Анна Ивановна прежнимъ тономъ: если бы ты по-больше обращалъ вниманія на то, что̀ говорятъ тебѣ, такъ не было бы этихъ несчастій. Во-первыхъ, что̀ это за фамильярный кивокъ головой, за сто шаговъ, о которомъ я уже замѣчала нѣсколько разъ и которымъ ты подчуешь меня каждое утро? Потомъ, эти размахиванья руками, эта писарская походка.... Откуда всѣ эти манеры? Помилуй, Петруша, вѣдь ты не маленькой; каждый день твержу тебѣ, на каждомъ шагу останавливаю, а ты все то же.

— Виноватъ, тетушка....

— Чего, виноватъ, мой милый! Ну, на что̀ было бы похоже, если бъ ты кашлянулъ другой какой-нибудь дамѣ на руку? что̀ бы она подумала? А еще просишься въ большой свѣтъ: «Повезите меня туда-то, тетенька; отрекомендуйте такому-то.....» Да можно-ли же послѣ этого? Ты перетолкаешь всѣхъ, передавишь имъ ноги и въ заключеніе, съ позволенія сказать, оплюешь и осыплешь, Богъ знаетъ, чѣмъ.....»

— Не могъ удержаться, тетушка.

— Въ хорошей гостиной, для благовоспитанныхъ молодыхъ людей нѣтъ слова «не могу»: давитесь сударь, да удерживайтесь.....

Digitized by Google

Энергическое заключеніе Анны Ивановны отняло и послѣднюю бодрость у Петра Ѳедоровича и, какъ жертва проповѣдуемаго тетушкой этикета, смущенный племянникъ, опустивъ снова голову, началъ дѣйствительно давиться; но не тѣмъ, чѣмъ предписывало строгое приличіе того времени и Анна Ивановна: онъ давился горькими слезами и душевною обидою.

Доброе сердце Анны Ивановны не могло однако же долго сносить замѣтнаго смущенія и горести племянника, и она, тотчасъ перемѣнивъ тонъ, принялась утѣшать и успокоивать его.

—Право, послушайся меня, Петруша: для твоей же пользы, любя тебя, я дѣлаю эти замѣчанія. Ну, полно же, полно, Петруша. Станешь молодцомъ, примешь хорошія манеры; влюбится какая-нибудь графиня, женишься, — меня же будешь благодарить послѣ. А я приготовила тебѣ сюрпризецъ, Петруша: сама ѣздила къ князю Таврическому, просила его на счетъ тебя. Свѣтлѣйшій выслушалъ милостиво и обѣщалъ, въ память службы и заслугъ моего покойнаго мужа, взять тебя къ себѣ, въ собственную канцелярію.

Одинъ только быстрый переходъ отъ журьбы къ этой неожиданной радости спасъ Петра Ѳедоровича отъ новой неловкости: первое движеніе было вспрыгнуть на поларшина отъ земли и стало-быть неизбѣжно уронить или, по-крайней-мѣрѣ, задѣть за что-нибудь. Но Петръ Ѳедоровичъ воздержался, и нѣчто въ родѣ икоты, сопровождаемой самою глупой ужимкой, было изъявленіемъ его удовольствія. Анна Ивановна видѣла все, но уже не хотѣла разрушать восхищенія своего племянника; пощадила и глупую гримасу и странное восклицаніе, и продолжала

Digitized by Google

съ прежнимъ ласковымъ тономъ:—Да! да, Петруша: въ собственную канцелярію его свѣтлости. Это будетъ почище генералъ-полицеймейстерской. Но надобно, чтобы ты написалъ къ нему отъ своего имени письмо, покрасивѣе и покраснорѣчивѣе. Поди въ мой кабинетъ, принеси бумаги, перо и чернильницу: мы смастеримъ какъ-нибудь общими силами.

Не прошло минуты, Петръ Ѳедоровичъ сидѣлъ уже напротивъ своей тетушки, съ перомъ въ рукахъ, собираясь скорѣе писать подъ диктовку, чѣмъ сочинять что-нибудь отъ себя.

— Ну, такъ, какъ же мы начнемъ, Петруша? спросила Анна Ивановна, поправивъ очки и отложивъ на время свою работу: вѣдь надобно какъ-нибудь позамысловатѣе.....

— Да разно начинаютъ, тетушка: можно и *свѣтлѣйшій князь* и *ваша свѣтлость*, какъ хотите.....

— Эхъ, мой милый! Не въ титулѣ дѣло: что послѣ титула?»

— А *по титулѣ* можно писать или *такъ какъ*, или *поелику*...

И, не написавъ еще ничего, Петръ Ѳедоровичъ, забывшись, не щадя ковра, отряхнулъ наотмашъ перо со всею удалью заклятаго канцеляриста.

— Петруша! что ты дѣлаешь? вскрикнула въ ужасѣ Анна Ивановна, увидѣвъ своего рода млечный путь разлетѣвшихся чернильныхъ брызговъ на своемъ любимомъ, голубомъ коврикѣ: гдѣ набрался ты этихъ отвратительныхъ писарскихъ привычекъ?

— Въ канцеляріи, тетушка, клянусь вамъ, въ канцеляріи...

— Въ скверной, неопрятной канцеляріи, перебила съ досадой Анна Ивановна; войти нельзя въ нее: на

Digitized by Google

версту пахнетъ табакомъ солдатскимъ; по полу море чернилъ; сами вы всѣ небритые и нечесаные, и хоть бы еще исполняли свою службу по совѣсти, а то, кто ни попадись, не выйдетъ неощипаннымъ; что ни напиши,—какъ въ воду кануло. Вотъ и я знаю, что мѣсяцевъ пять тому назадъ писали въ вашу канцелярію изъ Ревеля по одному дѣлу, очень для меня интересному; справлялась и на почтѣ,—говорятъ, отправлено, помню, за № 303; попало къ вамъ, и сгинуло: нѣтъ отвѣта. Хуже всякой земской полиціи: тамъ больше акуратности, порядка и опрятности.... слышите ли, сударь мой, опрятности.....

Петръ Ѳедоровичъ ничего не слышалъ, кромѣ словъ: «Ревель, № 303». Тяжкое воспоминаніе промелькнуло въ его памяти, и онъ сидѣлъ блѣднѣе и безмолвнѣе той бумаги, на которой собирался писать просительное письмо къ его свѣтлости.

Въ эту минуту послышался отвязавшійся отъ дуги колокольчикъ, и почтовая тройка въѣхала на дворъ дома Анны Ивановны. На лѣстницѣ и въ прихожей зашумѣли. Анна Ивановна встала, пошла къ дверямъ. Но не успѣла еще дойти до нихъ, какъ уже въ ея объятія упала молодая дѣвушка лѣтъ семнадцати съ радостнымъ крикомъ: «Я съ вами! я съ вами, моя добрая благодѣтельница!..» А Анна Ивановна, какъ-бы вторя ей, кричала тоже: это она! это она! моя милая Фанни!....

=

Тяжелое дѣло тяжба: находка для негодяя, гибель, подъ-часъ, для честнаго человѣка. Фанъ-Остадъ, Голландецъ, уроженецъ гарлемскій, дожилъ до пяти-

Digitized by Google

десяти лѣтъ и бѣгалъ какъ огня всякаго процеса, на пятьдесятъ первомъ прорвался. Товарищъ его, Киндергукъ, словно позавидовалъ счастію своего собрата, — его тихой семейной жизни, ласкамъ, съ которыми встрѣчала его малютка Фанни, можетъ-быть, даже грядамъ волькамерій и другихъ цвѣтовъ, которыми торговалъ и наслаждался Фанъ-Остадъ, и затѣявъ съ нимъ процесъ, въ началѣ не болѣе, какъ за горшокъ тюльпановъ, чуть-чуть не свелъ бѣднаго старика въ могилу. Процесъ кончился и ,можетъ-быть, въ первый разъ въ пользу праваго. Фанъ-Остадъ вышелъ чистымъ изъ дѣла, но съ преждевременными сѣдинами, съ утратою части собственности и съ непримиримѣйшимъ врагомъ въ запасѣ. Киндергукъ поклялся въ душѣ вредить и мстить Фанъ-Остаду, всѣми силами. Прошли два года въ тщетныхъ покушеніяхъ; всѣ доносы, ябеды и клеветы, какъ о скалу, разбились о честное имя всѣми уважаемаго, перваго гарлемскаго цвѣточнаго торговца. Киндергукъ ожесточился еще болѣе и рѣшился посягнуть на жизнь врага своего. Но, чтобы удобнѣе достигнуть цѣли и скрыть всѣ возможные слѣды своего гнуснаго замысла, онъ примирился притворно съ Фанъ-Остадомъ, втерся снова съ нему въ дружбу, мало того, сдѣлался его прикащикомъ. Фанъ-Остадъ не обрадовался бы столько пріобрѣтенію новаго друга, сколько этому примиренію съ старымъ врагомъ. «Да, да,» говаривалъ довѣрчивый, добрый старикъ: «кто самъ сознался въ винѣ своей, тотъ ужъ не провинится въ томъ же, въ другой разъ. Вражда слѣпа; но прозрѣвъ истиной не поддашься уже вторичному ослѣпленію.»

Пріобрѣтеніе новаго, смышленаго и опытнаго то-

Digitized by Google

варища дало Фанъ-Остаду возможность разширить предѣлы своей коммерческой дѣятельности. Кромѣ цвѣтовъ производя нѣкогда торгъ пенькой, Фанъ-Остадъ снова снарядилъ корабль въ Саардамѣ и приготовился къ отплытію въ Россію. Фанни, единственная дочь его напросилась къ нему въ спутницы, и не прошло двухъ мѣсяцовъ, какъ Фанъ-Остадъ, закончивъ свой цвѣточный торгъ, вмѣстѣ съ Киндергукомъ сталъ на якорѣ въ ревельскомъ портѣ. Прежнія сношенія, знакомство и знаніе нѣмецкаго и русскаго языка помогли дѣятельному Фанъ-Остаду. Скорѣе другихъ, онъ отыскалъ покупщиковъ на товаръ свой; продалъ его и оставался нѣкоторое время въ Ревелѣ, только по связямъ и будущимъ соображеніямъ торговымъ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ Киндергукъ минуты отправленія, разсчитавъ именно на нее свой злодѣйскій умыселъ. Наконецъ Фанъ-Остадъ назначилъ день отъѣзда, запасся обратнымъ паспортомъ, въ послѣдній разъ отпустилъ свою Фанни къ знакомымъ ей родственникамъ Анны Ивановны Гельмерсонъ, и самъ пошелъ проститься съ нѣкоторыми изъ своихъ ревельскихъ торговцевъ и пріятелей. Деньги дѣлаютъ много, если не все, а Киндергукъ, дѣйствуя рѣшительно, не щадилъ ихъ и успѣлъ еще прежде сманить и подкупить небольшой экипажъ корабля Фанъ-Остада, хотя и скрылъ въ началѣ главную статью своего замысла, — убійство хозяина. На тѣ же деньги споилъ и подговорилъ онъ двухъ русскихъ матросовъ пособить ему въ его кровавомъ дѣлѣ, и, ночью, подкравшись шедшаго на корабль, безоружнаго Фанъ-Остада, напалъ и убилъ его. Послѣднее, что долетѣло до ушей умиравшаго Фанъ-Остада, было восклицаніе злодѣя: «Хорошъ ли тюль-

Digitized by Google

«панъ, дружище!... За него, товарищъ, за него!...» Фанни возвращалась, какъ было ей приказано, рано утромъ; но не доходя до пристани встрѣтила уже собравшуюся толпу любопытныхъ, пробралась сквозь нее и..... упала на трупъ убитаго отца. Хватились корабля Фанъ-Остада; его уже не было. Добрымъ ревельскимъ гражданамъ не могли прійти въ голову, самыя очевидныя, подробности этого дѣла: Киндергукъ уѣхалъ; сообщники скрылись. Кого же винить въ убійствѣ, а подозрѣвать и доискиваться для доброй души Гутермана, бургомистра ревельской ратуши, было, просто, невозможно. Наше мѣстное управленіе сообщило только о важномъ казусѣ къ свѣдѣнію, по командѣ, и дѣло вмѣстѣ съ тѣломъ покойнаго предали забвенію. На рукахъ жителей Ревеля осталась сирота Фанъ-Остада, но и съ тою порѣшила добрая Анна Ивановна. Фанни была больна и потому только не могла вмѣстѣ съ нею ѣхать въ Петербургъ; выздоровѣла и тотчасъ явилась подъ кровъ, посланной ей самимъ Небомъ, благодѣтельницы.

=

— Присядь, милая Фанни: ты устала съ дороги. Что, здоровы ли мои родственники? Рекомендую тебѣ племянника.....

Все это было сказано въ-половину по-нѣмецки, въ-половину по-русски, но Фанни, въ короткое время выучившись обоимъ языкамъ, поняла совершенно свою благодѣтельницу, и книксенъ Петру Ѳедоровичу былъ отвѣтомъ на рекомендацію Анны Ивановны.

Digitized by Google

Петръ Ѳедоровичъ еще не оправился отъ своего смущенія, всталъ однако жъ и поклонился молодой Голландочкѣ, да такъ неожиданно-ловко, что Анна Ивановна въ душѣ простила ему писарскую продѣлку, и ласково приказала позвонить въ колокольчикъ. Вошелъ слуга.

— Собраться всей дворнѣ въ прихожей! Передай это приказаніе моему дворецкому, сказала съ важностью Анна Ивановна и снова обратилась къ Фанни:

— Ну, милая моя Фанни, какъ я рада, что ты наконецъ пріѣхала. Я познакомлю тебя съ моими стариками; первое условіе: не быть взыскательной къ ихъ маленькимъ прихотямъ.....

— Помилуйте, Анна Ивановна.....

— Во-вторыхъ, я для тебя, Фанни, не Анна Ивановна, а лучшій твой другъ, мать, сестра; выбирай любое изъ этихъ названій, только не Анна Ивановна.....

— Добрая моя благодѣтельница, матушка.....

— Гожусь, гожусь въ маменьки.... такъ, порѣшили на этой кличкѣ. Въ-третьихъ, Фанни, ты здѣсь, какъ въ своемъ домѣ, полная хозяйка и распорядительница: все уже готово къ твоимъ услугамъ, а если ты вздумаешь церемониться, такъ это будетъ значить, что ты меня не любишь и хочешь со мной ссориться.

Въ эту минуту послышался шумъ въ передней и вошелъ дворецкій, старичокъ, одинъ изъ тѣхъ чудесныхъ старичковъ, типъ которыхъ обрисованъ не въ одномъ романѣ и комедіи, и всѣхъ вѣрнѣе, удачнѣе, хоть и на нѣмецкій ладъ, въ трагедіи Шиллера, въ характерѣ, болѣе чѣмъ умилительномъ, Даніеля.

Digitized by Google

Данила Семеновичъ вошелъ и поклонился низменно, но не униженно, вымолвивъ: готовы, матушка, Анна Ивановна.

— Поспѣшно, поспѣшно, Данила Семеновичъ, благодарю тебя. Пойдемъ же, Фанни, я назову тебя барышней моей дворнѣ.

И, взявъ Фанни подъ руку, Анна Ивановна вышла съ нею въ прихожую, гдѣ уже дожидалась толпа поваровъ, поваренковъ, офиціянтовъ и конюховъ.

«Откуда слетѣла эта райская птичка? думалъ про-себя Петръ Ѳедоровичъ, успокоившись наконецъ совершенно отъ внутренняго волненія и смотря въ-слѣдъ за выходившею Фанни: ну, милая тетушка, только такимъ добрымъ, какъ вы, и посылаетъ Богъ такихъ ангеловъ. И Петръ Ѳедоровичъ отъ духовнаго перешелъ мыслями къ житейскому, чтобы не сказать, по ученому, къ матеріяльному. «Какіе глазки! какой ротикъ! а ножка! ручка.....»

Единодушный возгласъ «Здравія желаемъ, матушка, Анна Ивановна!» раздавшійся въ прихожей, прервалъ тайныя думы Петра Ѳедоровича.

— Здравствуйте, друзья мои, сказала добрая госпожа съ достоинствомъ, но въ то же время и съ свойственною ей ласковостью: вотъ вамъ, взысканная мною питомица, вторая госпожа для васъ, ваша барышня. Звать ее Фанни Алексѣевна, въ память брата моего, любить, какъ пошлетъ Богъ на сердце, уважать и слушаться, какъ бы меня, вашу госпожу и кормилицу.

— Слушаемъ, матушка, Анна Ивановна, слушаемъ, раздалось снова въ толпѣ, на разные голоса, начи-

Digitized by Google

ная отъ дисканта поваренка до баса перваго конюха.

— Ступайте же теперь къ своему дѣлу. Данила Семеновичъ, передъ обѣдомъ раздать большимъ по чаркѣ водки, а подросткамъ по пряннику: Фанни Алексѣевна жалуетъ.

И, не выпуская руки Фанни, Анна Ивановна вышла изъ прихожей.

— Чудо́во, какъ-то, Миронычъ, говорилъ главный конюхъ старшему офиціянту, сходя съ лѣстницы: ни-какъ барыня-то обмолвилась.....

— А что́?

— Да какъ же, нашему брату, холопу, кликать Феней молодую барышню.

— Эхъ, Петровичъ, какъ это не въ догадъ тебѣ: ну, для госпожи, она вѣстимо Феня, а для насъ, Ѳедосья Алексѣевна.....

— Дѣло, дѣло, Миронычъ. А на взглядъ, кажись, барышня знатная.....

Та же процессія была съ точностью исполнена. Анной Ивановной, и въ дѣвичьей, съ прибавленіемъ, приказа старушкѣ Ефремовнѣ, назначить Парашку въ горничныя за молодой барышней.

=

«Любовь, странное дѣло любовь..... для иныхъ шутка, для другихъ старая вещь, больше чѣмъ старая, изношенная, избитая. Все такъ; но я не менѣе влюбленъ отъ этого.....» говорилъ Петръ Ѳедоровичъ, входя въ свою комнату, и раскидываясь на неболь-

Digitized by Google

шихъ, но весьма щеголеватыхъ, креслахъ, обитыхъ голубымъ рытымъ бархатомъ.

Петръ Ѳедоровичъ! Ваши ли рѣчи, вашъ ли языкъ? Влюбиться, и такъ быстро! Но это, право, была не выдумка.

Начитавшись новыхъ романовъ, новыхъ драмъ, не говоря уже о собственномъ опытѣ, почтенный читатель согласится, что иначе и влюбляться нельзя, по-крайней-мѣрѣ, не должно: или вдругъ, или никакъ. Такъ поступилъ и Петръ Ѳедоровичъ: взглянулъ и влюбился, а тамъ хоть трава не расти.....

Когда явится второй Омаръ, который сожжетъ безчисленную библіотеку романовъ и любовныхъ повѣстей, изгладитъ воспоминаніе о грѣхахъ вѣковъ минувшихъ, и дастъ возможность снова начать рѣчь о какихъ-нибудь любовныхъ затѣяхъ и проказахъ, занимательно, пріятно, безъ историческихъ ходуль, съ простой завязкой и развязкой..... завидна будетъ тогда участь перваго разсказчика, а пока, въ ожиданіи, впередъ повѣсть о страстяхъ новаго Вертера-регистратора, впередъ по битой дорогѣ!....

«Нѣтъ, Парашка, говорилъ Петръ Ѳедоровичъ, мрачно смотря на часовой снурокъ, подаренный ему, уже знакомой читателю, пяличницей Анны Ивановны, прикомандированной въ горничныя къ Фанни: твоя любовь была не любовь, а вотъ, она пришла настоящая.....»

И Петръ Ѳедоровичъ, сорвавъ бисерный шнурокъ, чуть не разбилъ своей серебряной луковицы, которая выскочила изъ камзола и ударилась о позолоченую ручку креселъ. Петръ Ѳедоровичъ въ первый разъ почувствовалъ горячечный припадокъ любви.

Digitized by Google

«Есть эти чудныя существа, началъ онъ снова, въ прежнемъ волненіи: взглянутъ и повернутъ все вверхъ дномъ, имъ и горя мало, а каково другимъ..... Поди теперь, подумай только открыться этой Фанни: осмѣетъ, одурачитъ, огласитъ наглецомъ, пожалуется еще, чего добраго, тетушкѣ и..... да и тебѣ ли думать объ этомъ, Петръ Ѳедоровичъ, взгляни на себя, давно ли ты сталъ смотрѣть по-людски, а сколько еще надобно времени, чтобы имѣть право смотрѣть впередъ и мечтать о будущемъ.... Регистраторъ! Ничтожное, жалкое созданіе.....»

Дверь растворилась съ шумомъ, вошелъ Александръ Рѣжневъ, одинъ изъ вновь пріобрѣтенныхъ друзей Петра Ѳедоровича, и прервалъ нить его грустныхъ размышленій.

— Всегда одинъ, всегда дома, любезнѣйшій Петръ. За нынѣшній разъ спасибо, а за прочіе досадно. Когда я разверну тебя и отучу отъ привычки быть домосѣдомъ?

— Да куда же ѣздить, Александръ Сергѣевичъ?

— Опять — Александръ Сергѣевичъ! Я тебѣ тысячу разъ твердилъ, что нынче порядочные люди не величаютъ другъ друга по отчеству: князь Алексѣй, графъ Василій, Петръ Липинъ, Александръ Рѣжневъ..... понимаешь ли? Куда ѣздить, спрашиваешь ты? да хоть по улицамъ, безъ надобности и цѣли, только бы не сидѣть дома.

И Александръ Сергѣевичъ, схвативъ со стола перломутровую рулетку, метнулъ ею разъ десятокъ и въ-право, и въ-лѣво, и прямо, со всею ловкостью того времени денди.

Digitized by Google

— Ну, а какъ твои успѣхи, Петръ? идетъ ли впередъ рулетка?

— Плохо, Александръ, на пятомъ разѣ скручивается, отвѣчалъ неохотно Петръ Ѳедоровичъ, и погрузился снова въ свою крѣпкую думу.

Александръ Сергѣевичъ бросилъ рулетку, и подойдя къ большому, въ серебряной рамкѣ, зеркалу, сталъ поправлять прическу, приговаривая: — Недурно, а всё-таки сто палокъ не будутъ лишними для Фалея, чтобы онъ по-туже забиралъ тупей и по-аккуратнѣе навивалъ на него крючечки. А ты, всё-еще при старомъ фасонѣ, дружище: при кошелькѣ и толстыхъ буклякъ? Жаль мнѣ тебя, любезный Петръ. Смотри и учись у меня: прическа самая послѣдняя, à la vergette, рединготъ съ воротничкомъ и голубаго, стало-быть, самаго моднаго цвѣта. Сапоги отъ Фремо, кожа какъ атласъ; отвороты свѣжіе, мягкіе, какъ розовая ручка баронессы Кни, а жилетки — ужъ не чета старомоднымъ шитымъ камзоламъ? Гляди сюда: разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, одна на одной, и всѣ видны, всѣ ярки, пестры, такъ и лѣзутъ въ глаза. Надобно сказать правду, молодецъ Monsieur Camuse: дорого, да ужъ за то мило. А главное, ни копѣйки, пока еще, денегъ: все на кредитъ и по условію до свадьбы; а, чортъ знаетъ, когда еще найдешь невѣсту и найдешь ли еще такую, которая согласится поправить грѣхи холостяка.

Петръ Ѳедоровичъ слушалъ болтовню своего друга, озиралъ его съ ногъ до головы, но былъ далекъ мыслями и отъ прически, и отъ жилетокъ, и даже отъ самой куклы, на которую онѣ были напялены.

— Что, дружище, Петръ?

— Ничего, Александръ.

Digitized by Google

— Какъ ничего? Хорошо ли?

— Не знаю.

— Не знаешь? Да что съ тобою сдѣлалось? Сидишь ты, словно пришибенный, или тетушка намыла голову за проказы въ пяличной?.....

Петръ Ѳедоровичъ, вмѣсто отвѣта, вздохнулъ изъ глубины сердца.

—Угадалъ! вскрикнулъ въ восхищеніи Александръ Сергѣевичъ, и, расхохотавшись, повалился на софу.

— Александръ, другъ мой, лучшій товарищъ, наставникъ въ жизни, все, что хочешь, умоляю тебя не смѣйся надо мной, сказалъ съ чувствомъ Петръ Ѳедоровичъ: я жалокъ, я несчастливъ, я влюбленъ!

— Въ Парашку?.....

Петръ Ѳедоровичъ взбѣсился, вскочилъ съ кресель и сталъ ходить по комнатѣ, не слушая и не обращая вниманія на шутки и насмѣшки своего пріятеля. Наконецъ, Александръ Сергѣевичъ замолчалъ. Петръ Ѳедоровичъ остановился, но не шелъ еще на мировую, а обратился съ упрекомъ къ своему пріятелю, или вѣрнѣе ко всему міру человѣческому.

— Друзья, друзья! закричалъ онъ въ трагическомъ изступленіи: дѣти аспидовъ и василисковъ!... Объятія ваши — объятія мертвецовъ, совѣты — ухищренія злобы, привѣтливыя улыбки—горькія насмѣшки.....

—Превосходно, превосходно! перебилъ Александръ Сергѣевичъ: не надо ходить и въ трагедію!....

— Я обратился къ вамъ, Александръ Сергѣевичъ, продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ, перейдя изъ изступленнаго тона въ укорительный: обратился въ тяжкую минуту жизни, когда не зналъ, что дѣлать, когда невѣдомое мнѣ, новое, совершенно новое, но мучительное чувство возмутило меня; обратился, думая

Digitized by Google

высказать мою душу, послушать вашей опытности, попросить совѣта дружескаго, и что́ же встрѣтилъ? Вашу свѣтскую, вздорную болтовню, насмѣшки и даже оскорбленіе предмета моего обожанія.

—Какой же совѣтъ могъ я дать, Петръ Ѳедоровичъ? Если ужъ вамъ угодно, сойти съ дружеской ноги на церемонную, говорить мнѣ вы и величать меня по отчеству: какъ совѣтывать, не зная, ни вашего горя, ни отъ чего оно, выражусь яснѣе, не зная предмета вашего обожанія.

—И не узнаете, потому-что точно такъ же не пощадите его, какъ не пощадили и пріязни нашей.

—Чего же вы хотите отъ меня, Петръ Ѳедоровичъ? Чтобы я посовѣтовалъ вамъ общимъ мѣстомъ, чтобы я научилъ васъ, какъ ведутъ себя всегда люди влюбленные? Извольте: съ того начать, что они всѣ пишутъ стихи и читаютъ романы.....

— Только не вашего Фобласа, которымъ вы меня хотѣли просвѣтить и навести на путь истины, перебилъ снова оскорбившійся Петръ Ѳедоровичъ.

—Ну, «Фобласъ» не для такихъ случаевъ, Петръ Ѳедоровичъ, отвѣчалъ, въ свою очередь оскорбившійся Александръ Сергѣевичъ: для маленькихъ интригъ съ кухарками и пяличницами я отыщу вамъ что-нибудь полегче въ моей библіотекѣ.

И Александръ Сергѣевичъ, вставъ съ мѣста, взялся за шляпу.

—Не пяличницъ! не кухарокъ! закричалъ въ бѣшенствѣ Петръ Ѳедоровичъ: удержитесь отъ неумѣстныхъ колкостей, или оставьте меня и подите вонъ, Александръ Сергѣевичъ.

—Я оставлю васъ, Петръ Ѳедоровичъ, но прошу, въ свою очередь, удержаться отъ оскорбленій, и ваше

Digitized by Google

каждое лишнее слово я сочту прямымъ вызовомъ, на которой не замедлю явиться.....

— Пусть такъ, пусть будетъ этотъ вызовъ! Я дерусь съ вами, Александръ Сергѣевичъ.....

Воспослѣдовала маленькая пауза, въ продолженіе которой два друга — два врага только-что успѣли вымѣрять глазомъ одинъ другаго.

—Прощайте, Петръ Ѳедоровичъ.....

— До свиданія, со шпагами въ рукахъ, Александръ Сергѣевичъ.....

Рѣжневъ вышелъ. Липинъ, глядя ему въ-слѣдъ, остался въ грозномъ положеніи, на прежнемъ мѣстѣ. «Крови! крови жажду я!... я докажу тебѣ, клеветникъ, злодѣй, что значитъ задѣть за живое и безъ того растерзанное сердце!... Фанни! Ангелъ! существо не земное — кухарка, пяличница.... Нѣтъ, заклятый модникъ, я докажу тебѣ, что за кухарокъ и пяличницъ не проливаютъ крови. Будемъ драться.....»

Петръ Ѳедоровичъ сказался больнымъ, и пересталъ ѣздить въ канцелярію. Нанялъ себѣ перваго въ городѣ фехтовальнаго учителя, который упражнялъ его въ то же время и въ танцахъ, и преимущественно въ самомъ модномъ, въ томъ вѣкѣ,—церемонномъ, манерномъ менуетѣ. Надежда когда-нибудь пройтиться въ немъ съ боготворимой Фанни подстрекала Петра Ѳедоровича. Утромъ, онъ обыкновенно дрался; вечеромъ, выплясывалъ, и какъ новый труженикъ временъ рыцарства только и жилъ для любви и чести. И какой любви? безвозмездной, тайной, мучительной... Петръ Ѳедоровичъ страдалъ душой, но мщеніе и надежда подкрѣпляли его...

«En garde! un, deux! берегите грудь и сердце! кричалъ Нортенбрикъ запыхавшемуся Петру Ѳедоро-

Digitized by Google

вичу. Но старательный ученикъ не конфузился заранѣе названнаго и почти вѣрнаго удара. Удачный рипостъ, и онъ самъ нападалъ смѣло, спокойно и даже красиво, на своего учителя. И кто бы узналъ въ этомъ ловкомъ бойцѣ, въ этомъ прилежномъ ученикѣ, въ этомъ поборникѣ рапирнаго искусства, въ этой будущей славѣ учителя, какъ хвастался самъ учитель, кто бы узналъ Петра Ѳедоровича, того самаго Петра Ѳедоровича, регистратора, съ перомъ за ухомъ, за списками алфавитными, какъ застали мы его съ читателемъ въ первой главѣ нашей повѣсти? Великое дѣло сила воли, но еще сильнѣе — сила обстоятельствъ.

— Еще на три удара послѣдніе, говорилъ Нортенбрикъ, надѣвая маску и приглашая къ салюту своего противника. Выпадали. Тушъ! не поддавайтесь, Петръ Ѳедоровичъ... Петръ Ѳедоровичъ ожесточался: ему приходило въ голову, что онъ бьется уже съ Александромъ Сергѣевичемъ, начиналъ забываться, горячиться, и противъ всѣхъ правилъ, вмѣсто того чтобы защищаться, не парируя, наскакивалъ на учителя, мало того, всѣмъ корпусомъ, наваливался на рапиру и ломалъ ее о грудь противника. Осколокъ летѣлъ въ сторону, а переломленный клинокъ скользилъ подъ маску и царапалъ шею Нортенбрику.

— Что вы, развѣ вы мясникъ, что деретесь до крови? спрашивалъ разсердившись Нортенбрикъ: я, кажется, говорилъ вамъ, что вы должны щадить ее и въ настоящемъ противникѣ вашемъ.

— Какъ бы не такъ, думалъ Петръ Ѳедоровичъ: попадись только Александръ Сергѣевичъ, какъ изъ барана выщѣжу до капельки... И, перемѣнивъ рапиру, готовился къ третьему удару. Нортенбрикъ

Digitized by Google

тогда, только не дарилъ этого удара своему ученику, когда былъ сердитъ, и Петръ Ѳедоровичъ, съ выбитой рапирой, съ приподнятой маской, съ разинутымъ отъ удивленія ртомъ, оставался, какъ провинившійся школьникъ передъ своимъ учителемъ.

— Вотъ, такъ надо, Петръ Ѳедоровичъ, а не царапаться... Довольно. И развеселившись, Нортенбрикъ бралъ заработанный цѣлковикъ и, разставался съ Петромъ Ѳедоровичемъ, по обыкновенію, повторяя: до семи часовъ вечера; я пріѣду со скрипкой. Да запаситесь дамой, хоть выпросите какую-нибудь Акульку у тетушки. Нето нашъ менуетъ à la reine, никогда не пойдетъ настоящимъ образомъ.

Петръ Ѳедоровичъ вздыхалъ, раскланивался и, ничего не отвѣчая, уходилъ въ свою спальню. Здѣсь только давалъ онъ волю своимъ чувствамъ, и чистыя слезы первоначальной любви точились на подушку и ночной колпакъ, — единственныхъ друзей и повѣренныхъ его сердечной тайны. Горько плакалъ Петръ Ѳедоровичъ, подбранивая своего учителя. «Проклятый Нѣмецъ! ужъ зачѣмъ онъ мнѣ напоминаетъ.... Съ нею! только съ нею, — начну и кончу, — протанцую однажды, а потомъ, пожалуй, хоть застрѣлюсь....» И снова слезы, снова отчаяніе, снова безконечная бесѣда съ подушкой и ночнымъ колпакомъ.

Разъ какъ-то, послѣ фехтовальнаго класса Нортенбрикъ не напомнилъ о танцовальномъ, — засуетился, — и роковой менуетъ не растравилъ раны сердца влюбленнаго Петра Ѳедоровича. Противъ обыкновенія, онъ не пошелъ къ себѣ въ спальню, а, скинувъ только лосинный нагрудникъ, отправился прямо къ Аннѣ Ивановнѣ. Что значитъ однако жъ сила

Digitized by Google

привычки: учитель и ученикъ столкнулись въ однихъ и тѣхъ же дверяхъ, гдѣ они никогда не сходились прежде, наступили другъ другу на ноги, и тутъ только вспомнили отъ чего случилась эта встрѣча. Первый закричалъ Нортенбрикъ: «До семи часовъ вечера; я пріѣду со скрипкой.....» Но къ счастію Петра Ѳедоровича онъ не слышалъ тяжелаго напоминовенія, и былъ уже далеко въ корридорѣ, который велъ на половину тётушки.

— Ты красенъ какъ ракъ, сказала Анна Ивановна, встрѣтивъ своего племянника: отчего это, Петруша?

— Только-что отъ assaut тётушка.

— А! вотъ какъ у насъ! ты занимаешься шпажными сраженіями? И прекрасно, Петруша. Это развернетъ тебя, придастъ тебѣ больше смѣлости и ловкости, и ты станешь у меня молодцомъ, хоть въ гвардію къ Ея Величеству. Давно бы такъ, давно бы, Петруша.

Въ эту минуту вышла Фанни изъ своей комнаты, и, поздоровавшись съ Анной Ивановной, сдѣлала книксенъ Петру Ѳедоровичу. Петръ Ѳедоровичъ не остался въ долгу, отвѣчалъ на книксенъ поклономъ, какого уже не увидишь въ нашихъ нынѣшнихъ салонахъ, поклономъ, въ которомъ нельзя было не узнать ученика Нортенбрика, съ полнымъ запасомъ правилъ методическаго менуета.

Нынче вывелось, а въ-старину и не рекомендовали иначе молодаго человѣка, какъ назвавъ прежде его танцовальнаго учителя. Менуетъ былъ основною школой свѣтской ловкости и обращенія.

Анна Ивановна съ удовольствіемъ слѣдила за счастливою перемѣною пріемовъ и манеровъ своего пле-

Digitized by Google

мянника, и, вопреки обыкновенію всѣхъ стариковъ и старухъ, не опасаясь захвалить молодаго человѣка, сказала съ веселою улыбкой:—Да ты у меня, Петруша, кавалеръ хоть куда! Берегись, Фанни: даромъ что ты не изъ смирненькихъ: онъ и тебѣ вскружитъ голову..... И, взявъ за руку, воспитанницу и племянника, добрая Анна Ивановна усадила ихъ близъ себя.

Петръ Ѳедоровичъ сѣлъ, какъ на горячіе уголья. Фанни, не зная отъ чего, покраснѣла и встревожилась не менѣе.

— Друзья мои, начала снова Анна Ивановна, не замѣчая смущенія молодыхъ людей: вы не ожидаете, а у меня есть до васъ большая просьба, посовѣтуйте мнѣ.

— Что такое, маменька?.....

— Что угодно, тётенька?.....

— Во-первыхъ, скромности, и чтобы затѣя, которую мы обдумаемъ общими силами, оставалась до времени тайной. Вотъ, видите ли, въ чемъ дѣло: когда будете старичками, будете имѣть дѣтей своихъ, увидите, что значитъ для родителей заботливость и вниманіе дѣтское. На дняхъ, исполнится пятьдесятъ лѣтъ супружеской счастливой жизни старичковъ моихъ, и мнѣ хотѣлось бы отпраздновать эту золотую свадьбу на славу, но, въ то же время, соображаясь и съ волею, привычками и образомъ мыслей моихъ родителей; такъ помогите мнѣ.

Петръ Ѳедоровичъ много читалъ исторій, въ своей жизни, включительно римскую, греческую и князя Щербатова русскую, но ничего не начитывалъ о празднованьи свадебъ золотыхъ и серебряныхъ, и потому, сколько ни ломалъ головы, сколько ни во-

Digitized by Google

рочалъ памятью, а сталъ въ тупикъ и, вмѣсто отвѣта, смотрѣлъ во всѣ глаза на тётушку. Фанни даже и поняла плохо Анну Ивановну, и потому ограничилась пожатіемъ плечами, какъ-будто говоря: я бы рада; но не знаю въ чёмъ дѣло!

— Главная статья этого праздника, продолжала Анна Ивановна: у меня давно уже готова. Я выписала изъ деревни шесть паръ жениховъ и невѣстъ, и въ день золотой свадьбы батюшки и матушки, они сыграютъ свою.....

— Ахъ, какъ это будетъ хорошо! перебила Фанни: имъ будетъ очень весело.....

Ахъ, какъ бы еще было веселѣе, подумалъ Петръ Ѳедоровичъ, если бъ къ шести парамъ Богъ прибавилъ седьмую....

Думу Петра Ѳедоровича трудно было подслушать, но восклицаніе Фанни, не только изумило, даже огорчило добрую Анну Ивановну.

— Кому будетъ весело, Фанни? спросила она тономъ нѣсколько строгимъ.

— Какъ кому? Всѣмъ.....

— Но старикамъ моимъ, моему отцу, моей матушкѣ?.....

— А развѣ имъ не будетъ весело, смотря на молодыхъ, на ихъ счастіе, радость. Я побѣгу къ вамъ въ оранжерею, наплету вѣнковъ изъ бѣлыхъ розъ и надѣну ихъ, какъ это дѣлается у насъ въ Гарлемѣ, во время каждой свадьбы.....

— На кого, Фанни?

— На всѣхъ, опять-таки на всѣхъ, маменька. Или я васъ не понимаю..... Вы будете праздновать свадьбу вашего батюшки и матушки, другіе молодые люди свою, надобно вѣнки, непремѣнно вѣнки, безъ

Digitized by Google

вѣнковъ не бываетъ свадьбы, безъ цвѣтовъ нѣтъ радости на землѣ.....

— Ангелъ! Ангелъ! Сама невинность, подумалъ Петръ Ѳедоровичъ и отвернулся, чтобы не показать своего восхищенія.

— Дитя мое, милая Фанни, сказала Анна Ивановна снова улыбаясь ласково: это видно, что ты Голландка: цвѣты для тебя важнѣе всего. Но ты права, старикамъ будетъ весело, и мы нарядимъ ихъ въ вѣнки. Я представляю себѣ матушку Марью Степановну въ цвѣтахъ и пунцовыхъ лентахъ, тѣхъ самыхъ, въ которыхъ вѣнчалась она. Хоть поблѣкли, но цѣлы еще..... Ну, Фанни, что дальше? Ты мастерица придумывать. Племянникъ мой не совѣтуетъ, молчитъ будто по-зароку, такъ-хоть ты помогай мнѣ.....

— Я думаю, тётушка, сказалъ нѣсколько обидѣвшись Петръ Ѳедоровичъ: не мѣшало бы написать поздравительные стихи, и я берусь приготовить ихъ.....

— Стихи? перебила Фанни: ахъ, какой вздоръ!.... Да кто же будетъ читать ихъ? Дѣдушка, который насъ съ вами едва видитъ, или дѣвушки крестьянскія, которыя и читать не умѣютъ.....

— Я произнесу ихъ въ слухъ, Фанни Алексѣевна, замѣтилъ еще болѣе обидѣвшійся Петръ Ѳедоровичъ.

— Пустяки, пустяки, перебила нетерпѣливо Фанни: кто будетъ васъ слушать, когда надобно веселиться? Послѣ свадьбы мы будемъ танцовать, маменька, неправда ли? Сперва менуетъ, потомъ англезъ, потомъ гросъ-фатеръ. Дѣдушка въ первой парѣ съ бабушкой, вы, маменька, съ кѣмъ-нибудь по-почетнѣе..... Я..... ну, ужъ такъ и быть, только дайте слово ни-

Digitized by Google

когда не писать и не говорить стиховъ..... я съ вами Петръ Ѳедоровичъ.....

— Никогда! никогда! Фанни Алексѣевна. Ужель я сей счастливѣйшій изъ смертныхъ!.....

— Стихи! Это стихи изъ этой толстой книги: *Элегіи и эротическія стихосложенія*..... Я не буду танцовать съ вами, Петръ Ѳедоровичъ.....

— Фанни Алексѣевна!

— Петръ Ѳедоровичъ.....

— Я.....

— Вы....

Бывали случаи, что Петръ Ѳедоровичъ и Фанни сходились между собой, разговаривали, но никогда съ такимъ жаромъ. Случай не бросалъ между ними ни яблока раздора, ни пальмы примиренія. Фанни знала его за племянника Анны Ивановны и добраго малаго, а у Петра Ѳедоровича никогда не доставало духу намекнуть, нетолько объяснить рѣшительно, что онъ не просто Петръ Ѳедоровичъ и племянникъ Анны Ивановны, по-крайней-мѣрѣ, относительно къ ней, если не къ самому себѣ, — что онъ ею занятъ, любитъ ее, съ ума сходитъ по ней.... Петръ Ѳедоровичъ боялся и подумать о сердечныхъ откровенностяхъ. Въ душѣ, одинъ, самъ съ собою, онъ смотрѣлъ на Фанни, какъ на *божество языческое*. Это было въ модѣ, въ его вѣкъ; а при другихъ, особенно при тетушкѣ, — какъ на доброе, невинное созданіе, которое Богъ привелъ жить съ нимъ подъ однимъ кровомъ и пользоваться благодѣяніями одной и той же благодѣтельницы. Такъ смотрѣла на нихъ и Анна Ивановна, не давая ни имъ, ни другимъ никогда этого замѣтить, и привыкнувъ къ тихому, мирному ихъ обращенію, которое за-частую ограничивалось

Digitized by Google

одними книксенами и поклонами, она очень была удивлена неожиданной вспышкѣ своихъ расшѣтушившихся воспитанниковъ.

Необходимо однако жъ было чье-нибудь вмѣшательство, и Анна Ивановна, взявъ за руки Фанни и Петра Ѳедоровича, сказала имъ рѣшительнымъ, но въ тоже время ласковымъ тономъ: нѣтъ, Фанни, ты будешь съ нимъ танцовать, а ты, Петруша, не будешь стиховъ кропать, нето и не думайте и не гадайте помогать мнѣ тѣшить стариковъ моихъ.....

— Хоть сто контрдансовъ къ ряду, маменька.....

— Ни одного стиха, ни полустишія, клянусь, тетушка.....

И племянникъ съ воспитанницей бросились на шею своей благодѣтельницѣ.

«Какіе у нея пальчики,» подумалъ Петръ Ѳедоровичъ, попавъ рукой на руку Фанни..... Въ эту минуту дверь въ гостиную растворилась съ необыкновеннымъ шумомъ и Даніла Семеновичъ, въ попыхахъ, съ очками на носу, съ чулкомъ, который вязалъ, сидя въ передней, вбѣжалъ въ комнату.

— Что ты? что ты, Семенычъ? спросила, испугавшись, Анна Ивановна.

— Честь! честь, сударыня! кричалъ управляющій нисколько не тревожась тѣмъ, что переполошилъ всѣхъ: честь, Анна Ивановна! Курьеръ пріѣзжалъ отъ самого, отъ него, отъ свѣтлѣйшаго..... Привезъ, какъ его..... Читайте, матушка.....

Анна Ивановна взяла пакетъ, распечатала, прочла и, передавъ бумагу Петру Ѳедоровичу, сказала со слезами отъ радости: — Поздравляю, Петруша, поздравляю тебя, ты чиновникъ собственной канцеляріи его свѣтлости.

Digitized by Google

Петръ Ѳедоровичъ схватилъ съ восторгомъ бумагу и хотѣлъ было прочесть въ слухъ, но выпавшій изъ нея не-большой пакетикъ развлекъ вниманіе всѣхъ, даже и самого чиновника канцеляріи его свѣтлости. Петръ Ѳедоровичъ нагибался уже, но Данила Семеновичъ опередилъ его и, подавая пакетикъ Аннѣ Ивановнѣ, проговорилъ съ удивленіемъ: — Еще письмецо!

— Нѣтъ, не письмецо, Семенычъ, сказала, развернувъ, Анна Ивановна: а вотъ ужъ это, такъ истинно честь: пригласительный билетъ на балъ, 28 Апрѣля, въ Таврическій, по случаю торжества побѣды надъ Турками и взятія Измаильской крѣпости. — И, обернувъ на другую сторону билетъ, Анна Ивановна прочла съ гордостью, какой до того никто еще въ ней не видалъ: «*Ея высокородію, Аннѣ Ивановнѣ Гельмерсонъ, съ фамиліею.*» Вотъ честь, такъ честь!....

— Честь, матушка, честь! повторилъ сквозь слезы Данила Семеновичъ и выбѣжалъ въ переднюю. Черезъ минуту по всему двору, и въ дѣвичьей, и въ кухнѣ, и въ людской, и въ конюшнѣ, только и слышно было: «Честь!.... честь!.... зовутъ въ Таврической, и съ фамиліею.....»

П. Каменскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ С. О.)

Digitized by Google

ПЕРЕВОДЪ ВЪ ПРОЗѢ

СТИХОВЪ ДРЕВНЯГО ВАВИЛОНСКАГО МУДРЕЦА

МЕРОДАХЪ-ВАЛАДАНА.*

Коротка наша жизнь, какъ древко, быстра, какъ полетъ стрѣлы. Давно ли я былъ ребенкомъ, а теперь уже мнѣ четыреста семьдесятъ лѣтъ отъ рожденія. Проживу еще, можетъ-быть, сто или двѣсти лѣтъ, и меня уже не будетъ.

До потопа были люди долговѣчнѣе нынѣшнихъ, и послѣ потопа они умѣли хранить жизнь долѣе, нежели мы. Долгота жизни человѣческой отъ неумѣнія хранить ее и отъ пагубнаго вліянія страстей, затемняющихъ истинную мудрость, постепенно уменьшается, чѣмъ болѣе солнце описываетъ круговъ, поднимаясь изъ моря на востокѣ и опускаясь въ тоже море на западѣ.

* Краткое извѣстіе объ этомъ писателѣ помѣщено въ первой книжкѣ *Сына Отечества*, въ отдѣленіи критики, на страницѣ 11.

Digitized by Google

Все становится короче, слабѣе и мельче. Деревья высоки и долговѣчны, но прежде были выше и долговѣчнѣе. Звѣри велики и сильны, но прежде были больше и сильнѣе. Море, окружающее круглую плоскость земли, еще обширно и глубоко, но становится мельче и мало-по-малу удаляется неизвѣстно куда отъ береговъ.

Евфратъ уже менѣе выступаетъ весною изъ своего русла и менѣе оплодотворяетъ поля. Когда я былъ еще невиннымъ мальчикомъ, только сорока лѣтъ, тогда Евфратъ поднимался гораздо выше, чѣмъ теперь.

Если все также пойдетъ и впередъ, то черезъ два, три или четыре тысячелѣтія что будетъ? Море, удалясь отъ береговъ, откроетъ дно свое, и явится новая суша на сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ, а нынѣшніе острова, явившіеся и иногда являющіеся и нынѣ отъ подземныхъ огней или отъ накопленія кораллovъ, превратятся въ высокіе хребты горъ.

Если все такъ пойдетъ, то всѣ люди будутъ умирать въ юношескомъ возрастѣ и наконецъ въ дѣтствѣ. Что тогда станется съ мудростію? Что тогда узнаетъ человѣкъ путемъ опыта, размышленія и самоизслѣдованія, когда ему придется умереть лѣтъ ста или даже менѣе.

Тогда людямъ двадцати лѣтъ, нынѣшнимъ младенцамъ, придется считать себя отроками; люди пятидесяти лѣтъ, нынѣшніе отроки, будутъ уже тогда юношами; нынѣшніе мужи, отъ ста до трехъ-сотъ

Digitized by Google

лѣтъ, будутъ уже тогда стариками, а нынѣшнихъ мудрыхъ стариковъ уже не будетъ вовсе.

Пойдетъ время еще дальше, и неумѣніе хранить жизнь и злоупотребленіе страстей сдѣлаетъ то, что младенцы двадцати или тридцати лѣтъ, — о смѣхъ! — будутъ мужами или даже стариками безволосыми, а юноши шестидесяти лѣтъ станутъ горбиться, какъ нынѣшніе люди, проживніе болѣе пятисотъ лѣтъ.

Неужели придетъ время, что двадцатилѣтніе младенцы будутъ стариками или по-крайней-мѣрѣ подобны старикамъ? Неужели они станутъ воображать себя опытными и мудрыми? Предположеніе слишкомъ смѣлое и смѣшное, но, судя по наблюденію хода природы, я нахожу его сбыточнымъ.

Съ санскритскаго перевода перевелъ

Маркизъ Глаголь.

Digitized by Google

Отдѣленіе IV.

Иностранная Словесность.

=

ХИТАНОЧКА.

=

НОВѢСТЬ СЕРВАНТЕСА. *

—

Хитаны сотворены, кажется, только для того, чтобъ быть мошенниками: родятся отъ мошенниковъ, ростутъ съ мошенниками, учатся мошенничеству и наконецъ выходятъ мошенниками самыми совершенными и готовыми на все. Воровство — душа ихъ, съ которой разлучаетъ ихъ одна смерть.

* Надѣемся угодить нашимъ читателямъ, помѣщая въ *Сынѣ Отечества* отъ времени до времени, въ переводахъ, избранныя произведенія литературы испанской, не ограничиваясь, однѣми болѣе извѣстными, иностранными литературами. Не говоря объ испанскихъ писателяхъ, живщихъ въ протекшихъ столѣтіяхъ и пріобрѣвшихъ славу европейскую, обратимъ вниманіе на то, что на испанскомъ языкѣ появилось и въ нынѣшнемъ XIX столѣтіи мно-

Digitized by Google

Изъ этого-то народа одна старуха, которая могла получить степень заслуженнаго профессора науки Какуса, * выростила дѣвочку подъ именемъ своей внучки; научила ее искусству выманивать деньги и обманывать, и назвала ее Пресіосою. Изъ этой дѣвочки вышла самая удивительная танцорка изъ всего Хитанства, притомъ такая красавица и умница, какой поискать было не только между Хитанами, но и между всѣми краса-

го книгъ, заслуживающихъ быть извѣстными всякому образованному человѣку. Многія изъ нихъ перепечатаны въ Парижѣ. Въ Англіи, Франціи и Германіи давно уже занимаются изученіемъ литературы Пиренейскаго Полуострова. Для насъ литература Испаніи совсѣмъ еще не тронутый рудникъ, въ которомъ, можетъ-быть, читатели найдутъ много неподозрѣваемыхъ сокровищъ, подобно тому, какъ въ самой Испаніи нашли недавно неподозрѣваемые рудники драгоцѣнныхъ металловъ, разработанные еще Финикіянами, по мнѣнію испанскаго писателя и бывшаго министра Мартинеса де-ля-Роса, какъ читатели увидятъ изъ статьи его о Христофорѣ Коломбѣ, помѣщенной въ *Смѣси* этой книжки *Сына Отечества*. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія приведемъ, изъ первой книжки на нынѣшній годъ одного изъ лучшихъ французскихъ журналовъ, сказанное по случаю изданія двухъ частей перевода Кальдерона, начатаго французскимъ литераторомъ Дамасъ-Гинаромъ. «Между «иностранными писателями,» пишутъ въ Revue des deux mondes: «о «которыхъ всего чаще говорятъ во Франціи и которыхъ слишкомъ мало «знаютъ, одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ и наименѣе извѣст«ныхъ — безъ сомнѣнія — Кальдеронъ. То, что говоримъ о Кальде«ронѣ, должно еще съ большимъ основаніемъ сказать о другихъ «испанскихъ писателяхъ. Читатели, которые знаютъ великаго испан«скаго драматурга только по похваламъ Шлегеля и по разборамъ «Сисмонди, наконецъ могутъ получить понятіе о достоинствахъ и «недостаткахъ соперника Шекспира. Посреди пустыхъ явленій, на«водняющихъ французскую литературу, мы радуемся, что можемъ «отдать справедливость такому важному и истинно-литературному «труду, какъ переводъ Кальдерона.» Теперь мы переводимъ съ подлинника одну изъ лучшихъ драмъ его, и помѣстимъ ее въ одной изъ послѣдующихъ книжекъ нашего журнала. — *Ред. С. О.*

* Имя вымышленнаго лица, въ родѣ нашего Совѣстдрала. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

вицами и умницами, о которыхъ гремѣла тогда молва. Ни солнечный зной, ни стужа, ни вѣтеръ, ни всѣ суровости непогоды, которымъ Хитаны подвержены болѣе другихъ, не могли помрачить красоты ея лица, ни уменьшить нѣжности ея рукъ. А что всего важнѣе, какъ ни грубо ее воспитывали, она такъ была вѣжлива и образованна, что никто не могъ повѣрить, чтобы родители у ней были Хитаны. Она при всемъ этомъ была бойковата; но въ бойкости ея не было тѣни нескромности; напротивъ, она, при всей живости, была такой строгой нравственности, что въ ея присутствіи ни одна, ни старая, ни молодая, Хитана не смѣла пѣть соблазнительныхъ пѣсень или говорить дурныхъ рѣчей.

Вотъ, старая орлица видитъ, какимъ сокровищемъ обладаетъ въ своей внучкѣ, — и рѣшилась пустить своего птенчика на Божій свѣтъ и на дѣлѣ руководить его, какъ жить своими когтями. Пресіоса заучила пропасть разныхъ пѣсень духовнаго, а больше свѣтскаго содержанія, куплетовъ, сарабандъ, сегидиллъ, въ особенности же романсовъ, которые она пѣла съ особенною пріятностью: хитрая бабушка знала, что эти пѣсни, въ устахъ молоденькой красотки, будутъ чудесными приманками для наполненія ея кошелька, и потому добывала ихъ вездѣ, гдѣ только могла. Нашлись для нихъ и поэты: вѣдь есть поэты, которые и съ Хитанами имѣютъ дѣло и продаютъ имъ свои сочиненія, точно такъ, какъ они есть и къ услугамъ слѣпыхъ нищихъ; тѣ выдаютъ ихъ за произведенія сверхъестественной силы и участвуютъ въ барышахъ. Всего есть на свѣтѣ: голь хитра на выдумки.

Пресіоса росла въ разныхъ областяхъ Кастилліи, и когда ей минуло пятнадцать лѣтъ, мнимая ея бабушка взяла ее съ собой въ столицу и представила въ свою старинную артель, гдѣ она обыкновенно находится, на полѣ святой Варвары. Старуха вознамѣрилась продать

Digitized by Google

свой товаръ въ столицѣ, гдѣ все покупается и все продается.

Пресіоса впервые вступила въ Мадридъ въ день святой Анны, покровительницы и заступницы города, въ небольшой толпѣ Хитанъ, состоявшей изъ четырехъ старухъ, четырехъ молодыхъ дѣвушекъ и одного парня, знатнаго плясуна, который имъ служилъ вожатымъ. Хотя всѣ Хитаны одѣты были опрятно и хорошо, однако жъ нарядъ Пресіосы мало-по-малу совершенно обворожилъ всѣхъ, которые на нее смотрѣли. Среди звуковъ тамбурина и кастаньетъ, среди разгара пляски, въ обступившей толпѣ раздавались похвалы миловидности и ловкости Хитаночки; сбѣгались мальчишки смотрѣть на нее, а взрослые любоваться ею. Но когда она пропѣла хороводную, тутъ-то слава Хитаночки расправила свои крылышки, и съ общаго согласія старшины праздника присудили ей подарокъ, назначенный за первенство въ пляскѣ. Хитаны пошли къ церкви Дѣвы Маріи плясать духовный танецъ. По окончаніи этого танца Пресіоса взяла сонахи * и, выдѣлывая подъ звукъ ихъ легкіе и мѣрные круги, пропѣла гимнъ въ честь святой Анны.

Пѣніе Пресіосы восхитило всѣхъ, ее слушавшихъ. Одни кричали: «Да благословитъ тебя Богъ, дѣвочка!» другіе говорили: «Жаль, что эта дѣвочка Хитанка; право, она заслуживаетъ быть дочерью знатнаго барина!» Иные погрубѣе толковали: «Дайте-ка ей подрости, такъ увидите, что изъ нея будетъ. Она распуститъ славный неводъ для ловли сердецъ.» Одинъ толстякъ, грубый и глупый, смотря, какъ она легко плясала, сказалъ: «Пляши смѣлѣе, дочка моя, прельщай любовниковъ и топчи землю тонкими ножками.» Она, не переставая танцовать, отвѣчала: «я стану топтать землю и подъ пустой звукъ барабана.» Кончилась вечерня и праздникъ святой Анны. Пресіоса немного устала; однако такъ

* Родъ бубна, только безъ кожи.

Digitized by Google

очаровала всѣхъ своей красотой, умомъ и искусствомъ въ танцованіи, что объ ней заговорили во всѣхъ столичныхъ собраніяхъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ того, она опять пришла въ Мадридъ, по обыкновенію, въ сопровожденіи трехъ другихъ дѣвушекъ съ сонахами, новой пляской и съ запасомъ романсовъ и веселыхъ, но скромныхъ, пѣсенокъ: Пресіоса не позволяла, чтобы ея подруги пѣли пѣсни непристойныя и сама ихъ никогда не пѣла. Всѣ за то ее уважали. Отъ нея, какъ аргусъ, ни на шагъ не отходила старая Хитана, боясь, чтобъ ее у ней не стибрили; называла ее внучкой, а та почитала ее бабушкой.

Хитанки, изъ угожденія любовавшимся Пресіосой, начали плясать, отошедши подъ тѣнь, въ Толедской улицѣ. Изъ слѣдовавшихъ за ними вскорѣ составился большой кругъ, и покуда тѣ плясали, старуха собирала у окружавшихъ подаяніе, и на нее, какъ каменья на театральныя подмостки, сыпались очавы и кварты: * вѣдь и красота имѣетъ силу пробуждать спящую любовь къ ближнему. По окончаніи пляски Пресіоса сказала: «Если мнѣ дадутъ четыре кварта, то я спою вамъ чудеснѣйшій романсъ о томъ, когда наша королева Донья Маргарита ходила въ Вальядолидъ брать послѣ родинъ молитву, въ монастырѣ святаго Лаврентія. Говорю вамъ, что славный романсъ! Онъ сочиненъ однимъ стихотворцемъ, который передъ своей братьей, что̀ твой капитанъ передъ батальономъ!» Едва она это сказала, какъ почти всѣ стоявшіе въ кругу закричали: «Спой, Пресіоса; вотъ тебѣ мои четыре кварта.» И на нее посыпались, какъ градъ, кварты, которые старуха едва успѣвала подбирать. Собравши такимъ образомъ жатву, Пресіоса брякнула въ свои со-

* Мелкая монета.

Digitized by Google

нахи, и на быстрый и живой голосъ запѣла слѣдующій романсъ:

Выѣзжала въ Божью церковь
Брать молитву очищенья
Королева, перлъ чудесный,
По цѣнѣ и по названью.*

Какъ за ней глаза стремились,
Такъ ей вслѣдъ сердца летѣли
Всѣхъ, кто видѣлъ въ изумленьи,
Выѣздъ пышный и священный.

Въ знакъ, что къ намъ ее на землю
Небо въ благости послало,
Съ-боку, съ ней течетъ Аврора,
Солнце Австріи съ другаго.

Слѣдуетъ за ней свѣтило,
Ни-заря-ни-свѣтъ поднявшись,
Какъ еще не осушили
Слезы ни земля, ни небо.

Если на небѣ есть звѣзды,
Въ видѣ свѣтлой колесницы, —
То и здѣсь свое есть небо:
Въ колесницѣ блещутъ звѣзды.

Тутъ Сатурнъ, старикъ почтенный,
Гладитъ бороду и холитъ;
Хоть не скоро, а плетется:
Радость и подагру лечитъ.

* Тутъ игра словъ: Margarita значитъ по-испански перлъ, жемчужина.

Digitized by Google

Богъ лукавый краснобайства
Сьплетъ ласковыя рѣчи;
Купидонъ девизы ставитъ
Изъ жемчужинъ и рубиновъ.

Дальше, съ грозною осанкой,
Выступаетъ Марсъ свирѣпый,
Въ видѣ молодаго хвата,
Что̀ своей боится тѣни.

Рядомъ съ солнечнымъ чертогомъ,
Тамъ Юпитеръ: эту милость
Заслужить совсѣмъ не трудно,
Лишь трудись и будь полезенъ.

Полный мѣсяцъ рдѣетъ въ нѣжныхъ
Щечкахъ двухъ земныхъ богиней;
Дѣвственная Афродита —
Въ красотѣ всѣхъ юныхъ путницъ.

Маленькіе Ганимеды
Взадъ, впередъ снуютъ, порхаютъ
По̀ поясу золотому
Этой свѣтлой, чудной сферы.

И чтобъ все здѣсь поражало
Удивленьемъ, нѣтъ диковинъ,
Нѣтъ нигдѣ такихъ сокровищъ;
Роскошь здѣсь дошла до-нельзя.

Тутъ Миланъ несетъ богатый
Кучу тканей драгоцѣнныхъ;
Индія свои алмазы,
И Аравья ароматы.

Digitized by Google

Съ злонамѣренными ∂-бокъ
Зависть ѣдкая тащится;
Преданность пылаетъ въ сердцѣ
У Испанцевъ благородныхъ.

Повсемѣстное веселье
Гонитъ всюду мракъ печали,
Голову—сломя несется
Вдоль по улицамъ, съ народомъ.

Тысяча благословеній
Оглашаютъ шумно воздухъ;
Даже дѣти повторяютъ
Восклицанія всѣхъ взрослыхъ.

Восклицаютъ: «Разрастайся,
Виноградная лозинка;
Вейся вкругъ роднаго вяза,
Подъ его скрываясь тѣнью.

Разрастайся въ честь и славу,
Къ благу преданныхъ Испанцевъ,
Для опоры Христіанства,
И на ужасъ Магомету.»

А другіе восклицаютъ:
«Много лѣтъ тебѣ, голубка!
Ты намъ вывела орленковъ,
Властелиновъ двухъ монархій,

Чтобы коршуновъ бить хищныхъ
Въ нашемъ синемъ поднебесьи,
Чтобы пріютить подъ крылья
Добродѣтели святыя.»

Digitized by Google

А другой, вникая глубже,
Видя дальше и яснѣе,
Говоритъ, являя радость
На устахъ и въ ясномъ взорѣ:

«Этотъ перлъ, что ты дала намъ,
Раковина водъ австрійскихъ,
Сколько кововъ разрушаетъ,
Сколько замысловъ зловредныхъ!

Сколько вдругъ надеждъ вливаетъ,
И разстраиваетъ плановъ,
Сколько страховъ умножаетъ,
Губитъ тайныхъ заговоровъ.»

Въ это время поѣздъ прибылъ
Къ храму Феникса святаго,
Что, сожженный въ древнемъ Римѣ,
Всё живетъ — въ нетлѣнной славѣ.

Къ образу предвѣчной жизни,
Къ образу царицы неба,
Той, что за свое смиренье
Звѣзды нынѣ попираетъ;

Къ Дѣвѣ-Матери притекши,
Преклонивъ предъ ней колѣни,
Королева Маргарита
Молится и такъ взываетъ:

«Даръ твой приношу, благая,
Вѣчно щедрая десница,
Подающая съ избыткомъ
Блага всѣмъ, Тебя молящимъ.

Digitized by Google

Вотъ мой первенецъ, вотъ сынъ мой!
Приношу тебѣ, Пречистой:
Призри и, своимъ покровомъ
Осѣня, содѣлай добрымъ.

Объ отцѣ его молюся:
Земнородному Атланту
Тяжко бремя управленья
Столькихъ царствъ и странъ далекихъ.

Знаю, что царево сердце
Въ Божіей рукѣ всесильной,
Знаю, что твои молитвы
Все возмогутъ передъ Богомъ.»

Послѣ этого моленья
Королевы Маргариты
Раздались святые гимны,
Славу Бога возвѣщая.

По скончаніи обряда
Съ царской пышностью и блескомъ,
Дивный кругъ свѣтилъ небесныхъ
Возвратился къ прежней точкѣ.

Едва Пресіоса кончила свой романсъ, какъ слушавшій ее знаменитый аудиторій и важное судилище, закричалъ въ одинъ голосъ: «Еще, еще, Пресіоса! За квартами дѣло не станетъ!» Болѣе двухъ сотъ человѣкъ смотрѣли пляску и слушали пѣніе Хитанокъ, и въ самый-то разгаръ случилось проходить тамъ одному изъ городскихъ теніентовъ. * Видя такое сте-

* Родъ пристава съ судебной властью.

Digitized by Google

Отдѣленіе IV.

Иностранная Словесность.

=

АЛАДДИНЪ,

или

ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА, ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ,

ЭЛЕНШЛЕГЕРА.

—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—

Актъ первый.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Испаганъ.

Маленькая бѣдная комната. МУСТАФА, портной, сидитъ на столѣ и шьетъ; МОРГІАНА, его жена, прядетъ.

МУСТАФА.

Ну, что, опять заснула, Моргіана?

МОРГІАНА.

Нѣтъ, Мустафа, ошибся, мой красавчикъ:
Намазъ вечерній про-себя читала,

Digitized by Google

И чтобъ ничѣмъ мірскимъ не развлекаться,
Глаза закрыла..... Поздно ужъ должно быть?

Зѣваетъ.

МУСТАФА.

Какъ поздно!..... что̀ за поздно?..... что̀ за рѣчи?
По мнѣ, такъ рано. Кто хозяинъ въ домѣ,
Ты или я?... . Ты старая колдунья.....
Такое ль время нынче бѣднымъ людямъ,
Какъ ты съ тобой, объ эту пору спать
Ложиться!.....

МОРГІАНА.

Что̀ ты! я не спать ложусь.
Я только–что намазъ.....

МУСТАФА.

Дался намазъ ей!
Работать нужно, говорятъ тебѣ!
Не приготовишь пряжи, такъ на рынкѣ
Ни мяса не дадутъ тебѣ, ни хлѣба.
Я человѣкъ ужъ старый, обезсилѣлъ.....
Не въ мочь по–прежнему махать иголкой.....
Вѣдь ты жена моя, ты половина,
Такъ половина и трудовъ твоя.

МОРГІАНА, плачетъ.

Да я вѣдь помогаю, сколько въ силахъ!.....

МУСТАФА.

Ну, ну, не плачь; я больше не сержусь.
Ты не худа; есть жены и похуже.
Бывало, прежде, — какъ богаче былъ, —
Я самъ тебѣ работать запрещалъ,
Чтобъ ты не портила прекрасныхъ ручекъ
И личика. Да вотъ что̀ значитъ жизнь!
Съ тебя давно сошла ужъ позолота,
А у меня все золото ушло!
Теперь ты прясть должна, чтобъ прокормиться,
Не только намъ, и сыну негодяю:
Вѣдь тоже ѣсть подай, обуй, одѣнь;
А онъ лишь по–пустому тратитъ время.....

Digitized by Google

МОРГІАНА.

Всегда ты на бѣдняжку нападаешь.....
Онъ молодъ! Ну, съ его горячей кровью
Нельзя же цѣлый день, поджавши ноги,
На верстакѣ сидѣть, да шить.....

МУСТАФА.

Вотъ!..... молодъ!
А мостовую цѣлый день топтать,
По улицамъ бродить, поджавши руки,
На это кровь не горяча? Послушай.....

МОРГІАНА.

Ну, ладно ужъ! молчи. Вотъ онъ идетъ.

АЛАДДИНЪ, приходитъ.

Богъ помощь вамъ, родители!

МУСТАФА.

Постой,
Постой, я помогу тебѣ, мерзавецъ!
Ты гдѣ опять изволилъ шляться?..... а?.....
На улицѣ съ мальчишками возился?

АЛАДДИНЪ.

Нѣтъ, я совсѣмъ не шлялся, дѣло дѣлалъ.
Вотъ деньги отъ богатаго купца,
За платье; на!..... Онъ самъ-то не былъ дома,
Да мнѣ, какъ мальчику, открытый входъ.
Когда прійду, вотъ такъ и окружатъ
Всѣ женщины; и вонъ не выпускаютъ.
Святой пророкъ! какія все милашки!.....
Онѣ со мной шутили все сегодня:
Спросили, знаю ль ремесло свое.
Я отвѣчалъ, что, ежели позволятъ,
Я мѣрку съ нихъ сниму. Онѣ тотчасъ
Мнѣ ножницы, бумаги принесли;
Я и давай ихъ мѣрять! Вотъ потѣха!
И руки-то, и стройный станъ, и груди.....
Портнаго ремесло, ей, ей, презнатно!

Digitized by Google

МУСТАФА.

Вотъ я тебѣ отмѣряю, негодный!
Я накрою тебѣ!.....

Соскакивая со стола, скользитъ и чуть-чуть не падаетъ.

Святой пророкъ!.....
Ай, помогите!..... падаю..... убьюсь!

АЛАДДИНЪ, поддерживая его.

Ну, вотъ! всегда вѣдь этакъ отъ горячки.

МУСТАФА, со скрытою злостью.

Сынокъ, поди, подай-ка мнѣ аршинъ.

Аладдинъ приноситъ аршинъ; Мустафа хочетъ ударить сына, но тотъ проворно отскакиваетъ, такъ-что старикъ ударяетъ по прялицѣ съ шерстью, которая валится на свѣчу и загорается. Аладдинъ убѣгаетъ.

МОРГІАНА, которая между тѣмъ спала, просыпается и, видя огонь, кричитъ внѣ себя.

Пожаръ! пожаръ!..... па!..... Испагань!.... пожаръ!
Вся славная персидская столица
Огнемъ горитъ!

МУСТАФА.

Нѣтъ, это уже слишкомъ!
О бѣдный я, пропащій человѣкъ!.....
Вѣдь этакой злодѣй, мальчишка скверный!.....
Да какъ ты смѣлъ бѣжать отъ наказанья?
Ты хочешь, чтобъ работы я лишился
У всѣхъ ревнивыхъ богачей?..... Ты хочешь.....
Да что ты, Моргіана? ты рехнулась!
Сидишь, глядишь какъ прялица горитъ!.....
Гаси!..... подай воды!..... воды, скорѣе!

МОРГІАНА.

Гаси!..... воды!..... Да гдѣ жъ мнѣ взять воды?
Теперь воды совсѣмъ и въ домѣ нѣтъ!
У насъ ни ведеръ нѣтъ, ни трубъ пожарныхъ.....
Ай, шерсть моя! Ай, нитки, нитки!

Въ торопяхъ хватаетъ шелковое платье, которое Мустафа шилъ, и накрываетъ имъ огонь.

Digitized by Google

МУСТАФА.

Кафтанъ горитъ! О! вотъ ударъ ужасный!
Я этотъ день едва ль переживу.....
На домъ нашъ страшная бѣда напала;
Свѣтильникъ дней моихъ тотчасъ погаснетъ.

МОРГІАНА.

Ахъ, если бы погасло, я бы рада!
А то вѣдь этакъ скоро домъ сгоритъ!

Мустафа падаетъ безъ чувствъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Африка.

Большая комната, слабо освѣщенная лампою. По стѣнамъ развѣшаны разные математическіе и другіе инструменты; стоятъ шкафы съ книгами. Въ глубинѣ сидитъ волшебникъ НУРЕДДИНЪ, въ длинной черной одеждѣ, на которой изображено множество кабалистическихъ фигуръ и таинственныхъ знаковъ. Передъ нимъ, на столѣ, ящикъ съ мелкимъ пескомъ. Погруженный въ размышленіе, онъ чертитъ на пескѣ черною палочкою и потомъ вдругъ восклицаетъ:

Рѣдчайшее сокровище! Превыше
Всѣхъ благъ земныхъ!.... Въ пещерѣ.... въ Азіи....
Да гдѣ же въ Азіи? Близь Испагани.....
Въ глубокой пропасти, подъ сводомъ скалъ.....
Среди высокихъ горъ.
Святая сила!
Какая удивительная тайна
Открылась мнѣ! Ужели мнѣ удастся
Вознаградить теперь сорокалѣтній,
Прилежный трудъ?
Еще что?..... дай взгляну.
Какой же кладъ тамъ? Мѣдная лампада!
Какъ! ржавая, совсѣмъ простая лампа?.....
Какое жъ свойство въ ней? Ахъ, неизвѣстно!
Узнаетъ лишь владѣлецъ. Буду ль я, —
Произнести вопросъ едва дерзаю, —

Digitized by Google

Ахъ, буду ль я владѣльцемъ этой лампы?.....
Песокъ мой мелкій слился, какъ вода;
Слѣдовъ совсѣмъ не оставляетъ грифель.
Не ясно!..... Но..... высокими волнами
Вздымается, кипитъ сухое море,
Какъ степь, когда завоетъ ураганъ.
Что̀ знаки тайные вѣщаютъ? Должно
Взять старый, запыленный фоліантъ,
Въ восточной части залы, — гдѣ попало,
Открывъ, читать, и тайна объяснится.

Медленно подходитъ къ шкафу, беретъ книгу и читаетъ.

«Разсѣяны дары благіе счастья;
Не многіе вполнѣ имъ обладаютъ.
Мы всѣ находимъ только искры, части.

Всему и мѣсто и пора бываютъ:
Гдѣ виноградъ цвѣтетъ и персикъ спѣетъ,
Тамъ почву горъ волканы потрясаютъ.

Гдѣ пальму стройную востокъ лелѣетъ,
Тамъ межь цвѣтовъ ползущій гадъ живетъ
И ядовитый сокъ анчара зрѣетъ.

На сѣверѣ — снѣга, морозъ и ледъ,
Но не грозятъ нежданыя напасти,
И силу человѣку рожь даетъ.

Безпечные гораздо ближе къ счастью:
Все то, что̀ добываешь ты трудами,
Не зная сна, и въ ведро, и въ ненастье, —

Дается имъ всесильными богами.
Ихъ счастіе привѣтливо манитъ:
Во всемъ удача имъ, чуть знаютъ сами.

А счастье въ томъ всегда и состоитъ,

Digitized by Google

Что милаго оно само находитъ,
Какъ ароматъ цвѣтка къ нему летитъ.

Оно не силой, волею приходитъ.
Напрасно въ страхѣ вопрошаетъ свѣтъ:
Когда оно прійдетъ, куда уходитъ?

Не впрокъ твои труды и размышленье,
Коль ты не предъизбранъ отъ юныхъ лѣтъ,
И весь твой трудъ — пустой мечты волненье.
Ты мнишь схватить..... а призрака ужъ нѣтъ!»

Задумчиво закрываетъ книгу.

Вѣдь это смертный написалъ, пѣвецъ
Убогій, мало посвященный въ тайны
Природы. А она мнѣ благосклонно
Указываетъ сокровенный кладъ.....
Уже ль изъ прихоти, чтобъ насмѣяться
Надъ легковѣріемъ моимъ?..... Нѣтъ, нѣтъ!
Природы мудрый голосъ не вѣщаетъ
Обманчивыми звуками фиглярства,
И свѣтъ ея вѣдь не огонь блудящій,
Который лишь смущаетъ ложнымъ блескомъ.
Она перстомъ привѣтно, величаво
Теперь мнѣ указуетъ мой удѣлъ.
Я понялъ, что таинственно и чудно
Она, а не пѣвецъ, мнѣ предлагаетъ
На размышленье въ этой темной пѣснѣ.
Раздѣлены лишь силы; много рукъ
Потребно, чтобъ поднять большую тяжесть.
А мнѣ данъ свѣтлый умъ, чтобъ могъ проникнуть
Я внутрь глубокихъ тайниковъ природы.
Однако жъ я не *внѣшнее* орудье;
«Безпечный», то есть, юноша, ребенокъ,
Который вмѣсто разума, души,
Снабженъ одною кровью, мясомъ, плотью,
Такой ребенокъ будетъ мнѣ помощникъ,

Digitized by Google

Мое орудье. Онъ достанетъ кладъ
И мнѣ подастъ, цѣны ему не зная.
Не такъ ли, многомудрый Соломонъ?

Опять чертитъ.

Такъ точно!..... да! Пещеры входъ откроетъ
Зажженный пукъ благоуханныхъ травъ;
Мой выигрышъ изъ темной урны вынетъ
Живой, безпечный, краспощекій мальчикъ, —
Какъ тамъ, на европейскихъ лотереяхъ.
Благодарю, святой пророкъ могучій!

Мой духъ трудомъ науки утомленъ.
Нашелъ онъ счастіе; теперь же тѣлу
Усталому необходимъ покой.
О, какъ отрадно я усну! А завтра,
Посредствомъ силъ волшебнаго кольца,
Я буду въ Азіи, и послѣзавтра,
Съ чудесной лампою, я ворочусь
Домой, счастливѣйшимъ изъ мудрецовъ.

Уходитъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Испаань.

Комната Мустафы. МОРГІАНА и ея сосѣдки стоятъ вокругъ гроба.

МОРГІАНА.

Спасибо вамъ, голубушки мои,
Что помогли мнѣ муженька одѣть.
Онъ умеръ! Ахъ, великій Магометъ!
Ужъ онъ не будетъ на столѣ сидѣть
И шить, журить меня, за то, что сплю.
Теперь и самъ заснулъ, да еще крѣпче,
Чѣмъ мнѣ когда-либо уснуть случалось.
Спасибо, матушка Фатима, Зульма,
Спасибо, кумушки, спасибо всѣмъ вамъ!
Коли случится умереть изъ вашихъ

Digitized by Google

Мужей кому-нибудь, и Моргіана
Поможетъ вамъ и одѣвать и плакать.
Аллахъ, Аллахъ!..... Подумайте! Тафта,
Въ которой онъ лежитъ, его убила!
Хотѣлъ аршиномъ треснуть Аладдина,
Да въ прялицу попалъ; она на свѣчку
Упала, загорѣлась..... Я, въ испугѣ,
Со сна вскочила, погасить хотѣла,
Да, въ попыхахъ-то, хвать кафтанъ..... накрыла.
А мужъ-то такъ и грохнулся безъ чувствъ.
Смотрю..... ахъ, мать моя! ужъ онъ и умеръ!

Плачетъ.

Голубчикъ мой! кормилецъ!.... Ну.... что жъ дѣлать!
Намъ всѣмъ тамъ быть..... Да всё-таки прискорбно.
Такимъ манеромъ!..... Этакой разбойникъ
Нашъ Аладдинъ! Ну, кумушки, прощайте.
Могильщики идутъ ужъ. Охъ, какъ горько!

Могильщики входятъ.

Не вытерплю..... умру..... умру съ тоски.
Ахъ, ахъ! голубчики, по-осторожнѣй!
Берите легче, да несите тише:
Вѣдь старый человѣкъ! Ужъ онъ теперь
Не можетъ выносить большихъ толчковъ.
А опускать какъ станете въ могилу,
Такъ къ Меккѣ голову, къ Мединѣ ноги
Оборотить не позабудьте!..... Дай,
Еще разъ поцѣлую..... Какъ спокоенъ!.....
Бывало, какъ шумѣлъ!..... Теперь ужъ полно!
Прости, мой муженекъ! Прости, родимый!

Могильщики уносятъ гробъ. Женщины вопятъ.

Digitized by Google

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Улица.

АЛАДДИНЪ и толпа мальчишекъ. Въ глубинѣ НУРЕДДИНЪ, который внимательно наблюдаетъ все, что они дѣлаютъ.

СЕЛИМЪ.

Вотъ, Аладдинъ идетъ! Ну, это славно!
Теперь у насъ игра пойдетъ.

АЛАДДИНЪ.

Здорово,
Ребята!

СЕЛИМЪ.

Гдѣ ты былъ такъ долго?

АЛАДДИНЪ.

Тамъ,
На кладбищѣ, у маленькой мечети,
Сегодня хоронили старика,
Такъ я остановился посмотрѣть.
Послушалъ пѣнія и любовался,
Какъ гробъ торжественно несли къ могилѣ.

СЕЛИМЪ.

Зачѣмъ же не взялъ ты меня съ собой?.....
А хоронили-то кого?

АЛАДДИНЪ, зѣвая.

Отца.

СЕЛИМЪ.

Кого?..... что?..... Твоего отца? Онъ умеръ?

АЛАДДИНЪ.

Третьяго-дня.

СЕЛИМЪ.

А ты и не сказалъ?

АЛАДДИНЪ.

Да я забылъ.

СЕЛИМЪ.

И ты совсѣмъ не плачешь?

Digitized by Google

АЛАДДИНЪ.

О чемъ? къ–чему?

СЕЛИМЪ.

Тебѣ и горя мало!

АЛАДДИНЪ.

И, вотъ! Коль обо всемъ намъ горевать,
Такъ не просушишь глазъ. Вѣдь мой отецъ
Былъ очень старъ и дряхлъ.

СИНДБАДЪ.

Ну, такъ пойдемъ же.
Купецъ, что̀ на углу, опять сегодня
Три апельсина хочетъ бросить намъ
На драку.

АЛАДДИНЪ.

Я готовъ.

СИНДБАДЪ.

И, полно, такъ ли?.....
Я думаю..... Гляди, гляди! бросаютъ.
Хватай, лови, ребята!

Аладдинъ поймалъ на лету выброшенный апельсинъ.

СЕЛИМЪ.

Ты счастливецъ,
По–прежнему!

МАЛЬЧИКИ.

Давайте больше, больше!

Изъ окна летитъ другой апельсинъ; Аладдинъ схватываетъ и его.

АЛАДДИНЪ.

И этотъ мой! Теперь я два имѣю.

СИНДБАДЪ.

Нѣтъ, Аладдинъ! Мы больше не хотимъ
Съ тобой играть. Съ тебя довольно двухъ.
Ребята, подержите–ка его,
Нето онъ третій схватитъ!

Нѣкоторые держатъ Аладдина. Третій апельсинъ летитъ и падаетъ на чалму Аладдинову.

Digitized by Google

АЛАДДИНЪ, вынимая его.

Вотъ и третій!
Одинъ я съѣмъ, а эти два возьмите.

Бросаетъ апельсины; мальчики убѣгаютъ ловить ихъ.

БУРЕДДИНЪ.

Чего же больше? Не сама ль судьба
Указываетъ мнѣ мое орудье?
Его—то мнѣ и надобно: онъ молодъ,
Здоровъ, силенъ, лѣнивъ и беззаботенъ.
Отца хоронятъ, онъ играетъ здѣсь,
Иль смотритъ на обрядъ, какъ на забаву.
А счастіе само къ нему летитъ,
Когда не схватитъ онъ, само дается.
Прекрасно! Я нашелъ, чего искалъ.

Подходитъ къ Аладдину.

Здорово, милый. Поздравляю! Ты,
Я вижу, молодецъ ловить.

АЛАДДИНЪ, застѣнчиво.

Не—что.

БУРЕДДИНЪ.

Прости, что я, не будучи знакомъ,
Тебѣ услуги, дружбу предлагаю:
Я чувствую привязанность къ тебѣ.
Я мальчиковъ люблю, а ты красавецъ
Изъ всѣхъ, которые теперь здѣсь были.
Притомъ ты всѣхъ ловчѣй и выше ростомъ.
А сколько лѣтъ тебѣ?

АЛАДДИНЪ.

Семнадцать.

БУРЕДДИНЪ.

Только?
А съ виду кажешься гораздо старше.
Тебѣ недостаетъ лишь бороды,
Чтобъ быть мужчиной; ты красавецъ, ловокъ,
И счастливъ тоже. Я купецъ пріѣзжій

Digitized by Google

И, никого не зная въ Испагани,
Съ хорошими людьми ищу знакомства.

АЛАДДИНЪ.

Ты слишкомъ много дѣлаешь мнѣ чести!
Тебѣ жъ въ моемъ знакомствѣ мало проку:
Я бѣдный сынъ убогаго портнаго.
Отецъ недавно умеръ, и притомъ
Довольно странно: бить меня хотѣлъ,
Да невзначай сжегъ материну шерсть
И свой кафтанъ, а самъ, съ испугу, умеръ.

НУРЕДДИНЪ.

Я слышалъ, какъ о погребеньи ты
Разсказывалъ, и, — не гнѣвись, — дивился,
Что ты такъ хладнокровно разсуждалъ.

АЛАДДИНЪ.

Ну, что жъ? Онъ былъ вѣдь старый человѣкъ,
Семидесяти, слишкомъ, лѣтъ. А долѣй
Не многіе живутъ здѣсь, въ Испагани.

НУРЕДДИНЪ.

Но ты, какъ слышу, былъ причиной смерти.

АЛАДДИНЪ.

Затѣмъ что я, какъ глупый быкъ, спины
Подъ палку не подставилъ, отскочилъ
И убѣжалъ? Нѣтъ, милостивецъ мой!.....
Подумай только, что это за жизнь, —
На паутиночкѣ чуть-чуть держалась, —
Коль горсть горящей шерсти прекратить
Ее могла!..... Онъ долженъ мнѣ спасибо
Сказать, что я ему доставилъ случай
Откланяться.

НУРЕДДИНЪ.

Пристала ль сыну рѣчь
Такая?

АЛАДДИНЪ.

Сыну? Ахъ, ты, мой Творецъ!
Мнѣ кажется, что я ему родня

Digitized by Google

По матери. Онъ старикомъ женился,
А матушка красавицей слыла.
Насъ часто навѣщалъ эмиръ Аль-Сефи.
Я много на него похожъ. Онъ очень
Любилъ меня, ласкалъ, дарилъ игрушки.
Теперь убитъ въ турецкую войну.

НУРЕДДИНЪ

А какъ отца-то звали?

АЛАДДИНЪ.

Мустафой.

НУРЕДДИНЪ.

Онъ былъ портной?

АЛАДДИНЪ.

И тѣломъ и душой.

НУРЕДДИНЪ.

А долго ли онъ въ Испагани жилъ?

АЛАДДИНЪ.

Съ-тѣхъ-поръ какъ я запомню.

НУРЕДДИНЪ.

Онъ горячъ былъ,
Любилъ ворчать, шумѣть?.....

АЛАДДИНЪ.

Ты зналъ его?.....

НУРЕДДИНЪ.

Однако жъ былъ трудолюбивъ.....

АЛАДДИНЪ.

Ужасно!.....

НУРЕДДИНЪ.

Всегда на томъ настаивалъ упорно,
Что должно работать, не бить баклуши.

АЛАДДИНЪ.

Да, это точно онъ! Ты въ ростъ портретъ
Съ него списалъ.

НУРЕДДИНЪ.

Такъ обними жъ меня,
Племянникъ!

Digitized by Google

АЛАДДИНЪ.

Какъ! ты братъ его?..... мой дядя?

НУРЕДДИНЪ.

Да, да; я братъ его родной. Аллахъ мой!
Я полагалъ, что онъ давно ужъ умеръ.
Ну, думалъ ли, что мнѣ когда–нибудь
Племянника прійдется обнимать?
А вишь, какого молодца нашелъ!.....
Какъ имя?

АЛАДДИНЪ.

Аладдинъ.

НУРЕДДИНЪ.

Ну такъ! Онъ мнѣ
Писалъ въ тотъ самый день, какъ ты родился.
А то, что̀ говорилъ ты про эмира.....

АЛАДДИНЪ, съ смущеніемъ.

Аллахъ!..... Ну, дядюшка любезный, полно!
Вѣдь это такъ я, на вѣтеръ болталъ.

НУРЕДДИНЪ.

Пойдемъ же, Аладдинъ, племянникъ милый,
Ты къ матери своей меня проводишь.
Она жива?

АЛАДДИНЪ.

Въ той хижинѣ живетъ.

НУРЕДДИНЪ.

Семи–именный богъ! какъ дивно, странно
Встрѣчаются на этомъ свѣтѣ люди!

Уходитъ съ Аладдиномъ.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Внутренность хижины.

НУРЕДДИНЪ, МОРГІАНА И АЛАДДИНЪ, за ужиномъ.

МОРГІАНА

Достопочтеннѣйшій мой деверь! братецъ
Любезнѣйшій!..... Не погнѣвись, пожалуй,

Digitized by Google

Что я такъ смѣло говорю..... Скорѣй
Повѣрила бы, что Кавказъ свалился,
Иль высохли до дна Евфратъ и Тигръ,
Чѣмъ ожидала, что мой бѣдный мужъ.....
Теперь онъ въ Магометовомъ раю,
И хуріи, — прекраснѣе меня, —
Его ласкаютъ, нѣжатъ и лелѣютъ,
Фланелью ноги трутъ ему. Ну, пусть ихъ!
Я не ревную..... Да!..... Что жъ я хотѣла
Сказать?..... Ну, истинно, любезный деверь,
Вотъ, говорю, не думала никакъ,
Чтобъ Мустафа, мой бѣдный, хворый мужъ,
Имѣлъ такого знатнаго родню!
И вовсе мнѣ не приводилось слышать,
Чтобъ онъ когда разсказывалъ о братѣ;
А онъ вѣдь много говорилъ, покойникъ.
Вотъ, оттого-то я, — прошу прощенья, —
Подумала сначала, что..... ты — воръ,
Мошенникъ; ищешь случая украсть.
Ну, а потомъ опять, какъ разсудила,
Что здѣсь, у насъ, не больше ты украдешь,
Чѣмъ на сухихъ пескахъ пустой степи;
Вдобавокъ, какъ за кушаньемъ послалъ,
Да сталъ насъ подчивать пилавомъ и шербетомъ, —
Тогда мое сомнѣнье вмигъ исчезло.
Вѣдь вотъ!..... Ну, что же, Господи помилуй!
Да для чего жъ, когда бы не родня,
До насъ, сиротъ, ты былъ такъ добръ и ласковъ?

БУРКАДИНЪ.

Да, милая невѣстка, что могу,
Готовъ я сдѣлать для тебя и сына.
Что вашей участи не зналъ я раньше?.....
Ну, что же дѣлать! Было, не воротишь.
Что пользы горевать теперь о томъ,
Чего нельзя перемѣнить. Дай, лучше,

Digitized by Google

Подумаемъ объ настоящемъ. (Наливаетъ стаканъ.) Ну,
Племянникъ дорогой, поди-ка, выпей!

АЛАДДИНЪ.

Желаю здравья, дядюшка!

Пьетъ.

БУРХАДДИНЪ.

Послушай,
Невѣстка, разскажи мнѣ, чѣмъ же вы
Живете, и каковъ племянникъ мой,
Что дѣлаетъ, къ чему въ немъ есть охота?

МОРГІАНА.

Къ чему охота?..... Цѣлый Божій день
На улицѣ съ мальчишками возиться;
Шалить, въ грязи валяться какъ кабанъ;
Колѣнки, локти продирать; бить стекла;
Браниться, драться; рыскать какъ собака!.....
Ахъ, Господи!..... Ты не повѣришь, братецъ,
Какъ много слезъ и горя онъ мнѣ стоитъ!
Ужъ радостей мнѣ столько не видать,
Я знаю. Правда, онъ мой сынъ родной, —
И не дуренъ, кровь съ молокомъ, красавецъ, —
Сосѣдки говорятъ, что онъ, двѣ капли,
Походитъ на меня, — однако жъ правду,
Хоть голову сорви, должна сказать:
Я цѣлый день тружусь, сижу за прялкой,
А онъ рукой пошевелить не хочетъ,
Своихъ волосъ не хочетъ причесать!
Такой лѣнтяй, что страхъ: изъ рукъ вонъ, право.
Ну, обо всемъ я, горемычная вдова,
Сама должна заботиться. Портняжить
Отецъ его училъ, да толку мало:
Умѣнье даромъ, безъ труда, не дастся:
Его вѣдь бѣгаючи не поймаешь.
Когда покойникъ Мустафа былъ живъ,
Я все за негодяя заступалась;
За то теперь Аллахъ меня караетъ.

Digitized by Google

НУРЕДДИНЪ.

Ну, матушка невѣстка, успокойся.
Сынокъ твой, сколько я замѣтить могъ,
Имѣетъ нравъ открытый, благородный.
Но бѣдностью стѣсненный, удрученный,
Онъ силъ своихъ не могъ еще развить,
И оттого ребяческой игрой
И шалостями только занимался.
Но, я готовъ побиться объ закладъ:
Ему лишь стоитъ случай дать заняться
Хоть, напримѣръ, порядочной торговлей,
Дать лавку и товаровъ, разныхъ тканей
Изъ Индіи, Китая и Леванта.....
Ручаюсь, онъ исправится тотчасъ,
Оставитъ тунеядство, будетъ славнымъ,
Рачительнымъ купцомъ. Племянникъ, такъ ли?

АЛАДДИНЪ.

Ахъ, дядюшка, ты у меня въ душѣ
Читаешь! Увидавъ такую лавку,
Наполненную бархатомъ, парчею,
Шелками, жемчугомъ и кисеей, —
Всегда я думаю себѣ: ахъ, если бъ
И у меня была такая лавка!
Тогда хорошенькія Персіянки
Ко мнѣ ходить бы стали каждый день.....
Чтобъ лучше разсмотрѣть мои товары,
Онѣ откинули бы покрывала,
А я межь-тѣмъ разсматривалъ бы ихъ,
Видалъ бы всѣхъ красавицъ испаганскихъ.....
О, милый дядюшка, достань мнѣ лавку!
И я тебѣ даю честное слово,
Что сдѣлаюсь порядочнымъ, разумнымъ,
Опрятнымъ, и причесываться буду,
И баловать съ мальчишками не стану.

НУРЕДДИНЪ, подавая ему руку.

Ты обѣщаешь?

Digitized by Google

АЛАДДИНЪ, схвативъ ее.

О, клянуся!

НУРЕДДИНЪ.

Дѣло!
Такъ, послѣ-завтра мы добудемъ лавку.

МОРГІАНА.

Святой пророкъ! Откуда мы возьмемъ
Такую лавку?

НУРЕДДИНЪ.

Я куплю, невѣстка,
Я подарю и лавку и товары.

АЛАДДИНЪ, бросившись къ нему на шею.

Вотъ, это дядя! Дядюшка, мой милый!
Вотъ, этакихъ люблю! Ахъ, знаешь, дядя,
До послѣ-завтра очень долго ждать.....
Не лучше ли сейчасъ, иль завтра утромъ?
Сегодня, — жалко, — кажется, ужъ поздно.
Что̀ сдѣлано, то сдѣлано. Признаться,
Я не охотникъ ждать.

МОРГІАНА.

Ахъ ты повѣса!
Мерзавецъ ты! скотина! негодяй!
Ну, есть ли смыслъ въ твоей пустой башкѣ?
Ты этакъ дядюшку благодаришь
За безпримѣрное великодушье?...
Ахъ, братецъ мой любезный, добрый, милый!
Ты Магометомъ посланъ къ намъ изъ рая,
Чтобъ быть отцемъ несчастному ребенку,
Заступникомъ сироткѣ моему.....
Поди, чудовище, благодари,
И ручку дядѣ поцѣлуй тотчасъ!....
Ахъ, Господи! Не сонъ ли это, право?
Я такъ привыкла къ горю и печали,
Что это счастіе меня совсѣмъ
Разстроило!

Digitized by Google

НУРЕДДИНЪ.

Ну, успокойся, полно,
Невѣстка. Ты, племянникъ, потерпи:
Вѣдь завтра праздникъ, торговать нельзя.
Я завтра утромъ дамъ тебѣ одежду,
Приличную купцу. Ну, а потомъ,—
Коли позволитъ матушка, — мы вмѣстѣ
Немножко за городъ пойдемъ, гулять,
Въ прекрасные, прохладные сады.....
Не такъ ли?

АЛАДДИНЪ.

Очень радъ

НУРЕДДИНЪ.

Теперь покуда
Разстанемся. Я думаю, ужъ поздно.
И я усталъ ужасно. Такъ, до завтра!
Счастливо оставаться вамъ. Прощайте!

АЛАДДИНЪ И МОРГІАНА.

Покойной ночи, дядюшка любезный!

Нуреддинъ уходитъ.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Горное ущелье.

Тѣнистыя деревья, склоняясь съ нависшихъ скалъ, осѣняютъ небольшую цвѣтущую долину. Изъ горы бьетъ ключъ и, разбиваясь о камни, падаетъ въ пропасть. НУРЕДДИНЪ и АЛАДДИНЪ приходятъ, занятые разговоромъ.

АЛАДДИНЪ.

Ахъ, добрый дядюшка, твои разсказы
Такъ занимательны, что никогда
Не слыхивалъ я сказки превосходнѣй!
И я хоть безпрестанно слушать радъ.
Мнѣ кажется, что я теперь гораздо
Умнѣе сталъ, чѣмъ былъ когда мы вышли
Изъ города. Что ты мнѣ о торговлѣ
Разсказывалъ, конечно, хорошо,

Digitized by Google

Однако жъ признаюсь, что толкованье
Таинственныхъ и дивныхъ силъ природы,
Разсказъ о тѣхъ людяхъ, которымъ случай
Иль счастье то̀ даютъ, чего другіе
Съ трудомъ напрасно ищутъ цѣлый вѣкъ, —
И о другихъ вещахъ, тому подобныхъ, —
Мнѣ всё же нравится гораздо больше.

НУРЕДДИНЪ.

Да, это и достойнѣе гораздо
Вниманья и разсудка человѣка.

АЛАДДИНЪ, съ удивленіемъ озираясь.

Ради Аллаха! гдѣ же мы теперь?
Ты такъ меня своею рѣчью занялъ,
Что о дорогѣ я совсѣмъ забылъ.
Мы черезъ лѣсъ, поля, и рвы, и камни
Прошли; сады давно ужъ миновали,
И вотъ, стоимъ средь горъ. Должно-быть, мы
Ужасно далеко ушли отъ дому.
Да мнѣ и показалося однажды,
Что я усталъ; потомъ опять забылъ.
Ты вѣрно тоже ни о чемъ не помнилъ?

НУРЕДДИНЪ.

Нѣтъ, другъ мой, я нарочно по-немногу
Тебя изъ шума городскаго вывелъ
Въ прекрасную природу. Помнишь, какъ
Твое сердечко радостно забилось,
Когда мы шли среди садовъ, подобныхъ
Огромному цвѣточному вѣнку,
Сплетенному вкругъ груды бѣлыхъ камней!
Хотя не спорю, что сады и рощи,
Съ прохладной тѣнью, свѣтлыми ручьями,
Насъ радуютъ своими красотами,
Однако же, стѣсненные заборомъ,
Границею владѣній, подъ надзоромъ
Владѣтеля, они ничтожны, бѣдны
Противъ широкаго раздолья этихъ горъ,

Digitized by Google

Богатыхъ, величавыхъ, безграничныхъ....
Мой милый сынъ, я не случайно, съ цѣлью,
Твой юный разумъ постепенно велъ
Отъ малаго къ великому; разсказы
Мои къ тому служили, чтобы ты
Заранѣе къ чудесному привыкъ;
Чтобъ ты, здоровый, сильный тѣломъ, слабый
Умомъ, не взвился какъ пугливый конь,
Не оробѣлъ, когда услышишь взрывъ.
Теперь, мнѣ кажется, ужъ я могу
Открыть тебѣ и самую причину.

АЛАДДИНЪ.

Скажи, скажи! я не боюся, дядя.

НУРЕДДИНЪ.

Ну, слушай же мой другъ. Я много лѣтъ
Читалъ въ чудесной книгѣ тайнъ природы,
И наконецъ мнѣ удалось открыть
Такія дивныя ея созданья,
Которыхъ слабые глаза толпы
Не могутъ видѣть. Такъ я между прочимъ
Узналъ, что здѣсь, гдѣ мы теперь стоимъ,
Находится глубокая пещера;
Въ ней все, что порождаютъ нѣдра горъ,
Цвѣтетъ и блещетъ и сіяетъ лучше,
Великолѣпнѣе, роскошнѣе, чѣмъ здѣсь
Земной поверхности произведенья,
Которыхъ цвѣтъ, лишь только распустившись,
Становится увядшихъ листьевъ грудой.
Такъ, если ты осмѣлишься, мой другъ,
Сойти туда, полюбоваться дивомъ, —
Я для тебя же вѣдь сюда пришелъ,
А самъ я видывалъ довольно часто, —
Тогда волшебной силой заклинанья
Тебѣ открою тайный входъ въ пещеру.

Digitized by Google

АЛАДДИНЪ.

Какъ, дядюшка! Здѣсь есть пещера? Здѣсь,
На этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоимъ?

НУРЕДДИНЪ.

Прекрасное собранье минераловъ,
Великолѣпнѣйшій музей природы.

АЛАДДИНЪ.

И ты волшебной силой заклинанья
Мнѣ можешь тайный входъ въ нее открыть?

НУРЕДДИНЪ.

Да, эту силу мнѣ послалъ Аллахъ.

АЛАДДИНЪ.

Вотъ чудеса!

НУРЕДДИНЪ.

А ты уже боишься?

АЛАДДИНЪ.

Боюсь? Нисколько! Но вѣдь это странно!

НУРЕДДИНЪ.

Смотри же. Видишь, тамъ, сухіе сучья
Торчатъ изъ-за скалы. Поди скорѣе,
Охабку принеси; огонь разложимъ:
Мнѣ нужно травы жечь для заклинанья.
Да поспѣши, нето мы опоздаемъ.

АЛАДДИНЪ.

Охотно, дядюшка, я все исполню,
Что ты велишь. Мнѣ хочется ужасно
Въ чудесной той пещерѣ побывать.

Убѣгаетъ.

НУРЕДДИНЪ, ОДИНЪ.

Такъ, наконецъ, насталъ мой часъ блаженства!
Я буду обладателемъ несмѣтныхъ
Сокровищъ. Вотъ! вотъ это мѣсто! вотъ,
Куда душой стремился я всю жизнь!
А вотъ мое орудіе идетъ,
Безпечно связку хворосту несетъ онъ,
Торопится, и подъ ноги не смотритъ.

Digitized by Google

Безумный! оглянись! въ послѣдній разъ
Вкуси благоуханіе цвѣтовъ
И теплотою солнца насладись!
Ты скоро, разлученный съ ними, будешь
Въ холодномъ мракѣ ждать голодной смерти.....
Такое дѣло слабый назоветъ
Жестокостью. Но это только мудрость
Безстрастная. Чему должно быть такъ, —
Не можетъ быть иначе. Испытатель
Природы побоится ли въ червя
Воткнуть иголку?

АЛАДДИНЪ, со связкою хворосту.

Вотъ тебѣ дрова.
Слона изжарить хватитъ. Знаешь, дядя,
Межь-тѣмъ какъ я тамъ хворостъ собиралъ,
На мысль мнѣ вспало древнее преданье
О томъ какъ Авраамъ хотѣлъ зарѣзать
Исаака, какъ бѣдняжка самъ и дровъ
Принесъ для своего костра.

Живо и съ торжествующимъ видомъ взмахиваетъ рукою надъ головой.

Однако жъ,
Аллахъ ему спасителя послалъ!
Гроза сильнѣй, — Аллаха помощь ближе!
Не правда ли?

НУРЕДДИНЪ, съ смущеніемъ.

Пути судебъ сокрыты
И неисповѣдимы.

АЛАДДИНЪ.

Исаакъ,
Должно-быть, былъ немножко недогадливъ,
Что не замѣтилъ хитрости отцовской.
Будь я: небось, не провели бъ такъ скоро!

НУРЕДДИНЪ.

Конечно. Ну, склади же хворостъ клѣткой,
Я подложу огня. Да, кстати, слушай,

Digitized by Google

Еще словечко. Съ первой нашей встрѣчи,
Когда я видѣлъ, какъ ты апельсины
Ловилъ, я счелъ тебя удалымъ парнемъ,
Который презираетъ бабій страхъ,
Не труситъ, не трепещетъ какъ ребенокъ,
И выдержитъ охотно приключенье.

АЛАДДИНЪ.

Надѣюсь, что во мнѣ ты не ошибся.

БУРЕДДИНЪ.

Ну, ладно же. Я покажу тебѣ
Прекрасное и дивное явленье,
Которому ты очень будешь радъ.
Когда зажгу я хворостъ, брошу зелья,
Произнесу волшебныя слова, —
Земля подъ нами съ громомъ затрясется,
Изъ нѣдръ ея поднимется большая
Плита, съ кольцомъ желѣзнымъ по срединѣ;
И ты, за то кольцо, плиту поднимешь,
Когда лишь про–себя произнесешь
Завѣтное отца и дѣда имя.
Отвалишь камень, лѣстницу увидишь;
По ней тотчасъ ты спустишься..... Не бойся,
Что мрачно тамъ сначала: скоро свѣтъ
Увидишь лучше здѣшняго, и чище,
Блистательнѣй, чѣмъ солнца желтый лучъ.
Сперва ты вступишь въ три высокихъ грота,
Блестящихъ золотомъ и серебромъ.
Пройди ихъ и не тронь тамъ ничего:
Не стóитъ: слишкомъ крѣпко, не отломишь.
Прошедши эти гроты, выйдешь въ садъ:
Эдемъ не могъ быть лучше и прекраснѣй!
Быть–можетъ, это онъ и есть; быть–можетъ,
Онъ скрылся здѣсь со дня грѣхопаденья.
Тамъ, какъ брилльянтовыя ожерелья
Султанши, разноцвѣтные плоды, —
Зеленый, желтый, синій, красный, бѣлый, —

Digitized by Google

Блестятъ, цвѣтами радуги играютъ.....
Ахъ, какъ охотно я съ тобой пошелъ бы!
Нельзя! Позволено лишь одному
Туда сходить. Быть такъ! Я для тебя
Пожертвую всѣмъ этимъ наслажденьемъ.
За это требую лишь одного:
Чтобъ ты прошелъ вдоль сада, до стѣны.
Тамъ, въ темномъ, закоптѣломъ углубленьи,
Увидишь мѣдную, простую, лампу.
Возьми ее и принеси ко мнѣ:
Ты знаешь, что имѣю я пристрастье
Къ старинному, и старый хламъ люблю,
Другимъ негодный, но пріятный мнѣ.....
Пустая прихоть, вздоръ, да вотъ люблю!.....
Пойдешь назадъ, такъ наберешь плодовъ,
Хоть сколько хочешь, сколько сможешь снесть.
Да только поспѣши принесть мнѣ лампу.

АЛАДДИНЪ.

Ну ладно, дядюшка; на все готовъ.

НУРЕДДИНЪ вынимаетъ изъ коробочки горсть зелья и бросаетъ въ огонь. Слышенъ глухой раскатъ грома; молнія ударяетъ въ то мѣсто, гдѣ горитъ хворостъ; земля колеблется и изъ нея выходитъ большая четвероугольная мраморная плита, съ желѣзнымъ кольцомъ по серединѣ.

Живѣй! живѣе, Аладдинъ, проворнѣй!

АЛАДДИНЪ.

Ахъ! дядюшка любезный! милый дядя!
Помилуй! Не могу никакъ.... боюсь!

НУРЕДДИНЪ, ударивъ его.

Мерзавецъ!..... Негодяй, мальчишка! Что ты?
Смѣешься надо мною, шутишь, что ли?
Я долгого предпринялъ тяжкій трудъ,
Чтобъ ты, изнѣженный щенокъ постельный,
Со страху бросился бѣжать, когда
Я на ноги хочу тебя поставить?
Изволь тотчасъ же взяться за кольцо!

Digitized by Google

Нето, клянусь великимъ Магометомъ,
Я привяжу тебя къ кольцу, а самъ
Уѣду; будешь пищею орламъ!

АЛАДДИНЪ.

Ахъ, милый дядюшка!..... ну, не сердись!
Я вѣдь готовъ на все, что̀ ты прикажешь.

НУРЕДДИНЪ, успокоиваясь.

Ну, да; тогда тебя я осчастливлю.
Какой чувствительный! Ужъ ты и въ слезы!
Гладитъ его по щекѣ.
Ну полно, Аладдинъ; стыдись! Будь умникъ,
Такъ ты всегда найдешь во мнѣ отца.
Его теперь тебѣ вѣдь замѣняю
Такъ я и наказать тебя обязанъ,
Когда того заслужишь. Все вѣдь это
Для твоего же собственнаго блага!
Поди же, покажи мнѣ, что ты смѣлъ;
Возьми кольцо и назови отца
И дѣда по-именно.

АЛАДДИНЪ, рѣшительно.

Ну, изволь.

Взявшись за кольцо, тихонько говоритъ про-себя и тянетъ; но камень не подается.

НУРЕДДИНЪ, въ сторону, въ ужасѣ.

Великій Магометъ! что это значитъ?
Ужели чары мнѣ не удались,
Или ошибся я?

АЛАДДИНЪ.

Я такъ и думалъ!

НУРЕДДИНЪ.

Что̀ думалъ ты, негодный? что̀ ты думалъ?
Назвалъ ли ты отца?

АЛАДДИНЪ.

Изъ уваженья
Къ тебѣ, я назвалъ Мустафу и Али,
А камень и не трогается съ мѣста.

Digitized by Google

Теперь позволь же, — не во гнѣвъ тебѣ, —
Назвать эмиръ Аль-Сефи, Аль-Рашида,
Тогда увидимъ.

НУРЕДДИНЪ.

Ну, такъ называй!

АЛАДДИНЪ, снова взявшись за кольцо.

Аль-Сефи.... Аль-Рашидъ.... вотъ видишь!

Поднимаетъ плиту.

НУРЕДДИНЪ, весело.

Правда!

АЛАДДИНЪ.

По-этому, разсмотришь хорошенько,
Такъ мы съ тобой совсѣмъ и не родные!

НУРЕДДИНЪ.

Ну, такъ друзья. Ступай скорѣй за лампой.

АЛАДДИНЪ.

Да тутъ вѣдь мраморныя есть ступени!
Ну, это что̀ за страхъ! А тамъ и свѣтъ
Я вижу. Какъ чудно̀! Ужъ мнѣ не страшно
Когда стою передъ открытой ямой.....
Теперь, хоть тресни, полѣзай!

НУРЕДДИНЪ.

Прекрасно;
Да только лампу не забудь.

АЛАДДИНЪ.

Не бойся.

Хочетъ спуститься.

НУРЕДДИНЪ.

Постой! еще одно. Возьми, вотъ, перстень;
Онъ вѣрный и охранный талисманъ.

Снимаетъ съ своей руки перстень и надѣваетъ Аладдину.

АЛАДДИНЪ.

Спасибо; ну, прощай же, до свиданья.

Опускается въ подземелье.

НУРЕДДИНЪ, одинъ, торжественно.

О Магометъ! обрадуй своего

Digitized by Google

Раба!..... Я Аладдина пріударилъ,
Чтобъ къ послушанью пріучить его.
Онъ добровольно, безъ угрозъ и страха,
Мнѣ лампу долженъ дать, не выходя
Изъ подземелья. Если жъ съ нею выйдетъ,
Она ужъ будетъ собственность его.
Такъ рокъ судилъ. И если подземелье
Закроется однажды, то ничто ужъ
Не отопретъ его. Какая странность!
Быть такъ! Я буду ждать своей судьбы.
Въ закрытой чашѣ жребіи лежатъ.....
Какіе духи мнѣ теперь откроютъ,
Кто выиграетъ здѣсь: труды иль случай?

—

Актъ второй.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Подземелье.

Садъ подъ землею, въ глубокихъ пещерахъ горы процвѣтаетъ;
Много растетъ въ немъ деревьевъ, изъ свѣтлыхъ блестящихъ металловъ,
Мѣди, желѣза и олова, гордо вздымая вершины.
Каждую вѣтвь отягчаетъ обилье плодовъ разноцвѣтныхъ:
Есть молокомъ налитые, есть и свѣтлѣе кристалловъ;
Красны иные какъ кровь, а другіе какъ розы румяны.
Все тутъ сіяньемъ искристымъ и радужнымъ блещетъ, сверкаетъ.
Бѣлый плодъ — жемчугъ, а свѣтлые — это брилліянты; рубины
Кровью горятъ; гранями кисти гранатовъ играютъ.
Вмѣсто травы зеленѣютъ смарагды, и въ ней аметисты
Скромно прячутся, словно фіалки; а тамъ голубые,
Тихо качаясь на стебляхъ, цвѣтутъ незабудки — сапфиры.
По золотому песку журчащій ручей протекаетъ;
Теменъ говоръ волны его, сердцу однако жъ понятенъ.

Digitized by Google

Въ черной стѣнѣ углубленье; тамъ тихо чудесная лампа
Свѣтъ разливаетъ одна на сокровища дивной пещеры.

хоръ горныхъ духовъ (basso).

Громы грохочутъ,
Молнья блеститъ;
Воды клокочутъ,
Буря свиститъ.

хоръ сильфовъ, вдали, нѣжно и тихо (discanto).

Сталъ юноша, жизни созданье,
Средь мертвой природы одинъ;
Ему мы всѣхъ перловъ блистанье,
Цвѣтовъ ароматы дадимъ.

голосъ лампы (tenore).

Насталъ мой часъ освобожденья
Изъ хладной ночи мертвыхъ стѣнъ;
Я слышу, жизни порожденье
Идетъ разрушить долгій плѣнъ.

Не буду я бездушный камень
Въ нѣмой пещерѣ освѣщать;
Какъ солнца лучъ, мой свѣтлый пламень
По міру будетъ протекать.

хоръ деревьевъ (alto).

Идешь, и насъ во мракѣ оставляешь!
Не заиграетъ плодъ нашъ средь ночей:
Ты красоты и блеску насъ лишаешь,
Сокрывъ волшебный свѣтъ твоихъ лучей.

голосъ лампы.

Утѣшьтеся, каменья самоцвѣтны;
Вамъ скоро загорится новый лучъ.
Я не одна; здѣсь въ храминѣ завѣтной
Есть вѣчный огнь; онъ свѣтелъ и могучъ.

То Прометей всходилъ, теперь нисходитъ,
Чтобъ свѣтъ обрѣсть, природы дивный даръ;
И вновь Оденъ любовію Гунлоды
Пришелъ купить божественный нектаръ.

Digitized by Google

АЛАДДИНЪ входитъ и съ изумленіемъ озирается.

Вотъ чудеса! Какой прекрасный садъ!
Какое множество плодовъ и ягодъ!
Вотъ яблоки румяные, вотъ сливы,
Вотъ персики и крупный виноградъ,
То синій какъ лазурь, то свѣтлый, словно
Чистѣйшая вода!..... Какъ мило ручеекъ
Извилистый течетъ! Ахъ, жаль, что птицъ
Здѣсь нѣтъ! Онѣ бы пѣли на деревьяхъ.....
Все тихо..... Милые цвѣты какіе!
Подсолнечникъ какъ золото горитъ;
Какъ лиліи высоки! какъ сіяютъ!
Ну, словно каждый листъ изъ серебра.
Постой, понюхаю..... Совсѣмъ не пахнетъ!
Ахъ, отчего жъ въ нихъ нѣтъ благоуханья?.....
Ну, нечего сказать, мой дядя правъ:
Такія вещи стоитъ посмотрѣть!
А вотъ и лампа! Какъ свѣтло горитъ;
Она весь садъ прекрасно освѣщаетъ.
Вѣдь чудной человѣкъ мой дядя, право!
Ну, что за лампа? что въ ней? Эти фрукты
Гораздо лучше..... Ахъ, ты, мой Создатель!
Такого винограду не случалось
Мнѣ видѣть..... Уфъ! какой огромный, славный!
Вотъ хорошо бы жажду утолить;
Дай я попробую; должно-быть сладокъ.....
Я очень пить хочу..... сорву; вѣдь дядя
Позволилъ. О, какъ жалко, какъ досадно:
Не настоящій виноградъ, — стеклянный!
И всѣ такъ?..... Можетъ, этотъ персикъ лучше.....
Ахъ, тоже изъ стекла! Вотъ чудеса!
Огромный садъ съ стеклянными плодами.
Ха, ха, ха, ха! Да это просто смѣхъ!

Плачевно.

Я думалъ, сочные плоды нашелъ,
А это камни. Вотъ какая глупость!

Digitized by Google

Такъ лучше жъ воротиться въ Испагань:
Тамъ фрукты можно ѣсть по-крайней-мѣрѣ.
Однако жъ камешки вѣдь очень милы.
Вотъ удивятся наши ребятишки,
Когда я покажу имъ эти штуки!.....
Да, въ самомъ дѣлѣ, наберу побольше.....
Вотъ такъ! Теперь я какъ верблюдъ навьюченъ.
Довольно. Маршъ!..... Ахъ, лампу-то забылъ!
Вотъ лихо-бы отъ дядюшки досталось!

Беретъ лампу.

Ну, такъ пойдемъ же, старая лоханка.
По мнѣ, ты, право, здѣсь могла бъ остаться.
Огонь-то я не погашу: здѣсь темно;
Пускай горитъ, пока на свѣтъ я выйду.

Еще разъ оглядывается.

А право вѣдь прекрасная пещера!.....
Вотъ славный гроздъ; возьму ужъ, такъ и быть,
Съ другими, за одно: авось снесу.
Прощай теперь, стеклянный магазинъ!
Пора итти. Меня, чай, дядя ждетъ.

Уходитъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Горное ущелье.

Нуреддинъ стоитъ надъ входомъ въ пещеру и прислушивается.

Идетъ; мнѣ слышатся его шаги.
Онъ вѣрно много нагрузилъ. Каменья
Влекутъ, оставить у себя хотятъ.
Пожалуй! Мнѣ добыть бы только лампу,
А тамъ въ огонь я брошу это зелье,
Скажу волшебныя слова, и все
Закроется, исчезнетъ. Да и мнѣ
Тогда не нужно день и ночь страшиться,
Что глупый мальчикъ тайну разболтаетъ,
Сокровище мое откроетъ людямъ.

Digitized by Google

Его душа, какъ-бы пустая чаша,
Открыта каждому. Вотъ онъ идетъ.
Да будетъ такъ! Пускай судьба рѣшаетъ.

АЛАДДИНЪ, въ пещерѣ.

Эй! дядя, я пришелъ. Подай мнѣ руку!
Здѣсь очень круто.

НУРЕДДИНЪ.

Дай сначала лампу,
Дружочекъ; а потомъ я помогу.

АЛАДДИНЪ.

Да у меня, въ полѣ кафтана, куча
Цвѣтныхъ красивыхъ камешковъ, а лампа
Внизу, подъ ними. Пособи мнѣ вылѣзть.

НУРЕДДИНЪ.

Э, что̀ за болтовня! Подай мнѣ лампу!
Ребячишься опять? Брось эту дрянь;
Подай скорѣе лампу!.....

АЛАДДИНЪ, съ досадою, про себя.

Какъ дуракъ
Какой-нибудь, изволь сперва лѣзть въ яму,
Достань ему посудину дрянную,
Да и не смѣй еще нести домой,
Что̀ мимоходомъ для себя нашелъ!.....

Громко.

Не дамъ!.... пока не вылѣзу отсюда.

НУРЕДДИНЪ, ласково.

Душа моя, отдай скорѣе лампу!
Ты камни послѣ можешь подобрать.

АЛАДДИНЪ.

Ахъ, Боже мой! Да это вѣдь смѣшно!
Не лучше ль подождать, пока я выйду!
И, странно, не могу понять, куда
Дѣвалась лѣстница! Я примѣчаю,
Что внизъ-то легче лазить, чѣмъ наверхъ.....
Ну, дядюшка, скорѣй подай мнѣ руку!

Digitized by Google

НУРЕДДИНЪ.

Не дамъ, не дамъ! Отдай сначала лампу!

АЛАДДИНЪ, сердито.

Такъ я и безъ тебя съумѣю вылѣзть.

Вылѣзаетъ.

НУРЕДДИНЪ, въ испугѣ и негодованіи, толкаетъ АЛАДДИНА въ грудь, такъ-что тотъ падаетъ, потомъ бросаетъ въ огонь травы и восклицаетъ:

Содвинтесь, каменныя стѣны! Мальчикъ
Да не пожнетъ плода моихъ трудовъ!

Отверстіе пропадаетъ. Нуреддинъ долго и пристально смотритъ на то мѣсто, гдѣ оно было; потомъ, утомленный, садится на камень.

Что говорили мнѣ слова поэта?
«Ты мнишь схватить.... а призрака ужъ нѣтъ!...»
Къ-чему я безразсудно поспѣшилъ?
Какой злой духъ смутилъ мнѣ душу?
Свершилось! Ужъ теперь не перемѣнишь.
То счастіе назначено не мнѣ!

Живо встаетъ.

Но всё же не отчаяваюсь я:
Природа покорится силѣ воли.
Я въ Африку, домой, иду тотчасъ же,
И тамъ примусь опять за разысканья.
Трудомъ усильнымъ, постояннымъ, снова
Съ познаньями пріобрѣту я силу.
Здѣсь все пропало..... надобно оставить.....
Мальчишка дерзкій! заплати же жизнью
За ослушаніе и оскорбленье!

Уходитъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Пещера.

АЛАДДИНЪ, бродитъ ощупью, ушибается объ стѣну и падаетъ безъ силъ.

Охъ !..... дядя!..... дядюшка, да отопри же!
Скажи, что хочешь: все готовъ я сдѣлать.

Digitized by Google

Ахъ, дядя, душенька, открой, пусти!
Ужъ онъ ушелъ!..... Ахъ, Боже мой! далеко!
Мнѣ долго, горемычному, проплакать
Здѣсь, въ погребѣ холодномъ, темномъ, страшномъ!..
Нѣтъ, ты не дядя мнѣ! Ты злой волшебникъ!
Коварный!..... мучишь насъ, дѣтей несчастныхъ,
И тѣшишься страданьями невинныхъ,
Чудовище! злодѣй!..... Святой пророкъ!
Избавь меня отъ злой бѣды! Помилуй!
Я никакихъ не дѣлалъ преступленій,
Ничѣмъ не заслужилъ столь тяжкой казни.....
Чѣмъ виноватъ я, что отецъ мой умеръ?.....
О, сильный, добрый мой Аллахъ, спаси,
Не дай мнѣ умереть голодной смертью!

Утомленный впадаетъ въ забытье; потомъ, мало-по-малу, начинаетъ прислушиваться, и говоритъ спокойно, съ дѣтскою разсѣянностью.

Какъ странно тамъ, въ большомъ саду, ручей
Струится и журчитъ, журчитъ, струится.....
Онъ много-много лѣтъ ужъ такъ течетъ;
Онъ такъ лился за нѣсколько вѣковъ
До моего рожденья..... Чу! какъ глухо
Съ высокихъ сводовъ капельникъ спадаетъ,
Стуча однообразно — плумъ, плумъ, плумъ!.....
Все тотъ же звукъ, все та же темнять здѣсь.....

Однообразные звуки постепенно наводятъ на него легкій, пріятный сонъ.

Двѣ эльфы, съ горящими свѣчами въ рукахъ, тихонько выходятъ, изъ ущелья и, наклонясь, нѣжно смотрятъ на Аладдина.

ПЕРВАЯ, ТИХО.

Видишь, какъ мальчикъ прекрасный лежитъ?

ВТОРАЯ, СЪ СОСТРАДАНЬЕМЪ.

Кто крѣпкій камень ему подложилъ?

ПЕРВАЯ.

Какъ онъ спокойно, съ улыбкою, спитъ!

ВТОРАЯ.

Сильфъ иль пигмей не бываетъ такъ милъ!

Digitized by Google

ПЕРВАЯ.

Ахъ, что за прелесть!

ВТОРАЯ.

Молчи, не буди!

ПЕРВАЯ.

Вздохъ вылетаетъ изъ бѣлой груди.....

Онѣ цѣлуютъ его.

ВТОРАЯ.

Вотъ поцѣлуй-то!

ПЕРВАЯ.

Какъ щеки горятъ!.....

ВТОРАЯ.

Ст! онъ проснулся!.....

ПЕРВАЯ.

Ахъ, надо бѣжать!

Исчезаютъ.

АЛАДДИНЪ, вздрогнувъ, оглядывается.

Какъ! всё-еще я въ этой темной ямѣ?.....
Какой мертвецъ меня поцѣловалъ
Холодными устами?..... Это смерть.
Я съ голоду умру здѣсь..... Га! жестокій,
Проклятый плодъ, изъ камня и стекла!
Ты только голодъ возбуждать умѣешь,
А утолить его не въ состояньи!

Вскакиваетъ.

Такъ хоть воды напьюся изъ ручья.....
И этого нельзя: стѣна крутая
Упала между нимъ и мной. О Боже!
Аллахъ, помилуй грѣшнаго меня!

Махнувъ рукою, нечаянно ударяетъ объ стѣну перстнемъ, который Нуреддинъ, посылая въ пещеру, надѣлъ ему на палецъ; изъ перстня вылетаетъ искра и, упавъ на землю, продолжаетъ горѣть и освѣщаетъ всю пещеру.

ДУХЪ ПЕРСТНЯ, исполинъ, является и спрашиваетъ громовымъ голосомъ.

Что желаешь ты? Скажи!
Долженъ я тебѣ служить:

Digitized by Google

Ты владыка надо мной,
Я слуга покорный твой.
И не только я одинъ
Повинуюся тебѣ,
Духовъ перстня властелинъ.
Гдѣ бы ни были, вездѣ,
Покоряясь силѣ чаръ,
Мы спѣшимъ на твой призывъ.

АЛАДДИНЪ, упавъ на колѣни и сложивъ руки.

О! сила страшная, когда ты можешь
И хочешь бѣднаго спасти ребенка,
Такъ вынеси меня изъ этой ямы,
Въ домъ матери моей, что̀ въ Испагани!

ДУХЪ.

Мощный владыка,
Лишь повели!
Полчища наши
Служатъ тебѣ.
Крыльевъ могучихъ
Взмахомъ однимъ,
Вмигъ черезъ горы,
Черезъ лѣса,
Всюду тебя мы
Перенесемъ.

Исчезаетъ съ Аладдиномъ.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Городскія ворота Испагани.

Утро. Солнце восходитъ. АЛАДДИНЪ одинъ; карманы у него набиты каменьями изъ пещеры.

Ухъ!..... голова кружится! Отродясь
Такого путешествія не дѣлалъ.
Онъ поперегъ меня схватилъ, какъ-будто
Водою теплой въ банѣ обдало.....

Digitized by Google

Какъ онъ понесся высоко!
Какъ удивительно земля исчезла!
И даже Испагань, со свѣтомъ въ окнахъ,
Едва–едва мерцавшимъ въ отдаленьи,
На жженую бумажку походила,
Съ которой искры, тлѣя, убѣгаютъ.
Онъ кругъ большой со мною далъ нарочно,
Чтобъ хорошенько, въ ясномъ лунномъ свѣтѣ,
Мнѣ показать земли пространство. Право,
Не позабыть мнѣ, какъ черезъ Кавказъ
Онъ полетѣлъ и на вершинѣ сталъ,
Для отдыха; потомъ, наискосокъ,
Какъ бросится въ долину..... я подумалъ,
Онъ утопить меня въ Евфратѣ хочетъ.
Вдали корабль отъ бури уходилъ,
На Черномъ Морѣ; духъ туда понесся,
Ступилъ ногой на оконечность мачты
И, опершись, спокойно, твердо, сталъ,
Какъ вкопанный глубоко въ землю столбъ;
Потомъ, когда луна, какъ блѣдный призракъ,
Исчезла съ первыми лучами солнца,
Вмигъ облакомъ багрянымъ обернулся,
И тихо съ утренней росой спустились
Мы на цвѣты, у городскихъ воротъ.
Тутъ самъ онъ въ жаворонка превратился,
Взвился стрѣлою, засвисталъ..... и скрылся.....

Ухъ! мочи нѣтъ, усталъ! Пойду домой.
А какъ же матушка-то удивится!.....
Дай Богъ, чтобъ хлѣба у нея нашлось.
Есть хочется: я голоденъ ужасно.

Уходитъ.

Digitized by Google

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Комната.

МОРГІАНА. АЛАДДИНЪ СИДИТЪ ЗА СТОЛОМЪ И ѢСТЪ.

МОРГІАНА.

Тихонько ѣшь, сынокъ, не торопись:
Подавишься; немножко погоди,
Запей водицей; столъ не замарай,
Да пальцевъ не порѣжь, моя душа.....
Ахъ, мой Творецъ! съ дѣтями только горе!
Дастъ Богъ ребятъ, ужъ принесутъ заботы.....
Хоть бы теперь: я думала, что все
Пойдетъ прекрасно, что ты въ люди выйдешь,
Купцомъ богатымъ будешь; у тебя
Я шерсть бы стала покупать..... Да, какъ же!
Аллахъ, Аллахъ мой, взмилуйся надъ нами,
И накажи мерзавца колдуна!

АЛАДДИНЪ.

Да, матушка, не низко ли, — мальчишку
Въ такую яму запереть, предать,
Безъ сожалѣнія, голодной смерти?

МОРГІАНА, СЪ ЖАРОМЪ.

И, что̀ еще гораздо хуже: въ ухо
Ударить, такъ-что съ ногъ слетѣлъ бѣдняжка.
Ахъ онъ, нахалъ! да кто ему позволилъ
Чужихъ дѣтей такъ колотить?..... Разбойникъ!.....

АЛАДДИНЪ.

Ну, матушка, случилось: не воротишь!
А дѣло въ томъ, что я проголодался,
И непремѣнно ѣсть еще хочу.

МОРГІАНА.

Ахти, родимый мой, да, право, нѣту!
Я свой вчерашній ужинъ сберегла
И думала, съ тебя довольно будетъ.
Да и купить-то не на что̀: нѣтъ денегъ.
Вотъ, нитки допряду, тогда достану.

Digitized by Google

АЛАДДИНЪ.

Досадно! Послѣ этого движенья
Я получилъ чертовскій аппетитъ.
Постой, авось поправимъ дѣло. Нитки
Оставить можешь: дай-ка лучше лампу,
Которую принесъ я изъ пещеры;
Мнѣ мѣдникъ за нее вѣдь столько дастъ,
Что два раза мы можемъ пообѣдать.

МОРГІАНА.

На, вотъ она. Кто купитъ эту дрянь?
Черна, грязна, какъ-будто сотню лѣтъ
Въ землѣ ужъ пролежала. Должно-быть,
Порядочныя свиньи эти духи,
Что̀ тамъ живутъ въ горахъ; смотри-ка ты,
Едва вѣдь различишь, что это мѣдь!
Немножко я ее сперва почищу,
Такъ, можетъ, посчастливится продать;
А нѣтъ: прійдется подождать до завтра.

Беретъ мокрую тряпку, макаетъ ее въ песокъ и начинаетъ чистить лампу.

ДУХЪ ЛАМПЫ, красивый исполинъ, является изъ земли.

Тише, стой! не три такъ сильно!
Видишь, я уже готовъ.
Я скорѣе быстрой молньи
Появляюся на зовъ.
И не я одинъ, смиренно
Полчища духовъ земли
Обладателницѣ лампы
Покоряются. Вели!

МОРГІАНА, падая въ обморокъ, пронзительно вскрикиваетъ:

А!..... ахъ! святой пророкъ спаси!..... спаси!

АЛАДДИНЪ сначала испугался, потомъ, оправясь, хватается за лампу.

Любезный чортъ, я страхъ проголодался!
Не можешь ли ты мнѣ добыть обѣдъ!

Digitized by Google

Въ другой разъ я и самъ тебѣ за это
Готовъ, чѣмъ буду въ силахъ, отслужить.

Духъ исчезаетъ и тотчасъ же опять является, неся большой подносъ, съ великолѣпнымъ приборомъ: двѣнадцать блюдъ съ отборными яствами, золоченныя кружки съ виномъ, бокалы и тарелки. Поставивъ все это на столъ, духъ исчезаетъ. Аладдинъ, отъ изумленія, нѣсколько времени остается въ нерѣшимости; наконецъ голодъ придаетъ ему смѣлости: онъ медленно подходитъ къ столу, снимаетъ крышки съ нѣкоторыхъ блюдъ и, разсматривая одно за другимъ, восклицаетъ съ радостью и удивленіемъ:

Похлебка и жаркое!..... рисъ вареный!.....
Пирожное, плоды и даже рыба!.....
А это что?..... Фазаны! Ай–да чортъ!
Да онъ, я вижу, человѣкъ со вкусомъ!.....
Все это очень кстати: я теперь
Расположенъ порядкомъ пообѣдать.

Вдругъ съ робостью.

Великій Магометъ! да не стекло ли
Опять, какъ тѣ плоды изъ подземелья?

Кладетъ въ ротъ большой кусокъ жаркаго.

Нѣтъ, нѣтъ! Аллаху слава, это мясо;
И мясо настоящее: съ подливкой.

Садится за столъ.

Ну, Господи, благослови!..... Да гдѣ же
Осталась мать?..... Она упала на полъ,
Когда явился страшный великанъ.

Кличетъ.

Эй, матушка! вставай, ступай обѣдать!
Ужъ онъ ушелъ. Слышь, матушка, вставай же....
Не хочетъ!..... Ну, такъ мнѣ прійдется встать.
А я такъ хорошо расположился!

Съ досадою вскакиваетъ.

«Нѣсть совершенства въ сей юдоли плача!»

Трясетъ и толкаетъ Моргіану.

Слышь, матушка!..... Ну, что за наслажденье
Валяться на полу?..... Ахъ, Боже мой!

Digitized by Google

Не умерла ли ужъ она?..... О небо!
Тогда я сиротой совсѣмъ останусь!.....

Бѣжитъ къ столу, хватаетъ одной рукою кусокъ жаркаго, а другою кружку съ водой, которую выливаетъ Моргіанѣ въ лицо.

Ахъ, матушка любезная, опомнись!
Когда умрешь ты, какъ отецъ покойникъ,
То мнѣ кусокъ ужъ въ горло не пойдетъ.

МОРГІАНА, открывъ глаза.

Ахъ.... милостивый духъ.... помилуй.... сжалься!

АЛАДДИНЪ.

Да нѣтъ его! Неужто ты ужъ сына
Отъ чорта распознать не можешь? Встань же.

МОРГІАНА.

Ты тоже видѣлъ духа, Аладдинъ?

АЛАДДИНЪ.

Конечно.

МОРГІАНА

Вѣрно, твой отецъ то былъ,
Когда не ошибаюсь.

АЛАДДИНЪ.

Безъ сомнѣнья,
Ошиблась! Можешь на слово повѣрить,
Что духъ портнаго вовсе не бываетъ
Такой большой.

МОРГІАНА.

Куда же онъ дѣвался?

АЛАДДИНЪ.

Поставивъ это кушанье на столъ,
Онъ тотчасъ же раскланялся и — вонъ.

МОРГІАНА.

Какъ! это все тотъ духъ принесъ?

АЛАДДИНЪ.

Ну, да;
Изволь-ка вотъ подумать!

Digitized by Google

МОРГІАНА.

Ахъ, родимый,
Скорѣе брось, брось все тотчасъ! скорѣе!

АЛАДДИНЪ.

Съ ума сошелъ я, что ли? Нѣтъ, поди-ка,
Попробуй лучше, матушка, какъ вкусно!

МОРГІАНА.

Нѣтъ, сохрани меня Аллахъ!..... ни крошки,
Ни капельки я пробовать не стану.
Ахъ, Богъ мой, многое я испытала;
Состарѣлась, свой вѣкъ ужъ отжила,
И разное я видѣла на свѣтѣ,
А этакого чуда не встрѣчала.
Вотъ, правда: вѣкъ живи, да вѣкъ учись!
Скажи же, милый, какъ это случилось,
Что этакая насъ напасть постигла?

АЛАДДИНЪ.

Да оттого, что лампу ты потерла.

МОРГІАНА.

Какъ? эта лампа всей бѣдѣ причина?
Ну, такъ, поди, продай ее, продай!
Мнѣ нѣтъ покоя, сердце не на мѣстѣ,
Покуда эта лампа въ домѣ.

АЛАДДИНЪ.

Какъ же!
Продать такую вещь? Да это кладъ!
Нѣтъ, матушка, возьмись за умъ, за разумъ;
Ты въ бѣлой бредишь, мать моя! Несчастье!
Вотъ истинно великое несчастье:
Пирожное и жареныхъ фазановъ,
Пилавъ, шербетъ и вина получать
За то, что лампу тряпкою почистишь!

МОРГІАНА.

Ахъ, дитятко, сынокъ ты мой любезный,
Остерегись ты этой чертовщины!

Digitized by Google

Подумай, вѣдь пророкъ намъ запретилъ
Съ нечистой силою водиться!

АЛАДДИНЪ.

Черти,
Я слышалъ, злой народъ; а нашъ, напротивъ,
Предобрый малый, очень милъ и ласковъ.
Постой..... я начинаю понимать....
Пророкъ насъ осчастливилъ этой лампой!
Теперь я понимаю, отчего
Колдунъ такъ зарился на эту лампу.
Ахъ, плутъ! а старымъ хламомъ называлъ!
Я прежде видѣлъ ужъ такого духа, —
Богъ вѣсть, откуда онъ тогда явился, —
Ему-то и обязанъ я спасеньемъ
Отъ смерти, въ той пещерѣ. Стыдно было бъ
Зломъ за добро платить, и презирать
Того, кто въ крайней нуждѣ намъ помогъ.
Смотри, какая славная посуда:
Все серебро! Я въ городъ побѣгу,
Продамъ одну тарелку, а потомъ
Другую, третью: этимъ будемъ жить.
Понятно, что нельзя тревожить духа
Напрасно, призывать его безъ нужды.
Что жъ, матушка, да скушай что-нибудь.

МОРГІАНА.

Нѣтъ, страшно; не могу. А ты, пожалуй,
Что хочешь дѣлай. Я умою руки, —
Я не беру участья въ колдовствѣ.

АЛАДДИНЪ.

Да и не просятъ. Будь спокойна только.
А я теперь пойду продать тарелку.

Digitized by Google

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Улица.

АЛАДДИНЪ, съ серебряною тарелкой. СТАРЫЙ ЖИДЪ.

ЖИДЪ.

Мое почтенье! съ добрымъ утромъ, сударь!
Угодно что-нибудь купить, продать?
У васъ за пазухою что-то есть.
Продайте, я куплю. Вѣдь всё-равно,
Кому продать. Я честный торгъ веду.

АЛАДДИНЪ.

Увидимъ. Вотъ, скажи, что дашь за эту
Тарелку? Серебро.....

ЖИДЪ.

Какъ! сударь?..... Что вы!
И! полно, полно, шутишь, сударь, шутишь!
И олово — металлъ. Кажи скорѣй.

АЛАДДИНЪ.

Не выпущу изъ рукъ, покуда денегъ
Не дашь. Я знаю вашу братью, жидъ!
Пожалуй, тагу дашь, присвоишь даромъ.

ЖИДЪ.

Ахъ, Боже мой, какъ можно сомнѣваться
Въ честнѣйшемъ человѣкѣ. Честь всего
Дороже мнѣ. Ну, говори скорѣй,
Что хочешь за тарелку?

АЛАДДИНЪ.

Что жъ ты дашь?

ЖИДЪ.

Ну, плохо же ты знаешь толкъ въ торгу!
Вѣдь цѣну назначаетъ продавецъ,
Потомъ ужъ покупатель дастъ, что сходно.

АЛАДДИНЪ.

Я торговаться вовсе не умѣю.

Digitized by Google

Скажи мнѣ просто, ясно, что ты дашь,
А я повѣрю на честное слово.

ЖИДЪ.

Ну, это хорошо, похвально. Стало,
Ты вѣришь, что на свѣтѣ честность есть?
Ты славный малый.. (Про себя.) Хоть немного простъ..

АЛАДДИНЪ, съ нетерпѣніемъ.

Да говори скорѣе, жидъ, что дашь?

ЖИДЪ.

Тарелочка серебряная, правда,
Но, самъ ты посуди, вѣдь въ торопяхъ
На золото случится передать.

Нерѣшительно вынимаетъ изъ кармана червонецъ, чтобы испытать Аладдина.

Вотъ, напримѣръ..... что скажешь?

АЛАДДИНЪ, беретъ.

Ну, давай.

Про себя.

Червонецъ..... взять скорѣй. Пожалуй, онъ
Раздумаетъ и этого не дастъ.

Убѣгаетъ.

ЖИДЪ.

Постой, пріятель!..... Убѣжалъ..... О, вай миръ!
Онъ думаетъ, я лишку передалъ.....
Ахъ, я свинья, собака, глупый скотъ!
Онъ, вѣрно, отдалъ бы за половину,
За четверть, даромъ бы почти досталось.

Кричитъ.

Держи!... держите!... воръ... ушелъ, разбойникъ!...

Ударивъ себя по лбу.

О старый чортъ! о безтолковый пень!.....

Осматриваетъ тарелку.

Конечно, стоитъ больше, въ сорокъ разъ.....
Серебряная..... тяжела довольно.....
Но всё-таки досадно: промахнулся.....
Быть-можетъ, онъ еще кой-что продастъ.

Digitized by Google

Ужъ дѣлать нечего: случился грѣхъ.
О, Моисей! какой позоръ и стыдъ!
Плутягу стараго надулъ мальчишка!

Уходитъ.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Кофейня.

АЛИ и БЕДРЕДДИНЪ, купцы, сидя на диванахъ, у окна, курятъ табакъ и пьютъ кофе.

АЛИ.

Смотри, вонъ тамъ, по улицѣ, опять
Идетъ тотъ молодецъ, что здѣсь вчера
И третьяго-дня былъ.

БЕДРЕДДИНЪ.

Онъ славный малый.

АЛИ.

Нечто. А говорятъ, еще недавно
Съ мальчишками на улицѣ возился.
И вотъ теперь перемѣнился такъ,
Что не узнаешь. И въ одеждѣ сталъ
Порядоченъ, и разговоръ ведетъ
Съ почтенными, учеными людьми.....

БЕДРЕДДИНЪ.

Да, да, притомъ, украдкой, мимоходомъ,
Поглядываетъ въ окна Ибнъ-Гассана,
Не видно ли хорошенькой хозяйки!
О плутъ!... Смотри, смотри, какъ онъ моргаетъ!...
Что, съ носомъ?..... не видать?

АЛИ.

Сюда идетъ.

БЕДРЕДДИНЪ.

Постой же, подтрунимъ.

АЛАДДИНЪ, входитъ, нѣсколько робко, и кланяется.

Благословенье
Аллаха и пророка вамъ!

Digitized by Google

АЛИ.

Спасибо.
Но..... не сердись..... позволь спросить, чего
Искали ясные твои глаза
На окнахъ Ибнъ-Гассана?

БЕДРЕДДИНЪ.

Полно, Али.
Ну что́ жъ! Удостовѣриться хотѣлъ,
На томъ ли мѣстѣ окна, какъ вчера.....

АЛИ.

Ты шутишь, другъ. Мнѣ кажется, напротивъ,
Что онъ смотрѣлъ не на окно, а сквозь.....

БЕДРЕДДИНЪ.

Ну, любовался, можетъ-быть, на прутья
Желѣзные, что́ ровно, стройно такъ
Стоятъ.....

АЛИ.

И молча говорятъ, Фатима
Прекрасна, Ибнъ-Гассанъ ревнивъ и старъ.....

АЛАДДИНЪ.

Ну, господа, вамъ хорошо смѣяться
Надъ тѣмъ, кто не умѣетъ отшутиться:
Я человѣкъ вѣдь молодой и робкій,
Притомъ еще недальняго ума.....

БЕДРЕДДИНЪ.

Однако же довольно дальновидный.
Да впрочемъ что́ жъ! Что́ жъ за бѣда такая?
Ты замѣчаешь, что жена Гассана
Красавица. И это справедливо.
Я знаю лишь одну, что́ красотой
Фатиму превосходитъ.....

АЛАДДИНЪ, живо.

Кто жъ она?

БЕДРЕДДИНЪ.

Прелестная Гюльнара, дочь калифа.

Digitized by Google

Вотъ истинно красавица! Прекрасна,
Какъ юная заря, свѣтла, какъ солнце.
Луна сребристымъ облакомъ, прозрачнымъ,
Не облекалась роскошнѣй, прелестнѣй,
Чѣмъ груди снѣжно-бѣлыя ея
Повиты легкимъ, тонкимъ, покрываломъ.
А черныя рѣсницы приподыметъ
И къ небу взоръ свой обратитъ, такъ словно
Блаженная душа въ эдемъ взнесется.
Всѣ противоположности природа
Старалась согласить въ Гюльнарѣ.
Нагорный снѣгъ на ней весною дышетъ
И сквозь прозрачный, бѣлый мраморъ кожи
Просвѣчиваетъ пурпуръ тонкихъ жилокъ.
Скажи, что мракъ сіяетъ, — кто повѣритъ?
Однако жъ страстныя ея глаза, —
Чернѣе мрачной ночи, — мечутъ искры;
Головка маленькая, а коса
Спадаетъ до колѣнъ рѣкой волнистой;
Нѣжна, великолѣпна и воздушна;
Стройна, какъ лилія, полна, какъ роза;
Порхаетъ такъ легко, какъ мотылекъ;
Тиха, скромна, невинна, какъ голубка.....
Но что я говорю? Гдѣ мнѣ взять красокъ,
Чтобъ красоту Гюльнары описать!.....

АЛАДДИНЪ, дохнувъ сильно.

Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, оставь; довольно!
Дыханіе, столь нужное для жизни,
Сперлось во мнѣ, чтобъ не прервать разсказа.....
Да, да, красавица!.... когда портретъ
Похожъ.....

БЕДРЕДДИНЪ.

Какой, похожъ!... ничтоженъ, блѣденъ,
Бездушное пятно. Слова вѣдь нитки,
Которыми лишь можно кой-какъ вышить

Digitized by Google

Изнанку для обоевъ, если рѣчь
Идетъ о женской красотѣ.

АЛАДДИНЪ.

Скажи,
Когда и гдѣ Гюльнару можно видѣть?

БЕДРЕДДИНЪ.

Да каждый день почти: объ эту пору,
Она въ купальню ходитъ. Если духу
Достанетъ у тебя, у входа скрыться, —
Случалось, многіе пытали, — тамъ
Ты любознаніе свое насытишь:
Она обыкновенно передъ входомъ
Снимаетъ покрывало, для прохлады.
Да берегись, чтобъ это прохлажденье
Тебѣ не причинило воспаленья.

АЛАДДИНЪ.

Не бойся. Но какое наказанье
Ждетъ любопытнаго, когда застанутъ?

АЛИ.

Бездѣлица!..... что̀ уткамъ и гусямъ
Случается испытывать частенько:
Посадятъ на колъ, или, много-много,
Велятъ, здоровья ради, соскочить
Съ верхушки минарета.

АЛАДДИНЪ.

Правда, я
Сознался въ тупоуміи своемъ,
И могъ бы выдержать сравненье съ гусемъ,
Однако жъ за гусиную судьбу
Благодарю.

Кланяется.

БЕДРЕДДИНЪ.

Не вѣрь, не вѣрь ему!.....
Калифъ владыка добрый, благосклонный:
Ему пріятно, лестно, будетъ видѣть,
Что слухъ о красотѣ его Гюльнары

Digitized by Google

Способенъ подстрекнуть на смѣлый подвигъ.
Такъ, если и поймаютъ, погрозятъ
Немного, и домой отпустятъ.

АЛАДДИНЪ.

Право!
Не больше?

БЕДРЕДДИНЪ.

О, безъ всякаго сомнѣнья!

АЛАДДИНЪ.

Ну, хорошо; когда прійдетъ охота,
Пожалуй, попытаюсь. А теперь
Я занятъ важнымъ дѣломъ. До свиданья.

Уходитъ.

БЕДРЕДДИНЪ.

Вишь, тонкій плутъ какой, смотри пожалуй!
Бьюсь объ закладъ, что онъ туда бѣжитъ.

АЛИ.

Конечно. Но, послушай, это дурно!
Къ-чему ты въ голову ему впустилъ
Такую дурь? Ну, если онъ, грѣхомъ,
Да влюбится?

БЕДРЕДДИНЪ.

Пойдетъ домой, проспится.

Уходятъ.

СЦЕНА ОСЬМАЯ.

Площадь.

Въ глубинѣ купальня принцессы, великолѣпное зданіе съ колоннами.

АЛАДДИНЪ, поспѣшно.

Вотъ здѣсь, вотъ здѣсь, межъ этими столбами
Я помѣщусь, и самъ, какъ столбъ недвижный,
Какъ звѣздочетъ халдейскій, подсмотрю
Теченье лучезарнѣйшей звѣзды.....

Digitized by Google

Ну, если же застанутъ, если стража
Здѣсь остановится и будетъ ждать?
Нѣтъ, нѣтъ: вѣдь стража входитъ съ ней во дворъ....
Ахъ! ахъ! она идетъ!..... Скорѣй за столбъ.....

Взлѣзаетъ на пьедесталъ и скрывается.

гюльнара приходитъ съ нянькою, въ сопровожденіи толпы евнуховъ, и при входѣ откидываетъ покрывало.

нянька, тихо Гюльнарѣ.

Аллахъ! какая дерзость! Посмотри,
Тамъ юноша какой-то, межъ столбами,
Подглядываетъ за тобой. Закройся.

гюльнара, смотря на Аладдина.

Мнѣ жарко, няня. Пусть его глядитъ.
Зачѣмъ же удовольствія лишать?

Проходятъ.

аладдинъ выходитъ передъ колонну и, сложивъ опущенныя руки, устремивъ глаза въ землю, стоитъ неподвижно.

Прекрасна!.. да!... какъ ангелъ!... Что за глазки!
Что за улыбка! что за ротикъ, грудь!
Вотъ чудо дѣвушка!..... Аллахъ, Аллахъ!
Не знаю, право, что со мной творится!.....
Да! правда! Бедреддинъ пятно напачкалъ.....
И какъ же можно глиняною краской
Сіянье солнца написать? Всѣ краски
Суть только тѣни свѣта. О Аллахъ!
Пошли, пошли ее назадъ!..... Прійди,
Прелестнѣйшая хурія, прійди!

Онъ остается въ неподвижномъ положеніи.

моргіана, съ корзинкою на рукѣ, проходя у купальни, останавливается.

Хоть дѣла мнѣ сегодня пропасть, — въ рынокъ
За зеленью и мясомъ поспѣшаю, —
Однако жъ не могу не постоять:
Ну, страхъ люблю смотрѣть на этотъ домъ:
Такіе тутъ красивые болваны.....
А! это что? Тутъ новенькій поставленъ,
Съ иголочки!..... Какъ милъ, какъ *одѣяленъ*,

Digitized by Google

Совсѣмъ одѣтъ какъ должно, по-людски,
Ну, точно какъ и всѣ другіе люди!
Да какъ глаза-то онъ таращитъ въ землю,
Ни ножкою, ни ручкой не тряхнетъ.....
Не мудрено: вѣдь каменный болванъ.
Но чтобъ *безстрашно* обсудить, мнѣ надо
Зеленыя очки свои надѣть:
Безъ нихъ не вижу ничего, хоть брось.....

Надѣваетъ очки.

Пророкъ Медины, Мекки, что̀ я вижу!
Мое родное дѣтище, мой сынъ!
Въ чалмѣ, въ кафтанѣ, въ сапогахъ.... изъ камня!
Точнехонько живой! Аллахъ, Аллахъ!
Съ чего же онъ въ такую честь попалъ?

Умыло.

Неужто это сдѣлали въ насмѣшку?
Затѣмъ, что онъ портнаго бѣдный сынъ?
Пойду поближе..... Ахъ, рукой шевелитъ!.....
Вотъ муху щелкнулъ на носу..... Ахъ, ахъ!
Вотъ началъ носъ тереть..... Тутъ колдовство:
Для истукана это слишкомъ много.....
Быть-можетъ, это кукла на пружинкахъ?.....
Вздыхаетъ! Кукла этого не можетъ.....

Подходитъ ближе.

Мой миленькій сыночекъ, Аладдинъ,
Да молви хоть словечко, чтобъ я знала,
Что это ты! Когда же я ошиблась,
Когда ты кто-нибудь чужой, не сынъ мой,
Такъ не сердись, и мать свою прости,
Какъ подобаетъ доброму сынку.

Аладдинъ, замѣтивъ мать, соскакиваетъ.

Ахъ, матушка, ты здѣсь? Куда идешь?

МОРГІАНА.

Да за провизіей иду на рынокъ.
А ты что̀ сталъ между столбами, словно
Болванъ какой!

Digitized by Google

АЛАДДИНЪ, вздохнувъ.

Прелестное созданье!

МОРГІАНА.

Да! истинно скажу, что чудо зданье!.....
Я мало знаю толкъ въ *архитектурѣ*,
Однако жъ каждый день, проходомъ въ рынокъ,
Смотрю на этотъ домъ и на болвановъ.

АЛАДДИНЪ.

Какъ! неужель и ты здѣсь становилась?

МОРГІАНА.

Нѣтъ, мой сынокъ. Во–первыхъ, я скажать
Не мастерица; во–вторыхъ, стара;
А въ–третьихъ, юбка у меня узка;
Въ–четвертыхъ, это мнѣ и не пристало;
И въ–пятыхъ, если тамъ стоишь, въ углу,
Такъ дома не видать..... Ну, убирайся жъ
Теперь, скорѣй!..... Вотъ двери отворяютъ:
Калифа дочь выходитъ изъ купальни.
Мужчины на нее смотрѣть не смѣютъ.
Тутъ мѣшкать нечего. Пойдемъ, пойдемъ.

АЛАДДИНЪ, медля и оглядываясь.

Ахъ, матушка!

МОРГІАНА, тащитъ его за воротъ.

Пойдемъ же, говорятъ!
Снеси корзинку: ты довольно дюжъ;
Помогъ бы лучше матери въ работѣ,
Чѣмъ тутъ, разиня ротъ, стоять болваномъ.....

Аладдинъ беретъ корзинку и повѣся голову идетъ за матерью.

МОРГІАНА.

Вотъ такъ. Вѣдь человѣку нашей масти
Не стать зѣвать на дочерей калифскихъ,
А надобно на рынокъ поспѣшать.

Уходятъ.

—

Digitized by Google

Актъ третій.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Улица.

АЛАДДИНЪ, съ большою серебряною чашкой.

Продамъ послѣднюю большую чашку;
А тамъ, когда мы проживемъ и это,
Опять потру волшебный талисманъ;
Тогда... тогда... быть-можетъ.... онъ вѣдь духъ....
Аллахъ!..... чего дерзаю я желать?.....
Безумецъ!..... Впрочемъ, почему же нѣтъ?
Желать вѣдь можетъ каждый человѣкъ.
Тому жъ, кто въ силахъ призывать духовъ,
Позволено желать всего на свѣтѣ.

Старикъ СЕРЕБРЯНИКЪ, христіанинъ, выходитъ изъ своей лавки на встрѣчу Аладдину.

СЕРЕБРЯНИКЪ.

Не гнѣвайся, эмиръ, я часто видѣлъ,
Когда жиду ты продавалъ посуду.
Есть люди честные и межъ жидами,
Какъ между всѣми племенами; есть
И плуты между ними, какъ вездѣ.
А тотъ жидъ, что скупилъ твою посуду,
Естественный мошенникъ.

АЛАДДИНЪ.

Я замѣтилъ.

СЕРЕБРЯНИКЪ.

Почемъ тебѣ давалъ онъ за тарелки?

АЛАДДИНЪ.

Да по червонцу.

Digitized by Google

СЕРЕБРЯНИКЪ, сплеснувъ руками:

Боже милосердый!
Пять-сотъ червонцевъ я даю тотчасъ
За эту чашку. Если жъ кто другой
Дастъ больше, такъ и я готовъ прибавить.

АЛАДДИНЪ.

Ты честный человѣкъ.

Про себя.

Ну, кто бъ подумалъ,
Что между христіанами есть люди!

Громко.

Пойдемъ же въ лавку.

ЖИДЪ, прибѣгаетъ.

Гей! стой, стой!... грабежъ!
Мошенникъ ты! гяуръ! собака!
Ты у меня задумалъ хлѣбъ отбить!.....

СЕРЕБРЯНИКЪ.

Молчи! Нето я рыжую бородку
Такъ общиплю тебѣ, презрѣнный Іуда,
Что въ вѣкъ свой не надуешь никого.....

ЖИДЪ.

Что̀ надувать?..... что̀ Іуда?..... Пустяки!
Фантазія! Я дѣлаю, что̀ мнѣ
Угодно, продаю и покупаю
Все, что̀ могу, и всякій платитъ то,
Что̀ хочетъ. И когда сказалъ я азъ,
Такъ мнѣ должно сказать и буки, то есть,
Когда ужъ я скупилъ его тарелки,
Такъ мнѣ же слѣдуетъ купить и чашку.
А кто изъ зависти и хлѣбъ и торгъ
У честнаго торговца отбиваетъ,
Тотъ плутъ, мошенникъ!

АЛАДДИНЪ.

Что̀ ты, подлый жидъ,
Съ ума сошелъ?

Digitized by Google

ЖИДЪ.

Да, не добуду чашки,
Сойду съ ума..... Подайте чашку,..... чашку!.....
Я на нее ужъ разсчиталъ барышъ.....

АЛАДДИНЪ, бьетъ его.

Вотъ, на!.... негодный жидъ!.... поди, похвастай,
Что мусульманина ты обманулъ.

ЖИДЪ, съ визгомъ и плачемъ.

Что̀ мусульманинъ?..... Кто о вѣрѣ спроситъ?
Мнѣ всё-равно..... я всякаго надую.....
И твоего Аллаха, коль случится.....

СЕРЕБРЯНИКЪ.

Пойдемъ. Онъ сумасшедшій.
Припадки бѣшенства и сребролюбья
Его не оставляютъ ни на часъ.

АЛАДДИНЪ.

Не худо, правда, если бъ кади палкой
Твои жидовскія пощупалъ пятки,
Но, по безумству, я тебя прощаю.

Уходитъ съ серебряникомъ.

ЖИДЪ, одинъ.

.....

Повѣшусь!.... да! повѣшусь непремѣнно!
Я такъ надѣялся на эту чашку,
Считалъ на вѣрняка барышъ въ карманѣ.....

Вздыхаетъ.

Что̀ жизнь безъ золота и серебра?
Да! деньги, деньги — истинная жизнь!
Моя душа. Безцѣнные металлы!.....
Да, если бъ я лежалъ ужъ на одрѣ,
И тусклый взоръ мой былъ уже закрытъ,
То стоило бъ лишь поднести къ глазамъ
Горсть золота, чтобъ жизнь мнѣ возвратить,
Чтобъ голова согрѣлась, снова кровь
Къ холоднымъ, синимъ, прилилась ногтямъ,

Digitized by Google

Въ рукахъ явилась сила..... деньги взять.
Теперь..... я боленъ, холоденъ, дрожу.....
Охъ!... знатный бы барышъ я нажилъ съ чашки!...
Я удавлюсь! Такой бѣды, такой
Потери невозможно пережить.....
Все кончено!..... Пойду украсть веревку.

Уходитъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната.

МОРГІАНА, одна, прядетъ.

Богъ вѣсть, что съ Аладдиномъ приключилось!
Ума не приложу!..... Иль нездоровъ?
Вздыхаетъ да глаза таращитъ въ уголъ,
И слова не добьешься цѣлый день.
Когда жъ и скажетъ что̀, такъ проку мало:
Безсмыслица, сумбуръ и дичь такая.....
Я радовалась: онъ-было за дѣло
Взялся, сталъ лампой хлѣба добывать;
Все ладно шло. А нынче вотъ свихнулся.
Ужъ не чахотка ль у него? ломота?
Иль водяная? или золотуха?.....
Вотъ онъ идетъ..... какъ полумертвый словно.....

АЛАДДИНЪ, входитъ, вздыхая.

Богъ помощь, матушка. Вотъ денегъ вволю.

Кладетъ мѣшокъ на столъ.

МОРГІАНА.

Откуда это кладъ такой, сыночекъ?
Ты не бывалъ еще такимъ богатымъ.....

АЛАДДИНЪ, со вздохомъ.

Да, никогда я не бывалъ столь бѣднымъ.

МОРГІАНА.

А что̀ же тутъ въ мѣшкѣ?

Digitized by Google

АЛАДДИНЪ.

Червонцы.

МОРГІАНА

Какъ!.....

АЛАДДИНЪ.

Дай, матушка, пожалуйста, шербету.....

МОРГІАНА.

Нѣтъ, ты вспотѣлъ. Теперь не дамъ: нельзя.
Какъ можно пить, разгорячась?

АЛАДДИНЪ.

Однако жъ
Тогда-то жажда и сильнѣй.

МОРГІАНА.

Вотъ это
Разумно сказано. Ахъ, я душевно
Бываю рада, если ты случайно
Толковое словечко скажешь. Нынче,
Вотъ съ нѣкоторыхъ поръ, твои всѣ рѣчи,
Сентенціи и выводы и мнѣнья,
И философья, — или какъ ее,
Почемъ я знаю, — все перевернулось,
Въ ужасномъ безпорядкѣ, вверхъ ногами.....

АЛАДДИНЪ.

Что́ хочешь ты сказать! что въ безпорядкѣ?

МОРГІАНА, съ усиліемъ.

Сказать?..... Да..... я хочу сказать, что все,
Что́ скажешь ты..... все сказано не такъ.

АЛАДДИНЪ.

Да что же я сказалъ?

МОРГІАНА.

Почемъ я зна́ю!.....
И что́ за нужда мнѣ, сынокъ родимый!
Я шерсть пряду; я это разумѣю;
Я голову ломать не стану вашей
Ученой мудростью.

Digitized by Google

АЛАДДИНЪ.

Благоразумно.
Всякъ долженъ прясть свое. И если пряжа
Моя тебѣ ужъ черезъ-чуръ тонка,
И прялица поставлена высоко,
Когда и глазъ твой слишкомъ слабъ, не видитъ,
И нитка рвется у тебя въ рукахъ, —
То оставайся за своею прялкой,
Пряди, по старому, съ утра до ночи,
Да масломъ скромности помажь станокъ,
Чтобъ слишкомъ не трещало колесо;
Болтанья мудростью не называй,
И не порочь, чего не понимаешь.

МОРГІАНА.

Ну, я желала бъ знать, родной, что́ легче
Понять и что́ труднѣе дѣлать, лампу
Тереть, иль прясть?..... Подумай хорошенько.

АЛАДДИНЪ.

Могучему великій трудъ ничтоженъ,
А слабый подвигомъ зоветъ бездѣлку.
Межъ-тѣмъ какъ червь диру сверлитъ въ доскѣ,
Аллахъ вращаетъ вкругъ луну и солнце.
Скажи, изъ нихъ кто болѣе трудится?

МОРГІАНА.

Трудящійся въ поту лица всегда
Почтенія достойнѣй.....

АЛАДДИНЪ.

Стало червь
Достойнѣе почтенья чѣмъ Аллахъ!

МОРГІАНА.

Ахъ, мой Творецъ!..... Да что́ ты это, сынъ,
Какую кашу наболталъ?..... Лампада
И пряжа, мудрость и бездѣлки, червь
И Богъ! Мой сынъ, твой мозгъ въ плохомъ здоровьи
Съ тѣхъ поръ, какъ новыя читаешь книги.
Попробуй, почитай немножко въ старыхъ,

Digitized by Google

Такъ можетъ-быть поправишься опять.....
Но полно. Потолкуемъ о другомъ.
Что сдѣлалось съ тобой? Ты что-то блѣденъ!
О чемъ вздыхаешь безпрестанно, смотришь
Туда, гдѣ вовсе ничего не видно?

АЛАДДИНЪ.

Ахъ, я люблю, родная, я люблю.....
И оттого вздыхаю такъ глубоко,
Какъ ты ведро въ колодецъ опускаешь,
Въ засуху.

МОРГІАНА.

Любишь!..... Да скажи, кого же?

АЛАДДИНЪ.

Ахъ! нашего калифа дочь.....

МОРГІАНА.

Гюльнару?!

АЛАДДИНЪ.

Да, матушка.

МОРГІАНА.

Гюльнару, дочь калифа?

АЛАДДИНЪ.

Да, матушка.

МОРГІАНА плачетъ.

АЛАДДИНЪ.

О чемъ же плачешь ты?

МОРГІАНА.

Ахъ!..... какъ не плакать, сынъ съ ума сошелъ!

АЛАДДИНЪ.

Не знаю самъ, что сдѣлалось со мною:
Мнѣ скучно, грустно, сердце жметъ тоска,
Не хочется болтать и разсуждать,
Какъ прежде; я съ трудомъ могу себя
Принудить къ разговору; мнѣ пріятнѣй
Всего — уединеніе въ лѣсу,
Гдѣ пѣнье птицъ сопровождаетъ ропотъ
Прозрачнаго потока. Тамъ я веселъ;

Digitized by Google

Тамъ въ каждомъ звукѣ слышу я Гюльнару.....
Послушай, матушка, когда не хочешь,
Чтобъ я увялъ какъ скошенный цвѣтокъ, —
Исполни, что скажу тебѣ.....

МОРГІАНА.

Ну, что же?

АЛАДДИНЪ.

Посватай за меня дочь Солимана.

МОРГІАНА, ВЪ ИСПУГѢ.

Дочь Соломона..... то бишь, Солимана!.....
Но Солимана или Соломона,
Тутъ всё-равно: одно другаго стоитъ!

АЛАДДИНЪ.

Коль не исполнишь просьбы..... я умру.

МОРГІАНА.

Помилуй, Аладдинъ! что ты затѣялъ?.....
Портнаго сынъ!.....

АЛАДДИНЪ.

Ну, матушка, портной
Не виноватъ, что я на свѣтъ родился.
Я знаю, мой отецъ — Эмиръ Аль-Сефи.

МОРГІАНА.

Ахъ, ты негодный сорванецъ, разбойникъ!.....
Что говоришь!..... Заставилъ покраснѣть
Старуху мать.....

АЛАДДИНЪ.

Ну, такъ оставимъ это.
Я сынъ эмира, это мнѣ извѣстно;
Ты дочь обручника, а мать калифа
Была невольница; онъ обладаетъ
Персидскимъ государствомъ, я — лампадой!
Уже ль еще не видишь равновѣсья?

Digitized by Google

МОРГІАНА.

Нѣтъ нѣтъ; калифъ, я вижу, опустился
И поднялъ въ гору Аладдина. Лампа
И государство, на однѣхъ вѣсахъ!
Скамейка и диванъ! сухарь и коровай!

АЛАДДИНЪ.

Но, матушка, ты, вѣрно, позабыла,
Что въ лампѣ маленькое свойство есть?

МОРГІАНА.

Да, съ ней, пожалуй, можно вызвать духа,
Который принесетъ тебѣ обѣдъ,
Но дочь калифа не кусокъ жаркаго.
Ой, Аладдинъ, погубишь ты себя!
Когда-нибудь твой духъ, въ недобрый часъ, —
Вѣдь мало ль что случается съ людьми, —
Разсердится, да шею какъ свернетъ.....

АЛАДДИНЪ.

О! этого нисколько не боюсь.
Но ты должна мою исполнить просьбу,
Когда не хочешь сына погубить.

МОРГІАНА.

Ну, ладно, я пойду..... что жъ я скажу?
«Великій падишахъ, я съ просьбой: сдѣлай
Мнѣ одолженье, выдай дочь свою
За сына моего!» — «Кто ты, старуха?» —
«Вдова портнаго Мустафы.» — «А сынъ?» —
«Мой сынъ.» — «И только?» — «Только, государь.»
«И онъ на дочери моей женится
Желаетъ?» — «Да; вотъ врѣзался и полно.»
И буду я стоять, какъ дура. Можетъ,
Калифъ еще разгнѣвается, скажетъ
Намѣстникамъ, чтобъ выгнали по шеѣ.

АЛАДДИНЪ.

Не можетъ быть! Калифъ великодушенъ.

Digitized by Google

МОРГІАНА.

Еще одно.... ахъ, какъ ты глупъ, родимый!.....
Вѣдь есть заказъ или приказъ ли, что ли,
Такое повелѣнье, чтобъ никто
Въ диванъ не смѣлъ явиться безъ подарка.

АЛАДДИНЪ.

Вотъ этого-то я и ждалъ. Ты знаешь
Прекрасные блестящіе плоды,
Что̀ спрятаны у насъ на чердакѣ?

МОРГІАНА.

Раскрашенныя стекла-то? Такъ это
Калифу снесть? Такъ это твой подарокъ?
Ну, истинно сказать, по Сенькѣ шапка!

Плачетъ.

АЛАДДИНЪ.

Послушай, мать моя, что̀ ты зовешь
Стекломъ, — всё драгоцѣнные каменья,
Чистѣйшіе брилльянты, изумруды,
Рубины и сапфиры. Самъ калифъ
Подобныхъ на чалмѣ своей не носитъ.
И я недавно лишь узналъ имъ цѣну.
Богатый этотъ даръ ему снеси,
Скажи, что прислано отъ жениха.
Повѣрь, подарокъ этотъ всякій гнѣвъ
Смиритъ; по-крайней-мѣрѣ я ручаюсь,
Что ты калифу будешь не противна.

МОРГІАНА.

Неужто въ самомъ дѣлѣ эти стекла
Все дорогіе, чистые каменья?

АЛАДДИНЪ.

Такъ вѣрно, какъ и то, что ты мнѣ мать,
И что я Аладдинъ, родной твой сынъ.
Поди же, сдѣлай, что прошу; да только,
Смотри, про лампу — ни полслова!

Digitized by Google

МОРГІАНА.

О!

Аллахъ семи-именный, что за горе
Съ ребятами!..... Ну, что ты станешь дѣлать!.....
Ужъ если правду говорить, — пойду;
Но надобно сперва пришить подкладку
Къ подолу балахона, — подпоролась, —
Да мыла бѣлаго купить, умыться, —
Зеленое-то пахнетъ гадко. Кстати,
Купить бы новенькое покрывало,
Когда бы деньги.....

АЛАДДИНЪ.

Деньги? А мѣшокъ-то,
Что на столѣ лежитъ передъ тобой?
Ты лампу-то мою не помнишь развѣ?

МОРГІАНА.

Охъ, лучше бъ не бывать ей въ нашемъ домѣ!

АЛАДДИНЪ.

Я выйду къ рощу, сяду у ручья.
Туда ты можешь мнѣ принесть рѣшенье,
Остаться ль мнѣ въ живыхъ иль умереть.

МОРГІАНА.

Вотъ, пріодѣнусь, и тотчасъ пойду.

Аладдинъ уходитъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Диванъ.

СОЛИМАНЪ на престолѣ; ВЕЛИКІЙ ВИЗИРЪ, совѣтники и зрители. Дѣла окончены, толпа расходится.

ВИЗИРЪ.

Великій падишахъ, мой повелитель,
Прикажешь запереть врата дивана?

СОЛИМАНЪ.

Повремени еще немного. Вотъ старуха,
Въ одеждѣ бѣдной, у порога ждетъ;

Digitized by Google

Она уже три раза приходила,
И каждый разъ у двери становилась.
У ней два узелка; она, конечно,
Пришла, чтобъ правосудіе найти.
Быть-можетъ, хлѣбникъ не довѣсилъ фунта,
Такъ чѣмъ-бы кадія сыскать, она,
По простотѣ своей, пришла сюда,
Чтобъ самъ калифъ ей перевѣсилъ хлѣбы.
Но, какъ бы ни было, зови ее.

визирь приводитъ моргіану; она падаетъ ницъ передъ тропомъ.

солиманъ.

Я нѣсколько ужъ разъ тебя здѣсь видѣлъ;
Ты смотришь на меня, какъ-будто ждешь,
Чтобъ ближе подозвали, такъ ли? Ну,
Я подозвалъ. Скажи жъ, чего ты хочешь?
Что́ у тебя въ узлахъ?..... Мошенникъ хлѣбникъ
Обрѣзалъ хлѣбъ, какъ алчный жидъ монету?
Или мясникъ на рынкѣ слишкомъ много
Костей тебѣ отвѣсилъ вмѣсто мяса?
Или торговка утопила совѣсть,
И продала тебѣ гнилыхъ плодовъ?

моргіана, стоя на колѣняхъ.

Могущественный господинъ калифъ!
Ужъ не прогнѣвайся, родной, когда
Не полнымъ титуломъ тебя зову:
Вѣдь я не знаю всѣхъ твоихъ чиновъ.....
Изволишь видѣть, я вдова портнаго,
Зовуся Моргіаной, просто; мужъ мой, —
Теперь покойникъ онъ, — когда былъ живъ,
Такъ Мустафой звался, а какъ теперь
Зовутъ, извѣстно одному Аллаху;
Сынокъ мой тоже, такъ сказать, не слишкомъ
Большая спица; имя..... дай Богъ память.....
Ахъ, мой Творецъ, совсѣмъ вѣдь съ толку сбилась
Въ твоей великолѣпной ассамблеѣ.....
Да и колѣнки-то болятъ..... стара

Digitized by Google

Я стала. Но когда свою ватагу
Ты выгонишь, и мнѣ позволишь встать,
Такъ, я надѣюсь, мы съ тобой поладимъ.

Солиманъ даетъ знакъ; всѣ выходятъ, кромѣ великаго визиря.

СОЛИМАНЪ.

Ну, такъ вставай же, добрая старушка;
Когда устала, сядь здѣсь на коверъ.

МОРГІАНА.

Нѣтъ, нѣтъ, сіятельный калифъ..... Помилуй!
Ты думаешь, я бѣдная портниха,
Такъ и не знаю какъ себя вести!

СОЛИМАНЪ.

Ну, говори же, что̀ въ твоихъ узлахъ,
Хлѣбъ, мясо или яблоки гнилые?

МОРГІАНА.

Послѣднее, свѣтлѣйшій государь,
Послѣднее; плоды, но не гнилые:
Ихъ можно везть, пожалуй, хоть въ Сибирь,
Ручаюсь, не испортятся нисколько,
Какой угодно выдержатъ морозъ.....
Однако жъ вѣдь на все своя пора,
Сказалъ твой мудрый прадѣдъ Соломонъ.
Такъ, вотъ изволишь видѣть, Аладдинъ
Мой сынъ..... ему лѣтъ семьдесятъ... тьфу, пропасть!
Семнадцатъ, съ небольшимъ..... онъ парень видный,
Кровь съ молокомъ, красавчикъ, умникъ; есть
Способности къ наукѣ, только жаль,
Что мало учится; горячъ и вспыльчивъ,
Но сердце предобрѣйшее, ей, ей!.....
Бьюсь объ закладъ, калифъ высокородный,
Что ты да онъ..... вы жили бы въ ладу.

СОЛИМАНЪ.

А! понимаю. Въ евнухи его
Ты хочешь ко двору опредѣлить.

МОРГІАНА.

Нѣтъ, Боже сохрани, напротивъ! Что̀

Digitized by Google

Касается до этого, то онъ
Желаетъ оставаться такъ, какъ есть.

СОЛИМАНЪ.

Чего жъ онъ хочетъ?

МОРГІАНА.

Да чего хотѣть
Лишь можетъ, кто нечаянно прорвалъ
Диру въ мѣшкѣ, въ которомъ носитъ мозгъ,
И незамѣтно весь запасъ просыпалъ.....
Онъ сынъ родной мнѣ. Говорятъ, что плодъ
Не далеко отъ дерева валится;
Каковъ бываетъ попъ, таковъ приходъ.
Однако же и то сказать, въ семьѣ
Не безъ урода; день дню розь; въ лѣсу
Не всѣ деревья кривы; человѣкъ
На человѣка не приходитъ, такъ и это:
Такъ, стало-быть, великій государь,
Тебѣ не должно думать, чтобъ сама
Затѣямъ сына я была причастна.

СОЛИМАНЪ.

Что жъ онъ затѣялъ? говори проворнѣй.

МОРГІАНА.

Скажу тотчасъ..... но ты мнѣ обѣщай,
Сіятельный, свѣтлѣйшій государь,
Что на меня, старуху, не озлишься.

СОЛИМАНЪ.

Изъ пустяковъ сердиться я не стану.
Чего же хочетъ сынъ твой?

МОРГІАНА.

Да!..... чего?.....

Про себя.

Изволь тутъ отвѣчать!.....

Громко.

Ахъ, государь,
Изволишь видѣть, онъ жениться вздумалъ,

Digitized by Google

Коль это вашей милости не будетъ
Противно.

СОЛИМАНЪ.

Что жъ, кого жъ онъ хочетъ взять?

МОРГІАНА.

Да дочь твою, калифъ.

СОЛИМАНЪ.

Гюльнару?

МОРГІАНА.

Да!

СОЛИМАНЪ, съ улыбкою.

Оно мнѣ неожиданно немножко,
А шагъ такой, ты знаешь, очень важенъ.

МОРГІАНА.

Конечно, правда, государь калифъ,
Свой своему неволей другъ, и всякой
Получше хочетъ дѣтище пристроить.

СОЛИМАНЪ.

Такъ мы объ этомъ послѣ потолкуемъ.
Теперь скажи, что у тебя въ узлахъ?

МОРГІАНА.

У насъ такой обычай заведенъ,
Что если кто калифа хочетъ видѣть,
Тотъ долженъ принести изрядный даръ.
Въ иныхъ земляхъ, мнѣ сказывали, эти
Подарки принимаютъ челядинцы;
А ты ихъ самъ берешь. Оно и лучше,
Вѣрнѣй: своя рубашка ближе къ тѣлу.
Ну, вотъ, какъ привелось къ тебѣ идти,
Мнѣ сынъ и отдалъ эти узелки,
Къ тебѣ снести, въ подарокъ, для презенту.

СОЛИМАНЪ.

Ну, хорошо, старуха. Подавай.
Мы яблоковъ отвѣдаемъ твоихъ.

Digitized by Google

МОРГІАНА.

Тутъ и другіе есть плоды, свѣтлѣйшій
Калифъ. Откушай на здоровье.

СОЛИМАНЪ.

Визирь,
Возьми, вели на кухню снесть.

ВИЗИРЬ, взявъ узелки и ощупывая.

Какъ крѣпки!
Какъ–будто каменные..... гладки, словно
Стекло..... Стекло и есть!

СОЛИМАНЪ.

Такъ покажи.
Искусныя, быть–можетъ, подражанья.

Визирь открываетъ узлы, калифъ смотритъ, и съ изумленіемъ вскакиваетъ.

Что вижу!.... Перлы!... брилліантъ!... рубины
Съ куриное яйцо!..... Сапфиръ, какъ слива!
И сколько драгоцѣнностей другихъ!
Огромное сокровище!..... И это
Все отъ тебя?

МОРГІАНА, бойко.

Нѣтъ, государь, отъ сына.

СОЛИМАНЪ.

Огромное, несмѣтное богатство!
Въ сравненьи съ горстью этихъ брилліантовъ,
Вѣнецъ мой — шутовской колпакъ, изъ папки
И фольги. Кто твой сынъ?

МОРГІАНА.

Портнаго сынъ.

СОЛИМАНЪ, съ восхищеніемъ разсматривая каменья.

Вотъ кладъ!..... Смотри, смотри, цвѣта, отливы
Какіе! Словно утренняго солнца
Лучи играютъ, радужнымъ сіяньемъ,
На капелькахъ росинокъ. Здѣсь природа
Соединила роскошь и богатство
Всего востока. И все это мнѣ

Digitized by Google

Принадлежитъ!..... мое!..... О, какъ я счастливъ!
Поди, старуха, къ сыну, и скажи:
Кто въ состояньи даръ такой принесть,
Тотъ можетъ получить калифа дочь.

ВИЗИРЬ, тихо къ Моргіанѣ.

Ступай теперь домой, и жди въ смиреньи,
Покуда призовемъ тебя сюда

МОРГІАНА кланяется и уходитъ.

СОЛИМАНЪ, въ восторгѣ, къ визирю.

Что, Нушировъ! что скажешь ты на это?

ВИЗИРЬ, холодно.

Каменья хороши.

СОЛИМАНЪ.

И только?..... только?

ВИЗИРЬ.

Довольно дороги.

СОЛИМАНЪ.

Неоцѣнимы!

ВИЗИРЬ.

Я думаю однако жъ, государь,
Великій падишахъ мой самъ владѣетъ
Алмазомъ, драгоцѣннѣе всѣхъ этихъ.

СОЛИМАНЪ.

Алмазомъ? Ты, визирь, мечтаешь. Гдѣ жъ онъ?

ВИЗИРЬ.

Въ твоемъ гаремѣ, солнце Солиманъ,
Алмазъ такой воды, прозрачной, чистой,
Какую можетъ заключать въ себѣ
Лишь перлъ невинности.

СОЛИМАНЪ.

А, понимаю!
Ты о Гюльнарѣ говоришь.....

ВИЗИРЬ.

Алмазъ,
Не только блещущій красой наружной,
Какъ мертвый камень, но живой и теплый,

Digitized by Google

Вдвойнѣ прекрасный, драгоцѣнный камень,
Который внутреннимъ своимъ богатствомъ
Весь внѣшній блескъ далеко превосходитъ.
Алмазъ, который все въ себѣ вмѣщаетъ:
И нѣжно-розовый рубинъ — въ ланитахъ,
И ярко-алый на устахъ прелестныхъ;
Въ глазахъ — шлифованный гранатъ, точащій,
Съ слезой любви, чистѣйшіе брилльянты;
Во рту — двѣ нитки драгоцѣнныхъ перловъ;
Все это въ мраморѣ прозрачномъ, снѣга
Бѣлѣе, солнца вешняго теплѣй.
И, этотъ дорогой живой цвѣтокъ,
На благородной почвѣ стройно взросшій,
Взлелѣянный садовникомъ-калифомъ,
Ты хочешь промѣнять на горсть каменьевъ?.....

СОЛИМАНЪ.

Да, Нушірванъ; ты дѣло говоришь.....

ВИЗИРЬ.

Отдать мальчишкѣ дерзкому, который
Случайно кладъ нашелъ въ твоемъ владѣньи;
Отдать за то, что безъ того твое!

СОЛИМАНЪ.

Довольно, Нушірванъ. Каменьевъ блескъ
Увлекъ меня на первое мгновенье
И душу такъ мою очаровалъ,
Что я и не примѣтилъ, что языкъ
Межъ-тѣмъ болталъ. Притомъ, вѣдь я давно
За сына твоего ужъ сговорилъ
Гюльнару. Обѣщанія того
Нельзя жъ нарушить для пустаго слова.

ВИЗИРЬ.

Когда, великій Солиманъ, назначишь
Быть свадьбѣ?

СОЛИМАНЪ.

Вечеромъ, сегодня жъ, чтобъ
Ты видѣть могъ, что я не измѣнился

Digitized by Google

Въ расположеніи къ тебѣ. Мнѣ только
Досадно, что передъ старухой слово
Такъ необдуманно я обронилъ.

ВИЗИРЬ.

О, государь, вѣдь слово только звукъ:
Раздастся и исчезнетъ, вотъ и все.
Еще на свѣтѣ нѣтъ такой руки,
Чтобъ слово на лету могла схватить.
Притомъ вѣдь, слава Богу, здѣсь въ сералѣ
Есть стража, люди знающіе службу:
Они гостей докучныхъ проводить
Умѣютъ. Если бъ Солиманъ не могъ
Воспользоваться этою свободой,
И если бъ каждымъ словомъ онъ былъ связанъ,
То какъ возможно было бъ отличить
Калифа отъ презрѣннаго раба?

СОЛИМАНЪ.

Ты говоришь умно, свѣтильникъ правды,
Ты образецъ мудрѣйшаго визиря.
Теперь пойдемъ къ моей женѣ, Зулимѣ:
Мнѣ хочется ей показать каменья.

Уходятъ.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Улица.

Вечеръ. Изъ иллюминованныхъ домовъ слышится шумное веселье и музыка.

МОРГІАНА, стучится въ мелочную лавочку.

ЛАВОЧНИКЪ, выглядываетъ въ окно.

Кто тамъ! Кто тамъ стучитъ такъ поздно?..... а?
Вѣдь я сказалъ, что вечеромъ сегодня
Не стану торговать! Читать умѣешь,
Такъ посмотри на транспарантъ въ окнѣ.
Не видишь развѣ? пальмовый вѣнокъ,
Трубящій ангелъ, вензловое имя

Digitized by Google

И двѣ строки стиховъ на немъ сіяютъ.....
Что̀ лавочникъ? собака, что ль, какая,
Что долженъ быть на привязи безсмѣнно,
Отвѣшивать вамъ мыло и изюмъ?
Сегодня въ Испагани всѣ пируютъ,
И я хочу повеселиться.

МОРГІАНА.

Съ Богомъ,
Повеселись, сосѣдушка любезный,
Да только и меня повесели:
Дай масла для лампадки, а не то
Я просижу въ потемкахъ цѣлый вечеръ,
Межъ-тѣмъ, какъ въ городѣ огня такъ много,
Что улицы нылаютъ словно печи.

ЛАВОЧНИКЪ.

А! это ты, сосѣдка Моргіана?
Поди, поди сюда..... Тутъ столько свѣту,
Что я почти совсѣмъ ослѣпъ, не вижу.

МОРГІАНА.

А я отъ темноты не вижу зги.

ЛАВОЧНИКЪ.

Да, да, такъ точно: оба ослѣпляютъ.
И темнота и свѣтъ: и слишкомъ мало
И слишкомъ много не годится..... Ну,
Сосѣдка, для тебя ужъ я уважу,
Войди. Какого масла дать тебѣ?
Изъ лучшаго?

МОРГІАНА.

Нѣтъ, нѣтъ, сосѣдъ любезный,
Пожалуйста, изъ худшаго, да только
Хорошаго налей.

ЛАВОЧНИКЪ.

Ты экономка.

МОРГІАНА.

Что̀ жъ дѣлать? Надобно..... Скажи на милость,

Digitized by Google

Какой сегодня праздникъ? отчего
Повсюду музыка и освѣщенье?

ЛАВОЧНИКЪ.

Неужто ты одна здѣсь въ Испагани
Не знаешь, что калифъ нашъ, Солиманъ,
Сегодня дочку замужъ выдаетъ
За Саладина, визирева сына?

МОРГІАНА.

Какъ? что́, сосѣдушка?..... что́ ты сказалъ?
Мнѣ показалось, ты промолвилъ что́-то.

ЛАВОЧНИКЪ.

И не ошиблась, матушка сосѣдка.

МОРГІАНА.

Такъ перелей, сосѣдъ; дай вмѣсто масла
На гривну уксусу: мнѣ что́-то дурно.

ЛАВОЧНИКЪ.

Сосѣдка, что́ съ тобой?..... Ахъ, Боже мой!.....
Ты этимъ бракомъ недовольна, что́ ли?

МОРГІАНА.

Не то..... нечаянно мозоль ушибла.....
Прощай; мнѣ некогда..... опять приду.....
Бѣгу домой, съ сынкомъ поговорить.

Поспѣшно уходитъ.

ЛАВОЧНИКЪ.

Что́ сдѣлалось съ старухой Моргіаной?
Вѣдь вотъ, ушла, оставила меня,
Съ своею гривной!..... Что́ теперь мнѣ дѣлать?
Эй, Моргіана, погоди!..... Удрала!
Я честный человѣкъ, извѣстно всѣмъ, —
Весь околотокъ знаетъ, — никогда
Я не обманывалъ, не воровалъ,
И непосредственно въ чужой карманъ
Не лазилъ..... Что́ посредственно, въ торговлѣ,
Добудешь, это ужъ другое дѣло:
Въ торговлѣ всѣ плутуютъ и воруютъ:
Вѣдь барышемъ живешь..... вѣдь хочешь ѣсть.....

Digitized by Google

А эта гривна..... Господи, помилуй!
Вѣдь Моргіана бѣдная вдова.....
Я съ сокрушеньемъ видывалъ частенько,
Что даже хлѣба въ домѣ у нея
Недоставало. Что же будешь дѣлать?
Всѣмъ не поможешь. Прошлую недѣлю
И то старухѣ далъ двѣ груши даромъ,
Чтобы чего-нибудь хоть пожевала.....
А эта гривна!..... Если я умру?
Вѣдь грѣхъ, грѣхъ тяжкій пожинться вдовьимъ
Добромъ. Я лучше въ книгу запишу.

Пишетъ.

«Отъ Моргіаны гривну получилъ.
Что требуется, уксусу иль масла,
Сіе еще сомнѣнью подлежитъ.»
Вотъ такъ; теперь моя душа спокойна.
Написано, такъ все вѣрнѣй и чище.

Запираетъ лавку.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Комната Аладдина.

Аладдинъ, разгнѣванный, стоитъ, съ лампою въ рукахъ, и третъ ее; является духъ лампы.

ДУХЪ.

Говори, мой повелитель,
Что мнѣ дѣлать? Я готовъ.

АЛАДДИНЪ.

Видишь, духъ, я въ изступленьи;
Гнѣвъ мой выразить — нѣтъ словъ.
Дочь свою, Гюльнару, выдать
Солиманъ мнѣ обѣщалъ;
Я съ восторгомъ и томленьемъ
Своего блаженства ждалъ.
Но безстыдно онъ нарушилъ
Обѣщаніе свое:

Digitized by Google

Сыну визиря сегодня
Отдалъ счастіе мое.
Ревность мнѣ терзаетъ сердце,
Разумъ мой затмила ночь.
Слушай, духъ мой, что̀ скажу я, —
Собери свою всю мочь.
Только въ брачной почивальнѣ
Мой соперникъ, Саладинъ,
Встрѣтитъ милую Гюльнару,
Только будетъ съ ней одинъ,
Вмигъ схвати ихъ, вмѣстѣ съ ложемъ,
И, въ вечерней тишинѣ,
Тайно, ловко и поспѣшно
Принеси сюда, ко мнѣ.
Ложе, съ милою невѣстой,
Здѣсь поставишь, а женихъ,
Въ лютой злобѣ и досадѣ,
Всѣхъ лишенный силъ своихъ,
Какъ труба, на нашей кровлѣ
Неподвижно пусть стоитъ.
Но лишь солнце на востокѣ
Край небесный озаритъ,
Ты опять сюда явися,
И къ калифу во дворецъ
Отнеси назадъ Гюльнару.
Поспѣшай же, мой гонецъ.

ДУХЪ.

Вмигъ исполню повелѣнье,
Вмигъ явлюсь опять сюда.
Если бъ ты еще промедлилъ,
Ужъ случилась бы бѣда.

Исчезаетъ и черезъ мгновенье опять является съ постелью, въ которой лежатъ Саладинъ и Гюльнара. Поднявъ Саладина, Духъ говоритъ:

Радуйся, мой повелитель!
Ты здѣсь съ милой можешь спать;

Digitized by Google

Твой соперникъ будетъ съ крыши,
Звѣзды на небѣ считать.

Исчезаетъ съ Саладиномъ.

ГЮЛЬНАРА, поднявшись на постели.

Святой пророкъ Аллаха! гдѣ я?..... гдѣ я?
Какая благодѣтельная сила
Невидимо спасла меня, въ минуту,
Когда у ненавистнаго въ объятьяхъ
Уже въ отчаяньи я трепетала?
Не сонъ ли вижу я?..... Мнѣ показалось,
Что здѣсь былъ юноша, что̀ у купальни
Скрывался межъ колоннъ, и что̀ съ тѣхъ поръ
Мнѣ грезится во снѣ и на яву.
Иль это все мечта?..... Аллахъ мой, гдѣ я?

АЛАДДИНЪ, подходитъ.

Ты у меня, прелестная Гюльнара;
Не безпокойся, ты у человѣка,
Который любитъ и боготворитъ
Тебя, которому Аллахъ далъ силу
Тебя отъ злой бѣды оборонить.
Не бойся: ненавистный твой женихъ,
Какъ истуканъ, стоитъ на нашей кровлѣ.....
Но, милая, скажи мнѣ откровенно,
Ты можешь ли меня любить, скажи.....
Ты видѣла меня, и не забыла?

Беретъ ея руку.

ГЮЛЬНАРА.

Скажи мнѣ, кто ты, юноша прекрасный?
Не ангелъ ли, низпосланный Аллахомъ
Къ спасенью моему?

АЛАДДИНЪ, въ восхищеніи.

О, какъ прелестна,
Какъ восхитительна она!..... Прозрачный
Покровъ напрасно легкими волнами
Старается скрыть дивную красу.....

Digitized by Google

О, хурія небесная, Гюльнара,
Скажи, скажи, полюбишь ли меня?

ГЮЛЬНАРА.

Я полюбила съ перваго мгновенья,
Когда увидѣла тебя. Въ гаремѣ,
Въ уединеньи тихомъ я взросла,
И очень мало видѣла мужчинъ,
Но чувствовала въ сердцѣ, что никто
Меня не осчастливитъ такъ, какъ ты.

АЛАДДИНЪ.

О, счастье!

Цѣлуетъ ее.

Ты теперь моя невѣста.....
Моя!..... Аллаху слава, я не ангелъ,
Я человѣкъ, такой, какъ ты. Усни
Теперь. И я съ тобой прилягу. Но,
Доколь союза нашего Аллахъ
Не освятилъ, пусть этотъ острый мечъ,
Который между нами положу,
Какъ херувимъ, воротъ эдема стражъ,
Хранитъ твою невинность отъ грѣха.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Кровля.

АЛАДДИНЪ, съ обращеннымъ къ небу лицомъ, стоитъ неподвижно, какъ статуя.

О, стыдъ!..... позоръ! о, адское мученье!.....
Неужто камень я?..... Нельзя никакъ
Руки поднять, ни пальцемъ шевельнуть!.....
Окоченѣлъ весь, въ жилахъ кровь застыла,
И кости пусты, мозгъ какъ-будто выдутъ.
Я слабъ, какъ-будто утромъ, на лугу,
Въ сырой росѣ заснулъ, и просыпаюсь
Параличомъ разбитый, полумертвый.

Digitized by Google

«Стой здѣсь!» сказалъ гигантъ ужасный: «стой,
Какъ Лотова жена, какъ соли столбъ!»
И онъ исчезъ. О, смерть и адъ!..... проклятье!.....
Съ постели брачной перейти на крышу,
Жену въ объятія другаго сдать,
А самому стоять здѣсь истуканомъ!
Не въ силахъ шевельнуться, какъ ни бьюсь.
Глазъ даже не могу свести на землю.....
Лишь вѣтеръ развѣваетъ полы платья.
А тамъ, внизу, моя жена..... Проклятье!.....
Мнѣ бѣшеная ревность сердце съѣстъ.....
Обруштесь, звѣзды, на меня, и разомъ
Окончите ужасное мученье.

—

Актъ четвертый.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Сераль.

СОЛИМАНЪ; ЗУЛЕИМА, его жена; ГЮЛЬНАРА; ВИЗИРЬ; САЛАДИНЪ.

СОЛИМАНЪ.

Причина этого развода такъ странна,
Невѣроятна, и такъ далека
Отъ всѣхъ границъ возможнаго въ природѣ,
Что я совсѣмъ не знаю, что́ и думать.

ВИЗИРЬ.

Я тоже изумленъ, свѣтильникъ міра,
Не знаю, что́ сказать. Однако жъ опытъ
Показываетъ намъ, какъ часто кровь
Причиной безтолковыхъ сновъ бываетъ.

Digitized by Google

СОЛИМАНЪ.

Но что одно и то же снилось имъ
Обоимъ, вотъ что́ странно, между-тѣмъ
Не невозможно. Если жъ нужно вѣрить,
То лучше что́-нибудь предположить
Возможное, чѣмъ чудо допустить.
Чтобъ основательно узнать, въ чемъ дѣло,
Намъ надобно второй дождаться ночи,
И, скрывшись въ спальнѣ, подстеречь, что́ будетъ.

ВИЗИРЬ.

Ты мудръ, могущественный Солиманъ!
Когда то былъ лишь сонъ, такъ ничего,
Конечно, не увидимъ; если жъ чортъ
Ввязался въ это дѣло, ну, тогда
Посмотримъ. И потомъ уже мы можемъ, —
Что́ до меня, съ глубокимъ сокрушеньемъ, —
Позволить разорвать союзъ священный.

ЗУЛИМА.

Что́ скажешь, дочь?

ГЮЛЬНАРА.

Я покоряюсь волѣ
Родителя.

ВИЗИРЬ.

Такъ, вечеромъ сегодня.....

САЛАДИНЪ.

Нѣтъ, погодите! Вѣдь и мнѣ словечко,
Я думаю, приходится сказать.
Я дочь твою люблю, владыка мой,
И счастіе свое цѣнить умѣю;
Но ни за это счастье, ни за что́
На свѣтѣ не рѣшусь два раза сряду
Такому приключенью подвергаться.
Вы всѣ не понимаете, что значитъ
На крышѣ воткнутымъ копьемъ торчать
И млечнаго пути искать на небѣ;
Что́ значитъ видѣть чорта самаго,

Digitized by Google

Что̀ значитъ видѣть, какъ твоя жена
Въ объятія другаго принимаетъ,
А самъ ты, какъ голодная собака,
Поднявши морду, лаешь на луну!
Гюлнарѣ хорошо повиноваться:
Она останется въ своей постели,
Такой привольной, мягкой и просторной,
Что острый обнаженный мечъ, который
Межъ ней и демономъ ея кладется,
Нисколько не опасенъ. Вообще,
Что̀ до меча касается... Вѣдь вы же
Сказали, что, чего не видишь самъ,
Тому повѣрить трудно. Я, конечно,
Гюльнару видѣлъ на постели съ чортомъ;
Меча однако жъ не видалъ. Быть-можетъ,
Идея о мечѣ — лишь сонъ, созданье
Разгоряченной дѣвичьей фантазьи.

ГЮЛЬНАРА, съ презрѣніемъ.

Безстыдный!

ЗУЛЕИМА, съ гнѣвомъ.

Дерзновенный! какъ ты смѣешь
Такъ говорить о дочери калифа?

СОЛИМАНЪ.

Клянусь пророкомъ!... ха, ха, ха!... мнѣ право,
Смѣшно! Не доставало только брани!
О, дѣти, дѣти! ваша брань похожа
На лай собаки, злящейся на то,
Что вкругъ луны блуждаютъ облака.

ВИЗИРЬ.

Мужайся, сынъ!

САЛАДИНЪ.

Къ-чему же, мой отецъ?
Я не желаю мужемъ быть.

ВИЗИРЬ.

Ты развѣ

Digitized by Google

Не можешь разъ еще презрѣть опасность,
Изъ-за жемчужины столь драгоцѣнной?

САЛАДИНЪ.

Ты знаешь ли опасность водолазовъ,
Что̀ жемчугъ добываютъ? Ну, помножь
Ее на тысячу, тогда узнаешь,
Какой опасности подверженъ я.

ВИЗИРЬ.

Быть-можетъ,
Твое, другъ, положеніе бываетъ
Не безопасно для безсильныхъ, дряхлыхъ,
Безвременно отжившихъ вѣкъ, людей;
Но для тебя... я этого не думалъ.

САЛАДИНЪ.

Не мучь меня! Вѣдь Танталъ былъ счастливецъ
Въ сравненіи со мною: у него
Одна вода стояла подъ губами,
А у меня.... Но полно!... Мнѣ, конечно,
Понятно, батюшка, что мой разводъ
Тебѣ не по нутру. Калифу сватомъ
Почти вѣдь все-равно что̀ зятемъ быть.
Но что̀ же дѣлать? надобно рѣшиться.
Я знаю, послушанье — долгъ сыновній;
Но кажду ночь, для чести своего
Семейства, часовымъ стоять на крышѣ,
Когда въ объятіяхъ жены другой....
Нѣтъ, батюшка, ужъ это черезъ чуръ....

ВИЗИРЬ.

Стой, безразсудный мальчикъ! замолчи;
Не забывай почтенья къ мѣсту....

САЛАДИНЪ.

Тамъ,
На крышѣ?... Кажется, что я довольно
Почтительно и вѣжливо стоялъ.

ВИЗИРЬ.

Ты все на безтолковый сонъ воротишь!

Digitized by Google

ГЮЛЬНАРА.

Исполни, батюшка, его желанье.

СОЛИМАНЪ.

Какъ ты, визирь, разсудишь? Что̀ тутъ дѣлать?

ВИЗИРЬ.

Не знаю, солнце правовѣрныхъ; право,
Не знаю.

Входитъ НАЧАЛЬНИКЪ ЕВНУХОВЪ, сложивъ руки на груди и склонивъ голову.

Али-баба, Звѣздочетъ
Ждетъ у дверей и проситъ позволенья
Явиться передъ свѣтлыми глазами
Калифа, съ важной вѣстью.

СОЛИМАНЪ.

Пусть войдетъ.

Начальникъ евнуховъ уходитъ.

Онъ мудрый, опытный старикъ, и свѣдущъ
Въ наукѣ звѣздной. Я недавно башню
Построилъ на холмѣ. Тамъ онъ внимаетъ,
Что̀ дивнаго вѣщаютъ людямъ звѣзды.

САЛАДИНЪ.

Что̀ дивнаго?... Ну, право, ничего:
Стоишь себѣ разиня ротъ, и все тутъ!

АЛИ-БАБА, ВХОДИТЪ.

Владыкѣ правовѣрныхъ миръ и счастье!
Да утвердитъ Аллахъ его престолъ!

СОЛИМАНЪ.

Благодарю. Скажи, какое чудо
Иль новое явленье привело
Тебя сюда. Я знаю, ты вѣдь любишь
Уединенье.

АЛИ-БАБА.

Правда, государь,
Я старъ, и свѣтъ давно ужъ мнѣ наскучилъ:
Для мудреца въ немъ все ничтожно, тлѣнно.
Такъ кажется и мнѣ. Когда насъ старость

Digitized by Google

Своимъ крыломъ сребристымъ осѣнитъ,
Мы постепенно взоръ возводимъ къ небу,
Отыскиваемъ истинный пріютъ,
Гдѣ утомленный странникъ отдыхаетъ.
Всѣ радости мои, всѣ наслажденья —
Въ безмолвномъ созерцаніи свѣтилъ
Небесныхъ. Ночью я смотрю на звѣзды,
Доколь не ослѣпитъ меня блескъ солнца.

СОЛИМАНЪ.

Что́ жъ ты открылъ сегодня, Али-Баба?

АЛИ-БАБА.

Я прошлой ночью, по обыкновенью,
Взошелъ на кровлю башни, помолился,
И на лунѣ свой взоръ остановилъ.
Я вспомнилъ, какъ великій Магометъ,
Для убѣжденія невѣрныхъ, съ неба
Низвелъ ее могущественнымъ словомъ,
И на землю луна, въ куски разбившись,
Упала, по обѣимъ сторонамъ
Высокой Эликаи. А потомъ,
Тѣмъ словомъ, снова сплавилъ и повѣсилъ
Къ стопамъ Аллаха, гдѣ была отъ-вѣка.
Такъ, въ думу погруженный, я стоялъ,...
Какъ вдругъ луна затмилась, и мгновенно
Всю землю, словно углемъ, зачернило.
Въ лѣсу раздался жалобный крикъ совъ;
Лай псовъ замолкъ въ деревнѣ. Я стоялъ
Спокойно, хоть не понималъ причины
Затмѣнія. Все небо было чисто,
Ни облачка на всемъ обширномъ сводѣ.
Но облако и не могло бы такъ
Затмить луны. Я думалъ, что Аллахъ
Въ тотъ часъ весь міръ на судъ свой призоветъ;
И ждалъ, что ангелъ смерти, Израхилъ,
Своей трубы громовымъ звукомъ, въ прахъ
Вселенную разсыплетъ. Я, смиренно

Digitized by Google

Колѣни преклонивъ предъ всемогущимъ,
Молитву продолжалъ. Межъ-тѣмъ луна
По-малу прояснилась, засіяла
По прежнему, и тутъ ужъ я увидѣлъ
Внезапнаго затмѣнія причину:
Широкими крылами черный ангелъ
Луну загородилъ. Онъ несъ, подъ мышкой,
Раззолоченную постель, въ которой
Лежала спящая чета,—мужчина
И женщина. Я не могу понять,
Что̀ значитъ это чудо. Долгъ однако жъ
Велитъ мнѣ все тотчасъ тебѣ открыть.
Затѣмъ я поспѣшилъ сюда. Дай Богъ,
Чтобъ не случилося какой бѣды.

САЛАДИНЪ.

Какой бѣды? Бѣда уже случилась,
Клянуся бородой!

АЛИ-БАБА.

Да у тебя
Вѣдь нѣтъ ея!

САЛАДИНЪ.

Надѣюсь отростить.

АЛИ-БАБА.

А что̀ случилось?

САЛАДИНЪ.

Мудрый Али-Баба:
Когда смотрѣлъ въ трубу, ты не замѣтилъ
Меня на крышѣ, гдѣ я занимался
Твоей наукой?

АЛИ-БАБА.

Нѣтъ. Когда жъ то было?

САЛАДИНЪ.

Тотчасъ послѣ того, когда ты видѣлъ
На воздухѣ огромнаго болвана.

АЛИ-БАБА.

Нѣтъ, не замѣтилъ.

Digitized by Google

САЛАДИНЪ.

Подъ луной однако жъ
Ты видѣлъ вѣдь меня?

АЛИ-БАБА.

Эмиръ, ты самъ
Себя не добрымъ именемъ зовешь.

САЛАДИНЪ.

Совсѣмъ нѣтъ; ты не долженъ принимать
Меня за эту нетопырь, за чорта,
Огромнаго, крылатаго урода:
Я былъ одинъ изъ спящихъ, я лежалъ
Въ постели.

ВИЗИРЬ.

Кто ты былъ, мой сынъ: мужчина
Иль женщина?

САЛАДИНЪ,

Да еслибъ не мужчина
Я былъ, то, вѣрно, проводилъ бы ночь
Пріятнѣй, нежель на высокой крышѣ,
Въ занятіи небесною наукой,
Которую не худо бъ адской звать.

АЛИ-БАБА.

Не богохульствуй, грѣшникъ; замолчи.

ГЮЛЬНАРА.

Ну, батюшка, не сомнѣвайся жъ больше:
Ты видишь, это былъ не сонъ пустой.

СОЛИМАНЪ.

Да, да, пути судебъ непостижимы.
Я вижу, небо не благословляетъ
Союза вашего, и потому
Вамъ позволяю разойтись.

ГЮЛНАРА, съ восхищеніемъ обнявъ его.

Родитель,
Благодарю!

САЛАДИНЪ.

И я благодарю,

Digitized by Google

Великій Солиманъ, за избавленье
Отъ тяжкаго ярма и отъ роговъ.

визирь, въ досадѣ, про себя.

Негодный! Онъ не сынъ мой; нѣтъ, клянусь,
Такого сына я не могъ родить!....
Проклятый сонъ! Онъ всѣ мои надежды
Взорвалъ на воздухъ. И за это все
Я принужденъ еще благодарить....

Кланяясь, громко.

Благодарю, пророка дивный образъ!

солиманъ.

Вотъ чудеса!... (Къ визирю) Пойдемъ теперь въ диванъ.

Уходятъ, Солиманъ съ визиремъ, а Гюльнара съ матерью.

али-баба, къ Саладину.

Скажи на милость, что̀ все это значитъ?

саладинъ.

Да видишь, что жена отъ мужа скачетъ.
Прощай, почтенный звѣздочетъ. Спасибо,
Что ты помогъ мнѣ отшибить рога.

Поспѣшно уходитъ. Звѣздочетъ медленно идетъ слѣдомъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Диванъ.

солиманъ. визирь. Совѣтники. У дверей, моргіана, стража и народъ.

моргіана, къ пьяному конюху.

Помилуй, что̀ толкаешь?.... Ты вѣдь ребра
Прошибъ мнѣ! Очереди подожди;
Не суйся прежде всѣхъ: еще поспѣешь!

конюхъ.

А ты-то что̀?... Пошла, пошла, старуха!
Тебѣ сегодня не видать калифа:
Почище люди есть. Вотъ, напримѣръ,
Я съ важнымъ дѣломъ, такъ ужъ вѣрно пріймутъ.

моргіана.

Ты съ важнымъ дѣломъ? Полно, полно, другъ!

Digitized by Google

Мое важнѣе, если хочешь знать!....
Я сыну сватаю калифа дочь.

КОНЮХЪ.

Поди! съ ума сошла, старуха; бредишь.
Вотъ я — другое дѣло: я въ умѣ.
Я на коня доносъ подамъ калифу....
Я конюхъ, видишь ли, то есть, конь-нюхъ.
То значитъ, что я нюхаю конину.
Ты ошибаешься, коль полагаешь,
Что я хмѣленъ иль пьянъ. Ты не видала,
Когда я пилъ, и хмѣлю нѣтъ на мнѣ;
Такъ стало-быть я трезвъ. Напиться
Нельзя же безъ вина, а Магометъ
Вино пить мусульманамъ запретилъ,—
Проклятый опіумъ не лѣзетъ въ глотку,—
Такъ я неволей обратился къ водкѣ.
Я, вишь ли, водку предпочту вину:
Съ ней скачешь словно на пе́рекладныхъ,
Съ виномъ же, вишь ли, тянешься на долгихъ:
На каждой станціи все стой, не скоро
До мѣста доплетешься. Ну.... о чемъ бишь
Я говорилъ?... А! да.... о лошадяхъ.
Вотъ, вишь ли, конь калифскій такъ ударилъ
Меня вчера, что я свалился съ ногъ.
На первый разъ простилъ бы, такъ и быть, —
Аллахъ велитъ намъ ближнему прощать, —
Что́ дѣлать? вѣдь со всякимъ грѣхъ случится.
Но эта животина по-маленьку
Взяла привычку каждый день валять
Меня въ грязи; всего вѣдь измараетъ.
Ну, а визирь увидитъ, и бранитъ,
И называетъ пьяною свиньей;
Хотя, какъ грамотному человѣку,
Ему бы должно было знать, что свиньи
Вина не пьютъ. Такъ, вишь ли, я хочу
Подать доносъ на этого одра,

Digitized by Google

На лошадь, — то есть, — на скотину.....
Прости меня, Аллахъ! не хорошо
Калифскаго коня ругать, конечно.....
Да, вишь ли, думаютъ, что конь калифскій,
Ужъ съ бѣднымъ конюхомъ творитъ, что̀ хочетъ.
Нѣтъ, погоди! и я найду управу.....

МОРГІАНА, про себя.

Чего калифу не прійдется слушать!
Аллахъ, Аллахъ! конечно не легко
Держать все государство въ равновѣсьи,
Особенно коль подданные пьяны.

СОЛИМАНЪ.

Визирь, ты видишь, у дверей стоитъ
Та женщина, что̀ многоцѣнный даръ
Мнѣ принесла?

ВИЗИРЬ, вспыльчиво.

Неслыханная дерзость!.....
Я стражѣ.....

СОЛИМАНЪ.

Стой, визирь! Подумай, что̀
Прилично сану моему. Тогда
Я, въ радости, поспѣшно обѣщалъ,
Чего исполнить, вѣрно, невозможно.
Но силой не хочу нарушить слова.
Насилье возбуждаетъ гнѣвъ и мщенье,
Которыя должно предупреждать,
Гдѣ осторожностью, а гдѣ умомъ.

ВИЗИРЬ.

Калифъ, твои слова меня невольно
Смѣяться заставляютъ. Гнѣвъ и мщенье!
Портнаго сынъ и Солиманъ, калифъ!

СОЛИМАНЪ.

Кто бъ ни былъ онъ, онъ подданный, а я —
Его владыка; стало-быть, я долженъ

Digitized by Google

Съ любовью обращаться съ нимъ. Плохой
Пастухъ, кто худо стадо бережетъ.

ВИЗИРЬ.

Прости, калифъ; я такъ еще взволнованъ:
И самый хладнокровный не утерпитъ,
Когда затронешь рану, а моя.....
По, нужно ли оканчивать? ты знаешь.

СОЛИМАНЪ.

Я знаю, знаю, Нушырванъ. Однако жъ
Ты обѣщалъ мнѣ не напоминать
Про непріятный намъ обоимъ случай;
Такъ позабудь и самъ. Скажи мнѣ лучше,
Что со старухой дѣлать?

ВИЗИРЬ.

Если хочешь
Скорѣй сбыть съ рукъ ее, такъ только стоитъ
Потребовать, чтобъ сынъ ея влюбленный
Представилъ то, чего представить онъ
Не въ силахъ. Вотъ и шуткѣ всей конецъ.

СОЛИМАНЪ.

Совѣтъ хорошъ. Зови ее скорѣй,
И пусть другіе всѣ уйдутъ покуда.

По знаку визиря Моргіана подходитъ и падаетъ ницъ передъ тро-
номъ. Другіе расходятся.

СОЛИМАНЪ.

Я знаю, кто ты и зачѣмъ пришла,
И не забылъ того, что обѣщалъ:
Я говорилъ, кто въ состояньи даръ
Поднесть такой, какъ сынъ твой мнѣ прислалъ,
Тотъ можетъ получить калифа дочь
Въ супруги, если и все остальное
Съ тѣмъ первымъ даромъ сообразно будетъ.
Я и теперь при тѣхъ словахъ останусь:
Коль сынъ твой такъ богатъ, какъ можно думать
По первому подарку, то ему
Позволено искать руки Гюльнары.

Digitized by Google

И такъ, чтобъ это все узнать порядкомъ, —
Вѣдь очень можетъ-быть, что онъ случайно
Нашелъ тотъ кладъ, и больше не имѣетъ, —
Я требую, чтобъ онъ прислалъ мнѣ завтра,
Объ эту пору, сорокъ чашъ, большихъ,
Изъ золота, наполненныхъ до края
Каменьями, дороже тѣхъ, что ты
Мнѣ принесла. Тѣ чаши сорокъ черныхъ
Рабовъ чтобы несли, а сорокъ бѣлыхъ
За ними слѣдомъ пусть идутъ. Когда
Твой сынъ исполнитъ это все, какъ должно,
Тогда я обѣщаніе сдержу,
И дочь отдамъ ему въ супруги.
Когда же не исполнитъ, —

Грозно.

горе вамъ!
Страшитесь гнѣва моего, когда
Хоть разъ дерзнете о себѣ напомнить!
Я первое безумство вамъ прощаю,
Но съ тѣмъ, чтобъ впредь вы осторожнѣй были.

Встаетъ и уходитъ съ визиремъ.

моргіана, одна въ совершенномъ унынiи:

Ну, такъ и есть! Вѣдь я впередъ ужъ знала!
Ну, мало ль я его увѣщевала,
Не тысячу ли разъ я говорила, —
Эй, Аладдинъ, не сдобровать тебѣ!
Протягивай-ка ножки по одежкѣ,
А на чужую кучу глазъ не пучь.
Самъ разсуди: воронѣ соколомъ
Не быть; теленку волка не поймать.
Въ чужія сани не садись, дружокъ;
Не связывайся лычко съ ремешкомъ.
Куда тебѣ за дочерью калифа!
Бери жену по своему уму;
Сверчокъ, знай свой шестокъ..... Куда!
И слушать не хотѣлъ. Что будешь дѣлать?

Digitized by Google

Упрямъ: на головѣ хоть колъ теши.
Вишь, думаетъ, что лампу онъ досталъ,
Такъ что̀ захочетъ, то и сможетъ. Нѣтъ!
Съ калифомъ — вѣдь не съ чортомъ: не шути:
Хоть онъ и ласковъ, добръ, да не играй
Котенокъ съ углемъ: лапу обожжешь,
И не ступай собака въ волчій слѣдъ:
Оглянется, такъ съѣстъ. Теперь сынокъ,
И всплачешься, да поздно. Такъ и надо!
Не суйся въ воду, не спросивши броду.
Самъ виноватъ! Не кто въ бѣду тащилъ:
Самъ въ петлю лѣзъ. Нашла коса на камень.
Теперь, что̀ наварилъ, то и схлебаешь;
Вѣдь какъ постелешь, таково и спится!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната.

АЛАДДИНЪ, МОРГІАНА, ВХОДИТЪ.

АЛАДДИНЪ, спѣша на встрѣчу.

Что́ жъ, матушка?

МОРГІАНА.

Что́, мой дружокъ? (Про себя.) Ахти!
Не знаю, что́ и какъ ему сказать.

АЛАДДИНЪ.

Что̀ жъ, матушка, была.....

МОРГІАНА, перебивая.

У мясника?
Была, сынокъ, купила часть теленка.

АЛАДДИНЪ.

Нѣтъ, не о томъ. Была ли.....

МОРГІАНА.

У портнаго?
Да, да, была и тамъ. Какой онъ добрый
И вѣжливый! Они, съ твоимъ отцемъ,
Въ великой дружбѣ жили, не смотря,
Что оба ремесломъ портные были.

Digitized by Google

Отецъ твой превосходно шилъ кафтаны,
А тотъ искусенъ былъ кроить штаны;
Такъ въ мирѣ и согласіи они
Трудились, всякой по своей лишь части,
И никогда другъ другу не мѣшали:
Тотъ твоего отца хвалилъ кафтаны,
За то и мы его штаны хвалили.
Вотъ было золотое время!.....

АЛАДДИНЪ.

Но,
Скажи же.....

МОРГІАНА.

Что̀ сказалъ портной?..... Да, да!
О, будь спокойна, говоритъ сосѣдка;
Я сыну твоему сошью кафтанъ
Такъ хорошо, какъ самъ бы могъ онъ сшить,
Когда бъ отцовскимъ дѣломъ занимался.....

АЛАДДИНЪ, съ досадой.

Да кто же спрашиваетъ о портномъ!

МОРГІАНА.

Сыночекъ мой, кто высоко летаетъ,
Тотъ скоро сломитъ шею.

АЛАДДИНЪ.

А! теперь
Я понимаю наконецъ, въ чемъ дѣло.
Но честію клянусь, что Солиману
Такая шутка даромъ не пройдетъ!

МОРГІАНА.

Сынокъ, не хорошо ѣсть вишни съ знатью:
Пожалуй, косточками закидаютъ.

АЛАДДИНЪ.

Ну, ладно. Говори скорѣе все,
Какъ было

МОРГІАНА.

Что̀ мнѣ говорить? Ты знаешь,

Digitized by Google

Ты совершенно отгадалъ, что̀ было.
Тутъ больше дѣлать нечего, родимый:
Чего не одолѣешь, надо бросить.

АЛАДДИНЪ.

Га! погоди же, гордый Солиманъ!
Ты шутишь обѣщаньемъ, честнымъ словомъ?
Я покажу тебѣ, что̀ значитъ честь!
Ты думаешь, что высоко стоишь?
Достану!

МОРГІАНА.

Простуди, родимый, кровь
Свою: горячій нравъ тебя погубитъ;
Несчастнымъ сдѣлаетъ.

АЛАДДИНЪ.

Несчастнымъ? Въ чемъ же
Несчастіе иль счастье состоитъ?
Ты это знаешь? Счастіе мое
Въ томъ состоитъ, чтобъ благородно жить;
Несчастьемъ же считаю униженье.
Чтобы преодолѣть всѣ затрудненья,
Мнѣ мужество и силы далъ Аллахъ,
И столько гордаго самопознанья,
Что если бъ страсть меня и погубила,
Я и въ паденіи остался бъ счастливъ.

МОРГІАНА.

Струну натянешь слишкомъ — мигомъ лопнетъ.

АЛАДДИНЪ.

Да, ежели она гнила, негодна.
Что̀, чортъ возьми! вѣдь кто-нибудь да долженъ
Дерзнуть на свѣтѣ выше подниматься:
Не всѣмъ же жить и потонуть въ болотѣ!
Но полно толковать. Что̀ онъ сказалъ?
Онъ, просто, важно приказалъ итти?
Далъ выговоръ за дерзость? Не хотѣлъ
Узнать тебя?

Digitized by Google

МОРГІАНА.

Напротивъ, онъ стоялъ
На словѣ, что́ намъ далъ. Но что́ слова?
Къ чему они послужатъ? Ни къ чему.

АЛАДДИНЪ.

Ну, что́ же онъ сказалъ?

МОРГІАНА.

Сказалъ, чтобъ завтра
Прислалъ ты сорокъ чашекъ золотыхъ,
Большихъ, наполненныхъ цвѣтнымъ стекломъ, —
Такимъ, какъ то, что́ я ему снесла, —
Тогда ты дочь его получишь. Чашки
Чтобъ черные рабы несли, а съ ними
И бѣлыхъ столько же рабовъ
Чтобъ шло. Аллахъ, Аллахъ! Ну, что̀ тутъ дѣлать?....

АЛАДДИНЪ.

Какъ! только это, матушка? не больше?

МОРГІАНА.

Мнѣ кажется, что этого довольно.

АЛАДДИНЪ.

Зачѣмъ же ты меня напрасно въ гнѣвъ
Ввела, озлобила противъ калифа?
Онъ требуетъ довольно справедливо,
И завтра все получитъ, что̀ желаетъ.

МОРГІАНА.

Какъ! Завтра? завтра? Гдѣ же ты возьмешь?.....

АЛАДДИНЪ.

Гдѣ? А посредствомъ лампы!

МОРГІАНА, въ крайнемъ изумленіи.

Лампы?..... лампы?.....
Ахъ, мой Творецъ!..... посредствомъ лампы! Правда!
Вѣдь я совсѣмъ забыла про нее!.....
Да кто же обо всемъ упомнитъ?..... Лампа!.....
Ты думаешь, мой сынъ, что эта лампа.....

АЛАДДИНЪ.

Да, да! я совершенно въ томъ увѣренъ.

Digitized by Google

МОРГІАНА.

Увѣренъ совершенно?..... У другихъ
Такой нѣтъ лампы?.... то есть, хоть и есть,
Да не такія, потому что эта.....

АЛАДДИНЪ.

Не изъ простыхъ.

МОРГІАНА.

Однако жъ я не вѣрю:
Я думаю, что духъ не такъ могучъ.

АЛАДДИНЪ.

Увидимъ, что́ онъ можетъ и чего
Не можетъ. Самъ онъ лучше долженъ знать,
Что́ въ силахъ сдѣлать.

Достаетъ лампу.

МОРГІАНА, въ страхѣ.

Погоди немножко:
Мнѣ въ городъ надобно сходить, такъ я
Пойду теперь, и къ вечеру вернусь.

Убѣгаетъ.

АЛАДДИНЪ, одинъ.

Ей лампа въ голову нейдетъ никакъ!
Всегда забудетъ, что́ ни говори;
Зайдетъ ли рѣчь о будущемъ моемъ,
Я ей лишь сынъ, не обладатель лампы.
Но вотъ, увидимъ, властелинъ ли я.

Третъ лампу.

ДУХЪ, является.

Повелитель, что́ прикажешь?
Все, что́ бъ ты ни приказалъ,
Исполнять безъ замедленья
Мнѣ Аллахъ способность далъ.

АЛАДДИНЪ.

Много требовать я стану,
Но силенъ ты и могучъ;
Оттого я не робѣю:
Мнѣ надежды свѣтитъ лучъ.

Digitized by Google

ДУХЪ.

Говори скорѣй, что́ нужно;
Не точи похвалъ пустыхъ.

АЛАДДИНЪ.

Принеси мнѣ, духъ мой вѣрный,
Сорокъ чашъ большихъ, златыхъ,
Налитыхъ рубина кровью
И алмазною водой,
Свѣжей зеленью смарагда
И сапфира синевой.
Наберн сокровищъ рѣдкихъ
Въ томъ саду, что́ въ нѣдрахъ горъ.
Каждый камень драгоцѣнный
Чтобъ блисталъ, какъ ясный взоръ.
Черный цвѣтъ красивѣй кажетъ
Свѣтлые лучи камней:
Такъ добудь рабовъ мнѣ сорокъ,
Ночи сумрачной чернѣй;
Мракъ пускай приноситъ свѣту.
Чтобъ еще красы придать
Чернымъ лицамъ, сорокъ бѣлыхъ
Ихъ должны сопровождать,
Такъ, чтобъ шли они по-парно,
Черный съ бѣлымъ, въ ровный строй.
Нѣжно сотканнымъ покровомъ
Чашу каждую накрой.
На покровахъ, шелкомъ шитыхъ,
Между зеленью живой,
Чтобъ цвѣли гвоздика, роза,
Астра, ландышъ полевой.
Принесн все это завтра,
Коль не сонъ вся мощь твоя.

ДУХЪ, исчезая.

Все стоять здѣсь будетъ завтра,
Какъ теперь стою здѣсь я.

Digitized by Google

АЛАДДИНЪ, снова потирая лампу.

Не спѣши, слуга мой вѣрный:
Не оконченъ мой приказъ.

ДУХЪ, является.

Ты потрешь лишь-только лампу,
Снова я явлюсь тотчасъ.

АЛАДДИНЪ.

Слушай же прилежно дальше,
Дай мнѣ все договорить.
Чаши и рабовъ намѣренъ
Я калифу подарить.
А потомъ уже, конечно, —
Ты разсудишь вѣдь и самъ, —
Долженъ я къ нему явиться,
Показать приличный санъ.
Изготовь же ты мнѣ баню,
Посреди большихъ палатъ;
На стѣнахъ чтобъ красовались
Мраморъ, яшма и агатъ.
Два ключа воды, холодный
И горячій, протекать
Тамъ должны, и съ краномъ каждый,
Чтобы самъ я могъ пускать.
И невольницы чтобъ въ банѣ
Были для прислуги мнѣ,
Терли бъ масломъ благовоннымъ,
Обсушили бъ въ полотнѣ.
А потомъ ты мнѣ добудешь
Шитый золотомъ кафтанъ,
И коня арабской крови,
И дамасскій ятаганъ.
Сверхъ-того нарядовъ разныхъ
Дай ты матушкѣ моей,
И рабынь послушныхъ, скромныхъ, —
Чтобъ прислуживали ей.

Digitized by Google

Если это все исполнишь,
Ты заслужишь похвалу.

ДУХЪ.

Это все мнѣ не труднѣе,
Чѣмъ стоять здѣсь на полу.

Исчезаетъ.

АЛАДДИНЪ, третъ лампу.

Долженъ звать тебя я снова;
Самъ ты путь себѣ двоишь.

ДУХЪ, является.

Ты тереть скорѣй устанешь,
Чѣмъ меня обременишь.

АЛАДДИНЪ.

И когда все такъ, какъ должно,
Ты исполнишь, мой гонецъ,
Свадьбы день когда настанетъ,
Ты построй мнѣ и дворецъ,
Мраморный, великолѣпный,
На широкой площади,
Противъ самаго сераля.
Ужъ труда не пощади.
Самъ построй его, какъ знаешь,
Только былъ чтобы красивъ;
Все въ немъ сдѣлай ты на славу,
Чтобъ дивились всѣ, кто живъ.
Сорокъ оконъ чистыхъ, свѣтлыхъ,
Въ стѣну каждую мнѣ вставь;
Но одно изъ этихъ оконъ
Недодѣланнымъ оставь, —
Для чего, скажу я послѣ.
Въ томъ дворцѣ, въ извѣстный часъ,
Къ свадьбѣ роскошной, богатой,
Изготовь ты все для насъ.
Ароматы чтобъ курились,
Ночь чтобъ дня была свѣтлѣй,
Съ звучной музыкой и пѣньемъ,

Digitized by Google

Хороводы легкихъ фей
Чтобъ кружились въ стройной пляскѣ,
И потѣшили гостей.
Можешь ли ты все исполнить,
Что̀ владыка твой велитъ?

ДУХЪ.

Такъ легко, какъ вешній вѣтеръ
Легкій листикъ шевелитъ.

—

Актъ пятый.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Крыльцо калифова сераля.

СТРАЖА.

ПЕРВЫЙ СТРАЖЪ.

Смотри, смотри, народу сколько тамъ,
На улицѣ!..... Идутъ сюда, къ сералю.....
Нарядная толпа господъ; князья,
Должно-быть..... да!..... Бѣги скорѣй, Гассанъ,
Неси пріятную калифу новость,
Что множество князей, изъ дальнихъ странъ,
Пришли сегодня навѣстить его.

Второй стражъ уходитъ.

Восемьдесятъ черныхъ и бѣлыхъ РАБОВЪ, по-парно, медленно приближаются къ сералю. Черные несутъ на головахъ крытыя чаши. За ними идетъ МОРГІАНА, въ богатомъ нарядѣ и въ сопровожденіи шести НЕВОЛЬНИЦЪ. СОЛИМАНЪ съ ВИЗИРЕМЪ и СТРАЖЕЮ встрѣчаетъ ихъ на лѣстницѣ.

СОЛИМАНЪ, сошедшись съ первымъ рабомъ.

Привѣтъ вамъ, милая родня и братья!
Насъ очень радуетъ, насъ восхищаетъ
Столь неожиданное посѣщенье.....

РАБЪ преклонивъ колѣни.

Великій падишахъ! Я рабъ, не князь;

Digitized by Google

Я въ длинномъ томъ строю осьмидесятый.
Смиренно мы дары тебѣ подносимъ
Отъ нашего владыки, Аладдина.

СОЛИМАНЪ.

Какъ!..... вы рабы?.... Одѣты какъ князья!....
Вы отъ того портно..... отъ Аладдина?

РАБЪ.

Такъ точно, падишахъ.

СОЛИМАНЪ.

А та старушка,
Что тамъ, съ толпой невольницъ?

РАБЪ.

Мать его.

Солиманъ.

Какъ!.... та вдова портниха?

МОРГІАНА, отбрасываетъ покрывало.

Что, калифъ?
Ты, вѣрно, не узналъ меня, старуху?
Конечно, оттого что я накрылась.....

СОЛИМАНЪ.

Визирь!

ВИЗИРЬ.

Калифъ.....

СОЛИМАНЪ.

Что скажешь ты теперь?

ВИЗИРЬ.

Я?..... ничего. Я сталъ въ тупикъ.

СОЛИМАНЪ.

Пойдемъ,
Почтенная старушка, во дворецъ,
Да растолкуй мнѣ этотъ чудный сонъ.

МОРГІАНА.

Какой тутъ сонъ, калифъ высокородный!
Мы всѣ живёхоньки, и смотримъ въ оба.
Ты видишь истинное приключенье:
Тутъ нѣтъ ни колдовства, ни лиходѣйства.
Рабы, ступайте къ новому владыкѣ!

Digitized by Google

СОЛИМАНЪ.

Когда тутъ не обманъ, не сонъ я вижу,
То дочь моя — невѣста Аладдина.

РАБЫ.

Да здравствуетъ калифъ нашъ, Солиманъ!
И зять его, могучій Аладдинъ!

Всѣ уходятъ въ сераль.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Купальня.

АЛАДДИНЪ. ФЕИ НЕВИДИМО ПРИСЛУЖИВАЮТЪ ЕМУ.

ПЕРИБАНА, царица фей.

Прійди, волшебникъ юный!
Мы ждемъ тебя давно;
Мы всѣ твои желанья
Исполнимъ, какъ одно.
Здѣсь въ роскошной купальнѣ
Прохладно и свѣтло;
Помостъ и стѣны — мраморъ,
Зеркальное стекло.
Въ водѣ прозрачной, чистой,
Свой образъ видишь ты.
А воздухъ освѣжаютъ
Душистые цвѣты;
Межъ розъ и незабудокъ
Алмазный ручеекъ
Струей холодной плещетъ;
Другой ключа потокъ
Кипящей бьетъ волною
Въ широкій водоемъ.
Смѣшай ихъ, и купайся,
А мы здѣсь подождемъ.
Когда жъ изъ волнъ ты выйдешь
Здоровѣй и свѣжѣй,
Тебя обсушитъ шелкомъ
Толпа красавицъ фей.

Digitized by Google

АЛАДДИНЪ.

О, дивный голосъ, покажи уста,
Ту флейту, что̀ поетъ такъ нѣжно, звучно!
Зачѣмъ ты, роза милая, жестоко
Скрываешься, межъ–тѣмъ какъ соловей
Поетъ на пурпурныхъ твоихъ листочкахъ?

ПЕРИБАНА.

Довольствуйся, мой милый,
Тѣмъ, что̀ тебѣ дано.
Невидимаго видѣть
Людямъ не суждено.
Я здѣсь, но взоръ твой смертный,
Какъ острый ятаганъ,
Пронизываетъ тонкій,
Воздушный феи станъ.
Не требуй же напрасно,
Явленья моего.
Мы трудимся, ты знаешь,
Для счастья твоего.
Являемся мы рѣдко,
Любимцамъ лишь своимъ,
Но никогда при свѣтѣ
Предъ юношей нагимъ.

АЛАДДИНЪ.

О, мука тяжкая и въ наслажденьи!

Вскакиваетъ въ воду.

ХОРЪ ФЕЙ.

Лейтесь, лейтесь свѣтлы волны,
Обнимайте станъ кругомъ;
Обмывайте, стройный, полный,
Укрѣпляйте силы въ немъ.

АЛАДДИНЪ.

Чу!.... кажется, какъ–будто волны пѣли!....

ХОРЪ ФЕЙ.

Сердце жизнію трепещетъ,
Въ жилахъ кровь течетъ живѣй,

Digitized by Google

Черны кудри лучше блещутъ,
Губы алыя свѣжѣй.

АЛАДДИНЪ.

Мнѣ слышится какъ-будто звукъ свирѣли!....

ПЕРИБАНА.

Выдь изъ волнъ теперь скорѣй.

АЛАДДИНЪ.

Какіе звуки!..... что́ за ощущенье!
Меня зефира крылья обвѣваютъ
Дыханіемъ левкоевъ золотыхъ.

ПЕРИБАНА.

Сила, красота, войдите,
Наше дѣло довершите.

Входятъ, невидимыя Аладдину, СИЛА, гигантъ, съ губкою въ рукахъ, и КРАСОТА, фея, съ цвѣткомъ гіацинта.

СИЛА.

Ты силенъ, но больше силы
Здѣсь получишь отъ меня.

КРАСОТА.

Ты красивъ, но будешь краше,
Коль тебя коснуся я.

СИЛА.

Мышцы будутъ гибче, крѣпче,
Гдѣ я губкой проведу.

КРАСОТА.

Все становится прекраснѣй,
Гдѣ съ цвѣткомъ я подойду.

СИЛА.

Плечи шире нужно сдѣлать,
Укрѣпить и округлить.

КРАСОТА.

Глазу больше нужно блеска:
Въ немъ любовь должна свѣтить.

СИЛА.

Широка грудь, но все нужно
Сдѣлать выше и круглѣй.

Digitized by Google

КРАСОТА.

Твой румянецъ слишкомъ ярокъ,
Надо скрасить посмуглѣй.

СИЛА.

Станъ высокій, стройный, нужно
Привести плечамъ подъ стать.

КРАСОТА.

Только губы непремѣнно
Чуть-чуть тоньше надо сжать.

СИЛА.

Ноги больше, крѣпче, тверже,
Чтобъ стоялъ ты какъ скала.

КРАСОТА.

Но не больше, нежель нужно:
Я размѣръ тебѣ дала.

СИЛА.

Гордость, мужество и силу
Долженъ лобъ твой выражать.

КРАСОТА.

Брови, тонкою дугою,
Доброту должны казать.

СИЛА.

Фея, онъ вѣдь не дѣвица,
Онъ мужчина, не забудь!

КРАСОТА.

Правда; гордо и спокойно
Бровь слегка должно загнуть.

СИЛА.

Руки жилистѣй, а бедра
Дуба тверже и плотнѣй.

КРАСОТА.

Но ступню еще поуже,
Кисть помягче, побѣлѣй.

СИЛА.

Благородной, пылкой крови
Въ сердце я тебѣ налью.

Digitized by Google

КРАСОТА.

Пламя нѣжной, вѣрной страсти
Я во взоръ твой поселю.

СИЛА.

Будь врагамъ своимъ ужасенъ,
Львомъ кажися имъ въ бою.

КРАСОТА.

И люби всегда ты нѣжно,
Вѣрно, милую свою.

ОБА.

Все теперь тебѣ мы дали,
Милый юноша; ступай,
Наслаждайся юной жизнью,
Ни скорбей, ни бѣдъ не знай.

Изчезаютъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Сераль.

Солиманъ. Аладдинъ.

СОЛИМАНЪ.

Хвала Аллаху и его пророку,
Что столь достойнаго мнѣ дали зятя!
Твое богатство мнѣ непостижимо;
Притомъ уменъ, красавецъ, ты, конечно,
Супругъ достойный дочери калифа.
Другой тебя спросилъ бы, можетъ-быть,
Какъ ты свое богатство пріобрѣлъ,
И кто ты самъ, но мнѣ того не нужно:
Ты самъ скрываешь, значитъ, есть причина.
Да что же въ томъ, когда бы я и зналъ?
Я вижу, что имѣешь; какъ имѣешь,
До этого мнѣ дѣла нѣтъ. И развѣ
Я самъ, и все Адама племя, знаемъ,
Какъ что имѣемъ? Мнѣ довольно знать,
Что есть: какъ есть, о томъ глупецъ лишь спроситъ.

АЛАДДИНЪ.

Калифъ, твои премудрыя слова

Digitized by Google

Услада мнѣ, какъ чистая роса,
Что каплетъ на траву съ вершины кедра.

СОЛИМАНЪ.

Такъ завтра, дѣти милые мои,
Мы справимъ нашъ великолѣпный праздникъ.

АЛАДДИНЪ.

Калифъ, пчела не можетъ, на зарѣ
Живѣй алкать медовой чашки розы,
Чѣмъ я Гюльнары поцѣлуя жажду;
Трава, помятая ночною бурей,
Не съ большимъ нетерпѣніемъ ждетъ солнца,
Чтобъ оживиться подъ его лучами,
Чѣмъ я, убитый страстью безнадежной,
Отрады жду отъ свѣтлыхъ глазъ невѣсты.
Однако же, отецъ мой, я прошу,
День вожделѣнной свадьбы отложить,
Пока, на площади, передъ сералемъ,
Невыстрою приличнаго жилища,
Чтобы принять въ немъ милую жену.

СОЛИМАНЪ.

Любезный сынъ мой, дѣлай какъ разсудишь.
А сколько времени на это нужно?

АЛАДДИНЪ.

Навѣрно не могу впередъ сказать,
Но полагаю, что не очень много:
Мои строители народъ проворный.

СОЛИМАНЪ.

Пойдемъ же, другъ, въ диванъ. Я познакомлю
Тебя съ обязанностями владыки,
Съ тѣмъ бременемъ, которое ты будешь
Со мной пести и раздѣлять какъ сынъ.

АЛАДДИНЪ.

О, если–бъ силы были мнѣ даны!
Но ты опорой будешь мнѣ; твой умъ
Меня подниметъ, если я паду.

Уходятъ.

Digitized by Google

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Площадь противъ Сераля.

Ночь. Духи лампы строятъ Аладдиновъ дворецъ.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Закладка съ золотомъ уже въ землѣ!
Я строю скоро; подавайте камней!

ДВОЕ ДРУГИХЪ ДУХОВЪ, прилетаютъ съ большими каменными глыбами.

Вотъ мраморъ, бѣлый словно молоко,
Иль кожа дѣвушки, съ просвѣтомъ тонкихъ
Голубоватыхъ жилокъ. Мы достали
Его изъ нѣдръ Кавказа. Тамъ на горномъ склонѣ,
Съ пастушками сидѣли пастухи.
Невидимо приблизились мы къ нимъ,
И въ мигъ съ прекраснѣйшей платокъ сорвали,
Чтобъ съ бѣлой грудью мраморъ свой сравнить,
Но въ то жъ мгновенье грудь пастушки юной
Зардѣлася румянцемъ, отъ стыда.
Мы усмѣхнулись: мраморъ бѣлъ и нѣженъ,
По вспыхнуть такъ прелестно онъ не можетъ.

ПЕРВЫЙ.

Кто извести принесъ? Давай скорѣе!

ДВОЕ ДРУГИХЪ.

Вотъ известь индостанская. Смотри,
Какъ ослѣпительно-бѣла! Вотъ тутъ
Немножко крови брызнуто. Въ полночь
Казнили богохульника. Мы мимо
Летѣли, и взглянуть остановились.
На лобномъ мѣстѣ зазвенѣлъ топоръ,
Кровь брызнула подъ облака, и къ намъ
На известь. Ничего: покрѣпче будетъ.

ПЕРВЫЙ.

На сѣверномъ краю угольный камень нуженъ.

ДВОЕ ДРУГИХЪ.

Вотъ камень. Твердый, прочный будетъ уголъ:
Онъ окропленъ росою скорбныхъ слезъ.

Digitized by Google

Народъ тащилъ его съ каменоломни
На новую могилу властелина.
Мы отняли и принесли сюда.

ПЕРВЫЙ.

А украшенья для карнизовъ гдѣ?

ДВОЕ ДРУГИХЪ.

Мы оба обратилися въ китовъ,
Спустились въ океана глубину,
И по дну шли, по илу и песку,
Пока на дальнемъ югѣ не наткнулись
На цѣлый островъ изъ цвѣтныхъ коралловъ.
Мы подняли вѣтвистый лабиринтъ,
И принесли сюда на головахъ.

ПЕРВЫЙ.

А кто принесъ каменьевъ дорогихъ.

ДВОЕ ДРУГИХЪ.

Мы были въ той алмазной котловинѣ,
Въ той пропасти, что́ вкругъ ограждена
Крутыми, неприступными скалами,
Куда никто изъ смертныхъ не достигнетъ.
Толпа купцовъ стояла на холмѣ;
Они орловъ нетерпѣливо ждали.
Орламъ смолой обмазываютъ ноги,
Потомъ пускаютъ близъ той котловины.
Они стремительно на дно ущелья
Бросаются на ящеровъ и гадовъ,
Чтобъ голодъ утолить. А тамъ, къ смоленымъ
Ногамъ каменья дорогіе липнутъ.
У каждаго купца свои орлы,
И каждый наживается добычей.
На этотъ разъ однако жъ понапрасну
Купцы своихъ гонцовъ крылатыхъ ждали:
Мы взяли и орловъ и всѣ каменья,
И ни при чемъ оставили зѣвакъ.

ПЕРВЫЙ.

А кто для зала мнѣ принесъ картинъ?

Digitized by Google

ДВОИХЪ ДРУГИХЪ.

Мы двое. Мы въ Италію слетали.
Ночь лунная была. Чета влюбленныхъ,
Обнявшись страстно, соловью внимала,
Въ тѣни деревъ, межъ грудою развалинъ,
Что Геркуланумомъ зовутся. Мы,
Какъ гуси въ море, въ глубь земли нырнули,
И множество картинъ тебѣ добыли,
Для украшенья залъ и кабинетовъ.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ золота возьму я для оправы?

ДВОИХЪ ДРУГИХЪ.

Вотъ золота довольно. Мы носились
Въ пустыни Африки. При лунномъ свѣтѣ,
По желтому песку бродили львы,
Выкапывали золотые слитки
И тѣшились, играя ими въ мячъ.
Мы десять штукъ барановъ дали львамъ,
И, между-тѣмъ, какъ лютые ихъ ѣли,
Всѣ золотые слитки подобрали.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ шелковыя ткани для обоевъ?

ДВОИХЪ ДРУГИХЪ.

Вотъ, мы сейчасъ вернулись изъ Китая.
Надъ лѣсомъ тутовыхъ деревьевъ ясно
Мерцали звѣзды. Червяки прилежно
Трудились надъ своею тонкой тканью.
Мы обобрали все. Смотри, довольно ль?

ПЕРВЫЙ.

Довольно. Кто жъ принесъ колоннъ къ подъѣзду?

ДВОИХЪ ДРУГИХЪ.

Мы на вершину Тавра поднялись,
Чтобъ осмотрѣться, и внизу, въ долинѣ,
Увидѣли слоновъ большое стадо.
Они топтали поле земледѣльца.
Мы поспѣшили наказать злодѣйство,

Digitized by Google

И выломили всѣмъ слонамъ клыки.
Видалъ ли ты подобные когда?

ПЕРВЫЙ.

Да, хороши. Я ихъ скую въ колонны.
Но кто мнѣ мѣди принесетъ для кровли?

ДВОЕ ДРУГИХЪ.

Въ Тартаріи два лагеря стояли.
Въ обоихъ латы, шлемы и щиты,
У воиновъ, — японской красной мѣди.
Всѣ спали, а щиты имъ изголовьемъ
Служили. Намъ они казались годной,
Для кровли, черепицей, мы и взяли.
Проснутся завтра, удивятся чуду.
За-то мечами будутъ лучше драться.

ПЕРВЫЙ.

Кто жъ мнѣ принесъ алмазный шпиль для башни?

ДВОЕ ДРУГИХЪ.

Безпечный, юный шахъ сидѣлъ на тронѣ
И спалъ. Перевернувъ свой скипетръ въ лѣвой
Рукѣ, покачивалъ онъ имъ, въ просоньѣ.
Рабы губили царство своевольствомъ;
Все утопало въ дикомъ безпорядкѣ.
Мы вырвали тотъ скиптръ изъ слабыхъ рукъ.
Пусть лучше здѣсь онъ башню украшаетъ.

ПЕРВЫЙ, укрѣпивъ оконечность башни, осматриваетъ зданіе.

Смотрите, какъ привѣтливо луна
На гладкій мраморъ стѣнъ лучи бросаетъ!
Какъ кровля свѣтится, блеститъ, играетъ!
Но, чу!... проснулось море. На востокѣ
Заря выходитъ изъ густыхъ тумановъ.
Какъ изумится день, когда, внезапно,
Увидитъ нашу новую постройку!...
Однако же нашъ трудъ еще не конченъ.
Лети, товарищъ, принеси мнѣ красокъ,
Прозрачныхъ, чистыхъ, какъ лазурь небесъ.
Я напишу букеты розъ и лилій,

Digitized by Google

Неувядаемыхъ, цвѣтущихъ вѣчно.
А здѣсь изображу живой, душистый,
Прелестнѣйшій цвѣтокъ, — тебя, Гюльнара.
Пусть поздній твой потомокъ съ изумленьемъ
На красоту прабабушки глядитъ,
И восклицаетъ: «можно ль, чтобы древность
Сѣдая родила такой цвѣтокъ!»
Увянешь ты, умрешь и станешь прахомъ;
Но дивный образъ твой не перестанетъ
Сіять и приводить людей въ восторгъ.
Живѣе, духи; пособите кончить.
Вотъ такъ; теперь готово.... Чу!... пѣтухъ!

Пѣтухъ поетъ.

ВСѢ ДУХИ.

Пѣтухъ поетъ! Свѣтило дня надъ моремъ
Всплываетъ. Намъ пора укрыться въ землю.
Намъ утро — вечеръ, вечеръ наше утро.

Исчезаютъ.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Гаремъ.

ГЮЛЬНАРА, одна.

Вотъ приближается ужасный часъ!....
Какъ я дрожу.... Спаси меня, о, небо!
Однажды ты ужъ спасъ меня, Аллахъ;
Ты чудомъ перенесъ меня къ тому,
Кому я отдала любовь и сердце.
Я счастлива была. Но неужель
Ты вырвалъ жертву изъ когтей у тигра,
Чтобъ дать ее на пищу леопарду?
Нѣтъ, нѣтъ! не можетъ быть, не можетъ быть!
Такъ, милость та жестокостью была бы.

Digitized by Google

О, чья судьба съ моей сравняться можетъ!
Едва спаслась отъ ненавистныхъ узъ,
И ужъ грозятъ другія. Въ первый разъ
Прекраснымъ юношей я спасена,
А нынче?..... О, какъ я люблю его!....
Какъ онъ хорошъ!.... Какъ онъ любилъ меня!
Какъ счастлива была я!.... Но.... внезапно
Невидимая сила вновь меня
Съ нимъ разлучила; я опять осталась
Въ уединеньи со своей тоской
И съ новыми слезами о потерѣ.....
Но вотъ, рыданья замерли въ груди
При новой страшной вѣсти; вотъ, жестокій
Родитель хочетъ дочь свою продать
Ремесленнику, низкому рабу!....
О! вы счастливицы, вы, жены Франковъ!
У васъ мужчины нѣжныхъ женскихъ чувствъ
Не презираютъ и не унижаютъ,
Напротивъ, уважаютъ, берегутъ,
Лелѣютъ, какъ прекраснѣйшій цвѣтокъ.
Тамъ дѣвушка сама, свободно, можетъ
Супруга избирать и не должна
Рабою неизвѣстному отдаться.
Тамъ мужъ жену зоветъ своей царицей,
И добровольно усмиренный левъ
Идетъ на поводахъ у красоты.
Вотъ чудная, прекрасная страна!....
Тамъ я желала бъ жить..... Ахъ, нѣтъ!..... тогда
Я удалилась бы и отъ тебя,
Мой милый, другъ невидимый, сердечный!
О! если ты не сонъ и не мечта,
Явися мнѣ!.... Явись, какъ мощный левъ,
Какъ гибкій и проворный тигръ индійскій,
Какъ солнце ясное, какъ свѣтлый мѣсяцъ!
Явись, спаси несчастную меня
Отъ участи, ужасной пуще смерти!....

Digitized by Google

Входятъ СОЛИМАНЪ, со свитою, и АЛАДДИНЪ.

ГЮЛЬНАРА, съ изумленіемъ бросается къ ногамъ АЛАДДИНА.

Хранитель, геній мой!.... услышалъ ты
Мои мольбы! И ты пришелъ спасти
Меня вторично!....

АЛАДДИНЪ.

Милая невѣста!

СОЛИМАНЪ.

Ба!.... это что? Я полагалъ найти
Ее въ слезахъ, въ отчаяньи ужасномъ,
И приготовился употребить
Всю власть отцовскую.... а посмотри,
Вмѣсто того, чтобы ему въ глаза
Вцѣпиться, — какъ вчера грозила, — въ ноги
Бросается, и геніемъ зоветъ!....
Охъ, дѣвушки!.... мудреный вы народъ!

ГЮЛЬНАРА.

О, случай неожиданный!.... о, счастье!

СОЛИМАНЪ.

Какъ? случай? счастіе?.... Гюльнара, образумься!
Помилуй, что ты, помѣшалась, что ли?
Вѣдь я тебѣ сказалъ....

ГЮЛЬНАРА.

Ты говорилъ
О жалкомъ человѣкѣ, мѣщанинѣ,
Котораго ты Аладдиномъ звалъ....

СОЛИМАНЪ.

Тотъ жалкій человѣкъ въ твоихъ объятьяхъ!

ГЮЛЬНАРА.

Какъ! это ты?

АЛАДДИНЪ.

Да, милая.

СОЛИМАНЪ.

Опомнись.
Мнѣ нравится, что ты не плачешь. Но

Digitized by Google

И радоваться слишкомъ не годится.
Приличной важности тебѣ не должно
Позабывать: она такой цвѣтокъ,
Который солнца и дождя не любитъ,
Растетъ всего успѣшнѣе въ тѣни,
И разцвѣтаетъ только на сухомъ.....

ШУТЪ.

Да, да; и я такъ думалъ.

СОЛИМАНЪ.

Но она
Меня не слушаетъ!

ШУТЪ.

Ну, ничего,
Ты можешь продолжать: я терпѣливо
Послушаю тебя. Они межъ-тѣмъ
Пускай между собою потолкуютъ.

ГЮЛЬНАРА, говорившая съ Аладдиномъ.

И это твой дворецъ великолѣпный?

АЛАДДИНЪ.

Нѣтъ, твой, прелестнѣйшій цвѣтокъ гарема!
Твой новый храмъ, твой жертвенникъ любви.

ГЮЛЬНАРА.

И ты женихъ мой?

АЛАДДИНЪ.

Да, я столько счастливъ!

ГЮЛЬНАРА.

Не знаю, на яву я, иль во снѣ
Все это вижу. Если на яву,
Тогда я счастлива невыразимо;
Но если жъ это сонъ, то пусть со мной
Не разлучается онъ до могилы.

СОЛИМАНЪ.

Они такъ увлеклись, что, право, я
Совсѣмъ не понимаю....

Digitized by Google

ШУТЪ.

Погоди,
Я буду представлять твое лицо,
И съ ними за тебя поговорю.
Мое лицо нисколько не постраждетъ,
Когда они не захотятъ насъ слушать.

Подходитъ къ Аладдину и Гюльнарѣ.

Высокая чета! калифъ востока
И повелитель правовѣрныхъ васъ
Просить изволитъ во дворецъ идти,
Гдѣ гости васъ давно ужъ ожидаютъ.
Чтобъ ваши силы на ночь поберечь,
Передъ крыльцомъ стоять, во всемъ нарядѣ,
Придворные, на четырехъ ногахъ.
Пожалуйте; они васъ отнесутъ.

АЛАДДИНЪ.

Вотъ, наконецъ, насталъ блаженства часъ!
Прелестная невѣста, поспѣшимъ.....

ШУТЪ, удерживая его.

Не торопясь! не торопясь! У насъ
Все дѣлается чинно и въ порядкѣ.
Вѣдь я, какъ видишь, церемоніймейстеръ,
И шутъ притомъ. Я всѣмъ распоряжаю.
Впередъ толпа невольниковъ пойдетъ,
Вооруженныхъ копьями, мечами,
Чтобъ насъ отъ зрителей оборонить;
Тамъ визири, совѣтники дивана, —
Не черные, а бѣлые рабы, —
А тамъ калифъ, подъ балдахиномъ, съ шутомъ,
Который представляетъ тѣнь его.
Потомъ приходится ужъ вамъ съ Гюльнарой,
На двухъ двугорбыхъ дромадерахъ ѣхать.

Дѣлаетъ распоряженія; потомъ, махая за окно своей гремушкой, кричитъ:

Digitized by Google

Эй, вы! трубите же что̀ мочи есть!
Палите, пушки, бейте, барабаны,
Чтобъ стѣны и дома всѣ заплясали!

Всѣ уходятъ.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Африка.

НУРЕДДИНЪ, за пунктирнымъ ящикомъ, утомленный продолжительною работой, опускаетъ грифель.

Злой рокъ, за что̀ преслѣдуешь меня?
Рука устала отъ трудовъ напрасныхъ,
Глаза ослѣпли, глядя въ пустоту.
Куда ни проведу свои черты,
Вездѣ пустырь, какъ наши здѣсь пески.
Всѣ линіи стремятся къ Испагани,
Къ горѣ, и ищутъ тамъ соединенья,
Въ волшебной лампѣ. Но, увы! я тамъ
Безсиленъ, ощупью брожу безъ лампы.
Чего ищу, то съ нею неразрывно
И нераздѣльно слито во-едино.
О, ненавистная судьба!.... проклятый
Мальчишка!.... Что̀ же, выигралъ ли ты?....
Ты страшной смертію погибъ, сталъ прахомъ,
И кости бѣлыя ручей полощетъ....
Но неужель нѣтъ никакого средства
Опять добыть ту лампу? неужели
Ужъ невозможна даже и попытка?....
Но развѣ я уже пыталъ?.... Я знаю,
Пещеру невозможно мнѣ открыть;
И все, что̀ къ ней имѣетъ отношенье, —
Такъ, напримѣръ, что̀ съ мальчикомъ случилось, —
Отъ глазъ моихъ глубокимъ мракомъ скрыто.....
Лжешь Нуреддинъ: мѣшало ль что̀ тебѣ
Взглянуть туда?.... Стыжусь себѣ признаться,

Digitized by Google

Мнѣ отвратительно и страшно было:
Я зналъ впередъ ужъ, что̀ увижу, — гадкій,
Гніющій, синій трупъ. Теперь же онъ
Истлѣлъ. Сухой скелетъ уже не гадокъ.
Прочь, слабость недостойная! взгляну.
Прекрасная пещера, всѣхъ утѣхъ
Обитель, мнѣ не будетъ больше адомъ.....
Пунктируетъ, и отъ ужаса роняетъ грифель.
Пророкъ Аллаха!.... Мекка и Медина!....

Рветъ свою одежду.

Онъ счастливъ!.... князь!.... богатъ!.... готовъ жениться
На дочери калифа!.... Обладатель
Волшебной лампы!.... Онъ спасенъ тѣмъ перстнемъ,
Который я ему безумно отдалъ!
О, смерть и адъ! Какой коварный демонъ
Всей памяти лишилъ меня, что я
Могъ позабыть волшебный талисманъ?
Мальчишка дерзкій, ты теперь сбираешь
Плоды моихъ трудовъ неутомимыхъ!
Обкрадываешь дерево, что̀ я
Своей рукою насадилъ?.... Постой же,
Я снова силы всѣ употреблю.....
Но мнѣ лишь водяной одинъ послушенъ
Остался. Надобно его призвать.

Дѣлаетъ движенія.

Явись, явись скорѣй, слуга, къ владыкѣ!
Явися, влажный духъ, передо мной!

водяной является.

Скажи скорѣй, что̀ нужно,
И дай мнѣ удалиться.
Мнѣ медлить недосужно:
Я долженъ вѣчно литься,
Всечасно, поминутно,

Digitized by Google

Свой образъ измѣнять,
Прозрачно или мутно
Волну волною гнать,
И пѣниться, струиться
Въ тревогѣ и волненьи:
Удѣлъ мой — измѣненье.

НУРЕДДИНЪ.

Ты слабый духъ, но всё-таки ты духъ,
И знаешь больше, чѣмъ твой повелитель.
Скажи жъ, кто памяти меня лишилъ?
Какъ могъ я позабыть чудесный перстень?
Какими чарами обманъ свершился?

ВОДЯНОЙ.

Та змѣйка золотая,
Съ узлами на спинѣ
Изъ яхонтовъ, топазовъ,
Горящая въ огнѣ
Смарагдовъ и алмазовъ,
Всегда воды боится
И холоду страшится:
Она не водяная.

НУРЕДДИНЪ.

Она не водяная?

ВОДЯНОЙ.

Она бѣжитъ мечтанья,
Какъ и волны качанья:
Она лишь любитъ образъ.

НУРЕДДИНЪ.

Она лишь любитъ образъ?

ВОДЯНОЙ.

Лишь тамъ живетъ она,
Гдѣ нѣтъ пустыхъ мечтаній,
Безплодныхъ созерцаній

Digitized by Google

Безсильнаго ума.
Она природу любитъ.

ПУРИДДИНЪ.

Она природу любитъ?

ВОДЯНОЙ.

Она лишь тамъ живетъ,
Гдѣ цвѣтъ и плодъ растетъ,
Гдѣ силы всѣ въ движеньи
И вѣчномъ обновленьи.
Она живетъ въ природѣ.

ПУРИДДИНЪ.

Что жъ, нѣтъ во мнѣ природы?

ВОДЯНОЙ.

Въ тебѣ лишь жажда есть, —
Болѣзненное тлѣнье,
Безъ силы и движенья.
Лишь самолюбье есть,
Какъ море безгранично,
И шатко, и безлично.
А змѣйка золотая
Всегда воды боится
И холоду страшится:
Она не водяная.
Она лишь любитъ образъ.

ПУРИДДИНЪ.

Что жъ, развѣ я не образъ?

ВОДЯНОЙ.

Ты хочешь силой взять.
Преграды всѣ сломать,
Чтобъ далѣе проникнуть;
Въ кольцо не можешь вникнуть,
Предѣлъ всему въ природѣ.

Digitized by Google

НУРЕДДИНЪ.

Я не страшусь преграды.
Я все преодолѣю
И лампой овладѣю.
И мнѣ она прекраснымъ
Огнемъ своимъ засвѣтитъ.

ВОДЯНОЙ.

Она подъ вѣтромъ гаснетъ,
И въ сырости не свѣтитъ.

НУРЕДДИНЪ.

Когда жъ добуду лампу,
Достигну и кольца.

ВОДЯНОЙ.

Кольцо добудетъ лампу,
А ей не взять кольца.

НУРЕДДИНЪ.

Я все преодолѣю
И лампой овладѣю.

ВОДЯНОЙ.

Чтобъ лампой овладѣть,
Должно кольцо имѣть.

НУРЕДДИНЪ.

Насмѣшку и сомнѣнье
Я отъ тебя ли слышу?

ВОДЯНОЙ.

Что бросилъ съ небреженьемъ,
Того уже не сыщешь.

НУРЕДДИНЪ.

Ты долго ль дерзокъ будешь?

Digitized by Google

ВОДЯНОЙ.

Пока кольцо добудешь.

Исчезаетъ.

НУРЕДДИНЪ.

Ай, лѣшій! Вишь, какой философъ!..... то есть,
Глупѣйшее животное на свѣтѣ.
Нравоученіе и нравственность въ одно
Онъ съ метафизикой и физикой мѣшаетъ!
Что̀ нравственность? Какое дѣло ей
До магіи?..... Чтобъ магикъ нравственъ былъ!.....
Въ науку, за которую бывало
Нашъ предокъ душу чорту продавалъ,
Посредствомъ нравственности онъ задумалъ
Насъ посвящать!.... Нѣтъ, свѣтъ ужъ съ толку сбился.
Не думалъ я, чтобъ дужъ могъ быть такъ глупъ,
Хотя бы въ немъ была одна вода.

ГИНДБАДЪ, ПРИХОДИТЪ.

Что̀, братъ? что̀ значитъ это бѣсованье?
Обыкновенно ты сидишь такъ смирно,
Какъ филинъ днемъ..... За что̀ такъ расходился?

НУРЕДДИНЪ.

Я завтра отправляюсь въ Испагань.
Ты удивляешься? Такъ знай, что мальчикъ,
Котораго считалъ я мертвымъ, лампой
Волшебной обладаетъ.....

ГИНДБАДЪ.

Неужели!

НУРЕДДИНЪ.

Ты братъ мой, и притомъ обязанъ мнѣ
Всѣмъ знаніемъ своимъ. Ты зналъ бы больше,
Когда бы постоянство, прилежанье
Равнялись со способностью твоей.

Digitized by Google

Я завтра утромъ отправляюсь въ путь.
Но, можетъ-быть, коварная судьба
Измѣнитъ мнѣ. Такъ поклянись пророкомъ,
Что за меня отмстишь, какъ кровный братъ,
Когда мои враги восторжествуютъ.

ГИНДБАДЪ.

Клянусь, какъ братъ и другъ! Когда погибнешь,
Въ пустынѣ жаждущій языкъ воды
Алкать не будетъ такъ, какъ мой кинжалъ
Заалчетъ крови твоего врага.

НУРЕДДИНЪ.

Возьми же этотъ талисманъ, Гиндбадъ.
Теперь онъ черный, если жъ покраснѣетъ,
То это брата смерть тебѣ объявитъ.

Уходитъ.

ГИНДБАДЪ, одинъ.

Такъ правда, что та лампа существуетъ?
Такъ не мечта она? не сказка няньки?
Ты, Нуреддинъ, на этотъ разъ, не лгалъ?
Такъ значитъ, книгоѣдство и потѣнье
Твое не вовсе безполезно было!
И впрямь, имѣть такую лампу вовсе
Не худо. Это счастье вѣдь удобно!
Мнѣ нравится, что наслажденья можно
Соединить съ такимъ удобствомъ. Чудо!
Такъ, вечеркомъ, отъ скуки, пожелаешь
Съ красавицей повеселиться..... лампу
Потрешь..... и явится тотчасъ. Захочешь
Поѣсть, не нужно съ поваромъ возиться:
Я духамъ прикажу принесть мнѣ яства
Съ калифова стола. И тутъ, въ добавокъ,
Могу еще потѣшиться и тѣмъ,
Что всѣ въ сералѣ будутъ голодать,

Digitized by Google

Межъ-тѣмъ какъ мнѣ блюдъ некуда дѣвать!
Въ вино воды мнѣ наболтать никто
Не смѣетъ: удавить велю за это.
Всѣхъ, кто не нравится иль прогнѣвитъ
Меня, велю повѣсить. Будетъ пропасть
Потѣхи! Я бы самъ могъ стать калифомъ,
Да не хочу: такъ властвовать вѣдь лучше;
Оно свободнѣе да и пріятнѣй.
Обязанность и долгъ я ненавижу.....
И это вовсе не по злобѣ, нѣтъ,
Клянусь душой! Я лишь люблю удобство:
Я не люблю обуздывать страстей;
Я все на свѣтѣ глупостью считаю,
Того жъ глупѣе всѣхъ, кто хочетъ въ свѣтѣ
Порядокъ заводить. Уменъ — кто въ мутной
Водѣ умѣетъ ловко удить рыбу.
Вотъ вкратцѣ вся религія моя
И философія. Ступай, ступай,
Братъ Нуреддинъ. Естественно, что ты
Мальчишку хочешь со свѣту спровадить.
Я твоему послѣдую примѣру,
И то же надъ тобою повторю.

Тихо.

За обладанье этой лампой можно
Рѣшиться на убійство..... даже брата.

Уходитъ.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Дворецъ Аладдина.

Большая зала. АЛАДДИНЪ, ГЮЛЬНАРА, СОЛИМАНЪ, ЗУЛЕЙКА, ВИЗИРЬ, МОРГІАНА, и многіе гости за столомъ.

СОЛИМАНЪ.

Я никогда не видывалъ такого
Великолѣпнаго строенья! Но,

Digitized by Google

Скажи, любезный зять мой, отчего
Здѣсь все такъ совершенно, такъ блестяще,
И лишь одно не кончено окно?

АЛАДДИНЪ.

Отецъ и государь, всѣмъ счастьемъ я
Обязанъ добротѣ твоей. Затѣмъ,
Чтобъ слабую признательность явить,
Я приказалъ одно изъ этихъ оконъ
Оставить недодѣланнымъ, чтобъ ты
Окончить могъ, и цѣлое чтобъ было
Тебѣ обязано существованьемъ.

СОЛИМАНЪ.

Какъ тонко! Аладдинъ, ты восхищаешь
Меня! Я завтра всѣхъ мастеровыхъ
И всѣхъ художниковъ своихъ пришлю.

АЛАДДИНЪ.

Отецъ мой, ты позволишь пѣньемъ, пляской
Повеселить тебя и всѣхъ гостей?

СОЛИМАНЪ.

Что хочешь дѣлай, другъ: здѣсь ты хозяинъ.

По знаку Аладдина является толпа фей; одне пляшутъ, другія поютъ и играютъ.

ХОРЪ.

Настала весна; развернулся листокъ,
Проснулся для жизни прекрасный цвѣтокъ,
Земля съ вожделѣньемъ вздымается, пышетъ,
И воздухъ и солнце любовію дышутъ.
Любовь пробуждается въ каждой груди,
И старость вновь жаждетъ услады любви.
Шумите же, струны, и пойте, дѣвицы,
Какъ въ рощѣ потокъ, какъ весеннія птицы.

Digitized by Google

Наполните кубки искристымъ виномъ,
Пусть радость и счастіе льются кругомъ.

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

Прославимъ же розу, царицу весны,
Богатой природы любимую дочь.

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Воспойте вы прелесть Гюльнары, а мы
Поемъ Аладдинову доблесть и мочь.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

Откуда, зефиръ, ароматы принесъ?
Ты, вѣрно, покровомъ невѣсты игралъ?
Волнистые локоны черныхъ волосъ
И бѣлыя плечи, шутя, цѣловалъ?
Плутишка зефирчикъ, признайся, скажи,
Качался ли ты на высокихъ волнахъ,
Глядѣлся ли въ зеркало полной груди,
Ловилъ ли дыханье на алыхъ устахъ?

ВТОРОЙ ХОРЪ.

Будь скроменъ, зефиръ; не болтай, не шали!
Послушай, мы пѣсню герою споемъ.
Отъ ужаса вздрогнутъ основы земли,
Коль грозно взмахнетъ онъ булатнымъ копьемъ,
И солнце укроется въ мрачную даль,
Когда зазвучитъ Аладдинова сталь.
Въ бою, на враговъ онъ несется грозой,
И вѣрную смерть разсылаетъ мечомъ,
А въ мирѣ всѣмъ счастье даритъ и покой.
И славы вѣнецъ не затмится на немъ.
Всѣ дѣвичьи кудри желали бы быть
Силками, чтобъ сердце его изловить.

ОБА ХОРА.

Вотъ, нѣжно обнявшись, съ рукою рука,
Идетъ въ храмъ любви молодая чета.

Digitized by Google

Спѣшите жъ, дѣвицы, съ невѣсты прекрасной
Снимите лилѣйный вѣнокъ поскорѣй,
И кудри вѣнкомъ гіацинтовымъ ей
Въ знакъ силы, красы, плодородья, украсьте.

В. Фердикеръ.

=

Digitized by Google

Какъ была еще дѣвицей,
Молодцомъ была любима.
Охъ, ужъ эти люди злые!
Вы вмѣшались, помѣшали!

Если бъ ты пошла въ обитель,
То была бъ давно аббессой,
Потому-что свойствъ аббессы
У тебя четыре сотни.

Говорить бы не хотѣлось,
Но пускай; ну что за дѣло!
Ты два раза овдовѣешь
И два раза выйдешь за-мужъ.

Ты не плачь, моя сеньора!
Не всегда вѣдь мы, Хитаны,
Говоримъ въ гаданьи правду.
Такъ не плачь, сеньора! Полно!

Если прежде теніента,
Мужа твоего, разсудишь
Умереть, такъ и довольно!
Ужъ вдовства тогда не бойся.

Очень скоро ты получишь
Пребогатое наслѣдство,
Да еще получишь сына,
Будетъ гдѣ-то онъ аббатомъ,

Гдѣ-то, только не въ Толедо. *
Дочка у тебя родится,
Русокудрая бѣлянка;
Также попадетъ въ аббессы,

* Тамъ были самыя доходныя мѣста. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

Если за-мужемъ не будетъ.
Твой супругъ, — лишь только бъ прожилъ
Три недѣли съ днями, — будетъ
Въ Бургосѣ коррехидоромъ.

У тебя есть прихоть. Мило!
Мѣсяцъ молодой родится,
Солнце всходитъ, освѣщая
Землю тамъ, у антиподовъ.

Чтобы видѣть это солнце,
Или мѣсяцъ, два слѣпые
Дали бы четыре деньги.
Не смѣшно ли? Право, мило!

Берегись на землю падать,
И особенно спиною.
Вѣдь извѣстно, всѣ паденья
Дамамъ важнымъ страхъ опасны.

Много есть еще извѣстій;
Подожди, ты ихъ услышишь
Въ пятницу. Они прекрасны,
Хоть и есть изъ нихъ худыя.

Кончила Пресіоса гаданье, и съ нимъ у всѣхъ окружавшихъ загорѣлось желаніе узнать свое счастье, и такимъ образомъ всѣ стали ее просить; но она всѣмъ отказала до будущей пятницы, получивъ обѣщаніе, что онѣ приготовятъ серебряные реалы для начертанія крестовъ.

Въ это время пришелъ сеньоръ теніентъ, которому насказали чудеса о Хитаночкѣ. Онъ заставилъ ее немного поплясать, и призналъ похвалы Пресіосѣ заслуженными и справедливыми. Потомъ, опустивъ руку въ карманъ показалъ, что хочетъ сй кое-что дать; шарилъ, шарилъ, встряхивалъ карманъ нѣсколько разъ,

Digitized by Google

наконецъ ничего оттуда не вытащилъ, и сказалъ: ей-ей нѣтъ ни денежки; дайте вы, донья Клара, Пресіосенькѣ реалъ; я вамъ послѣ отдамъ.

— Прекрасно, нечего сказать. Подай, видишь ли, ему реалъ! Да, вотъ онъ тутъ и есть! У насъ у всѣхъ-то не нашлось кварта, чтобъ начертить знакъ креста, а вы захотѣли реала!

— Ну, такъ дайте ей что-нибудь изъ платья, воротничекъ, что-ли, какой, или другое что; когда Пресіоса опять зайдетъ къ намъ, такъ мы побогаче ее подаримъ. На это донья Клара сказала: Если она еще придетъ, такъ теперь обойдется и такъ.

— А если вы мнѣ ничего не дадите, замѣтила Пресіоса, такъ я ужъ больше къ вамъ не прійду; а если и прійду, чтобы услужить такимъ знатнымъ господамъ, то буду помнить, что они ничего мнѣ дать не могутъ, и не стану безпокоиться ожиданіемъ. Берите взятки, господинъ теніентъ, да поболѣе, такъ и будете съ деньгами, а если станете заводить новые обычаи, то съ голоду умрете. Извольте видѣть, сеньоръ, я слышала, (хотя и молода, но понимаю, что это дѣло худое,) слышала, что находясь при должности, надобно запасаться деньгами, чтобы было чѣмъ платить штрафы во время ресиденціи, а потомъ просить другихъ должностей *.

— Такъ говорятъ и поступаютъ бездушные, возразилъ теніентъ: но честному судьѣ нечего бояться ресиденціи и не придется платить никакихъ штрафовъ, а исправное исполненіе должности будетъ служить ему покровителемъ для полученія другаго мѣста.

— Вы говорите святую истину, сеньоръ теніентъ, отвѣчала Пресіоса; поступайте такъ, и вы со време-

* Въ Испаніи чиновники, отслуживъ свои сроки, обязаны были жить нѣкоторое время въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они состояли при должности, чтобы быть тотчасъ же налице для отвѣта на всѣ жалобы мѣстныхъ жителей. Это называлось *ресиденціею*.

Digitized by Google

немъ заслужите общее уваженіе, не смотря на благородную бѣдность.

— Ты умная головка, Пресіоса! сказалъ теніентъ: молчи! я постараюсь, чтобы тебя представили ихъ величествамъ: ты рѣдкая штука!

— Они, пожалуй, подумаютъ, что я шутиха и фиглярка, отвѣчала Пресіоса, а я на это неспособна, и все дѣло испортится. Если бы меня пожелали видѣть тамъ, чтобы позабавиться моимъ умишкомъ, то я, пожалуй, пошла бы; но при многихъ дворахъ успѣваютъ болѣе шуты, чѣмъ умники. Мнѣ хорошо быть и бѣдной Хитанкой, а впередъ что Богъ дастъ!

— Ну, дитятко, сказала тутъ старая Хитана, полно! Ужъ ты много наговорила, и больше знаешь, чѣмъ я, твоя наставница. Не острись столько, у остроты кончикъ сломятъ! Говори по своимъ лѣтамъ и не залетай высоко. Высоко залетишь, голову сломишь.

— Бѣсъ сидитъ въ этихъ Хитанкахъ! воскликнулъ теніентъ.

Хитанки раскланялись и пошли изъ комнаты. Дѣвушка, которая дала наперстокъ, сказала: Погадай же мнѣ, Пресіоса, или возврати мой наперстокъ. У меня нѣтъ другаго и не съ чѣмъ будетъ шить.

— Считай, что ужъ я тебѣ погадала, моя красавица, отвѣчала Пресіоса: и запасись другимъ наперстком, или же ничего не шей до пятницы, когда опять прійду. Тогда наскажу тебѣ больше чудесъ, чѣмъ рыцарскій романъ.

Хитанки пошли и присоединились къ толпѣ крестьянокъ, которыя въ часъ *Аве Марія* обыкновенно возвращаются изъ Мадрида въ свои деревни. Между ними были многія, въ сопровожденіи которыхъ Хитанки всегда ходили домой для безопасности. Старая Хитана постоянно опасалась, чтобы у нея не похитили ея Пресіосу.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ С. О.)

Digitized by Google

Отдѣленіе V.

Науки и Художества.

ЗНАМЕНИТЫЙ ПРОЦЕССЪ ДОНЪ-КАРЛОСА. *

Всѣ въ Европѣ думаютъ, что Филиппъ II побудилъ дѣйствовать Испанскую Инквизицію противъ единственнаго его сына, Донъ-Карлоса Австрійскаго, принца Астурійскаго, котораго, въ 1560 году, подъ присягою признали наслѣдникомъ престола народные представители во время общаго собранія Кортесовъ въ Толедѣ;

* Эта статья заимствована изъ сочиненія испанскаго писателя Льоренте, канцлера Толедскаго Университета и члена Королевской Мадридской Академіи Исторіи. Съ 1809 по 1812 годъ, послѣ уничтоженія инквизиціи въ Испаніи, всѣ ея архивы, до того хранившіеся въ глубокомъ секретѣ, были въ рукахъ автора, и онъ извлекъ изъ нихъ самыя вѣрныя и подробныя свѣдѣнія для своей Исторіи Испанской Инквизиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пользовался и другими испанскими архивами. У него были всѣ средства отыскать историческую истину, которая очень любопытна въ отношеніи къ Донъ-Карлосу, прославленному въ цѣлой Европѣ поэтическимъ созданіемъ: всѣмъ извѣстною трагедіей Шиллера. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

что инквизиторы приговорили единогласно несчастнаго принца къ смертной казни, не согласясь только въ мнѣніяхъ о родѣ казни. Нѣкоторые писатели вздумали даже передать разговоры, которые происходили по этому дѣлу между Филиппомъ II и главнымъ инквизиторомъ, между Донъ-Карлосомъ и другими лицами, и все это разсказали съ такою увѣренностью, какъ будтобы они сами присутствовали при этихъ разговорахъ. Эти же писатели изложили даже часть приговора, какъ будтобы они читали его. Я не удивляюсь, что аббатъ Сенъ-Реаль, Мерсье, Лангль и другіе писатели, которые такъ любятъ придавать романамъ видъ и названіе истинныхъ исторій, разсуждали такимъ образомъ объ этомъ предметѣ; но всѣхъ болѣе удивилъ меня Грегоріо Лети. Сказавъ, что не должно легковѣрно полагаться на разсказы о дѣлахъ такой важности, этотъ писатель повѣрилъ самъ всѣмъ невѣроятнымъ сказкамъ, которыя онъ прочиталъ. Онъ изложилъ это событіе съ чрезвычайною подробностію, какъ будто-бы самъ былъ очевидцемъ малѣйшихъ обстоятельствъ дѣла. Что до меня касается, то истина есть единственная цѣль, которой я предположилъ достигнуть. Для открытія истины были сдѣланы мною всѣ возможныя изысканія въ въ архивахъ Совѣта Инквизиціи и въ другихъ мѣстахъ. Я убѣжденъ, что открылъ истину, и съ увѣренностью говорю моимъ читателямъ, что никогда не существовало ни процесса инквизиціи, ни ея приговора о Донъ-Карлосѣ. Было одно только мнѣніе, написанное противъ этого принца государственными совѣтниками, въ числѣ которыхъ былъ предсѣдатель совѣта кардиналъ Донъ Діего-Еспиноса, тогдашній любимецъ короля; а такъ какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ занималъ званіе главнаго инквизитора, то, безъ сомнѣнія, это обстоятельство и подало поводъ къ слухамъ объ участіи инквизиціи въ дѣлѣ принца. Эти слухи утвердились въ общемъ мнѣніи религіозными дѣлами Фламандцевъ, предположеніемъ

Digitized by Google

учредить инквизицію во Фландріи, и наконецъ смертью графа Егмонта, маркиза Горна, барона Монтиньи, брата его, и маркиза Берга, которымъ отрублены были головы. Всѣ эти лица были знатными нидерландскими вельможами. Первые двое имѣли орденъ золотаго руна и находились въ родствѣ съ владѣтельными европейскими домами, а одинъ изъ нихъ самъ былъ владѣтельнымъ принцемъ третьяго разряда въ Германіи.

Донъ-Карлосъ Австрійскій лишился жизни по словесному приговору, утвержденному Филиппомъ II, отцемъ его; но судъ инквизиціи не принималъ въ томъ никакого участія. Этотъ фактъ могъ бы освободить меня отъ дальнѣйшаго повѣствованія, потому-что предметъ моего сочиненія не есть исторія политическихъ событій въ Испаніи; но такъ какъ почти всѣ европейскіе писатели единогласно утверждаютъ, что инквизиторы приговорили къ смерти Донъ-Карлоса, то для убѣжденія въ противномъ я изложу здѣсь истину во всей подробности и точности.

Если какой отецъ могъ имѣть когда-нибудь право быть неумолимымъ, то конечно это Филиппъ II, хотя я и не могу оправдать его строгости, которая, по моему мнѣнію, оскорбляетъ природу. Каковы бы ни были преступленія сына, но развѣ вѣчное заключеніе не было бы достаточно, чтобы удержать его отъ новыхъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ я твердо убѣжденъ, что смерть этого изверга была счастіемъ для Испаніи. Здѣсь не положусь я на разсказы нѣкоторыхъ невѣрныхъ писателей, которые изображаютъ Донъ-Карлоса молодымъ принцемъ съ характеромъ, исполненнымъ любезности; придаютъ ему такія свойства, которыхъ онъ никогда не имѣлъ, и отвергаютъ такія, которыя у него были; повѣствуютъ объ его любовныхъ интригахъ со своею мачихою, существовавшихъ только подъ перомъ Француза, вздумавшаго усомниться въ добродѣтели королевы, которой честь никогда не была ничѣмъ запятнана, и которая умер-

Digitized by Google

ла естественною смертью, а вовсе не отъ яда. Правда, что Филиппъ II былъ лицемѣренъ, безчеловѣченъ, хладнокровно-жестокъ и способенъ умертвить свою супругу, если бы призналъ это согласнымъ со своими выгодами, или имѣлъ къ тому какія-либо побудительныя причины; но всѣ эти свойства Филиппа не могутъ еще служить доказательствомъ, что онъ совершилъ подобное преступленіе безъ причины дѣйствительной или воображаемой, а подобной причины вовсе не существовало, потому-что королева Изабелла не подавала къ тому ни малѣйшаго повода, не писала писемъ къ Донъ-Карлосу, не пересылала ихъ ему съ повѣреннымъ и не говорила съ нимъ наединѣ. Французскіе писатели, извѣстные своею умною и осторожною критикою, какъ напримѣръ президентъ де-Ту, тщательно избѣгали, чтобъ не запятнать своей исторіи неумѣстными баснями; напротивъ того романисты и поэты не побоялись возбудить сомнѣнія противъ Филиппа и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ добродѣтели французской принцессы, достойной всякаго уваженія. Я представлю портретъ Донъ-Карлоса, основываясь на достовѣрныхъ и подлинныхъ источникахъ. Читатели увидятъ сами: не сходнѣе ли мой разсказъ съ истиною.

Донъ-Карлосъ родился въ Вальядолидѣ, 8 іюля 1545 года. Онъ лишился матери своей, Маріи Нортугальской, Принцессы Астурійской, спустя четыре дня послѣ его рожденія. Карлъ V, дѣдъ Донъ-Карлоса, не видалъ его почти ни разу до 1557 года, то есть, до того времени, когда онъ отказался отъ престола и удалился въ монастырь Св. Юста, въ Естремадурѣ. Тогда монархъ, при проѣздѣ чрезъ Вальядолидъ, увидѣлъ внука своего, которому исполнилось въ то время двѣнадцать лѣтъ. Несправедливо приписываютъ Карлу V воспитаніе этого принца и образованіе его сердца; этого быть не могло, потому-что съ самаго рожденія Донъ-Карлоса Карлъ V находился постоянно въ Германіи, Фландріи, Италіи и Франціи. Справедливо только то, что Карлъ V ста-

Digitized by Google

рался во время своихъ путешествій опредѣлить при своемъ внукѣ хорошихъ наставниковъ. Молодому принцу было тогда 9 лѣтъ отъ роду, а отецъ его находился въ Корунь̀ѣ, намѣреваясь отправиться въ Англію. Въ это время Карлъ V прислалъ изъ Германіи письмо, отъ 3 Іюля 1554 года, въ которомъ, между прочими учителями, которыхъ онъ назначилъ для своего внука, говорилъ объ одномъ дворянинѣ изъ Валенсіи и королевскомъ камеръ-юнкерѣ, Донъ-Оноре-де-Хуанѣ, который былъ изъ отличнѣйшихъ ученыхъ своего вѣка. Въ послѣдствіи его возвели въ санъ епископа Осмійскаго.

Донъ-Карлосъ не любилъ заниматься науками; доказательствомъ тому служитъ письмо, писанное отцемъ его, 31 марта 1558 года, изъ Брюсселя. Въ этомъ письмѣ принцъ благодаритъ учителя за старанія, которыя онъ прилагаетъ, чтобы возбудить въ своемъ питомцѣ охоту къ чтенію и внушить ему въ то же время правила нравственности; онъ предписываетъ учителю держаться принятаго имъ плана и прибавляетъ: «Это должно такъ дѣлаться. Хотя Донъ-Карлосъ и не успѣваетъ, какъ бы слѣдовало, но это не будетъ безъ пользы; я пишу также къ Донъ-Гарсіа тщательно наблюдать за выборомъ тѣхъ, которые видятся съ принцемъ и навѣщаютъ его; лучше было бы, еслибы ему вложили въ голову охоту къ ученью, чѣмъ разныя другія вещи.» Филиппъ съ давняго времени былъ очень дурнаго мнѣнія о характерѣ своего сына; до него дошло, что Донъ-Карлосъ находилъ забаву въ томъ, чтобы самому зарѣзывать кроликовъ, которыхъ ему приносили съ охоты, и съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ихъ судороги и на ихъ умираніе. Фабіанъ Естрада, историкъ фландрійскихъ войнъ, писалъ, что тоже самое было замѣчено однимъ венеціянскимъ посланникомъ.

Между Франціею и Испаніею возгорѣлась война, и хотя, въ августѣ 1558 года, уже готовились вступить въ

Digitized by Google

сраженіе, но между тѣмъ переговаривались еще о мирѣ въ частной и секретной конференціи, которая была собрана въ аббатствѣ Корпанскомъ. Уполномоченные согласились на предварительныя условія. Въ одной статьѣ этихъ условій было сказано, что Донъ-Карлосъ сочетается бракомъ, когда достигнетъ совершеннолѣтія, съ Изабеллою, дочерью Генриха II, короля французскаго. Принцу было тогда тринадцать, а принцессѣ двѣнадцать лѣтъ; она родилась 2 апрѣля 1546 года. Это обстоятельство и тогдашній обычай публиковать предварительныя условія не прежде, какъ по совершенномъ заключеніи мира, обличаетъ неосновательность всего того, что разсказывали о любви двѣнадцатилѣтней принцессы къ тринадцатилѣтнему принцу. Это представляется тѣмъ болѣе невозможнымъ, что она не видала даже портрета Донъ-Карлоса; притомъ носились очень неблагопріятные слухи объ его воспитаніи. Карлъ V, находясь въ монастырѣ, многимъ говорилъ, что, по его замѣчаніямъ, внукъ его показываетъ очень порочныя наклонности. Можно приписать ихъ воспитанію, которое дали ему его дядя и тетка; первый былъ Максиміліанъ, король богемскій, бывшій въ послѣдствіи императоромъ, сочетавшійся бракомъ съ Маріею, сестрою Филиппа II; вторая была Іоанна Австрійская, вдовствующая королева португальская. На этихъ двухъ родственниковъ возложилъ Филиппъ обязанность, во время его путешествій, принять попеченіе объ его сынѣ. Филиппъ назначилъ ихъ правителями королевства. Они много пеклись о здоровьѣ и физическомъ воспитаніи Донъ-Карлоса, но не радѣли о томъ, чтобы обуздывать его буйныя наклонности, и возложили совершенно попеченіе образовать его характеръ, на его воспитателя, Донъ Гарсіа Толедскаго, брата герцога Альбы, на его учителя, Донъ-Оноре-де-Хуана, и на главнаго его духовника, доктора Суареса Толедскаго.

Тайныя предварительныя условія о мирѣ привели къ

Digitized by Google

заключенію окончательнаго трактата въ Камбрэ, 8 апрѣля 1559 года. Между тѣмъ случилось весьма важное событіе. Марія, королева англійская, супруга Филиппа II, скончалась 17 ноября 1558 года. Тогда ему было только тридцать два года отъ роду, а сыну его Донъ-Карлосу не было еще и четырнадцати. Генрихъ II, король французскій, предпочелъ, для счастія своей дочери, выдать ее замужъ за короля, и послѣдствія доказали основательность его поступка, потому-что Филиппъ прожилъ еще сорокъ восемь лѣтъ послѣ событія, о которомъ я говорю. Дочери французскаго короля пришлось бы долго ожидать короны. Такимъ образомъ въ двадцать седьмой статьѣ трактата помѣщено было условіе о бракосочетаніи Изабеллы въ Филиппомъ II. О тайной статьѣ предварительныхъ условій не было тогда и упомянуто. Все, что ни было разсказываемо объ отвращеніи, которое имѣла Изабелла къ Филиппу, есть не только одно предположеніе, но и представляется совершенно невѣроятнымъ, потому-что король испанскій не былъ еще старъ, хотя и говорили противное. Сверхъ того, должно думать, что молодая принцесса не знала предположенія выдать ее замужъ за принца, который не могъ еще быть ея супругомъ, по молодости лѣтъ.

Обрученные сочетались бракомъ въ Толедѣ, 2 февраля 1560 года. Донъ-Франциск Мендоса и Бобадилья, кардиналъ и архіепископъ бургосскій, совершилъ обрядъ вѣнчанія. Донъ-Карлосъ, сынъ короля, былъ посаженымъ отцомъ, а вдовствующая принцесса португальская, сестра монарха, была посаженой матерью. Тогда собраны были кортесы королевства; они присягнули въ вѣрности Донъ-Карлосу, 22-го того же февраля, и признали его наслѣдникомъ престола. Королева Изабелла не могла присутствовать при этомъ торжествѣ, потому-что заболѣла оспою, спустя нѣсколько дней послѣ своего бракосочетанія. Донъ-Карлосъ захворалъ так-

Digitized by Google

же перемежающеюся лихорадкой, за нѣсколько времени до пріѣзда королевы въ Испанію. Хотя эта болѣзнь и не мѣшала ему ѣздить на прогулки верхомъ и присутствовать въ собраніи кортесовъ, въ день принятія присяги, однако жъ изъ записокъ современныхъ писателей видно, что онъ былъ худъ, слабъ и блѣденъ. Это обстоятельство представляетъ совсѣмъ въ другомъ видѣ его наружность, которую изобразили въ выгодныхъ краскахъ нѣкоторые писатели, и дѣлаетъ сомнительною его мнимую поѣздку, которую, по словамъ Сенъ-Реаля и Мерсье, совершилъ онъ до Алькала-де-Генареса, для встрѣчи Изабеллы. Филиппъ II, въ тридцать три года, былъ хорошъ собою, и конечно королева не захотѣла бы отказаться отъ великолѣпія трона для наклонности слабой, или вовсе не существовавшей, къ принцу, блѣдная наружность котораго носила на себѣ отпечатокъ болѣзни. Притомъ Изабеллу должно было довольно озабочивать и собственное ея состояніе, подвергавшее ее опасности совсѣмъ лишиться своей красоты.

По выздоровленіи она безъ сомнѣнія узнала о пренебреженномъ воспитаніи принца, объ его дурной нравственности и нестерпимой гордости. Ей не безъизвѣстно было, что онъ очень дурно обходился со служащими при немъ людьми, оскорбляя ихъ то словами, то поступками; что въ гнѣвѣ разбивалъ онъ все, что ему ни попадалось подъ руку. По всей вѣроятности она слышала также и о томъ, какъ принцъ обошелся въ день присяги съ почтеннымъ герцогомъ Альба. На послѣдняго возложено было все, что относилось къ церемоніалу при собраніи кортесовъ, и множество занятій, которые встрѣтились при такомъ порученіи, въ этотъ торжественный день, было причиною, что онъ забылъ явиться къ Донъ-Карлосу въ то время, когда тотъ долженъ былъ произнести присягу. Герцога искали, и наконецъ нашли, но молодой принцъ, въ бѣшенствѣ, нанесъ ему такое оскорбленіе, что едва не заставилъ его нарушить уваже-

Digitized by Google

ніе, которое онъ обязанъ былъ сохранять къ принцу. Отецъ принудилъ Донъ-Карлоса извиниться передъ герцогомъ, но уже было поздно, и они питали другъ ко другу непримиримую ненависть во всю жизнь.

Я не читалъ ни въ одной изъ рукописей, которыя могъ пріобрѣсти, ничего такого, что могло бы дать малѣйшую вѣроятность существованія нѣжной привязанности Донъ-Карлоса къ королевѣ: во всѣхъ историческихъ источникахъ нѣтъ ничего такого, чтобы могло подать поводъ къ подобному мнѣнію, которое есть плодъ воображенія сочинителей сказокъ и романовъ. Время, когда можно было обличить ихъ въ неправдѣ, прошло, и они употребили во зло одну статью предварительныхъ мирныхъ условій 1558 года, о содержаніи которой, какъ можно думать, принцъ никогда и не зналъ. Все, что эти писатели наговорили о портретахъ, также невѣрно, и потому Донъ-Карлосъ не могъ влюбиться въ королеву, не видавши ея. Равнымъ образомъ столько же невѣроятно, чтобы любовь родилась въ его сердцѣ во время припадковъ перемежающейся лихорадки.

Едва только онъ выздоровѣлъ, король отправилъ его въ Алькала-де-Генаресъ, а королева въ то время поправлялась отъ болѣзни. Филиппъ приказалъ сопровождать сына Донъ-Хуану Австрійскому, его дядѣ, и Александру Фарнезскому, наслѣдному принцу пармскому, его двоюродному брату. При Донъ-Карлосѣ находились также воспитатель, учитель и духовникъ, о которыхъ я уже говорилъ, равно какъ нужное число дворянъ и служителей. Намѣреніе короля состояло въ томъ, чтобы укрѣпить здоровье сына путешествіемъ въ мѣстахъ, гдѣ онъ могъ воспользоваться болѣе чистымъ воздухомъ и жить посреди сельской природы, совершенно освободившись отъ придворныхъ стѣсненій и этикета. Монархъ желалъ также, чтобы сынъ его занялся нѣсколько и науками, потому-что Донъ-Карлосъ такъ мало въ нихъ успѣлъ, что не зналъ еще латинскаго

Digitized by Google

языка, и Донъ-Оноре-де-Хуанъ, видя въ немъ отвращеніе къ изученію всякаго другаго языка, кромѣ своего собственнаго, занимался съ нимъ до того времени однимъ только испанскимъ.

Девятаго мая 1562 года, Донъ-Карлосъ, бывъ 19 лѣтъ отъ роду, упалъ съ лѣстницы своего дворца, скатился съ многихъ ступеней и нанесъ себѣ раны въ нѣсколькихъ мѣстахъ, особенно на хребтовой кости и на головѣ. Нѣкоторыя изъ ранъ казались смертельными. Едва король услышалъ объ этомъ несчастіи, то въ ту же минуту поскакалъ къ принцу, для доставленія ему всей нужной помощи, приказавъ между-тѣмъ всѣмъ архіепископамъ, епископамъ и другимъ высшимъ духовнымъ лицамъ, равно всѣмъ духовнымъ капитуламъ, служить молебны о выздоровленіи его сына. Монархъ, считая его уже больнымъ при смерти, велѣлъ принести тѣло одного добродѣтельнаго мірянина, бывшаго при жизни послушникомъ францисканскаго ордена, по имени Діего, заступничество котораго, какъ говорили, производило многія чудесныя изцѣленія.

Послѣ прикосновенія Донъ-Карлоса къ тѣлу Діего, принцъ съ той же минуты почувствовалъ себя лучше; это отнесли къ покровительству Діего, который вскорѣ послѣ того, по просьбѣ Филиппа, причтенъ былъ папою къ числу святыхъ Римской Церкви. Я нахожу нужнымъ замѣтить, что принца лечилъ докторъ Андрей Басиліо, медикъ короля, весьма славившійся. Онъ былъ уроженецъ брюссельскій. Замѣтивъ, что раны и ушибы, которые были у Донъ-Карлоса на головѣ, притянули къ ней большое количество худыхъ соковъ, онъ заключилъ, что, не освободивъ отъ нихъ мозга посредствомъ операціи, невозможно было принца спасти отъ смерти. По этому онъ раскрылъ черепъ, выпустилъ всю скопившуюся влагу, и этимъ спасъ больнаго. Однакожъ принцъ не выздоровѣлъ совершенно, и послѣ того былъ подверженъ головной боли и слабости, такъ-что это не

Digitized by Google

только препятствовало ему заниматься науками, но даже производило въ мысляхъ его нѣкоторый безпорядокъ. Отъ этого характеръ его сдѣлался еще несноснѣе. Не эти ли качества могли возбудить нѣжныя чувствованія въ сердцѣ добродѣтельной Изабеллы?

Донъ-Карлосъ возвратился ко двору въ 1564 году, освободившись отъ своихъ наставниковъ. Филиппъ наградилъ Донъ-Оноре-де-Хуана, именовавъ его епископомъ Осмійскимъ. Твердое благочестіе и кроткій характеръ этого прелата до такой степени пріобрѣли власть надъ сердцемъ Донъ-Карлоса, что разлука наставника съ воспитанникомъ не прервала ни дружбы, ни довѣренности, которыя принцъ питалъ къ епископу. Доказательство этому находимъ въ письмахъ его, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ подаютъ очень невыгодное понятіе о дарованіяхъ и образованности принца. Онъ часто оставлялъ свои фразы безъ окончанія, и выражалъ не то, что ему сказать хотѣлось. Одно письмо къ прелату Донъ-Карлосъ оканчиваетъ слѣдующими словами: «Я оканчиваю: 23 января 1565 года; вашъ величайшій который сдѣлаетъ все, что вы у меня ни попросите: принцъ...» Вотъ другое письмо его сполна: «Моему наставнику епископу: Мой наставникъ: я получилъ ваше письмо въ лѣсу. Я здоровъ. Одинъ Богъ знаетъ, какъ бы я радъ былъ повидаться съ вами и съ королевой: * извѣстите меня хорошо ли все у васъ шло и много ли было издержекъ. Я ѣздилъ изъ Аламеды въ Буитраго, и это мнѣ очень понравилось. Я ѣздилъ въ лѣсъ по два дня; я возвратился теперь въ два дня сюда, гдѣ нахожусь со среды до сегодня. Я здоровъ; я оканчиваю. Изъ деревни 2 іюня. Лучшій другъ мой, котораго я имѣю въ этомъ мірѣ, я сдѣлаю все, о чемъ

* Эти слова относятся къ путешествію 1565 года, которое предприняла королева въ Баіонну, для переговоровъ съ матерью своею о политическихъ дѣлахъ.

Digitized by Google

«вы меня ни попросите: я, принцъ.» Этими же словами онъ оканчиваетъ другое письмо, писанное въ Ивановъ день. Слогъ его совершенно варварскій.

Донъ-Карлосъ такъ привязанъ былъ къ епископу, что онъ исходатайствовалъ ему у папы дозволеніе жить въ Мадридѣ шесть мѣсяцевъ въ году, для того, чтобы чаще видѣться и бесѣдовать съ епископомъ. Слабое здоровье Донъ-Оноре препятствовало ему пользоваться этимъ дозволеніемъ; болѣзненное его состояніе все болѣе и болѣе усиливалось и наконецъ свело его въ могилу. Этотъ епископъ, пользуясь нравственнымъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ надъ душею принца, часто подавалъ ему добрые совѣты. Это видно изъ писемъ его. Донъ-Карлосъ никогда не сердился за эту вольность и принималъ, какъ казалось, совѣты епископа съ благодарностью, но не слѣдовалъ имъ и не измѣнялъ своего поведенія, необузданно предаваясь буйнымъ страстямъ своимъ. Можно перечислить множество случаевъ, служащихъ тому доказательствомъ. Сообщимъ нѣкоторые изъ нихъ, для разувѣренія тѣхъ, которые введены въ заблужденіе Сенъ-Реалемъ, Мерсье и другими писателями, щедро разсыпавшими похвалы талантамъ и великодушію Донъ-Карлоса.

Однажды принцъ, бывши на охотѣ въ лѣсу Асекскомъ, до такой степени разсердился на своего воспитателя, Донъ-Гарсіа Толедскаго, что бросился къ нему съ намѣреніемъ прибить его. Этотъ вельможа, опасаясь нарушить уваженіе, которое обязанъ былъ сохранять къ принцу, ускакалъ прочь и возвратился въ Мадридъ. Филиппъ II оказалъ ему нѣсколько милостей, чтобы изгладить въ его памяти обиду, ему нанесенную. Донъ-Гарсіа, опасаясь новыхъ непріятныхъ случаевъ, просилъ короля уволить его отъ должности. Король согласился и опредѣлилъ на его мѣсто Руи-Гомеса де-Сильва, принца Эволійскаго, герцога Франкавильскаго и Пастранскаго, графа Мелитскаго. Этотъ вельможа

Digitized by Google

также терпѣлъ большія непріятности отъ необузданныхъ припадковъ гнѣва, которымъ предавался Донъ-Карлосъ.

Донъ-Діего Эспиноса, бывшій въ послѣдствіи кардиналомъ и епископомъ Сигуенцскимъ, главнымъ инквизиторомъ и государственнымъ совѣтникомъ, занималъ должность предсѣдателя Кастильскаго Совѣта. Въ это время онъ осудилъ на изгнаніе изъ Мадрида комедіянта Циснероса, которому объявили этотъ приговоръ въ то самое время, когда онъ готовился представить комедію въ комнатахъ Донъ-Карлоса. Принцъ, узнавъ объ этомъ, просилъ президента, чтобы Циснеросу до отъѣзда дозволено было представить комедію. Получивъ отвѣтъ, не соотвѣтствовавшій его желанію, Донъ-Карлосъ, не смотря на то, что это было во дворцѣ, бросился за президентомъ, съ кинжаломъ въ рукѣ, и кричалъ: «какъ смѣешь ты, бродяга, меня не слушаться и мѣшать Циснеросу дѣлать то, что я хочу! Клянусь жизнью отца моего: я тебя убью!» Онъ бы исполнилъ свою угрозу, если бы нѣсколько вельможъ, тутъ бывшихъ, не встало между принцемъ и президентомъ, и если бы послѣдній не ушелъ.

Донъ-Альфонсъ де-Кордова, братъ маркиза де-ла-Нава, камергеръ Донъ-Карлоса, проводилъ ночи въ его покояхъ. Разъ случилось, что онъ не вдругъ проснулся и не скоро прибѣжалъ къ принцу на звонъ колокольчика. Принцъ вскочилъ съ кровати и въ бѣшенствѣ хотѣлъ выбросить въ окошко своего камергера. Донъ-Альфонсъ, не желая нарушить уваженіе къ принцу и употребить силу для сопротивленія, началъ кричать. Прибѣжали служители, и камергеръ ушелъ тогда въ комнаты короля. Филиппъ, узнавъ о случившемся, перемѣстилъ Донъ-Альфонса въ свои камергеры.

Донъ-Карлосъ не рѣдко нарушалъ уваженіе, которое былъ обязанъ имѣть къ лѣтамъ и заслугамъ принца Эволійскаго. Часто, при разныхъ случаяхъ, онъ билъ своихъ служителей. Однажды сапожникъ его принесъ

Digitized by Google

ему сапоги, которые оказались тѣсны. Донъ-Карлосъ велѣлъ ихъ изрѣзать и сварить. Когда это исполнили, то несчастный сапожникъ принужденъ былъ съѣсть сапоги и почувствовалъ такую сильную дурноту, что началъ прощаться съ жизнію.

Принцъ выходилъ не рѣдко изъ дворца ночью, не смотря на то, что ему совѣтовали избѣгать этого. Поведеніе его было такъ распутно, что оно подавало поводъ къ сильному сомнѣнію о возможности вступить ему въ бракъ. Всѣ недоумѣвали, какимъ образомъ будетъ онъ управлять Испаніей по смерти Филиппа. Никакъ нельзя предполагать, чтобы королева ничего не знала о такихъ явныхъ порокахъ Донъ-Карлоса. Потому невозможно думать, чтобы она имѣла къ нему какую нибудь склонность.

Въ 1565 году принцъ вознамѣрился предпринять тайное путешествіе во Фландрію, противъ воли своего родителя. Въ этомъ предпріятіи были ему помощниками графъ де Хельбесъ и маркизъ де Табара, его камергеры. Онъ думалъ также взять съ собою своего воспитателя, принца Эволійскаго, не сообразивъ, что тотъ пользовался большою довѣренностію короля. Донъ-Карлосъ желалъ его имѣть при себѣ для того, чтобы всѣ думали, что онъ путешествуетъ съ согласія своего отца. Льстецы принца достали ему пятьдесятъ тысячъ ефимковъ и четыре полные наряда, чтобы, переодѣвшись, выѣхать тайно изъ Мадрида. Они были увѣрены, что принцъ Эволійскій, пустясь съ ними въ дорогу, принужденъ бы былъ продолжать путешествіе; въ противномъ случаѣ предполагали сжить его съ рукъ. Но этотъ искусный политикъ не позволилъ обмануть себя и употребилъ къ тому средства, о которыхъ подробно разсказываетъ Кабрера въ своемъ жизнеописаніи Филиппа II.

Епископъ Осмійскій, наставникъ Донъ-Карлоса, извѣстясь объ его порочномъ поведеніи, и имѣя притомъ

Digitized by Google

тайное повелѣніе короля, хотѣлъ употребить пріобрѣтенное имъ нравственное вліяніе на сердце принца, чтобы его исправить, и написалъ къ нему 10 Мая 1566 года длинное письмо, въ которомъ давалъ ему разные совѣты, между прочимъ помѣстилъ наставленіе о обхожденіи съ министрами его родителя, и исчислилъ всѣ неисчислимыя бѣдствія, которыя могли бы послѣдовать отъ несогласнаго съ его совѣтами поведенія. Притомъ епископъ употребилъ все стараніе, чтобы не раздражить самолюбіе принца. Донъ-Карлосъ получилъ письмо, обнаружилъ притомъ обычное чувство уваженія, которое онъ всегда имѣлъ къ епископу, но не послѣдовалъ ни одному его совѣту. Напротивъ того онъ предался совершенно необузданному гнѣву, когда узналъ, въ 1567 году, что родитель его назначилъ герцога Альба правителемъ Фландріи. Когда этотъ вельможа передъ своимъ отъѣздомъ пришелъ къ принцу проститься, тотъ сказалъ ему, что родитель его несправедливо назначилъ герцога правителемъ, и что это званіе гораздо приличнѣе для наслѣдника престола. Герцогъ отвѣчалъ, что король безъ сомнѣнія для того не возложилъ этой должности на Донъ-Карлоса, чтобы не подвергнуть его опасностямъ, которыя бы ему предстояли въ Нидерландахъ, посреди разномыслія и ссоръ, возникшихъ между тамошними вельможами. Этотъ отвѣтъ не только не успокоилъ Донъ-Карлоса, но еще болѣе раздражилъ его. Онъ выхватилъ кинжалъ и, стараясь поразить имъ герцога, вскричалъ: «я помѣшаю вамъ ѣхать во Фландрію! Я заколю васъ прежде вашего отъѣзда!» Герцогъ избѣжалъ перваго удара, отступивъ нѣсколько шаговъ; но принцъ, предаваясь все болѣе и болѣе гнѣву, продолжалъ нападать на него, и герцогъ, чтобы избѣжать опасности, не нашелъ другаго средства, какъ схватить Донъ-Карлоса и сжать его въ своихъ рукахъ. Не смотря на неравенство силъ, ему удалось остановить удары принца. На шумъ прибѣжали камергеры. Тогда

Digitized by Google

Донъ-Карлосъ вырвался изъ рукъ герцога и заперся въ своемъ кабинетѣ. Это произшествіе конечно было непріятно королю, если только онъ узналъ объ немъ.

Пороки Донъ-Карлоса не могли погасить въ душѣ дяди его, Максимиліана II, Императора Германскаго, и его тетки, Императрицы Маріи, чувство привязанности, которое они къ нему питали съ его дѣтства. Они вознамѣрились женить его на ихъ дочери, Аннѣ Австрійской. Донъ-Карлосъ зналъ ее съ младенчества, такъ-какъ она родилась въ Сигалесѣ, въ Испаніи, 1-го Ноября 1549 года. Филиппъ II согласился на этотъ бракъ и увѣдомилъ о томъ сестру свою, Императрицу Марію. Безъ сомнѣнія опасаясь сдѣлать несчастною племянницу свою, если бы время не перемѣнило нрава и поведенія Донъ-Карлоса, король медлилъ исполненіемъ этого плана. Можетъ быть, онъ опасался и за состояніе здоровья своего сына, которое, по слухамъ, дѣлало его неспособнымъ къ брачной жизни. Между-тѣмъ Донъ-Карлосъ, узнавъ все происходившее, захотѣлъ немедленно жениться на Аннѣ Австрійской и, для достиженія этого, снова замыслилъ преступный планъ отправиться въ Германію безъ отцовскаго согласія, надѣясь, что личное присутствіе его въ Вѣнѣ побудитъ Императора преодолѣть всѣ затрудненія. Предавшись вполнѣ этой мысли, онъ приступилъ къ исполненію своего намѣренія при пособіи принца Оранскаго, маркиза Берга, графовъ Горна и Эгмонта, и барона Монтиньи, которые были главными руководителями Фландрскаго заговора. Донъ-Карлоса, по необходимости, я долженъ причислить къ жертвамъ этого заговора.

Этотъ поступокъ Донъ-Карлоса и другія черты, о которыхъ выше разсказано, подали поводъ архіепископу Розано, папскому нунцію, написать къ кардиналу Александрину слѣдующее: «Принцъ Астурійскій дерзокъ и «распутенъ. Умъ его слабъ. Онъ упрямъ и капризенъ. «Можно основательно сказать, что онъ не совсѣмъ въ

Digitized by Google

«полномъ умѣ, и что на него находятъ припадки бѣ-«шенства.» Надобно совершенно не знать всѣхъ этихъ фактовъ, чтобы вѣрить разсказамъ Сенъ-Реаля и другихъ писателей о мнимой, взаимной любви королевы и принца.

Маркизъ Бергъ и баронъ Монтиньи пріѣхали въ Мадридъ въ качествѣ депутатовъ Фландрскихъ провинцій. Они были отправлены для того, чтобы согласиться въ мѣрахъ относительно введенія инквизиціи во Фландріи, и другихъ предметовъ, которые произвели возмущеніе жителей. Маргарита Австрійская, принцесса Пармская, побочная сестра короля, была тогда правительницею Нидерландовъ и согласилась на отправленіе депутатовъ. Они замѣтили, что Донъ-Карлосъ сильно былъ занятъ своимъ планомъ, о которомъ сказано выше, и употребили все стараніе, чтобы утвердить въ немъ рѣшимость къ исполненію своего предпріятія. Они предложили ему свое пособіе для отъѣзда его въ Германію. Для переговоровъ съ Донъ-Карлосомъ имъ нуженъ былъ посредникъ, и они избрали на то королевскаго камерiера де Вандома. Онъ обѣщалъ принцу, что принцесса Маргарита будетъ лишена гражданскаго управленія, а герцогъ Альба военнаго, и что Донъ-Карлоса объявятъ государемъ Нидерландовъ, если онъ обѣщаетъ свободу вѣроисповѣданій. Грегоріо Лети говоритъ объ одномъ письмѣ Донъ-Карлоса къ графу Эгмонту, которое было найдено въ бумагахъ герцога Альба и которое было поводомъ къ приговору этого правителя объ отсѣченіи графу, равно и Горну, головы. Та же бы участь постигла и принца Оранскаго, если бы онъ не спасся бѣгствомъ. Въ то же время въ Испаніи понесли наказаніе (хотя и косвенными средствами) маркизъ Бергъ и баронъ Монтиньи. Оба они посажены были въ два разные замка.

Хотя эти два послѣдніе вельможи и предлагали Донъ-Карлосу денежную помощь для его путешествія, но онъ не принялъ ее. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что мо-

Digitized by Google

жетъ самъ достать нужныя деньги, а средства, которыя онъ употребилъ для этого, послужили къ открытію заговора. Принцъ писалъ почти ко всѣмъ грандамъ и просилъ ихъ пособія для предположеннаго имъ предпріятія. Онъ получилъ отвѣты благопріятные, но большая изъ нихъ часть заключали однако жъ въ себѣ условіе, чтобы это предпріятіе не было направлено противъ короля, отца его. Адмиралъ Кастильскій, потомокъ королевской фамиліи по прямой мужеской линіи, не удовольствовался этою предосторожностію. Тайна, которою облечено было предпріятіе принца, и его неблагоразуміе, хорошо извѣстное адмиралу, возбудили въ немъ подозрѣніе, что намѣренія Донъ-Карлоса могли быть преступны. Для отвращенія опасности онъ вручилъ королю письмо его сына. Между тѣмъ Донъ-Карлосъ открылся во всемъ Донъ-Хуану Австрійскому, его дядѣ, который тотчасъ же сообщилъ все Филиппу II. Нѣкоторые подозрѣвали, что въ планъ заговора входилъ замыселъ лишить Филиппа II жизни; но письма не доказываютъ никакихъ другихъ обстоятельствъ, кромѣ мѣръ, предпринятыхъ для полученія денежной помощи. Донъ-Карлосъ вполнѣ довѣрилъ это дѣло своему камердинеру, Гарсіа-Альваресъ-Осоріо, который былъ его сообщникомъ въ преступленіи; онъ возложилъ на него доставлять ко всѣмъ письма и словесно пояснять все то, что не досказано было въ этихъ письмахъ. Этотъ повѣренный, для исполненія плановъ своего господина, ѣздилъ много разъ въ Вальядолидъ, въ Бургосъ и въ другіе города Кастиліи. Принцъ, не получивъ всѣхъ денегъ, которыя ему были нужны, послалъ 1-го декабря 1567 года, изъ Мадрида, къ Осоріо письмо, которое было контрасигнировано секретаремъ принца, Мартиномъ Газтелу. Въ этомъ письмѣ было сказано, что онъ получилъ только шесть тысячъ червонцевъ отъ всѣхъ тѣхъ, которые ему обѣщали доставить деньги, равно черезъ продажу векселей въ Кастиліи; что ему необходимо шестьсотъ ты-

Digitized by Google

сячъ для его предпріятія; и что для полученія этой суммы принцъ посылаетъ двѣнадцать бланковыхъ векселей, имъ подписанныхъ отъ одного числа, для вписанія въ нихъ именъ и фамилій тѣхъ лицъ, которыя подъ эти векселя дадутъ деньги. Вмѣстѣ съ тѣмъ Донъ-Карлосъ приказывалъ Осоріо отправиться въ Севилью, гдѣ онъ могъ бы продолжать начатое дѣло и употребить присланные ему векселя.

По мѣрѣ того, какъ надежды Донъ-Карлоса возрастали на полученіе денегъ и на предпринятіе своего путешествія, онъ предавался душою замысламъ, еще болѣе преступнымъ. Не задолго до праздника Рождества Христова, въ томъ же 1567 году, въ немъ явилась ужасная мысль: лишить своего отца жизни. Онъ хотѣлъ уже приступить къ дѣйствіямъ; но и тутъ поступалъ безъ предусмотрительности, безъ плана, безъ размышленія, и показалъ въ себѣ болѣе сумасшедшаго, чѣмъ злодѣя и заговорщика. Онъ не сохранилъ въ тайнѣ своего ужаснаго умысла и не принялъ никакихъ мѣръ осторожности противъ опасности, которой онъ самъ себя подвергалъ. Филиппъ II былъ тогда въ Эскуріалѣ, а все королевское семейство въ Мадридѣ, которое должно было исповѣдаться и пріобщиться святыхъ таинъ въ воскресенье, 28-го декабря. Это былъ обычай, принятый при испанскомъ дворѣ, для того, чтобы заслужить юбилей, который давали папы испанскимъ королямъ. Донъ-Карлосъ исповѣдался въ субботу 27-го числа, у своего духовника, доминиканца Діего-де-Чавеса,—который послѣ былъ духовникомъ короля. Принцъ разсказалъ вскорѣ нѣкоторымъ лицамъ, что онъ открылъ духовнику свое намѣреніе погубить одного очень важнаго человѣка, и что духовникъ отказалъ ему въ разрѣшеніи отъ грѣховъ, потому-что онъ не хотѣлъ дать ему обѣщанія отказаться отъ своего намѣренія. Донъ-Карлосъ велѣлъ пригласить къ себѣ другихъ духовныхъ, но и тѣ поступили точно такъ же, какъ духовникъ его.

Digitized by Google

Тогда онъ потребовалъ, чтобъ настоятель доминиканскаго монастыря Аточскаго, Хуанъ-де-Тоборъ, обѣщалъ дать ему на другой день дары неосвященные. Принцъ хотѣлъ, чтобы тѣ, которые будутъ въ церкви, подумали, что и онъ пріобщается вмѣстѣ съ Донъ-Хуаномъ Австрійскимъ, Александромъ Фарнезомъ, и прочими членами королевскаго семейства. Настоятель тотчасъ понялъ, что принцъ въ безуміи, и спросилъ: какое лице хочетъ онъ погубить? Онъ прибавилъ къ тому, что если ему будетъ извѣстно званіе этого лица, то, можетъ быть, онъ перестанетъ требовать, чтобы принцъ отказался отъ своего намѣренія. Такое предложеніе было очень смѣло со стороны духовника, но онъ сдѣлалъ его для того только, чтобы побудить принца назвать лице, противъ котораго онъ имѣлъ замыселъ. Духовникъ достигъ желаемаго: несчастный Донъ-Карлосъ не поколебался открыть, что предметомъ его ненависти былъ его родитель. То-же самое сказалъ онъ потомъ дядѣ своему, Донъ-Хуану Австрійскому. Придверникъ спальни этого принца, который былъ очевиднымъ свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицемъ во всемъ событіи, описалъ его самымъ вѣрнымъ образомъ. Такъ-какъ это описаніе — чрезвычайно важный историческій источникъ, который еще не былъ нигдѣ напечатанъ, то я помѣщу его ниже, вполнѣ, когда буду описывать взятіе Донъ-Карлоса подъ стражу, при чемъ тотъ же придверникъ былъ также свидѣтелемъ.

Гарсіа-Альваресъ-Осоріо дѣйствовалъ въ Севильѣ съ такимъ успѣхомъ, что въ короткое время собрана имъ была значительная сумма. Донъ-Карлосъ, о томъ увѣдомленный, располагался отправиться въ дорогу около половины Января 1568 года, и предложилъ дядѣ своему, Донъ-Хуану, отправиться съ нимъ вмѣстѣ, согласно первоначальному его обѣщанію. Донъ-Карлосъ сообщилъ ему свой замыселъ, какъ только онъ составился, и не размыслилъ, по недостатку разсудительности, что

Digitized by Google

дядя его могъ и не сохранить его тайны, и что онъ подвергалъ себя большой опасности, дѣлая ему такое довѣріе. Чего онъ долженъ бы былъ опасаться, сбылось на самомъ дѣлѣ, потому-что Донъ-Хуанъ не преминулъ немедленно довести до свѣдѣнія короля о своихъ разговорахъ съ его сыномъ. Донъ-Карлосъ надавалъ своему дядѣ множество обѣщаній, а послѣдній, съ своей стороны, отвѣчалъ ему, что онъ готовъ все дѣлать, но опасается, что путешествіе не состоится по причинѣ опасностей, которыя оно представляетъ. Донъ-Хуанъ донесъ о послѣднемъ обстоятельствѣ королю. Монархъ находился еще въ Эскуріалѣ. Онъ совѣтовался съ многими богословами и юрисконсультами, чтобы удостовѣриться: могъ ли онъ, по совѣсти, продолжать притворство, показываться ничего незнающимъ, и такимъ образомъ допустить Донъ-Карлоса, чтобы онъ отправился въ предположенное путешествіе. Мартинъ Альпискуета, столь извѣстный подъ именемъ доктора Наваррскаго, потому-что онъ родился въ королевствѣ Наваррскомъ, былъ изъ числа тѣхъ, съ которыми король совѣтовался. Мнѣніе его было несогласно съ предположеніемъ допустить Донъ-Карлоса отправиться въ дорогу: онъ говорилъ, что всѣ государи обязаны избѣгать междоусобныхъ войнъ; что должно опасаться такой войны, если Донъ-Карлосъ уѣдетъ во Фландрію, гдѣ тогда, по всей вѣроятности, начнется кровопролитіе между вѣрными подданными короля и мятежниками; что исторія представляетъ тому много примѣровъ, въ томъ числѣ примѣръ Лудовика XI, короля французскаго, когда онъ будучи дофиномъ, наслѣдникомъ отца своего Карла VII, оставилъ дворъ и отправился къ герцогу бургундскому. Кабрера, въ своемъ жизнеописаніи Филиппа II, говоритъ еще, что король требовалъ совѣта въ этомъ дѣлѣ у Мельчіора Кано, бывшаго епикскопа Канарійскаго, но историкъ ошибся, потому-что Мельчіоръ умеръ въ 1560 году.

Digitized by Google

Принцъ сообщилъ также о своемъ намѣреніи духовнику своему, Діего де Чавесу, который старался отклонить его отъ того, но не успѣлъ. Донъ-Карлосъ посѣтилъ супругу Донъ-Лодовика де Кордова, королевскаго оберъ-шталмейстера. Она догадалась по нѣкоторымъ словамъ, которые у принца вырвались, что онъ намѣренъ былъ ѣхать, и поспѣшила сообщить объ этомъ своему мужу, который находился въ Эскуріалѣ. Тотъ представилъ тотчасъ же письмо жены своей королю. Наконецъ въ субботу, 17 Января 1568 года, Донъ-Карлосъ послалъ приказаніе Донъ-Рамону де Тасису, главному директору почтъ, приготовить для него восемь лошадей къ слѣдующей ночи. Въ Тасисѣ возродилось опасеніе, что этотъ приказъ скрываетъ въ себъ какую-нибудь преступную тайну, несогласную съ его обязанностями службы королю. Онъ зналъ характеръ принца и до него дошли разные слухи, которые носились въ Мадридѣ. Это побудило его отвѣчать Донъ-Карлосу, что всѣ почтовыя лошади были въ разгонѣ, а между тѣмъ онъ послалъ немедленно донесеніе королю. Принцъ прислалъ другое, настоятельное, приказаніе. Тасисъ, страшась его гнѣва, тотчасъ отправилъ изъ Мадрида всѣхъ почтовыхъ лошадей, а самъ поѣхалъ въ Эскуріалъ. Король прибылъ въ Пардо, замокъ, находящійся въ двухъ миляхъ отъ Мадрида; Донъ-Хуанъ Австрійскій, извѣщенный объ его прибытіи, отправился также туда. Донъ-Карлосъ, не зная о поѣздкѣ своего отца, хотѣлъ имѣть совѣщаніе съ своимъ дядею, и проѣхалъ до мѣстечка Ретамаръ, находящагося почти на половинѣ дороги изъ Мадрида въ Пардо. Изъ Ретамара онъ послалъ звать дядю къ себѣ. Тотъ пріѣхалъ, и принцъ сообщилъ ему о распоряженіяхъ къ своему путешествію; разсказалъ, что Гарсіа-Альваресъ-Осоріо привезъ изъ Севильи сто пятьдесятъ тысячъ ефимковъ, въ число шести сотъ тысячъ, которыхъ онъ, принцъ, требовалъ, и что онъ отдалъ нужныя приказанія о полученіи ос-

Digitized by Google

тальной суммы векселями, во время его путешествія. Донъ-Хуанъ отвѣчалъ ему, что онъ готовъ съ нимъ ѣхать; но по выходѣ отъ него тотчасъ возвратился къ королю, для увѣдомленія его обо всемъ слышанномъ. Король отправился тогда въ Мадридъ, и прибылъ туда очень скоро послѣ пріѣзда Донъ-Карлоса.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ С. О.)

Digitized by Google

ОТКРЫТІЕ
НОВАГО МАТЕРИКА
ВЪ ЮЖНОМЪ ПОЛУШАРІИ.

—

Неравномѣрное распредѣленіе твердой земли и воды на земной поверхности, преобладаніе первой на сѣверномъ и второй на южномъ полушаріи уже съ давнихъ временъ заставляло предполагать, что для равновѣсія массамъ земли, скопленнымъ у сѣвернаго полюса, на южномъ полюсѣ долженъ непремѣнно находиться огромный, еще не открытый, материкъ. Не довольствуясь такою гипотезою, многіе ученые старались еще показать à priori очертаніе этой, никѣмъ не виданной, страны; красиво раскрашивали ея берега на своихъ ландкартахъ, и даже умозрительно вычисляли число ея жителей, и строили догадки о ихъ нравахъ, бытѣ, и прочее.

Послѣ втораго путешествія Кука, отъ 1772 до 1775 года, въ которомъ этотъ великій мореплаватель проникнулъ до 71° 10′ южной широты и 253° 6′ восточной долготы отъ Гринвича, предполагаемая южная полярная страна снова исчезла со всѣхъ географическихъ картъ, хотя впрочемъ Кукъ считалъ существованіе ея еще болѣе вѣроятнымъ по тому обстоятельству, что огромныя массы льдовъ, встрѣчаемыя мореходами на водахъ Южнаго Океана, могутъ образоваться только

Digitized by Google

по близости твердой земли; но открытіе этой страны, именно по причинѣ такихъ льдовъ, полагалъ онъ рѣшительно невозможнымъ.

Въ наше время, наконецъ, существованіе этой южной земли, которую считали столь необходимою для содержанія равновѣсія на земномъ шарѣ, доказана неоспоримымъ образомъ.

Первое свѣдѣніе о ней имѣемъ мы уже въ шестнадцатомъ столѣтіи: Диркъ Геррицъ, капитанъ голландскаго корабля De blüde Boodshap, удаленный бурею отъ прочихъ голландскихъ кораблей, усмотрѣлъ 7 Сентября 1599 года подъ 64° южной широты гористый и покрытый снѣгомъ берегъ, который вѣроятно составлялъ часть Южной Шотландіи, или часть Страны Грема (Graham), открытый капитаномъ Бискоэ въ 1832 году.

Извѣстіе объ открытіи Геррица было совершенно потеряно, и только въ Февралѣ и Октябрѣ 1819 года англійскій капитанъ Вилліямъ Смитъ нашелъ въ южной широтѣ 62° 40′ и 62° западной долготы отъ Гринвича въ Южно-Шетландскихъ островахъ страну Геррица. Послѣ того открытія слѣдовали быстро одно за другимъ. Въ 1821 году Пальмеръ открылъ землю, названную по его имени Землею Пальмера; Повелль (Powell) группу острововъ Южно-Оркнейскихъ, и нашъ капитанъ (въ послѣдствіи вице-адмиралъ) Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузенъ — Островъ Петра I и Землю Александра I. Въ 1831 году Бискоэ нашелъ Землю Эндерби, а въ 1832 Страну Грема (Graham) и лежащіе передъ ней Острова Аделаиды, Питта, и другіе. Въ 1833, Кемпъ открылъ подъ полярнымъ кругомъ, въ долготѣ 70° къ востоку отъ Гринвича, берегъ, названный по его имени, и замѣтилъ также въ широтѣ 60° и въ долготѣ 70° отъ Гринвича признаки земли. Французскій капитанъ корабля, Дюмонъ-Дюрвилль, назвалъ Землею Людовика-Филиппа берегъ, означенный уже на картѣ Повелля подъ именемъ Земли Святой Троицы. Въ 1839 году Балleни от-

Digitized by Google

крыть острова Балленскіе и Землю Сабрины; позади этихъ острововъ, на параллели 64°, между 105° и 110° западной долготы отъ Гринвича онъ также находилъ слѣды земли. Наконецъ въ послѣднемъ своемъ путешествіи, въ 1840 году, Дюмонъ-Дюрвилль нашелъ берегъ, который назвалъ, по имени своей жены, Аделіею.

Лейтенантъ Вилькесъ (Wilkes), начальникъ ученой экспедиціи, посланной Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и состоявшей изъ кораблей: Vincennes, Peackock, Porpoise и Flying Fish, открылъ 19 Января 1840 года, подъ 154° 27′ восточной долготы отъ Гринвича, страну, которую онъ преслѣдовалъ до долготы 97½ градуса. Онъ замѣтилъ, что она простирается еще далѣе, до долготы 92°, къ востоку отъ Гринвича. И такъ, если Земля Вилькса, имѣвшая протяженіе въ 60° долготы, соединяется — что весьма вѣроятно — къ западу съ Землями Кемпа и Эндерби, а къ востоку съ берегомъ, находящимся позади Балленскихъ острововъ, то существуетъ у полярнаго круга берегъ, непрерывно продолжающійся отъ долготы 50° до 180°, то есть на пространствѣ пяти тысячъ русскихъ верстъ.

Ученая экспедиція, посланная въ началѣ прошедшаго, (1840 года) англійскимъ правительствомъ къ южному полюсу, доставила намъ весьма важныя свѣдѣнія объ южной полярной странѣ. Полтора года тому назадъ отправились изъ Англіи корабли: Krebus и Terror, подъ командою капитана Джемса Кларка Росса (племянника знаменитаго сиръ Джона Росса) и коммандира Крозира. Главная цѣль экспедиціи состояла въ опредѣленіи истиннаго положенія южнаго магнитнаго полюса и точнѣйшихъ изслѣдованій антарктическихъ странъ. Въ то же время поручено было начальникамъ экспедиціи произвести на различныхъ мѣстахъ магнитныя наблюденія и построить магнитныя обсерваторіи. Первыя наблюденія ихъ произведены были на островѣ Мадерѣ, откуда они отправились на Островъ Святой Елены и на Мысъ До-

Digitized by Google

брой Надежды, гдѣ построили магнитныя обсерваторіи и оставили офицеровъ для производства наблюденій. Тогда же посѣтили они Землю Кергелена и Сабрины, гдѣ также производили магнитныя наблюденія. Наконецъ, въ половинѣ Августа прошедшаго года, счастливо достигли они Гобартъ-тауна (Hobart-town) на Фанъ-Дименовой землѣ. Соорудивъ тамъ обсерваторію, капитанъ Россъ принялъ намѣреніе продолжать свое путешествіе далѣе: то было уже въ половинѣ Октября. Письмо, которое капитанъ писалъ изъ Гобартъ-тауна отъ 7 Апрѣля 1841 года, содержитъ въ себѣ весьма важныя извѣстія о южномъ материкѣ.

Декабря 12-го 1840 года эти путешественники покинули Острова Лорда Окланда, (Auckland); оставались, для производства магнитныхъ наблюденій, нѣсколько дней на Кемпбельскихъ островахъ; и 1 Января 1841 года перешли за южный полярный кругъ. Сплошной ледъ, который они тамъ встрѣтили, показался имъ не столь страшнымъ, какъ надобно было ожидать по описаніямъ французскихъ и американскихъ мореплавателей. Впрочемъ встрѣча съ нимъ была тѣмъ болѣе непріятною, что они не могли чрезъ него пробраться далѣе. Къ-тому же наставшій сильный сѣверо-западный вѣтеръ нѣсколько дней не позволялъ имъ продолжать путешествіе. 5 Января, находясь на сто англійскихъ миль восточнѣе прежняго мѣста, въ широтѣ 66° 45′ и 174° 16′ восточной долготы отъ Гринвича, встрѣтили они снова массу сплошнаго льда; однакоже имъ удалось, безъ всякаго вреда для кораблей, проникнуть въ него, и продолжать путь свой къ югу. Въ слѣдующіе дни мореплаватели наши встрѣчали немалое затрудненіе отъ густыхъ тумановъ, вѣтровъ и снѣга; но яркая *набѣль* *, простиравшаяся къ юго-восто-

* Не всѣмъ читателямъ конечно извѣстно явленіе, называемое этимъ именемъ: при ясномъ небѣ, часто даже при сильныхъ ту-

Digitized by Google

ку, побуждала ихъ продираться во льду въ этомъ направленіи; и на утро 9-го числа, проплывши болѣе 200 миль среди сплошнаго льда, достигли они наконецъ воды, совершенно чистой ото льда, и направили путь свой къ магнитному полюсу.

Января 11, утромъ, находясь въ 70° 11′ южной широты и 172° 36′ восточной долготы, усмотрѣли они землю по направленію своего плаванія, то есть между кораблями и южнымъ магнитнымъ полюсомъ. «Хотя это обстоятельство — говоритъ капитанъ Россъ въ своемъ письмѣ — принято было нами въ то время съ большимъ сожалѣніемъ, потому-что оно уничтожало важнѣйшую цѣль нашей экспедиціи; однакоже оно доставило Англіи честь открытія самой южной страны, — честь, которою столь благороднымъ образомъ пріобрѣла Россія и которой она пользовалась около двадцати лѣтъ.»

манахъ, блестящая поверхность льда становится какъ бы зеркаломъ въ отношеніи къ атмосферѣ и производитъ то, что Англичане и Нѣмцы называютъ iceblinck, Eisblink. (Ѳ. П. Литке, въ своемъ Путешествіи на Новую Землю, называетъ это явленіе *набѣлью*. См. его Четырекратное путешествіе въ сѣверный Ледовитый Океанъ, часть II, стр. 121). При благопріятныхъ обстоятельствахъ набѣль можетъ представить самую совершенную карту льда и открытой воды, среди его находящейся, на пространствѣ отъ двадцати до тридцати морскихъ миль въ окружности, такъ-что опытный мореходъ въ полярныхъ странахъ въ состояніи по ней опредѣлить видъ и приблизительную величину всякаго ледянаго поля, замѣчаемаго на этомъ пространствѣ. Ледяное поле представляетъ набѣль яркаго цвѣта съ переходомъ въ желтый; плывучій ледъ производитъ бѣлый цвѣтъ, а ледъ, недавно образовавшійся, — цвѣтъ сѣроватый. Каждое открытое мѣсто во льду представляется яркимъ или черно-голубымъ пятномъ. Капитанъ Парри называетъ это водянымъ облакомъ, water-sky, среди набѣли. Земля, покрытая снѣгомъ, можетъ представлять также это явленіе набѣли, которая впрочемъ бываетъ тогда желтѣе набѣли ото льдовъ. Набѣль происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ дѣйствія необыкновеннаго преломленія лучей, происходящаго вслѣдствіе разности температуръ слоевъ воздуха надо льдомъ и надъ водою.

Digitized by Google

Новооткрытая земля возвышалась огромными пиками отъ девяти до двѣнадцати тысячь футовъ, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. Глетчеры, спускавшіеся съ вершины горъ, простирались на нѣсколько миль въ море и представляли въ разрѣзѣ вертикальныя стѣны. Въ одной небольшой бухтѣ, куда мореплаватели хотѣли пристать, на нѣсколько миль отъ берега простирались ледяные горы и сплошныя массы. Это обстоятельство заставило ихъ отложить свое намѣреніе и искать удобнѣйшаго мѣста для стоянки. Поэтому они направили путь свой къ югу, и 12 Января утромъ удалось капитану Россу, командиру Крозиру и нѣсколькимъ офицерамъ съ обоихъ кораблей пристать къ берегу, и они торжественно приняли землю во владѣніе англійской королевы Викторіи. Островъ, на который они пристали, находится подъ 71° 56′ южной широты и 171° 7′ восточной долготы отъ Гринвича и состоитъ весь изъ волканическихъ породъ.

Такъ какъ восточная сторона материка простиралась тутъ къ югу, а сѣверная къ сѣверо-западу, то капитанъ Россъ принялъ намѣреніе плыть по возможности далѣе къ югу, перейти черезъ южный магнитный полюсъ, который, по вычисленію, долженъ находиться въ 76° южной широты, и тогда, обративъ курсъ свой къ западу, объѣхать кругомъ весь материкъ. Поэтому путешественники продолжали путь свой вдоль берега новооткрытой страны, и 23 Января достигли южной широты 74° 15′. Это, какъ извѣстно, есть южнѣйшая точка, до которой достигнулъ англійскій капитанъ Веддель въ 1822 и 1824 годахъ и до которой, кромѣ его, не проникъ ни одинъ изъ мореплавателей.

При сильныхъ южныхъ вѣтрахъ, густыхъ туманахъ и постоянныхъ снѣгахъ продолжали они изслѣдованіе берега южнѣе и южнѣе, и 27 Января пристали снова къ острову, въ 76° южной широты и 168° 12′ восточной долготы отъ Гринвича. Подобно первому острову,

Digitized by Google

и этотъ состоялъ весь изъ волканическихъ породъ. На слѣдующее утро замѣтили они на югѣ гору, извергавшую дымъ и пламя, высоту которой они опредѣлили въ 12,400 футовъ. Этотъ волканъ, находящійся подъ широтою 77° 32′ и въ 167° восточной долготы отъ Гринвича, получилъ названіе «Эреба,» а другой, лежащій отъ него къ западу, не столь высокій и уже погасшій, былъ названъ «Терроромъ», по имени двухъ кораблей экспедиціи. *

Главный материкъ все еще тянулся къ югу; но путешественники встрѣтили препятствіе для дальнѣйшаго пути въ ледяной преградѣ, простиравшейся къ востоко-юго-востоку. Этотъ ледъ имѣлъ по крайней мѣрѣ 150 футовъ вышины, и слѣдовательно былъ гораздо выше мачтъ корабля, такъ-что невозможно было за нимъ усмотрѣть далѣе. Только по направленію къ юго-юго-востоку замѣтенъ былъ рядъ высокихъ горъ (въ широтѣ 79°).

Слѣдуя по направленію этого льда, путешественники достигли 2 Февраля 1841 года широты 78° 4′, то есть южнѣйшей точки, какой не достигалъ еще ни одинъ мореплаватель. 9 Февраля встрѣтили они сильный ледъ, который принудилъ ихъ воротиться. Это однакоже удалось имъ только при помощи сильнаго южнаго вѣтра, потому-что узкій проходъ, чрезъ который они прежде протирались, между-тѣмъ сильно покрылся льдомъ.

* Открытіе столь сильнаго волкана въ такихъ широтахъ, безспорно, есть одно изъ важнѣйшихъ результатовъ этой экспедиціи. По произведеннымъ измѣреніямъ, высота волкана Эреба одинакова съ высотами исполинскихъ волкановъ въ Андскихъ горахъ, именно: онъ занимаетъ средину между волканомъ de Pasto или Paqueres, въ ряду волкановъ Quito (12,600 футовъ) и волканомъ Antues (12,000), въ Чили. Онъ выше пика Teydę на Тенериѳѣ (11,430), волкана Kolima, самаго западнаго изъ мехиканскихъ волкановъ (11,260), выше Этны въ Сициліи (10.260) и горы Worrora (10,120) въ Гаваи, высочайшей изъ горъ Сандвичевыхъ острововъ.

Digitized by Google

На разстояніи половины англійской мили ото льда, грунтъ моря состоялъ изъ голубой, мягкой глины, и глубина его была въ 318 англійскихъ саженъ.

При температурѣ 23 градусовъ Реомюра, ледъ столь быстро образовывался на поверхности воды, что всякая дальнѣйшая попытка слѣдовать по направленію льда была невозможна. По-этому путешественники направили путь свой къ западу, думая приблизиться къ магнитному полюсу. Они снова достигли параллели 76°, и хотя имъ удалось на нѣсколько сотъ миль подойти къ нему ближе, нежели при прежней попыткѣ, однако жъ массы сплошнаго льда заставили ихъ снова воротиться. Тогда они находились въ 160 англійскихъ миляхъ отъ магнитнаго полюса. Наклоненіе магнитной стрѣлки было 88° 40′, а склоненіе 109° 24′ восточное. Слѣдовательно, они на нѣсколько сотъ миль подошли ближе къ магнитному полюсу, чѣмъ кто-либо изъ ихъ предшественниковъ, и опредѣлили многочисленными наблюденіями на различныхъ мѣстахъ положеніе его съ такою же точностію, какъ бы они, дѣйствительно, на немъ находились.

Всѣ старанія путешественниковъ найти безопасное якорное мѣсто для кораблей, 25 числа Февраля, то есть въ тотъ день, когда на всѣхъ магнитныхъ обсерваторіяхъ земнаго шара должно было производить соотвѣтствующія магнитныя наблюденія, остались тщетными, потому-что вездѣ, гдѣ только встрѣчались въ новой землѣ углубленія, стоялъ сплошной лѣдъ въ нѣсколько сотъ футовъ толщины. По-этому, пользуясь сильнымъ южнымъ вѣтромъ, они направили путь свой къ сѣверу, осматривали въ теченіе нѣсколькихъ дней, къ западу простирающійся берегъ, а 25 Февраля достигли широты 70° 40′ и 165° восточной долготы. Отсюда материкъ поворачивался вдругъ на юго-западъ, и все, что только можно было усмотрѣть далѣе по этому направленію, было покрыто огромными ледяными мас-

Digitized by Google

сами, которыя напавшимъ снѣгомъ были столь тѣсно соединены одна съ другою, что пробиться сквозь нихъ не было никакой возможности. Отсюда путешественники возвратились въ Фанъ-Дименову Землю.

Большой южный материкъ, который открыли неустрашимые мореплаватели и слѣдили на протяженіи девяти градусовъ, отъ 70° до 79° южной широты, капитанъ Россъ назвалъ, по имени своей королевы, Землею Викторіи.

* * *

Digitized by Google

ХИВА

ЗА СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

—

Сто лѣтъ тому, Россія, хотя короткое время, находилась съ Хивою въ самыхъ благопріятныхъ отношеніяхъ, какія съ тѣхъ поръ не возобновлялись. Владѣтелемъ Хивы былъ русскій подданный. Русскіе не только пользовались тамъ безопасностію и покровительствомъ хана; но еще его самого защитили на-время отъ мести страшнаго сосѣда.

Это было въ концѣ тысяча семьсотъ сороковаго года. Воинственный Надиръ-Шахъ, владѣтель Персіи, возвратился изъ своего похода въ Индію, захвативъ сокровища великаго могола и *буквально* лишивъ его престола, потому-что драгоцѣнный тронъ изъ рѣдкихъ каменьевъ въ самомъ дѣлѣ находился въ числѣ его побѣдныхъ трофеевъ. Впрочемъ шахъ персидскій не намѣренъ былъ отдыхать на лаврахъ и грозилъ вторженіемъ во владѣнія хановъ Бухары и Хивы, которые въ его отсутствіе сдѣлали нѣсколько набѣговъ на пограничныя области Персіи. Дѣйствительно, послѣ кратковременнаго отдыха въ Гератѣ, онъ направилъ свои полчища на Балхъ, перешелъ при Чарджу черезъ рѣку Аму, и продолжалъ путь къ Бухарѣ. Страхъ овладѣлъ Узбеками. Слухи о вторженіи огромной арміи въ Мавераннегръ проникли даже въ Россію и побудили правительство къ укрѣпленію границъ по Уралу и только-что

Digitized by Google

образовавшейся тогда оренбургской линіи: «всякія осторожности были учреждены», говоритъ Оренбургская Исторія Рычкова, «дабы отъ Персіянъ никакого наглаго и нечаяннаго нападенія не было.»

Абуль-Файзъ, ханъ бухарскій, не дожидаясь прибытія Персіянъ къ своей столицѣ, лично явился въ непріятельскій лагерь (въ послѣднихъ числахъ Августа 1740 года), отказывался отъ власти и предавалъ себя въ руки шаха. Такое смиреніе подѣйствовало. Надиръ оказалъ ему милость: оставилъ его на ханствѣ, съ условіемъ, чтобы Аму-Дарья сдѣлалась впредь границею персидскихъ и бухарскихъ владѣній; пощадилъ его столицу, съ тѣмъ, чтобъ онъ выставилъ вспомогательное войско; и въ заключеніе, политическій союзъ скрѣпилъ двойнымъ союзомъ брачнымъ: женилъ племянника своего на дочери бухарскаго хана, а самъ женился на сестрѣ его. Знаменитый шахъ Персіи вообще любилъ, кажется, заключать или предупреждать ужасы войны свадебными пирами: въ предшествовавшій походъ, послѣ взятія Дегли, столицы великаго могола, онъ женилъ сына своего на дочери побѣжденнаго Баберида, а спустя менѣе года послѣ своей женитьбы въ Бухарѣ, прислалъ пословъ въ Петербургъ просить для себя руки принцессы Елисаветы Петровны (въ Іюлѣ 1741 года).

Ханъ хивинскій Іолбарсъ или Ильбарсъ рѣшился также предупредить грозу, но инымъ образомъ. Пока Надиръ-Шахъ праздновалъ свою свадьбу въ Бухарѣ, Іолбарсъ-Ханъ съ многочисленнымъ отрядомъ подкрался къ персидскому лагерю на Аму-Дарьѣ, въ намѣреніи разбить мостъ и овладѣть лодками со съѣстными и военными припасами. Персіяне, смятые въ началѣ неожиданнымъ натискомъ, подъ-конецъ оправились. Хивинцы были въ свою очередь разбиты и прогнаны; ханъ ихъ попался въ плѣнъ съ множествомъ своихъ приближенныхъ, и вмѣстѣ съ ними былъ зарытъ въ землю живой.

Хива осталась безъ владѣтеля. Надиръ-Шахъ назна-

Digitized by Google

чилъ Тагиръ-Хана, родственника своего новаго тестя; но Абуль-Хайръ, ханъ Меньшой Киргизъ-кайсацкой Орды, честолюбивый и хитрый интриганъ, воспользовался смутнымъ временемъ, и умѣлъ привлечь на свою сторону Хивинцевъ: его пригласили въ Хиву и провозгласили ханомъ хивинскимъ *.

Абуль-Хайръ, еще въ 1731 году присягнувшій на подданство Россіи, въ то время находился на Сыръ-Дарьѣ съ русскими инженерами, которыхъ онъ испросилъ для построенія укрѣпленнаго городка на этой рѣкѣ. Онъ не заставилъ ждать себя въ Хивѣ, и прибылъ туда съ своими Киргизъ-Казаками, поручикомъ Гладышевымъ, инженеромъ Назимовымъ, геодезистомъ Муравинымъ и конвоемъ уральскихъ казаковъ. Между тѣмъ Надиръ-Шахъ подступилъ къ предѣламъ Хивы и началъ военныя дѣйствія. Бетнакъ или Питнакъ, первый городъ хивинскаго оазиса на пути отъ Бухары, — названіе котораго Персіяне измѣнили, для остроты, въ *Фит-*

* Объ ужасной смерти Іолбарсъ-Хана свидѣтельствуютъ мирза Мегди, секретарь и историкъ шаха Надира (см. William Jones's Works, vol. V, p. 335) и Г. Фрезеръ въ своемъ Narrative of a journey into Khorasan, Appendix B, part II; но Абдулъ-Керимъ, находившійся при войскѣ Надира въ продолженіе всего похода, увѣряетъ, что этотъ ханъ былъ еще живъ во время осады Хивы и задушенъ уже послѣ взятія этого города (см. Memoirs etc. edited by Gladwin, и Voyage etc. publié par Langlès). Странно, что во всемъ этомъ нѣтъ и рѣчи объ Абдулъ-Хайрѣ. Но какъ его минутное царствованіе въ Хивѣ подтверждается русскими оффиціальными актами (см. Рычкова *Исторія Оренбургская* и Левшина *Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ степей*, часть II), и какъ притомъ онъ находился въ Хивѣ, когда она еще не была разорена, — чему служитъ доказательствомъ планъ этого города, снятый русскимъ инженеромъ, и отправленіе Муравина къ шаху съ просьбою о помилованіи города, — то я съ достаточною вѣроятностію предположилъ время ханствованія Абуль-Хайра между эпохой умерщвленія Іолбарсъ-Хана и взятіемъ Хивы Надиромъ.

Digitized by Google

ке, что по-персидски значитъ «раздоръ» и «измѣна» *,— былъ взятъ и разоренъ. Укрѣпленный городъ *Гезаръ-Эспъ* (Сто Лошадей) также былъ обложенъ непріятельскимъ войскомъ. Персіяне подступали къ Хивѣ.

Въ этихъ обстоятельствахъ, Абуль-Хайръ-ханъ, опасаясь вѣроятно страшной участи своего предмѣстника, упросилъ русскаго геодезиста Муравина принять на себя посредничество между нимъ и шахомъ, и отправилъ его въ персидскій лагерь. Надиръ-Шахъ привѣтливо принялъ русскихъ, обѣщалъ оставить Абуль-Хайра на ханствѣ, и приглашалъ его въ свой лагерь, съ увѣреніемъ, что онъ принятъ будетъ какъ подданный Россіи, съ которою шахъ желаетъ всегда жить въ мирѣ и согласіи. Посолъ одаренъ былъ деньгами и подарками, и отпущенъ въ Хиву. Большія выгоды для Россіи и для самой Хивы могли произойти отъ утвержденія Абуль-Хайра на ханствѣ: онъ зналъ Русскихъ по частымъ сношеніямъ съ ними какъ ханъ Меньшой Киргизъ-кайсацкой Орды, питалъ къ нимъ довѣріе, и для собственной выгоды поддерживалъ бы торговлю двухъ народовъ. Но это не сбылось. Не смотря на почетный пріемъ Муравина въ станѣ надировомъ, Абуль-Хайръ, по недоцѣнчивости или боязни, не рѣшился на посѣщеніе шаха. Онъ поспѣшно оставилъ Хиву, и убѣжалъ въ свою орду. Черезъ нѣсколько недѣль этотъ городъ былъ взятъ Персіянами и разоренъ въ конецъ. Жители были перерѣзаны; семь тысячъ плѣнныхъ отведены въ Персію, и поселены въ Хорасанѣ, гдѣ образовали цѣлый городъ, названный въ память взятія Хивы Хивакъ-Абадомъ или Хива-Абадомъ **. Только русскіе плѣнные,

* См. Записки Абдуль-Керима.

** Въ обоихъ изданіяхъ Абдуль-Керима ошибочно написано *Дживаkъ* и *Дживаkъ-Абадъ*, вмѣсто *Хиваkъ* и *Хиваkъ-Абадъ*: это явная ошибка переписчика, происшедшая отъ одной лишней точки подъ первою буквою этихъ словъ.

Digitized by Google

находившіеся въ Хивѣ, были пощажены: шахъ возвратилъ имъ свободу, далъ каждому изъ нихъ по лошади и денегъ по пятидесяти рублей, и отослалъ въ Россію. Это обстоятельство служитъ подтвержденіемъ искренности Надира въ обѣщаніяхъ, данныхъ Муравину.

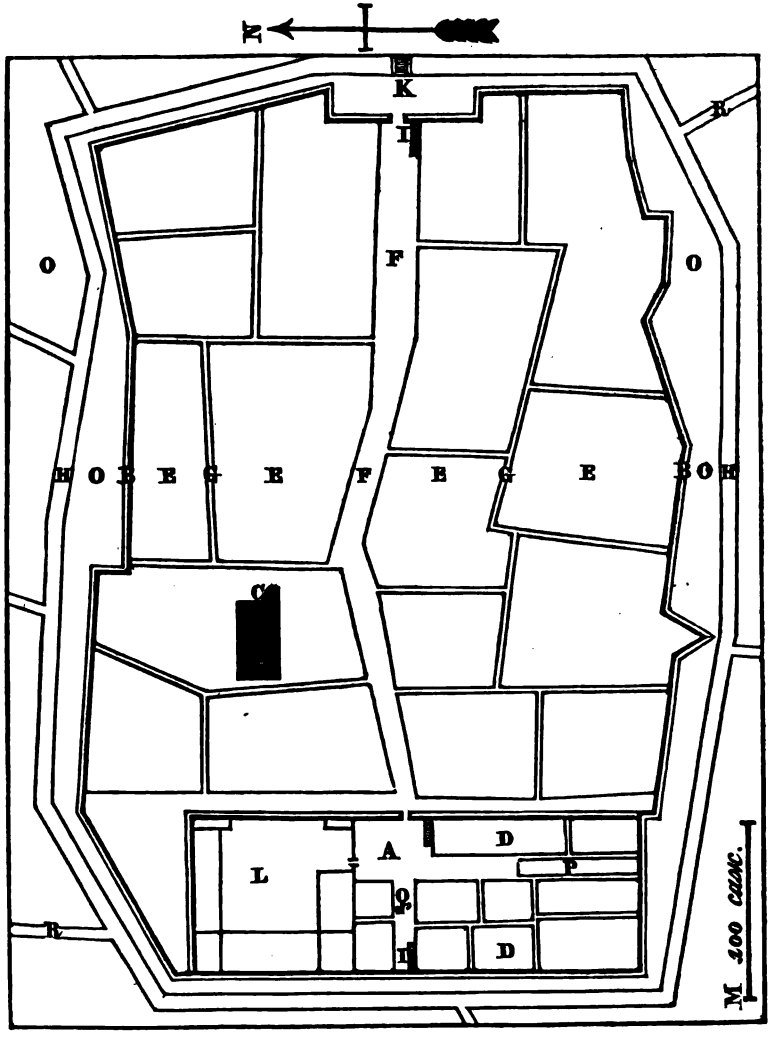
Бывшіе при Абуль-Хайръ-Ханѣ русскіе офицеры оказали услугу географіи снятіемъ первыхъ топографическихъ картъ киргизской степи и перваго плана города Хивы. Къ сожалѣнію, доселѣ не были изданы ни описаніе страны, сдѣланное этими офицерами, ни планъ Хивы, единственный доселѣ извѣстный и имѣющій притомъ то достоинство, что изображаетъ Хиву за сто лѣтъ назадъ, до разоренія ея шахомъ Надиромъ. Этотъ планъ снятъ инженеромъ Назимовымъ. Имѣвъ случай пріобрѣсти съ него снимокъ, мы сочли долгомъ издать его съ находящимися на немъ объясненіями. Мы такъ мало знаемъ о Хивѣ, что и этотъ планъ можетъ быть не безполезенъ для соображеній географа. Послѣ капитана, теперь генералъ-лейтенанта, Н. Н. Муравьева, сколько извѣстно, только два образованныхъ Европейца посѣтили этотъ городъ: г. поручикъ Аитовъ и англійскій агентъ Шекспиръ, бывшіе въ Хивѣ во время похода генерала Перовскаго. Будемъ надѣяться, что они обогатятъ науку новыми извѣстіями о Хивѣ.

Вотъ планъ Хивы, снятый инженеромъ Назимовымъ въ 1740 году, съ объясненіями, какія находятся на подлинномъ планѣ:

Digitized by Google

ПЛАНЪ ХИВЫ

ВЪ 1740 ГОДУ.



Digitized by Google

A. «Въ хивинской крѣпости замокъ.

B. Стѣна городовая, сдѣлана изъ глины. (NB. Стѣна эта вышиною не менѣе пяти саженъ, а шириною въ двѣ сажени; зубцы — въ два аршина ширины).

C. Профиль стѣны городовой.

D. Въ замкѣ строеніе.

E. Строеніе обывательское въ городѣ, мазанковое.

F. Улица большая.

G. Переулки узкіе.

H. Каналъ около города, который пропущенъ изъ Аму-Дарьи рѣки, и съ маленькими канальцы.

I. Лѣстницы на городовыя стѣны.

K. Мостъ черезъ каналъ.

L. Домъ ханскій въ замкѣ.

M. Масштабъ крѣпости.

N. (Сѣверъ).

O. Сады около города.

P. Заводы, гдѣ хлѣбъ мелютъ.

Q. Колодезь въ замкѣ.

R. Канальцы маленькіе, пропущенные изъ Аму-Дарьи рѣки въ большой каналъ.

П. Савельевъ.

Digitized by Google

ЛАТЫШИ или ЛЕТТЫ.

(Статья Ватсона.) *

—

Многіе ученые и трудолюбивые писатели старались освѣтить исторію сѣверныхъ странъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и латышскихъ народовъ. Хотя имъ и удалось объяснить многое, однакоже все еще остается довольно темнаго и довольно противорѣчій для исправленія. Съ перваго взгляда покажется непростительнымъ, что я, послѣ столь ученыхъ, частію геніяльныхъ писателей, осмѣливаюсь поправлять ихъ; но одно обстоятельство дастъ мнѣ надежду подойти ближе, нежели имъ удалось, къ истинѣ. Изъ нихъ Гадебушъ и Гупель собирали только припасы и повѣряли граматы, не заботясь о правилѣ, что при *историческихъ разысканіяхъ о происхожденіи народовъ и о сродствѣ* народовъ, *лучшія средства доставляютъ языки народовъ*. Это правило составилъ Шлецеръ (Allgemeine nordische Geschichte, стр. 291 и далѣе). Гарткнохъ, Шлецеръ, Мюллеръ и Тунманъ, по собственному ихъ признанію, слишкомъ мало были знакомы съ языкомъ латышскихъ народовъ, и потому не могли твердо слѣдовать сказанному правилу. Основательнѣе всѣхъ о латышскомъ языкѣ написалъ Эрнстъ Геннигъ (Vaters Mithridat. II, 715 – 723); но и онъ очень мало разумѣлъ этотъ языкъ. Я смѣло пускаюсь на эту стезю, потому

* За вниманіе, оказанное Сыну Отечества сообщеніемъ этой статьи, приносимъ почтенному Академику, Д. И. Языкову, искреннюю благодарность. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

что латышскій языкъ разумѣю столько, что даже съ перваго взгляда вижу, что въ немъ испорчено и искажено; также хорошо разумѣю славянскіе языки, и именно русскій.

Латыши и языкъ ихъ не составляютъ первобытнаго народа и языка, хотя Шлецеръ утверждаетъ и то и другое, въ Allgemeine nordische Geschichte; но они и языкъ ихъ составляютъ *переходный* народъ и *переходный* языкъ отъ Славянъ къ Германцамъ. Не смотря на это, латышскій языкъ очень древенъ, * что ясно доказываетъ единосложность коренныхъ его словъ и звукоподражательность его глаголовъ и междометій. Латышскій языкъ болѣе всего сродственъ съ славянскими, и именно съ русскимъ. Это доказывается тѣмъ, что почти половина всѣхъ латышскихъ словъ, или чисто славянскія или очень легко и естественно могутъ выводиться изъ русскаго. Сверхъ того, свойственное только славянскимъ языкамъ, употребленіе возвратныхъ мѣстоименій остается точно такимъ же и въ латышскомъ во всѣхъ лицахъ единственнаго и множественнаго, да и вообще въ немъ все сложеніе и сущность славянскіе. Но не смотря на это, онъ имѣетъ свои особенности, потому именно, что онъ, какъ сказано выше, есть переходный языкъ отъ славянскихъ къ германскимъ языкамъ.

Невѣроятно до какой степени латышскій языкъ долженъ былъ исказиться въ Пруссіи и въ Литвѣ. Въ Пруссіи, по словамъ Гарткноха (въ Dissertatio V, въ изданіи Петра Дуисбургскаго, Кенигсбергъ 1679), древній тамошній языкъ истребился уже слишкомъ двѣсти лѣтъ тому назадъ. Первый ударъ нанесли Финны, потомъ Готѳы, съ которыми должны были драться всѣ южнобалтійскіе народы **. За нимъ всѣ лѣтописцы и историки

* Это утверждалъ и доказалъ уже Стендеръ въ своей Lettische Grammatik.

** См. Thomas Hiaern, Митава 1794, всю вторую книгу, гдѣ описаны войны Готѳовъ съ латышскими народами.

Digitized by Google

соглашаются въ томъ, что Тевтонскій Орденъ ненавидѣлъ народный языкъ и всячески старался искоренить его. Рыцари довольствовались только крестить идолопоклонниковъ и, много много что, учить ихъ говорить *вѣрую*. Объ изученіи народнаго языка и о переводахъ на него священныхъ книгъ, никто не заботился. Смѣшно и невѣроятно, какъ они обходились съ народными языками! Они брали безъ разбора латышскія, нѣмецкія и латинскія слова, склоняли и спрягали ихъ по правиламъ латинской грамматики, и такую глупую смѣсь называли прусскимъ язвыкомъ. Точно такъ, какъ бы кто вздумалъ говорить по-нѣмецки слѣдующимъ образомъ: ego willo tecum redere uf germanice. Дабы привести хоть нѣсколько примѣровъ этому, скажемъ, что они называли: Сына Божія Dewa suns; церковь kirkoy; свѣтъ likte; вѣрую es druwu; царство rihke; мѣшекъ saika; топоръ bila, и т. д., что можно видѣть въ Simon Gronovius, Catalogo quarundam vocum prussicarum. Только со времени реформаціи стали обращать нѣкоторое вниманіе на народный языкъ во всѣхъ прибалтійскихъ земляхъ, а также и въ Пруссіи. Такъ Альбертъ, прусскій герцогъ, велѣлъ въ 1545 году напечатать первый катихизисъ на народномъ языкѣ *. Но какъ при этомъ вздумали слить въ одно всѣ нарѣчія, то его никто не понималъ, и посему было сдѣлано въ 1561 второе изданіе на самландскомъ нарѣчіи. Оба эти катихизиса очевидно показываютъ то же самое изуродованіе, потому-что они испещрены смѣсью латышскихъ, нѣмецкихъ и латинскихъ словъ.

Для доказательства, какіе народы говорили латышскимъ языкомъ, приведу я здѣсь нѣсколько *Отче наш*, взятыхъ мною изъ Симона Грунова, изъ Гарткнохова

* См. Гарткнохъ въ V диссертаціи къ Петру Дунсбургскому, стр. 28 и Фатеровъ Mithridates II, 702. Впрочемъ Фатеръ замѣчаетъ, что уже въ 1521 Молитва Господня была переведена Груновымъ, который однакоже очень плохо зналъ народный языкъ.

Digitized by Google

изданія Петра Дунсбургскаго, изъ Orientalisch und occidentalisch Sprachmeisters, (Лейпцигъ, 1748) и исправленныхъ мною же по второй части Фатерова Mithridates. Для яснѣйшаго показанія, ставлю я подъ каждымъ словомъ нынѣшнія латышскія.

Древле-прусское «Отче нашъ».

Въ первой строкѣ помѣщенъ Грунова переводъ по Гарткноху, во второй по Преторію въ Actis Boruss. II, 554 (см. Mithridates, II, 703); въ третьей нынѣшній латышскій *.

Nossen thewes, cur tu es delbes, schwiz gesger
Tehwes nossen, cur tu es debbes, schwisch gesger
Tehws muhsu, kursch tu essi debbesis, swehts irr

thowes wardes; penag mynys thowe mystlastibe;
thowes wardes; pena mynis thowe wiswalstybe;
taws wahrds; peenahk munes tawa wisswalstiba;

toppes pratres gircad delbeszisne, tade tymnes sennes
toppes patres gir iat delbeszisne, tade tymnes senjnes
taws prahts irr ka debbessis, ta tè semmes

worsinny; dodi monymes an nosse igdenas mayse;
worsinny; annosse igdenas mayse dodi mums szondien;
wirsu; muhsu ikdeenas maisi dohdi munes schodeen;

unde geitkas; pamas numas musse nozegun,
pamutale mums musu noschegun
pametti mums muhsu noseegumu,

cade mas pametam nusson pyrtainekans; no wede
kade mas pametam nousson pyktainekans; no wede
kad mehs pamettam muhsu parradneekeem; ne weddi
piktneekeem;

* Въ латышской азбукѣ есть нѣсколько буквъ съ особенными знаками. Эти буквы замѣнены здѣсь обыкновенными латинскими.

Digitized by Google

numus panam padomam; swalbadi munees ne wuse
numus panam paadomam; swalbadi numes ne wust
muhs launâ padohmâ; swabbadi muhs no wiffa
layne.
layne.
launa.

Здѣсь тождество древлепрусскаго языка съ латышскимъ очевидно даже и для того, кто не разумѣетъ ни одного изъ этихъ двухъ латышскихъ нарѣчій. И то же самое показываетъ нынѣшнее литовское около Инстербурга нарѣчіе, какъ видно изъ слѣдующаго Отче нашъ, сообщеннаго Геннигомъ Фатеру.

Литовское «Отче нашъ» въ восточной Пруссіи. см. Фатеръ Mithridat (II, 707).

Tewe musu, kurs essi danguje; buk szwenczamas
Tehws muhsu, kursch essi debbesis; buhs swehtakais
dangê;

wardas tawo; ateik tawo karalijste; buk tawo walle ka-
wahrds taws; ateet tawa walstiba; buhs tawa walla kà-

ip danguje taip ir an zemes; duna musu dieniszka
ir debbesis tà ir us semmi; dohdi muhsu deenischku,

duk mums ir sze diena; atleisk mums musu kaltes,
dohd' mums ir schodeen; atlaidi mums muhsu kaites,

kaip mehs atleidzjam sawo kaltiems; ne wesk mus
kà ir mehs atlaischam saweem kaitigeem; ne weddi muhs

pangundima; bet gelbet mus nu pikto.
pagundina schanâ; bet glahbj muhs no pikta.

И здѣсь не льзя не видѣть равенства въ языкахъ; только надобно замѣтить вопервыхъ, что karaliste есть сло-

Digitized by Google

во польское krôlewstwo; вовторыхъ, что слово dange существуетъ еще въ общемъ употребленіи у Вендовъ курляндскихъ; но не значитъ *небо*, а *уголъ*. Впрочемъ, всѣмъ извѣстно, что въ литовскомъ языкѣ наблюдается польское правописаніе.

Слѣдующее за-симъ польско-литовское и жмудское« Отче нашъ» заимствовано изъ Geistlicher Altar, напечатаннаго въ Вильнѣ 1802 года, какъ оно находится въ Фатеровомъ Mitridates, II, 710, къ чему принята въ соображеніе Гарткнохова Dissertatio V de lingua veterum Prussorum. Впрочемъ, Фатеръ могъ бы воспользоваться рѣдкимъ переводомъ Библіи, напечатаномъ въ Лондонѣ 1660, и другими источниками.

Польско-литовское или жмудское «Отче нашъ.»

Tiewe musu, kuris esse danguosse; szweskies war·
Tehws muhsu, kursch essi debbesis; swehtakais wahrdangê;

das tawa; ateik karaliste tawa; buk wala tawa, kaip
das taws; ateet walstiba tawa; buhs walla tawa, kà ir

danguij, teij ir an ziames; duonos musu wisa dienu
debbesis, tej-ir us semmi; dahwanas muhsu wissas deenas
dangê,

duok mums siediena; ir atlejsk mums muso kaltes,
dohdi mums schodeenu; ir atlaidi mums muhsu kaites,

kaip ir mes atlajdziam sawiems kaltiems; ir ne wesk
kà ir mehs atlaischam saweem kaitigeem; ir ne weddi

mus ink pikta pagundima; bet gialbek mus nuog
muhs piktâ pagundinaschana; bet glahbj muhs no

wisa pikta. Nes tawa ira karalijste, ir galijbe, ir
wissa pikta. To tawa irr walstiba, ir glahbschana, ir

sslowe ant amsjiu.
slawa nuchshigi.

Digitized by Google

Это согласуется именно такъ же, какъ прусско-литовское, съ латышскимъ, кромѣ окончанія: ant amsjiu, *во вѣки*, которое не по-латышски; можетъ статься тутъ скрывается какой-нибудь корень, котораго я не могу отыскать.

Вольфганъ Лазіусъ въ книгѣ De aliquot gentium migrationibus, стр. 787, напечаталъ «Отче нашъ,» которое онъ называлъ герульскимъ, и которое издалъ такъ же Thomas Hiaern. стр. 32. Но оно есть чисто латышское. Вотъ оно.

Tabes mus, kas tu es ekszan debbessis, swetitz
Tehws muhsu, kas tu essi eekschan debbesim, swehtihts

tovus wartcz; enak mums tovus walstibe, tovus praats
taws wahrdas; eenahk mums tawa walstiba, taws prahts

bus-ka ekszan debbes, ta wursan summes, musse denishe
buhskà eekschan debbes, tà wirs semmes, muhsu deenischku

mause duth mums schoden; pammaten mums musse
maisi dohd' mums schodeen; pametti mums muhsu

grake, ka mes pammat musu patradneken; ne
grehkus, kà mehs pamettam muhsu parradneekeem; ne

weda mums louna badekle;, pett passarza mums nu
weddi muhs launâ baddeklâ, bet pasargi muhs no

wusse loune.
wissa launa.

Сходство становится здѣсь совершеннымъ равенствомъ, такъ-что почти можно сомнѣваться, не выдали ли Лазію латышское вмѣсто герульскаго или верульскаго «Отче нашъ.» По этому самому Тунманъ *, а съ нимъ вмѣстѣ

* Untersuchungen über die alte Geschichte einiger nordischen Völker, S. 297.

Digitized by Google

Фатеръ *, думаютъ, не вендское ли это? Напротивъ того Шлецеръ, въ своей Литовской исторіи, стр. 24, не возстаетъ противъ подлинности онаго, а Гіернъ (стр. 32) объявляетъ его за совершенно подлинное. Я, съ своей стороны, считаю это «Отче нашъ» хотя дѣйствительно за вендское, ибо когда-то Тунманъ и Фатеръ изъявили только свою догадку, не приведя однако же никакого доказательства, что оно написано такъ чисто по латышски, что не можетъ быть вендскимъ. Не оспаривая великихъ заслугъ, смѣтливости и учености у обоихъ этихъ отличныхъ писателей, я однако же не могу согласиться съ ихъ мнѣніемъ. Вотъ мои доводы.

Лазіусъ жилъ въ Вѣнѣ; сочиненіе его напечатано въ Базелѣ 1572. Какую причину имѣлъ онъ обманывать или почему кто нибудь вздумалъ его обманывать? Въ 1572 году у самыхъ Латышей не было такого чистаго латышскаго перевода «Отче нашъ»; въ это время Готгардъ Кетлеръ дѣлалъ только первые опыты въ распространеніи между Латышами Вѣры на ихъ собственномъ языкѣ. Для самого Лазія было гораздо труднѣе достать латышское, нежели бранденбурго-вендское «Отче нашъ». Сверхъ того, у насъ, въ Курляндіи, находятся и теперь еще настоящіе Венды, говорящіе латышскимъ языкомъ, только другимъ нарѣчіемъ, съ примѣсью нѣсколькихъ, только имъ свойственныхъ, словъ. У нихъ своя особенная одежда и нѣкоторые обычаи, а самихъ себя они называютъ *Вентенееки*. Это не простая догадка, а можетъ быть доказана мѣстными именами. Рѣку Виндаву называютъ они *Венте*; городъ Виндаву такъ же, и въ Лифляндіи городъ *Венденъ*. Гольдингенъ есть вендское мѣстное имя, какъ Кольдингенъ въ Ютландіи и Кольдингенъ, на Лейнѣ, гдѣ жили Лингоны, а не Линоны, какъ говоритъ Фатеръ, производя это отъ рѣки Лейны; но Лингоны отъ linga, *праща*, lingoju, *бросаю пращу*. Въ ихъ

* Mithrid. II, 688, въ замѣчаніи.

Digitized by Google

«Отче нашъ», находящемся въ Mithridates и въ Orientalisch und occidentalischen Sprachmeister, есть много латышскихъ, хотя съ большою примѣсью нѣкоторыхъ корней, которые узнать очень легко. Южные Венды суть чистые Славяне, точно также, какъ и Лаузицы; но между померанскими и мекленбургскими Вендами, если они не всѣ были Латыши, было много латышскихъ племенъ. Разсмотрите внимательно карту, и вы тотчасъ замѣтите множество латышскихъ мѣстныхъ названій. Славянскія мѣстныя имена часто кончатся на *ци* и *ки*, латышскія на *ава* и *ене*; Нѣмцы изъ *ава* сдѣлали *ау*, изъ *ене*, *ен:* Zihrawa называется здѣсь въ Курляндіи Zirau, Kandawa Kandau, Blihdene Blieden, Remptene Rempten, Puhrene Puhren, Lestene Lesten, и т. д. Зная это и видя, что въ Мекленбургѣ почти всѣ мѣстныя имена кончатся на *ов*, *ав* или *ен*, и ни одно на *ци* и *ки*; принимая въ соображеніе, что одна изъ значительныхъ Мекленбургскихъ рѣкъ называется *Пеене*, что̀ на чистомъ латышскомъ языкѣ значитъ *молоко*; что другая рѣка называется *Барте*, (Bahrte), а у насъ здѣсь также есть *Бартау*; что между вендскихъ боговъ часто встрѣчается *Перкунъ*, и даже съ латышскою надписью *, и одна богиня съ надписью *Сива* (латыш. Seewa, *женщина*); что наконецъ присоединя къ этому свидѣтельство столь достовѣрнаго лѣтописателя, каковъ Гейнрихъ Латышъ, о существованіи Вендовъ въ Курляндіи и Лифляндіи **, и то обстоятельство, что Рижскій Заливъ у старинныхъ географовъ

* См. Тунманъ Untersuchungen въ Abhandlung über die gottesdienstlichen Alterthümer der Obotriten.

** См. Orig. Liwoniae, изданныя Грубероиъ стр. 144. Это замѣчательное мѣсто гласитъ такъ: Wendi autem erant eo tempore et pauperes, utpote à Wyndo repulsi, qui est fluvius Curoniae et habitantes in monte antiquo, juxta quem Riga civitas nunc est aedificata, et inde iterum a Curonibus effugati, pluresque occisi, reliqui fugerunt ad Letthones (вмѣсто Letthos) и проч.

Digitized by Google

Отдѣленіе V.

Науки и Художества.

ЗНАМЕНИТЫЙ ПРОЦЕССЪ

ДОНЪ-КАРЛОСА.

(окончаніе).

Пріѣздъ короля нѣсколько разстроилъ мѣры Донъ-Карлоса и помѣшалъ ему настаивать на требованіи лошадей, для выѣзда ночью; онъ отложилъ свое предпріятіе до другаго дня, чтобы лучше его обдумать. Въ этотъ день, именно 18 Января, въ воскресенье, король поѣхалъ въ церковь, къ обѣднѣ, и публично тамъ присутствовалъ вмѣстѣ съ Донъ-Карлосомъ и Донъ-Хуаномъ. Послѣдній пошелъ потомъ къ принцу, который началъ его разспрашивать о причинахъ, побудившихъ родителя его пріѣхать въ Мадридъ. Отвѣты Донъ-Хуана, безъ сомнѣнія, были не очень удовлетворительны, потому-что онъ былъ принужденъ обнажить шпагу, защищаться противъ племянника и кричать о помощи. Прибѣжали люди и прекратили сцену, которая могла имѣть трагиче-

Digitized by Google

скій конецъ. Король увидѣлъ тогда необходимость не отлагать долѣе мѣръ строгости. Онъ посовѣтовался съ нѣкоторыми изъ членовъ своего Тайнаго Совѣта; рѣшили, чтобы въ ту же ночь взять принца подъ стражу. Это было исполнено. Вмѣстѣ съ тѣмъ забрали бумаги принца, его оружіе и деньги. Историкъ Кабрера описываетъ нѣкоторыя подробности этого событія, но я лучше приведу здѣсь въ подлинникѣ разсказъ придверника спальни (прежде, Донъ-Карлоса, а въ послѣдствіи, Донъ-Хуана Австрійскаго,) о которомъ я говорилъ выше, и который, бывши всему очевиднымъ свидѣтелемъ, составилъ свои записки нѣсколько дней спустя послѣ событія.

Вотъ что онъ пишетъ: «Въ теченіе многихъ уже дней принцъ, мой повелитель, не былъ покоенъ ни на одну минуту. Онъ безпрестанно повторялъ, что желаетъ убить ненавистнаго ему человѣка. Онъ сообщилъ свое намѣреніе Донъ-Хуану Австрійскому, скрывъ только имя человѣка, котораго желалъ онъ погубить. Король поѣхалъ въ Эскуріалъ, откуда послалъ за Донъ-Хуаномъ. Неизвѣстно, что было предметомъ ихъ разговора; полагаютъ однако жъ, что рѣчь шла о преступныхъ умыслахъ принца. Донъ-Хуанъ, безъ сомнѣнія, разсказалъ все, что зналъ. Король послалъ немедленно за докторомъ Валаскo; онъ разговаривалъ съ нимъ о разныхъ своихъ предначертаніяхъ и о постройкахъ въ Эскуріалѣ, далъ разныя приказанія, и прибавилъ, что не скоро туда возвратится. Между тѣмъ наступилъ день юбилея, который весь дворъ имѣлъ обыкновеніе праздновать въ Рождество Христово. Принцъ отправился вечеромъ, въ субботу, въ монастырь святаго Іеронима *. Я былъ дежурнымъ при особѣ принца. Его королевское высо-

* Монастырь этотъ основанъ Генрихомъ IV. Въ близкомъ отъ него разстояніи находится древній, королевскій дворецъ, называемый Буенъ-Ретиро.

Digitized by Google

чество исповѣдывался въ этомъ монастырѣ, но не могъ получить разрѣшенія отъ грѣховъ, по причинѣ дурныхъ своихъ замысловъ. Онъ обратился къ другому духовному отцу, который ему также отказалъ въ разрѣшеніи. Принцъ сказалъ ему: «Рѣшайтесь скорѣе.» На это монахъ отвѣчалъ ему: «Предоставьте, ваше высочество, обсудить этотъ предметъ ученымъ.» Было восемь часовъ вечера; принцъ послалъ свою карету за богословами монастыря аточскаго. * Ихъ прибыло четырнадцать человѣкъ, которые взошли попарно; онъ отправилъ насъ въ Мадридъ отыскать еще двухъ монаховъ Альбарадо, одного августинскаго ордена, другаго матуринскаго. Принцъ спорилъ со всѣми и настаивалъ, чтобъ ему дали разрѣшеніе отъ грѣховъ, повторяя непрестанно, что онъ будетъ до тѣхъ поръ питать ненависть къ одному человѣку, пока не убьетъ его. Когда всѣ эти духовныя лица сказали ему, что требованіе принца исполнить невозможно, то онъ вздумалъ другое средство и хотѣлъ, чтобы его пріобщили дарами неосвященными, для того, чтобы дворъ могъ подумать, что онъ исполнилъ тѣ же обязанности, какъ и прочіе члены королевской фамиліи. Такое предложеніе привело всѣхъ иноковъ въ величайшее смущеніе. Въ этомъ собраніи разсуждаемо было о многихъ другихъ предметахъ, чрезвычайно деликатныхъ, о которыхъ разсказывать мнѣ не слѣдуетъ. Все шло очень худо; настоятель монастыря аточскаго отозвалъ принца въ сторону, и искусно старался убѣдить его, чтобы онъ назвалъ лице, которое хотѣлось ему лишить жизни. Принцъ отвѣчалъ, что этотъ человѣкъ самаго высокаго званія, и болѣе не сказалъ ничего. Наконецъ настоятель употребилъ хитрость, сказавъ: «Ваше высочество, скажите: кто этотъ человѣкъ; мо-

* Аточа, доминиканскій монастырь, неподалеку отъ Буенъ Ретиро, къ востоку.

Digitized by Google

жетъ–статься и будетъ возможно разрѣшить васъ отъ грѣховъ, смотря по роду удовлетворенія, котораго вы себѣ ищете въ смерти этого человѣка.» Принцъ сказалъ тогда, что онъ имѣетъ злобу на короля, своего родителя, и что хочетъ лишить его жизни. Настоятель сказалъ тогда спокойно: «Ваше высочество намѣреваетесь одни убить короля, вашего родителя, или же употребить для того кого–нибудь другаго?» Принцъ ничего не отвѣчалъ и упорствовалъ только въ своемъ намѣреніи. Ему не дали разрѣшенія отъ грѣховъ, и онъ не могъ участвовать въ юбилеѣ. Эта сцена окончилась въ два часа ночи. Всѣ духовные удалились, погруженные въ уныніе, а болѣе всѣхъ духовникъ принца. На другой день я провожалъ принца, когда онъ возвращался въ свой дворецъ. Между тѣмъ въ Эскуріалъ отправлено было донесеніе къ королю о всемъ, что случилось.

Монархъ прибылъ въ Мадридъ, въ субботу, 17 Января 1568 года. На утро онъ публично отправился, въ сопровожденіи своего брата и принцевъ*, за божественную литургію. Донъ-Хуанъ, чувствовавшій себя нездоровымъ отъ огорченія, навѣстилъ въ этотъ день Донъ–Карлоса. Послѣдній приказалъ запереть двери и спросилъ его: о какомъ предметѣ разговаривалъ съ королемъ? Донъ–Хуанъ отвѣчалъ, что рѣчь была о галерахъ, которыя тогда снаряжали и поручали его начальству. Принцъ долго еще разспрашивалъ его, чтобы что нибудь вывѣдать, когда же увидѣлъ, что дядя не говорилъ ему ничего болѣе, онъ обнажилъ шпагу. Донъ–Хуанъ отступилъ къ двери и, найдя ее запертою, самъ вынулъ шпагу и сталъ въ оборонительное положеніе, говоря: «Остановитесь, ваше высочество!» Бывшіе внѣ комнаты, услышавъ это восклицаніе, силою

* Принцы Венгерскій и Богемскій, находившіеся въ то время въ Мадридѣ, также Донъ–Хуанъ Австрійскій и Александръ Фарнезскій.

Digitized by Google

отворили двери. Донъ-Хуанъ удалился въ домъ свой. Принцъ, чувствуя себя нездоровымъ, легъ и проспалъ до шести часовъ вечера; потомъ всталъ и надѣлъ свой халатъ. Такъ-какъ онъ съ утра ничего еще не ѣлъ, то велѣлъ подать себѣ варенаго каплуна, въ восемь часовъ вечера, а въ половинѣ десятаго снова легъ въ постель. Я былъ въ этотъ день дежурнымъ и ужиналъ во дворцѣ. Въ одиннадцать часовъ вечера увидѣлъ я короля, сходившаго съ лѣстницы; его сопровождали генералъ-капитанъ королевской гвардіи герцогъ Феріа, великій пріоръ*, генералъ-поручикъ гвардіи и двѣнадцать гвардейцевъ. Король былъ вооруженъ сверхъ платья; на головѣ его была каска. Онъ приблизился къ двери, у которой я стоялъ. Мнѣ приказано было запереть ее и не отворять ни для кого. Всѣ эти лица уже вошли въ комнату принца, когда онъ вскричалъ: «Кто тамъ?» Офицеры подошли къ изголовью его кровати и схватили его шпагу и кинжалъ. Герцогъ Феріа взялъ также его ружье, заряженное двумя пулями. Принцъ началъ кричать и произносить угрозы. Ему отвѣчали: «здѣсь Государственный Совѣтъ.» Онъ хотѣлъ взяться за оружіе и уже вскочилъ со своей постели, когда вошелъ король. Тогда сынъ сказалъ ему: «Чего хотите отъ меня, ваше величество?» — Вы тотчасъ узнаете это, — отвѣчалъ ему монархъ. Вскорѣ послѣ того заколочены были окна и двери. Король сказалъ Донъ-Карлосу, чтобы онъ оставался въ этой комнатѣ, пока не пришлетъ дальнѣйшихъ приказаній. Потомъ король подозвалъ герцога Феріа и сказалъ ему: «Я вамъ поручаю особу принца, съ тѣмъ, чтобы вы заботились объ немъ и стерегли его.» Обратившись затѣмъ къ Лодовику Кихада, графу де-Лерма и Донъ-

* Великій пріоръ ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго, Донъ-Антоніо Толедскій, братъ герцога Альбы, государственный совѣтникъ.

Digitized by Google

Родриго де-Мендоса, онъ сказалъ имъ: «Вамъ поручаю я служить принцу и исполнять его требованія; не дѣлайте ничего, что̀ онъ будетъ вамъ приказывать, безъ предварительнаго моего свѣдѣнія. Я повелѣваю всѣмъ стеречь его со всею вѣрностію, подъ опасеніемъ быть признаннымъ за измѣнника.» При этихъ словахъ принцъ началъ сильно кричать: «Ваше величество, лучше бы сдѣлали, если бы убили меня, чѣмъ держать меня подъ стражею. Это большой соблазнъ для государства; если вы меня не убьете, я найду способъ самъ себя умертвить.» Король отвѣчалъ: «Остерегитесь это исполнить, потому-что подобные поступки свойственны однимъ сумасшедшимъ.» Принцъ возразилъ: «Ваше величество, такъ худо поступаете со мною, что заставите меня прибѣгнуть къ этой крайности, не какъ сумасшедшаго, но какъ отчаяннаго.» Еще было многое сказано съ той и другой стороны, но ничего окончательнаго не рѣшено, потому-что ни мѣсто, ни время не позволяли этого.

Король удалился; герцогъ взялъ всѣ ключи отъ дверей, выслалъ всѣхъ комнатныхъ служителей принца, поставилъ стражу у кабинета: четырехъ тѣлохранителей, называвшихся Монтеро де Эспиноса *, четырехъ испанскихъ алебардщиковъ и четырехъ Германцевъ съ ихъ поручикомъ. Потомъ отправился къ двери, у которой я стоялъ, поставилъ тутъ четырехъ другихъ Монтеро и другихъ четырехъ часовыхъ, и приказалъ мнѣ удалиться. Послѣ того отобраны были ключи отъ конторокъ и сундуковъ принца; король велѣлъ ихъ принести въ свой кабинетъ. Взяли прочь кровати комнатныхъ служителей; эту ночь герцогъ де-Феріа, графъ

* Это были ночные королевскіе тѣлохранители. Они были всѣ уроженцы изъ мѣстечка Эспиносы де ля Монтеросъ, и получили привилегію опредѣляться въ тѣлохранители съ особымъ названіемъ: Monteros de Espinosa, въ награду за вѣрность, доказанную ими однажды самымъ блистательнымъ образомъ.

Digitized by Google

де-Лерма и Донъ-Родриго провели при его высочествѣ. Въ слѣдующія за тѣмъ ночи при немъ находилось по два камергера, которые смѣнялись чрезъ каждые шесть часовъ; этихъ камергеровъ, назначенныхъ королемъ, было семеро, а именно: герцогъ де-Феріа, Руи Гомесъ, пріоръ Донъ-Антоній Толедскій, Лодовико Кихада, графъ де-Лерма, Донъ-Фадрике и Донъ-Хуанъ де-Веласко. Они исполняли должность, снявъ съ себя оружіе. Стража не позволяетъ намъ приближаться къ комнатѣ принца ни днемъ, ни ночью. Два камергера накрываютъ на столъ; стольники ходятъ за кушаньемъ. Не позволяется приносить ни одного ножа, и потому всякое мясо напередъ разрѣзываютъ. Во дворцѣ принца не служатъ обѣдни, и онъ не былъ за литургіей со времени своего заключенія. *

Въ понедѣльникъ (19 Января 1568) король созвалъ въ свой кабинетъ всѣхъ совѣтниковъ съ ихъ президентами; каждому совѣту въ особенности онъ сообщилъ о взятіи подъ стражу своего сына и говорилъ, что это сдѣлано по такимъ причинамъ, которыя касаются служенія Богу и королевству. Очевидцы увѣряли меня, что монархъ, говоря объ этомъ, проливалъ слезы. Во вторникъ его величество созвалъ также въ свой кабинетъ членовъ Государственнаго Совѣта; собраніе продолжалось съ перваго часа до девяти часовъ вечера. Неизвѣстно, о чемъ было разсуждаемо. Король производитъ слѣдствіе; Гойосъ назначенъ для того секретаремъ **. Монархъ присутствуетъ при отобраніи показаній каждаго свидѣтеля. Эти показанія записываются и составляютъ тетрадь въ шесть дюймовъ толщины. Онъ сооб-

* Въ послѣдствіи служили литургію въ комнатахъ принца. Это доказываетъ, что записки придверника спальни писаны были прежде повелѣнія о служеніи обѣдни, которое было дано 2 Марта.

** Настоящее имя его было: Педро дель Гойо.

Digitized by Google

щилъ совѣту привилегіи маіоратовъ *, равно привилегіи короля и принца Кастильскаго, длятого, чтобы совѣтники прочитали ихъ, для свѣдѣнія.

Королева и принцесса ** были въ слезахъ. Донъ-Хуанъ ѣздилъ во дворецъ каждый вечеръ. Однажды отправился онъ туда въ простомъ нарядѣ и въ траурномъ платьѣ. Король за это сдѣлалъ ему выговоръ, велѣлъ ему снять этотъ нарядъ и одѣваться по прежнему. Въ сказанный понедѣльникъ его величество приказалъ всѣмъ комнатнымъ служителямъ принца, удалиться въ дома свои, давъ обѣщаніе имѣть о нихъ попеченіе. Онъ перевелъ въ службу при особѣ королевы Донъ-Хуана Веласко и Донъ-Фадрике, брата адмирала, бывшаго прежде стольникомъ Донъ-Карлоса.» Здѣсь оканчивается разсказъ спальнаго придверника.

Филиппъ II видѣлъ ясно, что такого рода событіе не могло остаться въ тайнѣ, и что оно непремѣнно возбудитъ общее любопытство. Онъ не сомнѣвался, что оно послужитъ предметомъ многихъ толковъ, какъ въ Испаніи, такъ и за границею. По-этому король призналъ нужнымъ сообщить объ этомъ печальномъ событіи всѣмъ архіепископамъ, епископамъ и другимъ духовнымъ чинамъ; капитуламъ соборовъ, королевскимъ судамъ, гражданскимъ и военнымъ начальникамъ провинцій, городамъ и ихъ коррехидорамъ; папѣ, императору Германскому, многимъ европейскимъ государямъ, Екатеринѣ Австрійской, королевѣ Португальской, вдовѣ Хуана III, сестрѣ Карла V, теткѣ и мачихѣ Филиппа II, бабкѣ несчастнаго Донъ-Карлоса, и Анны Австрійской, съ которою онъ долженъ былъ сочетаться бракомъ. Къ ней, изъ особаго уваженія, Филиппъ II написалъ собственноручное письмо, въ которомъ называлъ ее матерью

* Маіоратовъ — значитъ здѣсь: старшихъ сыновей, которые наслѣдуютъ престолъ по праву первородства.

** Хуанна, сестра короля, которая сначала воспитывала принца.

Digitized by Google

и повелительницею всей королевской фамиліи. Монархъ написалъ также письмо къ Маріи Австрійской, своей сестрѣ, императрицѣ Германской, супругѣ Максимиліана II и матери Анны. Кабрера помѣстилъ въ своей исторіи Филиппа II королевское письмо, писанное къ королевѣ Португальской, говоря ошибочно, что оно было послано къ Маріи Австрійской. Одну королеву Португальскую могъ Филиппъ называть матерью и повелительницею всей королевской фамиліи. Въ письмѣ, посланномъ изъ Мадрида, 20 Января, къ папѣ, король говорилъ, что, не смотря на удручающую его печаль, онъ утѣшается тѣмъ, что сдѣлалъ все возможное, для доставленія своему сыну хорошаго воспитанія, и что онъ закрывалъ глаза на все, что могло проистекать изъ его физическаго организма; но что теперь служеніе Богу и долгъ короля въ отношеніи къ благу своихъ подданныхъ, не позволяли ему болѣе извинять поступки Донъ-Карлоса; король оканчивалъ письмо обѣщаніемъ увѣдомить его святѣйшество о ходѣ этого дѣла и просилъ его помощи въ молитвахъ о счастливомъ всего окончаніи. Въ тотъ же день Филиппъ послалъ другое, собственноручное письмо къ королевѣ Екатеринѣ, своей теткѣ; онъ описывалъ ей всю скорбь, раздирающую его родительское сердце; напомнилъ ей, что уже увѣдомлялъ ее и прежде о многихъ событіяхъ, которыя заставляли опасаться за будущее, и извѣщалъ ее, что арестъ принца не долженъ сопровождаться другими наказаніями, но что эта мѣра была найдена необходимою, для удержанія его отъ дальнѣйшихъ безпорядковъ. Письмо къ императрицѣ, сестрѣ короля, было подобнаго же содержанія.

Въ граматахъ, которыя король отправилъ въ города, онъ говоритъ, что если бы онъ былъ только отцомъ, то никогда бы не рѣшился прибѣгнуть къ подобной мѣрѣ, но, какъ король, онъ не могъ поступить иначе, и что, только дѣйствуя такимъ образомъ, могъ онъ от-

Digitized by Google

вратить тѣ бѣдствія, въ которыя его милосердіе могло бы ввергнуть государство. Діего де-Кольменаресъ помѣстилъ, въ исторіи Сеговіи, грамату, которую этотъ городъ получилъ отъ Филиппа. Всѣ прочіе города получили подобныя же граматы, равно какъ и губернаторы, суды, епископы и капитулы. Всѣ онѣ вложены были въ письма, адресованныя къ коррехидорамъ. У меня находится письмо, которое получилъ коррехидоръ мадридскій; оно можетъ дать понятіе о всѣхъ прочихъ. Филиппъ II писалъ къ нему, что въ случаѣ, если бы муниципалитетъ вздумалъ назначить депутатовъ или войти съ представленіемъ и ходатайствовать за Донъ-Карлоса; то долженъ онъ стараться отклонить гражданъ отъ подобнаго намѣренія, потому-что отца не нужно упрашивать о помилованіи сына. Король писалъ также, чтобы въ отвѣтѣ на грамату, если бъ отвѣтъ былъ признанъ нужнымъ, стараться не входить ни въ какія подробности объ этомъ дѣлѣ, и сказать только, что можно быть увѣреннымъ въ важныхъ и справедливыхъ причинахъ, побудившихъ отца рѣшиться на такую гласную и рѣшительную мѣру. Всѣ, получившіе письмо и граматы отъ короля, отвѣчали на нихъ, хотя различнымъ образомъ, какъ то можно себѣ легко представить по великому и разнообразному числу властей и лицъ, которыя писали отвѣты. Король, прочитавъ ихъ всѣ, собственноручно написалъ на томъ, который ему былъ присланъ изъ города Мурсіи: «Это письмо написано съ благоразуміемъ и умѣренностію.» Изъ этого видно, что оно ему понравилось болѣе другихъ. Это обстоятельство, равно какъ и желаніе сдѣлать извѣстнымъ актъ, который не былъ еще нигдѣ напечатанъ, побудили меня здѣсь помѣстить его.

«Ваше священное, католическое и королевское вели-
«чество! Муниципалитетъ города Мурсіи получилъ гра-
«мату вашего величества и узналъ изъ нея рѣшеніе ва-
«ше о заключеніи нашего принца подъ стражу. Муни-

Digitized by Google

«ципалитетъ тысячу разъ лобызаетъ ноги вашего вели-
«чества * за особенную милость, которую ему оказали,
«извѣстивъ его объ этомъ событіи. Муниципалитетъ
«вполнѣ увѣренъ, что причины и побужденія, руково-
«дившія ваше величество, были столь важны и столь
«нужны для народнаго блага, что невозможно было по-
«ступить иначе. Ваше величество такъ мудро управля-
«ли своимъ королевствомъ, въ такомъ мирѣ хранили
«своихъ подданныхъ, въ такой степени утвердили и рас-
«пространили религію, что весьма естественна увѣрен-
«ность въ томъ, что въ дѣлѣ, которое такъ близко вашему
«сердцу, вы рѣшились на принятыя мѣры, единственно
«имѣя въ виду служеніе Богу и общее благо всего сво-
«его народа. Городъ Мурсія не можетъ однако жъ удер-
«жаться отъ истиннаго сокрушенія, видя важность при-
«чинъ, которыя повергли ваше величество въ эту но-
«вую печаль; онъ не можетъ помыслить безъ сердеч-
«наго умиленія, что у него есть король и государь столь-
«ко преданный общему благу своего королевства, что
«ставитъ это благо выше всего и забываетъ нѣжную
«привязанность къ своему родному сыну. Такое оче-
«видное доказательство любви къ подданнымъ обязы-
«ваетъ ихъ изъявить вамъ ихъ признательность своею
«покорностью и вѣрностью. Этотъ городъ, постоянно от-
«личавшійся своимъ усердіемъ, долженъ нынѣ еще силь-
«нѣе доказать его готовностію исполнить все, что ва-
«шему величеству повелѣть будетъ благоугодно. Да хра-
«нитъ Богъ православную и королевскую особу вашего
«величества! Писано въ муниципальномъ совѣтѣ города
«Мурсіи, 16 Февраля 1568 года.»

Папа Пій V и всѣ прочія лица, къ которымъ писалъ Филиппъ II, отвѣчали ему, предстательствуя за его сына; можно надѣяться, говорили они, что столь порази-

* Цѣлую ваши ноги — это обыкновенная старинная фраза на испанскомъ языкѣ, употреблявшаяся даже въ разговорѣ.

Digitized by Google

тельное событіе обуздаетъ принца и заставитъ его измѣнить свое поведеніе. Всѣхъ убѣдительнѣе просилъ за Донъ-Карлоса Максиміліанъ II; онъ, правда, побужденъ былъ къ тому желаніемъ соединить бракомъ дочь свою съ принцемъ. Не довольствуясь письмомъ, онъ послалъ для этой цѣли эрцгерцога Карла въ Мадридъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что эрцгерцогу нужно было ѣхать во Фландрію, для возстановленія тамъ спокойствія, и во Францію, для переговоровъ о бракосочетаніи другой дочери Максиміліана съ Карломъ IX. Филиппъ остался непреклоненъ въ своей рѣшимости; онъ не удовольствовался арестомъ принца, но доказалъ еще, что намѣреніе его было продлить его содержаніе подъ стражей. Это легко было видѣть, когда онъ подписалъ 2 Марта, новелѣніе относительно порядка содержанія Донъ-Карлоса въ заключеніи. Онъ приказалъ его контросигнировать секретарю Педро дель-Гойо, и поручилъ исполнить Руи Гомесъ-де-Сильва, принцу Эволійскому, который былъ назначенъ королевскимъ генералъ-поручикомъ. На него были возложены всѣ попеченія о принцѣ, ему были подчинены всѣ прочіе чиновники, при Донъ-Карлосѣ опредѣленные. Статьи означеннаго повелѣнія заключали въ себѣ слѣдующее:

«Принцъ Эволійскій назначается главнымъ начальни-
«комъ надъ всѣми лицами, опредѣленными для служе-
«нія принцу, для надзора за нимъ, для попеченія объ
«его столѣ, здоровьи и обо всемъ, ему нужномъ. Онъ
«распорядится такъ, чтобы комната принца запираема
«была задвижкой, а не ключемъ, какъ днемъ, такъ и
«ночью, и онъ не будетъ позволять его высочеству вы-
«ходить изъ нея. Его величество назначаетъ для над-
«зора, служенія принцу и для бесѣды съ нимъ, графа
«де-Лерма, Донъ-Франциска Менрике, Донъ-Родриго де-
«Бенавидесъ, Донъ-Хуана де-Борхіа, Донъ-Хуана де-
«Мендоса и Донъ-Гонзале Чаконъ. Никто изъ другихъ
«лицъ, кромѣ поименованныхъ выше, — исключая раз-

Digitized by Google

«вѣ доктора, цирюльника и Монтеро, на котораго воз-
«ложено особенное попеченіе объ особѣ принца, — не
«можетъ входить въ его комнату безъ позволенія ко-
«роля. Графъ де-Лерма будетъ ночевать въ самой ком-
«натѣ Донъ-Карлоса. Если ему нельзя, то его замѣнитъ
«кто-нибудь изъ его сотоварищей; одинъ изъ нихъ бу-
«детъ дежурить ночью. Они условятся между собою,
«чтобы исполнять эту обязанность по-очереди. Днемъ
«должно имъ стараться, чтобы всѣ они находились въ
«комнатѣ, дятого, чтобы Донъ-Карлосъ могъ найти
«развлеченіе и удовольствіе въ ихъ бесѣдѣ, и они не
«иначе могутъ уволить себя отъ этой обязанности, какъ
«по необходимости отсутствія для другаго дѣла. Они
«будутъ вести разговоры съ принцемъ о постороннихъ
«предметахъ, стараясь никогда не касаться его дѣла и
«сколько можно менѣе заводить рѣчь о правительствѣ.
«Они должны исполнять всѣ приказанія принца, кото-
«рыя будутъ имѣть цѣлію служеніе ему или какое-ли-
«бо удовольствіе, всемѣрно остерегаясь брать на себя
«отъ него какое-либо порученіе для предачи кому-ни-
«будь изъ людей, не имѣющихъ права быть въ его
«комнатѣ, или отъ такихъ людей сообщать что-либо
«принцу. Если бы Донъ-Карлосъ заговорилъ что-либо о
«своемъ заключеніи, то они не должны ему отвѣчать
«и обязываются передать слова его принцу Эволійско-
«му. Король повелѣваетъ имъ въ особенности, (если
«они не хотятъ нарушить вѣрности и покорности, въ
«которыхъ присягали,) безъ дозволенія короля ничего
«постороннимъ лицамъ не разсказывать о томъ, что
«будетъ дѣлаться или говориться въ комнатѣ принца.
«Если бы кто-нибудь изъ нихъ узналъ, что говорятъ
«объ этомъ дѣлѣ въ городѣ или въ частныхъ домахъ,
«то обязывается донести о томъ королю. Божественную
«литургію будутъ совершать въ придворной часовнѣ,
«и принцъ будетъ слушать ее изъ своей комнаты въ
«присутствіи двухъ вельможъ, которымъ порученъ над-

Digitized by Google

«зоръ за нимъ. Ему дадутъ четки, служебникъ, духов-
«ные часы, и другія книги, которыхъ онъ потребуетъ,
«если только онѣ духовнаго, а не инаго содержанія.
«Шесть Монтеро, назначенныхъ для стражи и для слу-
«женія принцу, будутъ приносить кушанья, для его сто-
«ла назначенныя, до первой залы, а подавать ихъ его
«высочеству будутъ вельможи, къ нему приставленные.
«Одинъ Монтеро будетъ брать блюда во второй комна-
«тѣ. Всѣ назначенные Монтеро будутъ употребляться
«на службу днемъ и ночью, по распоряженію Руи Го-
«меса де-Сильва. На крытомъ крыльцѣ передъ залой,
«изъ которой выходъ на дворцовый дворъ, поставят-
«ся два алебардщика; они не будутъ впускать никого
«безъ позволенія принца Эволійскаго; въ его отсутствіе
«должно спрашивать разрѣшенія графа де-Лерма, а если
«и онъ въ отлучкѣ, то будутъ обращаться къ тому изъ
«вельможъ, который будетъ исправлять должность на-
«чальника. Руи Гомесу де-Сильва поручается предупре-
«дить именемъ короля капитанъ-поручиковъ испанской
«и германской гвардіи, чтобъ они поставили восемь или
«десять алебардщиковъ на дворѣ, у крытаго крыльца.
«Эти люди должны будутъ также стоять на часахъ у
«двери инфантовъ; двое поставятся въ покояхъ Руи
«Гомеса съ того времени, когда отпираютъ большую
«дворцовую дверь, до полуночи, когда запирается ком-
«ната принца, и когда Монтеро вступаютъ въ отправ-
«леніе своихъ обязанностей. Каждому изъ вельможъ,
«находящихся у своей должности въ комнатѣ Донъ-Кар-
«лоса, дозволяется имѣть служителя для своихъ соб-
«ственныхъ надобностей; они избираютъ изъ своихъ
«людей того, который заслуживаетъ наиболѣе ихъ до-
«вѣрія. Всѣ эти лица должны, въ присутствіи принца
«Эволійскаго, присягнуть въ томъ, что будутъ испол-
«нять съ вѣрностію все предписанное настоящимъ по-
«велѣніемъ, смотря по тому, что до каждаго изъ нихъ
«относиться будетъ. Руи Гомесъ, а въ его отсутствіе,

Digitized by Google

«подчиненные ему вельможи, будутъ доводить до свѣ-
«дѣнія короля о всѣхъ упущеніяхъ, которыя замѣчены
»ими будутъ въ этомъ отношеніи. На Руи Гомеса воз-
«лагается сдѣлать всѣ дополненія къ распоряженіямъ,
«которыя предписаны настоящимъ повелѣніемъ, если
«то окажется нужнымъ. Такъ какъ на немъ лежитъ вся
«отвѣтственность, то его приказанія должны быть въ
«точности исполняемы всѣми лицами, ему подчиненны-
«ми.»

Секретарь Гойо прочиталъ повелѣніе, которое при-
ведено выше, всѣмъ вообще опредѣленнымъ при Донъ-
Карлосѣ лицамъ, и каждому изъ нихъ въ особенности.
Они присягнули исполнять его въ точности, равно какъ
и восемь Монтеро, о которыхъ было упомянуто въ
повелѣніи.

Мы видѣли изъ приведенныхъ выше записокъ спаль-
наго придверника Донъ-Карлоса, что Филиппъ II пове-
лѣлъ произвести слѣдствіе по дѣлу своего сына. Ко-
роль, поручивъ произвести допросы свидѣтелей секре-
тарю Педро дель-Гойо, учредилъ особенную коммиссію
для разсмотрѣнія этого дѣла. Членами ея были Донъ-
Діего Эспиноса, кардиналъ, епископъ сигуенцскій, го-
сударственный совѣтникъ, главный инквизиторъ и пре-
зидентъ Кастильскаго Совѣта; Руи Гомесъ де-Сильва,
принцъ эволійскій, герцогъ де-Франкавилья и Пастра-
на, графъ де-Мелито, государственный совѣтникъ,
оберъ-камергеръ короля, и Донъ-Діего Брибіеска де-
Мугнатонесъ, членъ Совѣтовъ Кастильскаго и Тайнаго
королевскаго. Предсѣдателемъ этой коммиссіи былъ
самъ король. Мугнатонесу поручено было завѣдывать
процессомъ. Филиппъ приказалъ вести это дѣло, какъ
заключающее въ себѣ оскорбленіе величества, и ве-
лѣлъ взять изъ королевскихъ архивовъ Барселоны и
доставить въ Мадридъ бумаги по процессу, который
произведенъ былъ Хуаномъ II, его предкомъ, коро-
лемъ аррагонскимъ и наварскимъ, надъ Карломъ, сво-

Digitized by Google

имъ старшимъ сыномъ, принцемъ Біанскимъ и Хиронскимъ, котораго подданные уже признали наслѣдникомъ престола. Монархъ приказалъ перевести эти бумаги съ каталонскаго языка на испанскій, для лучшаго ихъ уразумѣнія.

Правила относительно содержанія Донъ-Карлоса подъ стражей соблюдаемы были съ такою строгостью, что когда королева и принцесса Донья-Хуанна хотѣли навѣстить его, дятого, чтобы его утѣшить, то король не дозволилъ имъ этого. Онъ самъ, подозрѣвая всѣхъ, жилъ какъ-бы въ заключеніи и прекратилъ свои обычныя поѣздки въ увеселительные замки, въ Арангуесъ, Пардо и Эскуріалъ; онъ не выходилъ никуда изъ своей комнаты и при малѣйшемъ шумѣ приближался къ окну, чтобы узнать причину шума. Такъ опасался онъ какого-нибудь волненія. Онъ непрестанно подозрѣвалъ Фламандцевъ и другія лица, что они были партизанами принца, или по-крайней-мѣрѣ показывались такими по наружности.

Между-тѣмъ несчастный Донъ-Карлосъ, не привыкшій владѣть своими страстями, не умѣлъ нисколько употребить приличныя средства, чтобъ смягчить гнѣвъ отца. Онъ безпрестанно предавался самымъ сильнымъ порывамъ нетерпѣнія, отказался отъ исповѣди, и не могъ такимъ образомъ пріобщиться Святыхъ Тайнъ въ Вербное Воскресенье по всегдашнему обычаю всей испанской королевской фамиліи. Его прежній наставникъ, епископъ осмійскій, скончался 30 Іюля 1566 года; король приказалъ доктору Суарецу Толедскому, своему главному духовнику, навѣстить принца и постараться убѣдить его. Не смотря на то, что принцъ постоянно питалъ къ этому духовному отличное уваженіе, всѣ его старанія остались тщетны. Суарецъ наконецъ написалъ къ нему въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья, 18 Апрѣля, длинное и трогательное письмо, въ которомъ убѣдительно и сильно доказывалъ, что его высочество не

Digitized by Google

принимаетъ тѣхъ мѣръ, которыя нужны для своего дѣла, и что вмѣсто направленія его къ хорошему концу, онъ его еще болѣе портитъ; представлялъ ему, что его высочество не имѣетъ болѣе друзей и приверженцевъ, и напомнилъ ему разныя непріятныя сцены, которыя увеличили число его враговъ. Письмо это оканчивалось слѣдующими словами: «Ваше высочество мо-«жете легко себѣ представить, что сдѣлаетъ и скажетъ «всякій, когда всѣ узнаютъ, что вы не хотите исповѣ-«даться, и когда услышатъ другія на вашъ счетъ ужас-«ныя вѣсти. Изъ числа ихъ нѣкоторыя такъ важны, «что если бы онѣ относились къ другому лицу, а не къ «вашему высочеству, то *инквизиція была бы принужде-«на изслѣдовать: христіанинъ ли вы, или нѣтъ.* Я «объявляю наконецъ со всею истиною и вѣрностію «вашему высочеству, что вы подвергаете себя опас-«ности потерять свои права и (что еще хуже) свою ду-«шу. Я обязанъ вамъ сказать, съ глубокою горестію и «сокрушеніемъ сердца, что для васъ не остается болѣе «никакихъ средствъ, и единственный совѣтъ, который «могу я вамъ дать, состоитъ въ томъ, чтобъ вы обра-«тились къ Богу и къ своему родителю, который изо-«бражаетъ Его на землѣ. Если вашему высочество «угодно будетъ послѣдовать моимъ совѣтамъ, то обра-«титесь къ президенту и къ другимъ добродѣтельнымъ «особамъ, которыя не преминутъ высказать вамъ прав-«ду и направить васъ на истинный путь.» Это письмо такъ же не имѣло успѣха, какъ и всѣ другія средства предпринятыя для убѣжденія принца: онъ остался непреклоненъ въ своемъ отказѣ отъ исповѣди.

Отчаяніе, въ которое Донъ-Карлосъ вскорѣ впалъ, было причиною, что онъ не наблюдалъ болѣе ни малѣйшаго порядка въ отношеніи къ пищѣ и сну. Гнѣвъ овладѣлъ имъ и воспламенилъ его кровь: онъ чувствовалъ такой сильный жаръ во всѣхъ членахъ, что вода со льдомъ, которую онъ безпрестанно пилъ, не могла

Digitized by Google

прохладить его. Онъ приказалъ положить на свою постель большое количество льда, длятого, чтобы умѣрить сухость своей кожи, сдѣлавшуюся невыносимою. Онъ ходилъ безъ всякой одежды и обуви, и такъ проводилъ цѣлыя ночи. Въ Іюнѣ онъ отказался отъ всякой пищи и не употреблялъ въ теченіе одиннадцати дней ничего, кромѣ воды со льдомъ; это привело его въ большое разслабленіе; думали, что онъ не проживетъ долго. Король, узнавши объ его состояніи, навѣстилъ его и сказалъ ему нѣсколько утѣшительныхъ словъ; это имѣло послѣдствіемъ то, что принцъ началъ употреблять болѣе пищи, чѣмъ слѣдовало въ его положеніи. Желудокъ его лишился жара, нужнаго для пищеваренія, и эта невоздержность произвела въ немъ злокачественную лихорадку, изверженія желчи и опасный поносъ. Принца лечилъ докторъ Оливаресъ, первый королевскій врачъ, который навѣщалъ больнаго одинъ, а по выходѣ изъ комнаты совѣтовался съ другими королевскими врачами, въ присутствіи Руи Гомеса де-Сильва.

Слѣдствіе, которое производилъ Донъ-Діего Брибіеска де Мугнатонесъ, было уже довольно полно въ Іюлѣ мѣсяцѣ длятого, чтобы приступить къ постановленію предварительнаго судебнаго приговора, не отбирая еще отвѣтовъ отъ виновнаго, или длятого, чтобы назначить королевскаго прокурора, который бы, въ качествѣ фискала, могъ обвинить принца въ преступленіяхъ, доказанныхъ первоначальнымъ слѣдствіемъ. Принцу не было еще объявлено вызова къ суду; имѣли только въ виду показанія свидѣтелей, письма и другія бумаги. Изъ этихъ доказательствъ явствовало, что по законамъ королевства нельзя было обойтись безъ того, чтобы не приговорить Донъ-Карлоса къ смерти за доказанное преступленіе въ оскорбленіи величества по первымъ двумъ пунктамъ, именно за то, во-первыхъ, что онъ намѣревался и покушался совершить отцеубійство, во-вторыхъ за то, что хотѣлъ похитить

Digitized by Google

власть короля надъ Фландріею, посредствомъ междоусобной войны. Мугнатонесъ обо всемъ представилъ докладъ королю и исчислилъ наказанія, опредѣленныя законами за подобныя преступленія, присовокупивъ, однакожъ, что особенныя обстоятельства, равно званіе преступника, могутъ побудить его величество прибѣгнуть къ верховной власти своей и объявить, что общіе законы не касаются старшихъ королевскихъ сыновей, потому что они подчинены другимъ, высшимъ законамъ, которые имѣютъ связь съ политикою, съ пользою государства и съ благомъ народнымъ; наконецъ, что монархъ можетъ еще, для блага своихъ подданныхъ, отмѣнить казнь, опредѣленную общими законами.

Кардиналъ Еспиноса и принцъ Эволійскій объявили, что они раздѣляютъ мнѣніе совѣтника Мугнатонеса. Филиппъ сказалъ, что сердце ему предписываетъ послѣдовать мнѣнію своихъ совѣтниковъ, но что совѣсть не позволяетъ ему этого; что онъ не думаетъ, чтобы отъ этого для Испаніи произошло какое-либо благо, а напротивъ, онъ предвидитъ для государства величайшія бѣдствія, если имъ будетъ управлять монархъ, лишенный образованія, дарованій, разсудительности, добродѣтелей, и исполненный пороковъ, страстей, въ особенности гнѣва, жестокости и кровожадности; что всѣ эти причины принуждаютъ его, — не взирая на любовь къ сыну, и на то, что такая ужасная жертва раздираетъ ему сердце, — предоставить начатой процессъ законному его теченію. Притомъ, однако жъ, принимая въ разсмотрѣніе, что здоровье его сына, въ слѣдствіе его невоздержности, находится въ такомъ худомъ положеніи, что нѣтъ уже никакой надежды спасти его, онъ полагаетъ, что для сокращенія его послѣднихъ страданій лучше было бы ослабить нѣсколько попеченія, которыя объ немъ прилагались, и удовлетворять всѣмъ его желаніямъ въ отношеніи къ пищѣ и питью; что, по разстройству его мыслей, принцъ предастся из-

Digitized by Google

лишеству, которое вскорѣ лишило бы его жизни; что всего болѣе его заботитъ необходимость убѣдить сына, что смерть его неизбѣжна, и что слѣдовательно непремѣнно нужно ему исповѣдаться въ грѣхахъ, чтобы обрѣсти вѣчное спасеніе; что все это служитъ величайшимъ доказательствомъ любви, какое онъ, король, только можетъ явить своему сыну и народу испанскому.

Въ бумагахъ процесса нѣтъ этого королевскаго рѣшенія; нѣтъ никакого написаннаго и утвержденнаго подписями приговора. Въ дѣлѣ есть только небольшая отмѣтка секретаря Педро дель-Гойо, въ которой онъ говоритъ: «Это производство доведено было до настоящаго его положенія, когда принцъ скончался отъ своей болѣзни, отчего не было постановлено никакого приговора.» Доказательство событія находится въ другихъ источникахъ, въ которыхъ описаны были въ то время замѣчательныя черты и современныя происшествія. Хотя эти источники и неоффиціальные, но заслуживаютъ вѣроятія, потому-что написаны лицами, служившими въ королевскомъ дворцѣ, и согласны съ тѣмъ, на что намекали нѣкоторые писатели. Послѣдніе, правда, не хотѣли изложить въ ясности дѣло, столь щекотливое, но при всемъ томъ сказали довольно для узнанія истины. Въ послѣдствіи я приведу показанія нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей, а теперь продолжаю нить моего разсказа.

Кардиналъ Эспиноса и принцъ Эволійскій, знавшіе словесный приговоръ, произнесенный Филиппомъ II, подумали, что исполнятся настоящія его намѣренія ускореніемъ смерти Донъ-Карлоса; что необходимо поручить доктору открыть принцу его положеніе, не говоря ему ничего о гнѣвѣ короля, ни о процессѣ, въ слѣдствіе котораго онъ содержался подъ стражей, и приготовить его къ выслушанію увѣщаній, необходимыхъ для его вѣчнаго спасенія. Этимъ средствомъ надѣялись довести его до того, чтобы онъ выслушалъ съ покорно-

Digitized by Google

стію совѣты, согласился исповѣдаться и приготовиться къ смерти, которую вскорѣ низпошлетъ ему Богъ для прекращенія его страданій. Принцъ Эволійскій имѣлъ совѣщаніе съ докторомъ Оливаресомъ; онъ говорилъ ему этимъ важнымъ и таинственнымъ тономъ, который лица, искусныя въ дворской политикѣ, такъ хорошо умѣютъ употреблять, когда это согласно съ видами ихъ государя и съ ихъ собственными намѣреніями. Руи Гомесъ де-Сильва обладалъ съ высшей степени этимъ искусствомъ, какъ свидѣтельствуетъ Антоніо Пересъ, его другъ и первый статсъ-секретарь, который зналъ вполнѣ все, что дѣлалось. Онъ подтвердилъ это въ одномъ изъ своихъ писемъ, въ которомъ говоритъ: «Послѣ смерти принца Эволійскаго я останусь одинъ изъ посвященныхъ во всѣ эти тайны.»

Докторъ Оливаресъ понялъ очень ясно, что отъ него требуютъ исполненія смертнаго приговора, произнесеннаго королемъ; что желаютъ, чтобы приговоръ былъ исполненъ безъ оскорбленія чести принца, и чтобъ это имѣло видъ естественной смерти, причиненной послѣднимъ періодомъ болѣзни. Докторъ старался изъясниться такимъ образомъ, чтобы принцъ Эволійскій увидѣлъ, что онъ понялъ его намѣреніе, и что онъ принимаетъ его за повелѣніе короля, котораго исполненіе было возложено на него.

Докторъ Оливаресъ прописалъ 20 Іюля лекарство, которое Донъ-Карлосъ принялъ. Кабрера, служившій въ то время во дворцѣ и часто видѣвшійся съ принцемъ Руи Гомесомъ, говоритъ въ своей исторіи Филиппа II: «Это лекарство не принесло никакихъ хорошихъ послѣдствій, и когда болѣзнь показалась смертельною, то докторъ сказалъ больному, что хорошо было бы, если бъ онъ приготовился умереть добрымъ христіаниномъ и приступилъ къ исповѣди и святому причастію».

Вандеръ Гаменъ, авторъ книги: «Жизнь короля Фи-

Digitized by Google

липпа Благоразумнаго,» разсказываетъ, говоря о лекарствѣ, прописанномъ Оливаресомъ, что «докторъ далъ ему чистительное, отъ котораго не было никакихъ хорошихъ послѣдствій, но не безъ приказанія и не безъ совѣщанія, и что болѣзнь вскорѣ обнаружила смертельные признаки.» Когда этотъ писатель говоритъ о планѣ Донъ-Карлоса ѣхать во Фландрію, который сообщенъ былъ его дядѣ, Донъ-Хуану Австрійскому, а имъ переданъ королю, то онъ прибавляетъ: «Съ «этого времени Филиппъ пріискивалъ средства остано- «вить намѣренія принца и спасти свое королевство, «хотя эти средства не были бы доведены до той сте- «пени, которая намъ всѣмъ извѣстна, если бы король «могъ укротить необузданныя страсти Донъ-Карлоса, «или если бы принцъ захотѣлъ отказаться отъ своихъ «мечтательныхъ замысловъ.» Что означаютъ эти слова: «хотя эти средства не были бы доведены до той степени, которая намъ всѣмъ извѣстна.» Что это была за степень, о которой всѣ знали, по словамъ современнаго автора? Разумѣется ли подъ этимъ арестъ принца и его заключеніе? Но это не было тайною; и слѣдственно онъ могъ бы объ этомъ написать прямо; о смерти же больнаго не сказано имъ ничего яснаго. Сдѣлаемъ сближеніе имъ сказаннаго со слѣдующими словами того же автора, изъ другаго его сочиненія: «Докторъ далъ ему чистительное, отъ котораго не бы- «ло никакихъ хорошихъ послѣдствій, но не безъ при- «казанія и не безъ совѣщанія, и болѣзнь вскорѣ обна- «ружила смертельные признаки.» Сближеніе этихъ двухъ мѣстъ легко покажетъ истинный смыслъ тѣхъ и другихъ словъ автора.

Фабіанъ Эстрада сказалъ въ своей исторіи о войнахъ фландрскихъ: «Непоколебимаго отца не убѣдили «и не тронули послы отъ всѣхъ государей Европы, и «Донъ-Карлосъ, послѣ несчастныхъ шести мѣсяцевъ, «умеръ отъ болѣзни, въ которую онъ впалъ отчасти

Digitized by Google

«потому, что отказывался отъ пищи, отчасти потому, «что употреблялъ ее съ излишествомъ и клалъ ледъ «въ свое питье, или наконецъ отъ душевной горести, «если только справедливо, что не было при томъ на- «силія..... Я знаю, что мое изложеніе событій не по- «нравится тѣмъ, которые, не заботясь объ истинѣ, съ «радостію принимаютъ все, что ни говорится въ ху- «дую сторону о поступкахъ государей. Но такъ-какъ «всѣ эти произшествія покрыты тайной и трудно раз- «гадать ихъ, то предоставляю ихъ тѣмъ писателямъ, «которые хотятъ заслужить славу проницательныхъ и «разгадать ихъ чрезъ толкованіе оракуловъ.»

Послѣдняя фраза есть намѣкъ на оракульское изреченіе, которое Опмеро напечаталъ посредствомъ числительныхъ буквъ одного стиха изъ первой книги Овидіевыхъ Превращеній: FJLJVs ante DJeM patrJos JnqVJrJt Jn annos.

Если сложить числа, означаемыя большими буквами этого стиха, то выйдетъ число 1568, а въ 1568 году Донъ-Карлосъ замыслилъ лишить жизни отца своего.

Повѣствованія Кабрера, Вандеръ-Гамена, Опмеро и Эстрада, всѣ согласны съ тайными того времени записками, которыя я читалъ. По-этому неудивительно, что принцъ Оранскій, въ манифестѣ своемъ противъ Филиппа II, приписывалъ ему смерть сына; что Іаковъ Августъ де-Ту, французскій, современный историкъ, впрочемъ очень осторожный, сдѣлалъ тоже самое, основываясь на подробностяхъ, сообщенныхъ ему Лудовикомъ де-Фоа, (Foix), французскимъ архитекторомъ, который употребленъ былъ при постройкѣ Эскуріала, и Петромъ Джустиніани, венеціянскимъ дворянином, который долгое время жилъ въ Испаніи. Де-Ту однако жъ, основавшись на разсказахъ этихъ двухъ лицъ, ошибся, предположивъ будто-бы инквизиція участвовала въ дѣлѣ принца, и будто-бы Донъ-Карлосъ умеръ въ нѣсколько часовъ отъ дѣйствія яда, равно допустивъ въ

Digitized by Google

своей исторіи и другія невѣрности. Я также не удивляюсь, что другіе писатели, которыхъ приводитъ Грегоріо Лети, наговорили столько вещей противорѣчащихъ между собою до такой степени, что кажется будто читаешь разсказы романистовъ. Такъ-какъ смерть принца послѣдовала отъ таинственнаго лекарства, даннаго по тайному повелѣнію; то никто не сомнѣвался, что эта смерть была насильственная, и каждый принялся за догадки для того, чтобы добраться до истины.

Однако жъ права истины неизмѣнны, и рано или поздно она обнаруживается. По истеченіи двухъ съ половиною столѣтій мы открываемъ столько фактовъ и отдѣльныхъ подробностей объ этомъ событіи, что соединеніе ихъ возбуждаетъ въ умѣ твердое убѣжденіе, что смерть Донъ-Карлоса, по наружности, имѣла весь видъ естественной смерти, и что самъ больной считалъ ее такою. Разсказъ нѣкоторыхъ иностранныхъ, основательныхъ историковъ, о послѣдствіяхъ лекарства, опровергнуть уже достовѣрными документами; равно опровергнуты разсказы и тѣхъ писателей, которые любили писать романы подъ названіемъ исторіи. По-этому, не останавливаясь болѣе на этомъ спорномъ предметѣ, я изложу въ чистомъ видѣ истину, и попрошу читателей не вѣрить, если они найдутъ что-либо противорѣчащее въ другихъ книгахъ.

Докторъ Оливаресъ, сказавъ Донъ-Карлосу, что болѣзнь его неизлечима и что онъ долженъ вскорѣ умереть, совѣтовалъ ему приготовиться къ смерти. Принцъ изъявилъ желаніе, чтобы позвали къ нему его духовника, Діего де-Чавеса. Это было исполнено 21 Іюля. Донъ-Карлосъ поручилъ духовнику попросить отъ его имени у родителя прощенія. Король прислалъ отвѣтъ, что онъ прощаетъ сына отъ всего сердца, посылая ему свое благословеніе и надѣясь, что раскаяніе его пріобрѣтетъ ему и Божіе прощеніе. Въ тотъ же день принцъ съ большимъ благоговѣніемъ пріобщился Свя-

Digitized by Google

тыхъ Тайнъ и былъ особорованъ елеемъ. Съ согласія короля, онъ въ тотъ же день сдѣлалъ завѣщаніе, которое написалъ его секретарь Мартинъ де-Газтелу. Іюля 22 и 23 онъ былъ въ агоніи и спокойно слушалъ утѣшенія духовника Діего де-Чавеса и своего милостынераздавателя, Суареса Толедкаго. Министры предложили королю навѣстить сына и лично дать ему второе благословеніе, которое его бы еще болѣе утѣшило передъ смертью. Филиппъ II спросилъ двухъ означенныхъ выше духовныхъ, какъ они о томъ думаютъ. Они отвѣчали, что опасаются, чтобы видъ отца не разстроилъ нѣсколько мыслей Донъ-Карлоса, и чтобы это не помѣшало христіанскому расположенію души умирающаго. Это остановило короля, но услышавъ въ ночь, съ 23 на 24 Іюля, что сынъ его совсѣмъ умираетъ, Филиппъ поспѣшилъ въ его комнату и, протянувъ руку между плечами принца Эволійскаго и великаго пріора, благословилъ сына во второй разъ, не будучи имъ видимъ. Послѣ того король, весь въ слезахъ, удалился. Донъ-Карлосъ вскорѣ послѣ того скончался. Смерть его послѣдовала 24 Іюля въ четыре часа утромъ, наканунѣ праздника святаго Іакова, патрона Испаніи.

Смерть принца не скрывали, но погребли его, напротивъ, со всею пышностію, приличною его сану, въ церкви монастыря святаго Доминика, называемаго *Эль-Реаль*, въ Мадридѣ. Только надгробной рѣчи произнесено не было. Филиппъ II извѣстилъ о кончинѣ Донъ-Карлоса всѣ лица и власти, къ которымъ прежде посланы были граматы объ его заключеніи. У меня есть списокъ съ письма, которое Филиппъ прислалъ въ мой капитулъ въ Толедѣ, отъ 27 Іюля. Оно подписано королемъ и контросигнировано статсъ-секретаремъ Францискомъ де-Эрасо. Также у меня есть списокъ съ письма этого статсъ-секретаря къ Донъ-Діего де-Зуньига, коррехидору Толедскому, отъ 28 Іюля. Въ немъ содержится подробное описаніе начала, причинъ и усиленія

Digitized by Google

Донъ-Карлосовой болѣзни, его покорности Провидѣнію и его христіанскихъ чувствованій въ послѣдніе три дня его жизни. Городъ Мадридъ устроилъ торжественный Реквіемъ 14 Августа. Проповѣдь говорилъ Хуанъ де-Тобаръ, настоятель доминиканскаго монастыря аточскаго, тотъ самый, который, въ ночь 27 Декабря предъидущаго года, употребилъ хитрость, чтобы вывѣдать отъ принца: кого убить онъ намѣревался. Въ годъ смерти принца напечатали длинное описаніе его болѣзни, кончины и похоронъ. Мадридскій муниципалитетъ поручилъ сочинить это описаніе Хуану Лопесу дель-Гойо, профессору латинскаго языка въ Мадридѣ. *

Испанія очень сожалѣла о смерти Донъ-Карлоса, не только по тому, что ей предшествовали страданія, но и по той причинѣ, что у короля не оставалось наслѣдника мужескаго пола. Принцъ былъ единственный сынъ, родившійся отъ первой супруги Филиппа, Маріи Португальской. Отъ второй супруги, Маріи Англійской, у него дѣтей не было. Отъ третьяго брака съ Елисаветою Французскою, (или Изабеллою) родились только двѣ дочери: Изабелла, Клара, Евгенія, 12 Августа 1566 года, и Екатерина, 10 Октября 1567 года. Надежды имѣть наслѣдника престола возбуждены были третьею беременностію королевы, возвѣщенною въ годъ смерти Донъ-Карлоса. Испанія обманулась въ ожиданіяхъ, потому-что добродѣтельная Изабелла умерла отъ преждевременныхъ родовъ 23 Октября того же года.

Это несчастіе и худое мнѣніе Европы о Филиппѣ, котораго она считала лицемѣрнымъ, жестокимъ и кровожадными, подали поводъ къ обвиненію, сдѣланному сначала принцемъ Оранскимъ, а потомъ и многими другими, въ томъ, будто бы Филиппъ приказалъ умертвить королеву. Во Франціи были доказательства противнаго, потому что Карлъ IX отправилъ чрезвычайнаго посла

* Этотъ ученый былъ наставникомъ Сервантеса. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

въ Мадридъ, для изъявленія Филиппу соболѣзнованія по случаю кончины его супруги. Король въ самомъ дѣлѣ былъ неутѣшенъ, оставшись безъ наслѣдника мужескаго пола, котораго ожидалъ. Хуанъ Лопесъ дель-Гойо, о которомъ выше сказано, напечаталъ въ 1569 году подробное описаніе болѣзни и кончины Изабеллиной, и нѣкоторыя подробности, о которыхъ онъ пишетъ, представляются несогласными съ дѣйствіемъ яда, отъ котораго, какъ говорили, будто-бы умерла королева. Достовѣрно извѣстно, что принцъ Оранскій увлекся ненавистью и мщеніемъ: нельзя вѣрить преступленію, когда не видишь ни цѣли, ни причинъ его. Всѣ знаютъ, что Филиппъ желалъ рожденія сына. Другіе писатели, предположивъ, что преступленіе было совершено, искали причинъ ему, а романисты рѣшили, что оно было слѣдствіемъ мнимой любовной интриги между Донъ-Карлосомъ и королевой. Предположивъ даже, что это интрига существовала, нельзя допустить ее начала, по вѣрнымъ историческимъ доказательствамъ, ранѣе возвращенія принца изъ Алькала. Но въ это время онъ пламенно желалъ вступить въ бракъ съ двоюродною сестрою своею, Анною Австрійскою. Эта принцесса вступила наконецъ въ бракъ съ Филиппомъ II. Отъ этого четвертаго его брака родился Филиппъ III, наслѣдникъ короля. Казалось, что судьба опредѣлила монарху жениться на всѣхъ принцессахъ, которыя назначались въ супруги его несчастнаго сына.

Филиппъ II, желая сохранить память объ его правосудіи, съ какимъ онъ поступалъ въ дѣлѣ своего сына, повелѣлъ, чтобы всѣ подлинные акты и бумаги процесса, равно подлинникъ и переводъ процесса, произведеннаго въ Барселонѣ надъ Донъ-Карломъ, принцемъ Біанскимъ и Хиронскимъ, были собраны и сохранены. Достовѣрно извѣстно, что Донъ-Франциск де-Мора маркизъ де-Кастель Родриго, приближенный вельможа короля послѣ смерти Руи Гомеса де-Сильва, положилъ

Digitized by Google

въ 1592 году всѣ эти акты и бумаги въ зеленый ларецъ, и что король послалъ потомъ этотъ запертой ларецъ, оставивъ ключъ у себя, въ королевскій архивъ симанкасскій, гдѣ онъ и понынѣ долженъ храниться, если только не увезли его въ Парижъ по приказанію бывшаго французскаго правительства, какъ о томъ носились слухи въ Испаніи.

Ред. С. О.

=

Digitized by Google

АДЕЛЬ и ШОА,

СТРАНЫ СѢВЕРОВОСТОЧНОЙ АФРИКИ.

ПУТЕШЕСТВІЕ Г-НА РОШЕ.

Не есть ли это одна изъ самыхъ странныхъ судебъ исторіи землепознанія, что между тѣмъ, какъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ открытія Америки, почти весь «новый свѣтъ» былъ узнанъ, берега его описаны съ точностію, его царства покорены нѣсколькими искателями похожденій и сдѣлались провинціями монархій Европы, — Африка, часть свѣта, которая гораздо ближе къ Европѣ, и которой сѣверные берега издревле были въ сношеніяхъ съ нею, еще до сихъ поръ осталась неизвѣстною на большемъ своемъ протяженіи, не смотря на всѣ усилія науки, торговли и политики проникнуть въ центральную часть таинственнаго полуострова.

Географія, съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, борется съ препятствіями, противопоставленными ея открытіямъ песчаною и дикою природою внутренней Африки. Не смотря на многочисленныя жертвы, она съ каждымъ годомъ дѣлаетъ, хотя незначительный, шагъ на

Digitized by Google

этомъ поприщѣ: Англіи, почти исключительно, принадлежитъ слава важнѣйшихъ африканскихъ открытій. Общество, образовавшееся въ ней въ концѣ XVIII столѣтія для разысканій во внутренней Африкѣ, the African Institution, употребляло настойчивую дѣятельность въ достиженіи своей цѣли; но смѣлыя экспедиціи, которыя оно снаряжало или поддерживало, оканчивались большею частію гибелью своихъ членовъ. Тогда какъ эти мученики науки старались цѣною жизни оправдать химерную гипотезу, которой всѣ тогда вѣрили, будто бы Нилъ и Нигеръ сосдиняются, и такимъ образомъ представляютъ огромный водяный путь, Англійскіе купцы, которые такъ искусно умѣютъ пользоваться открытіями науки для торговыхъ цѣлей, по ихъ слѣдамъ старались проложить путь своей коммерціи, и собрали много положительныхъ свѣдѣній о краѣ. И теперь предпринята самая обширная изъ экспедицій, какія когда-либо отправлялись въ Африку: три парохода должны подняться по Нигеру, завести торговыя связи съ обитающими тамъ племенами, — быть-можетъ, отыскать тамъ новую Остъ-Индію, — и такимъ блестящимъ образомъ увѣнчать труды Мунго-Парка, Денгама, Клаппертона, и Ландера! *

Всѣ путешествія англійскихъ путешественниковъ въ сердце Африки предприняты были съ западнаго берега. По какому-то странному стеченію обстоятельствъ, Французы, въ противоположность, начинали съ другаго конца, съ восточнаго берега. И въ самомъ дѣлѣ, неужели только гвинейскій берегъ представляетъ удобную точку отправленія во внутренность африканскаго материка. Отчего же не попытаться со стороны Абиссиніи?

* Ниже, въ *Смѣси*, сообщаемъ читателямъ только-что полученныя изъ-за границы извѣстія объ этой экспедиціи, въ судьбѣ которой должны принимать живое участіе всѣ любители географіи и весь образованный міръ. Къ сожалѣнію, извѣстія эти не утѣшительны. *Ред. С. О.*

Digitized by Google

Путешествія Комба и Тамизье *, и братьевъ д'Аббади, уже обратили вниманіе Европы на эту страну, которая представляетъ ту важную выгоду для африканскаго путешественника, что жители ея озарены свѣтомъ христіанства, и слѣдовательно съ ними гораздо легче подружиться, нежели съ обитателями береговъ Нигера. Г. Роше, молодой французскій естествоиспытатель, рѣшился проникнуть въ центръ Африки съ этой стороны: онъ пробылъ весь 1839 годъ въ Абиссиніи; но, не имѣвъ средствъ, долженъ былъ возвратиться во Францію, гдѣ успѣлъ получить пособія для своего предпріятія отъ правительства. Парижская академія наукъ одобрила его планы, снабдила его ученьми средствами **, и Г. Роше уже отправился, кажется, въ путь вторично. Въ пребываніе свое въ Европѣ, онъ занимался составленіемъ описанія перваго своего путешествія, и оно вышло недавно изъ печати ***. Посѣщенныя авторомъ страны такъ мало извѣстны, новы и занимательны, что его книга будетъ всегда принадлежать къ числу лучшихъ въ географической литературѣ Африки. Мы намѣрены сообщить нашимъ читателямъ замѣчательнѣйшія мѣста этого путешествія и представить общій его очеркъ.

Г. Роше отправился изъ Каира 22 Февраля 1839 года и прибылъ въ Суэзъ 25 числа. Это—незначительное

* Voyages en Abyssinie, par M. M. Combes et Tamisier. Paris, 1839, 4 vol. Довольно большія извлеченія изъ этого путешествія напечатаны были въ Библіотекѣ для чтенія 1840 года, томъ 39, іюнь.

** См. Comptes rendus des séances de l'académie des sciences, séance du 21 mai 1841: тамъ находится донесеніе гг. Брониара, Эли-Бомона и Дюфренуа о физическихъ, метеорологическихъ и геологическихъ наблюденіяхъ, произведенныхъ господиномъ Роше, въ первое свое путешествіе, на берегахъ Чернаго Моря и въ Абиссиніи.

*** Voyage sur la côte orientale de la mer Rouge, dans le pays d'Adel et le royaume de Choa, par C. E. X. Rocher d'Héricourt, membre de la société géographique etc. Paris, 1841.

Digitized by Google

мѣстечко, въ которомъ не больше осьми сотъ жителей, Арабовъ, Коптовъ, Грековъ и Турокъ, и не заключаетъ въ себѣ ничего примѣчательнаго. Въ двухъ верстахъ отъ него находятся источники, которые доселѣ сохранили названіе «Моисеевыхъ»; верстахъ въ трехъ къ югу, предполагаютъ мѣсто перехода Израильтянъ чрезъ Черное Море. Изъ Суэза ходитъ остъ-индскій пароходъ въ Моку; г. Роше могъ бы прибыть туда этимъ путемъ въ семь дней: онъ предпочелъ нанять простой купеческій корабль, чтобъ имѣть болѣе времени для наблюденія береговъ. Корабль вышелъ изъ Суэза 13 марта; перваго Апрѣля прибылъ въ Ямбо, городокъ съ тысячью жителей, зубчатыми стѣнами и нездоровымъ воздухомъ, а 13-го бросилъ якорь въ гавани Джедды. Этотъ городъ съ перваго взгляда поражаетъ путешественника живописнымъ мѣстоположеніемъ въ глубинѣ залива; но очарованіе исчезаетъ при видѣ неопрятныхъ, грязныхъ улицъ и жалкихъ лачугъ. При всемъ томъ въ Джеддѣ до 18 тысячъ жителей; рейдъ его защищенъ отъ вѣтровъ скалами и представляетъ хорошую стоянку; географическое положеніе дѣлаетъ Джедду важнѣйшимъ рынкомъ Хеджаза. Изъ Джедды г. Роше направилъ путь въ Моку. Онъ остановился на островкѣ Камеранъ, примѣчательномъ потому, что здѣсь находится ловля жемчужинъ (другая ловля находится въ мѣстечкѣ Гебель-Хасенинъ, между Суэзомъ и Ямбо), и въ Холейдѣ, городкѣ, гдѣ отъ трехъ до четырехъ тысячъ душъ, и который ведетъ довольно значительную торговлю. Мока есть ключъ Чернаго Моря; рейдъ его обширенъ и безопасенъ. Это — необходимый этапъ навигаціи между Индіею и верхними частями Арабскаго залива. Прѣсная вода здѣсь очень дешева, что составляетъ чрезвычайно важную статью въ этихъ странахъ. Вывозятъ изъ Моки: кофе, знаменитый «мокскій кофе», арабскій гумми, слоновую кость, бычачьи шкуры и барановъ; привозятъ: рисъ, пряности, финики, сахаръ, матеріи,

Digitized by Google

металлы. Вообще, относительно торговли Чермнаго Моря, можно замѣтить, что города Мока и Ходейда суть два главные ея рынка, которые соперничествуютъ между собою. Изъ Ходейда вывозятъ болѣе жемчуга и соды. Вывозъ изъ Джедды незначителенъ. Лучшій моккскій кофе продается на мѣстѣ дешевле полтины мѣдью за фунтъ: этотъ сортъ вывозится только въ Европу; кофе второй и третьей руки (отъ 40 до 30 копѣекъ за фунтъ) идетъ въ Египетъ, Персію и Индію.

Въ бытность свою въ Мокѣ, господинъ Роше старался узнать, откуда бы лучше проникнуть въ южную половину Абиссиніи? Ему сказали, что путь отъ Тужурры, въ Эфатъ–Аргубу, самую западную область государства Шоа, довольно опасенъ; но пылкій Французъ вспомнилъ, что этимъ путемъ никто еще изъ европейскихъ путешественниковъ не вступалъ въ Еѳіопію, и потому избралъ эту дорогу. Перваго Іюня, въ одиннадцать часовъ утра, онъ сѣлъ на барку, которая переѣзала Чермное Море на серединѣ между Мокою и Бабъ–эль–Мандебомъ, и въ десять часовъ вечера высадила путешественника на берегъ Африки. Первое, встрѣченное имъ мѣсто, было Рахіета, верстахъ въ четырехъ отъ пристани. Здѣсь до 180 мазанокъ, около 400 жителей, и резиденція султана, которому повинуется большая часть бедуиновъ поколѣнія *Адъ–Алм*. Изъ этого–то названія и сдѣлали Португальцы собственное имя *Адель* или *Адаель*, которое прилагаютъ къ этому берегу восточной Африки. Тужурра отстоитъ на одни сутки съ половиною пути отъ Рахіеты. «Нсутѣшительно, — говоритъ г. Роше, — въ самомъ началѣ путешествія встрѣтить страну такую пустынную, какъ ту, гдѣ лежитъ Тужурра; я не знаю ничего, что́ бы наводило болѣе тоски, чѣмъ видъ этихъ мазанокъ и здѣшнихъ окрестностей. На бѣловатомъ скатѣ поморія разбросаны жалкія жилища, образующія Тужурру; вдали возвышаются утесистыя горы, волканическаго происхожденія, которыя тянутся съ юго–

Digitized by Google

востока на сѣверо-западъ; нѣсколько деревцовъ около селенія суть единственный признакъ прозябаемости. Кажется, будто все живое удалилось отсюда; и это однообразное безплодіе, эмблема смерти, сушитъ душу и надежду путника.»

Деревенскій султанъ довольно ласково принялъ путешественника передъ своею мазанкою; все селеніе сбѣжалось поглазѣть на бѣлаго человѣка. Господинъ Роше съ сожалѣніемъ узналъ, что долженъ пробыть нѣсколько времени въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, въ ожиданіи дождей. Никто не брался быть его провожатымъ въ жаркіе дни: по недостатку воды въ пустынѣ, они могли, вмѣстѣ съ путешественникомъ, погибнуть отъ жажды въ дорогѣ. Жители Тужурры — мусульмане, поколѣнія Данакиль; они ведутъ торгъ съ Мокой и Ходейдою, и съ молодости пріучаются къ торговымъ путешествіямъ, съ караванами или на морѣ. Не смотря на то, они весьма бѣдны.

Тужурра, Рахіета и Гаргори, три деревни, лежатъ верстахъ въ тринадцати къ западу отъ Аусы, главнаго города владѣнія Адель. Онѣ управляются каждая особымъ султаномъ, которые раздѣляютъ между собою верховную власть въ Адели. Они независимы одинъ отъ другаго и имѣютъ даже мало вліянія на своихъ подчиненныхъ: такъ называемое «королевство Адель» обитаемо различными поколѣніями, которыя управляются каждое независимо и не признаютъ власти ни султановъ, ни «расовъ» (*расъ*, глава). Собранія всего рода, или поколѣнія, рѣшаютъ сами всѣ свои дѣла; султаны и расы — привиллегированные классы, родъ дворянства, которымъ предоставлены нѣкоторыя права, напримѣръ сбирать пошлину съ каравановъ, и прочая. Во все время пребыванія въ Тужуррѣ, господинъ Роше былъ жертвою любопытства, и успѣлъ составить себѣ колоссальную славу, вылѣчивъ нѣсколькихъ больныхъ. На два дня пути отъ Тужурры возвышаются горы Дебенетъ, волканическаго

Digitized by Google

происхожденія; вершина ихъ состоитъ изъ первозданныхъ скалъ. Господинъ Роше, къ сожалѣнію, не имѣлъ при себѣ барометра, и потому не могъ измѣрить высоты. Въ горахъ водятся барсы, два вида лисицъ, и антилопы. Самое примѣчательное изъ растительнаго царства есть ядовитое дерево, называемое *сумми:* толщиною оно съ европейскій дубъ, кора шаршавая красноватаго цвѣта, листья имѣютъ эллиптическую форму и походятъ нѣсколько на листья лавровыя, только съ зеленью немного посвѣтлѣе. Если верблюдъ наѣстся этихъ листьевъ, то умираетъ черезъ десять минутъ въ ужасныхъ судорогахъ. Бедуины выдѣлываютъ изъ сока этого дерева ядъ, которымъ обмазываютъ свои стрѣлы.

Изъ сорока трехъ термометрическихъ наблюденій, произведенныхъ господиномъ Роше въ Тужуррѣ, отъ 8 Іюня по 3 Августа, видно, что средняя температура здѣсь, въ это время, отъ девяти часовъ утра до полудня, была въ $26^{37}/_{100}$ Реомюра (32,75 стоградуснаго термометра), а отъ полудня до трехъ часовъ — въ $33^{17}/_{100}$ Реомюра (41,59 ст.). Наибольшій жаръ доходилъ до 48 градусовъ, по Реомюру.

Дорога изъ Тужурры во владѣніе Шоа идетъ въ юго-юго-западномъ направленіи, — сначала по песчаной долинѣ, ограничиваемой на сѣверѣ цѣпью безплодныхъ каменистыхъ горъ, и на югъ моремъ; потомъ дѣлается она каменистою, и представляетъ значительныя массы трахита, базальта и таммита; далѣе она пролегаетъ между утесистыхъ горъ и угасшихъ волкановъ. Пласты лавы, отъ трехъ до четырехъ футовъ толщиною, покрываютъ землю; они наполнены небольшими кристаллами полеваго шпата различныхъ цвѣтовъ. На берегахъ солянаго озера, лежащаго на этомъ пути, верстъ въ сорокъ окружностію, обступившія его скалы покрыты, около пятидесяти футовъ выше уровня воды, бѣлыми полосами хлористаго натрія: крайняя черта показываетъ высоту, какой достигали нѣкогда

Digitized by Google

воды озера. Все показываетъ, что оно образовалось среди волканическаго переворота, который поднялъ его бока и прервалъ его сообщеніе съ моремъ; съ тѣхъ поръ оно испарилось до нынѣшняго своего уровня. Это озеро составляетъ богатство страны Адель: жители нагружаютъ его солью горбы своихъ верблюдовъ, и везутъ въ Абиссинію, гдѣ получаютъ за нее невольниковъ, кофе, слоновую кость, и другіе товары. Другое озеро, прѣсное, находится близъ Аусы, главнаго города Адели. Оно наводняетъ страну, подобно Нилу, и воды его оставляютъ послѣ себя плодоносный илъ. На случай слишкомъ большаго возвышенія водъ устроены плотины. Ауса осталась къ сѣверу отъ пути, котораго держался нашъ путешественникъ. По свѣдѣніямъ, которыя онъ собралъ объ этомъ городѣ, въ немъ отъ 1400 до 1500 мазанокъ и отъ пяти до шести тысячъ жителей; они всѣ земледѣльцы или купцы. Окрестности Аусы весьма плодородны и доставляютъ дурру на все народонаселеніе Адели.

Въ лощинахъ путешественникъ встрѣтилъ нѣсколько ключей горячей воды: жаръ ихъ простирался отъ 47 до 72 градусовъ Реомюра.

Наконецъ видъ страны, на время, измѣнился.

«Я спустился, говоритъ господинъ Роше, въ обширную долину, которая представила моимъ взорамъ богатое прозябеніе, — зрѣлище для меня новое и неожиданное среди страны, гдѣ въ теченіе болѣе пятидесяти дней я встрѣчалъ только безплодіе: при видѣ густой зелени, ее покрывавшей, тысячи деревцовъ, возвышавшихъ свои красивые стволы, и многихъ большихъ деревьевъ, разбросанныхъ по полямъ, мнѣ казалось, будто вижу великолѣпные луга Ломбардіи. Эта равнина простирается по крайней мѣрѣ отъ 60 до 80 льё (отъ 240 до 320 верстъ). Почва ея состоитъ изъ глины и кремнезема, и годна для всякаго рода произрастеній: индиго fera hirsuta распускается здѣсь прекрасно; кофе, хлоп-

Digitized by Google

чатникъ, сахарный тростникъ, могли бы также расти здѣсь; но такова лѣность и безпечность Бедуиновъ, что нѣтъ ни клочка этой долины, которая бы была обработана. Долина ограничивается къ сѣверу горами, въ которыхъ обитаетъ поколѣніе Хасенъ-Марасъ или Модейто, а на югѣ живетъ поколѣніе Галла-Иту-Чирчиръ; у нихъ много плантацій кофе, который они вывозятъ въ страны Шоа и Харраръ. Сегодня видѣлъ я на равнинѣ одиннадцать слоновъ прекраснаго роста; они спокойно паслись, но убѣжали при нашемъ приближеніи. Я былъ изумленъ быстротою, съ какою они бѣжали; я думаю, что никакая лошадь не въ состояніи догнать ихъ. И не удивительно ли видѣть эти огромныя массы движущимися съ такою скоростію! Слѣды ихъ очень примѣчательны: они идутъ по прямой линіи и представляютъ рядъ круглыхъ ямъ, отъ двухъ до трехъ футовъ въ окружности и отъ пяти до шести глубины; вы подумаете, что это ямки, выкопанныя земледѣльцемъ, чтобы садить деревья. Онѣ отстоятъ на одинъ футъ одна отъ другой. Гдѣ слоны ложились, тамъ земля значительно подалась подъ ихъ тяжестію. Я видѣлъ также трехъ зебровъ, множество дикихъ слоновъ, кабановъ, сернъ, зайцевъ, пять строусовъ, зеленыхъ голубей абиссинскихъ, и прочая.»

На оконечности долины течетъ рѣчка Ауашъ; берега ея состоятъ изъ лавы. «Я видѣлъ Везувій, Стромболи и Этну,» говоритъ господинъ Роше: «количество лавы всѣхъ этихъ волкановъ вмѣстѣ, не можетъ сравниться съ тѣмъ, что было у меня передъ глазами.» Вблизи есть нѣсколько угасшихъ волкановъ, имѣющихъ форму усѣченнаго конуса. Вода Ауаша очень вкусна; окрестности плодородны, но наполнены львами, леопардами, барсами, волко-тиграми, слонами, гиппопотамами, и другими звѣрями: прекрасныя мѣста для любителей хорошей охоты! Черезъ рѣку караванъ переправлялся вплавь.

Digitized by Google

Арабы поколѣнія Модейто — самые свирѣпые въ этой странѣ. Незадолго до нашего путешественника они ограбили караванъ въ шестьдесятъ верблюдовъ и умертвили 43 человѣка. Что они не напали на караванъ господина Рошѐ, должно приписать страху огнестрѣльнаго оружія, которое пріобрѣло путнику грозную извѣстность во всей Адели. «Не можете себѣ представить ужаса, въ который повергаетъ Бедуиновъ внутренности Адели одинъ пистолетный выстрѣлъ!» говоритъ путешественникъ. Зрительная труба его внушала имъ не менѣе удивленія: чтобъ не трогали и не портили ее, онъ увѣрилъ ихъ, что она — орудіе, еще смертельнѣе пистолета.

Послѣ пятидесяти семи дней пути, господинъ Роше прибылъ въ Эфатъ-Аргубу, первую область государства Шоа, пройдя поперегъ, на протяженіи около пятисотъ верстъ отъ Тужурры, всю страну, называемую географами «королевствомъ Адель». Народонаселеніе ея, состоящее изъ жителей двухъ приморскихъ деревень, Тужурры и Амбабо, и кочевыхъ Бедуиновъ, которые носятъ родовое названіе *Данакиль* *, простирается отъ 60 до 70 тысячъ душъ. Восемь главныхъ родовъ этого поколѣнія называются: Адъ-Али, Асуба, Дебенетъ, Дебенетъ-Буэма, Денисерра, Ашмали, Такэхидъ и Хасенъ-Марасъ, или Модейто. Мы уже говорили о характерѣ жителей Тужурры; приведемъ въ дополненіе этнографическаго очерка этой страны собственныя слова автора.

«Жители Тужурры набожны до изувѣрства; они въ точности выполняютъ предписанія Корана, и пять разъ въ день занимаются молитвами. Начальники поощряютъ ханжество, для собственныхъ выгодъ. Понятно впро-

* *Данакиль* есть арабское множественное число отъ единственнаго *Данкаль*. Подъ названіемъ «государство *Данкаль*» извѣстенъ былъ прежде нынѣшній адельскій берегъ Африки.

Digitized by Google

чемъ, что ревность мусульманская поддерживается и укрѣпляется у нихъ отъ частыхъ сношеній съ Аравитянами, самыми жаркими фанатиками исламизма. Тужурцы чрезвычайно жадны: иноземецъ, кто бы онъ ни былъ, христіанинъ или мусульманинъ, появясь въ хатѣ Тужурца, не смѣетъ переселиться къ другому отъ своего хозяина, хотя бы тотъ его до-чиста грабилъ. Уже таково условіе между всѣми Данакильцами, что гость долженъ до-конца быть подъ кровомъ своего хозяина; если онъ захочетъ отъ него переселиться, то не найдетъ нигдѣ пристанища; тотъ, кто принялъ странника, имѣетъ привилегію заботиться объ его нуждахъ и удовлетворять имъ — за довольно высокую цѣну. Онъ долженъ доставать для него верблюдовъ, проводниковъ, и пользуется отъ него правомъ пошлиннаго сбора. Если странникъ будетъ не-слишкомъ довѣрять цѣнѣ его услугъ и издержекъ, Тужурецъ или Амбабецъ не пожалѣетъ ни лжи, ни угрозъ, для полученія требуемой суммы. Султанъ, у котораго я остановился, требовалъ отъ меня триста талари* пошлины и за стоянку, упорствовалъ нѣсколько дней, а кончилось тѣмъ, что я уплатилъ ему только восемь талари, и то въ теченіе двухъ мѣсяцовъ своего пребыванія въ его жилищѣ. Проводнику моему также я далъ пять талари, несмотря на то, что онъ запрашивалъ вдесятеро.»

«Бедуины Адъ-Али и Асуба вообще чернаго цвѣта, роста средняго, съ открытымъ лбомъ и курчавыми волосами; подобно большей части Данакильцевъ, они не соблюдаютъ закона Корана. Они склонны къ воровству; но никогда не пріобрѣтаютъ цѣною убійствъ предметовъ, которые польстили ихъ жадности.»

«Бедуины рода Дебенетъ — чернаго и мѣднаго цвѣта, прекраснаго роста, съ широкимъ и высокимъ лбомъ, обыкновеннымъ, не плоскимъ носомъ; также не ува-

* Около полуторы тысячи рублей ассигнаціями.

Digitized by Google

жаютъ Корана и даже смѣются надъ тѣми, которые творятъ молитву; они склонны къ воровству, подобно Адъ-Алійцамъ. Однажды, говоря съ расомъ (старшиною) Лоэта объ этомъ порокѣ его земляковъ, я прибавилъ, что «если воръ приблизится къ моему каравану, то я убью его изъ ружья.» На это напомнилъ онъ мнѣ данакильскій законъ, который требуетъ крови за кровь, и прибавилъ: «Если причинишь смерть Данакильцу, то я самъ не могу избавить тебя отъ мести родственниковъ; а между тѣмъ, хоть бы у тебя что̀ и украли, я тотчасъ отыщу и возвращу....»

«Бедуины родовъ Дебенетъ-Буэма и Такахидъ преданы воровству и разбою. Родъ Сомали, иначе Иса, живутъ въ горахъ, лежащихъ на югѣ земли Адель; они высокаго роста, съ носомъ почти орлинымъ, большимъ лбомъ, правильными и умными чертами лица. Одаренные пылкою храбростію, они любятъ битвы, и ловкость ихъ въ метаніи стрѣлъ даетъ имъ превосходство надъ сосѣдями, которые страшатся ихъ...»

«Одежда у всѣхъ Данакильцевъ одинакова: кусокъ бумажной матеріи, подпоясанный ремнемъ, за которымъ заткнутъ ножъ или кинжалъ, и плащъ изъ той же матеріи, въ который они закутываются. Щитъ изъ буйволовой кожи, ножъ-кинжалъ и копье — вотъ ихъ оборонительное и наступательное оружіе. Безъ него они ни шагу не сдѣлаютъ. Бороды они не имѣютъ, никогда не покрываютъ себѣ головы, и носятъ на ногахъ сандаліи.»

«Пустынная и безплодная страна пріучила ихъ къ чрезвычайной воздержности. Все богатство ихъ состоитъ въ стадахъ.... Вообще Бедуины страны Адель не дѣлаютъ становъ въ мѣстахъ, гдѣ останавливаются. Палатка есть роскошь, имъ неизвѣстная. Если хотятъ они защитить себя отъ солнца или дождя, то избираютъ для стоянки горное ущелье или оврагъ, и окружаютъ себя грудою каменьевъ.»

Digitized by Google

«Вообще Данакильцы — люди посредственнаго ума; они живы, легки, веселаго нрава; владѣютъ удивительно своимъ копьемъ. Скудость ихъ потребностей и бѣдность страны дѣлаютъ для нихъ невозможными всѣ искусства и ремесла: они не умѣютъ даже дѣлать для себя копьевъ и кинжаловъ, которые привозятъ имъ изъ Аусы, Шоа, Тужурры и Барбары. Жизнь ихъ чисто пастушеская: надобно приписать ихъ лѣности то, что они не вздумаютъ обработывать землю, которая бы отплатила имъ за труды большими выгодами. Подобно Бедуинамъ египетскимъ, Данакильцы одарены необыкновеннымъ зрѣніемъ; часто я едва могъ разсмотрѣть въ зрительную трубу предметъ, который они ясно видѣли простыми глазами.»

«Женщины адельскія такъ же хорошо сложены, какъ и мужчины: вообще онѣ красивы, стройны, съ правильными чертами лица и черными глазами необыкновеннаго блеска. Когда нѣжная улыбка раскрываетъ ихъ розовыя и правильныя уста (губы у нихъ вовсе не толстыя и невыдавшіяся, какъ у негровъ), вы видите рядъ необыкновенной бѣлизны зубовъ. Физіономія ихъ вообще миловидна и одушевлена живостію; длинныя ихъ волосы, которыя онѣ искусно заплетаютъ во множество косичекъ, спускаются по плечамъ до пояса.»

«Всѣ жители государства Адель говорятъ однимъ языкомъ, отличнымъ отъ арабскаго, амгарскаго, ееіопскаго и галла, но приближающимся наиболѣе къ послѣднему: это единство языка и служитъ главнымъ звѣномъ ихъ національности. Откуда же пришло это кочевое племя, которое, по физическимъ качествамъ, невозможно причислить къ семейству черныхъ, и которое, по правильности чертъ, принадлежитъ къ племени кавказскому? Достовѣрно нельзя ничего сказать, по недостатку данныхъ: приведу только свидѣтельство тужурскаго кадія, который говорилъ мнѣ, что, по народному преданію, Данакильцы пришли изъ Аравіи.»

Digitized by Google

Мы позволимъ себѣ, при всемъ уваженіи къ тщурскому кадію, замѣтить слабость исторической части сочиненія господина Роше. Удовлетворительный во всѣхъ отношеніяхъ, когда идетъ дѣло о природѣ и нынѣшнемъ состояніи страны, авторъ показываетъ нерѣдко незнаніе очень извѣстныхъ данныхъ африканской исторіи. Онъ, напримѣръ, нигдѣ не упоминаетъ о прежнемъ государствѣ Данакильцевъ, *Данкили*, хотя о немъ есть много любопытнаго въ путешествіяхъ Сольта и Бруса; и, говоря о мѣстныхъ нарѣчіяхъ, часто впадаетъ въ ошибки, по незнанію арабскаго языка.

«Никакой посторонній народъ не имѣлъ вліянія на жителей Адели; бѣдность страны была лучшею ихъ защитою отъ чуждаго владычества. Они уважаютъ и страшатся владѣтеля государства Шоа, Сахле-Саласи, котораго считаютъ чрезвычайно сильнымъ, и съ владѣніемъ котораго они имѣютъ торговыя сношенія. Въ послѣднее время дошла до нихъ слава вице-короля египетскаго, Мехеммеда-Али-Паши. Они слыхали еще о существованіи султана константинопольскаго, а болѣе никого не знаютъ.»

Не безъ особенной радости увидѣлъ господинъ Роше первую деревню земли Шоа, Тіанну, лежащую въ долинѣ того же имени. Italiam, Italiam! готовъ онъ былъ воскликнуть въ восторгѣ, подобно карѳагенскимъ воинамъ, которымъ съ вершины Альпов[illegible] Аннибалъ указалъ роскошныя долины Италіи. И здѣсь, послѣ долгаго странствованія по безплодной пустынѣ, нашъ путешественникъ не съ меньшимъ восторгомъ, чѣмъ Аннибаловы воины, увидѣлъ свою обѣтованную землю. Живописные виды, роскошное прозябеніе, обработка полей, осѣдлыя жилища, гостепріимство, заставили его забыть претерпѣнные труды. Тіанну есть селеніе съ пятью или шестью стами жителей, мусульманъ и христіанъ, которые живутъ между собой въ мирѣ. Вообще всѣ владѣнія Шоа пользуются большою вѣротерпи-

Digitized by Google

мостію: христіане, язычники и поклонники Магомета пользуются тамъ одинаковыми правами.

Правитель области объявилъ путешественнику, что онъ, по принятому въ странѣ обычаю, долженъ быть представленъ царю. Они отправились; миновали городокъ Алею-Амба, городъ Анголола, недавно построенный и вмѣстѣ съ Ангобаромъ раздѣляющій честь резиденціи, и наконецъ прибыли въ Ангобаръ, гдѣ находился владыка шоаскій.

«Жилище царское состоитъ изъ нѣсколькихъ мазанокъ *, построенныхъ на высотѣ холма, и отличается отъ обывательскихъ только своей величиною. Три большихъ двора, окруженные высокими палисадами, служатъ оградою; они наполнены были солдатами и разными людьми, которымъ царь хотѣлъ, вѣроятно, доставить случай быть свидѣтелями аудіенціи **. Я прошелъ черезъ эту толпу, которая, при видѣ моемъ, показала знаки любопытства и удивленія. Когда дошелъ я до конца третьяго двора, меня остановили, чтобы доложить обо мнѣ царю. Одинъ изъ главныхъ вельможъ вышелъ вскорѣ, чтобы ввести меня; я вступилъ съ нимъ въ обширный покой, почти совершенно круглый, среди котораго, на правой сторонѣ отъ входа, сидѣлъ на престолѣ владыка, окруженный тремя стами человѣкъ; по-крайней-мѣрѣ двѣсти изъ нихъ держали

* Мы употребляемъ всюдѣ слово *мазанка* вмѣсто *домъ*, какъ у господина Роше, единственное приличное жилищамъ жителей страны Шоа, а слово «домъ» даетъ, по нашему мнѣнію, ложное понятіе о лачугѣ Африканцевъ. Это не иное что̀, какъ мазанка съ конусообразнымъ верхомъ; стѣны этихъ «домовъ» — родъ плетня, замазаннаго извнутри глиною, безъ оконъ, безъ дверей. Единственная дверь есть входъ—просѣка въ этомъ плетнѣ, отъ вершины конуса до его основанія.

** Скорѣе, кажется, царь собралъ ихъ для того, чтобы показать себя французскому путешественнику во всемъ блескѣ и могуществѣ.

Digitized by Google

въ рукахъ факелы, разливавшія потоки свѣта по зданію: я былъ ослѣпленъ. Челядь эта, молчаніемъ своимъ, показывала уваженіе, внушаемое ей царскимъ присутствіемъ; она держалась въ отдаленіи отъ государя, и дала мнѣ проходъ къ нему, когда я вошелъ.»

«Царь приподнялся, пожалъ мнѣ руки, и съ перваго раза внушилъ мнѣ довѣріе къ себѣ. Сахле-Саласи (это его имя) имѣетъ около сорока пяти лѣтъ отъ роду; онъ высокъ и строенъ; доброта характера начертана на лицѣ его. Черты его правильны; жаль только, что глазная болѣзнь лишила его лѣваго глаза. Прекрасные, черные волосы вьются въ тысячѣ локонахъ на головѣ его. Онъ драпированъ по-римски, въ кусокъ бумажной матеріи, чрезвычайной бѣлизны, съ красными полосами; этотъ античный костюмъ благородно гармонируетъ съ его величественною фигурою.....»

«Онъ разспрашивалъ меня о Франціи, ея королѣ, государственномъ устройствѣ, войнѣ и доходахъ. Онъ особенно любопытствовалъ знать о нашихъ механическихъ искусствахъ. Въ продолженіе часа, онъ коснулся тысячи занимавшихъ его вопросовъ, и наконецъ сказалъ: «Тебя проводятъ въ жилище, которое я тебѣ назначилъ; «тамъ найдешь себѣ отдыхъ.» Восемь челядинцевъ, съ зажженными факелами, предшествовали мнѣ въ новое жилище. Оно похоже было на царское. Полъ покрытъ былъ свѣжими, только-что скошенными травами; множество щитовъ изъ гиппопотамовыхъ кожъ, фута полтора въ діаметрѣ и съ серебряными накладками, составляли украшеніе стѣнъ; посреди, на большомъ столѣ изъ ивъ, фута въ два вышиною, расположено было пять кушаньевъ изъ мясъ, различно приготовленныхъ, два сосуда съ прекраснымъ медомъ, корзина съ ароматическими бананами и корзина съ хлѣбомъ. Близъ стола разложенъ былъ огонь въ желѣзномъ треножникѣ...»

На другой день, часовъ въ шесть утра, извѣстили, что царь желаетъ говорить съ своимъ гостемъ. Госпо-

Digitized by Google

динъ Роше отправился немедленно. Владыка шоаскій продолжалъ распрашивать его по вчерашнему, и бесѣда ихъ длилась цѣлые три часа. Въ заключеніе путешественникъ предложилъ высокому хозяину нѣсколько подарковъ, двухствольное ружье, пистолетъ и саблю, которыми тотъ остался весьма доволенъ. Царь отдарилъ его лошадьми. Намѣреваясь совершить поѣздку по своимъ владѣніямъ, Сахле-Саласи пригласилъ съ собою господина Роше, который, разумѣется, съ радостію воспользовался такимъ прекраснымъ случаемъ обозрѣть страну. Они вскорѣ отправились изъ Ангололы къ берегамъ Нила, — такъ называемаго Синяго Нила.

Анголола есть городъ, недавно построенный Сахле-Саласіемъ; въ немъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ жителей амгарскаго племени. Мазанки разбросаны на двухъ небольшихъ холмахъ, которые возвышаются среди прекрасныхъ луговъ, усѣянныхъ холмиками. Множество ручьевъ орошаютъ долину и поддерживаютъ ея богатую зелень. На поверхности этихъ потоковъ натуралистъ замѣтилъ безчисленное множество водяныхъ птицъ, которыя мирно живутъ съ людьми на своей стихіи; онъ отличилъ между нихъ tantalus ibis, facinellus ibis, священный ибисъ древнихъ Египтянъ, гусей и утокъ различныхъ видовъ.

Былъ уже Октябрь мѣсяцъ; рано утромъ луга подернулись бѣлою пеленою, слѣдствіемъ мороза, а берега ручьевъ представляли тонкій слой льду, отъ 1½ до 2 линій толщины, который исчезалъ въ полдень. Эти морозы продолжались отъ 12 до 14 дней въ году. Снѣга въ Абиссиніи не знаютъ, даже на самыхъ высокихъ горахъ. По метеорологическимъ наблюденіямъ господина Роше въ Ангололѣ, въ теченіе семнадцати дней Октября, средняя температура была: въ 6 часовъ утра $^{11}/_{17}$ Реомюра ниже точки замерзанія (—0,82 ст.), отъ 9 часовъ до часу $11^{45}/_{100}$ Реомюра тепла (14,3 ст.); въ теченіе Ноября средняя температура показыва-

Digitized by Google

ла: въ 9 часовъ утра $12^{7}/_{10}$ тепла по Реомюру, отъ 9 до 3 часовъ $18^{23}/_{100}$ Реомюра.

Походъ царя былъ блестящій. Онъ окруженъ былъ всею своею свитою и сопровождался двадцати-тысячною арміею. Въ числѣ войска, небольшая лошадь несла на себѣ, въ корзинѣ, накрытой краснымъ сукномъ, священныя книги трехъ церквей Ангобара. Подъ защитою ихъ шла армія. Она направила путь къ сѣверо-западу. Синій Нилъ (въ разстояніи 170 верстъ отъ Ангололы) составляетъ пограничную черту шоаскихъ владѣній, съ владѣніемъ Гондаръ. На пути они встрѣчали различныя поколѣнія Галла, и царь, по патріархальному обычаю, творилъ судъ и расправу. Два монастыря, Деврe-Либаносъ и Сене-Маркосъ (святаго Марка) остановили армію, которая вмѣстѣ съ царемъ совершила въ нихъ молебствія. Коренные жители Абиссиніи, Амгарцы (*Амгарра*) — всѣ христіане, подобно Коптамъ; они принадлежатъ къ такъ-называемой абиссинской церкви, и суть послѣдователи древнихъ монофизитовъ. Отъ не-христіанскихъ жителей они отличаются синею лентой съ крестомъ на шеѣ.

Вскорѣ царь предпринялъ другую поѣздку, въ Ангобаръ, и господинъ Роше слѣдовалъ за нимъ.

«Ангобаръ занимаетъ вершину и восточный скатъ горъ, волканическаго происхожденія, которыя идутъ отъ сѣвера къ югу. Множество его мазанокъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ, окруженныхъ каждая небольшимъ садикомъ, представляютъ одинъ изъ живописнѣйшихъ амфитеатровъ, какіе только существуютъ. Народонаселеніе доходитъ отъ девяти до десяти тысячъ жителей.»

Средняя температура показывала въ теченіе Декабря и Января мѣсяцевъ: въ девять часовъ утра $11^{19}/_{81}$ Р. выше точки замерзанія; отъ 9 до трехъ часовъ $20^{40}/_{100}$ Реомюра.

Господинъ Роше оказалъ три важныя услуги царю шоаскому: научилъ его молоть порохъ, выдѣлывать сахаръ изъ тростника, и открылъ близъ селенія Тіанну копь

Digitized by Google

каменнаго угля. Сахле-Саласи, въ награду, хотѣлъ выдать за него свою родственницу.

Утомительно было бы слѣдовать за всѣми поѣздками, совершеннымъ господиномъ Роше, въ разныхъ направленіяхъ, по владѣнію Шоа. Мы представимъ только общій географическій очеркъ этой страны, по его наблюденіямъ, которыя во многомъ могутъ пополнить и исправить статью объ этой части Африки въ знаменитомъ твореніи Риттера (Erdkunde, I Band, Afrika).

Области, принадлежащія царю шоаскому, образуютъ страну, имѣющую форму круга, верстъ триста въ діаметрѣ. Она окружена: съ сѣвера, государствомъ Гондаръ, съ юго-запада государствомъ Джиниджиро и областью Каффа, съ запада Ниломъ, съ юга горами, обитаемыми поколѣніями Аруси и Иту-Галла, съ востока страною Адель. Пять цѣпей горъ въ разныхъ направленіяхъ прорѣзываютъ страну. Нилъ течетъ на западной границѣ только на протяженіи ста съ небольшимъ верстъ; но въ него впадаютъ рѣки Роби-Уанзъ и Могеръ-Уанзъ, орошающія западную половину страны. *Уанзъ* значитъ «рѣка» *. Самая большая рѣка есть Ауашъ, которая изливаетъ свои воды въ озеро Ауса, о которомъ мы уже говорили. Горы вообще первозданной формаціи; но въ восточной части, сосѣдней съ страною Адель, видны доселѣ слѣды волканическаго дѣйствія. Верстахъ въ осмидесяти на востокъ отъ Ангобара до сихъ поръ еще курится волканъ; онъ называется Дофанъ. Въ окружности много горячихъ ключей.

Относительно различія въ народонаселеніи, владѣніе Шоа замѣтно раздѣляется на три части: на отлогостяхъ восточной горной цѣпи, къ сторонѣ Адели, живутъ му-

* Было много предположеній о значеніи слова *оазисъ*, которое относили къ корнямъ разныхъ языковъ, и вѣроятнѣйшимъ считалось произведеніе *оазиса* отъ *уади* или *уази*, которое по-арабски означаетъ рѣку и долину, по которой она течетъ. Теперь можно производить это слово и отъ амгарскаго *уанзъ*.

Digitized by Google

сульманс; за Ангобаромъ христіане; далѣе къ западу, поколѣнія Галла. Полоса земли, отъ границы владѣнія Шоа и десять верстъ къ западу отъ Ангобара, есть область Эфатъ или Аргуба, или Эфатъ-Аргуба, какъ называетъ ее господинъ Роше, соединяя оба названія, которыя безразлично придаютъ этой области Данакильцы. Отъ Эфатъ-Аргубы за монастырь Сене-Маркосъ (святаго Марка) простирается область Амгарра; за нею къ западу находятся жилища разныхъ поколѣній Галла. Всѣхъ жителей въ государствѣ Шоа господинъ Роше считаетъ до полутора милліона душъ. *Негусъ* (царь) шоаскій пользуется неограниченною властью, которую ему и необходимо имѣть, чтобы держать въ рукахъ три разноплеменные и разновѣрные народа, образующіе государство Шоа. Онъ выбираетъ себѣ изъ народа правителей и другихъ сановниковъ, которые, если лишатся мѣста, опять сливаются съ массой народа. Христіанское духовенство между Амгарцами, и шейхи между мусульманами, пользуются большимъ вліяніемъ.

Абиссинцы составляютъ красивое племя. Мужчины вообще высокаго роста и сильнаго сложенія; большіе черные глаза оживляютъ ихъ бронзовое, почти черное, лицо; физіономія ихъ выразительна и носитъ на себѣ отпечатокъ доброты. Женщины раздѣляютъ физическіе дары своего племени, и, не смотря на свой цвѣтъ, многія изъ нихъ и въ Европѣ остались бы красавицами.

Древность превозносила хвалами предковъ Абиссинцевъ: Гомеръ называетъ Еѳіоповъ «безпорочными» (Il. I, 423); Діодоръ Сицилійскій «мудрыми и добродѣтельными». Господинъ Роше готовъ придать эти древніе эпитеты и нынѣшнимъ обитателямъ владѣнія Шоа.

«Потомки Еѳіоплянъ не развратились съ тѣхъ поръ», говоритъ онъ. «Абиссинецъ скорѣе тихъ, нежели пылокъ; онъ вообще разсудителенъ; всѣ его пріемы дышатъ изысканною учтивостію, такъ что Амгарецъ высокаго званія могъ бы красоваться въ любомъ евро-

Digitized by Google

пейскомъ обществѣ. Это природное отличіе уже показываетъ мѣсто, какое онъ занимаетъ въ лѣствицѣ просвѣщенія. Онъ далеко выше варваровъ, которыхъ грубые нравы показываютъ черствое сердце и необразованный умъ. Онъ окружаетъ начала своего народа древнѣйшими преданіями міра; выводитъ его родословіе изъ временъ библейскихъ, и достоинствомъ своего характера поддерживаетъ національную гордость. Онъ сохранилъ многое отъ этого простаго природнаго ума, свойственнаго глубокой древности. Христіанство коснулось его, и еще болѣе возвысило его надъ дикими фетишистами, которые его окружали. Однимъ словомъ, народъ абиссинскій представляетъ, въ нынѣшнемъ своемъ положеніи, одно изъ явленій, которыя наиболѣе должны обращать на себя вниманіе философа, изучающаго судьбы ума человѣческаго.»

Въ самомъ дѣлѣ, государство Шоа представляетъ теперь любопытную картину простоты нравовъ и гражданственности, сохранившихся въ продолженіе тысячелѣтія. Христіанство, пролившее свѣтъ на Еѳіопію изъ пустынь Ѳиваиды, ввело эту страну въ сношенія съ восточною римскою имперіею. Просвѣщеніе Европы начало приносить плоды; священныя книги были переведены на народный языкъ и положили основаніе свѣтской литературѣ *, — какъ вдругъ успѣхи новой религіи, фа-

* Священное Писаніе переведено на такъ называемый книжный еѳіопскій, или гизскій языкъ, принадлежащій къ семитическому колѣну (куда относятся еврейскій, арабскій, халдейскій, сирійскій). Теперь не многіе Африканцы, даже изъ духовенства, его понимаютъ. Нынѣшній разговорный языкъ во всей странѣ Шоа есть амгарскій, который началъ входить въ употребленіе около 1300 года, когда царь Икомъ-Амлакъ перенесъ столицу Еѳіопіи изъ Аксама въ нынѣшнюю Амгару (область государства Шоа): онъ окружалъ себя Амгарцами, любилъ ихъ языкъ, и ввелъ его при дворѣ, отчего и назвали его *лесана-негусъ*, «царскимъ языкомъ». Господинъ Роше приложилъ къ своему путешествію небольшое со-

Digitized by Google

натически охватившей менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе, все сѣверо-африканское поморіе, отъ Аравіи до Гибралтарскаго пролива, отрѣзало христіанскую Еѳіопію отъ Европы, окружило ее поклонниками Магомета, но не могло истребить въ ней христіанскаго ученія. Нѣтъ сомнѣнія, что нравственное развитіе Амгарцевъ, не угасшее въ теченіе десяти столѣтій, можетъ принести новые утѣшительные плоды при болѣе частыхъ сношеніяхъ съ Европейцами.

П. С.

браніе амгарскихъ, галласкихъ и арабскихъ словъ, употребляемыхъ жителями Шоа: это послужитъ полезнымъ дополненіемъ къ Сборнику амгарскихъ словъ, напечатанному въ путешествіи господина Сольта (Solt).

Digitized by Google

Отдѣленіе VI.

Критика.

—

Нѣсколько словъ о томъ, пишутъ ли Сербы буквами своего изобрѣтенія? *Сочиненіе* Дмитрія Тирола, *дѣйствительнаго члена Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1841, въ городской тип.*, 8 стр. въ-8.

Болгарскія книжники, *или какому славянскому племени принадлежитъ кирилловская азбука? Сочиненіе* Василія Априлова. — *Одесса, 1841, въ городской тип., 22 стр. въ-12.*

Одесса, этотъ второй Петербургъ, отъ времени до времени даритъ насъ очень замѣчательными произведеніями. Небогатая количествомъ ихъ, она смѣло можетъ гордиться ихъ качествомъ. Не говоря о многихъ замѣчательныхъ переводахъ съ итальянскаго, (напримѣръ, Сильвіо Пеллико,) она можетъ указать на свои прекрасные *Альманахи* и *Календари*, * на *Исторію Новороссійскаго Края* и другія сочиненія Скаль-

* Новороссійскій календарь дѣйствительно есть образецъ для всѣхъ подобныхъ изданій: это полный сборникъ всѣхъ необходимѣйшихъ свѣдѣній, важнѣйшій матеріялъ для географіи и статистики того края. Какъ бы хорошо было имѣть такое же изданіе для Москвы и Петербурга.

Digitized by Google

ковскаго, на замѣчательную рѣчь В. В. Григорьева *Объ отношеніяхъ Россіи къ Востоку*, которая была переведена въ нѣмецкихъ газетахъ, на *Рѣчи* при открытіи тамошняго Историческаго Общества, и прочая. Направленіе литературы въ Одессѣ преимущественно — историческое. Оно обѣщаетъ принесть богатые плоды. Господинъ Скальковскій открытіемъ запорожскаго архива возсоздастъ для нашей исторіи быть этихъ воинственныхъ сыновъ древней Руси.* В. В. Григорьевъ объясняетъ монеты магометанскаго Востока, столь важныя для исторіи нашей торговли, которыя по мѣсту ихъ нахожденія могутъ означить пути нашей торговли съ азіатскими народами. Одесское Общество предположило издать въ переводѣ сводъ всѣхъ древнихъ извѣстій о новороссійскомъ краѣ, изъ которыхъ видно будетъ, при критической оцѣнкѣ и повѣркѣ мѣстностью, что эта по названію *Новая* Россія и въ древнѣйшія времена была русскою землею. Путешествіе Н. И. Надеждина по славянскимъ землямъ — надобно надѣяться — не долго будетъ лежать въ портфели почтеннаго автора: это рудникъ богатѣйшихъ свѣдѣній о нашихъ братьяхъ, единокровныхъ и единовѣрныхъ. А тѣ края, — надобно со стыдомъ признаться, — у насъ извѣстны немногимъ больше, чѣмъ внутренность Африки и Новой Голландіи. Приведемъ сейчасъ и доказательство, начавъ не съ высока, а хоть, напримѣръ, съ *азбуки*.

Предлагаемъ вопросъ: Какими буквами вы пишете? Какими буквами печатаются у насъ книги и журналы, хоть, напримѣръ, этотъ, который вы теперь читаете?

— Помилуйте, отвѣтятъ намъ: извѣстно, что *Греки* Кириллъ и Меѳодій, уроженцы города Солуня, выучившись по-славянски, перевели Библію на этотъ языкъ; но такъ-какъ онъ былъ имъ не-совсѣмъ извѣстенъ,

* Это сочиненіе уже печатается, сколько намъ извѣстно.

Digitized by Google

то Кириллъ и Меѳодій *изобрѣли* новый языкъ, взявъ въ основаніе древній сербскій, но *преобразили* его по греческимъ формамъ, *измѣнили*, *выдумали* слова, и даже буквы.

Но надобно замѣтить, что Сербовъ около Солуня нѣтъ и не было; какъ же могли выучиться Греки Кириллъ и Меѳодій такому языку, котораго не было и слышно въ окрестностяхъ Солуня? Относительно же *преображенія* языка по греческимъ формамъ замѣтимъ, что чѣмъ древнѣе переводы, тѣмъ они ближе къ славянскимъ чистымъ формамъ. Слѣдовательно, первоначальный переводъ, сколько можемъ судить по аналогіи и сравненію древнѣйшихъ рукописей, не могъ быть произведеніемъ Грека. Что же касается до *измѣненія* и *выдумки словъ*, то это просто ученая выдумка. Выдуманный языкъ съ новыми оборотами, словами, буквами, для кого бы былъ понятенъ? Попробуйте теперь выдумать подобный языкъ. Переведемъ по этой методѣ что-нибудь съ нѣмецкаго, напримѣръ, хоть изъ журнала, который тутъ у насъ, на столѣ. Der Gedanke kann nie ganz individuell werden; es liegt in seiner Natur, dass er sich im Worte verkörpern will, und das Wort gehört der menschlichen Gesellschaft, nicht dem Individuum an. Вотъ переводъ: «Мысль можетъ никогда совсѣмъ индивидуальна стать; это лежитъ въ ея натурѣ, что она себя въ словѣ отѣлесить хочетъ, и слово надлежитъ человѣческому обществу, не индивидууму при.» Тутъ еще не *выдумано* ни одного слова, ни одной буквы. А прибавьте къ этому такія выдумки и вставьте въ этотъ періодъ, то кто бы его понялъ?

Не только новый языкъ, но и одно вновь выдуманное слово не скоро введешь въ употребленіе, не скоро сдѣлаешь общепонятнымъ.

Языки преобразовываются и усовершаются вѣками, а не вдругъ, однимъ писателемъ или переводчикомъ. Часто самыя отчаянныя усилія на этомъ поприщѣ

Digitized by Google

остаются безуспѣшными. Живые примѣры передъ глазами. Недавно съ усердіемъ и непоколебимою твердостію стремились къ улучшеніямъ и нововведеніямъ, которыя бы не только измѣнили насъ, Русскихъ, отъ Петербурга до Оренбурга, но имѣли бы даже немаловажное вліяніе на всѣ герцогства просвѣщенной Германіи. Убѣждали насъ года три сряду, что мы не Петербургскіе, а Петербуржскіе жители, и что всѣ германскія герцогства, начиная отъ Мекленбургскаго до Саксенъ-Кобургскаго включительно, должны быть необходимо преобразованы въ герцожства Мекленбуржское, Саксенъ-Кобуржское, и такъ далѣе. Какой важный шагъ впередъ сдѣлали бы мы, если бы вняли тѣмъ же убѣжденіямъ и начали бы писать: ксожалѣнію, кнеудовольствію, кстыду, кобѣду, кужину и такъ далѣе, вбезконечность, ad infinitum. И что же? Петербургскіе остались Петербургскими, герцогства — герцогствами, все осталось по-прежнему, и сами защитники новой ореографіи наконецъ отказались отъ своихъ нововведеній.

Но мы удалились немножко отъ предмета. Рѣчь идетъ о сербскихъ буквахъ и болгарскихъ книжникахъ.

У насъ всѣ говорятъ и пишутъ, что буквы нашей гражданской азбуки изобрѣтены Петромъ Великимъ, который, учредивъ въ Москвѣ новую типографію, самъ образовалъ нынѣшній шрифтъ, примѣняя буквы въ очертаніи ихъ къ латинскимъ.

Но Петръ Великій приступилъ къ преобразованіямъ и нововведеніямъ не прежде, какъ по удаленіи Царевны Софіи отъ участія въ правленіи, а это было въ 1689 году.

Какимъ же чудомъ остались книги, *напечатанныя этими буквами за долго до 1689 года?* Видите ли, какъ невѣрны могутъ быть разсказы ученыхъ, не по-

Digitized by Google

вѣренные общею славянскою исторіею, и какъ она важна для основательности исторіи русской.

Одессѣ мы обязаны весьма важными и любопытными дополненіями для окончательнаго рѣшенія вопроса объ нашей азбукѣ. Ѳ. В. Булгаринъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предложилъ догадку, что Кириллъ и Меѳодій были не Греки, а Славяне. Теперь, послѣ изслѣдованій В. Е. Априлова, мы узнаемъ, что и до-сихъ-поръ въ Солунѣ и окружныхъ деревняхъ всюду славянское, болгарское народонаселеніе, говорящее чистымъ болгарскимъ языкомъ и называющее себя Болгарами. Если же нынѣшніе жители Солуня и его окрестностей чистые Болгары, по языку, произношенію, нравамъ и обычаямъ; то какимъ же образомъ предки ихъ при Кириллѣ и Меѳодіи могли быть Сербами? Если бы Кириллъ и Меѳодій въ самомъ дѣлѣ были Греками, то неужели они до такой степени могли изучить болгарскій языкъ, что свободно могли переводить на него Библію? Притомъ не забудьте, что Солунь тогда принадлежалъ опять имперіи, и отецъ Кирилла и Меѳодія, Леонъ, былъ знатнымъ сановникомъ; Греки считали всѣ языки, не исключая даже и латинскаго, варварскими; неужели же сталъ бы кто изъ знатныхъ сановниковъ учить дѣтей своихъ, языку побѣжденныхъ ими варваровъ? «Закоренѣлое самолюбіе Грековъ,» замѣчаетъ господинъ Априловъ, «сохранилось и въ продолженіе ихъ подданства Турціи, и господствуетъ между ними доселѣ. Пусть въ настоящее время укажутъ мнѣ въ Турціи хотя *одного* Грека (не Грекомана изъ Болгаръ, какими изобилуетъ европейская Турція), который бы зналъ совершенно болгарскій языкъ, или сталъ бы ему учиться. Изъ живущихъ въ Россіи Грековъ, гдѣ имъ необходимъ русскій языкъ, по ихъ сношеніямъ и торговлѣ, многіе ли учатъ ему своихъ дѣтей? Въ самыхъ Аѳинахъ, столицѣ новоосноваинаго Греческаго королевства, гдѣ заведены уже всѣ начальныя и высшія училища, донынѣ нѣтъ ка-

Digitized by Google

ѳедры русскаго языка, столь необходимаго для Грековъ по отношеніямъ ихъ къ покровительствующей имъ и такъ много уже сдѣлавшей для нихъ Россіи. По-этому, когда мы имѣемъ предъ глазами неоспоримыя доказательства отвращенія Грековъ отъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, столь нужныхъ и необходимыхъ нынѣ для нихъ, то можно ли допустить, чтобы при существованіи имперіи, мерцавшей еще кое-какимъ блескомъ, тогдашніе Греки захотѣли учиться по-болгарски?» Соображеніе всего этого приводитъ къ тому заключенію, что Кириллъ и Меѳодій назывались Римлянами *Ρωμαιοι*, единственно потому, что были подданными Восточной Римской имперіи, въ которой дѣйствительно множество Славянъ занимало важныя мѣста. Карамзинъ давно уже замѣтилъ это (т. I, стр. 140, прим. 328. Изд. втор.) Присоедините же сюда еще открытія Шафарика и О. М. Бодянскаго, и вы убѣдитесь, что *Библія переведена* не на сербскій, не на моравскій, а *на болгарскій языкъ*, и притомъ *природными Болгарами*, а не Греками.

Изъ брошюры господина Тирола мы узнаемъ, что *наша гражданская азбука заимствована нами отъ Сербовъ*, съ тѣмъ различіемъ, что Сербы имѣютъ, по свойству своего языка, двумя буквами болѣе. Такъ, напримѣръ, книга Посиловича «О наслажденіи духовномъ» напечатана этими гражданскими буквами въ Венеціи 1682 года. Русскіе бояре Петръ, Дмитрій и Ѳедоръ Голицыны, Иванъ Даниловичъ, Андрей Ивановичъ Репнинъ, Абрамъ Ѳедоровичъ Лопухинъ (братъ царицы), Владиміръ Шереметевъ, Борисъ Ивановичъ Куракинъ, Яковъ Ивановичъ Лобановъ, Григорій Бутурлинъ, Михаилъ Матюшкинъ и другіе, отправленные Петромъ Великимъ, въ Венецію *, познакомясь тамъ съ гражданскими серб-

* Они были отправлены и въ Перасто (Боко-Катаро) къ ученому дворянину Марку Мартиновичу, у котораго и обучались наукѣ мореплаванія.

Digitized by Google

скими буквами, принесли ихъ въ Россію, гдѣ Петръ Великій принялъ ихъ и ввелъ во всеобщее употребленіе. Наши ученые, совершенно закрывъ глаза отъ единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ Руси, думали найти всю премудрость единственно въ нѣмецкихъ книгахъ, и оттого впали въ самую странную ошибку относительно сербскихъ буквъ. Сербскій языкъ имѣетъ пять нарѣчій: черногорское, герцеговинское, ресавское, сремское и славонское **. Герцеговинское есть самое мягкое. Вукъ Стефановичъ Караджичъ измѣнилъ правописаніе *для Герцеговинцевъ;* нѣмецкіе журналы кричали въ похвалу этого правописанія, а наши вообразили, будтобы оно принято *всѣми Сербами.* Но вотъ послушайте, какъ думаетъ объ этомъ Сербъ: «Вукъ Стефановичъ Караджичъ хорошо сдѣлалъ, что измѣнилъ правописаніе для Герцеговинцевъ; но для прочихъ нарѣчій его правописаніе совершенно не годится, и Сербы *не хотятъ его принять, тѣмъ болѣе, что оно удаляетъ насъ отъ Русскихъ.* Сначала, господинъ Вукъ имѣлъ многихъ послѣдователей; когда же обнаружилось, что народъ недоволенъ правописаніемъ господина Вука, когда увидѣли *вредныя слѣдствія* вліянія его, то *оно было оставлено....* Сербы православнаго исповѣданія пишутъ и печатаютъ свои сочиненія гражданскими буквами, и, сколько возможно, употребляютъ орѳографію церковнаго языка, точно такъ же, какъ и Русскіе.»

Любопытная брошюра Д. П. Тирола написана въ слѣдствіе ошибочныхъ извѣстій одного изъ нашихъ журналовъ о Сербахъ; но такъ-какъ въ брошюрѣ, хотя и мимоходомъ, высказано было прежнее мнѣніе о солунскомъ монастырѣ, хотя авторъ и сомнѣвался уже въ грече-

** Славонскіе Сербы начали употреблять латинскія буквы только съ начала XVIII вѣка, по недостатку сербскихъ типографій, какъ доказалъ Славонецъ господинъ Брличъ, въ предисловіи къ своей грамматикѣ.

Digitized by Google

скомъ происхожденіи Кирилла; то В. Е. Априловъ и напечаталъ свое не менѣе любопытное изслѣдованіе, въ которомъ доказываетъ, что Кириллъ и Меѳодій были урожденные Болгары. Пріятно видѣть, какимъ искреннимъ, братскимъ чувствомъ проникнуты оба сочиненія къ Россіи. Въ лицѣ господъ Тирола и Априлова, пишущихъ по-русски, мы видимъ представителей чувствъ своихъ единородцевъ, Сербовъ и Болгаръ. «Мы Болгаре», пишетъ В. Е. Априловъ, «были первыми наставниками Сербовъ и потомъ Русскихъ, въ дѣлѣ грамотности, просвѣтили ихъ свѣтомъ истинной вѣры, и передали имъ Святое Писаніе на своемъ языкѣ, на которомъ всѣ мы и понынѣ славимъ Всевышняго. Греки были при всемъ этомъ только посредниками. Въ возмездіе за такія услуги, слабые потомки древнихъ Болгаръ просятъ теперь у могущественныхъ крестниковъ своихъ только *вниманія и участія*, къ возрождающейся литературѣ и къ успѣхамъ своимъ на поприщѣ образованія, долженствующимъ еще болѣе сблизить и тѣснѣе связать между собою эти двѣ вѣтви одного великаго корня.»

Наши, списанные съ натуры русскими. *Изданіе* Я. А. Исакова. *Санктпетербургъ. 1841 года. Пять выпусковъ, 40 стр. въ-4.*

Это изданіе вполнѣ оправдываетъ свое названіе *перваго русскаго роскошнаго изданія*. Хотя были и прежде подобныя изданія, но политипажи были выписываемы изъ-за границы, а для этой книжки большая часть рисунковъ изготовляются въ Россіи, потому она и имѣетъ право на названіе перваго русскаго роскошнаго изданія. Кому неизвѣстны «Англичане и Французы, ими самими нарисованные.» Имъ посчастливилось: они имѣли огромный успѣхъ. Какъ не пожелать и землякамъ *нашимъ* подобнаго успѣха. *Наши*, по изъясненію издателя, «должны представить возможно — вѣрные очерки русскихъ, природныхъ и заем-

Digitized by Google

«ныхъ, но уже усвоенныхъ, прочно укоренившихся «нравовъ, привычекъ, причудъ, странностей; въ нихъ «должны выразиться *мы*, съ нашимъ общественнымъ «устройствомъ, бытомъ, характеромъ, физіономіею, ка- «чествами и недостатками. Оригиналы берутся вездѣ; «въ каждомъ *очеркѣ* сосредоточивается все отличитель- «ное, составляющее аттрибуты касты или спеціально- «сти, къ которой онъ принадлежитъ. Кто прежде по- «пался подъ руку, тотъ прежде вносится въ этотъ сбор- «никъ. Дѣло въ томъ, чтобы читателю умному, ес- «ли не современному (который, при всемъ своемъ умѣ, «можетъ напасть на мысль, что намъ домашнее наше «извѣстно въ подробности, а потому читать *Нашихъ* не «для чего) — если не современному, говоримъ мы, то «будущему читателю, эта книга должна доставить ма- «теріялы не поддѣльные, а настоящіе, по природѣ ихъ, «качествамъ и обдѣлкѣ, — матеріялы, изъ которыхъ «бы онъ могъ самъ для себя воздвигнуть снова наше «общественное зданіе.»

Для сравненія, переведемъ сказанное въ предисловіи къ *Англичанамъ, ими самими нарисованнымъ*.

«Сочиняя эту книгу, хотѣли изобразить англійскій «характеръ, нарисовать англійскія физіономіи. Оставимъ «художникамъ и писателямъ заботу выразить ихъ соб- «ственныя намѣренія, и разсмотримъ достоинство и «пользу сочиненія, котораго цѣль состоитъ въ томъ, «чтобы сохранить прочную картину настоящей эпохи, «напомнить ея добродѣтели, глупости, нравственныя «противорѣчія, воніющія злоупотребленія. Наблюдатель «природы человѣческой находитъ въ этомъ сочиненіи «богатый предметъ для размышленія; праздный чита- «тель почерпаетъ изъ него и удовольствіе и наставле- «ніе; даже для антикварія, болѣе занимающагося года- «ми и числами, чѣмъ человѣческими чувствованіями и «привычками, это сочиненіе изобилуетъ самыми любо- «пытными данными.»

Digitized by Google

Далѣе сказано въ англійскомъ предисловіи, что публика по первому выпуску сочиненія увидѣла его нравственную цѣль; что многіе ошиблись, думая найти въ немъ одну шутку, каррикатуру, и нашли знаніе человѣческой жизни, умную, философическую веселость, насмѣшку, ознаменованную чистымъ вкусомъ.

Англійское сочиненіе послужило образцемъ для французскаго. Почти всѣ извѣстные писатели Англіи и Франціи трудились для этихъ изданій. Желательно, чтобы и у насъ послѣдовали этому примѣру. Желая искренно успѣха *Нашимъ*, выскажемъ прямо наше убѣжденіе, что для этого изданія нужно единодушное содѣйствіе всѣхъ извѣстныхъ русскихъ писателей. Если же и тутъ, по несчастію, вмѣшаются раздѣленія и подраздѣленія на литературные приходы, то успѣхъ *Нашихъ* будетъ очень сомнителенъ. Въ этомъ сочиненіи необходимо забыть о приходахъ. Изобразить вѣрно русскій характеръ, нарисовать портреты единицъ изъ разныхъ классовъ общества такимъ образомъ, чтобы они выражали всѣ хорошія и слабыя стороны, всѣ достоинства, недостатки, странности, особенности, не сбиваясь ни на каррикатуру, ни на сатиру, ни на личность, — нарисовать портретъ каждой единицы такъ, чтобы онъ походилъ на всѣхъ, не походя ни на кого въ особенности, и притомъ отличался не идеальностію, не прелестью вымысла, не преувеличенною сатирою или солью насмѣшки, а *одною правдою* и вѣрностью колорита, — это задача чрезвычайно трудная. Тѣмъ болѣе будетъ славы издателямъ, если они успѣютъ достигнуть ихъ цѣли. Но для ея достиженія необходимо, — повторяемъ, — единодушное соединеніе всѣхъ русскихъ дарованій и постоянное наблюденіе главнаго распорядителя изданія, чтобы каждая статья, помѣщаемая на роскошныя страницы *Нашихъ*, строго соотвѣтствовала главной мысли всего сочиненія. Мы впрочемъ увѣрены, что почтенный распорядитель и безъ нашихъ совѣтовъ обдумалъ уже

Digitized by Google

вполнѣ мысль и цѣль изданія *Нашихъ*. Въ сказанномъ нами онъ, конечно, увидитъ одно искреннее желаніе полнаго, блестящаго успѣха его книгѣ. Руководимые этимъ же самымъ желаніемъ, мы откровенно выскажемъ впечатлѣнія, произведенныя на насъ чтеніемъ вышедшихъ уже въ свѣтъ выпусковъ.

Первая статья *Водовозъ* написана мастерски, но это скорѣе повѣсть, произведеніе поэзіи, взятое изъ области фантазіи, а не портретъ, отличающійся правдою и сходствомъ со всѣми русскими водовозами. Это водовозъ идеальный! Почтенный авторъ, для занимательности своего разсказа, выбралъ водовоза, который упалъ съ лѣстницы, ушибъ грудь и отчаянно занемогъ; выбралъ водовоза умирающаго, который идеально добръ и честенъ, послѣ котораго остаются въ деревнѣ вдова и маленькія дѣти. Послѣднія его минуты изображены трогательно и прекрасно; но все это повѣсть, а не портретъ. Не всѣ водовозы падаютъ съ лѣстницъ и умираютъ, не всѣ оставляютъ безпомощныхъ вдовъ и сиротъ. Въ *Нашихъ* мы бы желали видѣть живаго водовоза, а не больнаго и умирающаго. «Низшая братія «наша, тоже люди,» пишетъ авторъ: «И въ нихъ ру«кою вѣчнаго дѣлателя вложены чудесные звуки дивной «гармоніи чувствъ, обще-доступныхъ человѣку. Имъ не «достаетъ только тѣхъ устъ, тѣхъ перстовъ, дѣтей на«уки, которые бы извлекали звуки сіи въ проявленіи «нами условленномъ.» Скажите-ка любому, хоть самому идеальному водовозу: «Послушай, любезный! Въ тебя вложены чудесные звуки дивной гармоніи чувствъ, и тебѣ не достаетъ только тѣхъ устъ, тѣхъ перстовъ, дѣтей науки, которые бы извлекали звуки сіи въ проявленіи нами условленномъ.» Мы увѣрены, что всякій водовозъ удивится такому привѣтствію и скажетъ: «Что вы, баринъ, городить изволите? Потѣшаетесь что ли надо мной!» Въ другомъ мѣстѣ авторъ пишетъ: «Чтобъ быть водовозомъ, нужно прежде всего быть человѣ-

Digitized by Google

«комъ.... не торопитесь, я тотчасъ объяснюсь, — нуж-«но имѣть твердую волю, большую силу духа и тѣла, «крѣпкую вѣру въ судьбу и въ неотразимость своего на-«значенія.» Всѣми этими свойствами обладалъ Наполе-онъ, хотя и не былъ водовозомъ: онъ имѣлъ твердую волю, большую силу духа и крѣпкую вѣру въ судьбу и въ неотразимость своего назначенія. Что за неотра-зимость назначенія у водовоза! Никто не принуждаетъ ихъ къ этому промыслу. Никто его не остановитъ, если ему работа покажется тяжелою и невыгодною, из-брать себѣ другой промыселъ.

Вообще намъ кажется, что почтенный авторъ, кото-раго дарованіе мы искренно уважаемъ, взялъ не тѣ краски, которыя нужны для портрета водовоза. Его картина слишкомъ мрачна, торжественна, трогательна. На ней вы видите все страданія, какъ-будто во фран-цузскомъ романѣ. Водовозъ страдаетъ, жена и дѣти его страдаютъ, товарищи его страдаютъ, даже лошадь водовоза страдаетъ. «Въ мучительной, новой жизни сво-«ей, она умна и благодарна, какъ всегда; она усильно «выработываетъ насущную пищу хозяину своему и се-«бѣ, бѣдной, столь же скудную. Она терпитъ, но не «одна. Никогда кнутъ хозяина не тронулъ ея, она слы-«шитъ отъ него только ласковое увѣщаніе, доброе сло-«во; она неразлучна съ водовозомъ; она какъ-будто по-«нимаетъ свое и его положеніе, и тихо, но полезно от-«живаетъ послѣдніе дни свои, съ участіемъ и печалью «глядя, бѣдная, на бѣднаго хозяина своего!»

Вотъ что значитъ ошибиться въ колоритѣ и размѣрѣ картины. Для изображенія водовоза нуженъ былъ ма-стерской, бойкій, веселый рисунокъ Орловскаго, и мы увѣрены, что почтенный авторъ, при своемъ извѣстномъ дарованіи, написалъ бы картинку превосходную, но онъ выбралъ размѣръ и краски, годные для Послѣдняго дня Помпеи. Онъ вылилъ цѣлую бочку таланта на во-довоза тогда, какъ достаточно было и одного ведра.

Digitized by Google

Вторая статья *Барышня*. Почти всѣми критиками, какъ мы замѣтили, принято за правило восхищаться всѣмъ, что̀ обязано своимъ существованіемъ женскому перу. Пусть назовутъ насъ Вандаломъ, но мы не будемъ держаться этого правила рыцарской учтивости. Съ этою смѣлою рѣшимостью принялись мы за чтеніе *Барышни*, подъ которою стоитъ подпись: Княжна — а. Прочитали страницу, другую, третью, прочитали всю статью, и просто восхитились, искренно восхитились,— честное слово! — не изъ учтивости. Прелесть! Прелесть! Сколько тутъ наблюдательности, граціозности! Какой милый, чистый, правильный слогъ! Какая естественность красокъ; какая правда въ этой мастерской картинкѣ! Вотъ образецъ, какъ должно писать *для Нашихъ*. Тутъ нѣтъ преувеличеній, нѣтъ желанія выказывать свое остроуміе или удивлять не кстати своимъ краснорѣчіемъ и великолѣпными фразами; нѣтъ ни малѣйшей натянутости въ разсказѣ; тутъ цѣль *Нашихъ* понята прекрасно, размѣръ и краски картины выбраны самые приличные, со вкусомъ опытнаго знатока, и передъ вами живой, съ природы списанный портретъ *одной*, похожій на *всѣхъ*. Это не бездѣлица! Исполняя долгъ критика съ вандальскою строгостію, замѣтимъ одну бездѣлицу. Для чего княжна употребила французское слово *газонъ*? Это слово не имѣетъ права гражданства въ русскомъ лексиконѣ.

Теперь перейдемъ къ художественной части *Нашихъ*. Всѣ фигуры и виньетки рѣзаны на деревѣ барономъ Клотомъ, Деникеромъ и барономъ Недельгорстомъ по рисункамъ господъ Тимма, Щедровскаго и Шевченки. Типъ барышни нарисованъ и вырѣзанъ очень хорошо. Типъ водовоза намъ не совсѣмъ нравится. Художникомъ выбрана минута, когда водовозъ зѣваетъ, и отъ этого дано его лицу каррикатурное выраженіе, по которому скорѣе сочтешь водовоза за Башкирца. Русской физіономіи въ этомъ типѣ не видно. Всѣ другія

Digitized by Google

картинки и украшенія въ самомъ текстѣ книги и сочинены и вырѣзаны прекрасно. Можно бы въ нѣкоторыхъ пожелать болѣе смѣлаго, размашистаго карандаша, какой видимъ въ рисункахъ французскихъ художниковъ.

Въ заключеніе еще разъ пожелаемъ блестящаго успѣха *Нашимъ*. Эту книгу переводятъ уже, какъ слышно, два извѣстные иностранные литератора на французскій и нѣмецкій языки. Безъ сомнѣнія, переведутъ и на англійскій. Мы увѣрены, что безъ журнальныхъ рекомендацій публика поддержитъ это прекрасное изданіе своимъ вниманіемъ, и что главный распорядитель изданія вынудитъ у земляковъ своихъ извѣстное русское восклицаніе: знай нашихъ!

Исторія Петра Великаго, *сочиненіе* Н. П. Ламбина, *съ 500 оригинальныхъ рисунковъ, граверованныхъ въ Лондонѣ. Изданіе* Ф. И. Эльснера. *1841 года, въ 4. Выпуски первый и второй.*

Вотъ еще роскошное или великолѣпное изданіе, но оно далеко отстало въ изяществѣ отъ *Нашихъ*. Такъ говоримъ мы, судя только по первымъ двумъ выпускамъ. Сочинитель текста для этого изданія, господинъ Ламбинъ, какъ мы слышали, молодой еще писатель. Онъ началъ свое литературное поприще съ исторіи Петра Великаго. Надобно правду сказать, это очень смѣло. Избранный имъ предметъ глубокъ, какъ море, и высокъ, какъ небо. Онъ требуетъ долговременнаго изученія, многолѣтнихъ изысканій. Печатные наши русскіе источники заключаютъ въ себѣ запасъ, хотя и богатый, но неразработанный еще историческою критикою. Въ нихъ много неполноты, невѣрностей, противорѣчій. Иностранные источники еще большей требуютъ повѣрки. Ими должно пользоваться съ большою осторожностію. Подкрѣпимъ наше мнѣніе словами служившаго въ Россіи во времена Петра Великаго, доктора философіи и медици-

Digitized by Google

ченіе народа, онъ спросилъ: что тутъ такое? Ему отвѣчали, что слушаютъ, какъ поетъ красавица Хитаночка. Теніентъ былъ любопытенъ; онъ подошелъ и послушалъ нѣсколько времени; но, чтобы не уронить своей важности, не дослушалъ романса до конца. А какъ ему Хитаночка чрезвычайно понравилась, то онъ послалъ одного изъ своихъ пажей сказать старой Хитанкѣ, чтобы подъ вечеръ она пришла къ нему въ домъ съ молодыми ея дѣвушками: онъ хотѣлъ, чтобы ихъ послушала жена его, донья Клара. Пажъ такъ и сдѣлалъ, и старуха сказала, что придетъ.

Кончили Хитаны пляску и пѣніе, и пошли далѣе. Тутъ подошелъ къ Пресіосѣ другой пажъ, очень хорошо одѣтый, и подавая ей сложенную бумагу, сказалъ: «Выучи-ка, Пресіосушка, вотъ этотъ романсъ, что тутъ написанъ: очень хорошенькій. Я тебѣ буду приносить романсы отъ времени до времени: ты пріобрѣтешь славу лучшей въ свѣтѣ романсерки.» — Съ большимъ удовольствіемъ вытвержу, отвѣчала Пресіоса: только смотрите, сеньоръ, я буду брать ваши романсы съ условіемъ, чтобъ они были благопристойны. Если хотите платы за нихъ, такъ условимся по-дюжинно; дюжину споемъ, за дюжину и заплатимъ. А чтобы впередъ я вамъ заплатила, такъ этого ужъ не думайте. — «Хоть за одну бумагу мнѣ платите, сеньора Пресіосушка, такъ я и тѣмъ буду доволенъ, сказалъ пажъ: а который романсъ выйдетъ не хорошъ или нескроменъ, тотъ не пойдетъ въ счетъ.» — Это ужъ мое будетъ дѣло разбирать ихъ, отвѣчала Пресіоса.

Хитаны пошли далѣе по улицѣ. Изъ одного рѣшетчатаго окна кликнули ихъ какіе-то дворяне. Пресіоса подошла къ этому окну, которое было въ нижнемъ этажѣ, и увидѣла въ убранной очень красиво и прохладной комнатѣ большую компанію дворянъ, изъ которыхъ одни прохаживались, другіе играли въ разныя игры. — «Слѣдующую часть выигрыша, что ли, хо-

Digitized by Google

тите мнѣ дать, сеньоры?» сказала Пресіоса, которая, какъ Хитана, шепелява: это, надобно замѣтить, у нихъ хитрость, а не то, чтобы отъ природы. Услышавъ Пресіосинъ голосъ и увидя ея личико, игравшіе оставили игру, а тѣ, которые прохаживались, оставили ходьбу, и тѣ и другіе бросились къ окну смотрѣть ее; они ужъ слышали объ ней. «Войдите, войдите, Хитаночки!» сказали они: «мы вамъ дадимъ пошлину съ выигрыша.» — Дорого она обойдется намъ, если станете насъ щипать, замѣтила Пресіоса. — «О, нѣтъ! Слово благородныхъ людей!» отвѣчалъ одинъ: «смѣло можете войти, душенька; будь увѣрена, что никто не дотронется и до носка башмака твоего. Клянусь орденомъ, который ношу на груди!» И онъ положилъ руку на Калатравскій орденъ. — «Коли ты хочешь войти, Пресіоса,» сказала одна изъ трехъ бывшихъ съ нею хитанскихъ дѣвушекъ:» такъ войди въ добрый часъ, а я не намѣрена итти, гдѣ столько мужчинъ.» — Берегись, Кристина, отвѣчала Пресіоса: — быть на-единѣ съ однимъ мужчиною, а многихъ вдругъ нечего бояться; тогда они не страшны; не обидятъ. Будь увѣрена, Кристинушка, что дѣвушка или женщина, которая твердо намѣрена поддержать свою честь, посреди цѣлаго войска солдатъ ее поддержитъ. Конечно, опасныхъ случаевъ избѣгать должно; но случаевъ тайныхъ, а не открытыхъ. — «Ну, такъ войдемъ, Пресіоса,» сказала Кристина: «ты разсуждаешь умнѣе, чѣмъ иной ученый.» Ихъ ободрила старая Хитана, и онѣ вошли.

Едва Пресіоса появилась въ комнатѣ, калатравскій кавалеръ увидѣлъ бумагу, которая была у нея за пазухой, подошелъ и взялъ эту бумагу. «Не троньте ее, сеньоръ,» сказала Пресіоса: «это романсъ, который мнѣ только-что подарили; я его и прочитать не успѣла.» — А ты и читать умѣешь, миленькая? сказалъ одинъ изъ дворянъ. — «И писать умѣетъ!» отвѣчала старуха:

Digitized by Google

«я такъ воспитала внучку, какъ-будто бы она была дочь ученаго.» Дворянинъ развернулъ бумагу, увидѣлъ въ ней золотой эскудъ *, и сказалъ: «Да въ этомъ письмѣ, Пресіоса, вложены и страховыя. Возьми-ка этотъ эскудъ: онъ тутъ былъ завернутъ въ романсѣ.» — Ладно! продолжала Пресіоса; поэтъ поступилъ со мной, какъ съ нищею. Правду сказать, гораздо болѣе дива въ томъ, что поэтъ далъ мнѣ эскудъ, нежели въ томъ, что я его получила. Если всѣ его романсы будутъ приходить ко мнѣ съ такимъ приложеніемъ, то пусть его перепишетъ весь всеобщій пѣсенникъ, и пусть присылаетъ по одиначкѣ каждый романсъ. Я пощупаю у нихъ пульсъ, и если найду, что они жестки, то я очень буду мягка на ихъ принятіе. — Слушавшіе Хитаночку восхитились какъ остроуміемъ ея, такъ и пріятностью, съ которою она говорила. — «Прочтите-ка, сеньоръ, сказала она: да вслухъ; посмотримъ, такъ ли этотъ поэтъ уменъ, какъ щедръ.» И дворянинъ прочиталъ:

Ты, Хитаночка, красою
Возжигаешь въ сердцѣ пламень!
Но жестка душой, какъ камень,
И зовешься Драгоцѣнной **.

Что сказалъ я, въ томъ увѣренъ;
Испытаешь надъ собою:
Потому-что съ красотою
Неразлучный спутникъ: гордость.

Если же твоя суровость
Возрастетъ съ красой твоею,
То ручаться я не смѣю
Ни за чей покой сердечный.

* Монета въ 2½ цѣлковыхъ.

** Пресіоса значитъ по-испански драгоцѣнная.

Digitized by Google

Василискъ въ тебѣ гнѣздится.
Онъ изъ глазъ твоихъ насъ жалитъ.
И намъ кажутся несносны
Цѣпи самой кроткой власти.

Какъ родилось это чудо
Въ бѣдномъ таборѣ хитанскомъ,
Какъ вспоилъ такую прелесть
Нашъ смиренный Мансанаресъ?

Онъ за это будетъ славенъ
Наравнѣ съ златистымъ Тагомъ,
И цѣнимъ по Драгоцѣнной
Выше Ганга съ дномъ жемчужнымъ.

Ты намъ счастіе гадаешь,
А бѣдой насъ посѣщаешь,
Потому-что розно идутъ
Красота твоя и сердце.

Если взглянешь, неразумный,
На тебя, въ восторгѣ чувства,
Сердцемъ ты добра желаешь,
Красотой же смерть наносишь.

Говорятъ, что всѣ Хитаны
Чародѣйки и колдуньи,
Но твои сильнѣе чары,
Хоть и нѣтъ въ нихъ чародѣйства.

Всякій, кто тебя увидитъ,
Твой ужъ плѣнникъ, твой невольникъ,
А волшебное оружье
Эти пламенныя очи.

Digitized by Google

Ими всѣхъ ты побѣждаешь!
Пляшешь ты — не наглядишься!
Взглянешь — сердце замираетъ!
Запоешь, — и всѣ въ восторгѣ.

Что ни шагъ, обворожаешь:
Говоришь, молчишь, поешь ли,
Подойдешь или уходишь, —
Жаръ любви воспламеняешь.

Ты надъ самымъ твердымъ сердцемъ
Власть имѣешь и господство;
Вотъ, мое — тому свидѣтель.
Власть твою оно признало.

Драгоцѣнный перлъ Амура!
Это все смиренно пишетъ
Бѣдный, скромный обожатель,
Что тобой одною дышетъ.

— Въ послѣдней строфѣ сказано: бѣдный, сказала Пресіоса: худой знакъ! Влюбленные никогда не должны говорить, что они бѣдны, потому-что для начала бѣдность, какъ мнѣ кажется, большой врагъ любви. — Да кто тебя учитъ такимъ вещамъ, крошка? воскликнулъ одинъ изъ дворянъ.

— А кому меня учить? отвѣчала Пресіоса: развѣ у меня нѣтъ своей головы? Развѣ мнѣ не пятнадцать лѣтъ? У меня умъ не какой нибудь безрукій, хромой или калека. Умъ у Хитанокъ идетъ впередъ не тѣмъ путемъ, какъ у другихъ людей. Онъ всегда опереживаетъ ихъ годы. Нѣтъ ни одного Хитана дурака, ни Хитаны рохли. Такъ-какъ они живутъ только тонкостью, хитростью и обманомъ, то на каждомъ шагу изощряютъ свой умъ, и не даютъ ему обростать мохомъ. Посмотрите на этихъ дѣвушекъ,

Digitized by Google

моихъ подругъ, которыя молчатъ и съ виду кажутся такими глупенькими. А положите-ка имъ палецъ въ ротъ, да попщите зубовъ мудрости, такъ и увидите что будетъ. Нѣтъ двѣнадцати-лѣтней дѣвочки, которая бы не знала того, что знаетъ иная двадцати-пяти лѣтняя; у нихъ учители и наставники бѣсъ и практика, которые научаютъ ихъ въ часъ тому, чему надобно было бы учиться годъ.

Покуда Хитаночка говорила, всѣ слушали ее съ большимъ вниманіемъ. Тѣ, которые играли, дали ей часть выигрыша, и даже тѣ, которые не играли. Кружка старухи пріобрѣла тридцать реаловъ. Богаче и веселѣе, чѣмъ праздничный букетъ цвѣтовъ, старуха собрала своихъ овечекъ, и пошла въ домъ господина теніента, сказавши, что въ другой разъ придетъ со своимъ стадомъ потѣшить такихъ щедрыхъ господъ.

Супруга господина теніента, сеньора донья Клара, уже была увѣдомлена, что къ ней въ домъ придутъ Хитанки, и ждала ихъ какъ майскаго дождика, съ дѣвушками и женщинами своими и со двора другой госпожи, которыя всѣ собрались смотрѣть Пресіосу. Вотъ, едва Хитаны вошли, какъ Пресіоса засіяла передъ подругами словно яркій факелъ посреди маленькихъ свѣчекъ. Всѣ къ ней бросились, однѣ ее обнимали, другія любовались ею, третьи ее ласкали и хвалили. «Вотъ золотыя кудри-то, вотъ яхонтовые глазки-то,» говорила донья Клара. Госпожа-сосѣдка всю ее перетормошила, и перемяла всѣ ея члены и составчики. Начавъ хвалить ямочку на подбородкѣ Пресіосы, она воскликнула: «Ахъ, какая ямка! Въ эту ямку оступятся хоть чьи глаза!» Стоявшій тутъ же подручный конюшій сеньоры доньи Клары, длиннобородый и пожилой, сказалъ: «Это вы изволите называть ямкой, сударыня? Или я мало знаю толку въ ямкахъ, или это не ямка, а просто могила для сердецъ. Истинно: Хитаночка такъ мила, что будь она серебряная или изъ сахарнаго теста, то и тогда не бы-

Digitized by Google

ла бы лучше. А что, душенька, гадать умѣешь?» — На три или четыре манера, отвѣчала Пресіоса. — «И гадать? подхватила донья Клара: такъ клянусь жизнью господина теніента, моего мужа, ты мнѣ погадаешь, моя золотая, серебряная, жемчужная, карбункуловая, небесная, — ужъ больше этого тебя взвеличать не знаю.»

— Дайте-ка, дайте-ка ей ручку, да что-нибудь, чѣмъ бы можно было сдѣлать крестъ, сказала старуха: посмотрите, что она вамъ наговоритъ. Она знаетъ больше какого-нибудь дохтура.

Сеньора теніентша опустила руку въ карманъ и не нашла тамъ ни полушки: спросила кварта у своихъ прислужницъ, ни у одной не было, такъ же, какъ и у сеньоры сосѣдки. Видя это Пресіоса сказала: всякой крестъ, лишь былъ бы крестъ, хорошъ; однако серебряный или золотой лучше; мѣдной монетой начертить на ладони крестъ, сами знаете, не такъ хорошо, по-крайней-мѣрѣ для меня: и потому мнѣ хочется сдѣлать сначала крестъ какимъ-нибудь золотымъ эскудомъ или реаломъ осмернымъ или по-крайней-мѣрѣ четвернымъ.

— Ей-ей ты очень мила, дитя мое! сказала сеньора сосѣдка, и оборотясь къ конюшему, сказала ему: у васъ нѣтъ ли, сеньоръ Контрерасъ, четвернаго реала? Одолжите мнѣ; придетъ докторъ, мужъ мой, такъ отдамъ вамъ.

— Есть, отвѣчалъ Контрерасъ, только онъ у меня въ закладѣ за двадцать два мараведиса, которые я задолжалъ вчера за ужинъ: дайте мнѣ эту сумму, такъ я духомъ за моимъ реаломъ слетаю.

— У насъ у всѣхъ нѣтъ ни одного кварта, сказала Клара: а вы спрашиваете двадцать два мараведиса? Подите, Контрерасъ, вы всегда говорите глупости! — Одна изъ присутствовавшихъ дѣвушекъ, видя скудость дома, спро-

Digitized by Google

сила Пресіосу: — А можно ли, миленькая, сдѣлать крестъ серебрянымъ наперсткомъ?

— Безъ сомнѣнія, отвѣчала Пресіоса: можно выводить прекрасные крестики серебряными наперстками, только было бы ихъ много.

— У меня есть одинъ наперстокъ, подхватила дѣвушка: если его достаточно, такъ вотъ онъ, возьми, только съ условіемъ, чтобы и мнѣ ты погадала.

— За одинъ-то наперстокъ столько гаданья! сказала старуха: оканчивай проворнѣе, внучка; ужъ ночь на дворѣ. — Пресіоса взяла наперстокъ, потомъ руку у сеньоры теніентши и сказала:

Хороши вы и прекрасны,
Вы, серебряныя ручки!
Мужъ твой больше тебя любитъ,
Чѣмъ король альпухаррасскій.

Ты смиренна, какъ голубка,
Но бываешь и ужасна,
Словно львица изъ Орана,
Иль оканская тигрица. *

Но проходитъ гнѣвъ твой скоро,
Будто вспышка на затравкѣ,
И мягка, какъ воскъ, ты снова,
И кротка, какъ-бы овечка.

Споришь много, ѣшь ты мало,
Иногда, подъ-часъ, ревнуешь:
Теніентъ проказы любитъ,
И свой жезлъ кладетъ въ сторонку.

* Вмѣсто гирканская. Сервантесъ эту обмолвку помѣстилъ въ хитанскую пѣсню для шутки. Оканья ла-манчскій городъ въ 15 миляхъ отъ Мадрида, гдѣ ни тигровъ, ни тигрицъ не водится.
Ред. С. О.

Digitized by Google

назывался *Венедскимъ* (sinus Venedicus;) то догадка моя, что Латыши составляли одинъ народъ со многими племенами сѣверныхъ Вендовъ, покажется не невѣроятною.

По словамъ Эгингарта, въ Vita Caroli Magni, по Адаму Бременскому, по Кранцовой Vandalia, главнымъ племенемъ сѣверныхъ Вендовъ были *Лютичи*. Это имя по звуку очень походитъ на Lettici. Далѣе, Полабы, Велатабы, Влотабы, приводятъ на память Лотавовъ, Леттавовъ, Леттовъ; ибо, какъ замѣтилъ уже Тунманъ (стр. 397), въ народныхъ именахъ буква *в* часто ставится впереди. Но главное имя было *Вильцы*. На чистомъ латышскомъ языкѣ wilzejî значитъ: *тянущіе, волокущіе*, отъ глагола wilkt, *тянуть*. Довольно замѣчательно, хотя и не доказано исторически, обстоятельство, что у насъ, въ Курляндіи, есть еще селеніе, называющееся *Вильценъ*.

Не одинъ Вольфангъ Лазій дѣлаетъ Геруловъ Вендами: за 50 лѣтъ до него Кранцъ въ своей Vandalia (кн. 2, гл. 20), сказалъ: «Sunt et alii Wandalorum populi, qui inter Oderam et Albim degunt longoque sinu in austrum prendunt, sicut Heruli vel Eveldi qui Habelam fluvium et Doxam incolunt». И въ слѣдъ за тѣмъ, при исчисленіи вендскихъ племенъ: «Wilsones sive Lutici, ultra illos sunt Lingones (слѣдовательно не Линоны) et Wernavi; hos sequuntur Obotriti.» Все это Кранцъ выписываетъ изъ Гельмольда, который въ 1170 году былъ священникомъ въ Босовѣ подлѣ Любка, слѣдственно жилъ четыреста лѣтъ прежде Лазія.

Мое мнѣніе таково. Когда Готѳы, жившіе слишкомъ сто лѣтъ въ южныхъ прибалтійскихъ земляхъ, и именно въ Пруссіи, смѣшенно съ Латышами, оставили свои пепелища и пошли на югъ, тогда многіе латышскія племена отправились съ ними же искать счастія. Какъ послѣ Дакія Латышамъ не понравились, или Готѳы не захотѣли болѣе имѣть ихъ при себѣ; то они рѣшились дѣлать завоеванія сами. Лазій очень обстоятельно описываетъ походы и завоеванія сихъ Геруловъ, правильнѣе

Digitized by Google

Еруловъ или Веруловъ, и разсказываетъ, какъ они наконецъ вздумали возвратиться на старую свою родину у Балтійскаго Моря, и какъ всѣ славянскіе народы дали имъ свободный черезъ свои земли проходъ. Въ одномъ только ихъ происхожденіи онъ очень затрудняется, и потому выводитъ ихъ изъ сѣверной Шотландіи. Я внимательно разсматривалъ два старинные сѣверошотландскія и два ирландскія «Отче нашъ», найденныя мною въ упомянутомъ мною Sprachmeister, и въ нихъ нѣтъ никакого слѣда латышскаго языка. Готѳы не были Герулы, также не были они и чистые Славяне; поэтому Лазій, не знавшій Латышей, не нашелъ инаго средства, какъ выдать ихъ за Шотландцевъ; но впрочемъ съ оговоркою, что это только его догадка. Я вошелъ въ подробности объ этомъ предметѣ не по тому только, чтобы опровергнуть подлинность Лазіева «Отче нашъ,» а болѣе потому, что здѣсь дѣло идетъ о славѣ: какой народъ прежде всѣхъ другихъ смирилъ гордость Рима? Герулы завоевали Римъ въ 476, и низпровергли западную римскую имперію послѣ десяти-вѣковаго ея существованія и пятисотъ-лѣтняго владычества надъ вселенною. Но болѣе, чѣмъ вѣроятно, —первыми побѣдителями вступили въ Римъ и низложили послѣдняго римскаго императора Августула, предки нашихъ презираемыхъ Латышей.

У кого достало терпѣнія со вниманіемъ разсмотрѣть вышеприведенныя пять «Отче нашъ» съ подстрочнымъ переводомъ на нынѣшній латышскій языкъ, тотъ можетъ убѣдиться, что нетолько древніе Пруссы, со всѣми ихъ племенами, Литва, Жмудь и Латыши, составляютъ одинъ народъ, въ чемъ и безъ того соглашаются всѣ новѣйшіе историки, не представляя однако же настоящаго въ томъ доказательства; но и многіе другія вендскія племена, и именно Герулы, правильнѣе Верулы, первые завоеватели Рима, весьма вѣроятно были Латыши. Но изъ этого доказательства посредствомъ вышеприведенныхъ «Отче нашъ,» выходятъ важныя и удивительныя

Digitized by Google

послѣдствія. Не говоря о латышскихъ и вендскихъ племенахъ, и между ними о Верулахъ, къ латышскому народу принадлежали, въ XII столѣтіи, слѣдующіе большіе и малые народы.

1) Литва, большой храбрый народъ. Дѣянія его описали: Стрыковскій, Вукъ Кояловичъ и Шлецеръ. Въ XIV вѣкѣ Литва была господствующимъ и величайшимъ народомъ на всемъ сѣверѣ.

2) Жмудь или Жемоить, о которой византійскій писатель Халкокондилъ говоритъ: *Προυσσον δε εχονται Σαμωται, γενος ἀλκιμον τε και ουδενι των περιοικων ομοδιαιτον, οὐδε ὁμογλωσσον*, то есть: «Съ Пруссами сосѣдятъ Самоты (Жемоиты), народъ грубый, обычаями и языкомъ отличающійся отъ смежныхъ съ нимъ народовъ.» Что они были Латыши, это видно изъ вышеприведеннаго «Отче нашъ», да сверхъ того каждый можетъ въ этомъ удостовѣриться, по тому, что они живутъ недалеко отъ насъ.

3) Кривичи, большой народъ. Фатеръ, въ вышеприведенной книгѣ, на стр. 630, говоритъ: «Кривичи, въ Полотскомъ, Смоленскомъ и Минскомъ намѣстничествахъ, которые были извѣстны уже Константину Порфирородному подъ названіемъ *Кривитановъ*, кажется, не принадлежатъ ни къ Великоруссамъ, ни къ Малоруссамъ, а скорѣе составляютъ отличный отъ Славянъ народъ. Они сначала жили между Припятью и Двиною; но послѣ распространились въ верховьяхъ Волги, Двины, Оки и Днѣпра. Въ позднѣйшія времена подчинились они Литвѣ... У нихъ особенное и очень еще мало извѣстное нарѣчіе, которое, какъ говорятъ, перемѣшано съ польскимъ.

Преподобный Несторъ, русскій лѣтописецъ, именно отличаетъ Кривичей отъ Славянъ. Шлецеръ (Литовская Исторія) причисляетъ ихъ къ Латышамъ, а въ Несторѣ, III, 19, говоритъ онъ: «Неизвѣстно, были ли они Славяне или Летты, то есть, Литовцы.»

Я, съ своей стороны, наблюдая Кривичей въ Ригѣ, куда они пріѣзжаютъ, съ обозами льна и пеньки, изъ

Digitized by Google

Витебска, Минска, Смоленска, считаю их за переходный народъ отъ Руссовъ къ Латышамъ; языкъ ихъ перемѣшанъ съ латышскимъ, русскимъ и польскимъ. Ихъ должно причислить къ Латышамъ и потому также, что они, еще до прибытія Ордена, жили между Латышами, да и теперь еще находятся въ дюнабургскомъ и верхъ-лаудскомъ кирхшпиляхъ, такъ же, какъ и въ бывшей польской Лифляндіи. Сверхъ того они, слишкомъ пятьсотъ лѣтъ, до 1772 и 1793 годовъ, принадлежали къ одному изъ латышскихъ народовъ, именно литовскому. Названіе получили они не отъ Латышей, а отъ Руссовъ; такъ назвалъ ихъ Несторъ. Онъ же, часть Кривичей, живущихъ по берегамъ Полоты, причисляетъ къ пяти безсмертнымъ народамъ, образовавшимъ русское государство. Татищевъ (Исторія, II, 355) говоритъ, что они названіе получили отъ сарматскаго слова *криве*, что значитъ источникъ рѣки *, потому-что жили у источниковъ Двины, Волги и Днѣпра. Но я полагаю, что они, какъ Латыши, чтители и поклонники первенствовавшаго жреца *Криве*, были названы отъ Славянъ и другихъ ихъ сосѣдей Кривичами, точно такъ же, какъ мы говоримъ: Кальвины, Буддисты, Паписты, Лютеране, Аріяне.

4) Летты или Латыши, въ половинѣ Лифляндіи и Семгалліи. Послѣднее слово значитъ то же, что *низъ, низкая земля*, ибо Семгаллы не составляютъ особеннаго народнаго племени, а имя ихъ есть мѣстное. И теперь еще, изъ числа Латышскихъ крестьянъ живущіе по ту сторону Якобштата, называются Auchschgalleerschi, а другіе Semgalleeschi **. Такимъ образомъ Семгаллы были однимъ народомъ съ лифляндскими Латышами и составляли только вѣтвь великаго латышскаго племени.

5) Куры: храбрый народъ, бывшій страшнымъ для многихъ. Короли датскіе и скандинавскіе, вообще Гот-

* Grihwa на латышскомъ языкѣ значитъ устье рѣки.

** См. Стендер. Lettische Grammatik, изданіе 2, стр. 20.

Digitized by Google

ы, вели съ ними многія и тяжкія войны *. Въ прежнія времена жили они около рѣки Мемеля, которая въ древности называлась Хрономъ или Хоромъ, въ Тильзитѣ и около него, гдѣ на картѣ древней Пруссіи, составленной Каспаромъ Геннебергеромъ, показана земля *Шалавонія*, нынѣ *Шалауенъ*, и часто встрѣчаются у скандинавскихъ исторіографовъ: Адама Бременскаго De situ Daniæ, гл. 223, Саксона Грамматика (стр. 46, 152), Помпонія Сабина Commentar. in Virgilium, стр. 185, Кранца Vandalia и Стрелова Gotländische Chronik. Жмудь и Литва вытѣснили ихъ на сѣверъ, а они вытѣснили часть Вендовъ, которые уже прежде вытѣснили коренныхъ тамошнихъ жителей: они были Эсты или Ливы съ частію Финновъ (Чудь).

6) Ятвяги, Ятвинги. Шлецеръ (Литовская Исторія, стр. 13, 27, 45) причисляетъ ихъ къ Латышамъ, и это справедливо. Стрыковскій, Кояловичъ, Гарткнохъ, Гіернъ и Арндтъ, говорятъ то же. Ятвяги были храбры и имѣли правиломъ, воюя, никогда не отступать, а побѣдить или умереть, что̀ самое и истребило ихъ. Послѣдній ихъ воевода назывался *Комматомъ*. Болеславъ V, Стыдливый, въ 1221 году искоренилъ этотъ храбрый народъ. Уже Страбонъ (Geographia, кн. 7), упоминаетъ о нихъ, называя ихъ *Язигами* и причисляя къ Сарматамъ. Такъ какъ о Ятвягахъ говорятъ уже древніе писатели прежде, нежели смѣшеніе народовъ славянскихъ и готескихъ произвело Латышей; то нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей думаютъ, что ихъ нельзя причислить къ Латышамъ. Но Латыши прежде были также Славянами, а Ятвяги, съ перемѣною ихъ мѣста жительства, имѣли одну участь съ прочими Славянами, то есть, они сдѣлались Латышами. Если бы они были Поляки, то Болеславъ навѣрное не искоренилъ бы ихъ совсѣмъ. Отъ языка ихъ, къ сожалѣнію, не осталось ничего.

* См. Нізегп. надавіе Рекова, во введеніи ко второй книгѣ.

Digitized by Google

7) Наконецъ Пруссы, съ ихъ одиннадцатью племенами. Но исторія ихъ такъ хорошо обработана, что я не имѣю нужды говорить о нихъ здѣсь.

Что̀ касается до родовыхъ названій всѣхъ этихъ народовъ, принадлежавшихъ къ латышскому племени; то русскіе временники называли Литовцевъ *Литвою;* Византійцы, и именно Кодинъ, *Λίτρο*, а землю ихъ *Λιτβάδα;* но Халкокондилъ *Λιτουάνος*. Послѣдуя Грекамъ, Римляне говорили Lithuanus, а Нѣмцы Lithauer. Самихъ же себя они зовутъ *Литви, Латви, Латвеешн*. Но единокровный съ ними Гейнрихъ Латышъ, въ Originibus Liwoniæ, называетъ ихъ всегда Letthos и Letthones.

Въ отношеніи къ протяженію земли, на которомъ жили всѣ эти латышскія племена, я не стану говорить о полосѣ, которой, не по одному вѣроятію, а почти по ясному доказательству, занимали вендскіе-латышскіе народы, и именно: герулы на Гавелѣ, Лингоны на Лейнѣ, Полабы на Эльбѣ, Лутичи или Вильцы въ Мекленбургіи и Померанiи; также не хочу причислять къ латышскимъ землямъ литовскихъ завоеваній, со времени Гедимина, и именно: нынѣшнихъ губерній Псковской, Могилевской, Кіевской, Екатеринославской, съ прибрежьемъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ, Волынской съ частію Галиціи, которыя цѣлые вѣки принадлежали къ одному латышскому государству, именно Литовскому; но покажу только тѣ земли, на коихъ, по историческимъ доказательствамъ, жили, и теперь еще большею частію живутъ, Латыши.

Отъ Вислы до Прегеля и за эту рѣку жили народы древле-прусскіе, а между Наревомъ и истоками Прегеля храбрые Ятвяги. Около рѣки Мемеля, или Хора, и около Курскаго Гафа, Хоры или Куры, вдавшись глубоко въ Курляндію. На сѣверъ отъ нихъ, на Виндавѣ, жили Вендыили Оботриты, которые прогнали Ливовъ. Сосѣдами и соплеменниками ихъ были Латыши въ Семгалліи и въ лифляндской Летландiи. Съ ними граничилъ

Digitized by Google

великій и сильный, имъ родственный народъ, Кривичи, на предѣлахъ Семгаллін, въ бывшей польской Лифляндіи, или лучше въ нынѣшнихъ губерніяхъ Витебской, Смоленской, половинѣ Могилевской и въ большей части Минской. Наконецъ, главный латышскій народъ, Литва, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Виленской, Гродненской и частію въ Минской, съ Жмудью.

Халкокондилъ, лучшій изъ Византійскихъ писателей, говоритъ о нихъ слѣдующее. «Съ Поляками граничитъ «Литва, которая живетъ у Чернаго моря и подлѣ «Русской земли. Молдава выходитъ отъ Даковъ, кои живутъ около Дуная, до Литвы и Руссовъ. Никто не можетъ сомнѣваться, чтобы Литва не была достойнымъ «народомъ, ибо она удержала свой собственный языкъ. «Давно уже этотъ народъ былъ раздѣленъ на двѣ части, «кои управлялись частію князьями, частію воеводами, ἡγεμόνες». Литва говоритъ не однимъ языкомъ съ Руссами, Уграми, Нѣмцами, Даками. Языкъ ея во всѣхъ «статьяхъ (παράπαν,) особенный; кажется также, что сей «народъ есть величайшій изъ всѣхъ, живущихъ въ таможнихъ странахъ. Онъ храбро боролся съ Пруссами, «Нѣмцами и Полякамн, на границахъ той страны. А «какъ онъ почти сосѣдитъ съ Молдавіею (Μελαίνη Πο«γδάνῖα), то часто воюетъ съ ними, Молдаванами. Если кто не повѣритъ этому моему переводу, тотъ пусть прочтетъ въ Шлецеровой Geschichte von Lithauen, стр. 183, или Стриттеровыхъ Memoriæ populorum, томъ II, ч. II, 1042, и найдетъ слово въ слово то же самое.

Нашъ почтенный Стендеръ, въ своей латышской грамматикѣ (изданіе второе, стр. 18, 19) разсказываетъ, что одинъ русскій офицеръ, родомъ изъ Курляндіи, въ справедливости котораго онъ увѣренъ, нашелъ, еще въ царствованіе Анны Іоанновны, между Татарами у Азовскаго моря, между Бугомъ и рѣчкою Березанью, по ту сторону Очакова, небольшое число людей латышскаго племени, которые обычаями и языкомъ совершенно отлича-

Digitized by Google

лись отъ Татаръ. Съ этими людьми разговаривали, къ обоюдному удивленію, Курляндцы и Лифляндцы, въ числѣ солдатъ находившіеся, и довольно хорошо понимали другъ друга. Стрыковскій, Кояловичь и Шлецеръ также пишутъ, что Литва имѣла пристани на Черномъ морѣ. Я увѣренъ, что мѣста около Азовскаго моря были первобытною родиною Латышей, откуда вытѣснили ихъ сперва Азіятцы, можетъ быть Хазары, за Днѣпръ, а послѣ Сарматы и другіе Славяне, еще далѣе на сѣверозападъ. Сначала были они чистыми Славянами, а латышскую народную особенность получили только тогда, когда перемѣшались съ Готоами.

Но какъ бы то ни было, а изъ вышесказаннаго неоспоримо выходитъ, что начиная отъ Вислы, чрезъ всю Пруссію, Курляндію, половину Лифляндіи до Чудскаго озера, оттуда по прямой чертѣ до Смоленска, внизъ по Днѣпру до Кіева, выше котораго впадаетъ Припять, вверхъ по ней до Пинска, а отсюда къ Бѣлостоку, а потомъ вдоль польскихъ границъ до Кульма, жили все народы латышскаго племени. Кульмъ лежитъ подъ 43° меридіана, а Смоленскъ подъ 50°; напротивъ того, Припять подъ 52° широты, а Чудское озеро подъ 58°; слѣдственно, Латыши занимали 16° долготы и 6° широты, или длина земли ихъ равнялась 120 нѣмецкимъ милямъ, а широта 90. Какъ эти земли образуютъ почти правильный параллелограмъ; то пространство площади этой полосы земли, составляетъ 10.800 квадратныхъ миль. Если на каждую милю положимъ только 1000 человѣкъ; то это составитъ около 11 милліоновъ душъ. Но что сіи страны, до пришествія Нѣмцевъ, были очень много населены, объ этомъ можно заключать по многимъ причинамъ, изъ коихъ я приведу только одну, именно ту, что по обстоятельному изчисленію Юрія Гельма, въ одни только лифляндскія войны Ордена погибло 330.355 человѣкъ. (См. Арндтову. Chronik II, 68). Но ужасныя литовскія войны стоили жизни милліонамъ людей, и такимъ образомъ

Digitized by Google

не удивительно, ежели нынѣшнее народонаселеніе этихъ земель едва равняется съ населеніемъ XII столѣтія.

Всѣ эти народы, на вышепоказанномъ пространствѣ, говорятъ латышскимъ языкомъ; но, само собою разумѣется, многочисленными нарѣчіями; ибо уже Гартknохъ, въ вышеприведенной диссертаціи (De lingua veter. Pruss.) говоритъ, что жители каждой изъ 11 прусскихъ областей, говорили своимъ особеннымъ нарѣчіемъ. Даже и въ наше время крестьянинъ изъ окрестностей Фридрихштата почти не понимаетъ вендскаго изъ Голдингена или Виндавы. Но знатокъ языка тотчасъ замѣтитъ, что оба они говорятъ по латышски; ибо протяжнѣйшій или скорѣйшій выговоръ и удареніе слоговъ, которые въ разговорѣ составляютъ главное различіе, его не обманываютъ.

О искаженіи древле-прусскаго народнаго языка, я обстоятельно говорилъ уже выше; теперь скажу нѣсколько о порчѣ литовскаго. Литва давно уже, именно въ 1386, при Ягайлѣ, была въ союзѣ съ Польшею, а при Сигисмундѣ I Августѣ, умершемъ въ 1572, и совершенно присоединена къ ней. Польскіе вельможи и многіе дворяне перешли въ Литву; оба народа слились вмѣстѣ; но Поляки остались господствующимъ. По этому, естественно, польская азбука и польское правописаніе перешли въ Литву. Польскій языкъ сдѣлался приказнымъ и книжнымъ. Отъ этого также въ нынѣшнемъ литовскомъ находится почти третья часть польскаго. Если присоединить къ этому еще то, что римское духовенство, большею частію воспитанное въ польскихъ школахъ и семинаріяхъ, разумѣло только польскій и латинскій языки, и что служба Божія отправлялась на латинскомъ; что о народномъ языкѣ никто не заботился, исключая іезуитовъ, да и тѣ очень мало; то очень понятно будетъ, что вмѣстѣ съ польскими перешли въ литовскій языкъ и многія латинскія выраженія, напримѣръ Rex Iesus: Reikis Iesus. Монголы, Руссы, Поляки и

Digitized by Google

Нѣмцы воевали съ Литвою, заняли ихъ землю и побили, изгнали или поработили древнихъ жителей этой земли. Все это долженствовало имѣть дѣйствіе на языкъ, какъ то дѣйствительно и было, такъ-что даже удивительно, что въ нынѣшнемъ литовскомъ осталось еще столь много латышскаго языка.

Чище всего латышскій языкъ удержался въ Курляндіи и Лифляндіи. У меня есть списки съ граматъ XIII вѣка, въ которыхъ нѣмецкій языкъ саксонскаго нарѣчія, а предписанныя присяги, написанныя нѣмецкими буквами, — чисто латышскія. Читая то, что объ этомъ предметѣ находится въ Арндтовой хроникѣ (II, 32), гдѣ помѣщены также древніе латышскіе образцы присяги, даже, можетъ статься, изъ временъ епископа Альберта, убѣдишься, что народный языкъ въ Курляндіи и Лифляндіи остался неизмѣннымъ. Орденъ и римское духовенство мало заботились о просвѣщеніи Латышей; они думали только о доходахъ и о десятинѣ, какъ то доказываютъ всѣ хроники. Курляндія, находясь въ углу, омываемая съ двухъ сторонъ моремъ, не подвергалась значительному смѣшенію народовъ, и по этому въ ней, такъ же, какъ внутри лифляндской латышской земли, латышскій языкъ остался безъ большой примѣси.

(Изъ Jahresverhandlungen der Kurländischen Gesellschaft für Litteratur und Kunst).

Digitized by Google

Отдѣленіе VI.

Критика.

По принятому издавна обыкновенію это отдѣленіе, самое щекотливое и опасное изъ всѣхъ отдѣленій, въ каждомъ новомъ журналѣ или при каждой перемѣнѣ и преобразованіи журнала стараго, необходимо должно начинаться *вступленіемъ*. Со временъ изобрѣтенія книгопечатанія, во всѣхъ странахъ міра, всѣ новые критики, въ этихъ вступленіяхъ, на всѣхъ возможныхъ языкахъ, излагали свои основныя начала, увѣряли въ своемъ безпристрастіи, намекали слегка или говорили рѣшительно, что настоящей, добросовѣстной, безпристрастной, благонамѣренной и основательной критики до нихъ не было, и что они, чуждые всякихъ личностей, разсчетовъ и духа партій, добросовѣстно будутъ говорить правду другу и недругу, одушевляясь однимъ желаніемъ принести пользу отечественной словесности. Читатели требуютъ и въ правѣ требовать отъ каждаго такого вступленія какого нибудь особаго взгляда, чего нибудь новаго. А гдѣ взять новаго? Ничто не ново подъ луною. Безпристрастіе, добросовѣстность, основательность, чистый вкусъ въ области критики давно уже устарѣли и всѣмъ прискучили; всѣ возможные взгляды истощились, и патріотическіе и космополитическіе, и европейскіе и азіятскіе, и высшіе, міровые, и низшіе, простые взгляды. Остался развѣ одинъ взглядъ косой, но искоса гля-

Digitized by Google

дятъ только на то, чего не любятъ или чего опасаются, а мы любимъ, какъ и всѣ русскіе, родную нашу словесность, и потому оставшійся въ запасѣ косой взглядъ, не смотря на свою новость, никуда не годится и не можетъ быть никакъ употребленъ въ дѣло. А нужно что нибудь новое!

Не начать ли вступленіе наше обѣщаніемъ, что критика Сына Отечества будетъ 1) *пристрастна*, 2) *неосновательна* и 3) *недобросовѣстна?* Это была бы новость небывалая, поразительная. Такъ не начиналось еще ни одно отдѣленіе критики. Въ самомъ дѣлѣ, во вступленіи, не сказать ли *нижеслѣдующаго:*

Извѣстно, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не можетъ существовать и не существовалъ безъ страстей со временъ основанія Нимродомъ древнѣйшаго Вавилонскаго государства до изданія перваго нумера Сына Отечества на нынѣшній 1842 годъ. У каждаго смертнаго всегда есть какая нибудь страсть, сильная или слабая, всегда есть хоть какая нибудь маленькая страстишка. Это аксіома, не требующая доказательствъ. Пристрастіе очевидно есть дитя страсти, ея необходимое послѣдствіе, ея безусловное проявленіе, и по свидѣтельству корнеслововъ всѣхъ школъ, и по свидѣтельству философовъ всѣхъ сектъ. А такъ-какъ во всякомъ человѣкѣ существуетъ непремѣнно страсть, то въ немъ необходимо должно существовать и ея послѣдствіе, ея проявленіе, то есть пристрастіе, *слѣдовательно* каждый человѣкъ болѣе или менѣе пристрастенъ, и людей, совершенно безпристрастныхъ, никогда не было на свѣтѣ и быть не можетъ. Это силлогизмъ неопровержимый, правильный, не рогатый. Ссылаемся на всѣхъ профессоровъ и знатоковъ Логики. Можетъ быть, силлогизмъ нашъ покажется съ перваго взгляда и рогатымъ, но мало ли что кажется рогатымъ. На это нужны ясныя доказательства, а ихъ представить трудно, лучше сказать, невозможно, и мы

Digitized by Google

рѣшительно остается при *сльдовательно*, при нашемъ заключеніи.

И такъ, (за *сльдовательно* непремѣнно должно, по правиламъ Реторики, писать: *и такъ*) и такъ, говоримъ мы, когда безпристрастіе вовсе не существуетъ въ мірѣ, что выше доказано, то какимъ образомъ критикъ можетъ обѣщать вещь небывалую, несуществующую, невозможную? Гдѣ же тутъ будетъ добросовѣстность, которую всегда обѣщаютъ вмѣстѣ съ безпристрастіемъ? Въ насъ, напримѣръ, есть страсть или страстишка, слабость, любовь къ отечественной словесности, а гдѣ страсть, тамъ непремѣнно и пристрастіе. Будемъ стараться говорить по совѣсти, не давать воли нашей слабости, а все не ручаемся, успѣемъ ли совладѣть съ нею, и потому никакъ не обѣщаемъ критики безпристрастной. Она будетъ пристрастна.

Теперь (пунктъ второй) надобно объяснить: почему она должна быть и неосновательна. Это доказать легче, а написать хорошую, неосновательную критику еще легче. Даже люди, которые ничего не писали, прекрасно могутъ сочинять такія критики. Что называемъ мы основательнымъ понятіемъ, основательною мыслію? Понятіе, мысль, которыя безошибочны, которыя совершенно согласны съ истиной. Но кто на своемъ вѣку не ошибался, кто не ошибается, кто нашелъ истину по всѣмъ отраслямъ познаній человѣческихъ? Никто, рѣшительно никто. Жизнь души, по ея природѣ, состоитъ въ исканіи истины, но на землѣ не суждено человѣку найти ее вполнѣ. Человѣкъ безпрестанно думаетъ, онъ не можетъ не думать, даже во снѣ онъ размышляетъ, и даже иногда лучше, чѣмъ на яву. Но что значитъ думать, размышлять? Искать истину. Возразятъ, что многіе люди думаютъ только о пустякахъ, о вздорахъ, что они совсѣмъ не думаютъ. Неправда! Кейфъ—отсутствіе всякой мысли—невозможенъ, психогогически невозможенъ. Возьмите самаго перваго любителя кейфа.

Digitized by Google

Онъ сидитъ или лежитъ, куря трубку, а все мысли бродятъ въ головѣ; хочетъ не думать, а думаетъ по законамъ Логики, то есть ищетъ истину. Нѣтъ нужды, что онъ ищетъ ее въ вещахъ неважныхъ, пустыхъ. Всѣ наши пять чувствъ безпрестанно возбуждаютъ въ насъ размышленія и умозаключенія. Отъ нихъ не избавится ни на мигъ самый отчаянный любитель кейфа. Докажемъ примѣромъ. Ему кажется, что онъ достигъ своей цѣли, что всѣ мысли онъ выгналъ изъ головы. Вдругъ запахло въ комнатѣ супомъ. Онъ слышитъ запахъ, и тотчасъ въ головѣ его является размышленіе, цѣлый силлогизмъ слѣдующаго вида: супъ пріятно пахнетъ (посылка первая), а такъ-какъ теперь изъ другой комнаты дошелъ до моего носа запахъ суша, (посылка вторая), то навѣрное (заключеніе, conclusio) подали на столъ. Въ-слѣдъ за тѣмъ въ той же сосѣдней комнатѣ хлопнула пробка. Опять въ головѣ идея, логическій силлогизмъ съ заключеніемъ, что откупорена бутылка портеру и что пора идти обѣдать.

Пожелаемъ любителю кейфа хорошаго аппетита и обратимся къ предмету нашего разсужденія. Кажется, доказывать не нужно, что всѣ люди безпрестанно, во всю ихъ жизнь, думаютъ и размышляютъ, то есть ищутъ истины, а чего ищутъ, то еще не найдено, того у насъ еще нѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ наши понятія, всѣ наши мысли, мнѣнія, познанія болѣе или менѣе приближаются къ истинѣ, но никогда ее вполнѣ не достигаютъ, слѣдовательно всѣ онѣ неполны, ошибочны. По этому можно сказать, что вся наша ученость, всѣ сокровища нашей земной мудрости не что иное, какъ собраніе ошибокъ, какъ запасъ ступенекъ для безконечной лѣстницы, восходящей вверхъ и ведущей къ истинѣ. Хорошо еще, если эти ступеньки ведутъ насъ вверхъ. А если какой нибудь новомодный архитекторъ станетъ прибавлять ступеньки, ведущія внизъ, и увлечетъ васъ съ собою въ темный подвалъ лжи и заблужденія, оттуда

Digitized by Google

потащитъ за собой еще ниже. Куда попадешь съ нимъ? Не знаемъ. Немудрено добрести и до преисподней. Не вѣрьте, если васъ будутъ увѣрять, что такой-то, де, философъ и мудрецъ нашелъ истину. Скромный Сократъ думалъ, крѣпко думалъ, всю жизнь размышлялъ, и наконецъ въ видѣ окончательнаго результата своей мудрости и знанія, сказалъ: знаю, что я ничего не знаю. Прочитайте внимательно исторію философскихъ системъ: чего тамъ нѣтъ! какихъ мнѣній не бывало на свѣтѣ! Эта исторія — разительная картина слабости человѣческаго ума, это исторія его ошибокъ, въ которыя умъ, ищущій истины, безпрерывно впадалъ въ теченіе тысячелѣтій. Давно ли превозносили философію Шеллинга, давно ли называли его звѣздою первой величины, свѣтиломъ мудрости и истины. А Шеллингъ смирился предъ Религіей самъ отрекся отъ своей философіи, призналъ ее ложною, и теперь, какъ слышно, пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы по новой методѣ окрыть слушателямъ своимъ истину. Надобно признаться, что онъ поставилъ этимъ отреченіемъ всѣхъ своихъ жаркихъ послѣдователей и поклонниковъ въ самое критическое положеніе. Всѣ они сѣли, по пословицѣ, какъ раки на мели. Гегель, умирая, объявилъ, что никто, рѣшительно никто не понялъ его философіи. Комплиментъ очень незавидный всѣмъ его землякамъ и ученикамъ! Жаль, что Гегель не зналъ, что у насъ, на Руси, нашлись, какъ слышно, нѣкоторые, немногіе, геніяльные люди, которые, не зная даже нѣмецкаго языка, по какому-то вдохновенію вполнѣ постигли его и поняли. Можетъ быть, отъ такого чуда, отъ такой неожиданной радости, Гегель всталъ бы съ постели, отложилъ бы смерть свою до другаго, удобнѣйшаго времени, доучилъ бы своихъ недоучившихся, непонятливыхъ послѣдователей, показалъ бы истину во всемъ блескѣ, объяснилъ бы окончательно свою философію и уничтожилъ бы сомнѣнія нѣкоторыхъ скептиковъ, которые думаютъ, что не сби-

Digitized by Google

вается ли немножко его философія на старую, избитую дорогу и не ведетъ ли она немножко къ матеріялизму.

Когда въ другой комнатѣ запахнетъ супомъ, или хлопнетъ пробка, то голова любителя кейфа (а всѣ мы, грѣшные, неисключая и философовъ, немножко склонны къ кейфу) можетъ легко, по умозаключенію, открыть истину въ этихъ явленіяхъ. И тутъ, по слабости ума человѣческаго, могутъ иногда случаться ошибки. Напримѣръ, умъ рѣшилъ, что поданъ французскій супъ, а выйдутъ на повѣрку русскія щи; умъ увѣренъ былъ найти портеръ, а нашелъ откупоренную бутылку уксусу. Что же сказать о такихъ явленіяхъ, какъ земной шаръ, солнце, милліоны звѣздъ, человѣкъ, сила жизни, сила чувствованія, сила мышленія? Это уже не супъ и не бутылка портеру. Отыскать въ этихъ дивныхъ явленіяхъ истину не такъ-то легко, какъ нѣкоторые думаютъ, а думаютъ они, что постигли всю природу и человѣка насквозь, оттого, что еще хорошенько никогда не думали о важныхъ предметахъ человѣческаго знанія, а размышляютъ иногда, и довольно удачно, о супѣ и хлопающихъ пробкахъ.

Гордость вообще преглупый порокъ, и она совсѣмъ не пристала человѣческому уму. Онъ иногда очень похожъ на слабаго, маленькаго карлика, который величается своею воображаемою богатырскою силою и гигантскимъ ростомъ, или на коллежскаго регистратора, бѣдняка, который, надувшись и прищуривъ глаза, ведетъ себя, какъ важный англійской лордъ, считающій свои доходы милліонами. Высоко думать о себѣ — это одна изъ главныхъ слабостей ума человѣческаго. Не помнимъ какой писатель, очень справедливо сказалъ, что всѣ люди безпрестанно жалуются на разные недостатки; только на недостатокъ своего ума никто, никогда не жалуется. Умомъ своимъ, каковъ ужъ онъ ни есть, каждый совершенно доволенъ. Притомъ тысячами опытовъ доказано, что всѣ умы сильные, привыкшіе

Digitized by Google

мыслить, бываютъ недовѣрчивы къ самимъ себѣ, сознаютъ предѣлы, за которые шагнуть невозможно, напротивъ того для умовъ слабыхъ нѣтъ ничего мудренаго, необъяснимаго и таинственнаго въ природѣ и человѣкѣ. Они знаютъ все. Для разрѣшенія самой важной философской задачи имъ нужно только перевести кое-какъ, на выдержку, какую нибудь кудрявую, заморскую сентенцію, напичкать въ нее поболѣе дикихъ словъ такъ, чтобы никто ничего не понялъ, и дѣло въ шляпѣ! Задача рѣшена, и мы философы, европейскіе философы! Какъ же послѣ этого не надуться, не заважничать, когда мы знаемъ *все*, когда у насъ ума-палата, да еще какого ума? Не простаго русскаго, а заграничнаго, европейскаго!

Языческій мудрецъ, знаменитый Платонъ, которому нельзя отказать въ глубокомъ умѣ, сознавалъ его несовершенство и слабость, и говорилъ, что для познанія истины нужно человѣчеству особое, божественное откровеніе. Нашъ вдохновенный поэтъ Державинъ, углубясь въ размышленіе о величіи Творца вселенной, написалъ:

А я передъ тобой — ничто!

Платонъ и Державинъ, право, были очень умные люди. Право, не худо, кажется, и другимъ послѣдовать ихъ примѣру, и не думать о человѣческомъ умѣ невѣсть какъ высоко, не воображать, что мы достигли уже геркулесовскихъ столповъ въ области *вѣдѣнія*, и что, говоря словами Аввакума, мудреца и учителя раскольниковъ во времена царя Алексѣя Михайловича, *мы проглотили всю вселенную и познали все сущее.*

Въ доказательство несовершенства и слабости человѣческаго ума можно привести еще измѣнчивость нашихъ мыслей, нашихъ мнѣній. Такъ ли мы думаемъ, о чемъ угодно, о какомъ хотите предметѣ, теперь, какъ

Digitized by Google

думали о томъ же годъ или два тому назадъ. Да и что тутъ считать годами. Не рѣдко вчера мы, казалось, составили о чемъ нибудь самое твердое мнѣніе, а сегодня намъ сказали новую мысль, сегодня мы что нибудь прочитали о томъ же предметѣ съ новой точки зрѣнія, и гдѣ наше твердое мнѣніе! Оно уже нагнулось на сторону, лежитъ на боку, или даже стоитъ вверхъ ногами.

Въ доказательство несовершенства человѣческаго ума можно привести еще и то, что мы чуть-было не потеряли нити нашего разсужденія, и чуть-было не забыли, что доказываемъ второй пунктъ нашей темы, то есть, что Сынъ Отечества не можетъ обѣщать критики основательной. Для полной основательности нужно найти истину, вполнѣ знать ее, а мы ее будемъ только искать вмѣстѣ съ другими, по мѣрѣ силъ и возможности, слѣдовательно критика въ Сынѣ Отечества будетъ неосновательна.

Наконецъ (пунктъ третій темы) намъ предлежитъ доказать, что всякая критика, если говоритъ по чистой совѣсти, всегда бываетъ и по необходимости должна быть нѣсколько недобросовѣстна. Что такое совѣсть? Она есть внутреннее сознаніе, чувство нравственнаго долга, врожденный голосъ сердца, который повелѣваетъ намъ въ поступкахъ нашихъ, избирать добро и уклоняться отъ зла. Но и тутъ бѣда! Нѣкоторые философы утверждаютъ, будто бы совѣсть не врожденное чувство сердца; что воспитаніе, предразсудки, ложныя понятія производятъ въ насъ совѣсть, и что по этому можно, благодаря успѣхамъ философіи, во всякомъ человѣкѣ построить новую совѣсть по какому угодно образцу. Все это, изволите видѣть, наговорилъ тотъ же гордый человѣческій умъ, котораго слабость и несовершенство достаточно объяснены выше. Но не вѣрьте ему; онъ говоритъ пустое. У самыхъ грубыхъ дикарей и у самыхъ образованныхъ, смертныхъ, у всѣхъ жителей земнаго шара, находимъ мы сходные законы совѣсти, въ ихъ основаніи. Чувство сердца побуждаетъ человѣ-

Digitized by Google

ка искать существа высшаго, и оттого нѣтъ на землѣ ни одного, самаго дикаго народа, въ которомъ не было бы слѣдовъ религіознаго чувства и истекающаго изъ него понятія о добрѣ и злѣ. Дикари выдѣлываютъ идоловъ изъ дерева или камня, а утонченные въ образованіи люди, которыхъ сердца окаменѣли отъ невѣрія въ святость Божественнаго Откровенія, выдѣлываютъ изъ этого камня новой породы, идольчиковъ эгоизма, холоднаго себялюбія, и имъ поклоняются, да лѣпятъ еще кой-какія философскія системы изъ сухихъ, деревянныхъ, безжизненныхъ мыслей, чтобы потѣшить свою суетную гордость и успокоить чѣмъ-нибудь умъ, которому холодно, темно и страшно, потому-что неразлучный его товарищъ умеръ и окаменѣлъ, а его главная обязанность была согрѣвать умъ своею теплотою и свѣтить ему въ потемкахъ. Упади на окаменѣлое сердце лучъ съ Неба, и оно опять оживетъ, опять проникнется небесною теплотою, опять въ немъ явится любовь къ добру, отвращеніе отъ зла: явится совѣсть.

Нѣтъ! Совѣсть не человѣческое произведеніе. Это таинственный и вмѣстѣ ясный голосъ неба. Какими умозрѣніями можно внушить сердцу убѣжденіе, что вытащить платокъ изъ чужаго кармана, обидѣть жестоко ближняго, обсчитать вдову, притѣснить беззащитнаго сироту — значитъ сдѣлать доброе и благородное дѣло. Какими умозрѣніями заглушишь въ сердцѣ какое-то тихое удовольствіе, какую-то спокойную радость, когда сдѣланъ, — не для хвастовства, не для суетности, а по порыву сердца и въ тайнѣ, именно въ тайнѣ,—добрый, благородный, великодушный поступокъ, согрѣтый безкорыстною, чистою любовью къ ближнимъ.

Но законы, по которымъ дѣйствуетъ совѣсть, не объяснены еще философіею, какъ законы мышленія. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что совѣсть не подвергалась еще такимъ изслѣдованіямъ и размышленіямъ, какъ умъ, или же отъ того, что постичь и объ-

Digitized by Google

яснить ея источникъ, ея природу, ея законы гораздо труднѣе, чѣмъ законы мышленія. Однакожъ, никто, конечно, не станетъ оспоривать, что совѣсть есть въ каждомъ человѣкѣ, и что, слѣдовательно, существуютъ и законы, по которымъ она дѣйствуетъ, потому-что въ природѣ ничто не можетъ существовать безъ закона. Оспоривать бытіе совѣсти было бы слишкомъ безсовѣстно, слѣдовательно нельзя оспоривать и законовъ ея. Но дѣло извѣстное, что родъ людской очень хорошо знаетъ отыскать, изслѣдовать, опредѣлить всѣ возможные законы, а исполнять ихъ—это дѣло другое. Напримѣръ, философы объяснили и опредѣлили въ Логикѣ законы мышленія, а сами всегда ли разсуждаютъ умно, правильно, основательно? Иногда и на мудреца бываетъ простота, свидѣтельствуетъ пословица. Очень многіе знаютъ преосновательно Логику, а сами такъ иногда разсуждаютъ, что избави Богъ! Вѣроятно, все умныя да умныя вещи наскучиваютъ уму, и онъ, пользуясь властью нарушать законъ по своему благоусмотрѣнію, хватается иногда, для развлеченія, и за глупость. Почти таже исторія происходитъ и съ совѣстью. Послушать, такъ всѣ люди ангелы, во всѣхъ добросовѣстность идеальная, баснословная, напоминающая золотой вѣкъ. А на дѣлѣ часто видишь совсѣмъ другое. Очень было бы желательно, чтобы новѣйшіе философы по-пристальнѣе занялись изслѣдованіемъ законовъ совѣсти и составили объ нихъ особую науку, которая, какъ намъ кажется, была бы гораздо важнѣе и полезнѣе Логики. Но та бѣда, что изъ системъ новѣйшихъ философовъ, по собственному признанію ихъ самихъ и послѣдователей ихъ, невозможно вывести никакихъ началъ, никакихъ основаній нравственности и совѣсти. Такимъ образомъ, если въ комъ нѣтъ старой, отставшей отъ вѣка совѣсти, то достать новѣйшую, сообразную съ современными требованіями и съ настоящимъ развитіемъ человѣчества, рѣшительно негдѣ. Теперь начало, устрой—

Digitized by Google

ство, дальнѣйшая судьба земнаго шара и всей вселенной, приведены уже новѣйшими умозрительными мудрецами въ систему, и много заботиться о природѣ и человѣчествѣ уже не нужно: онѣ пойдутъ своимъ порядкомъ. Пора теперь обратить вниманіе на нравственность, на изслѣдованіе законовъ совѣсти и на изданіе нхъ въ систематическомъ порядкѣ. Одинъ древній вавилонскій мудрецъ, жившій въ первыхъ вѣкахъ послѣ потопа, занимался уже этимъ предметомъ и написалъ бездну сочиненій, которыя къ сожалѣнію почти всѣ погибли для человѣчества вмѣстѣ съ познаніемъ кореннаго вавилонскаго языка. Только нѣкоторыя изъ его сочиненій сохранились въ переводахъ на древнемъ индѣйскомъ или санскритскомъ языкѣ. Сообщимъ одно изъ нихъ нашимъ читателямъ, въ переводѣ на русскій. Вавилонскаго мудреца звали Меродахъ-Валаданомъ. Всѣ его сочиненія написаны въ особенномъ драматическомъ родѣ. Въ его драмахъ главныя дѣйствующія лица—не люди, а разныя способности души или отвлеченныя понятія въ видѣ людей. Меродахъ-Валаданъ написалъ такихъ драмъ 5220, ровно въ десять разъ больше плодовитаго писателя Кальдерона, котораго называютъ испанскимъ Шекспиромъ. Впрочемъ дивиться нечему; Кальдеронъ жилъ только 86 лѣтъ, а Меродахъ-Валаданъ прожилъ 694 года, слѣдовательно имѣлъ время написать много, пріобрѣсти большую опытность и узнать человѣчество лучше нынѣшнихъ недолговѣчныхъ мудрецовъ и писателей. На санскритскомъ языкѣ драма, которую мы сейчасъ сообщимъ читателямъ, называется *Санведа*, то есть, совѣсть.

САНВЕДА.

Дѣйствующія лица.

Умъ, богатый владѣтель круглой башни съ обсерваторіею и придворный астрологъ вавилонской царицы Шестирамиды.

Digitized by Google

Чувство, жена его.

Воля, дочь ихъ.

Санведа, неизвѣстная дѣвушка, живущая въ домѣ господина Ума.

Страсти, старая волшебница и пріятельница жены господина Ума.

Народъ, мудрецы, глупцы и глупомудры *.

Восхожденіе солнца первое.

Въ верхней залѣ башни сидитъ господинъ Умъ съ женою, дочерью и Санведою.

Г. Умъ. Какъ я доволенъ собой! Мнѣ удалось сдѣлать очень важное наблюденіе надъ звѣздами.

Г–жа Чувство. Радуюсь этому, милый муженекъ! Когда ты доволенъ собой, такъ и мнѣ весело.

Г. Умъ. Послушай, дочь! Ты вѣдь мой правитель дѣлъ и исполнитель всѣхъ моихъ порученій. Напиши все, что я скажу тебѣ, на мѣдной доскѣ и выставь на Вавилонскую площадь. Мнѣ хочется увѣрить Вавилонъ, что никто не превзойдетъ меня въ мудрости, и что мудрецъ Элибъ не стоитъ моего мизинца.

Г–жа Чувство. Да, да! сдѣлай это, любезная дочь!

Г–жа Воля. Очень хорошо, непремѣнно все исполню. Мой долгъ повиноваться родителямъ во всемъ.

Санведа. Очень похвально, что ты, господинъ Умъ, сдѣлалъ важное наблюденіе; но зачѣмъ же хочешь ты унизить мудреца Элиба?

Г. Умъ. Я не хочу его унижать; я желаю только,

* Иначе не придумали мы перевести этого слова. Подъ именемъ глупомудровъ Меродахъ-Баладанъ разумѣетъ людей среднихъ, то есть, не очень глупыхъ и не очень умныхъ.

Digitized by Google

чтобы видѣли разницу между нимъ и мною, и отдали каждому свое.

Г–жа Чувство. Я не люблю этого Элиба. Онъ мнѣ не нравится.

Г. Умъ. И мнѣ также. Я его подозрѣваю въ зависти, даже въ тайной враждѣ ко мнѣ.

Г-жа Чувство. Онъ негодяй! Очень хорошо сдѣлаешь, мой мужъ, если совсѣмъ уронишь его во мнѣніи Вавилонянъ. Я боюсь, чтобы онъ не затмилъ тебя.

Г. Умъ. Справедливо. Надобно принять противъ этого мѣры. Слышишь, дочь?

Г-жа Воля. Слышу, и все сдѣлаю, что прикажете.

Санведа. Вы затѣваете дѣло, которое мнѣ совсѣмъ не нравится.

Г. Умъ. Ты всегда мнѣ противорѣчишь!

Г–жа Чувство. Не слушай ее, любезный мужъ. Я боюсь, я не люблю Элиба.

(Входитъ госпожа Страсти, допотопная старуха.)

Г-жа Страсти. Мое привѣтствіе вамъ, сударыня! Извините, что не была вчера у васъ.

Г–жа Чувство. Милости просимъ! Вы всегда дорогая моя гостья. Что новаго?

Г–жа Страсти. Ничего; все идетъ по-старому на свѣтѣ. Я бы совѣтовала только подставить ногу Элибу. Онъ врагъ вашего семейства, опасный врагъ. Пожалуй, онъ затмитъ вашего мужа.

Г. Умъ. Вздоръ! Никогда не затмитъ. Гдѣ ему равняться со мною. Онъ не что иное, какъ глупомудръ. Во всемъ Вавилонѣ, во всемъ свѣтѣ, я первый мудрецъ.

Г-жа Страсти. Остерегитесь! Не попадите во вторые.

Digitized by Google

Г-жа Чувство. Какъ во вторые! Быть этого не можетъ! Я готова выцарапать глаза Элибу, готова его погубить, уничтожить. Дочь! Дѣлай, что слѣдуетъ.

Г. Умъ. Подожди, жена! Надобно прежде размыслить. Въ самомъ дѣлѣ Элибъ, хоть я его и считаю глупомудромъ, до сихъ поръ никому не мѣшалъ и не завидовалъ, любилъ меня и всѣхъ истинныхъ мудрецовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если размыслить.....

Г-жа Чувство. У тебя все размышленія! Не нужно размышлять.

Г-жа Страсти. Никогда не нужно. Это вздоръ!

Санведа. Ты говоришь вздоръ, это правда.

Г-жа Страсти. А ты что меня учишь, дѣвченка! Кто ты такая? Пріемышъ въ домѣ господина Ума, неизвѣстнаго происхожденія.

Санведа. Мой родъ гораздо выше и почтеннѣе твоего, но я не скажу откуда я родомъ: это моя тайна.

Г-жа Чувство. Молчи! Не смѣй грубить моей гостьѣ. Она тебя старше и почтеннѣе. Я люблю ее.

Г-жа Страсти. Я такъ стара, что и годамъ своимъ счетъ потеряла. Меня всѣ любятъ, всѣ охотно принимаютъ, и въ хижинахъ, и въ чертогахъ, а тебя, дѣвченка, изъ многихъ хорошихъ домовъ часто гонятъ. Ты всѣмъ надоѣдаешь.

Санведа. Правда, что я особенно непріятна всѣмъ твоимъ короткимъ пріятелемъ и пріятельницамъ; однакожъ и мнѣ вездѣ свободный входъ, и въ хижины, и въ чертоги; лишь ты изъ дверей, а я въ двери. Нерѣдко и вмѣстѣ съ тобою сталкиваемся и ссоримся, точно такъ, какъ теперь. Господинъ Умъ! выгоните изъ вашего дома эту старую колдунью.

Г-жа Чувство. Я скорѣе тебя выгоню. Что ты заступаешься за Элиба! Я къ нему чувствую отвращеніе, сама не знаю за что.

Digitized by Google

Г–жа Страсти. Я не думала, господинъ Умъ, чтобы вы были такъ слабы. Уступить Элибу! Забыть до такой степени собственное достоинство! Срамъ, сударь, стыдъ, непростительная слабость! Его и глупомудромъ назвать нельзя; онъ просто глупецъ, злодѣй, извергъ, который, пожалуй, посадитъ васъ изъ мудрецовъ прямо въ дураки, если не примете заблаговременныхъ и надлежащихъ мѣръ. Послушайтесь меня и вашей супруги, поручите вашей дочери уничтожить Элиба, а эту дѣвченку вонъ.

(Начинается шумъ и споръ).

Г. Умъ. Да перестаньте! Вы меня совсѣмъ сбили съ толку. Тьфу пропасть, какой содомъ! Ну, дѣлайте что хотите; я пойду прогуляться.

(Солнце заходитъ.)

Восхожденіе солнца второе.

Таже зала въ башнѣ. Г-жа Чувство и г-жа Страсти горячо спорятъ съ Самведою. Г-жа Воля сидитъ въ недоумѣніи и посматриваетъ на нихъ изъ подлобья.

Элибъ. Мое почтеніе! А гдѣ господинъ Умъ?

Г–жа Чувство, (сухо.) Онъ ушелъ прогуляться. Его дома нѣтъ.

Элибъ. Какъ! дома нѣтъ? Да онъ говоритъ всѣмъ о себѣ, что никогда и никуда не выходитъ; что онъ страшный домосѣдъ. Навѣрное онъ дома, но не велѣлъ сказываться.

Г–жа Чувство. Говорятъ вамъ, его дома нѣтъ.

Элибъ. Странно!

Г–жа Чувство. Ничего тутъ нѣтъ страннаго.

Элибъ. Воля ваша странно! Знаю, что иногда, господинъ Умъ подъ вечеръ уѣзжаетъ, на пріятельскую пи–

Digitized by Google

рушку напримѣръ, для отдохновенія, или въ собраніе мудрецовъ, для разсужденія и разрѣшенія извѣстныхъ всѣмъ у насъ, въ Вавилонѣ, ученыхъ вопросовъ о семи тысячахъ непостижимыхъ вещей. Но теперь, поутру, когда надобно быть дома, за дѣломъ, уйти неизвѣстно куда! Это странно.

Г–жа Чувство. Не троньте моего мужа, господинъ Элибъ! Я васъ знаю! Вы врагъ его, завистникъ, вы...

Элибъ. Помилуйте, сударыня, съ чего вы это взяли.

Г–жа Страсти. Покажите себя! Неужели вы ему уступите.

Г–жа Чувство. Вонъ, сударь! Мы васъ вытолкаемъ, прибьемъ, осрамимъ. Дочь! помоги мнѣ. Г-жа Страсти, въ шею что ли его?

Г–жа Страсти. Въ шею, въ шею! Проводите его до средины Вавилонской площади, и тамъ всенародно разругайте. Глупцы примутъ вашу сторону, увлекутъ своимъ примѣромъ глупомудровъ, глупомудры мудрецовъ, и Элибу, безъ сомнѣнія, дадутъ потасовку общими силами.

Санведа. Не слушайте, сударыня, этой полоумной старухи. Мудрецы станутъ надъ вами смѣяться, всѣ Вавилоняне осудятъ. Спросите вашего мужа: онъ вамъ тоже скажетъ. Ахъ, какъ бы поскорѣе онъ воротился.

(Умъ входитъ).

Элибъ. Не ожидалъ я такого пріема въ вашемъ домѣ! Что я сдѣлалъ такое вамъ и вашему семейству.

Санведа, (на-ухо Уму). Вытолкайте эту старую колдунью, уймите жену, и удержите дочь.

Г. Умъ. Я ничего не понимаю. Перестаньте шумѣть. Дайте мнѣ объясниться съ Элибомъ.

Г–жа Страсти, (на-ухо Элибу). Не объясняйтесь съ нимъ, не унижайте себя.

Digitized by Google

Элибъ. Прощайте, господинъ Умъ! Нога моя не будетъ болѣе въ вашемъ домѣ послѣ напрасной обиды...

Г-жа Страсти, (на-ухо Уму). Видите ли какой неуступчивый. Онъ васъ въ вавилонскую денежку не ставитъ. Не унижайте себя.

Г. Умъ. Послушайте, господинъ Элибъ! Я вамъ скажу прямо, безъ обиняковъ. Вы, по моему мнѣнію, не имѣете права считать себя мудрецомъ; вы довольно искусный и опытный глупомудръ, но не болѣе.

Г-жа Страсти, (про себя.) Надобно ихъ хорошенько поссорить и стравить. (Вслухъ.) Что жъ вы молчите, господинъ Элибъ? Я не предполагала въ васъ такого малодушія.

Элибъ, (горячо.) Очень желалъ бы знать, господинъ Умъ, ваши права на званіе перваго мудреца, какимъ вы себя считаете. Я вамъ докажу, сударь, самъ....

Санведа. Элибъ! И ты вздурился.

Элибъ. Не мѣшай! Совѣсть велитъ мнѣ, господинъ Умъ, сказать вамъ въ глаза, что вы шарлатанъ и пустой человѣкъ.

Санведа. Клеплешь на совѣсть! Она тебѣ никогда этого не приказывала. Это я очень хорошо знаю.

Г. Умъ. А мнѣ также совѣсть велитъ васъ назвать извергомъ рода человѣческаго.

Санведа. Ахъ какъ безсовѣстно лгутъ. Г. Умъ, что вы это!

Г. Умъ. Молчи!

Г-жа Страсти. Продолжайте, господа! Я очень люблю слушать жаркіе, ученые споры, когда ихъ ведутъ съ чувствомъ собственнаго достоинства.

Элибъ. Я вѣдь чортъ на правду!

Санведа. Не всегда, не хвастай. Притомъ чортъ не большой охотникъ до правды.

Digitized by Google

Г. Умъ. Нѣтъ не вы, а я чортъ на правду. Моя добросовѣстность извѣстна всему Вавилону.

Санведа. Добросовѣстность? Что это такое? Какое это слово? Вы ужъ, кажется, меня задѣваете, и говорите мнѣ колкости.

Г. Умъ и Элибъ. (Вмѣстѣ.) Да убирайся, окаянная, не мѣшай намъ.

Санведа. Стыдно такъ гнѣваться. Я бы совѣтовала вамъ и между собою и со мною помириться.

Г. Умъ. Поди вонъ, говорятъ тебѣ. Дай мнѣ разсчитаться съ Элибомъ. Я ему докажу, что онъ лошадь.

Элибъ. А я докажу, что г. Умъ — оселъ.

Санведа. Не уймешь ихъ. Пусть срамятъ себя, если пришла такая охота. Пожалуй, еще съ-горяча прибьютъ меня, или совсѣмъ убьютъ. Ни тому, ни другому нельзя вѣдь отказать въ мудрости, а право, ведутъ себя, какъ дѣти. Пойду съ горя прогуляться.

(Солнце заходитъ.)

Восхожденіе солнца третіе.

Площадь въ Вавилонѣ, близъ храма Бела, надъ которымъ возвышается осмиярусная башня. Толпа мудрецовъ, глупомудровъ и глупцовъ. Первые въ синихъ, вторые въ желтыхъ, третьи въ красныхъ мантіяхъ. Г. Умъ и Элибъ борются, стараясь одинъ другаго уронить; потомъ начинаютъ драться и таскать поочередно другъ друга за волосы. Народъ, въ красныхъ мантіяхъ, аплодируетъ.

Но здѣсь, мы принуждены остановиться, потому-что помѣстить въ одномъ нумерѣ журнала всю Санведу невозможно. Долговѣчный Меродахъ-Валаданъ очевидно писалъ ее въ теченіе какихъ-нибудь двухъ сотъ или трехъ сотъ лѣтъ, по мѣрѣ того, какъ наблюденія надъ самимъ собою и его современниками подарали ему мы-

Digitized by Google

сли для его драмы, которая по-этому не имѣетъ общей связи и единства, и длинна до безконечности. О ея длинѣ можно судить по тому, что она дѣлится на девять тысячъ восхожденій солнца. Въ послѣдствіи, при случаѣ, представимъ читателямъ еще нѣсколько лучшихъ восхожденій солнца, которые выберемъ изъ Санведы; теперь же привели мы здѣсь только два, для того, чтобы авторитетомъ древняго вавилонскаго мудреца, который наблюдалъ человѣчество въ теченіе 600 лѣтъ слишкомъ, подкрѣпить третій пунктъ доказываемой нами темы, состоящій въ томъ, что не можетъ на свѣтѣ существовать критики идеально-добросовѣстной точно такъ же, какъ и идеально-безпристрастной. Во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ найдете вы хоть маленькую страсть и слѣдовательно хоть какое нибудь крошечное пристрастіе, величиною хоть съ инфузорія, а гдѣ этотъ инфузорій, — котораго иногда можно видѣть и безъ микроскопа, простыми глазами, — тамъ невозможна полная, чистая добросовѣстность, которую часто подточиваетъ другой еще инфузорій: оскорбленное самолюбіе. О немъ не вавилонскій мудрецъ Меродахъ-Валаданъ, а нашъ землякъ, остроумный Марлинскій, очень справедливо сказалъ, что вспышка негодованія улетаетъ съ сердца, но обиженное самолюбіе — червь; оно не имѣетъ ни ногъ, ни крыльевъ: оно остается.

Сынъ Отечества употребитъ всѣ усилія, чтобы избѣгать, сколько возможно, опасныхъ для критики инфузоріевъ, также прогулокъ и другихъ разнообразныхъ приключеній Санведы, описанныхъ Меродахъ-Валаданомъ въ его девяти тысячахъ восхожденій солнца. Постараемся стремиться, вмѣстѣ съ другими критиками,—по своей, *русской* дорогѣ,—къ безпристрастію, основательности и добросовѣстности, и поставимъ себѣ за правило высказывать искренно свои мнѣнія и убѣжденія; но въ какой степени успѣемъ мы приблизиться къ тремъ кри-

Digitized by Google

тическимъ, идеальнымъ добродѣтелямъ, — это читатели сами увидятъ, безъ нашихъ обѣщаній и объясненій.

Въ слѣдующемъ нумерѣ Сына Отечества приступимъ къ разборамъ новыхъ произведеній русской словесности нынѣшняго года. Прошлогоднихъ мы не хотѣли касаться. Сдѣлаемъ только исключеніе для немногихъ, самыхъ замѣчательныхъ книгъ прошлаго года.

Но пора кончить вступленіе. Если оно, можетъ-быть, длинно, стоитъ только вспомнить безконечную драму Мородахъ-Валадана. Въ сравненіи съ нею все покажется короткимъ.

Digitized by Google

ны Шенда, котораго сочиненіе напечатано въ первой книжкѣ Сына Отечества. Иностранецъ Шендъ, въ своемъ посланіи къ другу, за границу, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ кончины Петра Великаго, писалъ: «надъ нѣкоторыми малоизвѣстными писаками, съ безтолковыми и праздными головами, которые имѣли дерзость осыпать пастоящій ходъ дѣлъ въ Россіи отвратительными клеветами и тупыми остротами, какъ то: Веберомъ, Перри, Нейбауромъ, Бразомъ и Нёвиллемъ, и другими ненавистниками Россіи или подкупленными, по окончаніи Шведской войны, клеветниками, рѣшительно не стóитъ и останавливаться.» Такой приговоръ очень важенъ въ устахъ современника и притомъ не заѣзжаго, а жившаго въ Россіи иностранца, — котораго все сочиненіе носитъ на себѣ печать правды и безпристрастія. Намъ не легко теперь отличать истину отъ клеветы; намъ должно съ трудомъ соображать, изыскивать въ прошедшемъ то, что Шендъ могъ повѣрить собственнымъ опытомъ, собственными глазами. Неужели можно намъ теперь принимать нелѣпые, преувеличенные разсказы, напримѣръ, хоть господина Корба, за истину, и пользоваться имъ, какъ историческимъ источникомъ? Возьмите въ примѣръ нынѣшніе разсказы иностранцевъ о Россіи, прочитайте въ первой книжкѣ Русскаго Вѣстника нынѣшняго года превосходный разборъ Н. А. Полеваго книги: La Russie, par A. Ferrier, Membre de la Société francaise de statistique et de la Société de géographie de Paris, т. е., «Россія, соч. А. Феррье, члена Французскаго Общества статистики и Парижскаго Географическаго Общества.» «Всего изумительнѣе то,» пишетъ Н. А. Полевой: «отъ чего многимъ путешественникамъ многое кажется у насъ какъ-то на изворотъ? Кажется, они сами смотрятъ, глядятъ, толкуютъ имъ, и между тѣмъ они ничего не понимаютъ или понимаютъ такъ нелѣпо и превратно, что потомъ нельзя не сердиться на нихъ, не смѣяться надъ ними.» И ка-

Digitized by Google

кая еще разница между положеніемъ нынѣшнихъ иностранцевъ и тѣхъ, которые посѣщали Россію въ старину. Нынѣшніе вездѣ встрѣтятъ русскихъ, знающихъ иностранные языки, могутъ удобно дѣлать разспросы, требовать поясненій, а тѣ иностранцы, которые пріѣзжали въ Россію во время Петра Великаго и прежде, много ли могли найти людей, которые были бы въ состояніи что-нибудь имъ пояснить. Потому нисколько не удивительно, что въ ихъ описаніяхъ всѣ собственныя имена искажены до-нельзя, произшествія разсказаны большею частію невѣрно, и, для большаго эффекта, съ прикрасами; Русскіе и Россія изображены кистью маляра,

Которая всегда надъ смертными играла,
Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала.

Для показанія вѣрности этой кисти, приведемъ хоть небольшой разсказъ изъ сочиненія секретаря посольства императора Римскаго, Адольфа Лизека, бывшаго въ Москвѣ въ 1675 году. Лизекъ, по долгу службы, велъ въ Россіи записки, для представленія своему двору, но побуждаемый желаніемъ многихъ «познакомиться съ Московіею», напечаталъ за границей свое сочиненіе. По собственнымъ его словамъ, онъ писалъ только то, что самъ видѣлъ и слышалъ, избѣгая догадокъ, преувеличеній и выписокъ изъ чужихъ книгъ. Какъ, кажется, послѣ этого не повѣрить всѣмъ его описаніямъ. Въ нихъ очень много справедливаго и дѣльнаго, но, между прочимъ, вотъ что онъ разсказываетъ. «За преступленія судятъ въ Московіи не только людей, но животныхъ и даже неодушевленныя вещи.» Какъ вамъ это нравится? Г-нъ Лизекъ приводитъ и примѣръ. Онъ повѣствуетъ, что «въ домѣ одного русскаго боярина козелъ столкнулъ боярскаго сына съ лѣстницы. За это предали козла суду.» По всему видно, что козелъ не переговорилъ предварительно съ дьякомъ

Digitized by Google

приказа и не умѣлъ оправдаться. Г–нъ Лизекъ пишетъ, что преступнаго козла наказали батогами и сослали въ Сибирь; однако жъ въ послѣдствіи облегчили судьбу изгнанника, потому–что все семейство боярина любило этого козла, и ему положили на пропитаніе въ Сибири пенсію: по копѣйкѣ на день. И всю эту трогательную исторію о козлѣ г-нъ Лизекъ написалъ нисколько не шутя, по долгу службы, для представленія своему двору въ числѣ прочихъ своихъ наблюденій и замѣчаній, сдѣланныхъ въ Россіи.

Между тѣмъ, не помнимъ гдѣ, было напечатано рѣшительное мнѣніе какого–то критика, (очевидно имѣющаго претензію на европеизмъ,) что иностранныя описанія Россіи — единственный, хорошій источникъ для исторіи нашего отечества, и что наши, русскіе источники никуда не годятся. Какихъ мнѣній не провозглашаютъ на свѣтѣ! Такое мнѣніе, по основательности, можетъ смѣло стать на ряду съ исторіею секретаря посольства, г-на Лизека, о сосланномъ въ Сибирь козлѣ.

Весь богатый запасъ извѣстныхъ источниковъ для Исторіи Петра Великаго, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, требуетъ строгой исторической критики и внимательнаго соображенія; они необходимо требуютъ повѣрки съ современными подлинными дѣлами и актами, которые хранятся въ архивахъ. Но это трудъ огромный, хотя и необходимый для начертанія полной и вѣрной исторіи безпримѣрнаго Петра.

Безъ сомнѣнія, самъ господинъ Ламбинъ не станетъ обѣщать исторіи полной и вѣрной, о какой мы говорили выше. Сколько мы видимъ, онъ главнѣйше основывается на Исторіи Петра Великаго, сочиненной Бергманомъ, дѣлаетъ изъ нея извлеченіе и дополняетъ его или свѣряетъ съ другими, ему извѣстными книгами, въ томъ числѣ съ учебнымъ руководствомъ г. профессора Устрялова. Новыхъ историческихъ открытій и выводовъ нельзя и требовать при такомъ планѣ работы, тѣмъ бо-

Digitized by Google

лѣе, что все изданіе предположено окончить въ одинъ годъ. Въ программѣ издателя было сказано, что все сочиненіе будетъ состоять изъ 20 тетрадей въ два или три печатныхъ листа въ 8-ю долю большаго формата. Слѣдовательно будетъ во всемъ сочиненіи не болѣе 60 листовъ, которые составятъ 960 страницъ. Но рисунки, которыхъ обѣщано 500, по необходимости уменьшатъ мѣсто для текста, который по-этому долженъ быть сжатѣе сочиненія Бергманова, составляющаго 6 частей. Въ первой тетради господина Ламбина журналы замѣтили,— и справедливо, — много промаховъ. Вторая тетрадь написана лучше первой. Какъ извлеченіе, какъ сводъ книгъ уже прежде извѣстныхъ, не станемъ подвергать ее критическому разбору. Притомъ удобнѣе разобрать цѣлое сочиненіе, когда оно окончится. Мы только замѣтили, вскользь, во второй тетради двѣ ошибки. Г. Ламбинъ пишетъ, что царица Наталія Кирилловна, за малолѣтствомъ сына, объявлена была въ Апрѣлѣ 1682 года правительницею государства. Автора ввелъ въ ошибку Бергманъ, сказавъ, что Наталія содѣлалась чрезъ возвышеніе своего сына правительницею. Г. Ламбинъ прибавилъ, что объ этомъ даже было объявлено. Можемъ увѣрить автора, что никогда этого не было. О порученіи государственнаго управленія царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ существуетъ актъ 26 Мая 1682 года, но подобнаго акта о царицѣ Наталіи Кирилловнѣ нигдѣ не отыщетъ ни Бергманъ, ни господинъ Ламбинъ. Другая ошибка состоитъ въ томъ, что къ числу жертвъ перваго стрѣлецкаго бунта, 15 Мая 1682 года, причисленъ господиномъ Ламбинымъ князь Черкасскій. Древняя Россійская Виѳліоѳика (Ч. VII стр. 481 и 482) свидѣтельствуетъ, что 8 Іюля того же года, то есть, безъ малаго черезъ два мѣсяца послѣ возмущенія, этотъ самый князь участвовалъ въ церковномъ ходѣ изъ Успенскаго Собора въ церкви Казанской Божіей Матери, и сопровождалъ, 13 Іюля, царей Іоанна и Петра Алексѣевичей въ

Digitized by Google

Троицко-Сергіевскую Лавру. О мнимой смерти князя сказалъ Голиковъ въ Дѣяніяхъ Петра Великаго. (Ч. I. стр. 158), а изъ Голикова заимствовалъ это ошибочное свѣдѣніе Бергманъ. Еще замѣтили мы странность. Для чего господинъ Ламбинъ заимствовалъ описаніе вѣнчанія на царство Іоанна и Петра изъ романа *Стрѣльцы*, сочиненнаго пишущимъ эти строки? Благодаримъ за честь, но все-таки скажемъ, что странно заимствовать что-либо въ исторію изъ романа. Для романа это описаніе извлечено было нами сокращенно изъ печатнаго подробнаго «Церемоніала 25 Іюня 1682 года о вѣнчаніи на царство Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича.»

Напрасно господинъ Ламбинъ не обратился къ этому акту, въ которомъ увидѣлъ бы много любопытныхъ подробностей, напримѣръ, рѣчь Царей Іоанна и Петра къ Патріарху, произнесеиную ими въ Успенскомъ Соборѣ. Его ввелъ въ эту странность русскій переводъ Бергмана. Переводчикъ Бергмана, прочитавъ историческія примѣчанія къ роману *Стрѣльцы*, призналъ необходимымъ поправить по этимъ примѣчаніямъ нѣкоторыя, явныя невѣрности въ Бергманѣ и включилъ эти поправки въ видѣ *своихъ* подстрочныхъ примѣчаній къ переводу. По этому можно судить вѣрны ли и полны ли наши исторіи о вѣкѣ Петра Великаго, когда ихъ приходится поправлять на основаніи романовъ. Только въ одномъ подстрочномъ примѣчаніи (Бергманъ, Ч. I. стр. 96, изданіе первое) переводчикъ сказалъ: «я считаю не излишнимъ включить «здѣсь подробное описаніе сей коронаціи, заимствован«ное мною изъ извѣстнаго сочиненія господина Масаль«скаго, а имъ извлеченное изъ достовѣрнѣйшихъ ис«точниковъ.» Такимъ образомъ описаніе вѣнчанія на царство Царей Іоанна и Петра изъ *Стрѣльцовъ* перешло въ исторію Бергмана, а изъ этой исторіи въ сочиненіе господина Ламбина. Мудреное похожденіе этого описанія! Гораздо было бы лучше и Бегману, и его

Digitized by Google

переводчику и господину Ламбину обратиться къ церемоніалу, который мы выше указали.

Теперь поговоримъ о художественной части Исторіи Петра Великаго, издаваемой господиномъ Эльснеромъ. Въ прошлогоднемъ Русскомъ Вѣстникѣ были строгія, но справедливыя замѣчанія на сочиненіе рисунковъ и на ихъ отдѣлку. Во второй тетради рисунки лучше, но все еще не удовлетворительны. Мы увѣрены, что господинъ издатель не разсердится на насъ за откровенность. Впрочемъ и безъ нашей откровенности неудовлетворительность рисунковъ — дѣло ясное, открытое для всѣхъ, имѣющихъ глаза. Посмотрите на изданія французскія въ подобномъ родѣ. Г. Эльснеръ, для успѣха изданія, самъ, безъ сомнѣнія, приложитъ все стараніе, чтобы улучшить по возможности свои рисунки. Нѣкоторые изъ нихъ, во второй тетради, не скажемъ прекрасны, а хороши, иные же очень слабы. Напримѣръ портретъ на стр. 40. Онъ не только ни на кого, но ни на что не похожъ. На страницѣ 49 передъ Стрѣльцами поставлены чарки величиною въ наперстокъ, и такая маленькая бутылка, что она походитъ на стклянночку съ лекарствомъ. Говоримъ безъ всякаго преувеличенія или, правильнѣе здѣсь сказать, безъ всякаго умаленія. Для четырехъ Стрѣльцовъ, помѣщенныхъ около стола, для попойки, художникъ отпустилъ слишкомъ бѣдное угощеніе. Стрѣльцы не были такъ умѣренны. Бутылку можно было бы увеличить, безъ всякаго опасенія, вчетверо, а чарки впятеро. Вообще въ рисункахъ какъ-то мало огня, не достаетъ жизни. Лучше сдѣлать ихъ менѣе, но отлично. Отъ ихъ совершенства, какъ намъ кажется, вдвое подвинется успѣхъ изданія, котораго господину Эльснеру желаемъ отъ души, хотя и увѣрены, судя по началу, что его изданіе не устранитъ, по обѣщанію его программы, «недостатка въ сочиненіи, вполнѣ народномъ, понятномъ и доступномъ всѣмъ и каждому, которое изображало бы жизнь

Digitized by Google

и дѣянія Петра Великаго и соотвѣтствовало бы внутреннимъ достоинствомъ важности предмета и потребностямъ настоящаго времени и вкуса.»

Стихотворенія Аполлона Майкова. *Санктпетербургъ, 1842.* Въ типографіи Э. Праца. *240 стр.* Въ 8.

Мы не имѣемъ чести знать автора. Говорятъ, что онъ молодой человѣкъ. Но все равно, молодъ ли онъ, или старъ, знакомъ намъ, или не знакомъ, у насъ въ рукахъ его стихотворенія, а до всего прочаго намъ никакого дѣла нѣтъ. Нынче говорятъ и пишутъ, что время стиховъ прошло; что стиховъ никто не читаетъ. Правда ли это? И правда, и неправда. Время прекрасныхъ стиховъ, въ которыхъ бы заключались истинныя красоты поэзіи, никогда пройти не можетъ. Слѣдовательно, несправедливо, что время стиховъ прошло. Это неправда. Съ другой стороны, у читающей публики, если не совсѣмъ, то замѣтно прошла охота къ чтенію стиховъ. Это правда. Но взглянемъ по пристальнѣе отъ чего у насъ вкусъ къ поэзіи притупился? А вотъ отъ чего, какъ намъ кажется.

Положимъ, что какой нибудь виртуозъ сыгралъ передъ вами превосходное сочиненіе. Вы тронуты, обворожены его музыкой, вы въ восторгѣ. Завтра другой виртуозъ, послабѣе, играетъ передъ вами то же сочиненіе. Вы уже не такъ восхищаетесь, какъ вчера. Потомъ вы слышите годъ, два или три, пять или десять лѣтъ сряду, каждый день, то же сочиненіе, только его разыгрываютъ не виртуозы, а музыканты порядочные, а иногда плохіе. Наконецъ къ вамъ являются шарманки и начинаютъ, безъ всякаго милосердія, наигрывать то самое сочиненіе, которымъ восхитилъ васъ когда-то виртуозъ. Онѣ напоминаютъ вамъ его при всей фальшивости своихъ тоновъ; вы слышите все то же музыкальное сочиненіе, которое за нѣсколько лѣтъ васъ вос-

Digitized by Google

хитило; но вамъ оно уже до смерти прискучило отъ безпрерывныхъ повтореній. Вы затыкаете уши.

Почти то же у насъ было и со стихами. Легкій, гармоническій стихъ Пушкина восхитилъ, обворожилъ всѣхъ. Кто не помнитъ этого! Потомъ начались повторенія одного и того же. Въ каждомъ новомъ стихотвореніи вы болѣе или менѣе слышали чудесные звуки Пушкина, только съ примѣсью фальшивыхъ. Одно и то же вамъ надоѣло, и вы перестали читать стихи. Размѣръ, пріемы, даже риѳмы все одни и тѣ же, въ теченіи десяти или двадцати лѣтъ. Если вы въ стихѣ прочитаете: *пламень*, то въ слѣдующей строкѣ или черезъ строчку въ васъ швырнутъ *камень; младость, радость* и *сладость*, дѣло извѣстное, неразлучны; если вы прочитали: *дѣвы*, то за ними сейчасъ услышите *напѣвы*; если вамъ встрѣтился *геній*, то за геніемъ не избѣжите *вдохновеній, видѣній, упоеній* или *волненій;* если вы, въ стихахъ, укрылись подъ *тѣнь*, то навѣрное черезъ строчку нападетъ на васъ *лѣнь*; если вамъ разсказываютъ про *пиръ шумный*, то черезъ стихъ къ вамъ выскочитъ *безумный; для счастья* необходимы *восторги сладострастья; грезы* влекутъ за собою непремѣнно *слезы; кровь* тащитъ за собою постоянно *любовь* или *вновь*; гдѣ *веселье*, ужъ тамъ и *похмѣлье* или *бездѣлье*, а иногда *новоселье*; встрѣтили вы *братій*, уже никакъ не обойдетесь безъ *объятій*; гдѣ *волна* или *она*, тамъ непремѣнно взойдетъ, хоть въ полдень, *луна;* а попалась вамъ *ошибка*, то въ слѣдъ за ней, какъ тутъ, является *улыбка*.

Если у васъ явилась теперь улыбка, то это добрый знакъ. Она означаетъ, что вы согласны съ нами въ томъ, что повтореніе и подражаніе — враги всего прекраснаго. Но повторенія и подражанія видимъ мы не въ одной формѣ стиховъ, не въ однихъ риѳмахъ.

Digitized by Google

Пушкинъ написалъ въ одномъ стихотвореніи:

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Въ другомъ·

Одинъ, среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю,
И за тебя мольбой безплодной
Кумиръ безчувственный молю.

Въ третьемъ :

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Въ четвертомъ:

Поютъ невестовыя дѣвы;
Ихъ сладострастныя напѣвы
Въ сердца вливаютъ жаръ любви.

Въ пятомъ:

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
Зови же сладкое бездѣлье,
И легкокрылую любовь
И легкокрылое похмѣлье.

Въ шестомъ:

Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.
На краткій мигъ блаженство намъ дано:
Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
Останется унынie одно.

Въ седьмомъ:

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье.

Digitized by Google

Въ восьмомъ:

Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылой,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой,
Она въ ладони бьетъ.....

Подражатели, упустивъ все высокое, все прекрасное въ твореніяхъ Пушкина, безъ сомнѣнія недостижимое для подражанія, принялись за то, что показалось имъ полегче, принялись воспѣвать на разные голоса сердечную пустоту., свои страданія, уныніе и тоску, напѣвы дѣвъ, бездѣлье и похмѣлье, нѣгу и сладострастье; принялись бранить стихами всѣхъ размѣровъ безчувственную и холодную толпу, то есть, почтенныхъ читателей, слезно жаловаться на жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ, выстраданными стихами, величать поэтовъ, то есть, себя. Да знаетъ ли безсмысленная толпа: что такое поэтъ? твердили они. Это соловей, это орелъ, это громовая туча, молнія, океанъ, бездна премудрости, тьма кромешная!

Толпа испугалась. А можетъ-быть ей наскучило слушать неучтивую брань, или надоѣло читать интересныя описанія сердечной пустоты, тоски и уныния. На читателей навели поэты тоску и уныніе, и они перестали читать стихи.

Самъ Пушкинъ смѣялся надъ такимъ направленіемъ своихъ подражателей и написалъ:

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразной
Урчитъ, и свищетъ, и гремитъ;
Но безтолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердитъ,
И эхо въ-слѣдъ за нею тоже:
Накуковали намъ тоску!
Хоть убѣжать. Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ куку!

Digitized by Google

Мода, эта дочь подражанія, убійственна въ словесности, въ которой чѣмъ болѣе оригиналовъ, тѣмъ лучше. Они одни и обращаютъ на себя вниманіе, привлекаютъ къ себѣ общее участіе. Всѣ истинныя дарованія, которыя и при Пушкинѣ и послѣ него, слѣдовали своему, особому направленію, были оцѣнены, были читаемы и до-нынѣ читаются. Явись и теперь новый поэтъ оригинальный, его будутъ всѣ читать. Нельзя сказать, что время стиховъ прошло.

Извините за длинное вступленіе. Его внушила намъ книга господина Майкова. Мы прочитали его стихотворенія съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ давно уже стиховъ не читали. Не всѣ его піэсы равнаго достоинства, но многія изъ нихъ истинно прекрасны. Гармонія и тщательная отдѣлка его стиха напомнила намъ Батюшкова. Мы не согласны съ тѣми критиками, которые, — не писавъ сами ничего ни въ стихахъ, ни въ прозѣ, кромѣ критикъ, — бранятъ все и всѣхъ, кромѣ своихъ пріятелей, и которые настоятельно отъ всѣхъ писателей требуютъ поразительныхъ, новыхъ, *раздирательныхъ* идей, вѣроятно сами чувствуя въ идеяхъ совершенный недостатокъ. Эти критики натолковали, что гармонія стиха, богатство риѳмъ, вообще наружная отдѣлка литературнаго произведенія — вздоръ, трынь-трава. Извините! Мы вамъ укажемъ на множество стихотвореній Пушкина, въ которыхъ не найдете новой, примѣчательной мысли, между-тѣмъ стихотворенія эти вы сами, господа критики, хвалите и превозносите. Чѣмъ же тутъ беретъ Пушкинъ, какъ не отдѣлкой? И маляръ можетъ изобрѣсти прекрасную идею для картины, но выполнитъ ее своею кистью, и вы, конечно, не назовете его живописцемъ, потому-что въ его картинѣ увидите кисть маляра. Между-тѣмъ пользуясь наставленіями и разрѣшеніями критиковъ, многіе пустились въ погоню за новыми, поразительными идеями, и пишутъ такіе стихи, что упаси Богъ! Правила

Digitized by Google

всѣ въ сторону, рифмы такія, что ушамъ больно, размѣры стиховъ дикіе, неслыханные. За то, говорятъ, тутъ есть идея Байроновская, Шекспировская, міровая! (Какъ не быть идеѣ, если сработалъ что-нибудь пріятель).

Можетъ-быть, въ подобномъ произведеніи и есть мысль, достойная Рафаэля или Мейербера, только она невидима и неслышима, а видима одна картина маляра, или слышенъ смычекъ дюжиннаго гудочника.

И такъ нельзя не похвалить господина Майкова за его тщательную отдѣлку стиховъ. Но они отличаются не однимъ этимъ наружнымъ, необходимымъ достоинствомъ. Многія стихотворенія молодаго поэта, какъ мы сказали, истинно прекрасны. Вотъ, напримѣръ, его *Лунная ночь*.

Тихій вечеръ мирно надъ полянами
Сумракъ синій въ небѣ разстилалъ,
Главы горъ одѣлися туманами,
Огонекъ въ прибрежьи засверкалъ,
И сошло молчанье благодатное,
Дремлетъ, нѣжась, зеркало зыбей:
Лишь въ поморьи эхо перекатное
Вторитъ глухо пѣснямъ рыбарей.

Чудный мигъ! вечернія моленія
Съ ѳиміамомъ скошенныхъ луговъ
День увлекъ къ престолу Провидѣнія,
Будто дань земныхъ его сыновъ.
Ангелъ міра, крыльями звѣздистыми,
Навѣваетъ сонъ и тишину,
И зажегъ надъ долами росистыми
Стражу ночи — звѣзды и луну.

Вотъ пора святая, безмятежная!
Взоръ, блуждая, тонетъ въ небесахъ....
Эта глубь лазурная, безбрежная,
Говоритъ о лучшихъ берегахъ.
Что же тамъ, за гранію конечнаго?

Digitized by Google

Что вдали сіянье звѣздъ златыхъ?
То не окна ль храма вѣковѣчнаго?
То не очи ль ангеловъ святыхъ?

Не живая ль лѣтопись вселенныя,
Гдѣ начертанъ тайный смыслъ чудесъ?....
Кто постигнетъ руны довременныя
Этой звѣздной хартіи небесъ?
Слышу, грудь восторгъ колеблетъ сладостный,
Вѣетъ на душу безвѣстный страхъ,
Будто зовъ знакомый ей и радостный
Кѣ звучитъ въ таинственныхъ словахъ....

То не гласъ ли отъ глубокой вѣчности, —
Голосъ Божій? то не онъ ли насъ,
Предъ лицомъ туманной безконечности,
Поражаетъ въ полунощный часъ?
Духъ нашъ жаждетъ, въ этотъ мигъ молчанія,
Въ сонмъ святыхъ архангеловъ взлетѣть,
И въ вѣнцѣ изъ звѣздъ Отцу созданія
Съ ними пѣснь хвалебную воспѣть.

Прекрасное хвалить не нужно. Мы увѣрены, что и всѣ почтенные читатели согласятся, что они давно не читывали подобныхъ стиховъ.

Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ господина Майкова замѣтна недоконченность, неполнота; ихъ можно сравнить съ недорисованными картинами. Дочитавъ ихъ, еще ждешь продолженія, чувствуешь что-то недосказанное. Стихотворенія его, въ родѣ древнихъ, гдѣ говорится о миѳологическихъ божествахъ, по нашему мнѣнію, слабѣе тѣхъ, для которыхъ онъ черпалъ предметы изъ своей души, изъ своихъ вѣрованій и убѣжденій. Это естественно. Перваго рода стихотворенія — копіи, поддѣлки; стихотворенія же втораго рода — оригинальныя картины, нарисованныя его собственною фантазіею, проникнутыя его искреннимъ чувствомъ. Въ его небольшой драматической поэмѣ: *Олинѳъ и Эсвирь*, онъ изобразилъ борьбу двухъ началъ: чувственности язы-

Digitized by Google

ческаго Рима и духовности общества христіанскаго. Эти два начала замѣтны и въ его стихотвореніяхъ. Совѣтуемъ молодому поэту избрать одно направленіе. Мы увѣрены, что безъ помощи миѳологіи, его дарованіе почерпнетъ много прекрасныхъ предметовъ въ лучшемъ источникѣ поэзіи, въ собственномъ сердцѣ, въ думахъ и размышленіяхъ, основанныхъ на собственныхъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ. Тогда дарованіе его сосредоточится, и мы будемъ имѣть *оригинальнаго, русскаго* поэта. Вѣдь вы пишете не для Грековъ, не для Римлянъ, господинъ Майковъ, а для вашихъ соотечественниковъ. Вамъ пріятно будетъ, если ваши стихотворенія отзовутся въ сердцахъ ихъ. Впередъ, молодой поэтъ, впередъ! Истинное дарованіе не убаюкивается похвалами и не останавливается на одной точкѣ.

Литературный Кабинетъ, составленный изъ трудовъ артистовъ Императорскихъ Московскихъ Театровъ. Москва, въ Университетской типографіи, 1842. 200 стр. Въ 12.

Самое примѣчательное лице, которое вы видите, входя въ этотъ кабинетъ, — не испугайтесь! — покойный Александръ Петровичъ Сумароковъ. Онъ тутъ сидитъ съ прошеніемъ въ рукахъ, которое было имъ подано Императрицѣ Екатеринѣ. Прошеніе это мы гдѣ-то прежде читали, но кажется не въ печати, а въ рукописи. Оно очень любопытно. Покойникъ жаловался Государынѣ на свою сестру и зятя за то, между прочимъ, что «она и онъ науки называютъ календаремъ, а стихотворство лихою болестью.» Это крайне было обидно господину Сумарокову. Оправдываясь далѣе въ приписанномъ ему зятемъ и сестрою намѣреніи напасть на ихъ домъ, онъ пишетъ, что въ ихъ домѣ человѣкъ семьдесятъ, а у него семь, и что съ меньшимъ числомъ людей, чѣмъ гарнизонъ, нельзя атаковать крѣпости. «На висилицу я не хочу,» прибавляетъ господинъ Сумароковъ: «а особ-

Digitized by Google

ливо, что я еще втораго своего изданія къ чести моего отечества не выпустилъ.» Онъ жалуется, что сестра и зять его безпокоятъ и лишаютъ времени къ сочиненію ради чести отечества. «Судя и по самымъ худымъ переводамъ,» пишетъ господинъ Сумароковъ: «нѣкоторыхъ малочисленныхъ сочиненій, Германія, Франція, Парижъ и самъ Вольтеръ съ Метастазіемъ изъ современниковъ монхъ достойный мнѣ совмѣстникъ. Шествую я по стопамъ Горація, Ювенала, де Про и Моліера.»

Вотъ какъ говорилъ о себѣ почтенный А. П. Сумароковъ. Въ *Кабинетѣ* есть статья господина Славина: *Что такое критика, и какъ исполняютъ ее у насъ.* Статья была бы хороша, еслибы господинъ Славинъ, критикуя критиковъ, показалъ бы самъ примѣръ умѣренности и менѣе сердился. «Истинный критикъ — живая повѣрка, живое приложеніе общихъ понятій, идей, современныхъ человѣчеству, безпрерывно въ немъ разкрываемыхъ къ данному частному облаченію ихъ, къ способу и къ содержанію, какъ и въ чемъ эти идеи изъ своей духовной сущности перешли въ міръ дѣйствительный, въ міръ глаза, въ міръ слуха.» Такъ пишетъ господинъ Славинъ. Это нѣчто въ родѣ Гегеля. Не худо было бы сказать еще немножко покудрявѣе, помудренѣе, такъ, чтобы невозможно было добраться до сущности въ облаченіи, которое бы сокрыло и сомкнуло въ себя смыслъ отъ міра глаза и отъ міра слуха. Тогда бы періодъ господина Славина показался бы еще гораздо глубокомысленнѣе и ученѣе. Если ужъ хотите писать, какъ истинный философъ, то пишите такъ, чтобы васъ никто не понималъ, и чтобы только ломали всѣ голову, добираясь смысла въ вашихъ фразахъ.

Побаска о двухъ мужичкахъ и старостѣ господина Ваненко повѣствуетъ о томъ, какъ два крестьянина не узнали рака, заспорили, подрались; староста пришелъ и также не узналъ рака. Мы также не знаемъ: для чего этотъ ракъ попалъ въ *Литературный Кабинетъ.*

Digitized by Google

Статья *объ изобрѣтеніи пороха*, взятая изъ нѣмецкаго журнала А. Мартовичемъ, хотя и стара, но интересна. *Шекспиръ* господина Славина, начинается очень высокопарно. Опять фразы, которыя существуютъ сами по себѣ, а смыслъ также существуетъ самъ по себѣ и не очень клеится съ этими фразами. Великолѣпно; но лучше было бы писать просто, безъ претензій на германскую премудрость. Въ господинѣ Славинѣ замѣтенъ талантъ. Онъ былъ бы явственнѣе, еслибъ не любилъ погружаться въ туманъ и заноситься за облака. *Художникъ и Оазисъ*, довольно хорошій разсказъ Соловьева. *Разсказъ Соймина, отрывокъ изъ ненаписаннаго еще романа*, А. Славина. Этотъ отрывокъ начинается съ закуски, съ шампанскаго и съ трубокъ, пересыпанъ табачнымъ пепломъ и цитатами изъ Шекспира, приправленъ италіянскими и русскими стихами и французскими фразами, а оканчивается отрывокъ тѣмъ, что герой ненаписаннаго романа узнаетъ въ своей возлюбленной — свою бабушку. Это, изволите видѣть, новая, поразительная идея. Перейдемъ во второе отдѣленіе *Кабинета*, гдѣ помѣщены стихи. Вотъ отрывокъ изъ драматической сцены: *Нищій* П. Шестова: Онъ написанъ однимъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ размѣровъ, о которыхъ мы упомянули, разбирая стихотворенія господина Майкова.

Такъ, люди вѣрятъ въ чувства души, сердца, —
А что ваше сердце? Гербъ вельможи, —
Золотая вывѣска надъ кровомъ бѣднаго торгаша; —
А жизнь ваша? плохая трейсировка охотничьей собаки.....
Развѣ вы сочувствуете своимъ мыслямъ ума, души?

И такими стихами написанъ весь отрывокъ. Это, вѣроятно, новый размѣръ, привезенный недавно изъ Новой Голландіи или изъ внутренности Африки. Ну что размѣръ или риѳмы въ стихахъ! Это вздоръ! Главное-

Digitized by Google

идеи, новыя идеи, а *Нищій* преисполненъ богатѣйшими идеями. Вотъ, напримѣръ, хоть эта:

Ты страдалъ, плакалъ, вѣрилъ въ жизнь міра,
Пускался въ бой съ отважной силой,
А пустая стрѣла скорби увязла въ твоемъ полетѣ;
Надежды и мечты оборвали твой хвостъ съ посмѣяньемъ....

Стрѣла увязла въ полетѣ! Надежды и мечты оборвали твой хвостъ! Какія великолѣпныя идеи! Страдающій герой драмы—съ хвостомъ! Этого не выдумалъ бы самъ Шекспиръ. Надежды и мечты оторвали у него хвостъ, разумѣется не у Шекспира, (онъ былъ человѣкъ, и очень умный,) а у героя драмы. Удивительно! Совершенно новая идея.

Выпишемъ еще стихи къ поэту.

Не обходи безпечной мыслью
Явленій дивныхъ бытія.
Поэтъ!.... взгляни на міръ — лазоревою высью
Лучистыхъ звѣздъ плыветъ семья.....
Подслушай тучу громовую
И молній блескъ мгновенный улови,
Подслушай звуки поцѣлуя
И тайный вздохъ и нѣжный стонъ любви.
Иль погрузясь въ себя, пройся, поищи
На днѣ твоей таинственной души:
Въ ней много помысловъ прекрасныхъ.....
Ты лиру звонкую возьми
И въ звукахъ стройныхъ и согласныхъ
Священной пѣснью загреми.

Да, погрузясь въ себя, пройтесь, поищите на днѣ таинственной души. Какъ не отрыть тамъ, въ самомъ дѣлѣ, прекрасныхъ помысловъ. Это также новая идея!

Digitized by Google

Впрочемъ не всѣ стихи въ *Литературномъ Кабинетѣ* въ этомъ родѣ. Тамъ есть и хорошія вещи, напримѣръ: *Озеро* изъ Ламартина, нѣсколько стиховъ почтенныхъ артистовъ Ленскаго и Мочалова. Особенно въ піэсахъ Іеронима Южнаго замѣтенъ талантъ. Стихи его къ Наполеону очень хороши. Чтеніе ихъ возбудило въ насъ нѣсколько размышленій. Что бы сказали мы, русскіе, если бъ услышали, что во Франціи всѣ поэты, наперерывъ, славятъ въ стихахъ князя Кутузова; что тамъ нѣтъ ни одного порядочнаго дома, гдѣ бы не было портрета или бюста нашего фельдмаршала. Всѣ бы у насъ, безъ сомнѣнія, удивились и заговорили: что это сдѣлалось съ Французами, что это имъ пришла за странная фантазія оказывать такое уваженіе, такую любовь, Кутузову, который выгналъ ихъ изъ Россіи. Не правда ли, что Французы показались бы намъ очень странны и смѣшны? А мы то сами что дѣлаемъ? Пишемъ безпрестанно стихи въ честь Наполеона, вездѣ ставимъ его бюсты, развѣшиваемъ его портреты, какъ-будто онъ намъ, Русскимъ, былъ великій благодѣтель. Не за то ли, что онъ прошелъ, какъ лава, отъ границы до сердца Россіи; что по милости его сгорѣла Москва, — мы его такъ чествуемъ. Бюсты и бюстики Наполеона видишь вездѣ, а хорошаго бюста Кутузова, который спасъ отечество, нигдѣ почти не видно, да и достать негдѣ. Если Французы подмѣтятъ эту черту, то вѣроятно посмѣются надъ нами. Вотъ черта для роскошнаго изданія: *Наши.*

Театральный Альбомъ. *Издаваемый* А. Ч. *Санктпетербургъ, 1842. Тетрадь первая In folio.*

Если вы подумаете, что этотъ альбомъ изданъ въ небольшомъ, альманачномъ форматѣ, то очень ошибетесь. Это альманахъ — великанъ, издаваемый во весь

Digitized by Google

листъ самаго большаго формата. Это первое въ своемъ родѣ изданіе, чрезвычайно роскошное. Теперь вышла первая тетрадь, а всѣхъ ихъ будетъ шесть. Если и остальныя тетради, (которыя, какъ мы слышали, уже почти изготовлены и не замедлятъ явиться одна за другою въ свѣтъ,) будутъ такъ же хороши, какъ первая, то Театральный альбомъ непремѣнно будетъ въ рукахъ всѣхъ любителей театра и роскошныхъ изданій.

Содержаніе *Театральнаго Альбома* слѣдующее: 1.) Рисованные съ натуры портреты авторовъ и композиторовъ піэсъ, артистовъ и артистокъ Императорскихъ Санктпетербургскихъ Театровъ; 2.) сцены извѣстнѣйшихъ театральныхъ піэсъ и балетовъ, игранныхъ въ Санктпетербургѣ; 3.) лучшія театральныя декораціи; 4.) ноты любимыхъ мотивовъ изъ оперъ, балетовъ и водевилей; ноты танцевъ; 5.) біографическіе очерки лицъ, помѣщенныхъ въ альбомѣ; 6.) программы балетовъ, оперъ, трагедій, драмъ, комедій и водевилей. Въ первой, нынѣ вышедшей тетради помѣщены: предисловіе, портреты французской актрисы Александръ-Мейеръ и директора музыки Императорскихъ Театровъ Л. Маурера, положенныя для фортепіано извѣстнымъ виртуозомъ К. Мейеромъ ноты музыки изъ балета *Тьнь*, надѣлавшаго въ свое время столько шуму въ столицѣ; нарисованныя на листѣ сцены изъ этого балета, съ портретомъ Тальони, и программа того же балета. Однѣ ноты занимаютъ десять большихъ страницъ. Портреты и сцены налитографированы прекрасно. Особенно для иногородныхъ жителей и жительницъ, этотъ альбомъ можетъ доставить большое удовольствіе. Находясь за тысячу или болѣе верстъ отъ столицы, они могутъ, съ помощію альбома, какъ-бы присутствовать въ петербургскихъ театрахъ, видѣть

Digitized by Google

артистовъ, лучшія сцены и декораціи, слышать музыку, которою столичные жители наслаждаются, и даже танцовать подъ самые любимые и модные мотивы.

Digitized by Google

Отдѣленіе VII.

Смѣсь.

—

ЧЕГО ДОБИВАЛСЯ КОЛОМБЪ? Много было говорено объ этомъ мореплавателѣ, открывшемъ Новый Свѣтъ; много и еще остается сказать, потому-что въ неприступныхъ испанскихъ архивахъ, конечно, хранятся еще неизвѣстные документы объ его экспедиціи. Трудъ разработать эти документы принадлежитъ Испанцамъ. Одинъ изъ нихъ, знаменитый государственный человѣкъ и писатель, *Мартинесъ де ла Роса*, напечаталъ недавно въ журналахъ небольшую статью объ этомъ предметѣ, замѣчательную и по имени автора, и по новости взгляда.

Не думаю, говоритъ онъ, чтобы Христофоръ Коломбъ много пользовался открытіями древнихъ. По моему мнѣнію, древніе народы, даже ихъ самые отважные мореплаватели никогда не удалялись отъ береговъ: они не могли сдѣлать этого, не подвергаясь большимъ опасностямъ, потому-что не имѣли ни компаса, ни другихъ инструментовъ, находящихся въ распоряженіи нынѣшнихъ моряковъ..... Земля столь богатая, столь плодородная, съ которою торговали Финикіяне, вѣроятно, не что иное, какъ Испанія: вотъ страна, подавшая поводъ къ болѣе или менѣе баснословнымъ описаніямъ ихъ путешествій; такимъ образомъ, какъ уже и было замѣчено, можно объяснить и то, что они возвращались домой съ полными грузами драгоцѣнныхъ металловъ. Еще недавно въ Испаніи открыты серебряные рудники, на которые до-сихъ-поръ не обращали вниманія

Digitized by Google

или, лучше сказать, которыхъ существованія и не подозрѣвали: разсказы о нихъ считали баснями.... И что жъ? Въ этихъ рудникахъ нашли слѣды работъ изумительныхъ и, по видимому, произведенныхъ ранѣе римскаго владычества; притомъ эти рудники находятся именно на берегахъ, которые посѣщали Финикіяне, близъ города Карѳагена, сохраняющаго по-нынѣ память ихъ и самымъ своимъ названіемъ.

Открытія древнихъ не оставили по себѣ почти никакихъ слѣдовъ: нѣсколько фразъ, какъ-бы случайно заброшенныхъ въ книги, неясныя воспоминанія, темныя преданія, не могли служить большимъ пособіемъ Коломбу при совершеніи его открытія. Онъ не думалъ ни объ Атлантидѣ, ни о какой либо другой землѣ, лежащей на западѣ отъ Европы; нисколько не заботился объ нихъ, и это не подлежитъ никакому сомнѣнію, потому, что онъ мечталъ только о Востокѣ. Онъ не отыскивалъ также и острововъ, которые могли образоваться, когда море поглотило Атлантиду. Коломбъ былъ такъ далекъ отъ этой мысли, что, вступивъ на первые острова, попавшіеся ему на пути, вообразилъ себѣ, что это цѣлый материкъ..... то есть онъ ошибся вдвойнѣ, думая, что это материкъ и притомъ именно твердая земля Азіи.

Коломбъ, по моему мнѣнію, воспользовался трудами древнихъ только въ одномъ смыслѣ: употребляя въ пользу современное ему состояніе географіи и астрономіи. Онъ не могъ не знать въ какомъ положеніи эти науки находились у древнихъ, потому-что былъ человѣкъ весьма свѣдущій, притомъ Италіянецъ и жилъ въ пятнадцатомъ столѣтіи, вѣкѣ совершенно классическомъ. Онъ самъ сообщаетъ намъ списокъ пріобрѣтенныхъ имъ познаній: говоритъ, что онъ изучалъ *космографію, исторію, лѣтописи, философію и другія науки; искусство кормчаго, астрологію, геометрію, ариѳметику;* рисовалъ и *умѣлъ чертить карты и сферы.* Онъ посѣщалъ *ученыхъ разныхъ сектъ и многихъ народовъ.* Изъ этого видно, что онъ былъ человѣкъ необыкновенный; Коломбъ зналъ все, что знали въ его время.

Нынче усиливаются (усилія, конечно, очень похвальныя) приписать сѣвернымъ народамъ большое участіе въ открытіи

Digitized by Google

Америки. Копенгагенское общество сѣверныхъ антикваріевъ издало по этому предмету весьма замѣчательное твореніе, о которомъ я могу сообщить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія. Я имѣю честь быть членомъ этого общества; потому секретарь прислалъ мнѣ обозрѣніе трудовъ его, и между прочимъ нѣкоторыя подробности объ этомъ твореніи, котораго авторъ самъ секретарь, господинъ *Рафнъ*. Оно содержитъ въ себѣ старинные документы и весьма любопытныя повѣствованія о путешествіяхъ и открытіяхъ Скандинавовъ по берегамъ Америки. Кажется, что они знали земли, лежащія на западъ отъ Девисова пролива и Лабрадора, Ньюфундленда, Новую Шотландію, Массачусетъ.... Увѣряютъ даже, что они спускались до Флориды. Сравниваютъ мѣста и нравы, извлекаютъ изъ этого выводы, дѣлаютъ предположенія. Во многихъ Review и другихъ изданіяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ отзываются объ этомъ твореніи съ большою похвалою, и основываясь на познаніи мѣстностей, отдаютъ справедливость вѣрности данныхъ, содержащихся въ этой книгѣ.

Я въ этомъ не сомнѣваюсь; даже охотно это признаю; но судя по изложенію содержанія книги, которое читалъ уже нѣсколько времени назадъ, я, по безпристрастномъ разсмотрѣніи, нахожу слѣдующее:

Одно кажется мнѣ достовѣрнымъ: то, что скандинавскіе народы бывали въ прибрежныхъ мѣстахъ Сѣверной Америки; но я не нашелъ *звена*, которое бы эти случайныя, частныя, прерывчатыя открытія, связывало съ великимъ открытіемъ Христофора Коломба.

Прежде всего надобно замѣтить, что эти открытія Датчанъ и другихъ сѣверныхъ народовъ, сдѣланы съ десятаго по тринадцатый вѣкъ: такимъ образомъ между открытіями Скандинавовъ и Христофора Коломба огромное пространство времени, два или три вѣка.

Сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакихъ признаковъ, по которымъ можно было бы предполагать, чтобы Коломбъ имѣлъ какія нибудь свѣдѣнія объ этихъ открытіяхъ; не думаю, чтобы онъ когда-нибудь посѣщалъ страны сѣверныя; и прибавлю, что если бъ онъ и бывалъ тамъ, если бъ и зналъ (предположеніе, ни на чемъ не основанное), что нѣ-

*

Digitized by Google

которые изъ сѣверныхъ мореплавателей были заброшены на безъизвѣстные берега, эта мысль имѣла бы мало вліянія, или лучше сказать, не имѣла бы никакого вліянія на его намѣреніе. У Коломба была одна, постоянная идея, отчего толпа иногда считала его помѣшаннымъ. Эта идея была – открыть царство Великаго Кана (Кап), о которомъ разсказывали столько чудесъ; трудно однако жъ было бы связать открытіе скандинавскихъ народовъ съ этою главною идеею, которая, такъ сказать, поглощала всѣ мысли Коломба.

Нѣкоторое вліяніе на открытіе Коломба приписывали Баскамъ. Я, со своей стороны, думаю, что они не могутъ имѣть на это никакого притязанія. Мнѣніе мое объ этомъ предметѣ тѣмъ болѣе безпристрастно, что Коломбъ родился въ Италіи, а Баски, о которыхъ рѣчь идетъ, Испанцы. Притомъ у нихъ столько славы достовѣрной, что имъ нѣтъ никакой надобности добиваться славы, по-крайней-мѣрѣ, сомнительной.

Что̀ касается до басскаго кормчаго, который, какъ говорятъ, сопровождалъ Коломба, то это вещь очень возможная; имена его спутниковъ, которыхъ было человѣкъ сто съ небольшимъ, къ счастію ихъ, сохранились; но это нисколько не доказываетъ, чтобы Баски могли приписывать себѣ бо̀льшую часть славы его предпріятія. Такъ какъ экспедиція Коломба снаряжалась въ Испаніи, вышла изъ испанскихъ портовъ, то очень естественно, что нѣкоторые изъ неустрашимыхъ, предпріимчивыхъ басскихъ мореплавателей дѣйствительно сопровождали Христофора Коломба.

Дѣло въ томъ, что Коломбъ ничѣмъ, или почти ничѣмъ не обязанъ открытіямъ ни древнихъ, ни Скандинавовъ, ни басскихъ народовъ; мысль объ этомъ предпріятіи пришла Коломбу самымъ простымъ, самымъ естественнымъ и, по моему, чрезвычайно вѣроятнымъ образомъ: онъ зналъ, что почти всѣ италіянскія республики обогатились и пріобрѣли свое могущество посредствомъ торговли съ Востокомъ. Пиза, Генуа и особенно Венеція обязаны этимъ отдаленнымъ странамъ и сокровищами, и могуществомъ, которыми онѣ удивляли свѣтъ; повѣствованіе Марко Поло воспламенило воображеніе Христофора Коломба. Извѣстно,

Digitized by Google

что эта книга не выходила у него изъ рукъ. Венеціяне производили торговлю съ Востокомъ однимъ путемъ; Португальцы искали другаго пути, направляясь вдоль береговъ Африки и обгибая Мысъ Бурь. Коломбъ хотѣлъ отыскать третій путь къ этой цѣли: — вотъ и вся его идея. Коломба, какъ и другихъ, влекли къ Востоку духъ открытій и духъ религіозный, которыми отличалось пятнадцатое столѣтіе: онъ искалъ не Новаго, а, напротивъ, Стараго Свѣта. Онъ такъ мало искалъ Новаго Свѣта, что нашелъ его случайно; видѣлъ его, прикасался къ нему и не узналъ его. Онъ даже назвалъ его Индіею, потому-что Индіи искалъ; и жители этихъ странъ сохранили названіе Индѣйцевъ, которое далъ имъ Коломбъ. Они сохранили это имя въ повелѣніяхъ королей испанскихъ, въ общемъ собраніи законовъ, изданныхъ для этихъ народовъ; законовъ (замѣтимъ мимоходомъ), которые всегда будутъ нетлѣннымъ памятникомъ мудрости и человѣколюбія!

Говорили, не безъ причины, что въ открытіи Коломба много участвовала ошибка; это правда; но надобно однако жъ сказать, что въ глубинѣ его мыслей была идея справедливая; онъ не нашелъ того, чего искалъ — новаго пути на Востокъ; но путь сей дѣйствительно существуетъ; онъ угадалъ его, а послѣ него другіе пользовались этимъ путемъ.

Въ юности Христоферъ Коломбъ много путешествовалъ по морямъ: все окружавшее льстило его главной страсти, и разсказы путешественниковъ, и приключенія, и даже басни, все болѣе и болѣе воспламеняло его воображеніе. Онъ крѣпко задумалъ идею, не покидалъ ее во всю жизнь; эта идея — его исторія!

Уже и въ Италіи онъ помышлялъ о Востокѣ; день и ночь мечталъ о прекрасныхъ странахъ, которыя Марко Поло посѣщалъ и описалъ, сидя въ тюрьмѣ, именно въ Генуѣ.

Потомъ Коломбъ отправился въ Португалію; это очень естественно: ни одинъ народъ не занимался въ то время открытіями съ такимъ жаромъ, съ такою вѣрою, какъ Португальцы. При дворѣ, въ городѣ, въ простомъ народѣ только и говорили, что объ открытіи новаго пути на Востокъ. Коломбъ встрѣчалъ его повсюду!

Да позволено мнѣ будетъ сдѣлать здѣсь замѣчаніе, касаю-

Digitized by Google

щееся моего предмета: странное, можетъ-быть единственное въ исторіи міра обстоятельство, что два отличныхъ человѣка, два возвышенныхъ генія, Коломбъ и Васко де Гама, задумали почти въ одно время, достичь одной и той же великой, неизмѣримой цѣли, и стремились къ ней различными, лучше сказать, противоположными путями.

Въ Португаліи Коломбъ женился и остался на нѣсколько лѣтъ; тамъ пріобрѣлъ онъ новыя познанія; тамъ новыя возбужденія безпрерывно распаляли его главную страсть; кажется даже, что въ числѣ наслѣдства своего тестя, онъ получилъ драгоцѣнные документы о новѣйшихъ открытіяхъ Португальцевъ, особенно по берегамъ Африки. Я думаю даже, что и онъ также ѣздилъ на одинъ изъ Асорскихъ острововъ.

Проживъ въ Португаліи четырнадцать лѣтъ, Коломбъ выѣхалъ оттуда, потому-что проекты его были приняты тамъ не такъ, какъ онъ ожидалъ: это было не задолго до того, какъ Португальцы обогнули мысъ Доброй Надежды; всѣ умы, всѣ взоры были обращены въ эту сторону. Проектъ Коломба долженъ былъ казаться опаснымъ развлеченіемъ, или скорѣе, сумасбродствомъ.

Коломбъ въ самую неблагопріятную минуту прибылъ въ Испанію. Тогда только-что возгорѣлась гренадская война, война ужасная, упорная, которая продолжалась десять лѣтъ, какъ осада Трои, и которой подвиги истинные, достовѣрные, превзошли баснословные подвиги, воспѣтые Гомеромъ.

Силы Испаніи едва были достаточны для такого предпріятія; то была борьба рѣшительная, война на смерть между двумя враждебными народами, которые восемь вѣковъ жили перемѣшавшись, и между тѣмъ не слились, не примирились!

Фердинандъ и Изабелла были такъ заняты Гренадою, что не могли обратить вниманія на просьбы неизвѣстнаго, который такъ не кстати вздумалъ представить имъ проектъ, по-крайней-мѣрѣ странный. Замѣчательно однако жъ, что Изабелла сдѣлала Коломбу нѣкоторое пособіе, приказала ему за ними слѣдовать, отправила его проектъ въ Саламанку для разсмотрѣнія въ комитетѣ ученыхъ. Коломбъ не уны-

Digitized by Google

валъ: собралъ свои карты и бумаги, покинулъ берега моря и отправился въ Саламанку..... Тамъ также онъ искалъ Востока!

Въ комитетѣ мнѣнія раздѣлились; но нѣсколько голосовъ было въ его пользу. Коломбъ возвратился къ королевѣ, слѣдовалъ за нею повсюду, ко двору, въ лагерь, къ осадѣ Малаги и Гренады. Но онъ не могъ преодолѣть препятствія главнаго. Война съ Гренадою была предпріятіе столь важное, что не позволяла приступить ни къ какому другому. Въ продолженіе осмилѣтней неизвѣстности, осмилѣтняго ожиданія, Коломбъ не разъ сбирался покинуть Испанію; но его удерживала, какъ кажется, любовь; онъ влюбленъ былъ въ одну кордуанскую даму, знатную и прекрасную, съ которою и прижилъ побочнаго сына, Донъ-Фердинанда. Если, какъ по всему кажется, его удержала любовная связь, то это новое подтвержденіе того, о чемъ съ нѣкотораго времени такъ много толкуютъ, именно, что самыя важныя событія зависятъ иногда отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ: Испанія, быть-можетъ, обязана открытіемъ и обладаніемъ Новаго Свѣта прекраснымъ глазамъ Андалузянки!

Подъ конецъ гренадской войны, королева объявила свою волю, чтобы Коломбова экспедиція состоялась. Проектъ его принятъ былъ не королемъ Фердинандомъ, а именно этою государыней, характера столь благороднаго, ума столь просвѣщеннаго..... Великая королева должна была понять великаго человѣка!

Но гдѣ взять средствъ на издержки этой экспедиціи? Надобно было вооружить два или три небольшихъ судна; надлежало произвести еще другіе расходы; а казна была истощена. Тутъ-то является во всемъ своемъ блескѣ характеръ этой героической женщины: она собираетъ свои брилліянты и другія драгоцѣнности, отдаетъ ихъ въ залогъ, и на деньги, занятыя подъ этотъ закладъ, корона кастильская пріобрѣтаетъ Новый Свѣтъ!

Коломбъ видѣлъ знамя креста на стѣнахъ Альгамбры; онъ видѣлъ, (это его собственныя слова) какъ король съ обнаженною отъ волосъ головой, сверженный съ трона, вышелъ на встрѣчу побѣдителямъ; черезъ нѣсколько дней

Digitized by Google

послѣ того, въ томъ самый мѣсяцъ, когда взята Гренада, экспедиція Коломба была окончательно рѣшена. Наконецъ онъ отправился на Востокъ, о которомъ такъ давно мечталъ; королева Католическая заранѣе жалуетъ его *великимъ адмираломъ, вице-королемъ всѣхъ странъ и всѣхъ острововъ, которые ему удастся открыть.* Король и королева оказали ему еще милость, которая покажется намъ странною, но свидѣтельствуетъ о духѣ того времени: позволили ему ставить передъ своимъ именемъ слово Донъ. Такимъ образомъ *почесть* сдѣлалась драгоцѣннымъ сокровищемъ въ монархіи!

Коломбъ пустился въ путь въ половинѣ этого года. Весь флотъ его состоялъ изъ трехъ небольшихъ судовъ (caravellas). Кромѣ мученій неизвѣстности и опасностей морскаго путешествія, онъ терпѣлъ и многія другія, разнаго рода. Объ немъ разсказываютъ анекдотъ, который я считаю достовѣрнымъ и который доказываетъ и неустрашимость и присутствіе духа Христофора Коломба. Матросы его не разъ возмущались; они начинали думать, что онъ колдунъ или что́-нибудь подобное, и рѣшились бросить его въ море. Въ такой крайней опасности, онъ сохранилъ все свое хладнокровіе и сказалъ имъ: «*Какъ же вы возвратитесь въ Испанію, когда бросите меня въ море?*» Онъ обѣщалъ имъ, что отвезетъ ихъ туда; показывалъ видъ, будто перемѣнилъ направленіе, но между тѣмъ шелъ прямо къ своей цѣли: объ ней онъ заботился больше, чѣмъ о жизни!

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ королю и королевѣ (письма его хранятся и въ испанскомъ архивѣ и между бумагами дома герцога Верага (Veragua), Коломбова потомка); въ одномъ изъ писемъ онъ говоритъ имъ: «Ваша свѣтлость приказали мнѣ отправиться на Востокъ не по сухому пути, какъ дѣлаютъ обыкновенно; но по западному, потому-что ни изъ одного *достовѣрнаго источника* (прошу замѣтить это выраженіе) не видно, чтобы кто либо уже пользовался этимъ путемъ.»

Журналъ, который онъ самъ составлялъ во время своего опаснаго и продолжительнаго плаванія, сохранился по-нынѣ; этотъ драгоцѣнный документъ помѣщенъ, вмѣстѣ съ

Digitized by Google

многими другими, въ одномъ весьма замѣчательномъ твореніи, о которомъ я долженъ поговорить. Заглавіе этой книги: «Собраніе путешествій и открытій, совершенныхъ Испанцами съ исхода пятнадцатаго столѣтія.» Авторъ ея, *Фернандесъ Наварретъ*, одинъ изъ ученѣйшихъ людей въ Испаніи, оказалъ истинную заслугу своему отечеству тѣмъ, что извлекъ изъ забвенія документы драгоцѣнные, которые могъ достать, потому-что управлялъ мадридскимъ географическимъ депо и имѣлъ въ своемъ распоряженіи разные другіе архивы. Тамъ почерпалъ онъ матеріялы для своего творенія, которое разливаетъ новый свѣтъ на исторію мореплаванія.

Экспедиція вышла въ море изъ порта Палоса. «Я пошелъ, говоритъ Коломбъ, прямо къ Канарскимъ островамъ, которые принадлежатъ вашей свѣтлости и находятся на океанѣ; оттуда намѣревался я отправиться въ дальнѣйшій путь и продолжать плаваніе свое до-тѣхъ-поръ, пока не найду Индіи, дѣятого, чтобы исполнить посольство къ королямъ этихъ странъ, которое вашей свѣтлости угодно было возложить на меня. Исполняя все, что мнѣ приказано (прибавляетъ онъ съ наивностію, которая уже одна вполнѣ обрисовываетъ этого человѣка), я принужденъ буду описывать почью то, что сдѣлаю днемъ; я не могу и думать о снѣ, и долженъ заниматься единственно нашимъ путешествіемъ: это необходимо, но очень тягостно!....»

Въ половинѣ октября онъ въ первый разъ открылъ землю: то былъ островъ, который обитатели его называли *Гванахани* (Guanahany), и которому Коломбъ далъ названіе *Санто-Сальвадоръ*.

Коломбъ вскорѣ покинулъ этотъ островъ; онъ не хотѣлъ терять времени; цѣлію его было (по его собственному свидѣтельству) отыскать островъ Сипанго..... Все Марко-Поло передъ глазами!

Онъ какъ-бы заблудился въ лабиринтѣ, образуемомъ этими островами: «Ихъ такъ много (говоритъ онъ), что жители называли мнѣ по имени до сотни острововъ.»

Потомъ онъ вышелъ на берегъ другаго острова, который назвалъ *Санта-Марія*. Послѣ того посѣтилъ третій, которому далъ названіе *Фердинандова*, въ честь королю Фердинан-

Digitized by Google

ду. Черезъ нѣсколько времени былъ еще на одномъ островѣ и прозвалъ его *Изабеллиным*. Даже и въ этихъ мелочныхъ подробностяхъ видѣнъ духъ времени, духъ религіозный и монархическій, который управлялъ всѣми предпріятіями.

Нельзя иногда не улыбнуться, видя, что этотъ великій человѣкъ, открывъ Новый Свѣтъ, хлопоталъ только о томъ, какъ бы узнать гдѣ живетъ Великій Канъ и разспрашивалъ объ этомъ у всякаго встрѣчнаго. «Эта земля (говоритъ онъ объ островахъ) должна быть очень богата пряными кореньями.» Онъ твердо увѣренъ, что далѣе найдетъ въ изобиліи золото. Увидя на берегу моря маленькія раковины, Коломбъ радуется: «Это показываетъ, что здѣсь долженъ быть жемчугъ», говоритъ онъ. Передъ нимъ зрѣлище великолѣпное, невиданное; онъ восхищается имъ, говоритъ объ немъ съ восторгомъ; но мечтаетъ только о Востокѣ!

Наконецъ, онъ прибылъ къ острову Кубѣ. Тутъ Коломбъ думалъ, что уже достигъ цѣли своего предпріятія. Онъ видѣлъ маленькія суда Индѣйцевъ; но все ждалъ, что скоро прибудутъ большіе корабли: флотъ Великаго Кана! Съ этой мыслію Коломбъ отправилъ кормчаго «Пинты» (названіе одной изъ его caravellas), чтобы собрать свѣдѣнія о странѣ и отвезти подарки этому могущественному государю. Кормчій возвратился; онъ полагалъ, что это не островъ, а материкъ, и весьма большой. Владѣтель этой страны не Великій Канъ, но онъ ведетъ съ нимъ войну. Жители называютъ его на своемъ языкѣ *Кама*.

Испанцы не понимали Индѣйцевъ; Индѣйцы не больше того понимали Испанцевъ; но какъ послѣдніе добивались только того, гдѣ бы имъ отыскать Великаго Кана, то принимали въ этомъ смыслѣ всѣ варварскія слова, которыя имѣли хоть какое нибудь сходство въ звукѣ съ именемъ Кана.

Коломбъ не покидалъ своей идеи. Онъ говорилъ (это видно изъ его собственныхъ документовъ), что еще попытается добраться до Великаго Кана. «Онъ долженъ имѣть свое мѣстопребываніе гдѣ-нибудь въ этихъ странахъ (прибавляетъ Коломбъ); а если нѣтъ, то я отправлюсь въ городъ *Каттай*, который также принадлежитъ ему: этотъ городъ долженъ быть очень великъ, судя по тому, что разсказывали мнѣ объ немъ еще въ Испаніи.»

Digitized by Google

Такимъ образомъ его постепенно занимаетъ одна и та же мысль; она не даетъ ему ничего ни видѣть, ни слышать; онъ открылъ Новый Свѣтъ, а самъ заботился только о томъ, чтобы, хоть издали, слѣдовать по стопамъ Марко Поло.

Къ сожалѣнію, *Мартинесъ де ла Роса* здѣсь оканчиваетъ свое повѣствованіе о Христоферѣ Коломбѣ. Надобно желать, чтобы перевороты въ Испаніи не сдѣлали его снова министромъ и доставили ему возможность вполнѣ обработать этотъ занимательный и еще неизчерпанный предметъ.

РЕЙНЪ. Въ Парижѣ совершилось событіе важное, о которомъ толкуютъ во всѣхъ журналахъ. — Министерство перемѣнилось? Или палаты приняли законъ о преобразованіи выборовъ, объ устройствѣ цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ? Или *Тьеръ* помирился съ *Моле*; *Одилонъ-Барро* былъ на вечерѣ у *Гизо?* — Все не то: *Викторъ Гюо* издалъ новую книгу, *Викторъ Гюо*, многохвалимый, многобранимый корифей новѣйшей французской литературы, описалъ свое путешествіе по нѣкоторымъ частямъ Германіи и издалъ его въ двадцати пяти письмахъ, подъ многозначительнымъ заглавіемъ: **РЕЙНЪ.** Вамъ, вѣрно, пріятно будетъ познакомиться съ этимъ новымъ твореніемъ знаменитаго поэта? Для этого мы выпишемъ любопытнѣйшее изъ отрывковъ, помѣщенныхъ въ двухъ журналахъ. (Само собою разумѣется, что мы съ величайшею точностію сохраняемъ слогъ подлинника.)

И такъ: **РЕЙНЪ.**

Ручей вытекаетъ изъ озера Тома на полуденномъ склонѣ Сенъ-Готарда, другой ручей вытекаетъ изъ другаго озера у подошвы Люкманіерберга; третій ручей просачивается изъ ледника и, пробираясь между скалами, спускается съ высоты тысячи тоазовъ. Льё въ пятнадцати отъ своего устья эти три ручья стекаютъ въ одну рытвину, близъ Рейхенау. Тутъ они смѣшиваются. Возможно ли не удивляться какъ могущественно и какъ просто Провидѣніе творитъ великое! Сходятся три пастуха: — и вотъ народъ; стекаются три ручья — и вотъ рѣка.

(Тутъ слѣдуетъ длинное, немножко, или даже не немножко,

Digitized by Google

натянутое сравненіе теченія Рейна съ исторіею Швейцаріи, которое мы, во славу *Виктора Гюго*, пропускаемъ).

Рейнъ рождается между двумя гранитными скалами; подвигается впередъ и встрѣчаетъ въ Андеерѣ, романской деревнѣ, память *Карла Великаго*; въ Коарѣ, древней Куріи, память *Друза*; въ Фельдкиренѣ, память *Массены;* потомъ, какъ-бы освященный для судебъ его ожидающихъ, этимъ тройственнымъ крещеніемъ, германскимъ, римскимъ и французскимъ, оставляя умъ въ нерѣшимости между своей греческой этимологіею *Реейнъ* и германскаго *Риннень*, которыя оба значатъ *течь*, онъ и течетъ, проходитъ лѣса и горы, добирается до озера Констанцскаго, прядаетъ въ Шафгаузенѣ, обходитъ и обгибаетъ тыльныя округлости Юры, тянется вдоль горъ Вогезскихъ, разрываетъ цѣпь потухшихъ волкановъ Таупа, орошаетъ долины Фрисландіи, затопляетъ низменныя равнины Голландіи и, прорывъ въ скалахъ, земляхъ, лавахъ, пескахъ и тростникахъ извилистое ложе въ двѣсти семьдесятъ семь льё, пронесши по большому европейскому муравейнику неумолкный гулъ валовъ своихъ, словно шумъ вѣчной распри Сѣвера съ Югомъ, принявъ въ недра свои тысячу двѣсти потоковъ, омывъ сто четырнадцать городовъ, разлучивъ, или лучше сказать отдѣливъ одинъ отъ другаго одиннадцать народовъ, проклубивъ въ своей пѣнѣ, слившъ съ гуломъ водъ своихъ исторію тридцати вѣковъ и тридцати народовъ, впадаетъ наконецъ въ море. Рѣка – Протей; поясъ имперій; предѣлъ честолюбій; узда завоевателей; змѣя огромнаго кадуцея, которымъ осѣняетъ Европу богъ торговли; краса и убранство земнаго шара; длинная зеленая прядь волосъ Альповъ, ниспадающая до океана.

Рейнъ является во всѣхъ возможныхъ видахъ. Онъ то широкъ, то узокъ. Онъ мутенъ, прозраченъ, быстръ, веселъ великимъ веселіемъ, свойственнымъ всему могущественному. Онъ бурный потокъ въ Шафгаузенѣ, бездна въ Лауфенѣ, рѣчка въ Сиккингенѣ, рѣка въ Майнцѣ, озеро въ Сенъ-Гозрѣ, болото въ Лейденѣ.

Говорятъ, будто подъ-вечеръ онъ утихаетъ и течетъ медленнѣе, какъ-бы засыпая: это явленіе болѣе кажущееся, чѣмъ существенное, видимое во всѣхъ большихъ рѣкахъ.

Я уже гдѣ-то говорилъ, что основаніе всякаго полнаго ис-

Digitized by Google

кусства—единство въ разнообразіи Въ этомъ отношеніи природа—художникъ величайшій. Никогда не покидаетъ она какой-либо формы, не проведя ее по всѣмъ ея логариѳмамъ. По видимому ничего не походитъ менѣе на рѣку, какъ дерево; а между тѣмъ основная линія у рѣки и дерева одна и таже. Посмотрите зимою на дерево, обнаженное отъ листьевъ, положите его въ воображеніи плашмя на землю, вы получите рисунокъ рѣки, какимъ представился бы онъ великану, который смотрѣлъ бы на него сверху. Стволъ дерева—рѣка; большія вѣтви побочныя рѣчки; малыя вѣтви и отпрыски—потоки, ручьи и источники; разбѣгающіеся корни - устья. На картѣ всѣ рѣки—деревья, у которыхъ города то на оконечностяхъ вѣтвей какъ плоды, то между сучьями какъ гнѣзда, а ихъ безчисленные притоки принимаютъ, смотря по наклонности и роду почвы, форму развѣтвленія различныхъ растеній, у которыхъ, какъ извѣстно, вѣтви ближе или дальше отъ ствола, смотря по силѣ стремленія сока и по твердости дерева. Замѣчательно, что если смотрѣть на Рейнъ такимъ образомъ, то царственная идея, слитая съ этой могущественной рѣкою, нигдѣ ее не покидаетъ. У почти всѣхъ притоковъ Рейна, Мургы, Неккера, Майнца, Наге, Лани, Мозеля, и Лара, имѣетъ отверстіе въ 90 градусовъ. Бингенъ, Нидерланштейнъ, Кобленцъ углы прямые. Поднимите въ мысли и поставьте стоймя на землю огромный геометрическій силуэтъ Рейна, вы увидите, что всѣ его побочныя рѣки какъ-бы протянутыя руки, и что онъ походитъ на дубъ.

Безчисленные ручьи, на которые онъ раздѣляется, приближаясь къ океану, суть его обнаженные корни.

Самая знаменитая и многохвалимая часть Рейна, самая богатая для геолога, самая любопытная для историка, самая важная для политика, самая прекрасная для поэта, есть та часть центральнаго Рейна, которая, между Бингеномъ и Кенигсвинтеромъ, проходитъ съ востока на западъ мрачный хаосъ волканическихъ холмовъ, называвшійся у Римлянъ Каттскими Альпами.

Это тотъ знаменитый путь изъ Майнца въ Кобленцъ, который туристы, въ долгіе лѣтніе дни, совершаютъ въ четырнадцать часовъ. Такимъ образомъ только ослѣпляешься Рейномъ, и больше ничего. Когда рѣка быстра, то чтобы хоро-

Digitized by Google

шенько ее осмотрѣть, надобно ѣхать не внизъ, а вверхъ по ней. Что̀ касается до меня, то я также ѣздилъ изъ Кобленца въ Майнцъ, но ѣхалъ цѣлый мѣсяцъ.

Между Майнцомъ и Бингеномъ, такъ же какъ между Кенигсвинтеромъ и Кёльномъ, лежитъ восемь тучныхъ, смѣющихся равнинъ, съ веселыми деревнями, которыя блаженствуютъ на берегу рѣки. Высокіе берега Рейна начинаются только въ Бингенѣ, гдѣ стоятъ съ одной стороны Рупертсбергъ, съ другой Нейдервальдъ, двѣ горы шиферныя и аспидныя, а оканчиваются въ Кенигсвинтерѣ, у подошвы Зибенберга.

Тамъ все прекрасно. Мрачныя крутизны береговъ смотрятся въ широкія чешуи воды. По крутости склоновъ виноградъ на Рейнѣ разводятъ такъ же, какъ на прованскихъ берегахъ маслины. Вездѣ, куда ударяютъ полудневные лучи солнца, если скала хоть немножко выдается, селянинъ натаскиваетъ туда корзинами и мѣшками землю, и сажаетъ, въ Провансѣ маслину, на Рейнѣ лозу. Потомъ для поддержки насыпи, онъ складываетъ изъ камней безъ цемента стѣну, которая удерживаетъ землю и пропускаетъ воду. Здѣсь для большей предосторожности, чтобы дожди не смыли земли, селянинъ накрываетъ ее какъ-бы кровлею изъ аспидныхъ досокъ, выломанныхъ на горѣ. Такимъ образомъ на бокахъ скалъ самыхъ обрывистыхъ, рейнскій виноградъ, какъ и прованскія маслины, стоятъ какъ-бы на столикахъ надъ головами прохожихъ: словно горшокъ цвѣтовъ на окнѣ комнатки въ верхнемъ этажѣ большаго дома. Отлогіе склоны всѣ усѣяны виноградникомъ.

Впрочемъ, это работа неблагодарная. Ужъ лѣтъ десять, какъ При-Рейнцы не видали хорошаго сбора винограда. Во многихъ мѣстахъ, и между прочимъ въ герцогствѣ Нассаускомъ, я видѣлъ виноградники покинутые.

Снизу всѣ эти каменныя подставки, слѣдующія за безчисленными изгибами склона и которымъ форма скалъ придаетъ почти всегда видъ полумѣсяца, отороченныя сверху зеленою бахрамою виноградника, примкнутыя, какъ-бы прилѣпленныя къ выпуклостямъ горы обоими концами, которые къ краю съуживаются, — кажутся гирляндами, повѣшенными на мрачной стѣнѣ Рейна.

Зимою, когда виноградники и почва черны, эти насыпи

Digitized by Google

грязно-сѣраго цвѣта, походятъ на паутины, прилѣпленныя ярусами, одна надъ другой, въ покинутыхъ строеніяхъ, родъ отвратительныхъ коекъ, изъ которыхъ скопляется пыль.

При каждомъ поворотѣ Рейна, развивается группа домовъ, мѣстечко или деревня. Надъ каждой группою домовъ возвышается полуразрушившаяся башня. Города и деревни со своими башенками и колокольнями, походятъ издали на опереннную стрѣлу, воткнутую въ низменную оконечность горы.

Села иногда вытягиваются, какъ хвостъ, на берегу, гдѣ весело поютъ прачки и играютъ дѣти. Тамъ и сямъ коза щиплетъ молодыя поросли ивоваго кустарника. Рейнскіе дома похожи на большіе аспидные шлемы, поставленные на берегу. Фасады украшаются сплетеніемъ балокъ, выкрашенныхъ въ красный или голубой цвѣтъ и рѣзко отдѣляющихся отъ бѣлой извести стѣнъ. Многія изъ этихъ деревень, какъ напримѣръ: Бергеймъ и Мондорфъ близъ Кёльна, населены рыбаками и людьми, которые всю жизнь плетутъ корзинки. Въ прекрасные лѣтніе дни это составляетъ восхитительное зрѣлище. Корзинщики плетутъ на порогахъ своихъ хижинъ, рыбаки въ лодкахъ починиваютъ сѣти, а на холмѣ надъ ихъ головами, солнце готовитъ виноградъ. Всѣ, человѣкъ и свѣтило, дѣлаютъ то, что судилъ имъ Богъ.

Города имѣютъ видъ болѣе сложный, болѣе хлопотливый. Ихъ по Рейну много. Тутъ Бингенъ, Обервезель, Сентъ-Гоаръ, Нейвидъ, Андернахъ. Тутъ Линцъ, большая община съ квадратными башнями, которую осаждалъ, въ 1476 году, Карлъ Смѣлый; она смотритъ на Зинцигъ, стоящій прямо противъ нея, на другомъ берегу Рейна, и построенный Сенціемъ для прикрытія устьевъ Аара. Тутъ Бонпартъ, древняя Бодобрига, бывшій имперскій городъ; Каубъ, городъ палантинскій; Браубахъ, который въ одной хартіи 933 года называется владѣніемъ графовъ Арнштейнъ-Лангаускихъ, въ 1279 году, въ царствованіе Родольфа, наименованъ имперскимъ городомъ, въ 1283 былъ во владѣніи графовъ Катценелленбогенъ, въ 1473 году достался Гессену, въ 1632 Дармштадту, въ 1802 Нассау.

Двѣнадцать тысячь шесть сотъ жителей въ тысячи ста домахъ, мостъ въ тридцать шесть флашкоутовъ, построенный на Рейнѣ, въ 1819 году; мостъ на Мозелѣ, въ

Digitized by Google

четырнадцать арокъ, сдѣланныхъ изъ кусковъ лавы на фундаментѣ моста, построеннаго, въ 1311 году, архіепископомъ Бодуиномъ посредствомъ раздачи индульгенцій, знаменитая крѣпость Эренбрейтштейнъ, сдавшаяся, 27 января 1799 года, Французамъ послѣ блокады, во время которой осажденные платили по три франка за кошку и по полтора франка за фунтъ лошадинаго мяса; колодезь въ пять сотъ восемьдесятъ футовъ глубиною, вырытый по приказанію Маркграфа Іоанна Баденскаго; арсенальный плацъ, гдѣ стояла нѣкогда знаменитая пушка «Грифонъ», въ двадцать тысячъ фунтовъ вѣсомъ; прекрасный францисканскій монастырь, превращенный въ 1804 году въ госпиталь; романская церковь Богородицы, возобновленная во вкусѣ Помпадуръ и выкрашенная розовою краскою; церковь святаго Флорина, превращенная нынѣ въ евангелическую и выкрашенная розовою краскою; коллегіяльная церковь святаго Кастора, снабженная въ 1805 году порталемъ и выкрашенная розовою краскою: — вотъ Кобленцъ. Сначала онъ былъ римскимъ castrium, потомъ королевскимъ городомъ при Франкахъ, императорскою резиденціею до Лудовика Баварскаго, городомъ подъ покровительскомъ графовъ Ариштейновъ до 1240, а съ Арнульда II, подъ покровительствомъ архіепископовъ тревскихъ; въ 1688 году Кобленцъ былъ тщетно осаждаемъ *Вобаномъ* и самимъ Лудовикомъ XIV, въ 1791 году взятъ Французами, въ 1815 году достался Пруссакамъ. Я — тамъ не былъ: меня испугали розовыя зданія.

Въ военномъ отношеніи Кобленцъ городъ весьма важный. Три его крѣпости могутъ обстрѣливать окрестности по всѣмъ направленіямъ. Картезіанская господствуетъ надъ дорогою въ Майнцъ; Петерсбергъ стережетъ дорогу Тревскую; Эренбрейтштейнъ наблюдаетъ за Рейномъ и дорогою Нассаускою.

Что́ касается до красоты мѣстоположенія, то Кобленцъ слишкомъ разхваливаютъ, особенно если сравнить его съ другими при-рейнскими городами, которыхъ никто не посѣщаетъ, о которыхъ никто не говоритъ. Эренбрейтштейнъ очень не красиво *увѣнчиваетъ* великолѣпную гору. Настоящіе вѣнцы горъ это старинные за́мки.

Digitized by Google

Отдѣленіе VII.

Смѣсь.

ЖУРНАЛЫ, ИЗДАВАЕМЫЕ ВЪ НОВОЙ ЗЕЛАНДІИ И АВСТРАЛІИ. Не безъ удивленія можно прочитать списокъ слѣдующихъ журналовъ, которые издаются въ недавно-заведенныхъ колоніяхъ. Въ Сиднеѣ, Sidney Monitor, ежедневная газета; Australian Chronicle, Australian Colonist, Sidney Herald и Sidney Gazette, три раза въ недѣлю, и Commercial Journal два раза въ недѣлю; въ Мельборнѣ, Port Philipp Patriot, Port-Philipp Gazette и Port-Philipp Herald два раза въ недѣлю.

Въ южной Австраліи Southern Australian и South Australian Register. Въ портѣ Линкольнѣ Port Lincoln Herald; въ Пертсѣ, Perth Guardian. Въ Гобартъ-Таунѣ издаются также свои журналы; наконецъ, въ Новой Зеландіи объявлены два періодическія изданія; New Zealand Gazette и New Zealand Advertiser.

ГИБЕЛЬ КОРАБЛЯ И БРИТАНСКАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ. Въ 1838 году, британскій корабль Каледоніанъ, нагруженный лѣсомъ, на пути изъ Квебека въ Гринокъ былъ захваченъ штормомъ, во время котораго на кораблѣ оказалась течь. Экипажъ употреблялъ всѣ возможныя усилія, чтобы откачать воду, но не въ состояніи былъ поддержать корабля на водѣ, и онъ погрузился, но не пошелъ однакожъ ко дну. Экипажъ, состоявшій изъ 12 человѣкъ, находясь до половины въ водѣ, не могъ ничего достать изъ корабля, для своего пропитанія. Спустя нѣсколько времени шесть человѣкъ отъ изнуренія и голода умерли: остальные поддерживали свое существованіе, питаясь тѣлами погибшихъ своихъ товарищей; наконецъ го-

Digitized by Google

лодъ и жажда довели ихъ до крайности, и они начали сосать кровь каютнаго юнги. Въ такомъ ужасномъ положеніи несчастные пробыли тринадцать дней. Въ четырнадцатый день увидѣли ихъ съ русскаго корабля *Дидель*. Капитанъ этого судна, Торнбергъ, не смотря на страшное волненіе и забывая собственную опасность, рѣшился подать помощь бѣдствующимъ; а неустрашимый штурманъ вызвался исполнить это человѣколюбивое дѣло. Капитанъ, увидя погибающихъ, подъ вѣтромъ у себя, спустился къ нимъ и, пройдя предъ кормою затонувшаго судна, разсматривалъ, съ которой стороны лучше подать помощь страдальцамъ. Видя, что съ подвѣтреной стороны нельзя ничего предпринять, потому-что его корабль гораздо болѣе дрейфовало или сносило подъ вѣтеръ, чѣмъ Каледоніанъ, онъ, по необходимости, рѣшился выйти къ нему на вѣтеръ. Чтобы выполнить это намѣреніе, онъ отдалъ рифы, поставилъ всѣ возможные паруса и, поворотя на другой галсъ, прошелъ передъ носомъ затонувшаго судна. Что чувствовали несчастные, видя, что корабль, спустившійся для поданія имъ помощи, оставляетъ ихъ въ ту самую минуту, когда надежда на спасеніе была такъ близка! Но они ошиблись. Отважный командиръ, одушевляемый высокимъ чувствомъ любви къ ближнимъ, рѣшился переупрямить, побѣдить бурю, море и смерть, вырвавъ у нея вѣрную ея добычу. Онъ, выйдя на вѣтеръ, спустилъ шлюпку, въ которую сѣлъ штурманъ съ нѣсколькими матросами. Имѣя эту шлюпку у себя на бакштовѣ, капитанъ прошелъ правымъ галсомъ у кормы затонувшаго корабля съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы штурманъ со шлюпкою могъ пристать къ погибающему судну съ подвѣтреной стороны; предпріятіе это съ навѣтренной стороны угрожало шлюпкѣ неминуемою гибелью. Вопреки намѣренію капитана, шлюпку бросило волненіемъ на навѣтренную сторону Каледоніана, и штурманъ ежеминутно ожидалъ, что шлюпка его погибнетъ отъ буруновъ, ходившихъ на этой сторонѣ. Но благое провидѣніе спасло отважнаго штурмана; шлюпка попала прямо противъ гротъ-ванта и силою вѣтра тутъ удержалась, подымаясь и опускаясь вмѣстѣ съ за-

Digitized by Google

тонущимъ кораблемъ. Попади немного назадъ или впередъ, она разбилась бы о палубу корабля въ мелкія щепы. Въ это время истощенные страдальцы находились на бакѣ и были не въ силахъ добраться до шканцевъ, чтобы перескочить въ шлюпку. Неустрашимый штурманъ перетащилъ ихъ всѣхъ съ чрезвычайными усиліями къ себѣ на шлюпку. Казалось, что погибающіе уже спасены, но снова встрѣтилось важное затрудненіе. Дигденъ, пролежавъ подъ вѣтромъ къ носу затопшаго судна, отдалился отъ него на значительное разстояніе, и бакштовъ подошелъ подъ Каледоніанъ, такъ-что этотъ корабль находился между шлюпкою и Дигденомъ. Въ это время командиръ послѣдняго не потерялся, вытравилъ бакштовъ и, обстеня паруса, сдался за корму, отчего бакштовъ очистился. Опасность все еще не миновалось. Волненіе, сильно устремляясь въ каюту Каледоніана, разрушило уже кормовую его часть и, когда корабль погружался носомъ на дно, то вода съ такою силою вырывалась изъ разрушенной части, что обратное возвращеніе шлюпки казалось невозможнымъ. Однакожъ и тутъ Богъ спасъ избавителей и избавленныхъ.

Русскій корабль привезъ спасенныхъ въ Бристоль. Англичане, желая вознаградить человѣколюбивый поступокъ штурмана и помочь несчастнымъ землякамъ, потерявшимъ въ морѣ все, кромѣ жизни, открыли во всѣхъ портахъ королевства, въ пользу ихъ, подписку. Въ короткое время эта подписка превзошла ожиданія; собрана была значительная сумма, и Англичане, на собранныя деньги, построили въ Або корабль, назвали его: *Британская благодарность*, и подарили отважному штурману. Этотъ особенный знакъ благодарности надолго останется въ памяти Русскихъ и Финляндцевъ и будетъ переходить изъ рода въ родъ, къ позднему потомству. На финляндскомъ языкѣ слово *Дигдена* означаетъ истинную добродѣтель. Русскіе моряки своимъ человѣколюбивымъ поступкомъ доказали, что они хорошо понимаютъ смыслъ этого слова.

Капитанъ Дигдена получилъ изъ Англіи отъ многихъ особъ значительные подарки и благодарственныя письма.

Digitized by Google

Спасшіеся также не были забыты; имъ выдали денежную помощь, для поправки своего состоянія.

ПРИКАЗЪ АНГЛІЙСКАГО ВИЦЕ-АДМИРАЛА СМОТРИТЕЛЮ РУССКАГО МАЯКА. Во время войны съ Англичанами, въ 1809 году, Балтійское Море и Финскій Заливъ заняты были англійскими крейсерами. Наши военныя суда оставались въ портахъ и не имѣли случая встрѣтиться съ англійскими судами. Съ купеческими нашими кораблями Англичане обходились безъ всякаго снисхожденія: судно они брали, экипажъ высаживали на берегъ, грузомъ, если онъ заслуживалъ ихъ вниманія, овладѣвали, а корабль сожигали или пускали ко дну. Во время лѣтнихъ, свѣтлыхъ ночей, Англичане въ плаваніи не подвергались опасности, но съ наступленіемъ темныхъ, осеннихъ ночей крейсерство въ Финскомъ Заливѣ, наполненномъ множествомъ опасныхъ мелей и островковъ, было сопряжено съ большими трудностями, тѣмъ болѣе, что наше правительство не велѣло зажигать маяковъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи Англичане принуждали смотрителей, разными угрозами, зажигать маяки, и приказъ одного командира англійскаго фрегата по этому случаю, написанный по-русски, по оригинальности своей очень замѣчателенъ. Вотъ онъ отъ слова до слова:

«Вице Адмиралъ и разныхъ ордеровъ кавалеръ Яковъ «Сомаресъ, главно-Начальникъ надъ Велико Британское фло- «та надъ Балтинское море, прикажетъ, что Кахшкаръ ма- «якъ былъ саженъ въ ночію, и за то ета приказаніе бу- «детъ доволное, и наградитъ будутъ людеи а на сопротивъ «будутъ наказаны, и маякъ розеренъ. и вы отвезены въ «полену въ Англію. — Августа 30 числа 1809 года.»

Не смотря на такое строгое и *довольное* приказаніе, упрямый русскій смотритель все-таки не зажигалъ маяка *ея ночію*, однакожъ обѣщанному наказанію не подвергся и не испугался даже англійскаго *полена*, то есть плѣна, которымъ ему грозили.

Digitized by Google

ВѢДСТВІЯ И УЖАСЫ, ПОСТИГШІЕ ФРАНЦУЗСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА, КОТОРЫЙ ПРІѢХАЛЪ ИЗЪ ГЕРМАНІИ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. Господинъ О. пишетъ про себя, что онъ объѣхалъ нѣсколько разъ свое отечество, Францію, потомъ Италію, Швейцарію, Голландію, Бельгію, Германію и Англію, и посѣтилъ даже Россію. Этотъ самый мосье О. рѣшился еще разъ отправиться изъ Германіи черезъ Любекъ въ Санктпетербургъ. Сообщаемъ читателямъ отрывокъ изъ его путевыхъ записокъ. Мосье О., въ одно прекрасное утро, (par une belle matinée), вышелъ изъ Франкфурта въ пять часовъ утра, и прибылъ въ девять часовъ на гору Фельсбергъ, принадлежащую Ландграфу Гессенскому, пройдя пѣшкомъ въ теченіе четырехъ часовъ пять разныхъ германскихъ государствъ. Мосье О. по этому случаю острится и говоритъ, что жители всѣхъ этихъ земель по необходимости живутъ между собою, какъ добрые сосѣди, потому-что безпрестанно, каждый день, ходятъ пѣшкомъ въ разныя заграничныя государства, по дѣламъ или просто въ гости, къ своимъ роднымъ и пріятелямъ. Мосье О. потомъ отправился далѣе, прошелъ черезъ владѣнія Курфирста Гессенъ-Кассельскаго, потомъ прибылъ въ Геттингенъ и похвалилъ геттингенскій университетъ, въ которомъ нѣкогда учился землякъ господина О., извѣстный писатель Бенжаменъ-Констанъ. Изъ Геттингена въ Ганноверъ, пишетъ мосье О., путешественникъ долженъ проходить по песчаной степи. «Предостерегаемъ каждаго пѣхотнаго путешественника,» говоритъ онъ: «что вода въ этой странѣ нечиста и съ дурнымъ запахомъ; что тамошнее пиво жестоко ѣстъ горло, и что во всѣхъ трактирахъ нельзя ничего другаго достать, кромѣ рюмки бордо, стоющей восемь франковъ, по той причинѣ, что для одной рюмки откупориваютъ цѣлую бутылку, съ которой вы потомъ властны дѣлать что угодно. Въ окрестностяхъ Ганновера встрѣчались часто солдаты въ красныхъ англійскихъ мундирахъ и посреди Германіи напомнили путешественнику Лондонъ. По новымъ песчанымъ степямъ, достигъ онъ наконецъ оазиса, красиваго города Селля. О счастіе! — восклицаетъ мосье О. — Французская афиша возвѣстила мнѣ, что тамъ находится, проѣздомъ, труппа актеровъ изъ Берлина. Я

Digitized by Google

вхожу въ третій этажъ королевскаго кембриджскаго замка, сажусь въ ложу и имѣю счастіе видѣть и слышать французскій спектакль; наслаждаюсь удовольствіемъ, котораго былъ лишенъ въ теченіе пяти лѣтъ слишкомъ. Надобно мнѣ было побывать въ Люнебургѣ, — пишетъ далѣе путешественникъ, — и посмотрѣть на мануфактурную дѣятельность этого города, чтобы убѣдиться въ томъ, что Ганноверъ получаетъ доходы не съ однихъ песковъ и болотъ, покрывающихъ почти всю поверхность этой земли. Наконецъ прибылъ я въ Гамбургъ и подумалъ, что я въ Англіи. Житель Гамбурга, не говорящій по-англійски, считается тамъ какъ-бы за иностранца. Товаровъ великобританскихъ здѣсь бездна; вездѣ замѣтно богатство, благосостояніе и довольство.

Гамбургскія дамы показались господину О. прекрасными, особенно потому, что онѣ носятъ чепцы на манеръ француженокъ въ Марсели. Путешественникъ жестоко жалуется на дорогу, ведущую изъ Гамбурга въ Любекъ. На нее взглянуть страшно, — пишетъ онъ, — и разъ десять вы принуждены будете пробираться полями и равнинами, которыя по счастію вездѣ удобнѣе для проѣзда, чѣмъ самая дорога, гдѣ находятся ужасные ухабы и рытвины, напоминающіе швейцарскія горы и долины. Черезъ нѣсколько лѣтъ придется летать на воздушномъ шарѣ изъ Гамбурга въ Любекъ.

Въ Любекѣ легко попадетесь въ большой просакъ, если станете тамъ искать гавани и кораблей. Вы найдете тамъ все необходимое для того, чтобы отправиться въ море, исключая моря и корабля. Рано утромъ вы садитесь въ карету, проѣзжаете двѣ мили и вы — въ Травемюнде, приморской гавани. Тамъ найдете и море, и пароходъ, и всѣ ваши вещи, привезенныя туда наканунѣ и уложенныя въ чрезвычайномъ порядкѣ. Мосье О. заплатилъ, что слѣдовало, за мѣсто на пароходѣ, и сверхъ того по червонцу за каждый день на столъ, во время путешествія моремъ. Къ несчастію морская болѣзнь совсѣмъ его замучила, и онъ въ теченіе пяти дней поддерживалъ свое существованіе одною бутылкою портеру. Такимъ образомъ эта бутылка обошлась мнѣ, — восклицаетъ мосье О., — въ пять червонцевъ, то есть

Digitized by Google

въ шестьдесятъ франковъ! Вы, которые ѣздили на пароходахъ только по рѣкамъ, — продолжаетъ путешественникъ, — вы, которые плавали на морѣ только на парусныхъ судахъ, наконецъ вы, которые испытали потрясенія и шумъ одной паровой машины, вы не можете понять, не можете никогда постигнуть дѣйствія, производимаго на желудокъ несчастнаго страдальца жестокимъ колебаніемъ парохода, который движутъ и пары и паруса вмѣстѣ. Внизъ! вверхъ! направо! налѣво! Вы чувствуете безпрестанно самые неправильные толчки, которые возмущаютъ всю вашу внутренность, и если вы жалуетесь на ваши страданія, то капитанъ вдобавокъ говоритъ съ улыбкой: «Э! милостивый государь! Мы очень быстро идемъ, на славу!»

Вдругъ, увидѣлъ я — продолжаетъ мосье О., — на мрачномъ небѣ горизонта два свѣтлые столба, которые, казалось, упирались въ море и возносились къ небу. Эти столбы двигались, и я не зналъ: въ самомъ ли дѣлѣ они движутся, или мнѣ такъ представляется отъ движенія нашего парохода. Я подошелъ къ капитану, чтобы спросить его объ этомъ явленіи, и съ удивленіемъ замѣтилъ перемѣну на его лицѣ. «Что такое это, капитанъ?» — Говорите тише! Это два водяные столба. — «Развѣ есть опасность?» — Большая! Говорите тише, повторяю вамъ; не испугайте пассажировъ. — Что мнѣ было за дѣло до пассажировъ, когда я самъ узналъ въ чемъ дѣло. Признаюсь, на меня произвела странное впечатлѣніе мысль объ этой великой опасности, которой не знали прочіе сто восемьдесятъ пассажировъ. Одни изъ нихъ смѣялись, другіе пѣли, третьи отдыхали, опасаясь только возобновленія припадковъ морской болѣзни. Столбы на горизонтѣ все шли впередъ. Вскорѣ капитанъ мигнулъ мнѣ. Я подошелъ къ нему. — Вся опасность миновалась, — сказалъ онъ: — столбы идутъ не на насъ, а по другому направленію. — Въ слѣдующую ночь подверглись мы другой опасности. Когда всѣ спали глубокимъ сномъ при однообразномъ шумѣ паровой машины, вдругъ шумъ этотъ прекратился. Прислушиваюсь! Ни шума, ни колебанія парохода! Онъ неподвиженъ. Я взошелъ по лѣстницѣ на палубу. «Что это такое, капитанъ?» — Мы стали на мель, милостивый государь, но опасность не велика, справимся. Напрасно вы испуга-

Digitized by Google

лись. — Мнѣ стало стыдно, что я одинъ изъ всѣхъ явился на палубу, какъ самый трусливый. Я началъ досадовать на себя. Вдругъ кто-то идетъ еще вверхъ по лѣстницѣ и спрашиваетъ: Что это такое? Что такое? — Я тогда сказалъ капитану: «это меня утѣшаетъ; вотъ другой такой же боязливый, какъ я.» Мы посмотрѣли: это былъ русскій. Мосье О. даже назвалъ его по имени, но только ошибся. Наконецъ я прибылъ въ Санктпетербургъ, — продолжаетъ мосье О., — и мнѣ указали тамъ отель (un hôtel). Я спѣшу туда. Фасадъ этой гостинницы украшенъ великолѣпною колоннадою. Общій видъ города поразилъ меня удивленіемъ. Я отложилъ удовольствіе осмотрѣть его, до завтра, и легъ спать. Настала ночь. И что же! Спать — нѣтъ никакой возможности! Неизвѣстное, новое страданіе начало меня мучить, и было для меня тайною непостижимою. Я всталъ на разсвѣтѣ, выведенный совершенно изъ терпѣнія, взглянулъ на мою постель, на салфетки, лежавшія на столѣ, на занавѣски оконъ. Никогда подобное чувство ужаса не овладѣвало мною! Насѣкомыя, которыхъ названіе никогда не произносятъ въ хорошемъ обществѣ, и которыя у насъ, во Франціи, встрѣчаются рѣдко даже у нищихъ, бѣгали здѣсь тысячами, во всѣхъ направленіяхъ. Я убѣжалъ изъ этого вертепа. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ повелъ меня въ улицу, называемую *Мешанска*, (Mechanski) и рекомендовалъ другому хозяину, который показался мнѣ человѣкомъ, очень любящимъ порядокъ и чистоту. Комнаты были убраны со вкусомъ и роскошью. «Гдѣ же моя комната?» спросилъ я. — Вотъ она, здѣсь. — «Здѣсь? А постель гдѣ?» При этомъ вопросѣ мой хозяинъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. — Постель, милостивый государь? Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ я отдаю мои комнаты въ наемъ иностранцамъ, но никогда не снабжалъ никого постелью; каждый приноситъ свою. — Я зарубилъ это у себя на носу, и тотчасъ послалъ записочку къ одному моему пріятелю, камергеру, который черезъ часъ доставилъ мнѣ постель, эту необходимую мебель, которую Русскіе возятъ съ собою во время путешествій, и которую мнѣ очень трудно было бы достать. Наконецъ, спо-

Digitized by Google

койный, совершенно здоровый, и съ чистою постелью, я на нѣсколько времени сдѣлался мирнымъ жителемъ Петербурга.

Этимъ оканчиваются путевыя записки господина О. Сколькимъ бѣдствіямъ и ужасамъ подвергался онъ во время своего путешествія! Исчислимъ ихъ: 1.) Въ Ганноверѣ онъ пилъ пиво, которое ѣстъ горло, и за рюмку бордо платилъ 8 франковъ. 2) Онъ выпилъ на пароходѣ бутылку портеру, за которую заплатилъ цѣну ужасную: шестьдесятъ франковъ! 3.) Его чутьне потопили въ морѣ два водяные столба. 4.) Пароходъ сталъ въ слѣдующую ночь на мель. 5.) Онъ испугался, пораженный, во время глубокаго сна, наступившею тишиною послѣ однообразнаго шума паровой машины, выбѣжалъ на палубу одинъ и совсѣмъ было осрамился передъ капитаномъ, еслибы не поддержалъ его какой-то русскій, съ иностранною фамиліею, и не выбѣжалъ въ слѣдъ за нимъ на палубу, также испуганный во снѣ тишиною. 6.) Въ петербургской гостинницѣ, украшенной великолѣпною колоннадою, напали на него тысячи неизвѣстныхъ и не принятыхъ въ хорошемъ обществѣ насѣкомыхъ, навели на него ужасъ и принудили его бѣжать. 7.) Онъ не могъ нигдѣ достать въ Петербургѣ постели, и принужденъ бы былъ спать на голомъ полу, еслибы камергеръ, его пріятель, не выручилъ путешественника изъ бѣды и не прислалъ необходимой постели, которую русскіе всегда возятъ съ собою. Искренно сожалѣемъ обо всѣхъ его бѣдствіяхъ, совершенно вѣримъ, что онъ платилъ дорого за бордо и портеръ, испугался водяныхъ столбовъ, потомъ проснулся, услышавъ тишину, когда пароходъ сталъ на мель. Не понимаемъ только: въ какой это петербургской гостинницѣ, украшенной великолѣпною колоннадою, напала на него ночью армія неизвѣстныхъ насѣкомыхъ, и какимъ образомъ не могъ онъ отыскать другой гостинницы, гдѣ бы снабдили его хорошею постелью. Не счелъ ли господинъ О., подобно Донъ-Кихоту, плохаго постоялаго двора за великолѣпный замокъ, и не для того ли выдумалъ, что невозможно иначе въ Петербургѣ достать постели, какъ обратясь съ просьбою къ камергеру, – чтобы напечатать во Французскомъ журналѣ, для хвастовства передъ земляками: j'ecrivis à un ami, le chambellan и проч., то есть, я написалъ

Digitized by Google

къ *другу* моему, *камергеру*. Камергеры, изволите видѣть, наши друзья, и по первому требованію присылаютъ намъ все нужное. Знай нашихъ! А между тѣмъ, того и смотри, за границей повѣрятъ господину О. и будутъ говорить и печатать, что во всѣхъ русскихъ домахъ съ великолѣпными колоннадами гуляютъ цѣлыми арміями неизвѣстныя въ Европѣ насѣкомыя, и что въ Россіи нельзя иначе достать постели, какъ отъ знакомаго камергера, если вы не привезли ее съ собою изъ-за границы.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ ГАЛЕРЕЯ. *Скрибъ*. — Не удивляйтесь, что мы начинаемъ нашу галерею съ этого имени, не полумайте, чтобы мы давали Скрибу первое мѣсто въ длинномъ ряду знаменитостей, который намѣрены провести передъ вами: здѣсь первое мѣсто не принадлежитъ никому. Мы сообщаемъ нынче біографію Скриба, просто, потому, что вамъ, конечно, пріятно будетъ познакомиться съ авторомъ комедіи, которой содержаніе изложено въ концѣ Смѣси. Это одна изъ тѣхъ мелкихъ причинъ, которымъ авторъ «*Стакана воды*» приписываетъ такое сильное дѣйствіе.

Съ нѣкотораго времени у французскихъ критиковъ вошло въ моду унижать Скриба: послушать ихъ, такъ это ничтожный куплетистъ, который едва умѣетъ приладить двѣ хромыя рифмы; у него нѣтъ ни идей, ни слога, ни вкуса, ни плана, ни вымысла; онъ промышленникъ, который перечеканиваетъ идеи въ мелкую ходячую монету; не уважаетъ ни здраваго смысла, ни грамматики; имя его, недавно громкое, скоро будетъ забыто. Между-тѣмъ, посовѣтовавшись съ литературною исторіею послѣдняго времени, мы увидимъ, что Скрибъ — писатель, который тридцать лѣтъ сряду привлекалъ къ себѣ публику, самую образованную, самую изящную, привлекаетъ ее и понынѣ, вопреки всѣмъ критикамъ, человѣкъ, котораго творенія возбуждаютъ рукоплесканія не только въ Парижѣ и во всей Франціи, но въ Петербургѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Неаполѣ, Стокгольмѣ, на предѣдахъ Китая и даже въ Индіи. Поговорите о немъ съ путешественниками: они вамъ скажутъ, что вездѣ, гдѣ есть театръ, гдѣ женщины знаютъ грамотѣ, а мужчины моютъ себѣ руки, Скрибъ — забава, прибѣжище, утѣшеніе. Сентъ-Бёвъ справедливо го-

Digitized by Google

воритъ: «Гдѣ есть хотя зародышъ общества, которое пытается быть изящнымъ, тамъ уже играютъ Скриба. Скрибъ и Парижъ для нихъ одно и тоже.»

Теперь разсмотримъ Скриба независимо отъ обольстительности его долговременныхъ успѣховъ. Онъ написалъ осмнадцать толстыхъ томовъ водевилей, оперъ и комедій, и все это, за исключеніемъ оперъ, которыя не для того и пишутся, читается съ удовольствіемъ; во всемъ этомъ такъ много ума и занимательности, что, соображая качество съ количествомъ, дойдемъ въ итогѣ почти до генія, за исключеніемъ только *чего-то* неосязаемаго, невыразимаго, но понятнаго. Объяснимся. Вообразите себѣ дагерротипъ, усовершенствованный до того, что можетъ воспроизводить цвѣта и предметы подвижные, однимъ словомъ, что посредствомъ его можно дѣлать портреты: результаты будутъ тонкіе, легкіе, нѣжные, непрочные, поверхностные, измѣняющіеся отъ прикосновенія воздуха, впрочемъ точные, красивые, воспроизводящіе все, и платье, и фигуру, и глаза, и черты лица, все, кромѣ чего-то невещественнаго, кромѣ искры, которую великіе художники, Рафаели и Шекспиры, высматриваютъ въ тайникахъ души и вызываютъ на свою палитру или подъ свое перо. Одушевите дагерротипъ, такимъ образомъ усовершенствованный, придайте ему жизнь, наблюдательность, смѣтливость, остроуміе, пропасть остроумія, все, кромѣ идеальнаго — и будетъ Скрибъ; Скрибъ, который очень мало заботится о сокровенномъ, о томъ, что не тотчасъ бросается въ глаза, о томъ, что надобно открыть трудомъ внутреннимъ; Скрибъ, чуждый тайнымъ терзаніямъ генія, когда онъ, нагнувшись надъ бездною человѣческаго сердца, старается проникнуть въ его темную глубину, чтобы извлечь оттуда истинное: истинное высокое, истинное прошедшаго, настоящаго и будущаго; Скрибъ, который всегда на стражѣ вещей и людей нынѣшнихъ, схватываетъ на-лету все, что несется мимо, изображаетъ подобіе всего этого съ большой точностію, съ рѣдкимъ остроуміемъ, но не выпукло, не глубоко, не въ широкихъ размѣрахъ, поверхностно, въ мелкихъ чертахъ, въ миніатюрѣ, съ боку, въ профиль. При такихъ свойствахъ Скрибъ никогда не достигалъ до высокаго, то есть до идеала истин-

Digitized by Google

наго, но за то и никогда не падалъ до нелѣпаго, то есть до идеала ложнаго. Онъ идетъ между небомъ и землею, тихо и ровно, безъ пламенныхъ порывовъ, но за то и безъ преткновеній, и пробавляется однимъ умомъ. Но какой это умъ? Не тотъ умъ сжатый, сильный, могущественный, которымъ изъ французскихъ писателей отличались Монтань, Паскаль, Мольеръ, Вольтеръ, Бомарше, а умъ ходячій, вседневный, размѣнный, умъ, какой есть, болѣе или менѣе, и у васъ и у меня: у всѣхъ и каждаго; разница между Скрибомъ и нами только та, что независимо отъ ума, которымъ онъ заимствуется отъ другихъ, у него своего собственнаго столько, что онъ до сихъ поръ не можетъ его истратить, какъ ни мотаетъ.

Скрибъ, даже и съ тѣхъ поръ, какъ принялся за высшую комедію, не двинулъ и не двинетъ впередъ своего вѣка; создавъ или лучше сказать переселивъ во Францію новѣйшую комедію, мелкую, сентиментальную комедію въ манеръ Коцебу, онъ не сдѣлалъ въ сердцѣ человѣческомъ ни малѣйшаго новаго открытія; но если со временемъ одинъ изъ нашихъ потомковъ захочетъ познакомиться съ нашей эпохою, узнать, — не то, сколько въ недрахъ ея крылось силы, слабости, желаній, золъ, средствъ, надеждъ и огорченій, — а каковы были ея нравы, обычаи, привычки, мнѣнія, прихоти, какъ она ходила, жила и говорила, однимъ словомъ какою она представлялась глазамъ; если онъ захочетъ взглянуть на общество французское, отчасти и всесвѣтное, онъ обратится не къ Шатобріану, не къ Ламартину, не къ Виктору Гюго, не къ Жоржу Санду, не къ Альфреду де Виньи, не къ Бальзаку, не къ Александру Дюма, а прямо къ Скрибу: онъ найдетъ у него общество подвижное и перемѣшанное, вмѣстѣ важное и вѣтреное, съ большими претензіями и малыми средствами, скучающее, а не страстное, болтливое до крайности, неосѣдлое, не перебродившее, не окрѣпшее, взволнованное, хлопотливое, безпокойное и, слѣдственно, корыстное, жадное; онъ увидитъ, какъ сквозь сентиментальную болтовню проглядываетъ страсть къ матеріяльному благосостоянію, поклоненіе золотому тельцу. Жалованья, пенсіоны, приданыя, банковые и биржевые обороты, промышленыя предпріятія,

Digitized by Google

огромные доходы, наслѣдства, свалившіяся съ неба — вотъ что встрѣтитъ онъ на каждой стртницѣ. Любовь и ненависть, два главные двигателя человѣческаго сердца, занимаютъ въ піесахъ Скриба мѣсто второстепенное. Часто, при первомъ взглядѣ, вы видите только эти два элемента драматическаго искусства, и вамъ покажется, что они одни тутъ и есть; но всмотрѣвшись по-пристальнѣе, вы замѣтите, что сквозь самыя разнообразныя, иногда самыя странныя приключенія, они постоянно направляются къ одной и той же цѣли, заранѣе указанной, и вы спросите, какая же таинственная сила управляетъ ихъ движеніями? Поищите хорошенько и вамъ не трудно будетъ открыть узелъ интриги, deus ex machina. Въ глубинѣ всего этого, будьте увѣрены, — деньги: онѣ играютъ у Скриба роль древняго рока. У Бальзака тоже вездѣ деньги, много денегъ, даже слишкомъ много, и это невѣроятность, которую надобно прибавить ко всѣмъ остальнымъ. Бальзакъ такъ и ворочаетъ милліонами, золото потокомъ течетъ съ пера его; по всему видно, что у него въ этомъ дѣлѣ не достаетъ опытности. У Скриба совсѣмъ другое: у него суммы тоже порядочныя, но не чудовищныя, не выходящія изъ границъ возможности.

Теперь страшивается: этотъ Скрибовскій свѣтъ, у котораго есть деньги, который тратитъ деньги, дрожитъ надъ деньгами, пускаетъ деньги въ оборотъ, у котораго нѣтъ денегъ, который хотѣлъ бы добыть денегъ женитьбою, наслѣдствомъ, спекуляціями или какъ нибудъ иначе; всѣ эти банкиры, откупщики и негоціянты, толстые, сытые и не глупые, всѣ эти сентиментальныя дѣвушки, съ приданымъ или безъ приданаго, съ надеждами на наслѣдство или безъ надеждъ; всѣ эти вдовушки, чувствительныя и кокетливыя, несчастныя жертвы дочерней любви, которыя, избавясь отъ стариковъ, получившихъ ихъ руку съ условіемъ спасти отца отъ разоренія, возвращаются къ тому, кому всегда принадлежали ихъ сердца, и испытавъ разными образами постоянство своего любезнаго, отдаютъ ему наконецъ и руку и сундукъ перваго мужа; всѣ эти влюбленные юноши, которые говорятъ какъ Вертеръ, и подъ-часъ разсчитываютъ, какъ любой бухгалтеръ; всѣ эти воины, болтливые добряки, у кото-

Digitized by Google

рыхъ за душой всего-на-все одни лавры, и которымъ бы хотѣлось поживиться чѣмъ нибудь посущественнѣе, весь этотъ свѣтъ, который любится утромъ, ссорится подъ вечеръ и мирится на другой день, отличается мелкими качествами и мелкими недостатками, ведетъ рядомъ дѣла и чувства, облекаетъ щедушныя страсти роскошными фразами, ненавидитъ добродѣтель и легко уживается съ порокомъ, наконецъ безпрестанно движется вокругъ одного, всѣмъ общаго центра — что̀же это такое, какъ не нынѣшнее, среднее общество во Франціи, на которое болѣе или менѣе похожи среднія общества во всѣхъ другихъ странахъ міра просвѣщеннаго и образованнаго? Конечно, въ этомъ обществѣ есть и еще кое-что̀, чего Скрибъ не замѣтилъ во то, что̀ видѣлъ, онъ подмѣтилъ какъ нельзя вѣрнѣе, изобразилъ какъ нельзя лучше.

Вотъ вамъ Скрибъ-писатель; теперь познакомится съ Скрибомъ-человѣкомъ.

Августинъ-Евгеній Скрибъ родился въ Парижѣ 25 Декабря 1791. Отецъ его торговалъ шелковыми товарами. Впослѣдствіи, живя въ улицѣ Сентъ-Оноре, подлѣ церкви Святаго Роха, онъ, еще четырехъ лѣтъ отроду, могъ проникнуться своей любимой теоріею о мелкихъ причинахъ важныхъ событій, потому-что, прятаясь на груди матери, видѣлъ изъ оконъ страшную пальбу, которую Бонапарте, командовавшій войсками Конвента, производилъ по Парижскимъ отдѣленіямъ, пальбу, изъ которой возникла потомъ императорская власть и которая сама произошла, по теоріи Скриба, оттого, что Бонапарте, живя въ Парижѣ безъ дѣла и безъ должности, намѣревался отправиться въ Константинополь, чтобы вступить въ турецкую службу, но не могъ достать взаймы необходимой для этого тысячи франковъ и потому принялъ отъ Конвента порученіе, отъ котораго всѣ другіе генералы отказались. Удивительно, что Скрибъ не написалъ другой комедіи въ родѣ «Стакана воды», подъ заглавіемъ «Тысяча франковъ».

По возстановленіи французскаго Университета, Скриба опредѣлили въ коллегіумъ Sainte Barbe и онъ учился прекрасно; потомъ слушалъ курсы въ Наполеоновскомъ Лицеѣ и удостоился нѣсколькихъ наградъ на публичныхъ кон-

Digitized by Google

курсахъ. Отца онъ лишился въ юныхъ лѣтахъ, а мать, гордясь успѣхами сына, хотѣла, чтобы онъ былъ адвокатомъ; но тоже умерла, поручивъ его знаменитому адвокату Бонне. По выходѣ изъ школы, Скрибъ опредѣлился въ контору одного стряпчаго, но желанія его стремились не туда. Еще на школьныхъ лавкахъ онъ кропалъ водевильныя сцены и писалъ куплеты въ своихъ учебныхъ тетрадкахъ. По воскресеньямъ онъ отправлялся въ одинъ изъ водевильныхъ театровъ и, пріютившись въ уголку, трепеталъ отъ радости при мысли, что и онъ будетъ когда нибудь смѣшить публику своими остротами. Ночью, въ дортуарѣ, онъ мечталъ о томъ же, и лавры тогдашняго знаменитаго водевилиста Ложона не давали ему спать.

Съ 1811 по 1815 годъ предполагалось, что Скрибъ изучалъ правовѣдѣніе, а между тѣмъ онъ, при помощи своего школьнаго товарища, извѣстнаго Делавиня (брата Казиміра Делавиня), написалъ пять водевилей. Эти застрѣльщики безчисленной легкой инфантеріи, которою Скрибъ атаковалъ впослѣдствіи всѣ парижскіе театры, были безъ милосердія изрублены публикою; но генералъ нисколько объ этомъ не заботился: онъ, какъ Наполеонъ, не дорожилъ воинами; да притомъ эти первые его опыты явились не подъ его настоящимъ именемъ, а слыли твореніями просто г. Евгенія. Въ это время двадцатилѣтній Скрибъ имѣлъ тысячи три ливровъ дохода и жилъ припѣваючи. Не обращая большаго вниманія на политическія событія, не слишкомъ горюя о пораженіи Наполеона въ Россіи, онъ предавался удовольствіямъ, съ полнымъ рвеніемъ, изученію судопроизводства какъ можно меньше. Г. Дюпенъ, который былъ уже тогда знаменитымъ адвокатомъ, читалъ публичные курсы правовѣдѣнія, и Бонне поручилъ ему Скриба для того, чтобы тотъ привилъ ему страсть къ юриспруденціи; но ученикъ только смѣшилъ учителя своими остротами и вышелъ изъ рукъ его такимъ же ученымъ законовѣдомъ, какимъ былъ и прежде, а лѣтъ черезъ двадцать они столкнулись во Французской Академіи, гдѣ засѣдаютъ теперь рядомъ.

Наполеонъ отправился на островъ Эльбу, Наполеонъ воз-

Digitized by Google

вратился во Францію, Наполеонъ поселился на островѣ Святой Елены: все это нисколько не тревожило Скриба. Союзники заняли Парижъ, ноябрскій трактатъ былъ заключенъ, и это наконецъ разшевелило Скриба; онъ написалъ патріотическій водевиль: Une nuit de la garde nationale, первое произведеніе, которое призналъ своимъ. Это было маловажное дѣйствіе великихъ причинъ. Пьеса принята съ величайшимъ одобреніемъ, и, одушевленный успѣхомъ, неистощимый водевилистъ уже не останавливался. Одинъ за другимъ, являлись Le Comte Ory, Le Nouveau Pourceaugnac, le Solliciteur, Frontin mari garçon, Une visite à Bedlam, la Somnambule, и проч. и проч. Вы можете вообразить, что мы не пустимся въ изчисленіе всѣхъ произведеній Скриба, потому-что у него этихъ дѣтокъ, свѣженькихъ, розовенькихъ, болтливыхъ, веселенькихъ, около полутораста; да наберется до сотни такихъ, которыхъ онъ не признаетъ своими и которыхъ нѣтъ въ полномъ собраніи его сочиненій, а этихъ сочиненій — драматическихъ: осмнадцать томовъ, да повѣстей и разсказовъ: два.

Когда Скрибъ выступилъ на театральное поприще, водевиль питался еще пастушескими пошлостями минувшаго столѣтія. Онъ первый покинулъ хижины, ручейки и лужайки, отбросилъ странный идиллическій языкъ, вывелъ на сцену людей дѣйствительныхъ, и заставилъ ихъ говорить языкомъ человѣческимъ, и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что уже съ 1820 онъ былъ любимѣйшимъ изъ поставщиковъ французской веселости. Въ то время объ искусствѣ для искусства никто не заботился, а Скрибъ менѣе чѣмъ кто нибудь. Съ самаго вступленія своего на поприще, онъ видѣлъ въ драматической литературѣ только занятіе пріятное, нетрудное, представляющее тѣмъ, кто въ немъ отличается, множество наслажденій разнаго рода и, въ особенности, много выгодъ. Онъ занимался искусствомъ для забавы и для денегъ, и успѣвалъ въ этомъ, какъ нельзя лучше. Семь или восемь молодыхъ эпикурейцевъ, Мельвиль, Германъ Делавинь, Делетръ-Поарсонъ, Варнеръ, Бразье, Кармушъ, составляли общество разработыванія водевиля посреди забавъ и удовольствій, вокругъ обѣденнаго стола; одинъ приносилъ планъ, другой составлялъ разго-

Digitized by Google

воръ, третій приводилъ все это въ порядокъ, четвертый писалъ куплеты. Въ началѣ обѣда водевиль зарождался, а въ концѣ выходилъ совсѣмъ готовый изъ послѣдней бутылки шампанскаго, какъ Минерва изъ головы Юпитера.

Въ 1820 году Делетръ-Поарсонъ, учредивъ новый театръ, купилъ за большую сумму всѣ произведенія Скриба и сверхъ того заключилъ съ нимъ контрактъ, по которому тотъ обязался не писать ни для какого другаго театра. Золото полилось въ кассу театра du Gymnase и въ карманы поставщика. Сначала этотъ театръ, по своему положенію въ той части города, гдѣ живутъ богатые негоціанты, былъ посѣщаемъ только этимъ классомъ; но потомъ онъ понравился герцогинѣ Беррійской, сталъ называться ея именемъ, Théatre-Madame, и въ немъ начали сходиться и аристократы и люди средняго состоянія. Въ такихъ обстоятельствахъ Мольеръ обработалъ бы публику по-своему; Скрибъ старался поддѣлаться къ ней и, отказавшись отъ широкихъ размѣровъ искусства, отъ сатиры прямой и энергической, создалъ комедію, о которой мы говорили выше, комедію хорошенькую, кокетливую, болтливую, граціозную, хотя и чувственную, въ которой онъ представлялъ зрителямъ положенія болѣе или менѣе соблазнительныя, зазорныя, но всегда прикрытыя покровомъ легкимъ и красивымъ, сдобрилъ запрещенный плодъ нравоученіемъ, такъ, что и женщины самыя строгія могли, не краснѣя имъ полакомиться. Простодушныя, прямыя непристойности Мольера несравненно приличнѣе, нравственнѣе соблазнительныхъ сценъ Скриба, прикрытыхъ прозрачной тканью, сентиментальной фразеологіи. Тутъ таже разница, какъ между Венерой Медицейскою и хорошенькой женщиной

dans le simple appareil
D'une beauté qu'on vient d'arracher au sommeil,

положимъ, хоть въ утреннемъ неглиже.

Такъ царствовалъ, иные говорятъ, султанствовалъ Скрибъ, нѣсколько лѣтъ сряду въ театрѣ Gymnase dramatique; событія 1830 года разстроили его пріятное и доходное положеніе. Люди и вещи, все взволновалось, перемѣшалось, какъ послѣ землетрясенія: тутъ было не до водевиля. Скрибъ

Digitized by Google

замолкъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ снова явился на поприщѣ, но уже въ другомъ видѣ: изъ зеркала, которое отражало главную, то есть мелкую сторону современнаго человѣчества, онъ сдѣлался бичемъ и принялся за Аристофановскую комедію, въ которой онъ слѣдуетъ постоянной системѣ: старается доказать парадоксъ, будто важныя событія всегда происходятъ отъ самыхъ мелкихъ, самыхъ ничтожныхъ причинъ, и безъ пощады выставляетъ въ смѣшномъ видѣ нынѣшній политическій бытъ своихъ соотечественниковъ. Плодомъ этого новаго направленія были комедіи въ пяти дѣйствіяхъ, Bertrand et Raton, въ которой онъ показываетъ какими ничтожными средствами, какими презрѣнными руками производятся иногда политическіе перевороты, L'ambitieux, Les Indépendants, la Camaraderie, la Calomnie, въ которыхъ неразборчивое честолюбіе, лицемѣрная независимость, горькая жизнь политическихъ людей во Франціи и средства достиженія почестей выставлены съ самомъ смѣшномъ, самомъ жалкомъ видѣ. Приверженцы нынѣшняго порядка вещей въ отечествѣ Скриба сердятся на него, называютъ его новое направленіе безнравственнымъ; но между тѣмъ послѣднія его произведенія пользуются величайшимъ успѣхомъ, потому что въ нихъ также много ума, искусства, ловкости, остроты, какъ и въ прежнихъ.

Живописецъ вѣка денежнаго, Скрибъ вполнѣ проникнулся своимъ предметомъ: онъ нажилъ до ста тысячъ дохода, имѣетъ великолѣпный домъ въ Парижѣ, прекрасную виллу близъ Мёдона, ту самую, въ которой Талеранъ принималъ нѣкогда Наполеона; въ 1836 году выбранъ въ члены Французской Академіи, и, кромѣ почестей и богатства, онъ сверхъ того — участь завидная! — пользуется искренною привязанностію не только своихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, но даже и совмѣстниковъ.

НОВЫЙ ФИЗИЧЕСКІЙ ИНСТРУМЕНТЪ, ИЗОБРѢТЕННЫЙ Г. АРАГО. Съ нѣкотораго времени въ Парижской Академіи Наукъ и въ Королевскомъ Обществѣ Наукъ въ Англіи, много говорятъ о томъ, какую пользу могли бы

Digitized by Google

принести наукѣ воздушные шары, какія важныя и занимательныя наблюденія можно было бы произвести въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Докторъ *Доннe*, который пишетъ въ Journal des Débats превосходныя статьи о занятіяхъ Парижской Академіи Наукъ и вообще объ ученыхъ предметахъ, предлагалъ составить общество, или собрать подписку для производства подобныхъ опытовъ въ большомъ видѣ. Но для этого нужны не одни деньги, а также инструменты, приспособленные для наблюденій на такихъ высотахъ, до которыхъ достигали только весьма немногіе физики. Видно, одно другаго легче. Предположеніе доктора *Доннe*, кажется, не состоялось, а между-тѣмъ во Франціи и въ Англіи изобрѣтено уже нѣсколько новыхъ приборовъ, назначенныхъ для этой цѣли. Въ 1809 году Г. *Араго* придумалъ инструментъ, который онъ назвалъ *поляроскопомъ* и тогда уже употреблялъ для узнанія присутствія полярнаго свѣта. Посредствомъ нѣкоторыхъ измѣненій Г. *Араго* сдѣлалъ изъ этого инструмента 1) *Поляриметръ*, измѣряющій количество поляризаціи; 2) *Фотометръ* для измѣреній силы свѣта бѣлаго или средняго, и 3) *Діанометръ* (cyanomètre), который показываетъ степень синяго цвѣта неба и можетъ служить къ измѣренію высоты темнаго облака.

ПОЛЕЗНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ СЖАТАГО ВОЗДУХА. Доселѣ сжатый воздухъ почти ни къ чему не служилъ въ искусствахъ и ремеслахъ, употреблялся только при фильтрованіи. Нынче нѣкто Г. *Триже* извлекъ изъ него огромную пользу. Этому инженеру поручено было заложить шахту. Производству работы чрезвычайно препятствовала процѣживающаяся вода. Извѣстно, что подземныя воды, источникъ артезійскихъ колодцевъ, суть опаснѣйшій бичъ для рудокоповъ. Не входя въ техническія подробности, мы скажемъ только, что строитель шахты возымѣлъ счастливую мысль употребить паровую машину для сжиманія воздуха въ рудникѣ, и это тотчасъ, если не совсѣмъ остановило, то по крайней мѣрѣ чрезвычайно уменьшило притокъ воды.

Любопытнѣе всего то, что при этой борьбѣ между водою и воздухомъ, работники могли не только оставаться въ шахтѣ,

Digitized by Google

наполненной сжатымъ воздухомъ, но и заниматься своимъ дѣломъ. Само собою разумѣется, что они ощущали извѣстныя неудобства сжатаго воздуха и между прочимъ больвъ ушахъ. Такъ какъ эта боль происходила не собственно отъ густоты воздуха, а отъ разности между давленіемъ воздуха наружнаго и воздуха, заключающагося въ ухѣ, то они легко могли избавиться отъ боли, сильно втягивая воздухъ носомъ, откуда онъ проходилъ въ слуховую трубу. При этомъ замѣчены также нѣкоторыя акустическія явленія. Такъ напримѣръ при давленіи трехъ атмосферъ, работники не могли свистать. Очень естественно: свистъ производится быстрымъ вдыханіемъ или выдыханіемъ воздуха сквозь сжатыя особеннымъ образомъ губы. Само собою разумѣется, что воздухъ, сдѣлавшійся въ три раза гуще, сотрясается уже не такъ, какъ прежде, при обыкновенномъ своемъ состояніи.

НОВОЕ ИСКУССТВО. Открытіе нашего ученаго *Якоби*, гальванопластика, получаетъ всякій день новыя примѣненія, такъ-что невозможно и предвидѣть всю пользу, которую она при надлежащемъ развитіи, будетъ приносить ремесламъ и художествамъ. Напримѣръ, теперь легко будетъ покрывать вещи изъ какого нибудь металла тонкимъ слоемъ другаго металла. Извѣстно, что этотъ весьма важный процессъ производился доселѣ только въ немногихъ случаяхъ и притомъ способами очень несовершенными; теперь онъ можетъ быть производимъ всегда и вездѣ, и притомъ методою общею и самою совершенною, какой только можно желать.

Металлическія вещи, крѣпкія и острыя, но окисляющіяся отъ воздуха, какъ напримѣръ ножи, могутъ при сохраненіи всѣхъ своихъ качествъ, дѣлаться неизмѣнными отъ вліянія кислотъ, покрываясь какъ бы лакомъ золота, серебра, платины, лакомъ столь тонкимъ, что цѣна будетъ возвышена почти незамѣтно. Утвари изъ чугуна, мѣди, латуни или жести, опасныя или непріятныя въ употребленіи, могутъ, покрываясь нѣсколько болѣе толстымъ слоемъ металла, дѣлаться неизмѣнными отъ воздуха, непахучими и совершенно безвредными. Надобно прибавить, что эта метода совершенно всеобщая и потому мѣдь, свинецъ, цинкъ, никкель, кобальтъ и проч. и проч. могутъ такъ же, какъ и драгоцѣнные металлы,

Digitized by Google

быть употребляемы съ тою же цѣлію, облекать вещи изъ другихъ металловъ и такимъ образомъ сообщать имъ новыя, полезныя свойства.

Это столь общее производство до того просто, что нѣтъ фабрикаціи, которая бы требовала такъ мало приборовъ, первоначальныхъ издержекъ, рабочихъ рукъ и мѣста. Не мудрено: тутъ единственный дѣятель Вольтовъ столбъ. Это очень ясно для всякаго, кто знакомъ съ галванопластикою, а кто же изъ образованныхъ людей, у насъ, не имѣетъ никакого понятія объ изобрѣтеніи, которое доставитъ имени нашего ученаго академика славу безсмертную, принесетъ честь Россіи, гдѣ оно сдѣлано и обязано своимъ существованіемъ щедротамъ правительства.

ПОДЗЕМНЫЕ ПЛАСТЫ ЖИВЫХЪ ИНФУЗОРІЕВЪ Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Парижской Академіи Наукъ, г-нъ *Гумбольдтъ* представилъ отъ имени извѣстнаго члена Берлинской Академіи г-на *Эренберга*, образцы торфяной и глинистой земли, лежащей футахъ въ двадцати подъ мостовою Берлина и наполненной инфузоріями, еще живыми. Такой фундаментъ много вредитъ прочности Берлинскихъ строеній и между прочимъ, какъ полагаютъ, былъ причиною того, что домъ самаго *Гумбольдта* обрушился. Спрашивается, однакожъ: не приписываетъ ли знаменитый ученый невиннымъ инфузоріямъ то, въ чемъ виноватъ Архитекторъ? Какъ бы то ни было, но присутствіе инфузоріевъ въ почвѣ нѣкоторыхъ городовъ не подлежитъ сомнѣнію. Такъ напримѣръ недавно докторъ *Гаетть* (Haguette), проходя въ Парижѣ по улицѣ Рише, гдѣ дѣлали рвы для фундамента, взялъ въ глубинѣ какихъ нибудь трехъ метровъ нѣсколько комковъ земли и снесъ это драгоцѣнное похищеніе къ себѣ домой, чтобъ изслѣдовать его на досугѣ. Онъ положилъ часть этой глины въ сосудъ, наполненный водою. Каково же было его удивленіе, когда онъ, черезъ нѣсколько дней послѣ того, нашелъ въ этомъ сосудѣ живыхъ циклостомовъ! Теперь, не угодно ли вамъ, господа русскіе ученые, заняться изслѣдованіемъ петербургской почвы и рѣшить однажды навсегда: кто виноватъ въ непрочности многихъ нашихъ частныхъ домовъ, неискусные архитекторы, или проказники инфузоріи?

Digitized by Google

РАКИ ИЗЪ ПОДЗЕМНАГО ОЗЕРА. Г-нъ *Милнъ Эдвардсъ* поднесъ Парижской Академіи Наукъ нѣсколькихъ раковъ, присланныхъ изъ Америки аббатомъ *Моанью* и пойманныхъ въ подземномъ озерѣ. Эти обитатели мрачнаго царства замѣчательны тѣмъ, что у нихъ нѣтъ того, что имъ не нужно— глазъ, или по крайней мѣрѣ глаза ихъ находятся въ состояніи несовершеннаго развитія.

ПАРОВЫЯ КАРЕТЫ. Изобрѣтатель этихъ усовершенствованныхъ паровыхъ экипажей, г-нъ *Гиллсъ* (Hills) дѣлалъ 14 Сентября опыты на Дептфордской дорогѣ, на пространствѣ двадцати одной англійской мили (около тридцати одной версты съ половиною). Карета была пущена изъ Дептфорда въ часъ и 33 минуты и прибыла въ Севеноксъ въ 3 часа и 10 минутъ; но изъ этого времени надобно вычесть двѣ остановки, при которыхъ машина запасалась водою и углемъ. Сверхъ того было замедленіе въ двѣ минуты при въѣздѣ на первый послѣ Дептфорда холмъ, приписываемое тому, что огонь былъ недовольно силенъ при отправленіи. Съ тѣхъ поръ машина пошла скорѣе и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не мѣшали ей провозжіе и другія препятствія, скорость хода ея можно полагать по 23 мили (34 версты) въ часъ. Очень порядочно! Надобно еще замѣтить, что дорогою одинъ изъ насосовъ испортился, что, разумѣется, замедлило поѣздку и будетъ случаться не при всякомъ путешествіи.

Въ 3 часа 14 минутъ карета отправилась въ обратный путь и прибыла въ Дептфордъ въ 5 часовъ 10 минутъ. Принимая въ соображеніе всѣ препятствія, встрѣчавшіяся на пути, среднюю скорость хода паровоаго экипажа можно полагать въ 14 или 15 англійскихъ миль, т. е. 21 или 22½ версты въ часъ. Можно быть довольному и этимъ!

Паровой экипажъ г-на *Гиллса* очень красивъ и покоенъ; въ немъ помѣщается восемь человѣкъ. Кучеръ, какъ обыкновенно, сидитъ на козлахъ передъ каретою и управляетъ ею посредствомъ колеса въ родѣ тѣхъ, которыя употребляются для управленія пароходами. Вѣсъ экипажа простирается до четырехъ тоннъ (около 200 пудовъ). Изобрѣтатель увѣряетъ, что подобный экипажъ можетъ служить цѣлый годъ безъ починки и содержаніе его обойдется въ половину противъ

Digitized by Google

обыкновенной почтовой кареты. На сто миль понадобится тонна кокса, которая въ Англіи стоитъ около тридцати пяти рублей. Постройка экипажа обойдется въ 800 фунтовъ стерлинговъ или двадцать тысячь рублей. Машина такъ устроена, что путешественники нисколько не терпятъ отъ пыли и дыма, чего доселѣ никакъ не могли достичь въ другихъ паровыхъ экипажахъ. Опыты производились въ чрезвычайно жаркую погоду, но это нисколько не безпокоило пассажировъ, потому-что быстрота ѣзды производила пріятную свѣжесть.

ЭМСЪ, АХЕНЪ И СПА. — Въ Германіи сотни минеральныхъ водъ, которыя мода по-очередно принимаетъ подъ свое покровительство. Съ нѣкотораго времени въ большой славѣ Эмсъ. Это городокъ, состоящій изъ новыхъ домовъ, которые еще не просохли, и молодыхъ деревьевъ, которые не одѣлись еще листьями. Садъ и терасса, окружающія Общественный домъ, Conversation's Haus, очень хорошо устроены; но гулять тамъ можно только по захожденіи солнца, потому-что нѣтъ ни тѣни, ни свѣжести, и развѣ только лѣтъ черезъ десясь эти аллеи въ состояніи будутъ защищать отъ солнца. Не смотря на такія неудобства, въ Эмсѣ всегда много знатныхъ и важныхъ особъ; веселишься тамъ очень потредственно, но за то живешь посреди самаго прекраснаго общества. Съ семи до девяти часовъ вечера вы увидите на гульбищѣ такія лица, съ которыми въ другомъ мѣстѣ не столкнетесь.

Посмотрите на эту даму, въ движеніяхъ, во всемъ видѣ которой какъ бы невольно проглядываетъ величіе. Это повелительница могущественной имперіи.

Этотъ молодой человѣкъ, котораго вы приняли бы за обыкновеннаго денди — это принцъ Ваза, отрасль прежняго шведскаго королевскаго дома.

А кто этотъ старикъ длинный, сухой, съ густыми бакенбардами, сѣдыми усами, въ узкомъ синемъ сюртукѣ и въ широкополой шляпѣ, надѣтой на-бекрень? Это не кто иной, какъ Эрнестъ-Августъ, король ганноверскій.

А эта хорошенькая блондинка, живая и веселая, которая такъ мило одѣвается по послѣдней парижской модѣ?

Digitized by Google

Вы думаете, что это одна изъ знатныхъ и богатыхъ обитательницъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія въ Парижѣ? Ничего не бывало! эта прелестная блондинка — греческая королева. Подлѣ нея вы замѣтите прехорошенькую женщину въ аѳинскомъ костюмѣ; греческая шапочка, изъ красной шерсти, красиво лежитъ на ея прекрасныхъ, черныхъ, какъ смоль, волосахъ; голубой бархатный корсетъ, вышитый золотомъ, граціозно обрисовываетъ ея тонкую и гибкую талію. Это г-жа Боццарисъ, статсъ-дама королевы, восхитительный образецъ греческой красоты.

Можно бы указать и еще на множество принцевъ и принцессъ, герцоговъ и великихъ герцоговъ, которые посѣщали минувшимъ лѣтомъ эти воды, не считая уже маркграфовъ, ландграфовъ, курфирстовъ, и проч. и проч. Общество прекрасное, на которое очень любопытно взглянуть; но оно разливаетъ вокругъ себя мало блеска и мало веселости. Оно очень рѣдко является въ залахъ, гдѣ собираются посѣтители водъ; еще рѣже удостоиваетъ своимъ присутствіемъ балы и концерты. Всѣ эти важныя особы живутъ между собою въ тѣсномъ кругу, живутъ скромно, тихо, помѣщаются почти всѣ въ старомъ, ваннномъ домѣ, гдѣ они нанимаютъ незатѣйливыя квартиры, выѣзжаютъ въ самыхъ обыкновенныхъ экипажахъ съ лакеями неливрейными. Всѣ они тамъ были для здоровья. Король ганноверскій старался возстановить свое почти угасшее зрѣніе; греческая королева просила у благотворной нимфы эмскихъ водъ укрѣпленія слабаго своего тѣлосложенія.

Быть можетъ, что со временемъ Эмсъ сдѣлается городомъ веселымъ; но пока, это воды дипломатическія, то есть довольно, скучныя. Игра тамъ очень не велика; танцевъ почти не бываетъ. За то князь Меттернихъ, отправляясь въ свой Іоганнисбергъ, почти всегда заѣзжаетъ въ Эмсъ: здѣсь онъ встрѣчается съ недужными дипломатами всѣхъ европейскихъ государствъ, и часто важные политическіе вопросы рѣшаются между двумя стаканами горячей воды.

Что касается до путешественниковъ, которые мало заботятся о политикѣ, ищутъ забавъ, развлеченія, при-

Digitized by Google

ключеній, они останавливаются въ Эмсѣ только на короткое время. Двухъ или трехъ дней пребыванія тамъ слишкомъ довольно, чтобы удовлетворить самое ненасытное любопытство. Осмотрѣвъ городокъ и его окрестности, взглянувъ на важное общество, которое прохаживается всякой вечеръ на гульбищѣ, вы можете уѣхать. Чтожъ вамъ больше дѣлать въ Эмсѣ? — «Мало ли что, замѣтитъ автору этихъ строкъ какой-нибудь путешественникъ, который уже мѣсяца полтора жилъ въ Эмсѣ. Здѣсь много дичи и вы легко можете получить позволеніе поохотиться въ казенныхъ лѣсахъ. Васъ будетъ провожать егерь, и если вы пуститесь пораньше и воротитесь попозже, то, вѣрно, встрѣтите по-крайней-мѣрѣ двѣ или три дикихъ козы. Правда, вы можете стрѣлять только тогда, когда коза не моложе года и не старше десяти лѣтъ. Но вамъ стоитъ только спросить»..... Спросить у козы сколько ей лѣтъ? — «Нѣтъ; какъ скоро коза появится вдали, вы оборачиваетесь къ егерю, который васъ провожаетъ, и спрашиваете: — какъ ты думаешь: сколько ей? Онъ устремитъ на козу свой опытный взглядъ и черезъ нѣсколько секундъ скажетъ вамъ: — «Одиннадцать мѣсяцевъ;» — или: «третій годъ; вы можете стрѣлять.» Коза иногда и не дожидается результата осмотра; но бываетъ и такъ, что вы успѣете выстрѣлить и даже убьете ее. Прекрасно. Егерь беретъ вашу добычу, потому-что она принадлежитъ казнѣ, а вы приносите домой самосознаніе своей ловкости, очень лестной для вашего самолюбія.

Теперь не угодно ли вамъ сѣсть на одинъ изъ рейнскихъ пароходовъ, который отвезетъ васъ въ Кёльнъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ пустимся въ Ахенъ. Изящное общество здѣсь рѣдко пьетъ воды и купается. Въ Редутѣ посѣтителей обыкновенно очень не много; игорныя залы почти пусты. Осмотрѣвъ въ Ахенѣ ратушу и соборную церковь, въ которой хранится множество вещей, принадлежавшихъ Карлу Великому, вы смѣло можете покинуть этотъ знаменитый, но скучный городъ, гдѣ модный свѣтъ бываетъ только проѣздомъ съ тѣхъ поръ, какъ Спа снова находится въ цвѣтущемъ положеніи.

Въ ожиданіи желѣзной дороги, вы можете часовъ въ

Digitized by Google

пять переѣхать изъ Ахена въ Спа въ дилижансѣ. Въ Вервье пересаживаетесь изъ прусской почтовой кареты, которая ѣздитъ очень тихо, въ бельгійскую, которая едва двигается. Но здѣсь лѣность лошадей и безпечность почталіоновъ обращается въ пользу путешественника, потому-что даетъ ему возможность вдоволь налюбоваться прекрасными видами по дорогѣ. Окрестности Спа восхитительны; городъ расположенъ прекрасно и въ будущемъ его преуспѣяніи нельзя и сомнѣваться при видѣ блестящей толпы, которая оживляетъ его съ нѣкотораго времени всякое лѣто. Тамъ показывалась нынче очень порядочная коллекція парижскихъ модницъ и львовъ. Это уже не ахенская пустота и не великолѣпная скука Эмса. Не много коронованныхъ главъ, не много дипломатовъ, за то много больныхъ, много людей, которые ищутъ только развлеченія, забавъ, удовольствій, и которымъ смѣтливый директоръ водяныхъ заведеній, ловкій парижанинъ, г-нъ Давлуи, угождаетъ какъ нельзя лучше.

Мода рада и готова была воротиться въ эти мѣста, давно ей знакомые; стоило только сдѣлать что нибудь, чтобы привлечь ее, а для этого не щадили ничего. Квартиры были разпространены и убраны; Редутъ и два Воксала принарядились цвѣтами и позолотою; городъ помолодѣлъ, обновился; празднества размножились, и Спа сдѣлался опаснымъ соперникомъ Бадена.

Жизнь въ Спа очень пріятна. Весь день проходитъ въ прогулкахъ и поѣздкахъ по прелестнымъ окрестностямъ. Вокругъ всѣхъ трехъ источниковъ безпрестанно толпятся веселые водопійцы, приводятъ примѣры дивныхъ излеченій изъ временъ Петра Великаго и маршала Ришельё, не забывая и новѣйшихъ. Если вы любите дальныя поѣздки, прекрасные виды и чудеса природы, къ вашимъ услугамъ арденскія лошадки, небольшія ростомъ, но твердыя на ногу. Между прочимъ вы можете съѣздить въ знаменитый гротъ Ремушанскій, одну изъ любопытнѣйшихъ пещеръ, какія только есть во всемъ мірѣ. Дорога идетъ по самымъ живописнымъ мѣстамъ. При входѣ въ пещеру на васъ надѣнутъ блузу или родъ капуцина и дадутъ вамъ въ руки факелъ. Потомъ процессія пускается въ путь и проникаетъ въ

Digitized by Google

нѣдра земли. Часа полтора бродите вы посреди мрака, наполненнаго зрѣлищами неожиданными и великолѣпными; проходите по мостамъ черезъ подземные потоки; прислушиваетесь къ вѣтру, который гудитъ далеко подъ вашими ногами, и вода не скоро всплеснетъ, когда вы бросите въ нее камень. Поднимите глаза, полюбуйтесь великолѣпіемъ сталактитовъ, висящихъ со свода, и сталагмитовъ, которые, образуясь изъ капель, падающихъ съ этихъ сырыхъ сводовъ, принимаютъ самыя странныя, самыя разнообразныя формы: — передъ вами драпри, окаменѣлыя каскады, плакучія ивы, женщины, стоящія на колѣнахъ, и множество другихъ обманчивыхъ, изумительныхъ образовъ. Прибавьте къ этому зрѣлищу удовольствіе мнимой опасности, пріятное ощущеніе невольнаго страха, производимаго темнотою, фантастическими формами, которыя повсюду вамъ представляются, и шумомъ, котораго причины вы не видите, наконецъ возможность вписать въ вашъ путевой журналъ еще одну прекрасную страницу..... Согласитесь, что это прогулка очень пріятная.

Ко всѣмъ этимъ удовольствіямъ, нынѣшнимъ лѣтомъ присоединились въ Спа скачки, на которыя съѣхалась вся Бельгія, и концерты, въ которыхъ участвовали знаменитый *Рубини* и г-жа *Альбертацци*. Можно ли же удивиться послѣ этого, что тѣ, которые пріѣхали на праздники поздно, не нашли квартиръ и принуждены были ночевать въ своихъ каретахъ.

ПОЛЕТЪ НОВАГО РОДА. Французская актриса Фюзи (Fusil), внука знаменитаго Флёри, изъѣздившая всю Европу и описавшая довольно остроумно свое путешествіе, разсказываетъ между прочимъ слѣдующій театральный анекдотъ. Въ нѣкоторомъ государствѣ (г-жа Фюзи называетъ это сосѣднее намъ королевство, а мы нѣтъ) театромъ управлялъ молодой гвардейскій полковникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ королевскій камергеръ, котораго всѣ артисты очень любили за его безпристрастіе и уваженіе къ талантамъ. Но такова наша бѣдная натура: какъ ни безпристрастенъ человѣкъ, а онъ всегда любитъ кого нибудь больше, чѣмъ прочихъ ближнихъ того и другаго пола. Такъ и полков-

Digitized by Google

никъ Л. питалъ маленькое предпочтеніе къ одной пѣвицѣ, съ довольно хорошимъ голосомъ и съ величественною наружностью. По послѣдней изъ этихъ причинъ, она занимала обыкновенно въ миѳологическихъ операхъ Глукка, Саккини и Пиччини роль богини, которая, являясь при концѣ пьесы, разпутываетъ запутанную завязку.

Однажды давали оперу Ифигенія въ Авлидѣ. Весь дворъ присутствовалъ при этомъ представленіи. Директоръ, полковникъ и камергеръ, былъ въ этотъ день дежурный и потому въ полномъ мундирѣ.

Въ концѣ оперы, Діана спускается на облакѣ, чтобы воспротивиться приношенію Ифигеніи въ жертву разгнѣваннымъ богамъ. Безпокоясь на счетъ безопасности цѣломудренной богини, директоръ вышелъ по-тихоньку изъ королевской ложи и пошелъ на сцену, на-верхъ. Какой смертный не забылся бы въ пространствахъ воздушныхъ, подлѣ прекраснаго божества! Разговаривая съ богинею ночи, которая была для него доступнѣе, чѣмъ для Актеона, онъ сѣлъ на подножіи ея трона, прикрытый отъ нескромныхъ глазъ облакомъ. Но и онъ долженъ былъ подвергнуться судьбѣ дерзкаго смертнаго, который осмѣлился проникнуть въ убѣжище Діаны. Разговоръ, вѣроятно, былъ интерестный, потому-что несчастный полковникъ совершенно забылъ объ опасности, которой подвергался, и замѣтилъ ее только тогда уже, когда облако начало опускаться. Вы можете вообратить себѣ какой эффектъ произвело на публику появленіе въ лазоревомъ облакѣ Діаны въ сопровожденіи камергера, въ красномъ, вышитомъ серебромъ мундирѣ! Хохоту и рукоплесканіямъ конца не было; а бѣдный полковникъ клялся, но уже поздно, что впередъ не занесется за облака;

Jura, mais un peu tard, qu'on ne l'y prendrait plus.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ. — Видали-ль вы когда нибудь скачку на колокольни, steeple chease, головоломную забаву англійскаго изобрѣтенія? Вѣроятно, нѣтъ. Жаль. Зрѣлище прелюбопытное: красивые всадники, на рѣзвыхъ коняхъ, болѣе или менѣе англійскихъ; прекрасныя, разодѣ-

Digitized by Google

тыя по послѣдней модѣ женщины, которыя трепещутъ и, слѣдственно, восхищаются; плетни и заборы, рвы и крутояры, черезъ которые надобно перенестись, рискуя сломить себѣ шею, или что̀ еще хуже, выпачкаться въ грязи и проиграть. Вотъ они тронулись, понеслись, скачутъ и скачутъ, впередъ и впередъ, прямо, все прямо. Заборъ — хлопъ бичемъ! — лошадь подобралась, перелетѣла, упала. Вскочите на ноги, если онѣ цѣлы, поднимите коня, если онъ не разбился, и потомъ впередъ. Но избави Богъ, чтобы кто вздумалъ помочь вамъ: отцу родному не позволяется. Ваша милая имѣетъ только право вскрикнуть и больше ничего. Наконецъ, всѣ препятствія побѣждены, передъ вами послѣднее — одинъ ровъ. Что̀жъ занимъ? За нимъ? Выигрышъ, слава, торжество друзей и ближнихъ, плески толпы, удовольствіе — одно изъ величайшихъ для человѣка съ характеромъ пылкимъ — удовольствіе побѣжденной трудности. Но вы, человѣкъ холодный, разсчетливый и разсудительный, спрашиваете: къ чему скакать сломя голову по мѣстамъ непроѣзжимъ? Не лучше ли добраться до той же цѣли тихонько и спокойно, дорогой пробитою, какъ возовая лошадь, которая дошла туда же, не торопясь и безъ устали, и принесла пользу хозяину? Все такъ; но у всякаго свой нравъ. Скрибъ напримѣръ: это самый отчаянный охотникъ до скачекъ на колокольни; ему дорога не дорога, если по ней можно ѣхать спокойно, безъ препятствій, безъ опасности. Онъ страстно любитъ опастности, ищетъ ихъ, а если не находитъ, то самъ выдумываетъ, создаетъ и тѣшится тѣмъ, что побѣдилъ ихъ. Правда, иногда онъ и свалится посреди препонъ, но за то такъ ловко, такъ проворно вскочитъ и оправится, что, право, жаль было бы, еслибъ этотъ человѣкъ ходилъ пробитыми тропами, хоть иногда, въ быстромъ полетѣ, ему и случается оставить кой-гдѣ по кустамъ клочки здраваго смысла, вкуса или искусства. Часто скакалъ онъ такимъ образомъ; но самая отважная его потѣха въ этомъ родѣ — безъ сомнѣнія, его новая комедія въ пяти дѣйствіяхъ: «*Цѣпь*,» которую недавно играли въ Парижѣ, будутъ скоро играть и въ Брюсселѣ и въ Гагѣ, въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ, вездѣ, гдѣ есть французскіе театры, даже и тамъ, гдѣ нѣтъ ихъ.

Digitized by Google

Комедія начинается какъ смирная Нѣмецкая повѣсть или русская сказка. Жилъ былъ въ Бордо молодой человѣкъ; его звали Эмерикомъ. У Эмерика былъ дядя Клеранбо, который хотѣлъ его сдѣлать сначала богачемъ, а потомъ своимъ зятемъ. Эмерикъ бы и не прочь ни отъ того, ни отъ другаго, тѣмъ болѣе, что ему очень приглянулась кузина его, хорошенькая Алина. Но вотъ бѣда: у него былъ огромный талантъ, его посѣтило вдохновеніе. Ахъ, ужъ эти люди съ талантомъ и вдохновеніемъ! И въ мужы то даже не годятся; а чего бы, кажется, легче! Кстати, вотъ вамъ совѣтъ, Mesdemoiselles, никогда не выходите замужъ ни за поэта, ни за музыканта, ни за художника, ни за ученаго и, какъ огня, берегитесь журналиста. Но не въ томъ дѣло: вдохновеніе посѣтило Эмерика въ конторѣ его купца-дяди, вдохновеніе увлекло юношу въ Парижъ, огромный храмъ, бездонную пропасть, куда оно уноситъ героевъ и мучениковъ. Житье въ Парижѣ композитору! Стоитъ только написать Фенеллу, Роберта или Жидовку — и ваше имя прогремитъ по всей играющей и поющей Европѣ, перенесется за моря и наполнитъ своей славою Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и посѣтитъ даже дикія саванны Южной Америки. Мотивы, вами созданные, увеселяютъ юношество и разглаживаютъ морщины старости, раздаются и въ театрѣ и въ концертахъ, на шумныхъ празднествахъ и въ тиши домашняго уединенія. Воины ходятъ по вашей музыкѣ, балетъ облекаетъ своихъ эѳирныхъ танцовщицъ волнами вашей прозрачной гармоніи, музыкальные штукари, сочинители варіяцій и фантазій, дѣлаютъ съ вашими идеями тоже, что̀ мастера сусальнаго золота съ своимъ благороднымъ металломъ; однимъ словомъ вы становитесь радостью, утѣшеніемъ всего образованнаго міра, а шарманки, правда, немножко предательски, знакомятъ съ вами и простолюдиновъ. Но этого мало: вслѣдъ за славой бѣжитъ и фортуна, и вы, благодаря вдохновенію непроизвольному и труду добровольному, но часто очень небольшому, дѣлаетесь вдругъ человѣкомъ и знаменитымъ и богатымъ. Но и этого еще мало. Чтожъ еще? Увидите.

Но тутъ есть маленькое условіе. Будьте вы хоть семи пядей во лбу, будьте вы хоть самъ Россини, вы не пріобрѣ-

Digitized by Google

тете ни славы, ни богатства, если не добудете — оперы, нозны, то есть болѣе или менѣе безтолковаго текста, въ которомъ были бы стихи, хоть подобные слѣдующимъ, вложеннымъ въ уста Роберта, герцога Нормандскаго, когда онъ подъ «*Сицилійскій напѣвъ*» рѣшается проиграть даже свое оружіе:

Теперь проигрывать я буду
Сію негодную посуду.

Помнится, такъ. Со стихами требуются еще игра страстей и разнообразныя, живописныя, страшныя и пріятныя сцены. Безъ этого вы при всѣхъ своихъ дарованіяхъ всю жизнь простоите у дверей храма и фортуны, утирая кулакомъ слезы. Таково было положеніе Эмерика. Черный фракъ его уже износился, желтыя перчатки, нѣсколько разъ мытыя, совсѣмъ изодрались, геніяльный композиторъ готовъ уже былъ превратиться въ купеческаго прикащика; какъ вдругъ, однажды, въ блестящей гостиной.... виноватъ.... въ блестящемъ салонѣ большаго свѣта, прекраснѣйшая изъ повелительницъ высшаго общества — двадцать лѣтъ, глаза «свѣтлѣе дня, чернѣе ночи,» огонь и бархатъ — усѣлась подлѣ благовиднаго юноши. Она была такъ хороша, что имѣла полное право быть и гордою и несносною; но, напротивъ, она такъ мила, добра, снисходительна, внимательна къ бѣдному молодому человѣку, что тотъ ободрился, разсказалъ ей свою жажду славы, какъ ему чудятся неслышимыя мелодіи, какъ во снѣ тревожатъ его дивныя гармоніи, какъ въ головѣ его гремитъ вѣчная симфонія, и какъ онъ, бѣднякъ, и радъ и готовъ сдѣлаться великимъ композиторомъ, но останавливается только за тѣмъ, что у него нѣтъ оперы. Красавица поняла его жалкое положеніе, и легкимъ знакомъ своего крошечнаго пальчика вызвала изъ толпы, которая надали ею любовалась, какого-то господина, маленькаго, худенькаго, съ умною улыбкою на устахъ, съ черными рѣдкими волосами на головѣ, однимъ словомъ, говоритъ Скрибъ, «человѣка, который не одаренъ талантомъ, но двадцать лѣтъ сряду имѣлъ успѣхи.» Слишкомъ скромно, господинъ академикъ! — Замѣтьте, что это портретъ самого Скриба. Онъ помѣстилъ себя въ своей комедіи, какъ

Digitized by Google

нашъ Брюлловъ въ «Послѣднемъ днѣ Помпеи,» какъ Фанъ-Дейкъ въ какой-то фамильной картинѣ. Конечно, въ самоопредѣленіи Скриба нѣтъ причины подозрѣвать искренности; да вѣдь и смѣшно же говорить, что человѣкъ, который двадцать лѣтъ сряду имѣлъ успѣхи — не одаренъ талантомъ. Такое счастье безъ заслугъ не дается. «Помилуй Богъ, братецъ, сегодня счастливъ, завтра счастливъ: надобножъ немножко и ума,» говорилъ Суворовъ.

Какъ бы то ни было, а дама была такъ хороша, что Скрибъ тотчасъ обѣщалъ написать оперу для ея protégé Эмерика. И Эмерикъ положилъ оперу на музыку; ее играютъ на театрѣ, поютъ въ обществахъ, Эмерикъ великій композиторъ, Эмерикъ геній; слава и фортуна принимаютъ его въ свои объятія, прекрасная дама тоже. Какъ? Да, онъ дѣлается ея—какъ бы вамъ это сказать по-тоньѣ обожателемъ, обладателемъ, почти признаннымъ счастливцемъ..... Этотъ прикащикъ..... этой знатной дамы?..... Да, что́жъ прикажете дѣлать? Торжество музыки!

Она его любитъ, она ему помогаетъ своими связями, онъ и она живутъ, какъ голубки; онъ у нея всякой день обѣдаетъ, проводитъ цѣлые дни — о другихъ частяхъ сутокъ мы не говоримъ—всюду съ нею ѣздитъ, сочиняетъ на ея фортепіано, дремлетъ въ ея мягкихъ креслахъ, грѣется у ея роскошнаго камина. Все это прекрасно; но это прекрасное продолжается уже два года — два вѣка; она все еще его любитъ. А онъ? Не забудьте, что онъ артистъ; притомъ въ эти два года онъ понажился, обзавелся домкомъ, и ему хочется обѣдать дома, дремать въ своихъ креслахъ, ходить по своимъ коврамъ, играть на своемъ флигелѣ, грѣться у своего комелька. Да притомъ онъ уже не любитъ своей знатной покровительницы; онъ влюбленъ въ другую, въ дѣвушку молоденькую, миленькую, добрую, простую и наивную. Скрибъ очень хорошо все это объясняетъ; долго, даже слишкомъ долго толкуетъ о томъ, какъ наконецъ надоѣдаетъ женщина мало любимая и очень любезная, какъ скучны свѣтскія интриги, когда онѣ затянутся, какъ непрочны связи незаконныя.

Но чтобы интрига комедіи не затянулась такъ же, какъ и интрига Эмерика съ его прекрасной покровительницей,

Digitized by Google

Нѣкоторые изъ этихъ городовъ обладаютъ неоцѣненными сокровищами искусствъ и археологіи. Музеумы ихъ населены самыми старинными мастерами и величайшими живописцами. Доминикинъ, Каррашъ, Гверчино, Жордаэнсъ, Снейдерсъ, Рубенсъ, Альбрехтъ Дюреръ, Мескида — въ Кёльнѣ. Гольбейнъ, Лука Лейденскій, Лука Кранахъ, Сноррель, Рафаэль, Спящая Венера Тиціана — въ Дармштадтѣ. Въ Кобленцѣ всѣ произведенія Альбрехта Дюрера, за исключеніемъ только четырехъ. Въ Майнцѣ Псалтырь 1159 года. Въ Кёльнѣ былъ знаменитый молитвенникъ изъ Драхенфельдтскаго замка, разкрашенный въ двѣнадцатомъ столѣтіи; онъ затерялся: но тамъ еще хранятся драгоцѣнныя письма Лейбница къ іезуиту де-Броссу.

Эти прекрасные города и прелестныя деревни перемѣшаны съ самою дикою природою. Въ рытвинахъ ползаютъ туманы; облака, прицѣпившись къ холмамъ, какъ будто выжидаютъ благопріятнаго вѣтра; прачные друидскіе лѣса прячутся въ сизой дали между горами; большія хищныя птицы носятся подъ причудливымъ небомъ, которое имѣетъ свойства обоихъ климатовъ, раздѣляемыхъ Рейномъ; оно то сверкаетъ солнечными лучами, какъ небо Италіи, то запачкано рыжеватыми парами, какъ небо Гренландіи. Берега дикіе, лавы сивія, базальты черные; вездѣ слюда и кварцъ истертый въ порошокъ; вездѣ страшныя трещины; скалы походятъ на курносыхъ великановъ. Возвышенія утыканы аспидными листами, изодранными въ нитки, тонкими, какъ шелкъ, и блестящими на солнцѣ: словно хребты чудовищныхъ кабановъ. Вообще вся рѣка имѣетъ видъ самый необыкновенный.

Очевидно, что, создавая Рейнъ, природа хотѣла раскинуть вокругъ него пустыню; человѣкъ сдѣлалъ изъ него улицу.

Во времена Римлянъ и варваровъ это была улица воиновъ. Въ средніе вѣка всѣ берега Рейна были уставлены духовными владѣніями: съ самаго истока до устья, онъ былъ въ рукахъ Аббата Сентъ-Галленскаго, Князя-Епископа Констанцскаго, Князя-Епископа Базельскаго, Князя-Епископа Страсбургскаго, Князя-Епископа Спирскаго, Князя-Епископа Вормскаго, Курфирста-Архіепископа Майнцскаго,

Digitized by Google

Курфирста-Архіепископа Тревскаго и Курфирста-Архіепископа Кёльнскаго, — и тогда Рейнъ называли *поповскою улицею*. Нынче онъ улица купеческая.

Если ѣдешь вверхъ по рѣкѣ, то она, такъ сказать, бѣжитъ къ вамъ на встрѣчу, и такимъ образомъ зрѣлище гораздо прекраснѣе. Каждую минуту мимо васъ что-нибудь проходитъ: то лодка-стрѣлка, на которую страшно взглянуть, такъ она заставлена мужиками, особенно по воскресеньямъ, когда прибрежные католики, находящіеся подъ властію протестантовъ, ѣздятъ иногда очень далеко слушать обѣдню; то пароходъ, убранный флагами; то длинная барка съ двумя четыреугольными парусами, спускающаяся по Рейну, съ грузомъ, который лежитъ горбомъ подъ большой мачтой, съ внимательнымъ, задумчивымъ кормчимъ, хлопотливыми матросами, съ женщинами, которыя сидятъ на дверяхъ каюты, или посреди тюковъ съ матросскими сундуками, которые расписаны красными, голубыми, зелеными звѣздами. Или вы видите нѣсколько лошадей, которыя медленно ведутъ противъ воды тяжелое судно; или маленькую бодрую лошадку, которая одна тащитъ большую палубную лодку, какъ муравей мертваго жука. Вдругъ рѣка изгибается и на поворотѣ величественно плыветъ намедійскій плотъ. Триста матросовъ управляютъ этой огромной махиной; спереди и сзади длинныя гребла мѣрно бьютъ воду; цѣлый быкъ, ободранный и покрытый кровью, виситъ на толстыхъ бревнахъ; другой быкъ, привязанный къ колу, ходитъ вокругъ него и мычитъ при видѣ телочекъ, которыя пасутся на берегу; хозяинъ всходитъ и спускается по двойной лѣстницѣ своего помоста; трехцвѣтный флагъ, съ горизонтальными полосами, развѣвается по вѣтру, поваръ разводитъ огонь подъ большимъ котломъ; дымъ выходитъ изъ трехъ или четырехъ каютъ, гдѣ снуютъ матросы; цѣлая деревня живетъ и плыветъ на этой безмѣрной сосновой настилкѣ.

И что̀ жъ! эти гигантскіе плоты въ сравненіи съ прежними рейнскими плотами тоже, что̀ барказъ передъ трехпалубнымъ кораблемъ. Прежнія гонки, какъ и нынѣшнія, состояли изъ мачтовыхъ сосенъ, дубовъ, брусьевъ и древянаго лѣса, скрѣпленныхъ по концамъ балками, связан-

Digitized by Google

ныхъ по мѣстамъ ивовыми прутьями и желѣзными крючьями; но на нихъ бывало по пятнадцати, по осмнадцати домиковъ, по десяти или двѣнадцати лодокъ съ якорями, лотами, веревками, по тысячѣ матросовъ; онѣ погружались на восемь футовъ въ воду; въ ширину были въ семьдесятъ футовъ, а длиною около девяти сотъ, то есть въ длину десяти высокихъ мургскихъ сосенъ. Къ краямъ средней гонки прикрѣплялись бревнами, которые служили и мостками и канатомъ, десять или двѣнадцать малыхъ плотовъ, футовъ въ восемьдесятъ длиною; одни изъ нихъ назывались Kniee, другіе Anhænge. Тѣ и другіе служили для того, чтобы давать направленіе большой гонкѣ и уменьшать опасность отъ мелей. На главномъ плоту была улица, которая оканчивалась съ одной стороны большою палаткою, съ другой, домомъ шкипера — деревяннымъ дворцомъ. Въ кухнѣ огонь не переводился. днемъ и ночью кипѣлъ огромный котелъ. Утромъ и вечеромъ шкиперъ кричалъ условныя слова и поднималъ на шестѣ корзину; это былъ сигналъ къ обѣду или ужину; и вся тысяча матросовъ разомъ сбѣгалась со своими деревянными чашками. На этихъ гонкахъ потреблялось въ одинъ сплавъ восемь бочекъ вина, шестьсотъ боченковъ пива, сорокъ мѣшковъ сухихъ овощей, тысяча двѣсти фунтовъ сыру, полторы тысячи фунтовъ масла, десять тысячъ фунтовъ копченой говядины, двадцать тысячъ фунтовъ свѣжей говядины и пятьдесятъ тысячъ фунтовъ хлѣба. На нихъ были цѣлые стада и мясники. Каждая изъ этихъ гонокъ стоила семь сотъ, восемь сотъ тысячъ гульденовъ, то есть около двухъ милліоновъ франковъ.

Трудно представить себѣ этотъ большой деревянный островъ, который, таща за собою архипелахъ островковъ, идетъ изъ Намеди въ Додрехтъ по извилинамъ, омутамъ, водопадамъ и излучинамъ Рейна. Гонки нерѣдко разбивались. За то тогда говорили, да и нынче еще говорятъ, что подрядчикъ, у котораго есть большой плотъ, долженъ имѣть три капитала, одинъ на Рейнѣ, другой на сухомъ пути, третій въ карманѣ. Искусство водить эти гонки хорошо зналъ развѣ одинъ только кто-нибудь въ цѣломъ поколѣніи. Въ концѣ прошлаго столѣтія этимъ славился одинъ

*

Digitized by Google

рюдесгеймскій житель, котораго звали Старымъ Юнгомъ. Юнгъ умеръ; съ тѣхъ поръ не видать и большихъ гонокъ.

Нынче всякой день ходятъ внизъ и вверхъ по Рейну двадцать пять пароходовъ. Девятнадцать пароходовъ кёльнской компаніи, которые отличаются своими бѣлыми трубами, ходятъ между Страсбургомъ и Дюссельдорфомъ; шесть дюссельдорфскихъ пароходовъ съ трехцвѣтными трубами, ходятъ между Майнцемъ и Роттердамомъ. Это огромное пароходство связывается съ Швейцаріею посредствомъ дампфшифа, который ходитъ изъ Страсбурга въ Базель, а съ Англіею посредствомъ стимботовъ, которые плаваютъ между Роттердамомъ и Лондономъ.

Старинное рейнское судоходство, котораго представителями парусные суда, составляетъ рѣзкую противоположность съ новѣйшимъ судоходствомъ, котораго представители пароходы. Параходы красивые, щеголеватые, удобные, роскошные, проворные, убранные лентами, принаряженные флагами десяти государствъ, Англіи, Пруссіи, Нассау, Гессена, Бадена, Голландіи и прочее, носятъ имена Государей и городовъ: Людвигъ II Великій Герцогъ Гессенскій, Королева Викторія, Герцогъ Нассаускій, Принцесса Маріанна, Великій Герцогъ Баденскій, Городъ Мангеймъ, Городъ Кобленцъ; парусные суда идутъ тихо со скромными или набожными именами на кормахъ: Pius, Columbus, Amor, Sancta Maria, Gratia Dei; пароходы покрыты лакомъ и позолотою; парусные суда вымазаны дегтемъ. Пароходъ — спекуляція; парусное судно — старинное плаваніе, строгое и вѣрующее. Одни идутъ, закидывая въ журналы хвалебныя статейки, другіе идутъ съ молитвою. Одни полагаются на людей, другіе надѣются на Бога.

Живая, разительная противоположность, которая на Рейнѣ встрѣчается безпрерывно.

Въ этомъ контрастѣ чрезвычайно вѣрно выражается двойной духъ нашей эпохи: дочь прошедшаго религіознаго, она считаетъ себя матерью будущности промышленной.

Digitized by Google

ПИСЬМО СУВОРОВА, СОЧИНЕННОЕ ФРАНЦУЗСКИМЪ РЕСПУБЛИКАНЦЕМЪ. * Когда великій Суворовъ явился собирать лавры побѣдъ въ самомъ центрѣ Европы, на поприщѣ только-что прославленномъ геніемъ Бонапарта, Французы узнали ближе русскаго полководца, котораго дотолѣ считали невѣжественнымъ дикаремъ, благопріятствуемымъ звѣздою счастія; но они продолжали для собственной выгоды поддерживать нелѣпое мнѣніе о варварствѣ генералиссимуса австрійско – русскихъ войскъ. Самымъ сильнымъ доказательствомъ звѣрства служила казацкая нагайка, которую носилъ съ собой Суворовъ, и которая въ глазахъ Французовъ превращалась въ *knyte*, единственное знакомое имъ русское слово, которое они согласились избрать эмблемою «варварства» Русскихъ.

«Въ шесть часовъ вечера,» писалъ тогдашній оффиціальный журналъ Le Redacteur, № 1396, «Суворовъ, въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, рубашкѣ, широкихъ штанахъ съ прорѣзами на бокахъ, и, вмѣсто маршальскаго жезла, съ знаменитымъ кнутомъ (*le fameux knout*) въ рукахъ, въѣхалъ верхомъ въ Альторфъ,» и проч.

Другой современный журналъ, Le Publiciste, напечаталъ въ то же время письмо изъ Генуи, отъ 14-го вандемьера, при которомъ сообщалось посланіе, будто-бы написанное самимъ Суворовымъ въ генуэзскій противо-революціонный комитетъ. Оно не замѣчательно по своему содержанію; трудно даже понять цѣль, съ какою оно написано: видно только, что сочинителю хотѣлось представить русскаго фельдмаршала какимъ-то восточнымъ визиремъ, который употребляетъ въ своемъ титулѣ прозвища, достойныя «Брата Солнца и Луны» и «Тѣни Аллаха на землѣ,» договаривается о семи милліонахъ, и въ случаѣ неуплаты грозитъ продать генуэзское владѣніе королю сардинскому. Многіе иностранцы вѣрили подлинности этого письма; Гоіе, президентъ директоріи 18-го брюмера, говоритъ въ своихъ запискахъ (Mémoires de Louis - Jérome Gohier, Paris, 1824, 1-r vol. p. 163), что оно «превосходно изображаетъ смѣшныя причуды покорителя Праги,» и приводитъ въ своей книгѣ.

* Сообщено П. С. Савельевымъ.

Digitized by Google

«Недавно перехватили», пишетъ генуэзскій корреспондентъ *Публициста*, «прошеніе, отправленное къ Павлу Первому противо-революціоннымъ комитетомъ, образовавшимся въ нашемъ городѣ. Узнали и имена депутатовъ, которые должны были передать его Суворову. Вотъ буквально отвѣтъ самого Суворова, отправленный въ Парижъ, въ директорію, комендантомъ нашей крѣпости. Странный тонъ этого посланія служитъ подтвержденіемъ его подлинности въ глазахъ тѣхъ, кому извѣстенъ слогъ, употребляемый Суворовымъ въ оффиціальныхъ бумагахъ.»

Вотъ это посланіе:

«Возвышеннѣйшій, могущественнѣйшій, превосходительнѣйшій господинъ, графъ де-Суворовъ, слуга Божій и угодника Его, Николая Чудотворца, и кавалеръ орденовъ Тигра, Скорпіона, Барса, и святаго Александра Невскаго, главнокомандующій австро-россійскими войсками въ четырехъ частяхъ свѣта, въ странахъ австральныхъ и иныхъ, если какія существуютъ; поборникъ царей, разрушитель республикъ, архимандритъ и епископъ Греческой Церкви, представитель четырехъ орденовъ римскаго исповѣданія, архи-каѳоликъ, и прочая, и прочая, и прочая.»

«Добрымъ и вѣрнымъ друзьямъ нашимъ, членамъ генуэзскаго комитета для изгнанія Французовъ, миръ во Христѣ.»

«Нѣсколько времени тому, я донесъ мудрѣйшему владыкѣ нашему, Павлу Первому, о предложеніи вашемъ пожертвовать пять милліоновъ для изгнанія Французовъ изъ вашей страны. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что оно будетъ принято милостиво. Я отправилъ, 10-го Сентября, нарочнаго курьера съ вашею покорною просьбою, и могу васъ увѣрить, что вы приняты будете подъ покровительство Царя, и что, подъ кровомъ его власти, Генуа снова станетъ могущественною и знаменитою, какъ въ минувшее время.»

«Скажите всѣмъ своимъ начальникамъ, что я никогда не имѣлъ намѣренія оставлять ихъ на произволъ судьбы. Удаленіе мое съ войскомъ къ Наваррѣ было военною диверсіею, и я, противъ своего желанія, могъ бы дойти до Швейцаріи, чтобы выручить изъ тисковъ Массены эрцгерцога Карла, который, имѣя при себѣ только Австрійцевъ, Венгерцевъ и Богемцевъ, былъ, по обыкновенію, разбитъ Французами.»

Digitized by Google

«Лишь только отдѣлаюсь я отъ Массены и отброшу рейнскую армію за Рейнъ, — а на это надо мнѣ нѣсколько дней, — тотчасъ явлюсь для освобожденія васъ.»

«Но какъ походы эти стоятъ большихъ суммъ, — а я опасаюсь, чтобы Французы, узнавъ о нашей перепискѣ, не захватили себѣ приготовленныхъ вами пяти милліоновъ, — то препроводите ихъ ко мнѣ немедленно. Что жъ касается тѣхъ двухъ милліоновъ, которые вы потомъ мнѣ обѣщали, то пришлите мнѣ на эту сумму векселя на Ливорно.»

«Если же вы подадите мнѣ малѣйшій поводъ къ сомнѣнію относительно ревностнаго исполненія моего приказанія, то я — мало того, что предамъ васъ на-время Французамъ — еще накажу васъ, воротясь, наложеніемъ пятнадцати милліоновъ контрибуціи; а по взятіи Парижа (о чемъ имѣю уже повелѣніе Государя, нашего батюшки) продамъ васъ его величеству, могущественному королю сардинскому, кипрскому, іерусалимскому, принцу піемонтскому.»

«Но я не сомнѣваюсь въ вашемъ послушаніи, и съ удовольствіемъ вижу, что вы вооружаете вашихъ слугъ и поддерживаете сбировъ прежняго правительства, которые преданы комитету и собираютъ въ своихъ домахъ разнаго рода оружія, камни и проч.»

«Повелѣваю вамъ употребить всѣ средства, чтобы эти злодѣи-патріоты не были вооружены.»

«Благодарю васъ за всѣ попеченія о моихъ плѣнныхъ и за мѣры противъ раненыхъ Французовъ.»

«Продолжайте, какъ дѣйствуете, и навсегда останетесь подъ всесильнымъ моимъ покровительствомъ. Поручаю себя молитвамъ всѣхъ вѣрныхъ, и молю Господа и угодника Его Николая Чудотворца, да хранятъ васъ, добрые и вѣрные друзья, подъ своею святою десницею.»

Наварра, 20-го Сентября 1799.

Подписано:

«Фельдмаршалъ графъ de-Suwarow.»

Скрѣпилъ:

«Секретарь Бустонкуловъ.»

Адресовано:

«Его превосходительству Кнорту Байтокинчой, канцлеру Россійской Имперіи.»

Digitized by Google

ВЫБОРЪ РИМСКИХЪ ИМПЕРАТОРОВЪ. Вотъ еще любопытный отрывокъ изъ «Рейна» В. Гюго. Описывая красивые городки — Нидерланштейнъ и Оберланштейнъ, стоящіе на рѣкѣ Лаанъ, *Викторъ Гюго* говоритъ, что недалеко отъ втораго прячется въ виноградникъ убогая часовня четырнадцатаго столѣтія, та самая, въ которой въ 1400 году рейнскіе курфирстры Іоганъ Нассаускій, архіепископъ кёльнскій, Вернеръ Кенигштейнскій, архіепископъ тревскій, и Рупертъ III, графъ Палатинъ, по происканъ Папы, торжественно объявили объ отрѣшеніи римскаго императора Венцеслава. Замѣчательно, что въ числѣ обвиненій, взводимыхъ на Венцеслава, было между прочимъ и то, что онъ въ своей комнатѣ клалъ спать собакъ. Но дѣло не въ томъ.

Насупротивъ этой часовни, на другомъ берегу, у самой рѣки, еще лѣтъ пятьдесятъ назадъ, стояло королевское сѣдалище, древній Koenigsstuhl. Въ цѣломъ, это зданіе было вышиною въ семнадцать нѣмецкихъ футовъ, въ діаметрѣ въ двадцать четыре фута. Фигура его была слѣдующая: семь каменныхъ столбовъ поддерживали широкую осьмиугольную, тоже каменную платформу, которая въ срединѣ подпиралась осьмымъ столбомъ, потолще другихъ, изображающимъ императора посреди семи курфирстовъ. Семь каменныхъ стульевъ стояли надъ семью столбами и занимали семь сторонъ платформы; на осьмой сторонѣ, обращенной къ полудню, была каменная лѣстница въ четырнадцать ступеней, по двѣ на каждаго курфирста. Все въ этомъ зданіи имѣло значеніе символическое. Пониже стульевъ на бокахъ платформы красовались гербы курфирстовъ. Гербы эти, которыхъ краски, эмаль и позолота ржавѣли и линяли отъ дождя и солнца, были единственнымъ украшеніемъ этого древняго гранитнаго трона.

Тутъ, на чистомъ воздухѣ, подъ лучами и дуновеніемъ неба, сидя на жесткихъ каменныхъ креслахъ, на которыя падали листья съ деревьевъ и ложилась тѣнь облаковъ, древніе германскіе курфирсты, суровые и грубые, простодушные и величественные, какъ герои Гомеровы, избирали между собою императора. Въ-послѣдствіи, эти по-

Digitized by Google

этическіе нравы изгладились; образованность менѣе эпическая стала созывать вокругъ кожанаго стола во Франкфуртѣ семерыхъ курфирстовъ, къ которымъ присоединились еще двое, владѣтели баварскій и брауншвейскій.

Принцы, которые въ среднихъ вѣкахъ, садились на эти каменные стулья, были могущественны и важны: курфирсты стояли въ главѣ священной имперіи. Въ императорской процессіи они предшествовали четыремъ герцогамъ, четыремъ архи-маршалламъ, четыремъ ландграфамъ, четыремъ бургграфамъ, четыремъ графамъ-военачальникамъ, четыремъ аббатамъ, четыремъ мѣстечкамъ, четыремъ рыцарямъ, четыремъ городамъ, четыремъ деревнямъ, четыремъ маркизамъ, четыремъ графамъ, четыремъ владѣтелямъ, четыремъ горамъ, четыремъ баронамъ, четыремъ владѣніямъ, четыремъ ловчимъ, четыремъ должностнымъ лицамъ швабскимъ и четыремъ служителямъ. Передъ каждымъ изъ курфирстовъ, его собственный маршалъ несъ мечъ въ позолоченныхъ ножнахъ. Другихъ государей они называли *коронованными главами*, а себя *коронующими руками*. Въ золотой буллѣ, папа сравнивалъ ихъ съ семью дарами Духа Святаго, съ семью римскими холмами, съ семью вѣтвями свѣщника Соломонова. Между ними санъ курфирста считался выше сана королевскаго: архіепископъ майнцскій ходилъ по правую руку императора, а король богемскій по правую руку архіепископа.

Koenigsstuhl исчезъ; курфирсты тоже. Нынче четыре камня означаютъ мѣсто Koenigsstuhl; на мѣстѣ курфирстовъ ничего нѣтъ.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи, когда начали выбирать императоровъ въ Франкфуртѣ, то въ Рёмерѣ, то въ конклавной капеллѣ святаго Варѳоломея, церемонія сдѣлалась болѣе сложною. Въ ней отразился этикетъ испанскій. Обряды сдѣлались мелочными; обычаи строгими, недовѣрчивыми, иногда страшными. Съ самаго утра въ день, назначенный для избранія, ворота городскія запирались, граждане вооружались, лагерныя трубы гремѣли, набатъ звонилъ; курфирсты въ одеждѣ изъ золотой парчи, въ багряной мантіи, подбитой горностаемъ, мірскіе въ курфиршескихъ шапкахъ, архіепископы въ алыхъ мит-

Digitized by Google

рахъ, принимали присягу начальника города въ томъ, что онъ обязуется *охранять каждаго изъ нихъ отъ козней другихъ*, потомъ они присягали другъ другу; присягу принималъ архіепископъ майнцскій; послѣ того они слушали обѣдню, садились на кресла, обитыя чернымъ бархатомъ, маршалъ затворялъ загородки и курфирсты приступали къ избранію. Хотя двери были затворены, однако къ канцлеры и нотаріусы имѣли свободный входъ и выходъ. Наконецъ, когда *высокопреосвященные* сговорились съ *свѣтлѣйшими*, назначали императора, курфирсты вставали со своихъ креселъ и между-тѣмъ, какъ новый императоръ показывался народу изъ оконъ Рёмера, одинъ изъ викаріевъ архіепископа майнцскаго возглашалъ въ церкви святаго Варѳоломея «Тебя Бога хвалимъ,» на три хора, съ акомпаниментомъ церковнаго органа, трубъ курфиршескихъ и трубъ императорскихъ, при громѣ *большихъ колоколовъ, въ которые звонили на башняхъ, и большихъ пушекъ, изъ которыхъ стрѣляли съ радости*, говоритъ, по своей любопытной рукописи, неизвѣстный лѣтописецъ, описавшій избраніе на царство императора Матѳея II.

На Koenigsstuhl дѣло происходило гораздо проще и, по моему, величественнѣе. Курфирсты торжественно, всходили на платформу по четырнадцати ступенямъ, изъ которыхъ каждая была вышиною въ футъ, и садились на свои каменные стулья. Народъ, сдерживаемый солдатами, окружалъ королевское сѣдалище. Архіепископъ майнцскій вставалъ и говорилъ: «Знаменитые принцы, престолъ священной имперіи упразднился.» Потомъ онъ начиналъ гимнъ антифонъ Veni Sancte Spriritus, а архіепископы кёльскій и тревскій продолжали слѣдующіе стихеры. По окончаніи пѣнія всѣ семеро присягали, міряне положивъ руку на Евангеліе, духовные на сердце: различіе трогательное и прекрасное, которое показываетъ, что сердце священника должно быть экземпляромъ Евангелія. Послѣ присяги они садились въ кружокъ и совѣщались между собою въ полголоса. Наконецъ архіепископъ майнцкій вставалъ и, воздѣвъ руки къ небу, бросалъ въ народъ, раздѣленный по лугамъ и кустарникамъ, имя новаго мірскаго главы христіанства. Имперскій маршалъ водружалъ на бере-

Digitized by Google

гу Рейна императорское знамя, и народъ кричалъ: Vivat rex. т. е. Да здравствуетъ Государь!

НОВОЕ СРЕДСТВО ИЗБѢГАТЬ ДУЭЛИ. Есть въ Парижѣ нѣкто *Альфонсъ Карръ*, молодой человѣкъ очень умный, который писалъ плохіе романы; это ему надоѣло и онъ хотѣлъ было приняться за журналистику. Посмотрѣвъ вокругъ себя, онъ замѣтилъ, что всѣ журналы кому-нибудь преданы или проданы, и ни въ одномъ изъ нихъ нельзя говорить что думаешь, а надобно сообразоваться съ тономъ, духомъ, цвѣтомъ и разными другими свойствами и качествами журнала, которыхъ до-сихъ-поръ никто еще не потрудился опредѣлить. Чтобы помочь горю, онъ задумалъ свое собственное изданіе и принялся писать каждый мѣсяцъ по книжкѣ, которыя онъ называетъ *Осами*, Les Guêpes, потому-что онѣ дѣйствительно часто жалятъ и иногда очень больно. Тутъ онъ шутитъ, остритъ, смѣется, хохочетъ надъ всѣмъ и каждымъ; тутъ достается и другу и недругу, часто виноватому, изрѣдка и правому. Однимъ словомъ, тутъ онъ говоритъ все, что придетъ въ голову, и все это мило, умно, весело и забавно... Странная вещь! кажется, всѣ мы думаемъ, болѣе или менѣе, а новыхъ идей такъ мало, что чуть одна появится, за нее ухватятся десять, двадцать человѣкъ; ни на что нѣтъ такого грабежа, какъ на идеи. Такъ случилось и съ *Альфонсомъ Карромъ*: въ слѣдъ за его «Осами» появились *Пчелы*, *Рукописныя извѣстія*, *Папильотки*, и многія другія изданія въ томъ же родѣ; но все это умерло или умираетъ и вообще далеко отъ Guêpes. Когда-нибудь мы познакомимъ васъ покороче съ Альфонсомъ Карромъ, а теперь, покуда, возьмемъ у него довольно забавный анекдотъ, который случился или могъ случиться въ парижскомъ театрѣ Variétés. Но прежде — два слова предисловія. Вы знаете, что Французы безпрестанно, за всякую бездѣлицу, дерутся на дуэли. Нынче это бываетъ рѣже, потому-что, благодаря настояніямъ генералъ-прокурора кассаціоннаго суда, краснорѣчиваго *Дюпена Старшаго*, суды во Франціи наказываютъ за дуэли, какъ за обыкновенныя покушенія на смертоубійство; но все-таки поединки случаются довольно часто, и это про-

Digitized by Google

исходитъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Если два человѣка поссорились, они даютъ другъ другу — не оплеуху, а гораздо вѣжливѣе — свои визитные билеты, на которыхъ, всегда означено мѣсто жительства. Потомъ пріятели поссорившихся сходятся и рѣшаютъ гдѣ и какъ быть поединку.

Теперь къ дѣлу.

На дняхъ, говоритъ *Карръ*, Г. М*** былъ въ театрѣ Variétés. При выходѣ какой-то господинъ, который, по-видимому, слишкомъ усердно пообѣдалъ, нѣсколько разъ наступилъ ему на ногу. Наконецъ М*** разсердился и послѣ нѣкоторыхъ объясненій, не совсѣмъ вѣжливыхъ, они помѣнялись своими билетами.

На другой день, утромъ, М*** пошелъ къ одному изъ своихъ пріятелей, отдалъ билетъ этого господина и просилъ переговорить съ нимъ. — Каковъ онъ изъ себя? — «Маленькій, толстенькій, съ черными бакенбардами.»

Черезъ часъ пріятель воротился. — Ну, что? — Уладилъ. Вы стрѣляетесь въ десяти шагахъ. — Такъ-то ты уладилъ! Да развѣ нельзя было иначе? — Никакъ нельзя. Когда я пришелъ, онъ меня уже ждалъ и самъ отворилъ мнѣ двери. Позвольте спросить, сказалъ я, вы Г. К***. — Да. — «Я отъ Г. М***... — Знаю, знаю.... Вы, вѣрно, пришли поговорить о нашей ссорѣ въ театрѣ Variétés? — Точно такъ. — Очень хорошо. На чемъ же вашему пріятелю угодно драться? — Извините, я думалъ, что.....» — Позвольте; тутъ долго говорить нечего. Вашъ пріятель поступилъ со мной такъ дурно, что я не приму и извиненій. — Я гордо отвѣчалъ, что не съ тѣмъ и пришелъ. — Ну? — Мы и кончили. Вы деретесь сейчасъ, въ Венсеннѣ, на пистолетахъ. — Это очень непріятно. — Конечно. Но, видно, ты обошелся съ нимъ слишкомъ грубо. — Помилуй, ради Бога! Онъ наступилъ мнѣ на ногу и потомъ сказалъ, что если я не доволенъ, такъ онъ къ моимъ услугамъ. — Послушай, любезный, полно такъ ли? Ты, вѣрно, забылъ. К*** разсказывалъ мнѣ тоже самое, да только о тебѣ. — Увѣряю тебя..... — Да быть не можетъ! Мы вѣдь вчера съ тобой порядочно пообѣдали..... мудрено ли забыть! — Неужели

Digitized by Google

же ты думаешь!... — Полно; ѣдемъ. — Да я совсѣмъ *не жажду крови* этого господина. Я врядъ-ли его и узнаю. — Разумѣется, не узнаешь: ты описалъ мнѣ его совсѣмъ не такъ; говорилъ, что онъ низенькій, толстенькій, съ черными бакенбардами; а онъ длинный, сухой и бѣлокурый. Пойдемъ; онъ уже внизу сидитъ въ каретѣ; мы поѣдемъ за нимъ. — Ну, такъ видно, я и въ самомъ дѣлѣ былъ на-веселѣ. Я все перезабылъ. —

Поѣхали. Дождь лился, какъ изъ ведра. Вотъ они въ Венсеннѣ. Вышли; сошлись.

— Позвольте, господа, сказалъ М***: тутъ какая-нибудь ошибка: я этого господина никогда не видывалъ. — Да молчи, ты былъ пьянъ, шепнулъ ему пріятель. — Ваша правда, отвѣчалъ К***, я совсѣмъ не вамъ отдалъ вчера свой билетъ. — Это было при выходѣ изъ театра. — Напротивъ, при входѣ. — Да, полно же, говорятъ тебѣ, ты былъ пьянъ, шепнулъ опять пріятель. — Вы наступили мнѣ на ногу, сказалъ К***. — Напротивъ, вы мнѣ. — Извините, я очень хорошо помню. — Впрочемъ, кто изъ насъ ни виноватъ, дѣло въ томъ, что мы поссорились, обмѣнялись билетами и теперь объясняться поздно. Заряжайте, господа. Странно, однако жъ, вы мнѣ показались гораздо плотнѣе. — А вы мнѣ ужаснымъ толстякомъ. Вы, кажется, вчера, порядочно пообѣдали, продолжалъ М***, улыбаясь. — Я! Напротивъ. Я вчера совсѣмъ не обѣдалъ и торопился, чтобы поскорѣй поужинать, а вы.....

— Господа, по мѣстамъ! закричали секунданты.

М*** сталъ противъ К***, вынулъ изъ жилетнаго кармана визитный билетъ и, взглянувъ на него, сказалъ: — Стрѣляйте, Г. К***. — Извините, я никогда не стрѣляю первый. Стрѣляйте вы, Г. Ленаръ. — Какъ, Ленаръ? — Это имя на вашемъ билетѣ. — Совсѣмъ нѣтъ. — Вотъ онъ. — Это совсѣмъ не мой билетъ: меня зовутъ М***.

Секунданты сошлись. — Что жъ это, наконецъ, значитъ?

— Не понимаю; вчера, при входѣ въ театръ, какой-то господинъ наступилъ мнѣ на ногу. Я сказалъ ему, чтобъ онъ впередъ былъ осторожнѣй, а онъ отвѣчалъ: Если вы недовольны, то вотъ мой билетъ. — Тоже самое случилось и со мною, только при выходѣ изъ театра, отвѣчалъ К***.

Digitized by Google

– Мой соперникъ былъ маленькій, толстенькій, съ черными бакенбардами. – Мой тоже небольшой ростомъ и толстый; я не замѣтилъ, были ли у него бакенбарды. Онъ былъ совсѣмъ пьянъ. – Ужасно пьянъ; только я не хотѣлъ вамъ сказать, думая, что это вы. – Видно, это былъ одинъ и тотъ же.

Послѣ нѣсколькихъ объясненій, противники и секунданты наконецъ поняли, что толстякъ Ленаръ поссорился и помѣнялся билетами сначала съ М***, при входѣ въ театръ, а потомъ съ К***, при выходѣ; но вмѣсто своего билета отдалъ К***, тотъ, который получилъ отъ М***.

– Онъ ошибся, сказалъ М***. Гдѣ жъ онъ живетъ?

Посмотрѣли билетъ: адреса не было.

– Можетъ-быть и не ошибка, а хитрость, сказалъ К***. Этотъ господинъ видно подумалъ, что если найдутся два человѣка довольно безразсудныхъ долгого, чтобы драться изъ такихъ пустяковъ, такъ пусть и дерутся между собою.

Послѣ этого дуэль, разумѣется, не состоялась.

ПОЛЬЗА СИСТЕМЫ ВЗАИМНАГО ПОРИЦАНІЯ. Бываетъ, – въ Китаѣ – что журналисты бранятся между собою печатно, и воображаютъ, что тѣмъ уронятъ соперника: говорятъ даже, что недавно одинъ журналистъ, – въ Японіи, – предлагалъ другому начать войну на перьяхъ, чтобы взаимно обратить на себя вниманіе публики. Не худо бы этимъ господамъ прочесть слѣдующій разсказъ того же *Альфонса Карра*.

Было время, когда два слесаря, *Гюре* и *Фише* вели между собою непримиримую войну на четвертыхъ страницахъ газетъ, гдѣ печатаются объявленія, и въ особыхъ афишахъ. Каждый изъ нихъ увѣрялъ, что онъ въ состояніи отворить безъ ключа всѣ замки, какіе бы они ни были, не исключая и замковъ своего соперника. Судя по тому, какъ они отзывались о своихъ предшественникахъ, очевидно, что надежно запереться или запереть что бы то ни было, можно только тогда, когда купите замокъ у котораго нибудь изъ этихъ двухъ художниковъ. Но у котораго? Купите у *Гюре*; *Фише* отопретъ; купите у *Фише*; *Гюре* скажетъ вамъ откровенно, что онъ можетъ забрать-

Digitized by Google

ся къ вамъ и днемъ и ночью. Мнѣ никогда нечего было запирать, такъ это меня и не тревожитъ; но если бъ я былъ префектомъ полиціи, то непремѣнно прибралъ бы этихъ господъ къ рукамъ. Они, конечно, люди честные, но надобно же подумать о спокойствіи мужей и матерей. Впрочемъ, можетъ-быть, префектъ полиціи и думалъ объ этомъ; да какъ ухитришься удержать ихъ въ тюрьмѣ? Посадить *Фише* подъ замокъ *Гюре* или *Гюре* подъ замокъ *Фише*? — *Гюре* говоритъ: дайте мнѣ гвоздь и я отопру всякой замокъ *Фише*. — *Фише* говоритъ: дайте мнѣ булавку, такъ я отопру всякой замокъ *Гюре*. — Ногтемъ, говоритъ *Гюре*. — Волоскомъ, отвѣчаетъ *Фише*. Мнѣ стоитъ только дунуть на него, говоритъ *Гюре*. — А мнѣ только взглянуть, отвѣчаетъ *Фише*. Что тутъ прикажете дѣлать!

Люди догадливые утверждали будто это война притворная, средство надѣлать какъ можно больше шуму и обратить на себя вниманіе. Бѣда только въ томъ, что публика повѣрила обоимъ: не тому, что они толкуютъ о себѣ, а тому, что каждый говоритъ о другомъ, и продолжала покупать тѣ замки, которые покупала прежде.

Недавно два подрядчика, поставляющіе въ разныя мѣста очищенную воду, Гг. *Маршаль* и *Сушонъ*, возобновили на четвертыхъ страницахъ газетъ войну *Гюре* съ *Фише*. Они напечатали пять или шесть писемъ, въ которыхъ взводили другъ на друга обвиненія довольно важныя. — Вы не кладете въ воду угля, говоритъ одинъ. — Кладу больше чѣмъ вы, отвѣчаетъ другой. — За то вы кладете губку, а это гниль, восклицаетъ одинъ. — А вы кладете шерсть, а шерсть производитъ вонь, возражаетъ другой. — Ваша вода совсѣмъ не фильтрована, говоритъ одинъ. — А ваша отравлена, отвѣчаетъ другой. — Напротивъ, ваша. — Нѣтъ, ваша; — Да. — Нѣтъ.

Что же дѣлаетъ публика? Публика не химикъ: дѣла разобрать не можетъ; она говоритъ себѣ въ отношеніи къ водѣ *Маршаля* : — *Сушонъ* знаетъ толкъ; видно, въ водѣ *Маршаля* точно лежитъ губка, а губка гниль. — Что касается до воды *Сушона*, это другое дѣло. *Маршалю* можно повѣрить : онъ самъ этимъ занимается ; видно *Сушонъ*, точно, кладетъ въ воду шерсть, которая производитъ вонь.

И публика не стала пить воды не очищенной.

Digitized by Google

ЖАЛКАЯ УЧАСТЬ ДОБРОДѢТЕЛИ. Извѣстно, что въ одной деревнѣ, близъ Парижа, существовалъ, а, можетъ-быть, еще и существуетъ обычай, въ извѣстный день, награждать добродѣтельнѣйшую дѣвушку розаномъ и приданымъ. Этихъ дѣвушекъ зовутъ les Rosieres, если вамъ угодно, *розеркали*. Изобрѣтатели розьеронъ, говоритъ *Альфонсъ Карръ*, видно, думали, что добродѣтель плодъ прекрасный, когда онъ спѣлъ; но въ прокъ не годится. По-этому они въ наградѣ за добродѣтель присоединили самое честное средство сохранить ее на долго: тотчасъ выдавали розьерку за-мужъ.

Извѣстно также, что покойный господинъ *де-Монтіонъ* завѣщалъ французской академіи извѣстную сумму для выдачи наградъ за добродѣтельные поступки. Всѣ желающіе, безъ различія состояній, имѣютъ право представлять описательные подвиги добродѣтели — и академія присуждаетъ награду.

Замѣчательно, что академія отыскиваетъ подвиги преданности и геронзма всегда въ низшихъ классахъ народа: видно, они въ этомъ отношеніи выше прочихъ.

Но это учрежденіе не полно. Какъ скоро человѣкъ провозглашенъ добродѣтельнымъ, общество, которое рукоплескало ему при полученіи награды — дневной спектакль, куда женщины, у которыхъ лица свѣженькія и шляпки новыя, ѣздятъ, чтобы торжествовать надъ тѣми, у которыхъ личики подержанныя и шляпки поношеныя — общество послѣ того и не заботится объ немъ. Между-тѣмъ награду долго ли истратить? Остается одна пустопорожняя добродѣтель, которая никакого дохода не приноситъ. Надобно бы дѣлать въ пользу честности мужчинъ тоже, что̀ дѣлается въ пользу добродѣтели розьерокъ: не заставлять ихъ потомъ нести тоже ярмо и выдерживать ту же борьбу. Вы помните Шиллерову балладу?

Король бросилъ кубокъ въ бездну — пѣвецъ досталъ его. «Кубокъ твой, говоритъ король, но достань его еще разъ и я выдамъ за тебя дочь мою.» Пѣвецъ нырнулъ снова — и не воротился.

Если человѣкъ вышелъ побѣдителемъ изъ страшной борьбы честности съ нищетою, такъ не заставляйте же его снова начинать ту же борьбу. Вы дали ему награду: прекрасно; но ее станетъ не на-долго; дайте же ему возможность всю жизнь добывать себѣ хлѣбъ трудомъ честнымъ.

Digitized by Google

Скрибъ выводитъ новое лице на сцену. Это новое лице — графъ де Сенъ-Жеранъ, перъ Франціи, контръ-адмиралъ, извѣстный франтъ и знаменитый дуэлистъ. Графъ нѣкогда служилъ подъ начальствомъ отца нашего музыканта и даже, говоритъ онъ, «былъ такъ счастливъ, что раненъ осколкомъ гранаты, которою убило моего капитана.» По этому онъ покровительствуетъ Эмерику и непремѣнно хочетъ женить его. Тотъ признается, что у него есть любовная связь. — «Э, любезный другъ, да развѣ ты не знаешь, какъ въ подобныхъ случаяхъ распоряжаются? Вытерпи упреки, слезы и обморови, обними въ послѣдній разъ, да и полно; или, если твоя любезная изъ разряда не слишкомъ строгихъ добродѣтелей, такъ на пиши ей: «я все знаю» — и только. Съ этими госпожами, знать всегда есть что.»

Однакоже пора намъ замѣтить, что мы спѣшимъ медленно: это все еще первое дѣйствіе. Время ко второму. Видите-ли вы эту прекрасную, прекрасно одѣтую женщину? Это любезная счастливца Эмерика, законная супруга бѣдняжки Сенъ-Жерана. Боже мой! Стоило ли быть графомъ, контръ-адмираломъ, перомъ Франціи, чтобы ко всѣмъ своимъ титуламъ прибавить еще одно «*прочее*, не лестное и незавидное! Впрочемъ кто же виноватъ? Вольно же ему было тотчасъ послѣ женитьбы рыскать по морю и по гостинымъ, побѣждать и на океанѣ и въ будуарахъ, и полюбить жену тогда уже, когда она его любить перестала. И вы не можете вообразить, какъ онъ плохо распоряжается въ своихъ весьма жалкихъ обстоятельствахъ! Если Эмерикъ у нихъ не обѣдаетъ, онъ упрекаетъ жену, что она не ласкова съ его пріятелемъ; они ѣдутъ въ театръ, онъ непремѣнно хочетъ, чтобы Эмерикъ былъ у нихъ въ ложѣ, сидѣлъ за стуломъ жены его. Однимъ словомъ, соберите всѣхъ мужей комическихъ или даже свѣтскихъ, и вы не найдете ни одного подъ-пару этому.

Тутъ начинается сцена, очень тягостная въ дѣйствительной жизни, но пріятная на театрѣ; та сцена, въ которой *она* все еще твердитъ ему: «люблю тебя»; а *онъ* отвѣчаетъ ей, какъ красавица Финну: «я не люблю тебя!»

Digitized by Google

Отчегоже же вы ее не любите, господинъ артистъ? – «Отъ того, что я хочу жениться.» Хороша причина въ комедіи! Комедія живетъ страстью, а не моралью. И Эмерикъ, не расторгнувъ своей связи съ графинею, ѣдетъ жениться на своей кузинѣ Алинѣ. А графиня?..... Графиня? Тутъ надобна вся ловкость Скриба, чтобы перескочить черезъ этотъ ровъ: – графиня также ѣдетъ къ Клерамбо. Къ стыду несчастной надобно признаться, что ее нисколько не останавливаетъ опасеніе разстроить на вѣки счастье невинной дѣвушки, спокойствіе честнаго семейства, сладостнѣйшія надежды отца и матери. Она не слушаетъ криковъ разсудка, повинуется одному голосу страсти и, пользуясь тѣмъ, что Алина ея крестница, пріѣзжаетъ въ домъ Клерамбо. Ей остается только сказать дѣвушкѣ: «я люблю твоего жениха, отдай мнѣ его.» Этого она однакожъ не говоритъ; но, оставшись одна съ Эмерикомъ, изливаетъ всю любовь свою въ огненномъ потокѣ жалобъ и упрековъ: не онъ, а она молитъ, унижается, чуть не бросается къ ногамъ его. Это невыносимо; это позволительно только Виргиліевой Дидонѣ и Расиновой Федрѣ. Да и тамъ Эней и Ипполитъ ведутъ себя благородно, жалѣютъ о несчастной страсти, не оскорбляютъ ее насмѣшками. А Эмерикъ на всѣ вопли души любящей и растерзанной отвѣчаетъ холодною ироніей. Нѣтъ, Скрибъ не перескочилъ этого рва, а развѣ только обошелъ его.

Она уходитъ; связь расторгнута; все кончено; Эмерику остается только жениться. Какъ бы не такъ! Вѣдь это еще только третье дѣйствіе; да притомъ развѣ вы ни за что́ не считаете письма, записочки, волосы, портреты и другія вещицы, которыя всегда остаются послѣ любовной связи; а мужа вы также ни зачто́ не считаете? Эмерикъ получаетъ отъ своей бывшей любезной слѣдующее письмецо: «Мужъ мой все знаетъ; я погибла.» Тутъ дѣлать уже нечего; любовь снова пробуждается въ сердцѣ Эмерика; надобно все бросить, надобно спасти ее, или за нее умереть. Графъ никогда не давалъ промаха; нужды нѣтъ: Эмерикъ хватается за пистолеты и для того, чтобы спасти свою любезную, обманываетъ невѣсту, дѣлаетъ ее своимъ орудіемъ, уговариваетъ просто-

Digitized by Google

душную Алину распорядиться такъ, чтобы подписаніе свадебнаго договора отложено было до завтра. Это гнусно.

Въ четвертомъ дѣйствіи всѣ думаютъ, что графъ де Сенъ-Жеранъ открылъ похожденія своей супруги; уже она убѣжала изъ дома мужа; Эмерикъ готовится къ дуэли и слѣдственно къ смерти, и вы предвидите развязку самую пошлую изъ всѣхъ возможныхъ — развязку на пистолетахъ. Ошибаетесь! Скрибъ и тутъ ловко вскочитъ и увернется. Страшный гнѣвъ де Сенъ-Жерана и завтрашняя дуэль нисколько не касаются Эмерика. Графъ ничего не имѣетъ противъ жены своей и по-прежнему привязанъ къ своему любимцу Эмерику. Дѣло въ томъ только, что графу попалось въ руки нѣжное письмецо, которое вздумалъ написать къ графинѣ извѣстный левъ, одинъ изъ ея кузеней, и который, сверхъ того, осмѣлился публично подсмѣиваться надъ глупыми мужьями. А впрочемъ все фальшивая тревога. Но между тѣмъ графиня де Сенъ-Жеранъ убѣжала изъ дома мужа; этого мало: она здѣсь, въ кабинетѣ Клерамбо; пришла за своимъ Эмерикомъ, чтобы бѣжать съ нимъ, какъ водится, на край свѣта. Сенъ-Жеранъ, Эмерикъ, Клерамбо, знаютъ, что тамъ спряталась какая то дама: они видѣли кончикъ ея черной ленты. — Это, вѣрно, любезная Эмерика, говоритъ Клерамбо и Сенъ-Жеранъ. Ну, а если графу вздумается войти въ кабинетъ? Страхъ и ужасъ! Къ счастію туда идетъ одинъ Клерамбо. — О! говоритъ она, бросаясь къ ногамъ его, Эмерикъ меня любитъ, любитъ меня одну; еще нынче утромъ хотѣлъ увезти меня: не выдавайте за него вашей дочери. — Не выдамъ, отвѣчаетъ Клерамбо, и потомъ всѣ смирнехонько идутъ завтракать. Ну, ужъ какъ вы насъ напугали, monsieur Скрибъ!

Такимъ образомъ Скрибъ на каждомъ шагу придумываетъ новыя происшествія, неожиданныя приключенія, непостижимые перевороты, чтобы только какъ нибудь прикрыть пустоту своего вымысла. Какъ бы то ни было, Клерамбо не хочетъ отдать свою дочь за Эмерика и требуетъ, чтобы онъ самъ отрекся отъ этого союза, если только его любезная сама не откажется отъ него письменно. Эмерикъ горюетъ, Сенъ-Жеранъ удивляется, графиня

Digitized by Google

прибѣгаетъ и, узнавъ *въ четвертый разъ*, что Эмерикъ ее не любитъ; что онъ душой и сердцемъ привязанъ къ своей глупенькой кузинѣ, она, наконецъ убѣдившись (правду сказать, и пора), пишетъ къ Клерамбо́ письмо, въ которомъ увѣдомляетъ, что она отказывается навсегда отъ Эмерика, и что онъ, Клерамбо, получилъ по ея ходатайству орденъ Почетнаго Легіона.

Въ этомъ разборѣ мы пропустили одно дѣйствующее лицо: Балландара, Эмерикова пріятеля, пропустили потому, что оно не связано съ главнымъ дѣйствіемъ и назначено только для того, чтобы смѣшить въ этой комедіи, которая смахиваетъ на драму.

Что вы скажете? Не правда ли, что новое произведеніе знаменитаго Академика плохо задумано, ничтожно по созданію, однимъ словомъ недостойно его прежнихъ твореній? Все такъ; но тутъ такъ много находчивости, увертливости, шума, хлопотни, остроумія, что пьеса имѣла въ Парижѣ успѣхъ огромный. Не мудрено: какъ не весело смотрѣть, когда человѣкъ ловко и граціозно пляшетъ — на шелковинкѣ!

БЕНУА ИЛИ ДВОЮРОДНЫЕ БРАТЬЯ, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Анжа.—Вы знаете нынѣшнюю парижскую болѣзнь (мы бы назвали ее иначе, еслибъ не боялись преглупаго каламбура); болѣзнь, извѣстную еще со времени Адама и змѣя, подъ именемъ зависти, и жестоко свирѣпствующую нынѣ во Франціи подъ видомъ ненависти бѣднаго къ богатому? Въ литературѣ эта болѣзнь проявляется униженіемъ всего, что только выше насъ по своему состоянію или положенію въ свѣтѣ, возвышеніемъ всего, что судьба поставила на низшихъ ступеняхъ общества. Мелодрама г-на Анжа принадлежитъ къ этому разряду литературы, какъ вы сейчасъ увидите. Бенуа работникъ и, слѣдовательно, человѣкъ исполненный добродѣтелей; Шарль писатель и, какъ само собою разумѣется, мерзавецъ, какого свѣтъ не производилъ. Бенуа любитъ мамзель Николль, какъ подобаетъ честному и благородному человѣку. Шарль обольщаетъ мамзель Николль; а потомъ бросаетъ ее и съ ребенкомъ, который обязанъ ему, Шарлю, вещью очень незавидною—своимъ существованіемъ. Шарль, ухаживая за графинею де-Марсильи, вы-

Digitized by Google

даетъ себя за барона; Бенуа, гордый по-своему, твердитъ безпрестанно, что онъ ремесленникъ, работникъ. Шарль даетъ своему портному фальшивый вексель; Бенуа выплачиваетъ этотъ вексель; но за то убиваетъ Шарля на дуэли и посвящаетъ всю жизнь свою прокормленію мамзели Николь и ея сына, сына Шарля. Вздоръ!

ПАРИЖСКІЯ ФЕИ, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, г-на Б аяра.–Горюетъ бѣдняжка Люсьень живописецъ. Онъ написалъ превосходную картину для выставки; но у него нѣтъ ни роду, ни племени, ни крова, ни имущества; онъ уже за четыре мѣсяца долженъ за квартиру, а придверница кормитъ его въ долгъ почти изъ милости. Горе и бѣда! Но у него есть двѣ феи: юность и надежда! И любо жить тому, кого эти феи убаюкиваютъ, кому онъ на жесткой подушкѣ нашептываетъ дивныя мелодіи, знакомыя только юности. Такъ не жалѣйте же о немъ, жалѣйте тѣмъ менѣе, что кромѣ этихъ двухъ фей всесвѣтныхъ, у него есть еще три феи парижскія—Лора, Гортензія и Жюльетта; феи милыя и сострадательныя, брюнетки и блондинки, съ кроткимъ взглядомъ, нѣжною улыбкой, любящимъ сердцемъ.

Однажды, Люсьень выходитъ утромъ со двора, не зная гдѣ ему въ этотъ день позавтракать, или лучше зная, что въ этотъ день ему позавтракать не начто. Приходитъ онъ домой, въ свою комнатку на чердакѣ, и что жъ онъ видитъ? Боже мой! О радость неизъяснимая, удивленіе невыразимое! На постели у него новый плащъ, на каминѣ свертокъ золота, а на удивленномъ столѣ великолѣпный завтракъ, отъ лучшаго ресторатора, и квитанція отъ хозяина въ полученіи денегъ за квартиру. Вы можете вообразить радость Люсьеня и его пріятеля Рожера, который подоспѣлъ къ нему очень кстати, потому-что у Рожера также: «хоть видитъ глазъ, да зубъ неймётъ;» аппетита вволю, да удовлетворить его не чѣмъ; ума вдоволь, да не куда дѣвать его. Рожеръ ѣстъ за четверыхъ, а Люсьень радуется, но задумывается, потому-что блаженство непонятное всегда заставляетъ мечтать. Вдругъ... шелестъ розоваго платья; чу!... шорохъ голубаго платья. А тамъ... тамъ мелькнуло еще бѣлое платье и подъ нимъ плечики, ножки, однимъ словомъ все, что соста-

Digitized by Google

вляетъ парижскую или иноземную фею.... Кто тамъ?.... Все исчезло, разсѣялось, какъ надежда, разлетѣлось, какъ мечты; было и ужъ нѣтъ.

Во второмъ дѣйствіи, мы съ Люсьеномъ встрѣчаемъ всѣхъ трехъ фей въ домѣ г-на Лепина. Лора невѣста Лепина, Гортензія жена его пріятеля Шамбри, Жюльетта, къ счастію Люсьена, свободна. Одну узналъ онъ по ея розовому платью, другую по голубому, третью по біенію своего сердца. Оканчивается водевиль, какъ обыкновенно: свадьбою и куплетами.

Все это ничего, но такъ мило, что со временъ «Шестнадцати-лѣтней королевы» Баяръ ничего милѣе этого не писывалъ, Баяръ, который послѣ Скриба нумеръ первый безспорно. Тутъ есть и чувство, и веселость, и нѣчто такое, что только чувствуешь, а объяснить не умѣешь, что-то такое, чѣмъ иногда нравится женщина не красавица, но что лучше красоты.

КЛАРА ШАНРОЗЕ, пьеса въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, г-на д'Эпаньи.—На канунѣ Варѳоломеевской ночи, виконтъ де Колонжъ, переодѣвшись ремесленникомъ, ухаживаетъ за хорошенькою Кларою. Она его слушаетъ молча, краснѣетъ, потупляетъ глазки. Дѣло идетъ на ладъ, и любовники забываются до того, что вдругъ слышатъ: улицы запираютъ цѣпями, въ городѣ раздаются страшный набатъ, выстрѣлы, яростные крики убійцъ-фанатиковъ и вопли умирающихъ. А виконтъ гугенотъ; спасаться поздно, скрыться невозможно. Клара рѣшается пожертвовать за него собою; одѣвается въ его платье, выходитъ изъ дому и ее убиваютъ. Вотъ и вся исторія. Это страшная картина Варѳоломеевской ночи въ крошечныхъ размѣрахъ, увертюра Донъ-Жуана, аранжированная для двухъ флажолетовъ.

ВИКОНТЪ ДЕ ЛЕТОРЬЕРЪ, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Баяра и Дюмануара. — Вы знаете романъ Евгенія Сю, подъ названіемъ: Искусство нравиться? Если нѣтъ, то прочтите его: это будетъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ читать нашъ разборъ пьески ничтожной, которая однакожъ имѣла большой успѣхъ въ Парижѣ, потому-что тамъ роль Леторьера играетъ г-жа Дежазе, и будетъ имѣть такой же успѣхъ и у насъ, по-

Digitized by Google

тому-что въ костюмѣ Леторьера явится наша милая Луиза Александръ-Майе.

РЕГАЛЬЕТТЪ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Сентъ Амана, Лабн и Ожье. — Это исторія несчастнаго отца хорошенькой мамзель Регальеттъ. Несчастный отецъ торгуетъ мыломъ; но несчастіе его не въ томъ, что онъ наживается, торгуя этимъ интереснымъ продуктомъ, а въ томъ, что въ Марсели, гдѣ онъ имѣетъ свое мѣстопребываніе, стоитъ мушкетерскій полкъ, который производитъ страшныя опустошенія между чувствительными сердцами, потребляетъ ихъ десятками и сотнями. Несчастный отецъ старается уберечь дочь свою отъ мушкетеровъ: это очень натурально; *на каковой конецъ* онъ прячетъ ее въ бочку, а это бываетъ развѣ только въ Марсели и въ предлежащемъ водевилѣ. Но мамзель Регальеттъ не охотница жить по-Діогеновски и распоряжается такъ, что мушкетерскій капитанъ, молодецъ де Сентъ-Эньянъ, ее отыскиваетъ. Возвратясь домой, несчастный отецъ намыливъ имъ обоимъ голову и грозится засадить обоихъ въ бочки и отправить въ Вестъ-Индію. Не желая поселиться въ такой квартирѣ, де Сентъ-Эньянъ женится на мамзель Регальеттъ и несчастный купецъ дѣлается счастливѣйшимъ изъ отцевъ, съ полной надеждой сдѣлаться въ скоромъ времени счастливѣйшимъ изъ дѣдушекъ.

Пустяки хороши только тогда, когда они забавны; а эти, какъ говорятъ французскіе журналы, возбуждаютъ хохотъ неумолкный.

МОЛОДОСТЬ КАРЛА V, комическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Мельвиля и Дюверье.—Въ этой операѣ доказывается, что Карлъ V въ юныя свои лѣта былъ молодъ, что совсѣмъ не такъ обыкновенно, какъ вы, можетъ быть, полагаете.

Довольно? Если нѣтъ, то мы сообщимъ вамъ еще извѣстіе, которое будетъ и грустно и пріятно для многочисленныхъ почитателей прекраснаго таланта одной актрисы, которой мы лишились. Г-жа Бурбье недавно дебютировала, съ большимъ успѣхомъ, въ Парижѣ, на первомъ французскомъ театрѣ, т. е. Théâtre français, и вотъ что говоритъ объ этомъ

Digitized by Google

Жюль Жаненъ: «Г-жа Бурбье наконецъ возвратилась изъ Санктпетербурга. Петербургъ похитилъ ее у насъ лѣтъ десять назадъ (лѣтъ пятнадцать, М-г Janin), когда ей было лѣтъ пятнадцать или шестнадцать (извините, М-г Janin: за двадцать). Обыкновенно Россія возвращаетъ намъ нашихъ артистовъ, истертыми до нитки и уже никуда не годными, а теперь отдала намъ нашу Бурбье во всемъ блескѣ красоты, во всей прелести таланта. Обыкновенно мы уступаемъ Россіи актрисъ зрѣлыхъ лѣтъ, а она возвращаетъ намъ старухъ безъ зубыхъ, безволосыхъ, безголосыхъ, а теперь за дѣвочку, которая едва знала азбуку своего искусства, Россія великодушно отдаетъ намъ женщину прекрасную, умную, которая сама сдѣлалась тѣмъ, что она теперь. Новѣйшая драма, комедія, подъ часъ, я думаю и трагедія, наполняли жизнь г-жи Бурбье; особенно она не безъ прелести и не безъ успѣха играла труднѣйшія роли г-жи Марсъ. Образецъ былъ отъ нея далеко; но она постигала его чувствомъ. Она не подражала этой неподражаемой прелести, а угадывала ее. Съ безпорнымъ успѣхомъ играла она 2-го Декабря на Французскомъ театрѣ роль Тизбе въ драмѣ «Анжело». Ея выговоръ, немножко иностранный, ея благородные, но больше русскіе, чѣмъ парижскіе жесты, ея граціозность безъ принужденія и даже немножко небрежная, голосъ чистый и звучный, взглядъ нѣжный и скромный, всѣ эти качества, почти заморскія, были приняты какъ нельзя лучше. Что жъ тутъ мудренаго? Г-жу Бурбье звали петербургскою Марсъ.»

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Носится слухъ, что скоро выйдетъ въ свѣтъ Исторія царствованія Петра Великаго, сочиненная Н. А. Полевымъ. Не сомнѣваемся, что это будетъ сочиненіе, достойное своего великаго предмета, и что его прочтетъ каждый Русскій. Предвѣщаемъ почтенному автору успѣхъ огромный.

Мы видѣли первую тетрадь Театральнаго Альбома, издаваемаго А. Ч. Теперь скажемъ только: честь и слава издателю! Въ слѣдующей книжкѣ С. О. мы поговоримъ объ этой пріятной новости подробнѣе.

Съ вышедшаго Января будетъ издаваться журналъ коннозаводства и охоты. Безъ сомнѣнія, онъ принесетъ много пользы всѣмъ владѣльцамъ конскихъ заводовъ, и сдѣлается ручною книгою всѣхъ любителей охоты. Въ Англіи, Франціи и Германіи давнымъ-давно издаются подобные журналы.

Digitized by Google

А этого-то и не дѣлаютъ. Что же выходитъ? Нѣкто *Калье*, въ 1839 году провозглашенъ человѣкомъ добродѣтельнымъ и получилъ за это награду въ 500 франковъ. Онъ прожилъ доходъ добродѣтели и, видя, что отъ нея ждать уже нечего, перешелъ къ пороку. Въ прошломъ году онъ приговоренъ къ заточенію за кражу со-взломомъ.

НАУКА И ФИЛАНТРОПІЯ. Онъ же *Альфонсъ Карръ* разсказываетъ, по-своему, фактъ, уже извѣстный, но до того замѣчательный, что о немъ не мѣшаетъ и еще поговорить.

Лѣтъ пятнадцать назадъ, наука и филантропія, соединившись, выдумали *желатину*, новое питательное вещество изъ сока, который будто-бы находится въ говяжьихъ костяхъ. И пятнадцать лѣтъ кормили желатиной больныхъ въ госпиталяхъ, бѣдныхъ въ богадѣльняхъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ.

Тѣмъ же хотѣли кормить и солдатъ въ казармахъ; но кто-то сказалъ: «позвольте, однако жъ, надобно бы посмотрѣть, точно ли эта пища вещество питательное.» Иныхъ это поразило, а наука пожала плечами и, по слабости, принялась за новые опыты.

Что же оказалось? Изъ донесенія, парижской академіи наукъ, представленнаго знаменитѣйшими французскими учеными, господами *Мажанди, Шеврёлемъ, Тенаромъ*, явствуетъ, что питательный составъ желатины существуетъ только въ воображеніи ея изобрѣтателей; что изъ двухъ собакъ, изъ которыхъ одну кормили желатиною, а другую чистою водою, вторая жила дольше. Однимъ словомъ, что пятнадцать лѣтъ, благодаря соединеннымъ усиліямъ науки и филантропіи, тѣ, которыхъ въ тюрьмахъ, госпиталяхъ и богадѣльняхъ кормили желатиною, — просто, умирали съ голоду, и что то же могло случиться и съ французской арміею.

ЛОНДОНСКАЯ БАШНЯ ВЪ 1818 И ВЪ 1841 ГОДУ. Въ концѣ прошлаго года всѣ журналы говорили о пожарѣ въ Лондонской Башнѣ, о сожалѣніи, возбужденномъ во всей Англіи этимъ горестнымъ событіемъ. Но что такое Лондонская Башня, чѣмъ она замѣчательна — этого, по-крайней-мѣрѣ у насъ, вы нигдѣ не найдете. Не угодно ли прислушать?

Digitized by Google

Однажды, въ іюнѣ 1818, говоритъ ученый и остроумный сотрудникъ Journal des Débats, *Филаретъ Шаль*, два человѣка очень неважныхъ сидѣли въ лодкѣ, которая спускалась по Темзѣ, увертываясь между кораблями и судами всѣхъ сортовъ, придерживаясь берега, какъ совѣтуетъ учитель нашъ Горацій, и опасаясь открытаго моря, не столько изъ скромности, какъ по благоразумію, потому-что сосѣдство большихъ судовъ такъ-же опасно для лодки, какъ дружба знатныхъ для людей мелкихъ. Одинъ изъ этихъ двоихъ былъ человѣкъ высокій, сухой и блѣдный, лѣтъ пятидесяти, другой — я.

Мы отправились въ путь изъ окрестностей Vauxhall Bridge, на другомъ концѣ Лондона и, увлекаемые теченіемъ, спустились съ быстротою стрѣлы до подошвы Лондонской Башни. Длинный и сухой былъ мой чичероне, антикварій *Бунгей* (Bungay), который вызвался показать мнѣ всѣ достопамятности Товера. Онъ стóитъ, если не подробнаго описанія, то покрайней-мѣрѣ нѣсколькихъ словъ. У *Бунгея* нѣтъ ни жены, ни дѣтей: онъ женатъ на лондонскихъ древностяхъ. Мѣстечко въ конторѣ какого-то банкира, маленькая квартира въ двѣ комнатки, небольшая библіотека изъ старыхъ книжонокъ, поношенный фракъ, трое короткихъ штановъ, и двѣ шляпы, составляли, и еще составляютъ, все его имущество и достояніе.

Пріятель мой Джонъ Чилли *Бунгей* F. S. A. (то есть fellow of the Society of Antiquaries, членъ общества антикваріевъ), конечно, не прочтетъ этихъ строкъ, потому-что онъ ничего нынѣшняго не читаетъ, презираетъ все вчерашнее, не только что нынѣшнее. Слѣдственно, я могу, не оскорбляя его скромности и не нарушая дружбы, сказать все, что̀ о немъ думаю, и привести прекрасное письмо его ко мнѣ о пожарѣ въ Товерѣ. *Бунгей* — самый совершенный типъ англійскаго антикварія. Онъ живетъ посреди развалинъ; счастливъ тѣмъ, что̀ не составляетъ ни чьего счастья; у него множество наслажденій, которыхъ вы не поймете, надъ которыми вы станете смѣяться. Онъ въ восторгѣ отъ статуи съ изломаннымъ носомъ и отъ медали, на которой ничего не видно, кромѣ трехъ точекъ и звѣздочки ...*; онъ нисколько не заботится о славѣ. Что̀ ему въ ней? Счастье гораздо лучше. Онъ мало пишетъ;

Digitized by Google

ничего не издаетъ. Насилу уговорили его напечатать нѣсколько страничекъ длятого только, чтобы попасть въ члены общества антикваріевъ. Онъ плохо уважаетъ тѣхъ, которые по ремеслу *сплотъ болтливыя буквы на бороздахъ бѣлой бумаги,* какъ говоритъ старинный и странный поэтъ Іоаннъ Дуза.

Таковъ мой любезный *Бунней*, самый длинный, самый блѣдный, самый худой, самый щедушный, самый терпѣливый изъ всѣхъ антикваріевъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ. Для него всякая вещица прекрасна, если только она стара. Онъ любитъ и старый хрусталь, и старыя мебели, еще болѣе старыя книги; а старые памятники, просто, обожаетъ.

Когда передъ нами явилась квадратная и странная масса, которую звали Лондонской Башней, глаза его засверкали огнемъ дивнымъ. «Посмотрите,» вскричалъ онъ, пока наши лодочники искали между судами и шлюпками, причаленными къ берегу, мѣстечка, гдѣ бы пристать: «посмотрите на этотъ храмъ, этотъ театръ, этотъ символъ, этотъ призракъ. Много замѣчательныхъ мѣстъ въ Великобританіи; замѣчательнѣе этого – ни одного.»

«Бастилія была моложе, въ стамбульскомъ сералѣ не происходило столько трагическихъ происшествій. Не найдется ни одного англійскаго сердца, которое бы не трепетало при имени Товера, которое бы не было привязано къ этимъ старымъ, ободраннымъ стѣнамъ тайною цѣпью любви и ужаса. Для торіевъ здѣсь начертана монархическая исторія Англіи. Виги помнятъ, что ихъ герои, Бурдеттъ, Шефтсбюри Вилксъ были заключены въ этихъ темницахъ. Якобиты знаютъ, сколько якобитскихъ жертвъ обезглавилъ палачъ близъ этого мѣста; и если бъ наша кровавая Башня могла говорить, если бъ эхо тайныхъ помысловъ и страшныхъ событій, погребенныхъ въ этихъ стѣнахъ, могло раздаться за нами, никакой романъ, никакая эсхиловская драма не возбудили бы такого ужаса.»

Между-тѣмъ мы вышли изъ лодки и приближались къ квадратной массѣ, мрачнаго вида, тяжелой безъ величія, которую мой чичероне осыпалъ цвѣтами своего краснорѣчія. Первоначальные строители всѣмъ жертвовали надежности обороны. Эта каменная громада съ четырьмя квадратными,

Digitized by Google

слишкомъ тонкими наростами, которые возвышаются надъ стѣнами и поднимаютъ по угламъ свои длинныя, некрасивыя головы; назначеніемъ Товера была, очевидно, защита рѣки и лондонской Сити. Занимая холмъ въ юго-восточной части города, господствуя надъ рѣкою, эта цитадель, конечно могла защищать корабли, стоящіе на якорѣ, домы дворянства, которое въ средніе вѣки тутъ жило, магазины главныхъ негоціантовъ. Для этого она годилась; но вотъ и все. Мы вошли. Каждая дверь, которую намъ отворяли, каждый тюремщикъ, который намъ кланялся, каждая ничтожная вещица, которую намъ показывали, извлекали изъ нашихъ кошельковъ налогъ путешественника, и этотъ налогъ взимали съ насъ такъ часто, что въ карманы смотрителей перепало изъ нашихъ, по-крайней-мѣрѣ, по гинеѣ. Такой безстыдный грабежъ приводилъ бѣднаго *Буша* въ краску; но мой антикварій всѣми силами отстаивалъ красоты этихъ старыхъ башень, которой я не признавалъ; за-то мы во все время безпрестанно спорили. Антикварій мой восхищался даже алебардщиками, стоявшими у дверей и одѣтыми совершенно по модѣ, господствовавшей при Генрихѣ VIII; на меня, напротивъ того, эти полосатые шуты, красные, синіе, желтые, и большею частію ужасно толстые, производили совсѣмъ не торжественное впечатлѣніе. *Бушей* много говорилъ о древности этой цитадели, которая, по мнѣнію однихъ, построена еще Юліемъ Цезаремъ, по словамъ другихъ, при Константинѣ, а по всей вѣроятности, составляетъ собственность хитраго и властолюбиваго генія Нормандца Вильгельма. «Какъ же вы мнѣ прикажете удивляться, говорилъ я, этимъ испитымъ львамъ, которые печально сидятъ въ своихъ старыхъ клѣткахъ, этимъ звѣздамъ и солнцамъ изъ мишурныхъ клинковъ; цвѣтамъ и арабескамъ изъ мушкетоновъ и арбалетъ; восковымъ героямъ на восковыхъ коняхъ; мнимымъ трофеямъ, шлемамъ и барабанамъ, разложеннымъ съ такою изысканностію! Видно чувство, или жажда энтузіазма развиты у васъ въ высокой степени, когда вы восхищаетесь этимъ собраніемъ смѣшныхъ странностей, галереею восковыхъ фигуръ, звѣринцемъ, арсеналомъ, тюрьмою, и негодною, золоченною будкою, въ которой хранятся коронныя драгоцѣнности!

Digitized by Google

«Во всемъ этомъ нѣтъ ни гармоніи, ни даже здраваго смысла. И притомъ какое жалкое и смѣшное торгашество! Львы стоили вамъ нѣсколько шиллинговъ; королева Елисавета и королева Марія (восковыя) тоже. Надобно было платить даже за счастіе видѣть топоръ, которымъ отрубили голову Аннѣ Болейнъ. Къ несчастію лѣтописецъ *Стоу* (Stowe), положительно говоритъ, что голова этой прекрасной вѣтреницы пала подъ ударомъ не топора, а *сабли* палача и притомъ сразу. Слѣдственно вашъ топоръ ложь, а шиллингъ, который мы заплатили за то, чтобы его видѣть, взяли съ насъ даромъ.»

Лице *Бутля*, обыкновенно желтое, какъ пергаминъ древней хартіи, сдѣлалось бѣлымъ, какъ лучшая веленевая бумага нашего времени. «Боже мой, какой вы Французъ! вскричалъ онъ. Вы совсѣмъ не постигаете истиннаго смысла и внутренняго значенія вещей. Неужели вы не видите здѣсь ничего, кромѣ кусковъ камня и дерева и подложныхъ древностей? И вы смѣетесь надъ этимъ! Жаль мнѣ васъ! А чувство прошедшаго, патріотизмъ, національную идею, общность англійской памяти.... вы ничего этого не видите? Вы были въ бѣдной часовенькѣ съ низкими колоннами и довольно жалкой архитектуры, и съ презрѣніемъ заимѣтили безвкусіе орнаментовъ, странную разнородность стиля. А вы и не подумали, что передъ этимъ алтаремъ покоится прахъ Анны *Буллейнъ* или *Болейнъ*, которой настоящее имя Bouloigne; брата ея лорда *Рочфорда;* прелестной *Екатерины Говардъ;* графини *Салисбюри*, послѣдней отрасли фамиліи *Плантагенетовъ*; *Томаса Кромвеля*, который такъ сильно содѣйствовалъ *Генриху* VIII низпровергнуть владычество папы. Всѣ они казнены, также какъ двое *Сюдлеевъ*, лордъ *Додлей*, невинная *Іоанна Грей*, хитрый *Нортумберландъ;* любимецъ несчастной *Маріи Стуартъ*, *Норфолькъ*, который заплатилъ за это головою; любимецъ *Елисаветы Эссексъ*; побочный сынъ *Карла I*, герцогъ *Монмоутъ*, лорды *Кильмарнокъ*, *Больмерино Ловатъ*! Уголокъ земли, которому поклонились бы *Тацитъ*, *Шекспиръ*, или *Монтескье*, уголокъ, который подъ сырой землею и холодными плитами своего забытаго погоста, скрываетъ больше ненависти, воспоминаній, крови, страстей, высокихъ уроковъ, чѣмъ сколько когда-либо ихъ было и будетъ въ вашихъ

Digitized by Google

книгахъ и театральныхъ пьесахъ! *Гольдсмитъ* весьма справедливо замѣтилъ, что лѣтописи Товера — лѣтописи всей Англіи. О, если бъ эти камни умѣли говорить! Вы, уроженцы Юга, живете такъ скоро, что разрушеніе вамъ нравится, потому что изъ него возникаетъ новая жизнь. У васъ нѣтъ памятниковъ, нѣтъ воспоминаній. И чѣмъ ближе къ Востоку, тѣмъ болѣе съ ужасомъ видишь, какъ мало прочныхъ слѣдовъ человѣкъ оставляетъ по себѣ на землѣ. А мы, потомки племени сильнаго, пришедшаго изъ странъ, гдѣ строгая природа сурово качаетъ насъ на ледяныхъ рукахъ своихъ, мы привязаны къ сохраненію, можетъ-быть, впрочемъ, потому, что намъ недостаетъ жизненности! Эти преступленія, пороки, добродѣтели, ужасы, напоминаютъ намъ нашу національную исторію и общность души нашего народа! Если бъ Лондонская Башня распалась въ прахъ, страшный стонъ поднялся бы изо всѣхъ концевъ Англіи!»

Мой добрый *Бушей*, какъ большая часть поклонниковъ старины, былъ не чуждъ восторженности и мистицизма.

Когда мы садились въ лодку и дюжіе гребцы снова брались за весла, чтобы везти насъ противъ теченія, *Бушей* схватилъ меня за руку и сказалъ: «Повѣрьте мнѣ, вся исторія Англіи заключается въ стѣнахъ этого памятника. Въ немъ еще является древній феодальный міръ, правда, печальный и закоптѣлый, но еще живой. И горе Англіи, когда эта башня разрушится! То будетъ страшный гулъ похороннаго колокола!»

Вся исторія этой крѣпости — длинная трагедія. Лондонская Башня построена въ 1078 году, епископомъ Гундульфомъ, и первою ея жертвою, первымъ ея плѣнникомъ, былъ тоже епископъ, Фламбаръ. Но онъ обманулъ своихъ стражей; напоилъ часовыхъ; потомъ ему прислали въ боченкѣ вина длинную веревку; онъ спустился по ней съ самыхъ зубцовъ; внизу за стѣною ждали его лошади; онъ доскакалъ до моря и переправился въ Нормандію. Въ XII вѣкѣ короли англійскіе поселились тутъ съ своимъ дворомъ; военными комендантами Товера были три епископа: Томасъ Беккетъ, Лоншанъ д'Эли и архіепископъ Руанскій, и съ-тѣхъ-поръ вся общественная система той великой и странной эпохи сосредоточилась въ стѣнахъ цитадели, которая была вмѣстѣ и дворцомъ и арсе-

Digitized by Google

наломъ, и обсерваторію, и увеселительнымъ замкомъ, и тюрьмою. Эта многозначительная Башня была самымъ разительнымъ типомъ всепоглощающаго единства среднихъ вѣковъ. Ее осаждали бароны, соединившіеся противъ Іоанна Безземельнаго; тамъ происходили оргіи Тампліеровъ и короля іерусалимскаго; туда заключали французскихъ рыцарей, взятыхъ въ плѣнъ. Однимъ словомъ, Товеръ символъ, Товеръ старая Англія.

Потомъ я получилъ отъ моего пріятеля *Бунгея* слѣдующее письмо.

Лондонъ, 25 Ноября 1841.

«Помните ли вы, любезный другъ, какъ мы съ вами осматривали въ 1818 году Лондонскую Башню? Вы были тогда очень молоды, а я далеко не такъ старъ какъ нынче. Тогда еще царствовалъ блаженной памяти Георгъ III. Помните ли, какъ вы дивились этому кафарнауму, въ которомъ были старые, испитые львы, восковыя фигуры, тюремщики въ маскарадныхъ костюмахъ, регаліи, арбалеты, множество шпагъ и пушекъ; этой крѣпости, которая ничего не защищала; тюрьмѣ безъ плѣнниковъ, дворцу безъ государей? Въ глазахъ Англичанъ Товеръ былъ не что иное, какъ символъ. По этому они его и оплакиваютъ. И они правы. Символъ старинной феодальной Европы теперь призракъ, который теряется въ туманѣ; символъ десяти минувшихъ вѣковъ скрывается и исчезаетъ подъ землею.

Тридцатаго Октября, часовъ въ десять вечеромъ, я сидѣлъ спокойно у своего камина, пересматривая Римерову Fœodera, это драгоцѣнное сокровище для антикварія, какъ вдругъ пришли мнѣ сказать, что Товеръ горитъ. Странная вещь: изъ пятидесяти бдительныхъ часовыхъ, которые были на укрѣпленіяхъ, ни одинъ не видалъ огня. Его замѣтилъ часовой, стоявшій у Монетнаго Двора, насупротивъ Товера. Онъ сказалъ объ этомъ щвейцару Монетнаго Двора, а тотъ отвѣчалъ, что въ этомъ направленіи часто видѣнъ свѣтъ и что это ничего не значитъ. Такъ и осталось. Но между тѣмъ свѣтъ сдѣлался сильнѣе и одинъ человѣкъ, проходившій по улицѣ Товеръ-Гилль, догадался что это такое: оттуда видна вся внутренность Башни. Онъ закричалъ часовымъ: «Товеръ горитъ!» Часовой выстрѣлилъ; пять сотъ фузиліеровъ шот-

Digitized by Google

ландскаго гарнизона тотчасъ схватились за оружіе; послали къ герцогу Веллингтону и во всѣ пожарныя команды. Но трубы еще не пріѣзжали, а по низкому стоянію воды, ровъ почти высохъ; и когда я прибѣжалъ на мѣсто, Башня Bowyer была уже въ огнѣ, вдали раздавался стукъ трубъ по мостовой, и изумленный народъ толпился у подошвы этой феодальной цитадели.

«Въ одиннадцать часовъ не было еще никакихъ пособій; между тѣмъ зрѣлище сдѣлалось страшнымъ. Пламя лизало куполы своими большими языками и заглушало своимъ шумомъ вопли испуганной толпы. По временамъ огонь, сосредоточенный въ башнѣ Bowyer, какъ въ огромномъ горнилѣ, устремлялся къ небу, образуя колоссальныя пирамиды. Трубы еще не пріѣзжали: такъ плохо заботятся у насъ о предосторожностяхъ противъ пожара. Всѣ думали, что отдѣльные дома крѣпости, въ которыхъ живутъ офицеры и чиновники, также скоро загорятся. Между тѣмъ, по извилистымъ улицамъ Вестъ-Энда и частей, сосѣдственныхъ съ Сити, раздавался гулъ мѣди. Топотъ лошадей, крики людей, стукъ кованыхъ колесъ о мостовую, возвѣщали приближеніе столь давно ожиданныхъ трубъ. Индѣйскій гонгъ, который возятъ передъ ними, оглашалъ всю окрестность своими страшными звуками. Эти могущественныя машины, разсѣкавшія смятенную толпу, еще увеличивали ужасъ зрѣлища. Вамъ извѣстно уваженіе нашего народа къ закону, къ постановленіямъ, къ этикету; вы живали у насъ и потому знаете, что обрядъ для Англичанина тоже, чѣмъ была нѣкогда испанская королева для Испанца. Но и вы, конечно, не повѣрите, что въ такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ, трубы допущены были во внутренность Товера не иначе, какъ по исполненіи всѣхъ существующихъ на этотъ случай обрядовъ и постановленій. Безпокойство было ужасное и всеобщее. Наконецъ, когда beef-eatee, или алебардистъ, кончилъ свое дѣло, обмѣнялся съ кѣмъ слѣдуетъ паролемъ, посереди рева страшнаго звѣря, который пожиралъ стѣны и разрушалъ кровлю, трубы и люди были впущены въ горнило и исчезли въ немъ. Въ это самое время изверженіе, перемѣнивъ цвѣтъ свой, начало изрыгать потоки синіе, голубые.

Digitized by Google

лиловые, багряные, переливчатые, которые, рисуясь на темномъ небѣ и облакѣ волнующагося дыма, производили эффектъ удивительный и казались ужаснымъ фейерверкомъ. Это горѣлъ арсеналъ, въ которомъ хранились оружіе и амуниція на двѣсти тысячъ человѣкъ, и различные металлы, разплавляясь и воспламеняясь, придавали огню такіе странные цвѣта. Вода лилась потоками на этотъ гигантскій костеръ, но какъ-бы еще болѣе разжигала его, и бросала во всѣ стороны и даже въ Темзу, которая отражала въ себѣ это зрѣлище, тысячи искръ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Солдаты, закутанные въ мокрое сукно, получили, и усердно исполняли, опасное порученіе выкатить изъ подваловъ Бѣлой Башни, сосѣдней съ Башнею Bowyer, боченки съ порохомъ. Эти боченки, также завернутые въ мокрое сукно, за неимѣніемъ другаго мѣста, были большею частію брошены въ ровъ. Толпа испускала вопли страха и, надобно правду сказать, также надежды. Жадность черни, возбужденная молвою о сокровищахъ, хранящихся въ Товерѣ, жадность, не удерживаемая даже ужасною опасностію, уже ломилась въ ворота; баталіонъ гвардіи и отрядъ муниципальной полиціи должны были охранять отъ черни входъ въ этотъ адъ, у котораго она готова была оспоривать пожираемыя имъ драгоцѣнности. Напрасно солдаты, видя, что своды арсенала готовы обрушиться, пытались спасти оружія, заключавшіяся въ этихъ уважаемыхъ Англичанами стѣнахъ; они могли вынести только нѣсколько тысячъ ружей и немногія изъ тѣхъ сомнительныхъ трофеевъ, надъ которыми, я помню, вы посмѣивались.

«Въ часъ за полночь, Часовая Башня, которая возвышалась посреди арсенала и дотолѣ стояла, опоясанная пламенемъ, потряслась, нагнулась, пошаталась нѣсколько минутъ, и рухнула въ горящую бездну, съ трескомъ и шумомъ, который при безмолвіи ночи, огласилъ на нѣсколько миль кругомъ всѣ окрестности. Между-тѣмъ, хранитель коронныхъ драгоцѣнностей, господинъ *Свифтъ*, котораго древнее имя значитъ *проворный*, *дѣятельный*, уже оправдалъ

Digitized by Google

свое прозвище, перенеся, съ помощію своихъ подчиненныхъ, всѣ регаліи, сначала къ коменданту Товера, а потомъ къ бриллiантщикамъ *Рундель* и *Бриджу*. Эти господа изготовляютъ драгоцѣнности для большей части европейскихъ владѣтелей, и бюджетъ ихъ гораздо огромнѣе бюджета многихъ изъ государей, которымъ они поставляютъ эти вещи. Наконецъ, весь сводъ арсенала обрушился. Горящіе обломки, которые бросало на далекое разстояніе; волны народа, которыя залили всѣ сосѣднія улицы и представляли безпрерывный приливъ и отливъ; крики толпы въ то время, когда пожаръ усиливался и принималъ новый видъ; атмосфера, наполненная горящими частицами, воспламененными атомами, красными парами; вой набата; свистъ трубъ; вѣчный гулъ Темзы, который смѣшивался со всѣми этими звуками, — составляли огромный оркестръ въ тысячу инструментовъ, зрѣлище съ тысячью оттѣнками, которые поразили бы васъ ужасомъ. Нѣсколько минутъ ночь замѣнилась внезапнымъ свѣтомъ дня и тогда мы увидѣли матросовъ на корабельныхъ снастяхъ; кровли, озаренныя ослѣпительнымъ бѣлымъ блескомъ; колокольни; отдаленные горизонты и даже большія зданія предмѣстій и окрестныхъ деревень: словно картина нашего живописца Мэртина. Послѣ этого яркаго сіянія, мракъ снова сгустился, и только виднѣлся огонь, пожиравшій Башню Bowyer, пламя красное и уже утихающее. Къ тремъ часамъ утра распространеніе пожара было пресѣчено, и огонь, лишенный пищи, началъ понижаться. Вѣтеръ перемѣнился и, перейдя отъ сѣверовостока къ югу, спасъ Бѣлую Башню, замѣчательнѣйшее изъ этихъ старыхъ зданій.

«Вы знаете мою привязанность къ прошедшему и вы смѣетесь надъ ней. Повѣрьте мнѣ, въ этой любви къ прошедшему много будущности; эта любовь къ прошедшему есть настоящій патріотизмъ. Вы уничтожаете своихъ предковъ, подрываете почву, на которой живете. Вы отрицаете прошедшее: — завтра васъ будутъ отрицать. Вы не признаете отцовъ своихъ: — дѣти ваши не будутъ признавать

Digitized by Google

васъ. Чѣмъ же вы будете въ великомъ превращеніи народовъ? Песчинками, за которыми слѣдуютъ другія песчинки, вращающіяся по волѣ случая въ вихрѣ всемірной исторіи. Стоитъли для этого родиться и еще выказывать такія огромныя притязанія?

«Признаюсь вамъ: въ моихъ глазахъ, разрушеніе Товера — страшное предзнаменованіе. На возстановленіе Башни Bowyer и арсенала потребуется какой-нибудь милліонъ фунтовъ стерлинговъ. Но кто возвратитъ намъ всѣ эти воспоминанія, всѣ эти древности, всѣ эти погибшіе обломки прошедшаго? Это-то меня и сокрушаетъ. Мнѣ кажется, что англійскій феодализмъ готовъ сравняться съ этими дымящимися кучами, и что подъ развалинами башни Bowyer погребенъ еще періодъ жизни народовъ.»

ЕЩЕ ПОПЫТКА ПРОБРАТЬСЯ ПО НИГЕРУ ВО ВНУТРЕННОСТЬ АФРИКИ. Убѣдясь опытами, стоившими огромныхъ пожертвованій, что западный берегъ Африки почти совсѣмъ неспособенъ для населенія, англійское правительство съ давняго времени пытается завести во внутренности страны колонію, гдѣ бы можно было селить невольниковъ, освобождаемыхъ на морѣ ея крейсерами и высаживаемыхъ до-нынѣ въ Сіерра-Леонѣ, гдѣ они почти всѣ гибнутъ отъ бѣдности и болѣзней. Если эта колонія возможна, то, безъ сомнѣнія, только на Нигерѣ, единственной рѣкѣ, текущей на восточной сторонѣ отъ горъ, которыхъ западный склонъ отличается такимъ нездоровымъ климатомъ. Многія уже экспедиціи, отправленныя по Нигеру для открытій, окончились неудачно, потому-что съ перваго шага ужасныя лихорадки губили людей и разстроивали наилучше составленные экипажи. Не теряя бодрости, англійское правительство предположило, что, доставивъ новой экспедиціи средства быстро проплыть окруженное болотами устье Нигера, можно будетъ избѣжать бѣдствій, постигавшихъ прежнихъ плавателей. Въ этомъ предположеніи построили для новой экспедиціи три парохода, названные: *Альбертъ*, *Вильберфорсъ* и *Саудань* (Albert, Wilberforce, Soudan), снабдили ихъ всѣми пособіями и средствами, какія только можно было придумать, назначили людей са-

Digitized by Google

мыхъ лучшихъ и опытныхъ. Экспедиція вышла изъ Темзы въ море въ Маѣ 1841 года, прибыла къ Нигеру 20 Августа и черезъ шесть дней остановилась въ Эбое, въ 120 морскихъ миляхъ (слишкомъ 208 верстахъ) отъ моря, проплывъ все болотистое устье Нигера. До-тѣхъ-поръ все шло удачно, температура воздуха была умѣренная, и никто изъ людей экипажа не подвергся опасной болѣзни. Втораго Сентября пароходы достигли уже Идды (Iddah), проплывъ еще 90 миль (около 156 верстъ); но тамъ мѣстныя лихорадки начали свирѣпствовать. Одиннадцатаго числа прибыла экспедиція къ тому мѣсту, гдѣ Нигеръ сливается съ Чаддою (Tchadda), удалясь отъ моря на 300 миль (болѣе 520 верстъ); но уже сорокъ шесть человѣкъ изъ европейцевъ, составлявшихъ экспедицію, были больны опасно. Ихъ отправили на *Саудакъ* обратно къ морю, и рѣшили, чтобы остальные два парохода поплыли далѣе, *Альбертъ* вверхъ по Нигеру, а *Вильберфорсъ* по Чаддѣ. Но въ тотъ же самый день, къ вечеру, на послѣднемъ изъ этихъ пароходовъ появились безпрерывно припадки болѣзней, еще ужаснѣе прежнихъ. Командиръ, ботаникъ, минералогъ и двое другихъ чиновниковъ экспедиціи, равно многіе матросы и морскіе солдаты, захворали въ теченіе вечера. Вскорѣ оказался недостатокъ въ людяхъ для управленія пароходомъ, и на третій день *Вильберфорсъ*, забравъ больныхъ съ *Альберта*, отправился обратно по Нигеру. Неустрашимый командиръ *Альберта*, капитанъ Троттеръ, оставшись одинъ, не хотѣлъ еще отказаться отъ начатаго предпріятія, и писалъ 21 Сентября: «Новые припадки болѣзней, появляющіеся «съ быстротою молніи, въ самомъ дѣлѣ представляютъ «что-то ужасное; однакожъ я не думаю еще, чтобы *Альберту* пора уже было отказаться отъ достиженія своей «цѣли. Черезъ часъ, можетъ-быть, невозможно будетъ по«ступить иначе.» Задержанный необходимостію достать дровъ и постепеннымъ ослабленіемъ экипажа, онъ прибылъ не ранѣе, какъ 28 Сентября въ Эггу (Egga), отстоящую на 54 или на 60 миль (около 105 верстъ) отъ того мѣста, гдѣ Нигеръ сливается съ Чаддою, и на 110 миль (575 слишкомъ верстъ) отъ моря. Это была крайняя точка, которой экспедиція могла достигнуть, потому-что необхо-

Digitized by Google

димо было воротиться: на пароходѣ осталось только изъ европейцевъ три матроса и одинъ офицеръ, которые были въ силахъ отправлять службу. Такъ кончилась эта экспедиція, которой одно снаряженіе стоило Англіи, какъ говорятъ, до трехъ милліоновъ рублей. По послѣднимъ извѣстіямъ, остатки экипажей трехъ пароходовъ прибыли къ островамъ Вознесенія и Фернандо-По, гдѣ прилагаютъ о больныхъ всевозможное попеченіе. Надѣются, что бо́льшая часть изъ нихъ выздоровѣетъ. Въ свое время сообщимъ нашимъ читателямъ извлеченіе изъ замѣчаній и наблюденій, произведенныхъ этою экспедиціею, какъ скоро будетъ изданъ въ Англіи журналъ ея.

ЧТО ТАКОЕ ВО ВНУТРЕННОСТИ ПЯТОЙ ЧАСТИ СВѢТА? Извѣстно, что Новая Голландія почти равняется своею поверхностію Европѣ; но въ ней, по свѣдѣніямъ 1839 года, считается до-нынѣ только 114,386 жителей, и почти вся эта огромная страна, эта пятая часть свѣта совершенно неизвѣстна. Одни ея берега отчасти изслѣдованы, а что́ такое въ ея внутренности — это еще непроницаемая тайна. Что́ тамъ такое? Можетъ-быть, растутъ тамъ превосходныя деревья, которымъ нѣтъ подобныхъ на всемъ земномъ шарѣ, зрѣютъ вкусные плоды, о которыхъ мы и понятія не имѣемъ, водятся рыбы, птицы и звѣри особыхъ, еще невиданныхъ породъ; можетъ-быть тамъ шумятъ водопады великолѣпнѣе и огромнѣе Ніагарскаго, текутъ рѣки вдвое или втрое шире нашей Волги, красуются горы выше и живописнѣе Альпійскихъ; можетъ-быть тамъ богатые, еще никѣмъ не тронутые съ созданія міра запасы серебра и золота; можетъ-быть тамъ розсыпи золотоносныхъ песковъ, которые въ десять, двадцать, во сто разъ богаче нашихъ сибирскихъ. Неужели вся эта страна, величиною почти съ цѣлую Европу, во внутренности необитаема, и на этомъ огромномъ островѣ всего-навсе жителей, и то прибрежныхъ, не съ большимъ сто тысячъ, то есть въ-четверо менѣе, чѣмъ у насъ, въ одномъ Петербургѣ, или не многимъ болѣе, чѣмъ на Васильевскомъ Острову. Можетъ-быть находятся тамъ государства, великолѣпные города, образованные по-своему жители,

Digitized by Google

которые никогда не переступаютъ своихъ завѣтныхъ, непроходимыхъ горъ, опоясывающихъ, сколько извѣстно, всю Новую Голландію. Мало ли что́ можетъ быть и не быть, но покуда — внутренность пятой части свѣта извѣстна намъ не болѣе областей, находящихся на лунѣ. Англичане уже предпринимали нѣсколько экспедицій съ цѣлію проникнуть во внутренность этой страны, но ихъ усилія черезъ нѣсколько дней были останавливаемы или непроходимыми болотами или неприступною цѣпью горъ. Правда, открыли недавно дикое ущелье, чрезъ которое успѣли пробраться чрезъ горы и спуститься по западному ихъ склону, но на бѣду встрѣтились непроходимыя болота, которыя принудили смѣлыхъ изыскателей воротиться назадъ. Пробовали, наконецъ, по рѣкамъ проникнуть во внутренность страны, но и тутъ неудача: всѣ, до-нынѣ извѣстныя намъ, рѣки истекаютъ изъ той же непрерывной цѣпи горъ, которая встрѣчается тамъ вездѣ за нѣсколько миль отъ моря, или же вытекаютъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ своего впаденія въ море, изъ болотистыхъ лѣсовъ, куда ни лодки, ни люди не могли пробраться. Однако жъ англійское постоянство не слабѣетъ отъ неудачъ, и попытки всё еще продолжаются. Послѣдняя изъ нихъ предпринята была капитаномъ Греемъ (Grey), который въ награду за свою смѣлость назначенъ губернаторомъ южной Австраліи. Въ Лондонѣ напечатана его книга, заключающая въ себѣ журналъ двухъ предпринятыхъ имъ экспедицій. Вотъ что́ онъ, между прочимъ, разсказываетъ:

«Вечеромъ 2 Декабря 1837 года (не надобно забывать, что Декабрь на южномъ полушаріи самый теплый и пріятный мѣсяцъ, какъ нашъ Іюнь, а тамошній Іюнь холоденъ и снѣженъ какъ нашъ Декабрь), и такъ въ прекрасный лѣтній день Декабря корабль нашъ бросилъ якорь въ портѣ Георгія IV, на сѣверо-западномъ берегу Новой Голландіи. Поздно было сходить на землю. На другой день первые лучи восходящаго солнца застали меня на палубѣ, облокотившимся о бортъ моего корабля. Я разсматривалъ эту страну, о которой столько мечталъ прежде, къ которой совершилъ такое длинное путешествіе. Я, конечно, не ожидалъ отъ нея слишкомъ улыбающейся наружности, но,

Digitized by Google

признаюсь, не ожидалъ и такого дикаго вида. Прямо, передо мной, и справа, и слѣва, на разстояніи, какое только могъ обнять взоръ, я видѣлъ только поясъ изъ крутыхъ холмовъ, прерванныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песчаными полосами, а за этими холмами простиралась цѣпь горъ непроходимыхъ и покрытыхъ густымъ лѣсомъ. Время было прекрасное, море тихо; мы предприняли, для перваго опыта, проникнуть по сухому пути до губы Ганноверской, отстоящей только на нѣсколько миль отъ порта Георгія (George). Мы вышли на берегъ съ веселымъ сердцемъ, хотя этотъ берегъ былъ самый ужасный, какого я нигдѣ не видывалъ. На немъ были не горы, а развалины горъ, огромные обломки скалъ, наваленные одни на другіе въ страшномъ безпорядкѣ и покрытые во многихъ мѣстахъ скользкимъ мохомъ, по милости котораго мы на каждомъ почти шагу падали. Деревья были малорослы и такъ бѣдны листьями, что они вовсе не защищали насъ отъ палящаго солнца, которое такъ разогрѣвало песчаную почву земли, что нельзя было къ ней приложить руки. Усталость вскорѣ принудила насъ остановиться. Изъ трехъ собакъ, которыхъ мы взяли съ собою, одна потерялась посреди этого лабиринта скалъ, другая убилась, упавши съ высоты, а третья, не найдя нигдѣ воды, отъ жару взбѣсилась.» Всѣ прочіе дни, которые капитанъ Грей употребилъ на свои изысканія, похожи на первый, описанный выше. Не смотря на свое постоянство, на свои усилія и неслыханные труды, онъ не могъ никогда проникнуть въ таинственную страну болѣе, чѣмъ на двадцать миль отъ берега, то есть на 104 или на 105 верстъ. Это мало, слишкомъ мало! И огромный островъ, почти равняющійся Европѣ, со своими невиданными и неслыханными плодами, деревьями, птицами, звѣрями, водопадами, богатѣйшими рудниками и золотыми розсыпями, — которыхъ, кто знаетъ, можетъ-быть и нѣтъ, — остается по-прежнему для насъ загадкой.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ТОРЖЕСТВО РИМСКОЙ ПРОПАГАНДЫ. Римская Пропаганда, какъ извѣстно, имѣетъ ежегодное собраніе въ первое воскресенье послѣ Крещенія.

Digitized by Google

Нынѣшнее, девятаго Января 1842, было особенно разнообразно. Множество знатныхъ иноземцевъ, въ томъ числѣ принцъ Фридрихъ Прусскій и великая герцогиня Мекленбургъ-Стрѣлицкая, главнѣйшіе кардиналы, епископы и прелаты, знать римская, присутствовали при этой сценѣ вавилонскаго смѣшенія.

Уроженецъ Филадельфіи открылъ академическій актъ вступительною рѣчью на латинскомъ языкѣ, въ которой говорилъ о цѣли собранія. За нимъ слѣдовали языки:

Голландецъ, съ еврейскимъ стихотвореніемъ. Уроженецъ острова Кипра, со стихами раввинскими. Маронитъ (житель ливанскихъ горъ, въ Сиріи), по имени Абдаллахъ Ассемани (то есть, Ѳеодулъ Симоновъ), съ рѣчью на сирійскомъ языкѣ. Уроженецъ Виѳлеема, со стихами на самаританскомъ и древнемъ халдейскомъ языкѣ. Халдеецъ читалъ на природномъ языкѣ. Американецъ изъ Чарлстона — латинскую элегію. Житель Алеппа — собственную поэму, на арабскомъ языкѣ. Благозвучіе и пѣвучесть арабскаго стиха особенно понравились слушателямъ. Константинополитанецъ — по-турецки. Армянинъ — по-армянски, на книжномъ и народномъ языкѣ. Персіянинъ — по-персидски. Аббасъ Дагда (родомъ съ Ливана) представилъ образецъ сабейскаго нарѣчія. Ирландецъ читалъ италіянскій сонетъ. За тѣмъ слѣдовали языки древне-греческій и новогреческій. Два Индѣйца изъ Пегу разговаривали на природномъ нарѣчіи. Мекъ-Олиффъ, уроженецъ мадрасскій, читалъ тамульскіе стихи. Халдеецъ изъ Діарбекира — курдскіе. Грузинецъ — грузинскіе. Житель Анкиры (въ Малой Азіи) прочелъ итальянскіе стихи, которые заслужили хвалу взыскательныхъ Римлянъ. За тѣмъ слѣдовали стихи и рѣчи кельтскіе, ирландскіе, шотландскіе, иллирійскіе, болгарскіе и польскіе. Нѣмецъ изъ Падерборна прочелъ латинскую эпиграмму, а вслѣдъ за нимъ Альбертъ Никола, изъ Кобленца, прочелъ превосходную поэму: «Рожденіе Спасителя,» которой высокая поэзія исторгла рукоплесканія у всѣхъ присутствовавшихъ. Говорившій послѣ него Дублинецъ не такъ понравился своими англійскими стихами; также и Голландецъ своими голландскими. За нимъ выступилъ уроженецъ Гоа

Digitized by Google

и говорилъ на конканскомъ языкѣ, которымъ говорятъ Индусы въ Гоа. Іоаннъ Сканделла, изъ Гибралтара, читалъ испанскій мадригалъ; далѣе выслушаны были стихи португальскіе, французскіе, каталонскіе, албанскіе (шкипетарскіе). За тѣмъ вышелъ Африканецъ изъ Шоа, и говорилъ по-амгарски. Послѣ Египтянина съ коптскими стихами, другой Абиссинецъ читалъ рѣчь на ефіопскомъ языкѣ. Всеобщее вниманіе обратили на себя три Китайца, изъ области Шань-си, которые, низко поклонясь публикѣ, прочли китайскую эклогу, которую заключили національною пѣснію. Рукоплесканіямъ не было конца. Четвертый Китаецъ изъ Кантона, долженъ былъ долго ждать, пока уймется шумъ, прежде чѣмъ могъ начать свое гармоническое пѣніе на кантонскомъ нарѣчіи. Ему рукоплескали не менѣе, чѣмъ его тремъ землякамъ. Маленькій Шкипетаръ (Албанецъ), Константинополецъ и Бирманецъ заключили торжество итальянскимъ ringraziamento.

Слушатели разошлись въ умиленіи отъ этого единственнаго въ мірѣ зрѣлища, придуманнаго Пропагандою.

ГРОБНИЦА ЦАРЯ БОРИСА ѲЕОДОРОВИЧА ГОДУНОВА. Много уже лѣтъ тому назадъ читалъ я *Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ* Карамзина, и на меня сдѣлало тогда сильное впечатлѣніе то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о царѣ Борисѣ и объ его гробницѣ, находящейся въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ. «Подлѣ Успенскаго Собора», пишетъ Карамзинъ, «простаетъ въ землю маленькая, желѣзомъ крытая, палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ: царь Борисъ, супруга его, сынъ Ѳеодоръ и несчастная Ксенія. Кто не остановится тутъ подумать о чудныхъ дѣйствіяхъ властолюбія, которое дѣлаетъ людей великими благодѣтелями и великими преступниками? Если бы Годуновъ не убійствомъ очистилъ себѣ путь къ престолу, то исторія назвала бы его славнымъ государемъ; и царскія его заслуги столь важны, что русскому патріоту хотѣлось бы сомнѣваться въ семъ злодѣяніи. Холодный пепелъ мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба! Глубокая тишина его прерывается только благословеніями или

Digitized by Google

проклятіемъ идущихъ мимо и читающихъ гробовую надпись. Что̀, если мы клевещемъ на сей пепелъ; если несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безсмысліемъ или враждою?,... Но я пишу теперь не исторію; слѣдственно не имѣю нужды рѣшить дѣла, и признавая Годунова убійцею святаго Димитрія, удивляюсь небесному правосудію, которое наказало сіе злодѣйство столь ужаснымъ и даже чудеснымъ образомъ.»

Такъ писалъ Карамзинъ въ 1803 году. Въ томѣ своей Исторіи Государства Россійскаго, изданномъ въ 1824 году, онъ рѣшительно обвинилъ Бориса. Новѣйшіе наши писатели рѣшительно его оправдываютъ. Но нельзя не сознаться, что смерть царевича Димитрія еще до-нынѣ покрыта тайною, и, по моему убѣжденію, не рѣшенъ еще вопросъ: прямо ли виновенъ въ ней или невиновенъ Борисъ Ѳеодоровичъ? Въ одномъ изъ послѣдующихъ нумеровъ Сына Отечества, читатели увидятъ и наше мнѣніе объ этомъ вопросѣ, въ статьѣ: *Юридическое преслѣдованіе Угличскаго дѣла.* Въ 1834 году былъ я въ Угличѣ, осмотрѣлъ дворецъ царевича Димитрія и его положеніе окрестности, и повѣрилъ повѣствованія лѣтописцевъ и писателей на самомъ мѣстѣ событія. Потомъ былъ я въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, гдѣ молчаливая гробница царя Бориса Ѳеодоровича произвела на меня еще гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ краснорѣчивое описаніе Карамзина. Я снялъ видъ этой гробницы посредствомъ камеръ-обскуры. Онъ прилагается, награвированный, къ нынѣшней книжкѣ Сына Отечества. Объяснимъ этотъ видъ. Слѣва видна часть Успенскаго Собора. Подлѣ его паперти — построенная изъ камня гробница, покрытая черною, желѣзною кровлей. Съ краю погребена царица, подлѣ нея Борисъ, потомъ Ксенія и Ѳеодоръ. Справа, на первомъ планѣ картинки, вы видите зданіе, похожее на колокольню. Во внутренности его колодезь, тотъ самый, который поилъ героевъ Лавры во время достопамятной ея осады. За деревьями видна глава церкви, въ которой покоятся мощи Святаго Сергія. На желѣзной двери этого храма сохранилось еще отверстіе, пробитое ядромъ непріятельскимъ во время той же осады.

Digitized by Google

Но въ краткой статьѣ невозможно исчислить всѣхъ достопримѣчательностей знаменитой Лавры. Описанію ея, мы посвятимъ въ послѣдствіи особую статью. — *Ред. С. О.*

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

—Господинъ Эйнерлингъ предпринялъ *пятое* изданіе *Исторіи Государства Россійскаго Н. М. Карамзина.* Оно будетъ напечатано въ трехъ томахъ, съ полными примѣчаніями, и украсится портретомъ автора, гравированнымъ, на сталѣ, въ Лондонѣ. Первый томъ, который будетъ заключать въ себѣ четыре прежнихъ, выйдетъ, какъ слышно, въ будущемъ Мартѣ. Мы видѣли пробные листы, и можемъ засвидѣтельствовать, что это изданіе будетъ прекрасное. Въ особенности *полныя* примѣчанія придадутъ ему большую пользу и цѣну.

— На дняхъ получено здѣсь изъ Москвы новое произведеніе одного изъ любимѣйшихъ писателей русской читающей публики, М. Н. Загоскина, подъ заглавіемъ: *Кузма Петровичъ Мирошевъ, русская быль временъ Екатерины II.* Объ этомъ литературномъ явленіи мы дадимъ подробный отчетъ въ слѣдующей книжкѣ Сына Отечества.

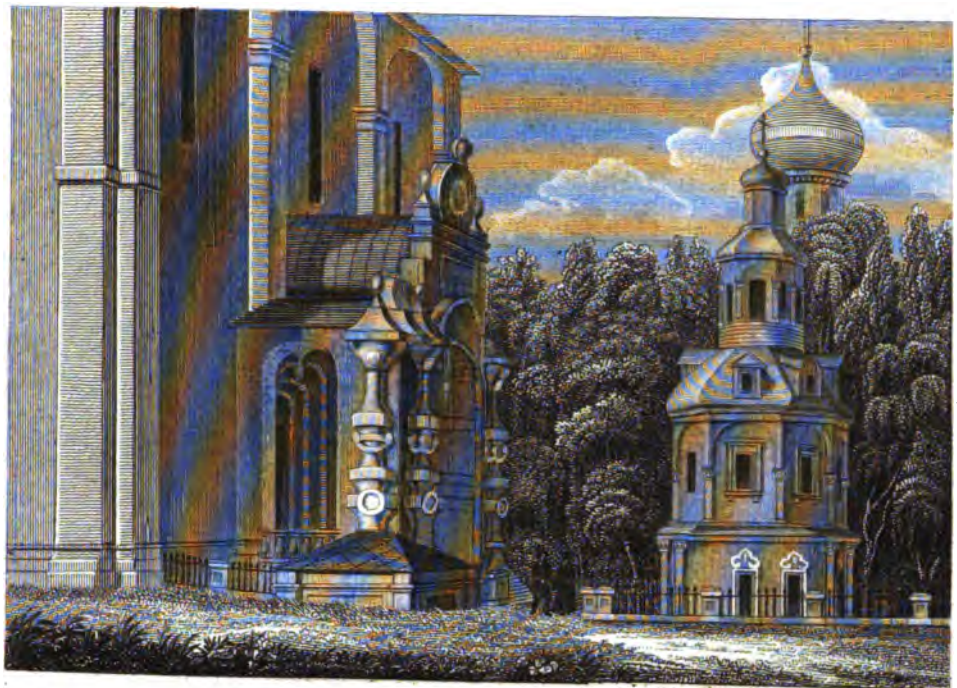
ПОПРАВКИ.

Въ статьѣ *Хива*, помѣщенной въ V Отдѣленіи январской книжки Сына Отечества, на страницѣ 36, напечатано: *Гезарь-Эспъ* (100 лошадей) вмѣсто Гезаръ-Эспъ (1000 лошадей).

Въ *Смѣси* нынѣшней книжки на стр. 31, въ самой нижней строкѣ должно исключить: *не.*

Digitized by Google

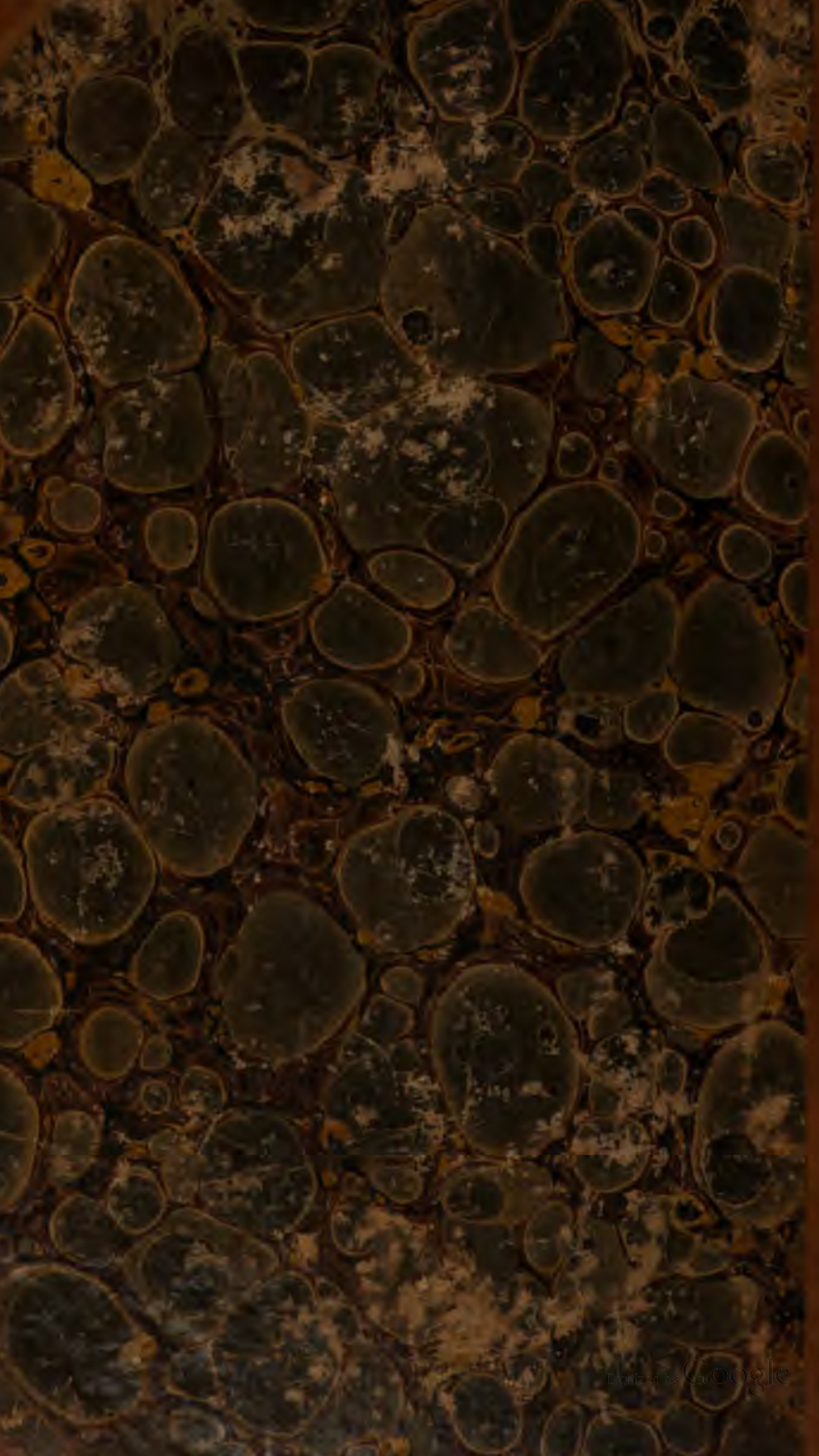
Digitized by Google



Гробница Царя Бориса Годунова.

Digitized by Google

2733

Digitized by Google

Digitized by Google